

На правах рукописи

Сергей Павлович ЩАВЕЛЁВ

**СУДЬБЫ ИСТОРИЧЕСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ
ЮЖНОЙ РОССИИ
И ИХ МЕСТО В ЕЁ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ
XVII–XX ВЕКОВ
(По материалам археолого-этнографического изучения
Курского края)**

Специальность:
07. 00. 02 — отечественная история

А в т о р е ф е р а т
диссертации на соискание учёной степени
доктора исторических наук

Курск 2002

Работа выполнена на кафедре истории России Воронежского государственного университета.

Официальные оппоненты:

доктор исторических наук, профессор Г.Р. Наумова;
доктор исторических наук, профессор А.Д. Пряхин;
доктор исторических наук, доцент Е.А. Шинаков.

Ведущая организация — Институт археологии РАН.

Защита состоится _____ в часов на заседании диссертационного совета Д. 063. 48. 10 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора исторических наук в Воронежском государственном университете по адресу: 394693, г. Воронеж, Университетская площадь, д. 1. Конференц-зал.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Воронежского государственного университета.

Автореферат разослан __ _____ 2002 г.

Ученый секретарь диссертационного совета,
доктор исторических наук, профессор _____ А.Г. Глебов

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования — нескольковекового, поэтапного освоения русскими учёными-гуманитариями и краеведами-любителями разнообразных памятников истории и культуры своей страны, отдельных её районов — постоянна как в академически-познавательном, так и в практически-прикладном своих аспектах. Историческое самопознание российского народа и в гуманитарной науке (разных её

разделах), и на практике (массовых настроений, педагогического просвещения, политико-идеологических технологий тесно связано с региональным, областническим подходом к соответствующим материалам. Процессы глобализации на международном, унификации на национально-государственном уровнях прихотливо сочетаются с сохранением культурно-исторического своеобразия отдельных местностей, поселений и землячеств, особенно в таких обширных странах с полиэтничным населением, как Россия. Не случайно локализация (или же регионология) за последние годы обретает, наконец, достойный своего значения статус в структуре исторического познания¹. Тем более, что местные деятели и организации занимались краевыми древностями по большей части в тесном взаимодействии с центральными органами науки и просвещения, столичными специалистами. Цельное понимание предпосылок и перспектив отечественной культуры предполагает учёт такого рода информационных и личностных взаимосвязей.

Мера изученности проблем археорегионалистики^{*} прояснилась на очередном переломе истории российского общества в 1990-е – 2000-е гг., когда снова оказался востребован опыт работы и реабилитированы духовные ценности предшественников — многих поколений деятелей русской науки и культуры. Их творческое наследие оказалось сохранено и оценено весьма неравномерно. Ретроспектива таких отраслей гуманитарных исследований, как история, архивистика, археология, этнография, фольклористика, антропология и т.п., выглядела до недавнего времени в учебной и монографической литературе весьма выборочно — куцым рядом “титულных”, “канонизированных” (в рамках той или иной идеологии) фигур своих корифеев. Гораздо большее число авторов и деятелей, особенно живших и трудившихся в провинции, над её “живой” и “мёртвой” стариной, пребывало в полном или частичном забвении. Между тем, их архивированное, музеефицированное и печатное наследие

¹ См.: Акиншин А.Н., Ласунский О.Г. Региональный фактор в изучении российской истории // *Общественная жизнь в Центральной России в XVI – начале XX вв.* Воронеж, 1995; Гомаюнов С.А. Проблемы методологии местной истории. Киров, 1996; Основания регионалистики. Формирование и эволюция историко-культурных зон / Под ред. А.С. Герда, Г.С. Лебедева. СПб., 1999; Методология региональных исторических исследований. Материалы международного семинара. СПб., 2000; Юрченков В.А. Региональная историография: российский опыт // *Регионология.* 1993. № 1.

^{*} Терминологический неологизм *археорегионалистика* предлагается нами ради компактного обозначения всего круга исторических предпосылок и источников провинциальной культуры (собственно археологических, а также тесно с ними связанных этнографических, фольклористических, архивно-документальных, антрополого-демографических и т.д.). В сходном значении используется ниже русифицированное понятие *древлеведения*.

представляет сегодня несомненный интерес для истории и гуманитарной практики.

За последние годы былым представителям исторической и прочих общественных наук из российской провинции уделяется всё большее внимание. Оказалось, что без учёта вклада областной, крае-ведческой мысли и организации картина развития отечественной науки и всей остальной культуры явно неполна, обеднёна. Кроме множества отдельных публикаций более или менее частного характера, сравнительно недавно увидели свет панорамные обзоры исторической регионологии Московской земли, Поволжья, Русского Севера, Урала, Сибири, Алтая, Воронежского Подонья, Вятского, Муромского, Тульского, некоторых других краёв России, а также Белоруссии и Украины ². Настоящая диссертация и готовившие её публикации автора ³ дополняют этот тематический ряд за счёт ещё одного субъекта Российской Федерации, чьи древности и этапы их изучения представляются характерными для её европейской, в особенности южной части.

Важность данной тематики осознаётся не только отечественными, но и зарубежными историками-русистами. Так, в недавно подготовленном американцами новаторском труде “Видение, институты и опыт России периода империи” XVIII – первой половины XIX вв. вторая его часть именуется “Представления об империи”. В ней анализируются проекты организации Русского национального музея и Императорского Русского Географического общества [ИРГО] — с точки зрения манифестации исторического прогресса России, её уникального опыта собирания разных народов в единое государство с самобытной культурой. Авторы

² См.: Алексеев Л.В. История белорусской археологии. Минск, 1994; Археология Сибири: историография и источники. Омск, 1996; Бердинских В.А. Вятские историки. Киров, 1991; Богуславский В.В. Тульские древности. Энциклопедический словарь-справочник. Тула, 1995; Винников А.З., Синюк А.Т. По дорогам минувших столетий. Археологи о древней истории Воронежского края. Воронеж, 1990; Глаголева О.Е. Русская провинциальная старина. Очерки культуры и быта Тульской губернии XVIII – первой половины XIX. Тула, 1993; Дёмин М.А. Первооткрыватели древностей. Барнаул, 1989; Камбалов Н., Сергеев А. Первооткрыватели и исследователи Алтая. Барнаул, 1966; Краеведы Москвы. Историки и знатоки Москвы. М., 1997; Матющенко В.И. История археологических исследований Сибири (до конца 1930-х гг.). Омск, 1992; Его же. Сибирская археология в 1940-е – 50-е гг. Омск, 1994; Орешина М.А. Россия региональная: теоретико-методологические аспекты изучения. М., 2000; Пряхин А.Д. Археология... Наследие. Воронеж, 1988; Его же. Археологи уходящего века. Воронеж, 1999; Сидоров В. Исследование края башкирского. Век XVIII. Уфа, 1997; Флейман Е.А. Краеведение в Поволжье. Кострома, 1995; Формозов А.А. Следопыты земли Московской. М., 1988; др.

³ См.: Щавелёв С.П. Первооткрыватели курских древностей. Очерки истории археологического изучения южнорусского края. Вып. 1–3. Курск, 1997–2002; др.

указанного раздела стремятся показать, что “наука играла свою роль в оформлении концепции империи, а империя и народность — в формировании научных концепций”⁴.

В нашей работе, между прочим, рассматривается и указанный, и готовивший его, и последующие периоды русского исторического самосознания. В том числе взаимодействие ИРГО с провинциальными представителями этнографии, истории и других отраслей гуманитарного знания; затрагивается вопрос о реальном создании Русского Исторического музея на Красной площади Москвы, начало которому положили коллекции древностей, полученные с помощью раскопок в провинции и при участии губернских и уездных любителей старины. Названные сюжеты далеко не исчерпывают тематического репертуара исследований общественно-политического и этнокультурного значения отечественных древностей, но дают независимое представление об эвристичности таких работ.

Объект рассмотрения определялся автором как по степени его обеспеченности архивными, вообще документальными источниками; так и по его типичности, так сказать прецедентности на общероссийский масштаб истории науки и культуры. В качестве достаточно показательного, своего рода модельного избран весьма типичный для южной, а в значительной степени и для всей центральной европейской России *регион* — *Курский край*. Сформировавшись вокруг поречья р. Сейма, этой географической сердцевины летописного объединения восточных славян “Север” (IX–X вв.); развиваясь (с XI в.) вместе со всем Древнерусским государством; оказавшись затем на пограничье Руси и Орды (XIII–XIV вв.), Литвы и Московии (XV–XVI вв.); войдя (с начала XVII в.) в состав Московского царства, Курск и его округа с тех пор накопили весь возможный в Европе репертуар памятников старины — вещественных и словесных, топографических и этнологических, документально-архивных и архитектурных. Поэтому весьма репрезентативно оказалось рассмотрение исторических древностей именно этой земли, её взаимосвязей со столичными центрами и с прочими регионами страны по части широко понятого древлеведения.

⁴ Цит. по: Миронов Б.Н. Новое видение истории России XVIII – первой половины XIX века // Вопросы истории. 2001. № 11–12. С. 154.

Уточнённые при участии автора ⁵ рубежные вехи истории города и области Курска выглядят следующим образом: первое упоминание в письменных источниках ("Житии Феодосия Печерского") относится к началу 1030-х гг.; в летописании ("Поучение" Владимира Мономаха) — около 1066; Курское княжество фигурирует там с 1095 (и по 1290 гг.); после чего на части его территории татаро-монголами основано баскачество; в 1360-х – 70-х гг. "Курская тьма" отходит Великому княжеству Литовскому; сам "Курескъ на Тускоре" упоминается в "Списке русских городов..." (не позднее 1381) и в трактате князя Свидригайло Ольгердовича (за 1402); в 1596 на Курском городище возводится крепость Московского государства; с 1708 Курская земля составляет части Киевской и Азовской губерний; с 1719 — части Белгородской и Севской провинций Киевской губернии; в 1728 их вобрала в себя Белгородская губерния; в 1779 вместо неё образовано Курское наместничество; в 1797 оно переименовано в губернию; в 1799 тут введено гражданское губернаторство. О дальнейших административных судьбах данного региона известно лучше.

Таким образом, в лице *Курского Посеймья* перед нами многовековой образец тех жизненных реалий, что соответствует культурно-историческому понятию "регион" (он же, если не требуются терминологические тонкости, "край" или "местность", "земля", "область" в усредненном, современном значении этих слов), чьи границы во времени и пространстве то совпадают с условно-административными, то отличаются от них. В основе регионализации — жизнедеятельность субэтнической общности людей-земляков, осуществляемая при климате и ландшафте, прочих природных условиях определённого типа, тех или иных внутривнутриполитических и международных обстоятельствах. В этой связи нельзя не заметить, что *регионим "куряне"* — одно из самых ранних и устойчивых земляческих определений в истории Руси-России, фигурирующее в источниках с домонгольских времен (летописи, "Слово о полку Игореве") и непрерывно до наших дней, т.е. около тысячи лет. Применительно к теме диссертации важны не столько различия, сколько поэтапная преемственность между отдельными отрезками развития данного региона: от потестарного объединения славян—"семцев" — к

⁵ См.: Щавелёв С.П. Подвиг во имя христианских идеалов: образец Св. Феодосия Печерского (новая хронология) // Святой князь Михайло Чернігівський та його доба. Чернігів, 1996; Его же. Курское Посеймье в "Поучении" Владимира Мономаха // Россия и Украина на пороге XXI века. Общность исторических судеб и сотрудничества славянских народов. Воронеж, 1997; Его же. Курск в XIII–XVI вв.: между Ордой, Литвой и Москвой // Территория и население Центра России в X–XX вв. Воронеж, 2000; Зорин А.В., Раздорский А.И. Щавелёв С.П. Курск. История города Курска от Средневековья к Новому времени: X–XVII вв. Курск, 1999.

удельному княжеству державы Рюриковичей, Киевской Руси; через монгольский разор, подчинение Орде и литовское подданство — к военному укрепайону Московского царства; затем наместничеству, губернии император-ской России и, наконец, области СССР, ныне Российской Федерации. Некоторая изменчивость и проницаемость границ курских зе-мель за последнее тысячелетие не нарушали намного и надолго их исходного политико-географического ядра.

Предметом исследования в диссертации служит отношение рос-сийского государства и общества к памятникам истории и культуры (прежде всего археологическим, а также этнографическим, фольк-лорным, архитектурным, архивным); генезис, эволюция, вариации этого отношения на протяжении XVII–XX вв.; взаимодействие сто-личных центров и периферии на поприще древлеведения. Просле-живаются разные, но взаимосвязанные стороны освоения региональ-ных древностей — как духовно-теоретическая (научно-академиче-ская и любительско-краеведческая), так и предметно-практическая (поисковая, инвентаризационная, охранно-реконструктивная, музее-фикационная, просветительско-пропагандистская).

Понятие “археология” появилось на русском языке в качестве общеупотребительного в начале XIX в. Довольно долго оно исполь-зовалось в гораздо более широком значении, нежели сегодня. Тогда этому термину давался в России по сути дословный перевод — “древлеведение”, наука об исторических памятниках, всех без исключения. Не только о вещественных остатках далекого прошлого, в большинстве своем скрытых под землей, но и о старинной письмен-ности, первопечатной книжности, фольклоре, исторической геогра-фии, обычном праве, архитектуре, иконописи, художественных ре-меслах и других образцах изобразительного искусства минувших столетий. Археологами в ту пору именовали как тех, кто с научными целями раскапывал городища и курганы, так и знатоков старинных рукописей, собирателей книжных и прочих раритетов. Так, историк Н.И. Костомаров в 1875 г. называл “археологическим занятием” “чтение старых бумаг”; “археологом-юристом” слыл известный пра-вовед и архивист Н.В. Калачов; “археологом русского слова” звался виднейший наш фольклорист А.Н. Афанасьев; и т.д.

Особенно разносторонний характер приобрела и долго сохраня-ла русская археология в провинции. Там сложился особый тип ар-хеолога-любителя, низового историка, который, по определению академика-филолога И.И. Срезневского, “не упускал из вида ни ру-кописи, ни монеты, ни грамоты, ни креста и иконы, ни церкви и кладбища, все отмечал, списывал, описывал, все сводил в любопыт-ные статьи и книги”

⁶. Такого рода подвижникам познания и просвещения из числа курян посвящено настоящее исследование. А вместе с ними — тем профессиональным ученым из столичных университетов и академических обществ, служащим центральных учреждений, что начинали и продолжали планомерное изучение юга России с позиций гуманитарного знания.

Закономерный процесс углубления, специализации гуманитарных исследований на протяжении XX в. сузил понятие археологии, привёл к более строгому разграничению отдельных исторических дисциплин. Одни из них (вроде этнологии или фольклористики) ушли дальше от археологии в современном, собственном смысле термина; другие (нумизматика или, скажем, топонимика) сохраняют с ней более тесное взаимодействие. В итоге возобладало уточненное значение археологии, как "науки, изучающей древнейшие этапы истории путем исследования памятников материальной культуры" ⁷. Поэтому основное внимание в диссертации уделено находчикам, публикаторам и толкователям именно археологических памятников Курского и сопредельных ему краев. Вместе с тем, более или менее подробно затронуты собственно исторические, этнографо-антропологические, архивные, филологические, естественнонаучные аспекты здешней старины.

Цель работы — определить значение исторических древностей, расположенные в российской провинции, для общего строя её культуры; и проследить, как формировалось и изменялось отношение государства и разных слоёв населения к историческому наследию своей Родины.

Основная цель работы достигалась благодаря решению следующих *исследовательских задач*:

наметить *общую периодизацию* развития историко-краеведной мысли и практики выявления, охраны, изучения и музеефикации памятников старины (применительно к такому модельному региону, как Курский край, и сопредельные с ним, историко-культурно родственные ему территории России);

рассмотреть основное *содержание каждого этапа* провинциального древлеведения, начиная с донаучной, фольклорно-этнографической предыстории и зарождения интеллектуального, протонаучного интереса к

⁶ Срезневский И.И. Несколько припоминаний о современном состоянии русской археологии // Труды II Археологического съезда. Вып. 1. СПб., 1876. С. 14.

⁷ Формозов А.А. История термина "археология" // Вопросы истории. 1975. № 8. С. 215. Добавим, что тот же термин до сих пор применяется и к разного рода реликвиям последних трех веков (скажем, промышленная археология занимается музеефикацией и реконструкцией устаревшей к сегодняшнему дню техники Нового и даже Новейшего времён; подводная археология изучает затонувшие когда бы то ни было суда).

отечественным древностям в XVII столетии; через развитие профессионально-академического и любительского их изучения в XVIII–XX вв. вплоть до наших дней;

создать *творческие портреты* наиболее типичных и плодотворных представителей академической науки и местного краеведения, занимавшихся поиском, исследованием и сохранением, популяризацией разных видов провинциальных древностей;

охарактеризовать ведущие (на том или ином этапе) *организации провинциальных краеведов*; реконструировать их деловые *взаимо-связи со столичными центрами* науки и просвещения, правительственными и местными органами государственной власти;

выявить и повторно ввести в научный и педагогический оборот некоторые, представляющие особый интерес сегодня *материалы* указанных *лиц и организаций*, касающиеся памятников старины, — биографические данные; архивированные отчеты по изучению наиболее важных, эталонных объектов; ставшую антикварной редкостью литературу на историко-краеведческие темы;

сопоставить взгляды, *идеи и методики* учёных и краеведов прошлых времен по ключевым проблемам истории и культуры избранного региона с современным уровнем их познания; постараться выявить как мифологемы и устаревшие теории, так и незаслуженно забытые, до сих пор актуальные в той же историко-краеведческой связи точки зрения наших предшественников;

учесть *положительные и отрицательные моменты* длительного *опыта историко-краеведного движения* по соотношению теории и практики, науки и идеологии в связи с региональными древностями;

на примере того же края оценить *современное состояние*, основные проблемы и перспективы работы государственных служб и представителей общественности с памятниками региональной истории и культуры.

Степень разработанности проблемы исследования скорее вдохновляет к её дальнейшему изучению, нежели расхолаживает своей завершенностью. В советский период рассмотрение регионального фактора отечественной истории и культуры приобрело довольно односторонний характер. Большая часть научных исследований в социально-гуманитарной сфере — истории, социологии, лингвистике, юриспруденции, даже этнологии, географии и других дисциплинах сводилась к достаточно универсальным, весьма типологизированным уровням анализа. Акцент на глобальных обобщениях в гуманитаристике волевым образом нивелировал исходную конкретику множества малых родин русского и других российских народов; областническую, земляческую специфику реальных условий их существования. Скорее всего, здесь

сказалась вообще свойственная советской идеологии од-номерность — узкоклассовая, монопартийная, строго формационная, интернационалистская. Во всяком случае, российская провинция долго выглядела со страниц нашей научной, учебной, справочной литературы лишь как тусклая декорация столичной драмы идей и событий, пассивный объект облагораживающего воздействия про-грессивного центра. Для мелкомасштабного, пристального рассмотрения судеб отдельных краев, городов, районов, сел и деревень, т.е. вроде бы поселенческих “частностей” на карте великой и могучей державы, даже возник в 1920-е годы специальный неологизм — *краеведение*. Надо заметить, что до революции это определение практически не употреблялось. Хотя профессиональные и особенно любительские занятия разными науками в российской провинции начались куда как рано, шли параллельно и во взаимно заинтересо-ванном диалоге с центральными учёными обществами и просветите-льскими организациями. Начиная примерно с середины 1980-х гг. “рейтинг” локалистической тематики в очередной раз растёт и в науке, и в рамках различных общественных движений. Однако прош-лый опыт работы с местными памятниками истории и культуры в значительной степени пребывает в забвении, его положительные и от-рицательные стороны учитываются сегодня далеко не всегда.

Парадигмальным образцом для собственных разысканий в этой области нам служили статьи и книги А.А. Формозова⁸. Ему первому и многие годы единственному удалось показать эволюцию науки об исторических древностях российской земли в тесной связи с развити-ем общественной мысли, всей отечественной культуры, начиная с ли-тературы и искусства и заканчивая религией и политической идеоло-гией; на широком международном фоне. Еще раньше в том же со-циокультурном ключе был выполнен ряд содержательных работ по истории фольклористики (М.К. Азадовского); этнографии (С.А. То-карева). А затем и по истории археологии (Г.С. Лебедева, Л.С. Клейна, Н.И. Платоновой, А.Д. Пряхина, И.Л. Тихонова, И.В. Тункиной, М.В. Цыбина, А.В. Жука и др.); и архивного дела (В.П. Козлова). Фронтальное рассмотрение судеб отечественных древно-стей и их первооткрывателей развернулось в 1990-е гг. Значительный вклад в реконструкцию отдельных направлений, периодов, региона-льных школ историко-краеведческой мысли и практики нашей стра-ны внесли также труды А.Н. Акиньшина, Л.В. Алексеева, В.А. Бер-динских, О.Е.

⁸ См.: Формозов А.А. Страницы истории русской археологии. М., 1986; Его же. Русское общество и охрана памятников культуры. М., 1990; Его же. Русские археологи до и после революции. М., 1995; Его же. Классики русской литературы и историческая наука. М., 1995; Его же. Пушкин и древности. Наб-людения археолога. М., 2001; все др.

Глаголевой, М.Д. Карпачева, И.И. Комаровой, О.Г. Ласунского, В.П. Макарихина, Н.А. Милонова, С.И. Михальченко, М.П. Мохначевой, М.А. Орешинной, Е.Д. Петряева, Л.В. Писарько-вой, Т.О. Расмустовой, Т.Д. Рюминой, А.А. Севастьяновой, А.Д. Степанского, В.И. Чеснокова и довольно многих других авторов.

Курск и его округа дают весьма показательные образцы исторического, археологического, этнографического, фольклористического и т.п. краевого самопознания. Соответствующий материал впервые последовательно и комплексно рассмотрен в настоящем исследовании.

Источниковая основа работы и методика её использования наметились при подготовке нами биографии выдающегося русского учёного — историка, археолога, архивиста Д.Я. Самоквасова (1843–1911). Тот на рубеже XIX–XX вв. состоял активным членом большинства академических обществ и организаций, занимавшихся историческими древностями в России; как центральных, так и провинциальных; возглавлял Московский архив министерства юстиции [МАМЮ] — крупнейшее хранилище древних актов страны, в чьих фондах отложились самые ранние (XVII–XVIII вв.) материалы по историко-археологической части. Судьбы творческого наследия этого же автора прослеживались в опыте исторического краеведения советского периода. Завершив жизнеописание Д.Я. Самоквасова и опубликовав часть его архивного наследия, мы продолжили специальную разработку древлеведческих сюжетов, относящиеся к южным регионам России, прежде всего Курскому краю. Так сложился *комплекс источников* по теме настоящей диссертации.

Во-первых, это *печатные труды ученых-гуманитариев и любителей-краеведов*, занимавшихся древностями юга России. Учтённая библиография их заметок, статей, рефератов, брошюр, монографий, курсов лекций, других учебных пособий, рецензий, докладов и служебных записок, сборников исторических актов, археологических дневников, атласов, таблиц, каталогов, справочников, инструкций и карт, публицистических и художественных произведений составляет несколько сотен изданий (значительная часть которых стала библиографической, а то и антикварной редкостью, отсутствует в той или иной из национальных библиотек РФ; см., в частности, в Приложениях к диссертации “Биобиблиографию Д.Я. Самоквасова” и “Словарь курских историков”).

Особую группу источников представляют *историографические разборы и оценки* соответствующих трудов и проектов по изучению южнорусских древностей, содержащиеся как в общих курсах по отечественной историографии и истории русской культуры, так и во многих монографических исследованиях по соответствующим отраслям знания.

Архивные документы относительно историко-краеведческой деятельности разных лиц и организаций выявлены нами в следующих хранилищах России и Украины.

В Санкт-Петербурге: Государственный исторический архив Ленинградской области (фонд [ф.] СПбГУ–ЛГУ); Российский государственный исторический архив (ф. министерств просвещения и юстиции, ЦСК, несколько персональных коллекций); Рукописный и фотографический архивы Санкт-Петербургского Института истории материальной культуры РАН (бывшего Ленинградского отделения Института археологии АН СССР; все полевые отчеты о раскопках и случайных находках в Курском Посеймье; другие курские материалы в ф. ИМАО, ИАК, ИИМК, нескольких личных); Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (бывшей Публичной им. М.Е. Салтыкова-Щедрина; целый ряд личных коллекций); Государственный архив Географического общества России (подборка неопубликованных работ курских корреспондентов в фонде ИРГО).

В Москве: Российский государственный архив древних актов (ф. канцелярии и др. МАМЮ); Центральный государственный исторический архив г. Москвы (ф. Московского учебного округа и МГУ); Отдел письменных источников Государственного Исторического музея (материалы многих столичных историков и археологов и их провинциальных корреспондентов); Отдел рукописей Российской Государственной (бывшей Ленинской) библиотеки (то же); Российский государственный военно-исторический архив (ф. Военно-учёного архива со статистико-топографическими описаниями и атласами Курского края).

Государственные архивы Владимирской области (ф. Уваровых) и (особенно полно) Курской области (ф. ГСК, ГУАК, КОКМ, КГПИ, мн. др.) РФ; Черниговской области и Новгород-Северского района Украины (материалы по подготовке “южных” Археологических съездов ИМАО).

При выявлении, изучении и частичной публикации⁹ источников своего исследования автор стремился к их системному, комплексному охвату. А именно, принимались в расчёт сообщения о разных типах памятников истории и культуры — вещественных (археологических), фольклорно-этнографических, архивных. С другой стороны, документально прослеживалось взаимодействие столичных центров и провинциальных субъектов изучения и охраны древностей. Наконец, предпринимались попытки сопоставлять источники разных жанров —

⁹ Опубликована часть выявленных нами в архиве документов (переписка Д.Я. Самоквасова с целым рядом выдающихся ученых и общественных деятелей, провинциальных историков-любителей; документов краеведческих организаций; полевых отчетов некоторых археологов; сводки фактических сведений о находках кладов и других древностей).

официально-делового, научно-академического, публицистического, биографо-эпистолярного, беллетристического. Ведь “внутренняя форма культуры” (Г.С. Кнабе) определяется путем своеобразной инсталляции разных областей духовного творчества.

Особую трудность при работе с источниками представляли оценки идей и поступков ученых и краеведов разных поколений. В аналогичной литературе по истории русской науки и культуры не-редки крайности в суждениях на сей счет — преувеличенной комплиментарности, приукрашенности, либо, напротив, пренебрежения, очернительства. Вряд ли нам удалось добиться полной объективности, однако за правило было взято отмечать в диссертации как достоинства, так и недостатки бывшего опыта; выяснять их значение как для своего времени, так и для будущего состояния памятников старины. Представляется, что при изучении прошлого науки и культуры гуманистические, этико-эстетические критерии, при всей их сложности, должны в какой-то мере учитываться. Ведь тихие и мирные занятия археологов, этнографов и архивистов подчас становились ареной политических, полицейских и даже военных столкновений. На вроде бы скромном поприще исторического краеведения успехи чередовались с поражениями, мужество соседствовало с предательством, причем порой в биографиях одних и тех же людей. За открытие исторических древностей наших предшественников награждали и чествовали куда как редко (главным образом в некро-логах). А вот замалчивали, бранили, выгоняли со службы, лишали свободы и даже пытали, убивали гораздо чаще. Представляется до сих пор актуальным призыв Н.Н. Берберовой: “Пока замученный тираном кричит “ура!”, и зритель, окружающий виселицу, вторит ему, и историк превозносит содеянное — нет спасения. Только в пробуждении сознания — ответ на всё, что было...”¹⁰ Возможность хотя бы отчасти преодолеть забвение и воздать должное как замечательным деятелям русской науки, так и её же гонителям — ответственный соблазн для такого рода исследований, как настоящая диссертация. Тем более в нынешнее время утверждения постклассического идеала познания, идеологических разломов и тектонических подвижек в российском менталитете. Гражданское примирение в российском обществе не равнозначно забвению понесённых им жертв.

Новизна исследования обусловлена его принадлежностью к числу первых опытов систематического, комплексного изучения процессов становления и развития исторического самосознания в России — на показательном образце одного из её коренных регионов (Курского края и сопредельных ему территорий).

¹⁰ Берберова Н.Н. Курсив мой. Автобиография. М., 1996. С. 603.

Приоритетностью отличаются *хронологические рамки и сюжет-ный репертуар* работы. Она охватывает: а) самые отдалённые пред-посылки донучной любознательности, проявлявшейся нашими пред-ками к памятникам отечественной истории и культуры (на фольклор-ном, кладоискательском уровнях их толкования); б) зарождение бес-корыстного интереса к разного рода древностям в XVII – начале XVIII вв.; в) становление и развитие за последние три столетия сна-чала любительского, краеведческого, а затем и академического, орга-низованного древлеведения; разных уровней его проявления (в гео-графии, статистике, журналистике, богословии, археологии, истории, архивистике и др. отраслях гуманитарной науки и практики); г) со-временное состояние и ближайшие перспективы изучения и сбереже-ния этого рода памятников. Работы вроде нашей посвящались отде-льным периодам или формам историко-краеведческой мысли. Тогда как проследить преемственность и тематический резонанс в её разви-тии возможно только на материалах определенного, достаточно ре-презентативного региона, за длительный период его существования.

В одной из рецензий на работу автора отмечалось: “Щавелёв за-думал и успешно осуществил проект изучения процесса становления региональной историографии (краеведения) на богатых материалах истории Курского края — одного из древнейших русских регионов страны. Предыдущие его книги содержат уникальный опыт развития краеведческой мысли на юге России”¹¹.

Во введении к многотомному изданию “Археологическая карта России”, выпускаемому специалистами Института археологии РАН, сказано: “С.П. Щавелёв ... сумел не только дать достаточно полный обзор всех археологических работ в регионе с самого их начала в XIX в., но и представил читателю личности некоторых археологов, преуспевших в изучении курских древностей, — Д.Я. Самоквасова, А.А. Дмитрюкова, П.С. Рыкова, К.П. Сосновского, М.В. Воевод-ского, Ю.А. Липкинга”¹².

Следует отметить и такую особенность настоящей диссертации, как *сочетание историографического и собственно исторического под-ходов* к одним и тем же проблемам. Такие темы, как происхождение летописного города Курска, его историческая топонимика; судьбы уникальных археологических комплексов и целого ряда других па-мятников далёкой старины в его округе; находки монетных и веще-вых кладов; рукописное и печатное наследие многих исследователей; некоторые т.п., рассматривались автором и ретроспективно, и актуа-листически. Т.е. как с

¹¹ Бердинских В.А. [Рец. на кн.:] Щавелёв С.П. Историк Русской земли. Жизнь и труды Д.Я. Самоквасова... // Вопросы истории. 2001. № 8. С. 159.

¹² Кашкин А.В. Археология Курской области // Археологическая карта России. Очерки археологии регионов. Кн. 1. М., 2001. С. 188.

позиций историографического анализа прошлых идей и методов по поводу этих древностей, так и с точки зрения исторической науки сегодняшнего дня.

Наконец, в некоторых моментах проделанного исследования находила своё применение *философская квалификация* автора, его работы по теории и методологии научного, практического и обыденного познания (скажем, про соотношение профессионального и любительского подходов в познании; этнические образы мира; формы практического знания, в том числе в гуманитарной сфере; ряд т.п.).

Приоритетность предложенной автором концепции резюмируют следующие *основные положения, выносимые теперь на защиту*.

1. Древности родного края — одна из организующих подсистем всей отечественной культуры. Внимание к ним государственных органов, институтов гражданского общества, разных слоев населения, особенно элиты и интеллигенции, служит необходимым условием их этнической идентификации и социально-политического самознания, ценностной мотивации всей жизнедеятельности этих субъектов общественной практики. Судьбы, творческий опыт тех русских ученых и краеведов, что сохраняли и изучали исторические древности, в свою очередь представляют собой одну из тех духовных “лигатур”, без которых сегодня немислимо воспитание и образование новых поколений соотечественников, земляков.

2. Освоение национальных памятников истории и культуры в России представляло собой длительный и противоречивый процесс, на каждом из основных этапов которого утраты, провалы сочетались с открытиями, достижениями. Часть бесценных древностей оказалась утрачена благодаря равнодушию или же прямому варварству по отношению к ним со стороны государства и общества, а другая их часть спасена самоотверженными усилиями просвещенных чиновников, учёных и краеведов. Политическая и другая идеология противоречиво влияла на перипетии отечественного древлеведения — то поощряя его социальным заказом и публичным интересом, то парализуя равнодушием, а то и цензурными, полицейскими гонениями. Богатый опыт взаимодействия общественно-политической практики и научной теории, накопленный в нашей стране по археологической части, может и должен быть учтён ныне, при оптимизации отношений центра и регионов Российского государства, разумной актуализации его исторических традиций.

3. На почве изучения и охраны национальных древностей происходит идейно-нравственный “резонанс” науки, искусства, религии, философии, богословия; взаимодействие мифологически-фольклорного и рационалистического типов сознания; профессионально-академического и любительского направлений познания. Несмотря на определённые

издержки, такого рода эпистемологический и аксиологический союз самых разных духовных практик и культурных коммуникаций, сотрудничество их представителей служило и служит первым условием сколько-нибудь эффективной заботы о памятниках истории и культуры, тем более на столь обширных и сложнопоселённых пространствах, каковы регионы России.

4. Общенациональные интересы при поисках, познании и популяризации, пропаганде древностей тесно переплетаются с краевой спецификой. В теории и на практике то и дело встречаются крайности в данной связи — либо уничижительное отношение к региональной истории как якобы вторичному сколку общегосударственных процессов, либо наивные псевдопатриотические преувеличения по поводу провинциальной старины. В действительности региональная историография, будучи в целом вторичной и зависимой по сравнению со столично-академической, всегда продолжала и дополняла, а по отдельным вопросам порой даже опережала её (сопоставляя археологию и письменные источники древней истории; осуществляя полевую проверку исторической географии; формируя исследовательский и музейный, а не сугубо коллекционерский вариант нумизматики и др. специальных исторических дисциплин). Большинство местных изыскателей — губернских и уездных, затем областных и районных краеведов тесно сотрудничало с маститыми исследователями из университетских, академических кругов, общероссийских научных обществ и просветительских организаций на всём протяжении их существования. Без учёта вклада областной, провинциальной мысли и краеведческой организации любителей старины картина эволюции отечественной науки и всей остальной культуры окажется обеднённой, а моментами искажённой.

5. Распространившийся в современной регионологии России подход к локальным субъектам истории культуры (регионам, городам, прочим поселениям) как целостным, системообразующим организациям недостаточен. Ведь каждый из таковых всегда оставался вместе с тем подсистемой общегосударственной политики, макро- и мега-региональной культуры, да к тому же субъектом международных контактов. Региональные проекты в области истории, археологии, этнографии, архивистики, исторической географии и демографии, антропологии и других отраслей гуманитарного знания с самого начала выдвигались и осуществлялись чаще всего под идейным и организационным руководством академических центров и правительственных инстанций. Поэтапно складывалась всероссийская суперсистема “центр — регионы” в деле выявления, изучения, охраны и музеефикации разного рода памятников старины. Негативные тенденции при функционировании этой общенациональной системы (бюрократического, цензурного толков на

“вершине” этой “пирамиды”; пассивности и невежества на уровне её же “основания”) в целом носили подчиненный характер по сравнению эффективностью сотрудничества профессионалов и любителей, официальных органов и общественных объединений краеведческого профиля.

6. Феномен краеведения, имея общие и особенные черты в России по сравнению с другими европейскими странами, испытывал весьма серьезные изменения под влиянием общего состояния отечественной науки и культурной политики государства. Испытав периоды подъема (в пореформенной и предреволюционной России, в СССР 1920-х гг.), краеведческое движение после его разгрома к началу 1930-х гг. советской контрразведкой оказалось в затяжном кризисе. На рубеже XX–XXI вв. при попытках его возрождения обнаруживаются как обнадеживающие, так и настораживающие тенденции; вырабатываются новые формы освоения историко-археологического наследия, отвечающие вызовам нынешней экологии природы и культуры в России, её международным интересам.

Практическое значение выполненной работы связано с элементами её научной новизны. В этом значении можно различить (с известной долей условности) несколько аспектов.

Во-первых, *научно-теоретический*. Материалы и выводы диссертации, будучи опубликованы центральной печатью, доложены на многих всероссийских и международных конференциях, вошли в круг исследований по истории отечественной археологии и других гуманитарных наук и культурных практик.

Во-вторых, *научно-практический*. В процессе подготовки диссертации открыты и введены в исследовательский оборот архивные и редкие печатные материалы по истории, археологии, этнографии, антропологии, топонимике, фольклористике, культурологии (полевые отчеты и др. экспедиционные документы; рукописи научных, эпистолярных, мемуарных работ; биографические сведения об их авторах; многие сообщения о случайных находках разных древностей и целых памятников старины, описания произведений материальной и духовной культуры).

В-третьих, *педагогико-дидактический*. Автор участвовал в продвижении идеи нескольких научно-просветительских изданий, их составлении, написании, подготовке к печати и публикации. Это сборники научных статей “Курские тетради. Курск и куряне глазами ученых” (вып. 1–4; 1997–2002); многотомные проекты “История Курского края” (соавтор вып. 1 “Историки Курского края”, 1998) и “Курский край” (соавтор т. IV “Курск ... X–XVII вв.”, 1999); справочники по истории и культуре данного региона (ряд статей в энциклопедическом словаре “Курск”; альманахах “Летопись”, “Архивная находка”, “Сеймские берега”, “Порубежье”;

“Московском журнале” и других изданиях, рассчитанных на широкую читательскую аудито-рию. На протяжении 1980-х – 90-х гг. в газетах и прочей периодике Курской области автором регулярно помещались научно-популярные и публицистические заметки по истории и современным задачам исторического краеведения. Все эти материалы, а также опублико-ванные автором монографии, статьи используются в преподавании и изучении краеведческих тем в средних и высших школах, учрежде-ниях культуры (музеях, библиотеках, редакциях СМИ), прежде всего, разумеется, Курской области; в особенности для преподавания в Курском гос. медицинском университете и в изданных им учебных пособиях по истории и теории культуры.

В-четвёртых, *политико-технологический*. Сегодня заметно воз-рос интерес представителей государства и разных слоёв обществен-ности к историческим истокам национальной культуры. В диссерта-ции и соответствующих ей публикациях автора, прослежен, между прочим, длительный, многовековой опыт освоения исторического прошлого представителями российского государства и русского об-щества, выявлены типичные ошибки и намечены подходы к рациона-льному согласованию научного, обыденного и практического понима-ния истории родного края.

Апробация материалов работы осуществлялась автором с 1990 г. В том числе на VI Международном конгрессе славянской археологии (Новгород Великий, 1996); II Международной конференции “Иерар-хия и власть в истории цивилизаций (СПб., 2002); международных и российских конференциях: в Государственном историческом музее (Научные чтения к 170-летию И.Е. Забелина, 1990; “125 лет архео-логического исследования Гнёздова”, 1999); Московском государст-венном университете (к 60-летию кафедры археологии МГУ, 1999); Санкт-Петербургском государственном университете (“Проблемы истории отечественной археологии”, 1993; “Ритуальное пространство культуры”, 2001); Музее антропологии и этнографии имени Петра Великого (1996); Институте славяноведения РАН (“Славяне и их соседи”-XV, 1997);

“Археология и история юго-востока Руси” (Курск, 1991; Воро-неж, 1993); “История Центрального Черноземья и сопредельных тер-риторий” (Курск, 1994; Брянск, 1996; Липецк, 1998; Воронеж, 2000); “Социальная история российской провинции...” (Тамбов, 2002); “Юг России в прошлом и настоящем” (Белгород, 1994, 1998, 2001); Уваровские чтения-II, III (Муром, 1993, 1996); Юдинские чтения-I, II, III (Курск, 1998; 2000; 2002);

Брянске (1995), Воронеже (1993; 1999; 2001); Белгороде (1996); Курске (1999); Липецке (1992, 1994, 1999); Нижнем Новго-роде (1999); Новгороде Великом (1997; 2001); Омске (1998); Полта-ве (1991); Рыльске (2000); Сумах (2000); Чернигове (1996).

Автор участвовал в организации конференций, посвященных 150-летию со дня рождения Д.Я. Самоквасова (1993), и выступал на них с пленарными докладами: в Москве (Самоквасовские чтения в РГАДА); Новгороде-Северском (“Славяне и Русь в научном наследии Д.Я. Самоквасова”); публиковал отчёты о них в центральных академических изданиях.

Все основные научные результаты настоящей диссертации опубликованы за 1990-е–2000-е гг. в материалах означенных конференций, а также в центральных журналах: РАН — “Вопросы истории” (2 статьи и 3 рецензии), “Российская археология” (5 статей в рубрике “История науки” и 1 обзор), “Государство и право”, “Вопросы философии”; РГАДА — “Архив русской истории”; НАН Украины — “Археология” (Киев), др.; сборниках научных трудов ведущих научных учреждений — Института археологии и Института славяноведения РАН, Государственного Исторического музея, Центра славяноведения Брянского государственного университета; Черниговского педагогического института, Сумского государственного университета (Украина); изданиях др. научных центров; шести авторских монографиях (общим объемом свыше 70 п.л.).

При оформлении текста диссертации все эти материалы были в значительной степени переработаны и дополнены.

Структура диссертации отражает авторскую периодизацию процесса историко-краеведческого освоения древностей южнорусского ареала. Работа разделена на: введение; 14 глав, сгруппированных в четыре раздела, соответствующих основным периодам данного процесса; заключения; справочно-документальных приложений.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** к диссертации раскрывается актуальность и оценивается состояние изученности её тематики; формулируются цель и задачи предпринятого исследования; характеризуются его источники и методологические принципы их рассмотрения; научная новизна и практическое значение работы.

Раздел I — “Предпосылки и становление регионального древлеведения” — посвящён периоду с начала XVII и до середины XIX вв. В эти времена на присоединённых к Московскому государству его юго-восточных окраинах окончательно оформился особый — историко-археологический пласт фольклорного сознания, тип массовых настроений по отношению к памятникам далёкой старины (курганам, городищам, кладам, т.д.). Эта сторона обыденного сознания и поведения русского

народа, прежде всего крестьянства, расценивается как *донаучный или же фольклорный этап освоения национальной истории*.

Затем, по ходу модернизации России при Алексее Михайловиче, Петре I и его преемниках зародился и развивался независимый от материальной выгоды интерес представителей и высших, и низших слоёв общества к разного рода древностям. В царствования Александра I и Николая I руководители Российской империи всё сознательнее привлекают историко-археологические и этнографические данные и проекты ради обоснования и пропаганды государственной политики. Наступает *преднаучный или же историко-географический отрезок отечественного древлеведения*; начинается сотрудничество столичных центров администрации и науки с местными деятелями по вопросам выявления и изучения всяческих древностей. В результате региональная историография выходит на третий уровень своего развития, который можно назвать *пара(т.е. около)научным — этапом любительского краеведения*.

Отчасти закономерно, отчасти случайно, но именно Курский край и непосредственно прилегающие к нему территории дают этапные и рубежные для всей страны образцы как пренебрежения, разрушения, так и сознательного сбережения, изучения памятников старины.

Глава 1 — “Волшебное зеркало фольклора: местная старина в устном творчестве южнорусского населения” — посвящена тем впечатлениям, которые складывались у местного населения от случайных находок древних предметов и от целых объектов археологии на вновь колонизируемой Московским государством территории Курского Посеймья и сопредельных землях. Рассматриваются типичные для этих лесостепных краёв *предания и былички по поводу городищ, курганов и кладов*. На их материале подтверждается этическая “амбивалентность” фольклора по отношению к памятникам старины. В зависимости от социально-экономических условий жизни народа эти памятники то сакрализируются, охраняются молвой, а то она же санкционирует их профанацию и разрушение (хозяйственными работами или кладоискательскими раскопками). Особую ценность для науки и культурной политики государства представляет собой *историческая топонимика*, вобравшая в себя многие результаты фольклорного осмысления местного прошлого, материализующая часть довольно реалистичной народной памяти о нём, поддерживающая преемственность с отдалёнными поколениями жителей тех же мест.

Накопленные южнорусским фольклором позитивные сведения и оценки источников исторической информации приносятся специалистам разных отраслей гуманитарного познания (как при изучении самого фольклора, так и для разведок и интерпретаций других памятников

старины; чему в главе приведены типичные образцы, в том числе из работ самого автора и других исследователей курских древностей).

Негативная же сторона донучной “археологии” усиливается в кризисные для страны моменты её истории. Тогда к стихийной профанации краевой старины народной молвой добавляется идеологический заказ на заведомое искажение истории со стороны некоторых политиков и подыгрывающих им в этом представителей общественности. В главе разбирается *феномен вторичной фольклоризации* книжно-литературных представлений об истории в средствах массовой информации, педагогической практике и выступлениях неквалифицированных краеведов. Однако за краеведными пробелами да ляпсусами, новоявленными мифами этого сорта, нельзя забывать о незаменимом вкладе объективных материалов по местной истории и культуре в образование и воспитание всё новых поколений жителей российской провинции. В связи с чем очерчиваются методологические рамки толерантного, но принципиального диалога ученых, журналистов, руководителей государственной администрации и представителей общественных объединений (в первую очередь краеведческих, военно-патриотических, молодежных) по поводу использования местной истории в политико-пропагандистских целях, её увековечивания и популяризации.

Глава 2 — “Порубежники Московского государства — искатели кладов (случайные находки древностей и магическая “археология”)” — продолжает тему до- и вненаучного отношения населения юго-востока России к историческим древностям. А именно, рассматривается *феномен кладоискательства* — самовольных, грабительских раскопок памятников старины (прежде всего столь зримых на местности, как городища и особенно курганы с их компактно и доступно расположенным заупокойным инвентарём, среди которого нередко ювелирные украшения, другие ценности). Экскурс в историю кладоискания на Руси дополняется здесь анализом сохранившихся в архиве Разрядного приказа Московского царства документов XVII в. о расследовании курскими воеводами дел о поисках кладов жителями подведомственного им края и сопредельных ему территорий. Эти походы обитателей пограничья за “спрятанным счастьем” приводили обычно к бесплодной порче культурного слоя древних поселений да курганных могил. Интерес к “зачарованнымкладам” среди простого люда поддерживался происходящими время от времени случайными находками настоящих кладов, монетных и вещевых, а также более или менее богатых погребений в скифо-сарматских, кочевнических и славянских курганах; наконец, первыми раскопками профессиональных археологов (в коих простонародная молва подозревала тех же кладоискателей).

Будучи реликтом варварства, своеобразной антиархеологией, одной из социально-психологических маний, кладоискательство, тем не менее, сыграло определённую роль в формировании историческо-го сознания наших соотечественников и земляков. Легенды и поверия о “кудеяровой поклаже” и прочих тайниках с ценностями составили особый жанр исторического фольклора (как устного, так и письменного — в виде рукописей карт, “завещаний разбойников” и т.п. образцов народной словесности). Власти в столице и на местах вынуждены были определять своё отношение к покушениям на моно-полию государства в отношении подземных ценностей, как-то бороться с их расхищением. Именно в связи с находками кладов были изданы первые законодательные акты, предписывающие доставлять найденные в земле редкости представителям власти за вознаграждение и под угрозой административных взысканий. Делопроизводство столичных и местных инстанций по поводу реальных и мнимых кладов позволяет получить хотя бы частичную информацию об утраченных в результате кладоискательства памятниках археологии, включая сами клады. Их сводка по архивным материалам составила одно из приложений к диссертации и была использована для современных исследований ареала расселения восточных славян, их торговых отношений с соседними народами в эпоху Средневековья (в том числе выполненных при участии автора).

В ряду здешних документов о реальных находках и поисках мнимых кладов выделяется *уникальная грамота 1684 г.*, посвящённая находке огромных костей якобы сказочного богатыря-“волота” (ма-монта? др. представителя палеофауны?) в районе Харькова. Царский указ курскому воеводе предписывал “ноги откопать, а откопав, кости измерить, какова которая кость мерою в длину и в толщину и записать на роспись и на чертеж начертить”¹³. Налицо первая в стране дошедшая до нас инструкция центрального правительства местной власти по самоценному изучению памятника старины, не обладающего денежной ценностью, и одна из первых экспедиций с такой же целью. Тут перед нами зачаток научной любознательности, отдаленные истоки настоящей археологии (согласно оценке А.А. Формозова). Так что по ходу организации поисков кладов и административных расследований в связи с несанкционированными властями эпизодами кладоискательства и кладонахождения не только разрушались археологические памятники, но и стихийно накапливались крупницы рациональных сведений об “искусственных насыпях земли”, прочих объектах региональной истории. В главе показан длительный переход столичной ученой элиты и местных краеведческих сил от коллекционерско-нумизматической выборки из находимых периодически

¹³ Цит. по: Замятин С.Н. Первая русская инструкция для раскопок (находка костей “волота” в 1679 г.) // Советская археология. Т. XIII. 1950. С. 288.

монетных и вещевых кладов к их научной оценке как уникального источника исторического знания; прослежена эволюция официально-го отношения к находкам остальных исторических древностей со стороны государства, сильные и слабые стороны дореволюционного, советского и современного российского законодательства и практического опыта такого рода; даны рекомендации для совершенствования действующих юридических норм о кладах; рассказано о старых и новейших находках исключительно ценных для исторической науки и художественной культуры кладов на Курской земле.

Глава 3 — “История глазами географов: первые описатели Курского наместничества” — рассматривает тот вклад в историю и археологию юго-восточного края, который внесли крупные, этапные мероприятия земельно-межевой политики Российского государства, связанные с расширением его границ и реформированием его административной структуры.

Уже *первые карты* “северским, резанским и польским” (полевым) городам, составленные в XVII в., включая знаменитый Большой чертеж и текстовую легенду (“книгу”) к нему, отразили расположение на “Диком поле” и вокруг него массы архаичных топонимов и самих археологических объектов (городищ, курганов, дальних до-рогов-”торов”, разного рода поселений и ориентиров для движения войск и дипломатов). Скрупулёзность и дальновидность на сей счет проявил *Афанасий Иванович Мезенцев* — один из ведущих авторов “Большого чертежа”, курянин по происхождению и неоднократно месту службы. Составленные им “росписи полю” особенно богаты непосредственными впечатлениями от посещения округ Орла, Курска, Белгорода сразу после их перехода под власть Москвы.

По ходу топографических и военно-строительных работ на вновь колонизируемых русскими юго-восточных территориях произошло повторное знакомство местного населения с памятниками здешней истории и археологии. Хроника курского Знаменского монастыря отразила еще один *рубевый и уникальный для своего времени эпизод* такого рода: “В 1650 г. игумен его отец Никодим отыскал на старом городище, отстоящем от Курска в 15 верстах, близ реки Рати, в земляном валу от древности вшедшие в землю, неведомо чьи палаты, с которых, по осмотру курского воеводы князя Ивана Михайловича Волконского, снят был план и послан к Государю Царю и Великому Князю всея Руси Алексею Михайловичу; после чего, по указу его Царского Величества, на постройку церкви Знамения Божьей матери в Курске, курскими разного звания людьми, с оных палат ломан был кирпич и дикий камень”¹⁴.

¹⁴ Цит. по: Памятная книжка Курской губернии на 1860 г. Курск, 1860. С. 48. Ср. аналогичные моменты зарождения историко-археологического интере-

Столкнувшись с остатками древнерусского города, побывавшего затем монголо-татарским центром “Курской тьмы” и, наконец, запустевшего, участники этой истории, представлявшие все основные слои и ранги русского общества, проявили по отношению к живописному памятнику не обскурантистское равнодушие и не только узко-утилитарный интерес, характерные для средневековой ментальности, но и элементы новорожденного, незрелого просвещения Нового времени. Налицо первая известная нам в России, удавшаяся на практике акция по сбору и сохранению точной информации об археологическом объекте. Помимо бескорыстного любопытства к монументальным развалинам, в ратском эпизоде просматривается попытка использовать их ради сплочения городской общины пограничной крепости, истерзанной недавними набегами “соседей-врагов” и восстанием самих курян против центральной власти, жестоко подавленным тем же воеводой Жмуркой Волконским. Своеобразный резонанс политико-идеологических и научно-краеведческих мотивов и в дальнейшем будет характерно для развития отечественного древлеведения.

Решающий шаг к постановке и решению проблемы регистрации и охраны памятников истории и культуры нашей страны был сделан в XVIII в., в результате петровских и екатерининских реформ. Хотя на первом плане у организаторов *систематического описания Российской империи* стояли интересы социально-политической и физической географии, интересы истории, археологии и этнографии не были ими забыты. Соответствующие пункты содержались в инструкциях В.Н. Татищева и М.В. Ломоносова геодезистам, программах организованных Академией наук “учёных путешествий” (А.А. Формозов). В главе рассматриваются историко-археологические достижения южной экспедиции В.Ф. Зуева 1781 г.; аналогичные аспекты генерального межевания 1770-х–90-х гг. и последующей топосъёмки Генерального штаба в здешних краях. Данные мероприятия оштрили первые литературные памятники курского краеведения — “*Описания Курского наместничества*”, параллельно составленные губернскими чиновниками — землемером поручиком И.Ф. Башиловым и прокурором С.И. Ларионовым (труд последнего, к тому же, был опубликован в 1786 г., одним из первых по стране среди произведений этого историко-географического жанра и признан в историографии “одним из самых зрелых”¹⁵ в своем жанре).

Первоначальные сводки регионоведческого материала, гражданские и военные, стали возможным благодаря тому, что их авторы использовали

са в Западной Европе: Гене Б. История и историческая культура средневекового Запада. М., 2002.

¹⁵ Севастьянова А.А. Русская провинциальная историография XVIII в. М., 1998. С. 94.

богатые библиотеки, частные архивы исторических источников и предварительные результаты их анализа, собранные за вторую половину XVIII – начало XIX вв. несколькими представителями просвещенной части губернской элиты — губернаторами П.С. Свистуновым, С.Д. Бурнашевым, М.Н. Муравьевым, помещиком И.П. Анненковым, архимандритом Амвросием (Гиновским) и др. Намеченная линия развития губернского и уездного краеведения в дальнейшем поддерживалась ИРГО, особенно его отделением этно-графии (среди корреспондентов которого выделялись куряне А.И. Дмитриюков, А.С. Машкин и др., чье научное наследие рассматривается нами ниже).

Глава 4 — “Пионер научного краеведения: раскопки и этнографические труды уездного учителя А.И. Дмитриюкова” — открывает подборку представленных в диссертации персональных портретов разновременных лидеров краеведной мысли и практики.

Алексей Иванович Дмитриюков (1795–1868), уроженец уездного городка Суджи, выпускник курской гимназии и Харьковского университета, всю жизнь проработал преподавателем и смотрителем училищ родного Суджанского, а также Щигровского и Рыльского уездов. Одновременно он по собственной инициативе занимался историей, археологией, этнографией, метеорологией и астрономией. Эти его работы нашли одобрение и поддержку столичных ученых. ИРГО награждало его за ценные корреспонденции; М.П. Погодин охотно публиковал его статьи, вёл с ним многолетнюю переписку; Д.К. Зеленин назвал его рукописи о традиционном быте русских и украинских крестьян “выдающимися по подробности описания”. Предпринятые этим учителем раскопки рыльских и суджанских городищ и курганов относятся к числу самых ранних опытов полевой археологии в Центральной России. Получившаяся в их результате коллекция древних вещей легла впоследствии в основу первого краеведческого музея в Курске. Новаторским почином краеведа явилось сопоставление добытого раскопками материала с известиями летописей и других письменных источниках о славянах объединения “Север” и Курском княжестве. В этом вопросе, как и по части исторической географии Северной земли, краеведческая мысль опередила кабинетных корифеев тогдашней историографии В.Н. Татищева, Н.М. Карамзина и др., нащупывала пути к современному комплексному источниковедению. В междисциплинарном, культурологическом стиле и как нельзя вовремя выполнены дмитрюковские очерки “уходящей природы” провинции — архитектурно-пейзажных видов Рыльска и его окрестностей, уездных быта и нравов.

В лице А.И. Дмитриюкова перед нами образец энциклопедического, любительского по позднейшим меркам, но вполне научного для своего времени краеведения. Такого рода энтузиасты систематического изучения

родного края внесли свой необходимый, историко-графически далеко не оценённый по заслугам вклад в становление разных отраслей отечественного естествознания и социально-гуманитарного знания. Разбросанное по раритетным изданиям и отложившееся в нескольких архивах творческое наследие этого автора при подготовке настоящей диссертации возвращено в научный оборот.

В заключение I раздела подводятся его итоги — дается общая характеристика первых этапов становления региональной историографии — а) *донаучного*, фольклорного; б) *преднаучного*, историко-географического; в) *паранаучного*, любительского краеведения.

Раздел второй — “Золотой век” губернского краеведения: 1860-е–1910-е гг.” — посвящён решающему этапу становления организационной системы “центр — регионы” в деле учета, охраны, изучения памятников истории и культуры; включения исследователей-любителей из провинции в коммуникативные связи русских ученых; постепенной выработке современных, общеевропейских форм исследования и пропаганды провинциальных древностей.

Глава 5 — “Просвещение читающей публики: историко-археологические сюжеты на страницах губернской периодики” — раскрывает особенности и возможности той стадии и формы исторического краеведения, что была связана с первыми периодическими изданиями в российской провинции. Сначала, во второй половине XIX в., то были официозные “Ведомости” — погубернские и право-славно-церковных епархий; а затем к ним прибавились мелкоформатные газеты коммерческого и общественно-политического толка. При тогдашних возможностях информационного производства, характере образованности населения, *газетная периодика* играла куда большую роль в популяризации и даже развитии науки, нежели позднее, с углублением специализации научно-академического и публицистического жанров.

Анализ комплекта курских “Губернских ведомостей” (КГВ) позволяет наметить *основные направления журналистского краеведения* того времени; оценить вклад редакторов и корреспондентов газеты в приращение научных знаний и их распространение среди провинциальной публики. В “неофициальной части” этого издания предписывалось помещать “преимущественно исторические, статистические и топографические сведения, достопримечательные происшествия, необыкновенные явления природы, новейшие открытия по части наук, искусств и художеств”, “относящиеся более или менее до местности” издания. Эта программа выполнялась в целом достаточно успешно. Газетные страницы вместили массу статей и заметок на самые разнообразные краеведческие темы (рубрика “искорки местной старины”); рецензий и откликов на книжные новинки и остальные события в

мире науки и техники. Время от времени порциями печатались монографические сочинения наиболее даровитых редакторов (вроде первого вполне “Исторического обзора Курской губернии” А.А. Головащенко; серий статей на ту же тему А.А. Танкова, Т.И. Вержбицкого) и корреспондентов (историков князя Н.Н. Голицына, А.И. Дмитриюкова, Р.Е. Маркова; этнографа поручика А.С. Машкина; фольклористов М.Г. Халанского, В.И. Резанова и др.). Со временем научные по тем временам материалы появились и в “Епархиальных ведомостях” (И. Чеканова, Н.П. Сенаторского, Г.И. Булгакова). Эти авторы принадлежали к числу лидеров региональной историографии дореволюционной России. Особую ценность имели газетные публикации “Актов Курского края” и других документальных источников, осуществлявшиеся как краеведами, так и известными историками (Д.И. Багалеем, И.Е. Забелиным); а также целой вереницы образчиков “устной истории” — мемуарных и биографических очерков курян разного рода и звания. Со своей стороны курские историки-любители достаточно часто публиковались в московской, петербургской, киевской и харьковской прессе.

Периодическая печать пореформенной и предреволюционной поры представляла собой передний край борьбы охранительных и либеральных тенденций русской мысли, политической цензуры и передовой науки. КГВ в этой связи несколько раз прогремели на всю Россию, дав поводы к очередным устрожениям цензурных правил в империи. Так, в 1850 г. курская газета поместила *статьи инженера-капитана В.А. Киприянова и врача В.К. Гутцейта* о здешних находках окаменевших останков “допотопных зверей” (вроде мамонта, носорога и т.п.). На их основании эти провинциальные натуралисты, ученики К.Ф. Рулье, пришли к выводу о том, что “человек явился на свет как самое позднейшее из творений”. В ответ петербургский Комитет по делам печати разразился циркуляром о недопустимости массовой популяризации “понятий некоторых геологов, вовсе не согласных с космологией Моисея”. “Ведомости” всей империи, до того выходившие в свет по визе губернского начальства, были подчинены общей цензуре, с привлечением к ней представителей учебных заведений. Цензурный “гром гремел” здесь и в 1853 г., когда КГВ умудрились напечатать в “собрании народных игр, загадок, анекдотов и присловий” несколько паремий с антицерковным оттенком; и ещё не раз в дальнейшем. Замаливая вольные или невольные грехи такого рода, издатели губернской прессы наводняли ее же массой пустоপরোজনিক, зато верноподданных материалов (в главе разбираются те краеведческие мифологемы процензурного происхождения, что дожили в сознании читателей с тех и до наших дней).

Несмотря на идеологические крайности газетного краеведения, оно стало важной, а временами единственной формой обнародования

результатов работ и здешних историков-любителей, и академических, университетских учёных, обращавшихся к региональным сюжетам. В подшивках губернской периодики за XIX – начало XX вв. содержится масса ценных и до времени забытых сведений для разных отраслей науки и практики наших дней.

Глава 6 — “Прошлое края в трудах Статистического комитета” — освещает качественно новый этап в развитии российского краеведения, связанный с оформлением специальной организации его столичных руководителей и региональных представителей. В роли такой организации выступил Центральный статистический комитет (ЦСК) Министерства внутренних дел (МВД) и его отделения на местах — губернские статкомитеты (ГСК). На примере Курского ГСК, его архивного фонда и комплекта изданий прослеживаются основные этапы становления данного учреждения; его личный состав, полномочия и задачи; источники финансирования; порядок работы, достижения и проблемы в административной и научной деятельности, продолжавшейся с 1830-х гг. до 1917 г.

Кроме основных — статистических функций (сбора числовых данных по всем статьям губернского хозяйства и управления для ежегодного “Всеподданнейшего отчёта”), ГСК с самого начала своей работы занимались время от времени разными краеведческими проектами. На первых порах — исключительно, а затем периодически по запросам МВД (Сведения для “Исторического описания Курской губернии” и соответствующей епархии РПЦ: копии царских грамот XVII в.; описания старейших храмов и монастырских обителей края; редких икон, колоколов и прочих старинных образчиков церковной утвари, надгробий XVI–XVIII вв.; памятников гражданской архитектуры; воспоминания об участии курян в военных кампаниях и иных примечательных событиях отечественной истории).

Председателем ГСК, согласно положению, выступал начальник губернии (чей авторитет подкреплял краеведческие запросы), но фактически текущей работой руководил его секретарь. На этой должности перебивали и пассивные посредственности, и энергичные, способные организаторы краеведения. В Курске к числу последних относились учитель ботаники А.М. Мизгер (1835–1891), полицмейстер *Тит Иоильевич Вержбицкий* (1845–1899) и, особенно, чиновник особых поручений при губернаторской канцелярии *Николай Иванович Златоверховников* (1865 – после 1917) — пожалуй, самый деятельный и плодовитый представитель дореволюционного краеведения в Курске. Под их руководством ГСК наладил сотрудничество с целым рядом учёных обществ и организаций, возникавших в России на волне буржуазных реформ. Это, в первую очередь, Императорская Археологическая

комиссия (ИАК) при Министерстве двора, выдававшая открытые листы на право раскопок и распределявшая находки древностей по музеям; Императорские же Археологические общества — Русское в Петербурге (ИРАО) и Московское (ИМАО); этнографическое отделение ИРГО; Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии (ИОЛЕАЭ) при Московском университете; а также многие другие ГСК из разных концов страны. Среди достижений губстаткомитета на уровне регионалистики выделяются:

регистрация и экспертиза у столичных специалистов случайных находок кладов и прочих редкостей (см. выше, в главе 2); основание их собственной коллекции;

вклад в подготовку и проведение нескольких всероссийских Археологических съездов (АС) ИМАО (начиная с III, Киевского 1874 г.), посвященных древностям южнороссийского края;

участие в научно-практических выставках, организованных в Москве ИОЛЕАЭ, — Этнографической (1867); Антропологической (1879) (по результатам которых создавались национальные музеи со-ответствующих профилей);

начало планомерных, по научной методике раскопок (профессором Д.Я. Самоквасовым 1872 г. в верховьях Псла; будущим академиком М.Н. Сперанским в 1894 в Рыльском у.); систематический поездный учёт сохранившихся археологических памятников — городищ, курганов, каменных баб и др. (по специальным анкетам для волостных старшин, приходских священников в 1872, земских начальников в 1901 гг.; др.); публикация и картографирование его результатов;

последовательное издание краеведческих материалов (в виде 4 тт. “Трудов ГСК”, 7 вып. “Курского сборника”, серии Памятных книжек губернии и отдельных брошюр с описанием уездных древностей).

Таким образом, благодаря рациональному использованию аппарата государственной статистики в России за вторую половину XIX в. сложилась разветвлённая система ее разностороннего изучения (демографического, географического, археологического, этнографического и др.). По определению основателя ЦСК П.П. Семенова-Тян-Шанского, губстаткомитеты служили “одной из самых высоких в жизни задач — отечественного самопознания” и послужили, надо признать, весьма эффективно.

Однако к началу XX в. свойственная статистической службе всеохватность перестала отвечать потребностям научной и практической специализации. Наряду с достижениями, в деятельности ГСК стали особенно заметны пробелы и недостатки. Формально-бюрократическое начало в аппарате МВД нередко подавляло краеведческую инициативу его членов; результативность работы прямо зависела от личностных качеств

очередных губернатора и особенно коми-тетского секретаря. Охрана исторических памятников по большей части оставалась на бумаге, гибли массы архивных документов реформированных учреждений губернии. Тогда вдобавок к ГСК региональными древностями мало-помалу занялись непосредственно и представители университетской, академической науки, и специализированные объединения энтузиастов гуманитарного краеведения.

Глава 7 — “Профессор Д.Я. Самоквасов и его провинциальные маршруты” — представляет собой биографический очерк (1843–1911) выдающегося русского историка, археолога, архивиста; первого профессионального исследователя курских древностей.

Профессор истории русского права Варшавского (1873–1892), затем Московского (1894–1911) университетов. Как *историк-юрист*, Д.Я. Самоквасов занимался изучением этногенеза славянства, процессов возникновения и развития государства и права Древней Руси, формирования крепостнической, поместно-вотчинной системы в России. В его работах использованы не только летописи и другие письменные источники, но и данные археологии, антропологии, этнографии, лингвистики, значительная часть которых была добыта им самим экспедиционным путём. Так, им выявлена реликтовая форма большой крестьянской семьи в Курской губернии, интерпретированная по аналогии с древней вервью и югославской задругой. Итоговый “Курс истории русского права” профессора отличался плюралистическим пониманием факторов исторического процесса, энциклопедическим охватом предмета.

Как *археолог*, Д. Я. Самоквасов осуществил масштабные исследования курганов, городищ и других объектов в различных регионах — на Украине, Кавказе, в Центральном Черноземье, Причерноморье, Подмосковье, Польше и Италии. Свои первые стационарные раскопки он произвёл на курской земле — на берегах Псла в Суджанском уезде (на двух Горнальских городищах и нескольких курганых могильниках у Николаевской Белогорской пустыни и г. Мирополья). Финансировал эти работы Курский ГСК, получивший на хранение часть индивидуальных находок той экспедиции. Из данной подборки вещей летописных северян впоследствии выросла экспозиция первого Курского музея. Опыт курских и последовавших за ними черниговских раскопок вскоре был обобщен профессором по заданию ИМАО в инструкцию по проведению археологических работ, действовавшую в нашей стране до 1910-х гг.

Женившись в 1873 г. на помещице из д. Клиновой Курского уезда Т.В. Шумаковой, профессор затем практически ежегодно приезжал туда для летнего отдыха и археологических работ. В Курской губернии им раскопано ещё несколько разновременных курганов (у д. Клюквы, Александровки, Городища, Клиновой, Воробьёвки), разведан уникальный

Ратский комплекс памятников археологии. Особой результативностью отличалась финансируемая и возглавленная им же экспедиция членов Курской ГУАК в с. Гочево Обоянского уезда, в 1909 г. Богатое собрание курганных находок отсюда поступило в Курский музей "на вечное хранение", вместе с печатными "Дневни-ком" и "Атласом" этих раскопок.

Одним из первых этот автор выполнил *исторические исследования по археологическим данным*. В том числе о Северянской земле и северянах (1908) (включая территориальную структуру Курского Посеймья). Его фундаментальное исследование о древнерусских го-родах (1872) выявило этапы их развития, полисно-общинную структуру, военно-административные, экономические и идеологические функции. Свою огромную коллекцию древностей с дневниками раскопок и объемистой подборкой писем русских и иностранных археологов он в 1892 г. передал Историческому музею в Москве. Само-квасовские находки (в частности, курские) и сейчас украшают обновлённую экспозицию ГИМ.

Значителен вклад Д.Я. Самоквасова в теорию и практику *архивного дела*. На середине жизненного пути (в 1892 г.) он возглавил крупнейшее в стране хранилище древних актов — Московский архив министерства юстиции [МАМЮ]. Здесь находились документы высших и местных учреждений Великого Княжества Литовского, Московского государства XIV–XVII вв. и Российской империи XVIII–XIX вв. — всего свыше 2,5 млн. дел. Самоквасов и его сотрудники повели эффективную борьбу с хаосом в этом архивохранилище, описали массу исторических и юридических источников. Открытый и опубликованный ими "Архивный материал" позволил, в частности, реконструировать решающий этап закрепощения крестьян в России — введение так называемых "заповедных лет" и отмену права Юрьева дня. Новая история Курского и соседних с ним краев, начиная с XVI–XVII вв., изучалась в дальнейшем российскими историками главным образом по документам МАМЮ (ныне РГАДА), введённым в научный оборот при этом его директоре. Выдвинутый им в начале XX в. проект реформы архивной службы в России на началах общегосударственной централизации опередил своё время; его основные идеи оказались реализованы только после Октябрьской революции, а в особенности недавно принятым Законом об архивном фонде РФ. Poleмика Самоквасова с идеологами общественной архивной службы в виде ГУАК способствовала улучшению их работы, в которой профессор весьма плодотворно участвовал.

Имя учёного-патриота присвоено народному музею краеведения в п. Медвенке Курской области; увековеченоobeliskом в Чернигове на вершине раскопанного и воссозданного им кургана Чёрная Могила; надгробным монументом на Новодевичьем кладбище в Москве.

Глава 8 — “Учёная архивная комиссия в Курске и её историко-этнографический музей” — отражает историю создания и деятельности первого собственно краеведческого объединения курян, на общественных началах занимавшихся на рубеже XIX–XX вв. разными памятниками местной истории и культуры (не только документально-архивными, но и всеми остальными).

Губернские ученые архивные комиссии (ГУАК) как общественное явление получали разноречивые оценки и во время их существования, и в последующей историографии. Автор, специально изучавший этот вопрос в связи с проектами архивной реформы в России (инициатора и апологета таких комиссий Н.В. Калачова, их критика и активного сотрудника Д.Я. Самоквасова), по архивному фонду Курской ГУАК и её переписке с родственными организациями из других краёв, отмечает идеологические и академические предпосылки создания этих провинциальных объединений ревнителей старины; сильные и слабые стороны этого замысла, достижения и неудачи на пути его практической реализации.

В Курске ГУАК открывали (на бумаге) в 1900–1903 гг.; пока очередной губернатор — *Николай Николаевич Гордеев* (1850–1906) не выхлопотал при дворе солидного ассигнования на устройство музея истории, археологии и кустарных промыслов подведомственного края. Такой музей открылся в 1905 г. и вокруг него сложился деятельный кружок краеведов, просуществовавший с апреля 1903 г., когда МВД наконец разрешило здесь ГУАК, до начала 1920-х гг. Комиссия продолжила и, в общем, усилила все основные направления краеведной работы, начатой статкомитетом. Коллекция древностей, систематизированная и многократно пополненная, превратилась в общедоступный музей, охотно посещаемый местной и приезжей публикой. Проведено несколько археологических экспедиций на памятники разных эпох, от палеолита до Средневековья, под руководством приезжих специалистов (приват-доцента В.Е. Данилевича, Д.Я. Самоквасова, В.С. Львовича из ИМАО, П.С. Рыкова от ИАК, В.Н. Глазова из ИРАО, др.) и при участии курян-любителей раскопок; их результаты музеефицированы, образцово опубликованы. Однако эти же памятники продолжали быстро разрушаться распахкой и кладо-искателями. Выпущены в свет два тома “Трудов”, ставших настольными пособиями по краевой истории. Начато формирование архива исторических документов губернии. Хотя массовую гибель ведомственных и частных архивов в губернии остановить не удалось. По различным вопросам краеведения Курская ГУАК активно взаимодействовала и со столичными инстанциями, и с аналогичными обществами из других регионов, и с любителями старины, появившимися среди жителей уездной глубинки. В самом Курске в 1907 г. возник своего рода специализированный филиал ГУАК — церковное Историко-

археологическое общество (на базе семинарии РПЦ) со своим древлехранилищем.

Духовными лидерами и активными работниками ГУАК были видные по губернским масштабам чиновники и общественные деятели: её председатель А.Н. Кобылин (судья), его заместитель Н.Н. Лоскутов (адвокат); археологи К.П. Сосновский (глава акциза), Ф.П. Амелин (его подчиненный), П.С. Рыков (учитель реального училища); историки и архивисты — правитель дел комиссии и заведующий музеем Н.Н. Златоверховников (он же секретарь ГСК), А.А. Танков, П.Г. Попов (гимназические учителя), Н.Н. Сенаторский, Г.И. Булгаков (преподаватели семинарии) и некоторые др. лица.

Курская организация самодеятельных историков, археологов и этнографов вошла в число нескольких лучших (по итогам их работы в 1914 г. правительство выделило казенное пособие всего 6 ГУАК, включая Курскую, из 44 по всей стране). Одним из самых важных результатов её работы стала подготовка лидеров следующего поколения краеведов. Тем пришлось заново будить краеведные интересы в губернском обществе после революции 1917 г. и Гражданской войны, потрясших в особенности южнорусский край.

Раздел третий — “Советское краеведение в промежутке Октябрьской революции и Отечественной войны” — отведён центральному этапу эволюции теории и практики работы с историческими древностями российских регионов, когда складывались актуальные до сих пор традиции и формы этой работы, обозначились ее сильные и слабые стороны.

Глава 9 — “Обречённый арьергард: дела, планы, разгром общества краеведов в Курске 1920-х – начала 30-х гг.” — вводит в научный оборот комплекс источников, позволяющий пересмотреть и дополнить принципиальные оценки краеведческого движения, которое в первое послереволюционное десятилетие стало заметным явлением общественной, культурной жизни нашей страны. Внимание к нему современных исследователей растёт. Однако их (С.О. Шмидта, С.Б. Филимонова, др.) работы выполнены в основном по материалам центральных органов этой всесоюзной организации, рассматривают главным образом ее архивно-документальные достижения. Необходимо, кроме того, оценить, причем порегионно, со-ответствующий период любительской разработки памятников материальной культуры; уточнить общественно-политический контекст и культурные последствия старта советского краеведения.

Городское (затем губернское) общество краеведения (ГОК) в Курске сложилось (к 1923 г.) на организационной, кадровой и научной основе бывшей ГУАК и других культурно-просветительских объединений старой

интеллигенции, светских и духовных. К оставшимся здесь и не отошедшим (как А.А. Танков и др.) от занятий древностями прибавлялись новые поклонники родной старины. Дееспособный актив их курского объединения составили историки М.П. Парманин, Д.А. Терновский; археологи Л.Н. Соловьёв, М.В. Васильков, М.Н. Орлова; нумизмат Т.А. Горохов; архивисты Л.Н. Позняков, С.Н. Ефременко; этнографы-фольклористы Е.И. Резанова, В.И. Стрелков-Стрельский; специалисты по естествознанию и технике (А.А. Вирский, Е.К. Введенский, М.А. Рязанцев, др.); кое-кто ещё. Центральную среди всех них фигурой стал бессменный учёный секретарь ГОК *Георгий Ильич Булгаков* (1883–1945), учитель и директор ряда школ Курска, затем Воронежа.

Несмотря на жесткий прессинг коммунистической идеологии (в главе показан механизм партийных проработок членов ГОК за “неактуальные” темы их занятий, правдивую статистику условий жизни городского и сельского населения), нищенские дотации советского государства, слабую материально-техническую оснащенность, курским краоведам, благодаря их энтузиазму и высокой компетентности, удалось наладить достаточно эффективную работу по дальнейшему изучению и сохранению местной старины.

Были спасены в ходе боев и погромов Гражданской войны, пополнены фонды (прежде всего за счет реквизиций антиквариата у состоятельных граждан чекистами и милицией) и открыты экспозиции краеведческих музеев. Уже не в одном Курске, но и в уездных городках Рыльске, Дмитриеве, Старом Осколе, Белгороде, Путивле, Короче, Судже, Грайвороне, Щиграх, с. Ивановском. Филиалы ГОК организовались в Белгороде (руководитель Н.Н. Мавровский), Рыльске (С.К. Репина), Дмитриеве (М.П. Нагибина), Короче (М.П. Парманин), Старом Осколе (Д.М. Рождественский), Щиграх (М.Н. Исаев). В работе каждого из них участвовало по 20–30 представителей местной интеллигенции.

Продолжились этнографические наблюдения, особенно своевременные в условиях быстрых изменений образа жизни горожан и особенно крестьян по ходу социалистического строительства. Осуществлены несколько археологических разведок, остановлен ряд грабительских раскопок и варварских распашек курганов и городищ, резко участвовавших при НЭПе и в ходе коллективизации деревни.

На новый уровень вышла издательская деятельность краеведов (сб. “Курский край” за 1925–26 гг.; журнал “Известия Курского ГОК” за 1927–29 гг.; серия брошюр и листовок). Проведен цикл городских и всегубернских совещаний и конференций по естественно-научному и историческому краеведению, его школьной и музейной методикам. Налажены экскурсии архитектурно-археологической и природно-экологической тематики.

Однако краеведческая забота о прошлом оказалась в фатальном разладе с политикой рывка к “светлому будущему”. Пафос объективного знания — с идеологией выполнения плана любой ценой. Выявление региональной специфики — с унифицирующим катком социального уравниательства, а затем имперского интернационализма в СССР. В 1929–31 гг. большинство активных членов ГОК без какой бы то ни было вины оказалось репрессировано ГПУ. Их голословно обвинили в “монархическом заговоре”, ответвлении известного академического “Дела”, и без суда отправили на каторгу да в ссылку на долгие годы (соответствующее дело из архива ФСБ введено в научный оборот А.Н. Акиньшиным, Ю.А. Бугровым).

В главе опровергается историографическое мнение, будто на смену распущенных краеведческих обществ пришли новые, “в состав которых вошли рабочие, а не интеллигенция”¹⁶. Дальше периодического составления списков “кружков краеведов” на фабриках, заводах, в колхозах, воинских частях и школах, в 1930-е, да и последующие десятилетия дело не пошло. Автор рассматривает разные причины и версии первоначальной поддержки и последующего разгрома реального краеведения советским государством. Полвека с тех пор краеведением в СССР занимались энтузиасты-одиночки.

Главы 10–12 отведены для творческих портретов отдельных представителей советского краеведения. Как это было показано выше, на примерах А.И. Дмитрюкова и Д.Я. Самоквасова, биографический личностный подход служит необходимым дополнением к анализу организационно-институциональных и тематико-проблематических аспектов процесса освоения отечественных древностей. Теперь из небольшой группы краеведов пред- и послевоенного Курска выбраны фигуры, во-первых, самые яркие — талантливые, продуктивные на данном поприще; во-вторых, наиболее характерные для отдельных его отраслей — архивистики, музейной работы, археологии; а в-третьих, относящиеся к близким по возрасту, но всё же разным — последовательным поколениям историков-любителей (1930-х–40-х, 50-х–60-х, 70-х–80-х гг.).

Леонид Николаевич Позняков (1892–1953) получил образование в курской гимназии, Харьковском университете; успел пройти источниковедческую школу Курской учёной архивной комиссии. Одним из немногих уцелел при разгроме ГОК, он затем почти три десятка лет прослужил в Государственном архиве Курской области (ГАКО) научным сотрудником, заведующим отдела дореволюционных фондов. Нами рассматривается его подвижническая деятельность по спасению архивных документов от уничтожения как якобы “устаревших для нужд

¹⁶ История политических партий Центрального Черноземья. Курск, 1995. С. 209.

социалистического строительства”, а также во время немецкой оккупации Курска, когда часть архива осталась не-эвакуированной. Суммируется вклад заслуженного архивиста в историческую географию юга России, открытие и публикацию её документальных источников XVII–XVIII вв.; разработку персонализированной истории Курского края (серия очерков о знаменитых земляках, их участии в событиях российского и международного масштабов).

Владимир Иванович Самсонов (1886–1964), поучаствовав в установлении Советской власти на Украине и, затем, приобретя в Крыму мирный опыт работы с древностями, обосновался в Курске. С 1931 г. и до конца жизни (с перерывом на эвакуацию 1941 – 1944 гг.) работает в Курском областном краеведческом музее (КОКМ) заведующим отделом дореволюционного прошлого. Основной автор экспозиции соответствующих залов музея, сценариев экскурсий по ним. Несколько поколений юных и взрослых земляков наглядно знакомились с историей своей родины по его методике.

Принимал участие во многих экспедициях столичных археологов — Б.А. Рыбакова, М.В. Воеводского, П.И. Засурцева, А.Е. Алиховой и др. После сигнала колхозного бригадира И.Д. Авдеева, сообщившего в музей о находке бивня мамонта в обрыве р. Рагозны (притока Сейма) у с. Авдеева Ленинского (ныне Октябрьского) района, В.И. Самсонов в июне 1941 г. во главе отряда музейных сотрудников провёл там качественную и удачную разведку. Таким образом была открыта Авдеевская стоянка эпохи позднего палеолита, получившую всемирную известность. Попутно он первым в советское время обследовал близлежащий археологический комплекс древнерусских памятников у с. Липина, где до сих пор ведутся стационарные раскопки.

Им опубликованы первые сводные очерки о Курске как летописном городе; введен в научный оборот "Дневник" курского помещика *И.П. Анненкова* за 1745 – 1766 гг. — замечательный источник по истории провинциальной культуры России XVIII в.; составлены первые путеводители: по КОКМ (1961), а также "по историческим и памятным местам" областного центра (1962; 2-е изд. 1965).

В лице В.И. Самсонова перед нами последний в Курске историк-краевед с университетской подготовкой, один из “последних могикан” высококультурного краеведения в советской провинции.

Юрий Александрович Липкинг (1904–1983) — курский археолог, педагог, писатель. Под его талантливым руководством прошли археологическую практику на раскопках и в музеях десятки выпускников исторического факультета КГПИ — сотни нынешних учителей истории и краеведения. Благодаря многолетним разведкам, ему удалось значительно пополнить археологическую карту области, ввести в научный оборот

несколько эталонных памятников раннеславянских культур в Курском Посеймье.

Долговременное значение для историко-археологического просвещения земляков-курян имеют его научно-популярные книжки: "О чём рассказывают курганы" (Воронеж, 1966) и "Далёкое прошлое соловьиного края" (Воронеж, 1971); а также беллетристическая трилогия о жизни восточных славян в эпоху становления Киевской Руси, которую он под псевдонимом Александров частично издал: повесть "Кудеяров стан" (М., 1957; 2-е испр. изд. — Воронеж, 1965), романы "Сварожье племя" (Воронеж, 1966) и "В горниле" (1980, рукопись в ГАКО). Все эти произведения написаны с редкой увлекательностью и познавательностью для самого широкого читателя; они содержат немало фактов и гипотез, до сих пор интересных учёному-историку и краеведу. Однако некоторые выкладки автора этих же популярных и беллетристических изданий плохо обоснованы, а иные из выдвинутых им в 1950 – 1960-е гг. положений успели устареть за прошедшие годы. К сожалению, многое из того, что узнал и что сделал Ю. А. Липкинг, осталось неопубликованным, а зачастую не нашло отражения и в его полевых отчётах.

В связи с жизненным и творческим опытом трёх курских краеведов обсуждаются проблемы общего плана. Такие, как: соотношение индивидуального таланта и личной воли с "коллективным разумом" и разделением научно-просветительского труда; допустимая и запретная меры политического компромисса при изучении, пропаганде и охране древностей в условиях тоталитарного и авторитарного режимов власти; соотношение нравственного начала, политической конъюнктуры и научной объективности в работе историка — исследователя, преподавателя, собирателя и хранителя древностей; динамика любительских и профессиональных; научных, художественных и журналистско-публицистических моментов в деятельности провинциальных историков; отношение современных исследователей к печатному и архивному наследию предшественников.

Глава 13 — "Деснинская экспедиция М.В. Воеводского и возобновление областной археологии в 1940-е – 50-е гг." — рассматривает этап профессионализации в изучении региональных древностей, когда им планомерно занялись коллективы представителей академической науки в сотрудничестве с краеведами.

В данном регионе первым организовал и возглавил такой коллектив *Михаил Вацлавович Воеводский* (1903–1948) — доцент исторического факультета и сотрудник музея антропологии МГУ. Основная им Деснинская экспедиция исповедовала новаторский подход — комплексного изучения памятников разных эпох (от палеолита до позднего Средневековья) на территории определенного историко-географического

района; с участием специалистов разного профиля: археологов, антропологов, геологов, почвоведов; с привлечением местных музейно-краеведческих сил. По ходу планомерной разведки территории Подесенья его экспедиция перенесла в 1946 г. свою работу в Курскую область. На протяжении ряда лет М.В. Воеводский, а затем его сотрудники и ученики раскапывали уникальную Авдеевскую стоянку охотников на мамонтов; вели широкие разведки городищ эпохи раннего металла и систематические раскопки Липинского археологического комплекса и некоторых других древнерусских памятников. На рубеже 1940-х–50-х гг. их работы на территории Курского Посеймья не только возродили историко-археологическое изучение региона, но и вывели его на качественно новый, по сути современный уровень.

М.В. Воеводский оказался признанным лидером и умелым наставником археологов разного возраста и профиля научных интересов. Школу Деснинской экспедиции прошли замечательные исследователи древностей юга России, в том числе Курского края: А.Е. Алихова (Воеводская), М.Д. Гвоздовер, О.Н. Мельниковская, Т.Н. Никольская, Р.Л. Розенфельдт, А.А. Формозов (Москва), П.Н. Черменский, В.И. Самсонов (Курск), др. По их примеру к изучению данного региона обратились многие другие видные представители советской археологии; прежде всего П.И. Засурцев и Н.К. Лисицына, Д.Т. Березовец, И.И. Ляпушкин, П.Н. Третьяков. В главе подытоживаются результаты их курских экспедиций; а также деятельность отдельных краеведов-любителей; местная тематика в работе курского партийного Агитпропа 1940-х–50х гг.

Раздел четвертый — “Проблемы и перспективы российской археорегионалистики (по материалам Курского Посеймья)” — отражает этап перехода от истории к современности в работе с областными древностями; положительные и отрицательные тенденции медленного и противоречивого возрождения отечественного краеведения в 1960-е – 90-е гг.

Глава 14 — “Изучение и охрана исторических древностей Курской земли сегодня и завтра” — представляет собой перечень предпринятых за последние десятилетия археологических экспедиций на территории Посеймья и публикаций по его истории и этнологии. Отмечены как работы столичных ученых, так и появление наконец курских школ археологов и филологов (лингвофольклористов и литературоведов); открытие наряду с областным краеведческим Курского музея археологии (одного из первых такого профиля по всей стране; размещенного в старинных реставрированных “палатах Ромодановских”); достижения, утраты и проблемы службы инвентаризации и охраны памятников истории и культуры в области (работами временной группы во главе с О.В. Киселевой в 1990-е гг. обновлен свод всех типов памятников,

однако он остается неопубликованным; многие ценнейшие объекты продолжают разоряться строителями и “черными археологами”); оцениваются перспективы подготовки кад-ров специалистов и совершенствования организационной инфра-структуры для научно-охранной работы с региональными древностями.

На волне организационного поощрения всесоюзного краеведе-ния в 1980-е гг. было воссоздано и Курское общество краеведов. Его деятельность отмечена несколькими удачными проектами (конферен-ций и изданий совместно с областными организациями науки и куль-туры — музеями, архивом, педагогическим университетом), хотя в целом носит затухающий характер. Курская историческая регионоло-гия сегодня мало-помалу продолжается главным образом благодаря усилиям отдельных преподавателей высших школ городского центра, журналистов и работников учреждений культуры. Результаты этой работы отражаются в краеведных рубриках городской и областной прессы; в полупериодических сборниках “Сеймские берега”, “Кур-ский край” (составитель Ю.А. Бугров), “Архивная находка” (архи-вистка А.С. Травина), “Курские тетради. Курск и куряне глазами ученых” (А.Т. Хроленко, С.П. Щавелёв), некоторых др.

В **заключении** суммируются основные результаты проделанно-ного исследования. Определяется место региональных древностей в общем строе культуры российской провинции на разных этапах ее развития, от рубежа Средневековья и Нового времени до наших дней; государственные и общественные импульсы, столичные и мест-ные инициативы, организационные формы и личностные типы, поло-жительные и отрицательные тенденции на длительном пути освоения памятников старины представителями академической науки и люби-тельского краеведения России.

Приложения к диссертации составляют некоторые из справоч-но-информационных материалов, собранных автором при ее подго-товке.

1. *Библиографический словарь “Историки Курского края”*. Первое издание этого словаря вышло в свет в 1998 г. Настоящее приложение составила рукопись второго, значительно дополненного (112 персональных статей) и переработанного варианта словаря. К его составлению привлекались музейные работники А.В. Зорин, С.А. Остроухов, Г.Ю. Стародубцев (написанные ими или с использовани-ем их материалов несколько статей оговорены специально).

2. *Библиография Д.Я. Самоквасова* (перечень публикаций; прижизненных и посмертных откликов на труды и находки; биохро-ника жизни и деятельности, где акцентированы моменты его сотруд-ничества с многими представителями и объединениями региональной истории и археологии).

3. *Таблица кладов Курской губернии* (выявленная в архиве А.А. Спицына сводка по материалам ИАК с уточнениями и дополнениями по др. документальным источникам).

4. *Образцы иллюстраций* (портретов ученых и краеведов, изображений рабочих моментов экспедиций, факсимиле ключевых документов по краевой археологии).

Содержание диссертации отражают следующие публикации автора.

I. Монографические работы.

1. Первооткрыватели курских древностей. Очерки истории археологического изучения южнорусского края. Вып. I. Предпосылки и становление региональной историографии. Курск, изд-во Курского гос. мед. ун-та, 1997. 136 с. (8,3 печ. л.; тир. 500 экз.).

2. Первооткрыватели курских древностей. Очерки истории археологического изучения южнорусского края. Вып. II. “Золотой век” губернского краеведения: 1860-е – 1910-е годы. Курск, изд-во Курского гос. мед. ун-та, 1997. 140 с. (8,5 печ. л.; тир. 500 экз.).

3. Историк Русской земли. Жизнь и труды Д.Я. Самоквасова. Курск, изд-во Курского гос. мед. ун-та, 1998. 286 с., илл. (16 печ. л.; тир. 500 экз.).

Рец.: Булат В. Книга о Д. Самоквасове // Сумська старовина. Науковий журнал з історії та культури України. №№ V–VI. Суми, Видання Сумського держ. ун-ту, 1999. С. 208–209;

Лаптева Т.А., Эскин Ю.М. Книга о выдающемся археологе и архивисте // Отечественная история. 2000. № 6. С. 186–187.

Бердинских В.А. // Вопросы истории. 2001. № 8. С. 159–160.

4. Историки Курского края. Биографический словарь. Курск, изд-во Курского гос. пед. ун-та, 1998. 122 с., илл. (История Курского края. Вып. 1) (В соавторстве с А.В. Зориным, С.А. Остроуховым, Г.Ю. Стародубцевым) (8,64 печ. л.; авторская часть – 8 печ. л.; тир. 500 экз.).

5. Курск. История города от Средневековья к Новому времени: X–XVII века. Курск, изд-во ООО “Учитель”; изд-во Курского гос. мед. ун-та, 1999. 292 с., илл. (“Курский край”. Т. IV) (В соавторстве с А.В. Зориным, А.И. Раздорским) (17, 95 п. л.; авторская часть – 14 печ. л.; тир. 3000 экз.).

6. Первооткрыватели курских древностей. Очерки истории археологического изучения южнорусского края. Вып. 3. Советское краеведение в провинции: взлёт и разгром (1920-е – 1950-е гг.). Курск, изд-во Курского гос. мед. ун-та, 2002. 200 с. (15,5 печ. л.; тир. 500 экз.).

II. Статьи, публикации документальных материалов.

7. Д.Я. Самоквасов: заповіт археолога // Археологія. 1991. № 1. С. 98–108.

8. Вклад Д.Я. Самоквасова в изучение и охрану древностей Полтавской губернии // 100-річчя Полтавського краєзнавчого музею. Матеріали ювілейної наукової конференції. Ч. II. Археологія Полтавщини. Полтава, 1991. С. 12–17.

9. Искатели кладов // Летопись. Вып. 4. Курск, 1991. С. 4–5.

10. Перечень археологических исследований Д.Я. Самоквасова, составленный им самим в 1910 – 1911 гг. [Публикация, комментарий] // Археология и история юго-востока Руси. Тезисы конференции. Курск, изд-во Курского гос. пед. ин-та, 1991. С. 4–8.
11. Вопросы теории и методики в археологических трудах Д.Я. Самоквасова // Очерки истории русской и советской археологии. М., Ин-т археологии РАН, 1991. С. 25–50.
12. Первый опыт массового учета археологических памятников в России (анкета Д.Я. Самоквасова 1872–1873 гг. и ее результаты) // Российская археология. 1992. № 1. С. 255–264.
13. “Москва. Девичье поле. Архив. Профессору Д.Я. Самоквасову...” // Московский журнал. 1992. № 7. С. 52–58.
14. Эпизоды истории русской археологии (К 150-летию со дня рождения Д.Я. Самоквасова) // Российская археология. М., 1993. № 1. С. 221–235.
15. Д.Я. Самоквасов – историк русского государства и права (К 150-летию со дня рождения) // Государство и право. 1993. № 2. С. 114–120.
16. Д.Я. Самоквасов – историк, археолог, архивист // Вопросы истории. 1993. № 3. С. 177–183.
17. Возраст личности и история общества: новое прочтение курской биографии Феодосия Печерского // Проблемы исторической демографии и исторической географии Центрального Черноземья. Сборник научных докладов IV межвузовской конференции. М.–Курск, 1994. С. 21–29.
18. Д.Я. Самоквасов как друг и сотрудник археологов Уваровых // Уваровские чтения-II. (Муром, 1993). М., 1994. С. 52–57.
19. Последний романтик краеведческой археологии (К 90-летию со дня рождения Ю.А. Липкинга) // Российская археология. 1995. № 3. С. 213–219.
20. Курский дебют П.С. Рыкова как археолога-полевика // Сеймские берега. Курск, 1995. № 3–4. С. 17–18.
21. [Редакция]; Предисловие; [раздел:] Охрана и использование культурного наследия. Культура российской провинции. Курск и его округа в прошлом и настоящем // В кн.: Зыкина Е.Б. Культурология. Учебный курс для студентов медицинского университета. Курск, 1996. С. 3–4; 132–133.
22. Историческое начало Курска. Культурные традиции Курского края // Основы философии и культурологии. Учебное пособие для иностранных студентов, обучающихся в России. Курск, 1996. С. 108–128.
23. На пути изучения древностей Украины: сотрудничество Д.Я. Самоквасова и Н.Е. Макаренко // Полтавський археологічний збірник. Т. III. Археологічні дослідження на Полтавщині 1994 р. Полтава, Центр охорони та дослідження пам'яток археології, 1995. С. 191–198.
24. Археологический почин курского учителя А.И. Дмитриюкова в 1820-е – 30-е годы // Российская археология. 1996. № 4. С. 177–184.
25. Образ змея-дракона в эпической мифологии и его археологическая реплика – зооморфные остроконечники из круга дружинных древностей Восточной Европы // Юдинские чтения–96. Курск, изд-во Курского пед. ун-та, 1996. С. 45–52.
26. Основные направления торговых связей Курской земли в X–XIII веках // Торговля Курского края с древнейших времен до начала XX века. Сб. статей и материалов. Курск, изд-во Комитета по культуре и искусству администрации Курской области, 1996. С. 12–34 (В соавторстве с В.В. Енуковым).
27. “Куреськ на Тускорн”: к вопросу о происхождении летописного города // Труды VI Международного Конгресса славянской археологии. Т. 2. Славянский

средневековый город. М., изд-во “Фонд археологии”, 1997. С. 261–271 (В соавторстве с Ю.Ю. Моргуновым).

28. [Соредакция; Предисловие (в соавторстве с А.Е. Кедровским, А.Т. Хроленко); статья:] Имя города Курска: историко-археологические материалы к этимологии // Курские тетради. Курск и куряне глазами ученых. Тетрадь пер-вая. Курск, изд-во Курского пед. ун-та, 1997. С. 3–10, 11–22.

29. “Северяне от кривичей”: новгородско-курские параллели как примечание к летописной формуле // Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Материалы научной конференции. Новгород, изд-во Новгородского ун-та им. Ярослава Мудрого, 1997. С. 33–38.

30. Антураж княжеских съездов на Руси: замечания по культурно-исторической семантике // Любецкий з’їзд князів 1097 року в історичній долі Київ-ської Русі. Материали міжнародної наукової конференції, присвяченої 900-лїт-тю з’їзду князів Київської Русі у Любечі. Чернігів, “Сїверянська думка”, 1997. С. 20–23 (В соавторстве с А.С. Щавелёвым).

31. Становление археологического интереса в России XVII века (ранние находки древностей в районе Курска в отражении приказного делопроизводства) // Российская археология. 1998. № 2. С. 188–194.

32. [Соредакция]; Древнерусский Курск: предпосылки и период становления города // Курские тетради. Курск и куряне глазами ученых. Тетрадь вто-рая. Курск, изд-во Курского пед. ун-та, 1998. С. 3–25.

33. “Земля, мне близкая...” Историк Д.Я. Самоквасов и Курский край // Порубежье. Литературный альманах. № 1 (3). Курск, 1998. С. 126–128.

34. Курское краеведческое общество 1920-х гг. и его археологические ра-боты // Очерки истории отечественной археологии. Вып. 2. Сост. А.А. Формозов. М., изд-во “Богородицкий печатник”, 1998. С. 187–213.

35. Основные направления изучения курской истории сегодня (с древней-ших времён до XVII века) // Историко-культурное краеведение: вчера, сегод-ня, завтра. Материалы I научно-практической региональной конференции (г. Курск, 24–25 мая 1999 г.). Курск, изд-во Курского гос. пед. ун-та, 1999. С. 12–19.

36. Северяне “Повести временных лет” и формирование древнерусской на-родности // Проблемы славяноведения. Сб. научных статей и материалов. Вып. 1. Брянск, изд-во Брянского гос. пед. ун-та, 2000. С. 7–25.

37. [Соредакция; статья:] Курск и монголы: к истории города и его окру-ги в XIII–XIV вв. // Курские тетради. Курск и куряне глазами ученых. Тет-радь третья. Курск, изд-во Курского гос. пед. ун-та, 2000. С. 3–31.

38. Славянская археология в эпистолярном архиве Д.Я. Самоквасова (Письма В.Б. Антоновича) // Проблемы славяноведения. Сб. научных статей и материалов. Вып. 2. Брянск, изд-во Брянского гос. пед. ун-та, 2000. С. 206–214.

39. Чёрная могила // Вопросы истории. 2001. № 2. С. 134–141 (В со-авторстве с А.С. Щавелёвым).

40. Славянская археология в эпистолярном архиве Д.Я. Самоквасова (Избранные письма польских, украинских, чешских корреспондентов) // Проблемы славяноведения. Сб. научных статей и материалов. Вып. 3. Брянск, изд-во Брянского гос. ун-та, 2001. С. 383–391.

41. Сеймский путь (в системе международных коммуникаций Восточной Европы рубежа I и II тысячелетий н.э.) // Археологический сборник. Гнёздо-во. 125 лет исследования памятника. М., 2001 (Труды Государственного Исто-рического музея. Вып. 124). С. 145–158, илл.

42. [Соредакция; статья:] Курск: происхождение имени летописного города // Курские тетради. Курск и куряне глазами ученых. Тетрадь четвертая. Курск, изд-во Курского гос. пед. ун-та, 2002. С. 11–31.

III. Тезисы докладов и выступлений на научных конференциях, рецензии, словарные статьи.

43. Живые страницы истории [Рец. на кн.: Страницы истории города Курска. Воронеж, 1981] // Книжное обозрение. 1982. № 6. С. 2.

44. И.Е. Забелин и Д.Я. Самоквасов: моменты сотрудничества // Научные чтения к 170-летию И.Е. Забелина [в Государственном Историческом музее]. М., 1990. С. 3–5.

45. Первые страницы истории курской археологии (А.И. Дмитриуков и Д.Я. Самоквасов) // Археология и история юго-востока Руси. Тезисы конференции. Курск, 1991. С. 95–97.

46. Становление археологической методологии и методики в России (Вклад А.С. Уварова и Д.Я. Самоквасова) // Теория и методика исследования археологических памятников лесостепной зоны. Тезисы докладов научной конференции. Липецк, 1992. С. 9–12.

47. А.И. Дмитриуков – первый курский археолог и этнограф // Архивная находка. Тезисы выступлений на научно-практических чтениях. Вып. 1. Курск, 1992. С. 25–29.

48. Д.Я. Самоквасов: эскиз археологического наследия // Проблемы истории отечественной археологии. Тезисы докладов конференции. СПб., 1993. С. 21–23.

49. Д.Я. Самоквасов: эскиз творческого наследия // Слов'яни і Русь у науковій спадщині Д.Я. Самоквасова. Матеріали історико-археологічного семінару, присвяченого 150-річчю від дня народження Д.Я. Самоквасова (Новгород-Сіверський). Чернігів, “Сіверянська думка”, 1993. С. 7–9.

50. Историография провинциальных древностей (эскиз периодизации применительно к юго-востоку России) // Археология и история юго-востока Древней Руси (Материалы научной конференции). Воронеж, изд-во Воронежского гос. ун-та, 1993. С. 91–93.

51. С.А. Федоров (1860–1934) – выдающийся ученый и инженер, организатор текстильной промышленности России – липецкий уроженец // История — философия – культура. Первые историко-философские чтения, посвященные 40-летию Липецкой области. Тезисы докладов и сообщений. Липецк, 1994. С. 42–43.

52. 150-летие со рождения Д.Я. Самоквасова. Юбилейные мероприятия // Российская археология. 1994. № 4. С. 244–246.

53. Научные конференции, посвященные Д.Я. Самоквасову // Архив русской истории. Вып. 4. М., “Археографический центр”, 1994. С. 234–237.

54. К.П. Сосновский и его археологические работы в Посеймье // Проблеми ранньослов'янської і давньоруської археології Посейм'я. Матеріали наукової конференції, присвяченої 900-річчю Вира-Білопілля. Білопілля, 1994. С. 56–57.

55. Деснинская экспедиция М.В. Воеводского и ее вклад в археологическое изучение Курского края // Деснинские древности. Сборник материалов межгосударственной научной конференции, посвященной памяти Ф.М. Заверняева. Брянск, 1995. С. 12–15.

56. Этноним “северяне” и его историко-географические особенности в Курском Посеймье // Проблемы исторической демографии и исторической географии

Центрального Черноземья и Запада России. Сборник тезисов V между-народной конференции. М.–Брянск, изд-во Брянского пед. ун-та, 1996. С. 26–29.

57. Обречённый арьергард: курские краеведы 1920-х – 30-х годов и раз-гром провинциальной археологии в Советской России // Юг России в прошлом и настоящем: история, экономика, культура. Материалы региональной научно-практической конференции. Белгород, изд-во Белгородского пед. ун-та, 1996. С. 4–6.

58. Феномен кладоискательства на юге России в предыстории славянской археологии // Славяне и их соседи. Тезисы XV конференции. Миф и история. Происхождение и ранняя история славян в общественном сознании позднего Средневековья и раннего Нового времени. М., Ин-т славяноведения РАН, 1996. С. 55–58.

59. Н.К. Рерих как археолог и дальнейшие судьбы российских древностей // Мир через культуру. Материалы областной общественно-научной конферен-ции, посвященной 60-летию пакта Рериха. Курск, изд-во Духовного центра Ре-рихов, 1996. С. 55–57.

60. Юбилей Д.Я. Самоквасова // Сумська старовина. Збірник наукових праць. Сумы, Сумський державний ун-т, 1996. С. 9–11.

61. Подвиг во имя христианских идеалов: образец Св. Феодосия Печер-ского (новая хронология) // Святий князь Михайло Чернігівський та його до-ба. Матеріали церковно-історичної конференції. Чернігів, “Сіверянська думка”, 1996. С. 67–69.

62. [С.Н. Ефременко] // Курск (Документы. Воспоминания. Статьи). Курск, изд-во Курского гос. мед. ун-та, 1997. С. 97–98.

63. Этнографические материалы в научном наследии археолога Д.Я. Са-моквасова // Развитие культуры в каменном веке. Краткое содержание докла-дов на Международной конференции, посвящённой 100-летию Отдела археоло-гии МАЭ. СПб., Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера), 1997. С. 164–165.

64. Курское Посеймье в “Поучении” Владимира Мономаха // Россия и Украина на пороге XXI века. Пути сочетания национальных интересов и брат-ского взаимодействия (Тезисы докладов и сообщений международной конферен-ции. Ч. “История и историография. Общность исторических судеб и сотрудни-чество славянских народов”). Воронеж, Центрально-Черноземное книжное изд-во, 1997. С. 78–81.

65. Дмитрюков А.И.; Рыков П.С.; Самоквасов Д.Я.; Самсонов В.И.; Со-ловьев Л.Н. // Курск. Краеведческий словарь-справочник. Курск, 1997. С. 119; 340; 342–344.

66. Левобережье Днепра в IX–XI вв. как культурно-политический фено-мен // Проблемы исторической демографии и исторической географии Центра-льного Черноземья и Запада России. Липецк, изд-во Липецкого гос. пед. ин-та, 1998. С. 11–13.

67. Воевода Претич и войско Днепровского Левобережья в событиях пече-нежской войны 968 г. // Материалы международной научно-практической кон-ференции “Юг России в прошлом и настоящем: история, экономика, культура”. Белгород, изд-во Белгородского гос. ун-та, 1998. С. 14–16.

68. [Рец. на кн.:] А.А. Формозов. Классики русской литературы и исто-рическая наука // Вопросы истории. 1998. № 5. С. 156–158.

69. Курск и куряне в научной литературе // Курские тетради. Курск и куряне глазами ученых. Тетрадь вторая. Курск, изд-во Курского пед. ун-та, 1998. С. 68–71.

70. Курск в контексте летописного эпизода 1139 г. // Текст: этнокуль-турный аспект (Материалы конференции). Славянск-на-Кубани, изд-во Курско-го гос. пед. ун-та, 1998. С. 123–124.

71. Гносеология фольклора (Постановка проблемы на примере историо-графии и археологии) // Фольклор и мировая культура. Тезисы докладов на-учной конференции “Юдинские чтения–98” (г. Курск, 12 февраля 1998 г.). Курск, изд-во Курского гос. пед. ун-та, 1998. С. 83–87.

72. Д.Н. Анучин и Д.Я. Самоквасов: моменты научного сотрудничества // Интеграция археологических и этнографических исследований. Материалы VI международного научного семинара, посвященного 155-летию со дня рожде-ния Д.Н. Анучина. Ч. II. Омск, изд-во Омского ун-та, 1988. С. 130–132.

73. Клады куфических монет в Курском Посеймье // Археология Цент-рального Черноземья и сопредельных территорий. Тезисы докладов научной конференции. Липецк, изд-во Липецкого гос. пед. ин-та, 1999. С. 155–159.

74. Словарь курских историков: первый опыт и критерии составления // Историко-культурное краеведение: вчера, сегодня, завтра. Материалы I научно-практической региональной конференции (г. Курск, 24–25 мая 1999 г.). Курск, изд-во Курского гос. пед. ун-та, 1999. С. 61–62.

75. Местоположение древнего Курска // Исторический город в контек-сте современности. Материалы межрегиональной научно-практической конферен-ции. Вып. IV. Секция “Историко-культурная и природная среда исторического города. Археология. Экология”. Нижний Новгород, Нижегородский гуманитар-ный центр, 1999. С. 10–15.

76. Первые находки останков курских мамонтов и окончательное откры-тие С.Н. Замятниным палеолита на Сейме // Археология Черноземного центра России: история исследований, историография. Материала региональной науч-ной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения С.Н. Замятнина. Воронеж, 1999. С. 19–23.

77. Находки и значение северных древностей в Курском Посеймье рубежа I и II тыс. н. э. // 60 лет кафедре археологии МГУ им. М.В. Ломоносова. Те-зисы докладов юбилейной конференции. М., 1999. С. 246–249.

78. Самоквасов Д.Я. // Энциклопедія Сумщини (материали). Вип. III. Діячі науки. Суми, Сумський державний ун-т, 1999. С. 75–77.

79. [Рец. на кн.:] В.А. Бердинских. Вятлаг. Киров, Кировская областная типография, 1998. 336 с. // Вопросы истории. 2000. № 1. С. 163–164.

80. Курск в XIII–XVI вв.: между Ордой, Литвой и Москвой // Населе-ние и территория Центрального Черноземья и Запада России в прошлом и на-стоящем. Материалы VII региональной научной конференции по исторической демографии и исторической географии, посвященной 75-летию проф. В.П. Заго-ровского (1925–1994). Воронеж, “Центр духовного возрождения Чернозёмного края”, 2000. С. 106–108.

81. Облик старого Рыльска на взгляд А.И. Дмитрюкова // Малые горо-да России. Материалы II Всероссийской научно-практической конференции (1–3 июня 2000 г., г. Рыльск). Ч. I. Курск, Изд-во Курского гос. пед. ун-та, 2000. С. 48–50.

82. Курск и куряне в научной литературе (1998–2000 гг. издания) // Курские тетради. Курск и куряне глазами ученых. Тетрадь третья. Курск, изд-во Курского гос. пед. ун-та, 2000. С. 31–37.

83. Ю.И. Юдин как теоретик искусства // Юдинские чтения-2000. Фо-льклор и национальная культура. Ч. I. Курск, изд-во Курского гос. пед. ин-та, 2000. С. 3–7.

84. “Куры Тьмутороканя” в свете этимологии имени летописного города Курска // Словознавство. “Слово о полку Ігоревім” та його епоха. Вип. I. Ки-їв–Суми–Путивль, Вид-во Сумського державного ун-ту, 2000. С. 71–73.

85. Летописный город Римов: на верхнем Псле или на нижней Суле он располагался? // Там же. С. 135–140.

86. У начала русского монашества: Св. Феодосий Печерский на пути из Курска в Киев (Уточнение хронологии) // Уваровские чтения-III. “Русский православный монастырь как явление культуры: история и современность”. Материалы научной конференции, посвящённой 900-летию Муромского Спасо-Преображенского монастыря. Муром, 17–19 апреля 1996. Муром, 2001. С. 164–165.

87. Курск на Ловати и Курск на Тускари: историко-археологический комментарий к топонимическому дубликату // Топонимия и диалектная лексика Новгородской земли. Материалы Международной научной конференции “Историческая топонимика Великого Новгорода и Новгородской земли” 13–15 ноября 2001 г. Великий Новгород, изд-во НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2001. С. 83–90.

88. [Соредакция]; Юрий Иванович // Юдин Ю.И. Записные книжки. Курск, изд-во Курского гос. пед. ун-та, 2001. С. 5–9 (В соавторстве с А.Т. Хроленко, А.П. Садило).

89. В защиту Д.Я. Самоквасова // Вопросы истории. 2002. № 2. С. 174–175.

90. Зооморфные острия с роменских памятников Курского Посеймья // Деснинские древности. Вып. 2. Материалы межгосударственной научной конференции “История и археология Подесенья”, посвященной памяти брянского археолога и краеведа Ф.М. Заверняева. Брянск, Брянский краеведческий музей, 2002. С. 93–97.

91. Вятчи и “семцы” в контексте военно-политической деятельности Владимира Мономаха // Там же. С. 190–198.

92. The annalistic legend about Kiy as a model of early state formation // II Международная конференция “Иерархия и власть в истории цивилизаций” (СПб., 4-7 июля 2002 г.). Тезисы докладов. М., Центр цивилизационных и региональных исследований РАН; Институт востоковедения РАН (Санкт-Петербургский филиал). 2002. С. 95.

IV. Работы по теоретико-методологическим предпосылкам диссертационного исследования.

93. О методологической культуре практического социального действия // Общее и особенное в методологии социальных исследований. Л., изд-во Ленинградского ун-та, 1986. С. 164–173.

94. Роль отрицательных результатов в научном познании и практической жизни // Проблемы методологии науки и формирования научного мышления. Сборник научных трудов. Курск, 1989. С. 133–145.

95. Практическое познание как философско-методологическая проблема // Научные доклады высшей школы. Философские науки. 1990. № 3. С. 117–122.

96. Практическое знание // Социальная сила знания. Минск, изд-во “Университетское”, 1991. С. 24–35.

97. Практическое значение гуманитарного знания // Гуманитарное знание: сущность и функции. Межвузовский сборник. СПб., изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1991. С. 56–69.

98. Личностное познание как феномен практики // Мышление и субъективный мир. Сборник научных трудов. Ярославль, изд-во Ярославского ун-та, 1991. С. 90–93.

99. Практическое познание. Философско-методологические очерки. Воронеж, изд-во Воронежского ун-та, 1994. 232 с. (13,5 печ. л.; тир. 1000 экз.).

100. Метод практики: природа и структура. Курск, изд-во Курского мед. ун-та, 1996. 132 с. (8,5 печ. л.; тир. 500 экз.).

101. Повседневность, научность, специальность: проблемы соотношения рациональностей // Научная рациональность и структуры повседневности. Тезисы научной конференции. Санкт-Петербург. 22–23 ноября 1999 г. СПб., 1999. С. 24–26.

102. [Рец. на кн.:] И.Т. Касавин. Миграция. Креативность. Текст. Проблемы неклассической теории познания // Вопросы философии. 1999. № 12. С. 143–146.

103. Повседневность и ритуал: единство противоположностей? // Ритуальное пространство культуры. Материалы международного форума. СПб., Изд-во Санкт-Петербургского Философского общества, 2001. С. 321–324.

104. “Синяя птица” повседневности. Этюды к антропологии обыденного сознания. Курск, изд-во Курского гос. мед. ун-та, 2002. 125 с. (7,75 печ. л.; тир. 200 экз.).

КУРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МЕДИЦИНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

ЩАВЕЛЁВ Сергей Павлович

**СУДЬБЫ ИСТОРИЧЕСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ ЮЖНОЙ РОССИИ
И ИХ МЕСТО В ЕЁ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ
XVII–XX ВЕКОВ
(По материалам археолого-этнографического изучения
Курского края)**

Специальность 07. 00. 02 — отечественная история

Диссертация на соискание учёной степени
доктора исторических наук

Курск 2002

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Глава I. Предпосылки и становление регионального древлеведения в России	
1. Волшебное зеркало фольклора: местная старина в устном творчестве южнорусского населения	
2. Порубежники Московского государства — искатели кладов (случайные находки древностей и магическая “археология”)	
3. История глазами географов: первые описатели Курского наместничества	
4. Пионер научного краеведения: раскопки и этнографические труды уездного учителя А.И. Дмитриюкова	
Глава II. “Золотой век” губернской историографии: 1860-е – 1910-е гг.	
1. Просвещение читающей публики: историко-археологические сюжеты на страницах губернской периодики	
2. Прошлое края в трудах Статистического комитета	
3. Профессор Д.Я. Самоквасов и его провинциальные маршруты	
4. Учёная архивная комиссия в Курске и её историко-этнографи-	

ческий музей	
Глава III. Гуманитарное краеведение как феномен советской культуры	
1. Обречённый арьергард: дела, планы, разгром общества краеведов в Курске 1920-х – начала 30-х годов	
2. Л.Н. Позняков — собиратель архивных сокровищ	
3. В.И. Самсонов — хранитель музейных редкостей	
4. Ю.А. Липкинг — первооткрыватель областных древностей ...	
Глава IV. Достижения, проблемы и перспективы российской археоре- гионалистики (на примере Курского Посеймья)	
1. Деснинская экспедиция М.В. Воеводского и возобновление краевой археологии в послевоенную пору	
2. Современное состояние изучения и охраны исторических древностей Курской земли	
Заключение	
Библиографические ссылки и примечания	
Приложения	
1. Историки Курского края. Библиографический словарь ..	
2. Д.Я. Самоквасов (1843–1911) — историк, археолог, архивист. Библиография	
3. Таблица монетных кладов Курской губернии	
Источники и литература	
Список сокращений	

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования — нескольковекового, поэтапного освоения русскими учёными-гуманитариями и краоведами-любителями разнообразных памятников истории и культуры своей страны, отдельных её районов — постоянна как в академически-познавательном, так и в практически-прикладном своих планах. Историческое самопознание русского народа и в гуманитарной науке (разных её отраслях), и на практике (массовых настроений, педагогического просвещения, политико-идеологических технологий) тесно связано с региональным, областническим подходом к соответствующим материалам. Процессы глобализации на международном, унификации на национально-государственном уровнях прихотливо сочетаются с удержанием культурно-исторического своеобразия отдельных местностей, поселений и землячеств, особенно в таких обширных странах с полиэтничным населением, как Россия. Не случайно локалистика (или же регионология) за последние годы обретает, наконец, достойный своего значения статус в структуре исторического познания [1]. Тем более, что местные деятели и организации занимались краевыми древностями по большей части в тесном взаимодействии с центральными органами науки и просвещения, столичными специалистами. Цельное понимание предпосылок и перспектив отечественной культуры предполагает учёт такого рода информационных и личностных взаимосвязей.

Мера изученности проблем археорегионалистики [2] прояснилась на очередном переломе истории русского общества в 1990-е – 2000-е гг., когда снова был востребован опыт работы и реабилитированы духовные ценности наших предшественников — многих поколений деятелей русской науки и культуры. Их творческое наследие оказалось сохранено и оценено весьма неравномерно. Ретроспектива таких отраслей гуманитарных исследований, как история, архивистика, археология, этнография, фольклористика, антропология и т.п., представлялась до недавнего времени в учебной и монографической литературе весьма выборочно —

кущим рядом “титულных”, “канонизированных” (в рамках той или иной идеологии) фигур своих корифеев. Гораздо большее число авторов и деятелей, особенно живших и трудившихся в провинции, над её “живой” и “мёртвой” стариной, пребывало в полном или частичном забвении. Между тем, их архивированное, музеефицированное и печатное наследие представляет сегодня несомненный интерес для истории и гуманитарной практики.

За последние годы былым представителям исторической и прочих общественных наук из российской провинции уделяется всё большее внимание. Оказалось, что без учёта вклада областной, краеведческой мысли и организации картина развития отечественной науки и всей остальной культуры явно неполна, обеднена. Кроме множества отдельных публикаций более или менее частного характера, сравнительно недавно увидели свет панорамные обзоры исторической регионологии Московской земли, Поволжья, Русского Севера, Урала, Сибири, Алтая, Воронежского Подонья, Вятского, Муромского, Тульского, некоторых других краёв России, а также Белоруссии и Украины [3]. Настоящая диссертация и готовившие её публикации автора [4] дополняют этот тематический ряд за счёт ещё одного субъекта Российской Федерации, чьи древности и этапы их изучения представляются характерными для её европейской, в особенности более или менее южной части.

Важность данной тематики осознаётся не только отечественными, но и зарубежными историками-русистами. Так, в недавно подготовленном американцами новаторском труде “Видение, институты и опыт России периода империи” XVIII – первой половины XIX вв. вторая его часть именуется “Представления об империи”. В ней анализируются проекты организации Русского национального музея и Императорского Русского Географического общества — с точки зрения манифестации исторического прогресса России, её уникального опыта собирания разных народов в единое государство с самобытной культурой. Авторы указанного раздела стремятся показать, что “наука играла свою роль в оформлении концепции империи, а империя и народность — в формировании научных концепций” [5].

В нашей работе, между прочим, рассматривается и указанный, и готовивший его, и последующие периоды русского исторического самосознания. В том числе взаимодействие ИРГО с провинциальными представителями этнографии, истории и других отраслей гуманитарного знания; затрагивается вопрос о реальном создании Русского Исторического музея на Красной площади Москвы, начало которому положили коллекции древностей, полученные с помощью раскопок в провинции и при участии губернских и уездных любителей старины. Названные сюжеты далеко не исчерпывают тематического репертуара

исследований общественно-политического и этнокультурного значения отечественных древностей, но дают независимое представление об эвристичности таких работ.

Объект рассмотрения определялся автором как по степени его обеспеченности архивными, вообще документальными источниками; так и по его типичности, так сказать прецедентности на общероссийский масштаб истории науки и культуры. В качестве достаточно показательного, своего рода модельного избран весьма типичный для относительно южной, а в значительной степени и для всей центральной европейской России *регион* — *Курский край*. Сформировавшись вокруг поречья Сейма, этой географической сердцевины летописного объединения восточных славян “Север” (IX–X вв.); развиваясь (с XI в.) вместе со всем Древнерусским государством; оказавшись затем на по-граничье Руси и Орды (XIII–XIV вв.), Литвы и Московии (XV–XVI вв.); войдя (с начала XVII в.) в состав Московского царства, Курск и его округа с тех пор накопили весь возможный в Европе репертуар памятников старины — вещественных и словесных, топонимических и этнологических, документально-архивных и архитектурных. Поэтому весьма репрезентативно оказалось рассмотрение исторических древностей именно этой земли, её взаимосвязей со столичными центрами и с прочими регионами страны по части широко понятого древлеведения.

Уточнённые (при участии автора [6]) *рубежные вехи истории города и области Курска* выглядят следующим образом: первое упоминание в письменных источниках (“Житии Феодосия Печерского”) относится к началу 1030-х гг.; в летописании (“Поучение” Владимира Мономаха) — около 1066; Курское княжество фигурирует там с 1095 (и по 1290); после чего на части его территории татаро-монголами основано баскачество; в 1360-х – 70-х “Курская тьма” отходит Великому кня-жеству Литовскому; сам “Курескъ на Тускоре” упоминается в “Списке русских городов...” (не позднее 1381) и в трактате князя Свидригайло Ольгердовича (за 1402); в 1596 на Курском городище возводится кре-пость Московского государства; с 1708 Курская земля составляет части Киевской и Азовской губерний; с 1719 — части Белгородской и Севской провинций Киевской губернии; в 1728 их вобрала в себя Белго-родская губерния; в 1779 вместо неё образовано Курское наместниче-ство; в 1797 оно переименовано в губернию; в 1799 тут введено граж-данское губернаторство. О дальнейших административных судьбах данного региона известно лучше.

Таким образом, в лице *Курского Посеймья* перед нами многовековой образец тех жизненных реалий, что соответствует культурно-историческому понятию “регион” (он же, если не требуются терминологические тонкости, “край” или “местность”, “земля”, “область” в усреднённом, современном значении этих слов), чьи границы во времени и

пространстве то совпадают с условно-административными, то отличаются от них. В основе регионализации — жизнедеятельность субэтнической общности людей-земляков, осуществляемая при климате и ландшафте, прочих природных условиях определённого типа, тех или иных внутрисполитических и международных обстоятельствах. А *регионим "куряне"* — одно из самых ранних и устойчивых земляческих определений в истории Руси-России, фигурирующее в источниках с домонгольских времен (летописи, "Слово о полку Игореве") и непрерывно до наших дней, т.е. около тысячи лет. Применительно к теме диссертации важны не столько различия, сколько поэтапная преемственность между отдельными отрезками развития данного региона: от потестарного объединения славян-«семцев» к удельному княжеству державы Рюриковичей, Киевской Руси; через монгольский разор, подчинение Орде и литовское подданство к военному укрепрайону Московского царства; потом наместничеству, губернии императорской, затем Советской России и, наконец (с 1934 г.), области СССР, ныне Российской Федерации. Некоторая изменчивость и проницаемость границ курских земель за последнее тысячелетие не нарушали намного и надолго их исходного политико-географического ядра.

Предметом исследования в диссертации служит отношение российского государства и общества к памятникам истории и культуры (прежде всего археологическим, а также этнографическим, фольклорным, архитектурным, архивным); генезис, эволюция, вариации этого отношения на протяжении XVII–XX вв.; взаимодействие столичных центров и периферии на поприще древлеведения. Прослеживаются разные, но взаимосвязанные стороны освоения региональных древностей — как духовно-теоретическая (научно-академическая и любительско-краеведческая), так и предметно-практическая (поисковая, инвентаризационная, охранно-реконструктивная, музеефикационная, дидактико-педагогическая, просветительско-пропагандистская).

Понятие "археология" появилось на русском языке в качестве общеупотребительного в начале XIX в. Довольно долго оно использовалось в гораздо более широком значении, нежели сегодня. Тогда этому термину давался в России по сути дословный перевод — "*древле-ведение*", наука об исторических памятниках, всех без исключения. Не только о вещественных остатках далекого прошлого, в большинстве своем скрытых под землей, но и о старинной письменности, первопечатной книжности, фольклоре, исторической географии, обычном праве, архитектуре, иконописи, художественных ремеслах и других образцах изобразительного искусства минувших столетий. Археологами в ту пору именовали как тех, кто с научными целями раскапывал городища и курганы, так и знатоков старинных рукописей, собирателей книжных и

прочих раритетов. Так, популярный историк Н.И. Костомаров в 1875 г. полагал "археологическим занятием" "чтение старых бумаг"; "археологом-юристом" слыл известный правовед и архивист Н.В. Калачов; "археологом русского слова" звался виднейший наш фольклорист А.Н. Афанасьев; и т.д.

Особенно разносторонний характер приобрела и долго сохраняла русская археология в провинции. Там сложился особый тип археолога-любителя, низового историка, который, по определению академика-филолога И.И. Срезневского, "не упускал из вида ни рукописи, ни монеты, ни грамоты, ни креста и иконы, ни церкви и кладбища, все отмечал, списывал, описывал, все сводил в любопытные статьи и книги" [7]. Такого рода подвижникам познания и просвещения из числа курян посвящено настоящее исследование. А вместе с ними — тем профессиональным ученым из столичных университетов и академических обществ, служащим центральных учреждений, что начинали и продолжали планомерное изучение центра и юга России с позиций гуманитарного знания.

Закономерный процесс углубления, специализации гуманитарных исследований на протяжении XX в. сузил понятие археологии, привёл к более строгому разграничению отдельных исторических дисциплин. Одни из них (вроде этнологии или фольклористики) ушли дальше от археологии в современном, собственном смысле этого термина; другие (скажем, нумизматика) сохраняют с ней более тесное взаимодействие. В итоге возобладало уточненное значение археологии, как "науки, изучающей древнейшие этапы истории путем исследования памятников материальной культуры" [8]. Поэтому основное внимание в диссертации уделено находчикам, публикаторам и толкователям именно археологических памятников Курского и сопредельных ему краёв. Вместе с тем, более или менее подробно затронуты собственно исторические, этнографо-антропологические, архивные, филологические, естественнонаучные аспекты здешней старины.

Цель работы — определить значение исторических древностей, расположенные в российской провинции, для общего строя её культуры; проследить, как формировалось и изменялось отношение государства и разных слоёв населения к историческому наследию своей Родины.

Основная цель работы достигалась благодаря решению следующих *исследовательских задач*:

наметить *общую периодизацию* развития отечественной историко-краеведной мысли и практики выявления, охраны, изучения и музеефикации памятников старины (применительно к такому модельному региону, каков Курский край, и сопредельные с ним, социокультурно родственные ему территории России);

рассмотреть основное *содержание каждого этапа* провинциального древлеведения, начиная с донаучной, фольклорно-этнографической предыстории и зарождения интеллектуального, протонаучного интереса к отечественным древностям в XVII столетии; через развитие профессионально-академического и любительского их изучения в XVIII–XX вв., вплоть до наших дней;

создать *творческие портреты* наиболее типичных и плодотворных представителей академической науки и местного краеведения, занимавшихся поиском, исследованием и сохранением, популяризацией разных видов краевых древностей;

охарактеризовать ведущие (на том или ином этапе) *организации краеведов* на местах; реконструировать их деловые *взаимосвязи со столичными центрами* науки и просвещения, правительственными и местными органами государственной власти и общественными объединениями соотечественников, земляков;

выявить и повторно ввести в научный и педагогический оборот некоторые, представляющие особый интерес сегодня *материалы* указанных *лиц и организаций*, касающиеся памятников старины; биографические данные, архивированные отчеты по изучению наиболее важных, эталонных объектов; ставшую антикварной редкостью литературу на историко-краеведческие темы;

сопоставить взгляды, *идеи и методики* учёных и краеведов прошлых времён по ключевым проблемам истории и культуры избранного региона с современным уровнем их познания; постараться выявить как мифологемы и устаревшие теории, так и незаслуженно забытые, до сих пор актуальные в том же историко-краеведческом плане точки зрения наших предшественников;

учесть *положительные и отрицательные моменты* длительного *опыта историко-краеведного движения* по соотношению теории и практики, науки и идеологии в связи с региональными древностями;

на примере того же края оценить *современное состояние*, основные проблемы и перспективы *работы* государственных служб и представителей общественности *с памятниками* региональной истории и культуры.

Степень разработанности проблемы исследования скорее вдохновляет к её дальнейшему изучению, нежели расхолаживает своей завершенностью. В советский период рассмотрение регионального фактора отечественной истории и культуры приобрело довольно однобокий характер. Большая часть научных исследований в социально-гуманитарной сфере сводилась к достаточно универсальным, весьма типологизированным уровням анализа. Акцент на них волей-неволей нивелировал исходную конкретику множества малых родин русского и других

российских народов; областническую, земляческую специфику реальных условий их существования. Скорее всего, здесь сказалась вообще свойственная советской идеологии одномерность — узкоклас-совая, монопартийная, строго формационная, интернационалистская. Во всяком случае, российская провинция долго выглядела со страниц нашей научной, учебной, справочной литературы лишь как тусклая декорация столичной драмы идей и событий, пассивный объект облаго-раживающего воздействия прогрессивного центра. Для мелкомасштабного, пристального рассмотрения судеб отдельных краёв, городов, районов, сёл и деревень, т.е. вроде бы поселенческих “частностей” на карте великой и могучей державы, даже распространился в 1920-е гг. специальный неологизм — *краеведение*. Не случайно, что до революции такое определение почти не употреблялось. Хотя профессиональные и особенно любительские занятия разными науками в российской провинции начались куда как рано, шли параллельно и во взаимно заинтересованном диалоге с центральными учёными обществами и просветительскими организациями. Начиная примерно с середины 1980-х гг. “рейтинг” локалистической тематики в очередной раз растёт и в науке, и в рамках различных общественных движений. Однако прошлый опыт работы с местными памятниками истории и культуры в значительной степени пребывает в забвении, его положительные и отрицательные стороны учитываются сегодня далеко не всегда.

Парадигмальным образцом для собственных разысканий в этой области нам служили статьи и книги А.А. Формозова [9]. Ему первому и многие годы единственному удалось показать эволюцию науки об исторических древностях российской земли в тесной связи с развитием всей отечественной культуры, начиная с литературы и искусства и заканчивая религией и политической идеологией; на широком международном фоне. Еще раньше в том же социокультурном ключе был выполнен ряд содержательных работ по истории фольклористики (М.К. Азадовского); этнографии (С.А. Токарева). А затем и по истории археологии (Г.С. Лебедева, Л.С. Клейна, Н.И. Платоновой, А.Д. Пряхина, И.Л. Тихонова, И.В. Тункиной, М.В. Цыбина, А.В. Жука и др.); антропологии (Н.Г. Залкинда и др.); лингвистики (В.М. Алпатова и др.); археографии и архивного дела (В.Н. Самошенко, В.П. Козлова и др.). Фронтальное рассмотрение судеб разного рода отечественных древностей и их первооткрывателей развернулось в 1990-е гг. Значительный вклад в реконструкцию отдельных направлений, периодов, региональных школ историко-краеведческой мысли и практики нашей страны внесли также труды А.Н. Акиньшина, Л.В. Алексеева, В.А. Бердинских, О.Е. Глаголевой, М.Д. Карпачева, И.И. Комаровой, В.П. Корзун, О.Г. Ласунского, В.П. Макарихина, Н.А. Милонова, С.И. Михальченко, М.П.

Мохначевой, М.А. Орешинной, Е.Д. Петряева, Л.В. Писарьковой, Т.О. Расмутовой, Т.Д. Рюминой, А.А. Севастьяновой, А.Д. Степанского, В.И. Чеснокова и довольно многих других авторов.

Курск и его округа дают весьма показательные образцы исторического, археологического, этнографического, фольклористического и т.п. краевого самопознания. Соответствующий материал впервые последовательно и комплексно рассмотрен в настоящем исследовании.

Источниковая основа работы и методика её использования наметились при подготовке нами биографии выдающегося русского учёного — историка, археолога, архивиста Д.Я. Самоквасова (1843–1911). Тот на рубеже XIX–XX вв. состоял активным членом большинства академических обществ и организаций, занимавшихся историческими древностями в России; как центральных, так и провинциальных; возглавлял Московский архив министерства юстиции — крупнейшее хранилище древних актов страны, в чьих фондах отложились самые ранние (XVII–XVIII вв.) материалы по историко-археологической части. Творческого наследие этого же автора сказалось и в опыте исторического краеведения советского периода. Завершив жизнеописание Д.Я. Самоквасова и опубликовав часть его архивного наследия, мы продолжили специальную разработку древлеведческих сюжетов, относящихся к южным регионам России, прежде всего Курскому краю. Так сложился *комплекс источников* по теме настоящей диссертации. Прежде всего, это *печатные труды ученых-гуманитариев и любителей-краеведов*, занимавшихся древностями юга России. Учётная библиография их заметок, статей, рефератов, брошюр, монографий, курсов лекций, других учебных пособий, рецензий, докладов и служебных записок, сборников исторических актов, археологических дневников, атласов, таблиц, каталогов, справочников, инструкций и карт, публицистических и художественных произведений составляет несколько сотен изданий (значительная часть которых стала библиографической, а то и антикварной редкостью, отсутствует в той или иной из национальных библиотек РФ).

Особую группу источников представляют *историографические разборы и оценки* соответствующих трудов и проектов по изучению южнорусских древностей, содержащиеся как в общих курсах по отечественной историографии и истории русской культуры, так и во многих монографических исследованиях по соответствующим отраслям знания.

Архивные документы относительно историко-краеведческой деятельности разных лиц и организаций выявлены нами в следующих хранилищах России и Украины.

В Санкт-Петербурге: Государственный исторический архив Ленинградской области (фонд СПбГУ); Российский государственный исторический архив (ф. министерств просвещения, юстиции, др.; ЦСК,

несколько персональных коллекций); Руко-писный и фотографический архивы Санкт-Петербургского Института истории материальной культуры РАН (все полевые отчеты о раскопках и случайных находках в Курском Посеймье; другие курские мате-риалы в ф. ИМАО, ИАК, ИИМК, нескольких персональных ф.); Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (целый ряд личных коллекций); Архив Географического общества России (подборка не-опубликованных работ курских корреспондентов в фонде ИРГО).

В Москве: Российский государственный архив древних актов (ф. канцелярии и др. отделов МАМЮ); Центральный государственный исторический архив г. Москвы (ф. Московского учебного округа и МГУ); Отдел письменных источников Государственного Исторического музея (материалы многих столичных историков и археологов, их зару-бежных и провинциальных корреспондентов); Отдел рукописей Рос-сийской Государственной библиотеки (то же); Российский госу-дарственный военно-исторический архив (ф. Военно-учёного архива со стати-стико-топографическими описаниями и атласами Курского края).

Государственные архивы областей РФ: Владимирской (ф. Уваро-вых) и (особенно полно) Курской (ф. ГСК, ГУАК, КОКМ, КГПИ, мн. др.); Черниговской области Украины (материалы по подготовке “юж-ных” Археологических съездов ИМАО и соответствующих раскопок).

При выявлении, изучении и частичной публикации [10] источников своего исследования автор стремился к их системному, комплексному охвату. А именно, принимались в расчёт сообщения о разных типах па-мятников истории и культуры — вещественных (археологических), фольклорно-этнографических, архивных. С другой стороны, докумен-тально прослеживалось взаимодействие столичных центров и провин-циальных субъектов изучения и охраны древностей, далеко не всегда отражённое печатью. Наконец, нами предпринимались попытки сопоставлять источники разных жанров — официально-делового, научно-академического, журналистско-публицистического, биографо-эписто-лярного, беллетристического. Ведь “внутренняя форма культуры” (Г.С. Кнабе) определяется путём своеобразной инсталляция разных областей духовного творчества.

Особую трудность при работе с источниками представляли оцен-ки идей и поступков учёных и краеведов разных поколений. В анало-гичной литературе по истории русской науки и культуры нередки крайности в суждениях на сей счет — то преувеличенной комплимен-тарности, приукрашенности, то, напротив, пренебрежения, очернитель-ства. Вряд ли нам удалось добиться полной объективности, однако за правило было взято отмечать в диссертации как достоинства, так и недостатки бывшего опыта; выяснять их значение как для своего време-ни, так и для будущего

состояния памятников старины. Представляется, что при изучении прошлого науки и культуры гуманистические, этико-эстетические критерии, при всей их сложности, должны в какой-то мере учитываться. Ведь тихие и мирные занятия археологов, этно-графов и архивистов подчас становились ареной политических, поли-цейских и даже военных столкновений. На вроде бы скромном поприще исторического краеведения успехи чередовались с поражениями, мужество соседствовало с предательством, причём порой в биографиях одних и тех же людей. За открытие исторических древностей наших предшественников награждали и чествовали куда как редко (главным образом в некрологах). А вот замалчивали, бранили, выгоняли со службы, лишали свободы и даже пытали, убивали гораздо чаще. Представляется до сих пор актуальным призыв Н.Н. Берберовой: "Пока замученный тираном кричит "ура!", и зритель, окружающий виселицу, вторит ему, и историк превозносит содеянное — нет спасения. Только в пробуждении сознания — ответ на всё, что было..." [11]. Возможность хотя бы отчасти преодолеть забвение и воздать должное как замечательным деятелям русской науки, так и её же гонителям — ответственный соблазн для такого рода исследований, как настоящая диссертация. Тем более в нынешнее время утверждения постклассического идеала познания, идеологических разломов и тектонических подвижек в отечественном менталитете. Гражданское примирение в российском обществе не равнозначно забвению понесённых им жертв.

Новизна исследования обусловлена его принадлежностью к числу первых опытов систематического, комплексного изучения процессов становления и развития исторического самосознания в России — на показательном образце одного из её коренных регионов (Курского края и сопредельных ему территорий).

Приоритетностью отличаются *хронологические рамки* и *сюжетный репертуар* диссертации. Она охватывает: а) самые отдалённые предпосылки донаучной любознательности, проявлявшейся нашими предками к памятникам отечественной истории и культуры (на фольклорном, магическом, кладоискательском уровнях их толкования); б) зарождение бескорыстного интереса к разного рода древностям в XVII — начале XVIII вв.; в) становление и развитие за последние три столетия сначала любительского, краеведческого, а затем и академического, организованного древлеведения; разных уровней его проявления (в географии, статистике, журналистике, богословии, археологии, истории, архивистике и других отраслях гуманитарной науки и практики); г) современное состояние и ближайшие перспективы изучения и сохранения всего спектра памятников прошлого. Работы вроде нашей посвящались отдельным периодам или формам историко-краеведческой мысли. Тогда-

как проследить преемственность и тематический резонанс в её развитии возможно только на материалах определённого, достаточно репрезентативного региона, за длительный период его существования. В одной из рецензий на книгу автора отмечалось: “Щавелёв задумал и успешно осуществил проект изучения процесса становления региональной историографии (краеведения) на богатых материалах истории Курского края — одного из древнейших русских регионов страны. Предыдущие его книги содержат уникальный опыт развития краеведческой мысли на юге России” [12]. А во введении к многотомному изданию “Археологическая карта России”, выпускаемому специалистами Института археологии РАН, сказано: “С.П. Щавелёв ... сумел не только дать достаточно полный обзор всех археологических работ в регионе с самого их начала в XIX в., но и представил читателю личности некоторых археологов, преуспевших в изучении курских древностей, — Д.Я. Самоквасова, А.А. Дмитрюкова, П.С. Рыкова, К.П. Сосновского, М.В. Воеводского, Ю.А. Липкинга” [13].

Ещё одну особенность настоящей диссертации составляет *сочетание историографического и собственно исторического подходов* к одним и тем же проблемам. Такие темы, как происхождение летописного города Курска, его историческая топонимика; судьбы уникальных археологических комплексов и целого ряда других памятников далёкой старины в его округе; находки монетных и вещевых кладов; рукописное и печатное наследие многих исследователей; некоторые т.п., рассматривались автором как с позиций историографического анализа прошлых идей и методов по поводу этих древностей, так и с точки зрения исторической науки сегодняшнего дня.

Наконец, в некоторых моментах проделанного исследования находила своё применение *философская квалификация* автора, его работы по теории и методологии научного, практического и обыденного познания (скажем, про соотношение профессионального и любительского мышления; этнические образы мира; формы практического знания, в том числе в гуманитарной сфере; ряд т.п.). Часть этих работ была поддержана исследовательским грантом РГНФ (2000–2002 гг.) [14].

Практическое значение выполненной работы связано с элементами её научной новизны. В этом значении можно различить (с известной долей условности) несколько аспектов.

Во-первых, *научно-теоретический*. Материалы и выводы диссертации, будучи опубликованы центральной печатью, доложены на многих всероссийских и международных конференциях, вошли в круг исследований по истории отечественной археологии и других гуманитарных наук и культурных практик.

Во-вторых, *научно-практический*. В процессе подготовки диссертации открыты и введены в исследовательский оборот архивные и редкие

печатные материалы по истории, археологии, этнографии, антропо-логии, топонимике, фольклористике, культурологии (полевые отчеты и др. экспедиционные документы; рукописи научных, эпистолярных, мемуарных работ; биографические сведения об их авторах; многие сообщения о случайных находках разных древностей и целых памятников старины, описания произведений материальной и духовной культуры).

В-третьих, *педагогико-дидактический*. Автор участвовал в выдвижении идеи нескольких научно-просветительских изданий, их составлении, написании, подготовке к печати и публикации. Это сборники научных статей: “Курские тетради. Курск и куряне глазами ученых” (вып. 1–4; 1997–2002); многотомные проекты “История Курского края” (соавтор вып. 1 “Историки Курского края”, 1998) и “Курский край” (соавтор т. IV “Курск ... X–XVII вв.”, 1999); справочники по истории и культуре данного региона (ряд статей в энциклопедическом словаре “Курск”; альманахах “Летопись”, “Архивная находка”, “Сеймские бе-рега”, “Порубежье”; “Московском журнале” и других изданиях, рассчитанных на широкую читательскую аудиторию. На протяжении 1980-х – 90-х гг. в газетах и прочей периодике Курской области автором регулярно помещались научно-популярные и публицистические заметки по истории и современным задачам исторического краеведения. Все эти материалы, а также опубликованные автором монографии, статьи используются в преподавании и изучении краеведческих тем в средних и высших школах, учреждениях культуры (музеях, библиотеках, редакциях СМИ), прежде всего, разумеется, Курской области; в особенности для преподавания в Курском медицинском университете и в изданных им учебных пособиях по истории и теории культуры.

В-четвёртых, *политико-технологический*. Сегодня заметно возрос интерес представителей государства и разных слоёв общественности к историческим истокам национальной культуры. В диссертации и соответствующих ей публикациях автора, прослежен, между прочим, длительный, многовековой опыт освоения исторического прошлого представителями российского государства и русского общества, выявлены типичные ошибки и намечены подходы к рациональному согласованию научного, обыденного и практического понимания истории родного края.

Апробация материалов работы осуществлялась автором с 1990 г. В том числе на VI Международном конгрессе славянской археологии (Новгород Великий, 1996); II Международной конференции “Иерархия и власть в истории цивилизаций” (СПб., 2002); международных и российских конференциях: в Государственном историческом музее (Научные чтения к 170-летию И.Е. Забелина, 1990; “125 лет археологического исследования Гнёздова”, 1999); Московском государственном университете (к 60-летию кафедры археологии МГУ, 1999); Санкт-Петербургу-

ском государственном университете (“Проблемы истории отечественной археологии”, 1993; “Ритуальное пространство культуры”, 2001); Музее антропологии и этнографии имени Петра Великого (1996); Институте славяноведения РАН (“Славяне и их соседи”-XV, 1997); “Археология и история юго-востока Руси” (Курск, 1991; Воронеж, 1993); “История Центрального Черноземья и сопредельных территорий” (Курск, 1994; Брянск, 1996; Липецк, 1998; Воронеж, 2000); “Социальная история российской провинции...” (Тамбов, 2002); “Юг России в прошлом и настоящем” (Белгород, 1994, 1998); Уваровские чтения-II, III (Муром, 1993, 1996); Юдинские чтения-I, II, III (Курск, 1998; 2000; 2002); Брянске (1995), Воронеже (1993; 1999; 2001); Белгороде (1996); Курске (1999); Липецке (1992, 1994, 1999); Нижнем Новгороде (1999); Новгороде Великом (1997; 2001); Омске (1998); Полтаве (1991); Рыльске (2000); Сумах (2000); Чернигове (1996). Автор участвовал в организации конференций, посвященных 150-летию со дня рождения Д.Я. Самоквасова (1993), и выступал на них с пленарными докладами: в Москве (Самоквасовские чтения в РГАДА); Новгороде-Северском (“Славяне и Русь в научном наследии Д.Я. Самоквасова”); публиковал отчёты о них в центральных академических изданиях.

Все основные научные результаты настоящей диссертации опубликованы за 1990-е–2000-е гг. в материалах означенных конференций, а также в центральных журналах: РАН — “Вопросы истории” (2 статьи и 3 рецензии), “Российская археология” (5 статей в рубрике “История науки” и 1 обзор), “Государство и право”, “Вопросы философии”; РГАДА — “Архив русской истории”; НАН Украины — “Археология” (Киев), др.; сборниках научных трудов ведущих научных учреждений — Институт археологии и славяноведения РАН, Государственного Исторического музея, Центра славяноведения Брянского университета; Черниговского педагогического института, Сумского университета (Украина); др.; шести авторских монографиях (общим объёмом свыше 70 печ. л.). При оформлении текста диссертации все эти материалы были в значительной степени переработаны и дополнены.

Структура диссертации отражает авторскую периодизацию процесса историко-краеведческого освоения древностей южнорусского ареала. Работа разделена на: введение; 4 главы, соответствующие основным периодам данного процесса и включающие в себя 14 параграфов, в которых чередуется рассмотрение явлений, институтов и персоналий; заключение; библиографические ссылки и примечания; справочно-документальные приложения; список основных архивных источников и литературы.

ГЛАВА I.

ПРЕДПОСЫЛКИ И СТАНОВЛЕНИЕ РЕГИОНАЛЬНОГО ДРЕВЛЕВЕДЕНИЯ В РОССИИ

Стартовая глава диссертации посвящена периоду с начала XVII и до середины XIX вв. За те времена на присоединённых к Московскому государству его юго-восточных окраинах окончательно оформился особый — историко-археологический пласт фольклорного сознания, тип массовых настроений по отношению к памятникам далёкой старины (курганам, городищам, кладам, т.д.). Эта сторона обыденного сознания и поведения русского народа, прежде всего крестьянства, расценивается нами как *донаучный или же фольклорный этап освоения национальной истории.*

Затем, по ходу модернизации России при Алексее Михайловиче, Петре I и его преемниках зародился и развивался независимый от материальной выгоды интерес представителей разных, и высших, и низших слоёв общества к разного рода древностям. В царствования Александра I и Николая I руководители Российской империи всё сознательнее привлекают историко-археологические и этнографические данные и проекты ради обоснования и пропаганды государственной политики. Наступает *преднаучный или же историко-географический отрезок отечественного древлеведения*; начинается сотрудничество столичных центров администрации и науки с местными деятелями по вопросам выявления и изучения разного рода древностей. В результате региональная историография выходит на третий уровень, особое направление своего развития, который можно назвать *пара(т.е. около)научным — этапом любительского краеведения.*

Отчасти закономерно, отчасти случайно, но именно Курский край и непосредственно прилегающие к нему территории дают пока-зательные и рубежные для всей страны образцы как пренебрежения, разрушения, так и сознательного сбережения, изучения памятников старины.

§ 1. Волшебное зеркало фольклора: местная старина в устном творчестве южнорусского населения

Южнорусская (в том числе курская) земля хранит множество вещественных следов своего далёкого прошлого: опустевших давным-давно стоянок и селищ представителей разных эпох и народов, всякого рода погребений предков, потаённых ими кладов, заплывших в грунт фундаментов разрушенных храмов и прочих стародавних построек. Взгляду местного жителя издавна и до сих пор знакомы внушительные очертания оплывших валов и рвов на высоких мысах приречных городищ, плавные контуры курганов в полях и рощах. Древние предметы, иногда — драгоценные (монеты и ювелирные украшения), а большей частью заурядные с обыденно-практической точки зрения остатки жизнедеятельности прежних насельников этих мест (черепки с любопытными узорами, разрозненные кости и целые скелеты людей и животных, угли, ветхие орудия труда и образчики домашней утвари, части архаичного вооружения) то и дело попадались здесь под плугами пахарей, заступами землекопов, вымывались половодьями в оврагах. Живые впечатления от искусственных насыпей земли и диковинных находок вкупе с досужими повествованиями долгожителей получали своеобразное преломление в народном сознании, образовывали особый — *историко-археологический пласт фольклора*.

Этническая картина мира органично включает в себя связанные с предками объекты социально организованного пространства (в том числе особенно старые — городища, курганы, прочие руины и некрополи). Перейдя от состояния кипучей жизни на и вокруг них в социальное небытие, они в своём большинстве служат предметом стихийного переосмысления местным населением и заезжими путешественниками. А именно, выступают зримыми свидетелями типичных для устного творчества любого народа сказаний, поверий о переселении общины на данную территорию, её освоении и защите от врагов, а также природных бедствиях и знамениях, столкновении языческих и христианских (или других развитых конфессий) святынь, живых людей и душ мёртвых, добрых и злых духов на этом участке матери-земли. Пространственные элементы народной культуры, таким образом, выражают и её временные измерения.

Одна из основных функций народного сознания, как архаического, мифо-сказочного, так и модернизированного, повседневно-житейского, — *этиологическая*, т.е. объясняющая, толкующая сущность, причины,

происхождение всего малопонятного, необычного для простого труженика, носителя массового сознания и здравого смысла. Тому желалось если не узнать доподлинно, то хотя бы прав-доподобно придумать первоисточки природных явлений, обществен-ных катаклизмов, исторических событий.

Этиологическая роль фольклорного сознания в полной мере даёт себя знать по поводу памятников старины, топонимических на-званий, археологических находок, о которых имеются исторические предания практически в любой местности с достаточно аборигенным населением. У того обычно имеется собственное мнение о происхож-дении, первоначальном значении материальных остатков далёкой старины. Наряду со вполне понятными фантазиями и даже нелепи-цами на сей счёт (служащими предметом лингвокультуроведения), фольклорные сообщения способны сохранять в себе на протяжении веков и даже тысячелетий крупницы историко-археологической исти-ны (что небезынтересно уже и историку самой исторической науки и в особенности археологии).

К числу коренных, изначальных губерний России относятся южнорусские, включая Орловскую, Курскую, Воронежскую, Тамбовскую. Их крестьянское население в принципе верно определяло городища как заброшенные укрепления, а курганы как стародавние могилы. Более того, в народных именах тех и других памятников наметилась их самая общая классификация, прежде всего периоди-зация, в основе своей верные. А именно, “по-курски” и в сопредель-ных Курщине областях Южной России старейшие городища имену-ются “городами” “городками”, “городенсками”, “городнями”, “вала-ми”, “тарелками” и т.п. В этих названиях метко подчёркнут исход-ный в Древности и Средневековье признак любого поселения город-ского типа — наличие вокруг него укреплений (валов и рвов, стен-частоколов). Остатки же позднейших укреплений начала Нового времени, когда появляется огнестрельное оружие, именуются наро-дом с учётом данного обстоятельства — “бастионами”, “редутами”, ”окопами” (“шанцами”) и т.п. Те руины поселений, относительно которых рельеф местности не позволяет высказаться с полной опре-делённостью, называются обобщённо-безлично. Например, “поныри, “нырища”, т.е. поникшие развалины; “горы”, “горки” и т.п. А мо-гильные холмы увеличенных по сравнению с теперешними размеров — курганы в принципе верно оценивались как кладбища языческой поры (хотя порой и археологические городища именуются кургана-ми; как видно потому, что на их территории в свою очередь встреча-тятся ранние и поздние захоронения).

Между тем, в образованных кругах русского общества довольно долго держались ошибочные, надуманные в кабинетах представления о данных археологических объектах. Вплоть до второй половины XIX в. большинство наших археологов считало городища “местами языческого богослужения древних славян” — капищами (польский путешественник по России Зориан Доленга Ходаковский, профессор Санкт-Петербургского университета и академик-языко-вед И.И. Срезневский), а курганы “укреплёнными или подзорными высотами от набегов татарских” (академик П.И. Кёппен) или же остатками жилищ (историк-славист Ю.И. Венелин).

Впоследствии, когда на Европейской территории России начались методичные и планомерные раскопки городищ и курганов, *опросы местного населения* помогли учёным археологам составить их первые указатели и карты (О первом систематическом анкетировании такого рода в губерниях и уездах, организованном Д.Я. Само-квасовым, см. ниже, в посвящённой ему главе VII). С тех и до сих пор в план любой археологической разведки, а тем более этнографической экспедиции входят беседы с местными жителями по поводу исторических древностей соответствующей округи. Получаемые таким образом сведения носят, как правило, достаточно общий и выборочный характер — в более или менее реалистичной своей части. Как моллюск навивает вокруг попавшей в его створки песчинки слои жемчуга, так и фольклорное сознание топчет частицы исторической истины, фактов в гуще более или менее произвольных с точки зрения специалистов фантазий. Таким образом, обычно оно сочетает в себе на исторический счёт бо́льшую долю заблуждений и меньшую долю относительной истины [1].

Когда первые наши краеведы и учёные в XVIII–XIX вв. начали расспрашивать своих земляков-крестьян, ремесленников, торговых, церковно-монастырских и прочих людей насчёт памятников старины, у тех почти о каждом из них имелись свои собственные версии или догадки. Чаще всего, разумеется, неточные, упрощённые, а то и просто баснословные. Типичной разновидностью такой — народной “этимологии” служат *легендарные истолкования тех или иных географических названий*. К примеру, следующее: “... И в великом гневе царь с громом опустил свой могучий кулак на дубовую столешницу — казаков рода Мищенко с Дона выслать! Вот так и появилось на рыльской земле [Курского края] село Большегнеушево. А с таким названием потому, что свое решение Петр I принял в большом гневе” [2]. Наличие по соседству села Малогнеушева этой романтической выдумкой в расчёт не берётся (В.И. Даль в связи с подобными топонимами приводит фамилию дворянского рода Гнева-шевых, представителям которого могли принадлежать сёла с подобными названиями). Массой фантастических

анекдотов обрастали со временем путешествия через курские земли разных знаменитых людей вроде Екатерины II или А.В. Суворова, Николая I или Алек-сандра I.

Представители исторического краеведения, журналисты различных средств массовой информации, а в последнее время даже работники средней и высшей школ, библиотек, музеев, других уч-реждений культуры и просвещения, охотно и некритично пересказывают этого рода перлы народной фантазии, образцы традиционного нарратива на исторические темы, выдают их за исторические факты [3]. Благодаря такой вторичной популяризации народно-исторические сюжеты вульгаризируются, происходит подмена и, значит, взаимная аннигиляция отдельных их функций, мирно сосуществующих на разных уровнях общественного сознания — научно-литературном и фольклорно-нарративном. Однако сколько-нибудь эффективно противостоять такого рода “жанровому инбридингу” в процессе культурных коммуникаций представителям грамотного краеведения и академической науки до сих пор не удавалось. И не только по причине их пассивности или снисходительности “к меньшим братьям” по краеведческой части, но и в силу интеллектуального иммунитета последних к поправкам и доводам со стороны профессиональных историков. Что, видимо, свидетельствует о принадлежности краеведно-журналистских “басен” к низшим и новейшим течениям само-го фольклора.

Между тем, истинно народная фантазия на историко-археологические темы отличается долей самоиронии. Та могла подогреваться извечным предубеждением обычных работяг к “шибко образован-ным”, “белой кости” с её “ненужными причудами” наподобие поисков каких-то древностей. Тогда памятники старины служили поводом к розыгрышу, осмеянию любопытствующих чужаков. Так, известные всем пришлым изыскателям древностей южнорусской глубинки рассказы старожил о “золотой карете”, “золотом баране”, “корабле с золотом” и т.п. сокровищах, потерянных некогда здесь; подземных ходах от одного монастыря или кремля к другому; т.п., во многих случаях несут явственный привкус сознательной мистификации или же просто сказочной условности.

С другой, идейно противоположной — серьёзной, нравоучительной стороны, народные представления о далёком прошлом, его событиях и персоналиях, наиболее в структуре массового сознания интенсивно подвергались и подвергаются так называемой “вторичной фольклоризации”. Имеется в виду их разновременное “заражение” книжно-научными, литературно-художественными представлениями об истории края, страны, всего мира. Носители традиционной культуры всегда находились и до сих пор находятся в контакте с представителями

книжного знания — школьного, библиотечного, музей-ного, научного, литературно-художественного, журналистского и т.п. Механизмы и глубина отмеченного *влияния науки и авторского искусства на “фольклорную историографию”* (а тем более их взаимовлияния!) прояснён пока весьма слабо и требует специальных изысканий применительно к отдельным сюжетам историзирования человеческой памяти [4].

К примеру, жители курского городка Льгова (в далёком прошлом, не исключено (но и не обязательно), — летописного Ольгова) лет сто назад поведали известному фольклористу М.Г. Халанскому поверье об основании их поселения княгиней Ольгой [5] (хотя в исторической действительности речь может идти о каком-то из князей по имени Олег). А обитатели одной из курских деревень с одиноким названием Ржава воображали, будто тут “некогда жил татарский баскак и потому “Ржава всей округе держава” [6]. На самом деле это название этимологизируется скорее всего по рыжему цвету застоявшейся воды в лужах подтапливаемых разливом рек лугов (ордынский наместник Ахмат действительно правил частью Курского княжества на исходе XIII в. и здешние книжники могли узнать об этом из трудов Н.М. Карамзина или С.М. Соловьёва). В упомянутых и многих им подобных ситуациях не приходится сомневаться во “вторичной фольклоризации” сведений, сравнительно недавно почерпнутых кем-то из местных жителей из школьного учебника или исторического романа.

Несмотря на примесь книжно-литературных вкраплений, фольклор в целом был и остаётся хранилищем социальной памяти о прошлом. Основной мотив исторических сказаний кроется в серьёзных пластах души народа, её нравственно-эстетических глубинах. На взрывоопасном, издавна “бунташном”, пограничном юге Руси-России, в отличие от исторически “подмороженного” её же Севера, не сохранилось оригинальных былин и быличек — о богатырях Владимира Красно Солнышка и прочих персонажах героического эпоса русских. Первые монографические исследования собственно по теме данной главы выполнены на северорусских материалах [7]. Однако позднейшего, отчасти вторичного происхождения, более мелких жанров предания схожего содержания бытовали и много южнее Новгородчины да Архангелогородья. Южнорусская степь, неподражаемо воспетая в одноименной повести А.П. Чехова, вызывает у путника соответствующие впечатления: “Попадается на пути молчаливый старик курган или каменная баба, поставленная Бог ведает кем и когда, бесшумно пролетит над землею ночная птица, и мало-помалу на память приходят степные легенды, рассказы встречных, сказки няньки-степнячки и всё то, что сам сумел увидеть и постичь душой” [8].

Для историка-медиевиста и археолога особый интерес представляют те или иные этнокультурные реалии далёких веков, сохранные фольклорным сознанием местного населения. Вполне естественно для столь протяжённой временной дистанции, что соответствующие названия, прозвища, толкования видоизменяются и как-то переосмысливаются от поколения к поколению их носителей. Наиболее *архаичные сведения фольклорного происхождения* кристаллизируются в *исторической топонимике*, её древнейших пластах, — народных названиях водоёмов, возвышенностей и низменностей, разных других угодий и урочищ, населённых пунктов и прочих элементов ландшафта. Разноязычные по происхождению надписи, теснящиеся на картах любой области Южной России — иранские, балто-литовские, финно-угорские, тюркские, славянские и ославяненные — суть своеобразный путеводитель по истории заселения данного края людьми разного рода-племени в отдалённые эпохи. К историко-филологическому объяснению этих названий привлекаются легендарные в массе своей рассказы местных жителей об их происхождении, значении.

Скажем, крестьяне села Гуйвы (современная транскрипция этого топонима — Гуюво) объясняли свои находки на пашне и в городах древних вещей вроде лепных горшков, оселков, обожжённых костей и т.п. тем, что "по преданию здесь жили севрюки" [9]. В этом последнем имени явно звучит отдалённое десятилетиями воспоминание о летописных же северянах-северах, о позднейшей Северщине времён присоединения этих земель к Московской Руси. По утвердившемуся в археологии предположению А.А. Спицина, "в XVII в. население края, в отличие от переселенцев-малороссиян, приняло название севрюков, идущее от старого его племенного названия" [10]. На самой границе Курской губернии с Украиной, за селом Глушковым две городищенские насыпи назывались Севрюками; существовал в тех краях и посёлок Севрючий. Устойчивое присутствие здесь северянских названий выглядит вполне реалистично, поскольку в этом районе археологами изучено одно из самых крупных скоплений памятников роменской культуры, отождествляемой с летописными северянами. Роменская культура окончательно нивелируется и заменяется общерусской к середине XI в.; северяне последний раз упоминаются в летописи под 1024 г. Тогда как соответствующая географическая номенклатура передаётся на юго-восточной окраине Руси от раннего Средневековья к позднему, а затем и к Новому времени.

Связь со столь же древними этнонимами просматривается в таких курских названиях сёл и деревень, как Косоржа, Касожичи и т.п. В XVII в. близ одного из старейших городов Курского Посеймья Рыльска существовала целая "Касожская волость". Серьёзные историки рассматривают её как достоверное свидетельство пребывания здесь

выходцев с Северо-Западного Кавказа — летописных ка-согов (предков нынешних адыгских народов Кавказа — кабардинцев, черкесов, адыгейцев). Их, как известно из “Повести временных лет”, покорил на рубеже 10-х – 20-х гг. XI в. князь Мстислав Владимирович Лютый. Объединяя Тьмутараканское и Черниговское княжества под своей властью, он использовал хазарские и касожские войска, часть которых, по всей видимости, и была поселена тогда на Северских землях [11].

Другие топонимы русского юго-востока этимологизируются исторически более проблематично. Так, восточнее районного центра Курской области Обояни два села, находящиеся на расстоянии около 70 км друг от друга и от Гочевского комплекса городищ и курганника, носят одинаковое название “Истобное”. Б.А. Рыбаков толкует это название как “заброшенная изба” = “тёплое помещение” = “постоялый двор” = “каравансарай” среднеазиатов = “ал-аттаба” арабских географов Средневековья, описывавших путешествия к славянам и на Русь. По мнению этого автора, здесь в древности, в X–XI вв., располагались станции на торговом пути караванов, шедших из Киева в Булгар и обратно [12]. Разведки и раскопки украинских и воронежских археологов на соответствующих памятниках открыли дополнительный материал для суждений об этой гипотезе [13]. Хотя указанная и т.п. топонимика может быть здесь и вовсе не при чём.

К тому же кругу географических маркёров маршрутов старинной торговли предположительно относятся и такие курские топонимы, как Пристенъ, Пристенное (не от пристаней ли на некогда судоходных реках?); Волоконск, Сувалочное Мантуровского района (возможно, в местах бывших волоков между водными путями, — ведь Мантурово расположено на одном из самых высоких участков гряды над Курским плоскогорьем; а ручей Перевалочный, левый приток Кшени, находится как раз на её водоразделе с Пслом). Один из пионеров отечественной археологии и исторической географии, польский путешественник Зориан Доленга Ходаковский предполагал, что “здесь проходил водный путь по р. Псёл, потом волоком до истоков Перевалочного, далее по Кшени до её вершины, а потом посредством Рогозца переходили в р. Оскол” [14]. Особенно выгодным для судоходства подобный путь открывался весной, в период половодья, когда бифуркационные потоки заполняют пересыхающие позднее верховья ручьев и небольших рек [15].

Среди курских топонимов историку и археологу заманчиво поискать географических “наследников” некоторых летописных реалий, поселений древнерусского времени. Скажем, тех, что упоминаются в связи с восстанием в Курском княжестве против татарского баскака Ахмата на рубеже 1280-х – 90-х гг. Одним из инициаторов и продолжателем этого антимонольского выступления, князь Святослав Липецкий (или Липо-

вечский), "сидел" явно где-то в Посеймье, как то явствует из контекста летописной новеллы. Ю.А. Липкингом этот курский Липецк локализовывался на Липинском городище км в 25 от Курска к западу. "Липеги" ("липяги") — липовые леса повывелись в этих лесостепных местах уже веке в XVII, но память о них осталась во множестве разнорайонных топонимов: Липень, Липка, Липник, Липница, Липовец, Липовческ, Липов и т.п. Однако сколько-нибудь подходящих археологических памятников возле них не наблюдается. По этому, обязательному признаку, на роль удельного "стола" Древней Руси действительно лучше всего подходит археологический комплекс (городище, рядом с ним открытое селище значительных размеров, курганный и бескурганные могильники) возле с. Липина Октябрьского района Курской области. В пользу относительной древности названия этого села говорит его соседство с так называемым Монастырищем — местом расположения Лыпиновской (Липинской) пустыни — монастыря XVI–XVII вв. [16]. Раскопки Липинского селища, ведущиеся с 1994 г. под руководством В.В. и О.Н. Енуковых, принесли выразительные материалы IX–XII вв., а затем и искомого XIII в., когда именно курский Липецк попал в летопись. Правда, находки монгольского периода относятся к селищу, а не к цитадели Липинского городища, что странно для княжеского "града". Тем не менее эти раскопки вкупе с надёжно установленной топонимикой укрепляют гипотезу Ю.А. Липкинга, именно в этом месте интуитивно предположившего центр Липовеческого княжества. Другие локализации этого пункта [17] аргументированы куда слабее.

В том же летописном сюжете фигурирует и село Туров, у которого карательный поход татар на непокорных курских князей завершился и захватчики ушли восвояси. С этим древнерусским поселением (согласно гипотезе В.В. Енукова) можно сопоставить нынешнюю д. Туровку на р. Туровке, притоке Псла, в Обоянском районе. Участвуя в археологической разведке под руководством В.В. Енукова, автор обнаружил на окраине этой деревни возможное археологическое тому подтверждение — остатки уничтоженного песчаным карьером культурного слоя с керамикой и костяным гребнем позднесредневекового времени.

Ручей Еголдай и соответствующее ему Яголдаево городище явно напоминают про Еголдаеву тьму — одно из территориальных подразделений Курской земли в позднем Средневековье. Ручей Алыманка в Пристенском районе этимологизируется как производное от тюркского же "олым" = брод через реку. В этом и некоторых других случаях возможны отголоски событий на путях крымско-ногайских набегов на Русь XV–XVII вв.

На приведённых примерах можно видеть, что в отдельных случаях какие-то стороны исторической реальности, причём совсем не близкой, а

весьма отдалённой, простонародной молвой всё-таки ух-ватывались и доносились до ученых-историков, этнографов, фило-логов. Тем самым ярко иллюстрируется эпистемологический посту-лат о некотором взаимодействии, частичной дополнительности раз-ных типов рациональности, отдельных направлений познания, в пер-вую очередь научного и обыденного [18]. А историко-географиче-ских намёков, вопросов и загадок на карте Южной России остаётся ещё немало [19].

Знаменитый художник и мистический философ Н.К. Рерих, начинавший свой творческий путь как археолог-полевик на курганах Новгородской земли, оставил по обсуждаемому поводу такую зари-совку, типичную для разных губерний России: "Местами вас встре-чают подозрительно:

— Никаких, ваше благородие, исстари древних вещей в нашей окрестности не предвидится. ... Сами посудите, барин, откуда мужи-ку древние вещи знать?..

Если же вы пришлись по нраву, оказались "барином добрым", "душой-человеком", то вам нечего будет принуждать к откровенно-сти собеседника. Вечерами, сидя на завалинке, наслушаетесь вы лю-бопытнейших соображений, наблюдений естественнонаучных, пове-рий, наивных предположений. Сперва из осторожности прибавят: "Так зря болтают" или "бабы брешут", а потом, видя ваше серьезное отношение, потечёт свободный рассказ о старине, о кладях, о лихих людях — раз-бойниках" [20].

В подобном духе у жителей суджанского села Горнали (сосед-него с вышеупомянутой Гуйвой) по поводу расположенного рядом городища X в., "называемом "Девичье", существует предание, что оно выстроено какою-то царицею, бывшей в этих местах, и где она жила. При нападении татар царица была убита, а перед смертью она все свое имущество зарыла в яру, около городища, и этот яр носит до сего времени название "Скорбный" [21]. В действительности два роменских городища у с. Горнали, как установили раскопки москов-ских археологов под руководством А.В. Кузы, были сожжены по ходу распространения на Посеймье власти Киева в X–XI вв. Однако и позднее, в XVI–XVII вв. на территории поречья Псла, между кур-скими городками Суджей и Обоянью существовала Мужецкая воло-сть — часть уже упоминавшейся нами Яголдаевой тьмы, своеобраз-ного татарского феода во владениях Великого княжества Литовско-го. Так что татары — выходцы из Золотой Орды не только воевали здесь, но и жили какое-то время именно в этих южнокурских цент-рах [22]. Весь остальной "конвой" этого факта из сельской легенды выглядит вполне произвольным.

Татарским же нашествиям приписывала крестьянская молва многие другие древние насыпи Курской земли (в частности, курган "Крестище" у

самой Суджи, где "будто-бы погребены многие мало-российские казаки города Суджи и смежных с ним селений, павшие на войне с татарами" [23], в данном случае уже крымскими или но-гайскими, в XV–XVII вв. на самом деле многократно пересекавшими Курское Посеймье при своих набегах на Русь).

"Австрийскими могилами" именуют жители рыльского села Артюшкова расположенные на его окраине раннеславянские курганы (сведения, полученные автором при участии в их раскопках экспедицией КГПУ и КГОМА в 1995 г.). Аналогичные версии насчёт археологических памятников зафиксированы фольклористами по другим районам Курского края, как и южнорусского, слободско-украинского ареалов в целом. Место монголо-татар или их наследников — крымчаков в историко-географическом сознании простых людей нередко занимали турки, поляки, шведы, французы, немцы и другие захватчики, в общем-то действительно "нечуждые гробов", по выражению А.С. Пушкина, на этой земле.

Подобные объяснения на фактическую поверку оказываются по большей части вполне наивными. Памятники археологии являются на самом деле чаще всего не то, что дотатарскими, а многие так даже дославянскими. Элемент относительной истины в народных заблуждениях на их счёт содержался, но, как правило, в минимальной, исчезающей степени. Ведь городища, как уже отмечалось нами выше, по сути своей верно определялись фольклорным сознанием как заброшенные укрепления, а курганы как стародавние могилы. Ясность по поводу тех и других памятников древней истории оказалась внесена только благодаря систематическим раскопкам. В числе первых по всей стране им подверглась Курская губерния. А сказочные рассказы о тайнах этих земляных сооружений до сего дня продолжают ходить в народе, развлекая местных жителей и, несмотря на всю свою фантастичность, помогая ориентировке приезжих археологов.

Скажем, случайные находки больших костей ископаемых животных (вроде мамонтов и слонов) ещё в летописном Средневековье породили народные легенды о великанах-"волотах", живших на земле прежде современных людей. Эти легенды дожили в народе до Новейшего времени. В Курской губернии тоже находилось до революции с. Волотово — центр Волотовской волости Новооскольского уезда. Курганы возле этого села звались "Волотова могила". А по соседству с ним — д. Слоновская [24]. Эти селения были названы так, вполне возможно, по причине ископаемых находок четвертичной фауны.

Первоисследователю Ратского городища под Курском профессору Д.Я. Самоквасову местные жители из соседней деревни Городище сообщили, что "в древности тут был город Ратман". Сходство этого

названия с гидронимом “Рать” делает фольклорную версию небезынтeресной для архeологов и они действительно развивают её сегодня (ср. предположения В.В. Енукова о локализации здесь средневекового центра Ратно или же Ратуна из ярлыка крымского хана Менгли-Гирея за 1507 г.).

Как видно, фольклорное сознание в отдельных случаях способно сберечь и передать информацию, нужную представителям науки и модернизированной культуры вообще. Однако эта задача для него самого явно вторична и случайна. Рассказы и рассуждения о прошлом, более или менее старом, требуются прежде всего самим их авторам и пересказчикам, они всегда грели душу русского человека, будь то горожанин или в особенности селянин (меньше нагруженный неупотребительной информацией). Память о предках, представления о судьбах родной земли, её героях и врагах, их столкновениях представляют собой стержень этнического самосознания, которое ведь отличается принципиальной ретроспективностью. Понятие о нынешнем единстве того или иного этноса, других социальных групп, включая региональные землячества, базируются на убежденности в единстве их происхождения и последующего существования. Этноконсолидирующая функция исторического фольклора реализуется несмотря на степень реалистичности соответствующих преданий, а скорее благодаря разнице в этой степени; у него свои критерии исторической правды. Точнее, фольклор и наследующий ему эпос отличаются “синкретизмом исторической и художественной правды”, на который применительно к северным сагам обращал внимание М.И. Стеблин-Каменский. Эта синкретическая правда в чём-то совпадает с той истиной, что ищет историческая наука, а в чём-то открыто той противоречит. Пропорция общего и особенного у науки и фольклора относительно прошлого меняется в зависимости от этапа развития того и другого, а также от общей ситуации в политике и культуре страны.

Для истории и архeологии их фольклорные предшественники особую ценность приобретают в том случае, когда соответствующие памятники старины отчасти или нацело уничтожены временем или людьми. В таких случаях фольклорный “шлейф” утраченного памятника это всё, что от него осталось, чем приходится довольствоваться и руководствоваться учёному исследователю. К примеру, зафиксированный ещё дореволюционными архeологами в с. Коробкине (ныне Коньшевского района Курской области) Княгинин курган значительных размеров, возглавлял вплоть до середины 1960-х гг. целую группу могильных насыпей меньшей величины. Этот славянский некрополь, судя по всему, принадлежал домонгольскому городку, занимавшему невысокий мыс километром ниже по течению Сейма. Здешние колхозники при очередной

перестройке своих изб исполь-зовали землю из курганных насыпей для утрамбовки полов. Так они уничтожили тысячелетней давности могилы. Немного осталось и от упомянутого городища — его практически полностью "доел" песчаный карьер. А звучное название со снесённого кургана перешло у коробкинцев на расположенный рядом колодец — источник теперь зовут "Княгининым" или попросту "Княгиничкой" (изложенная информация собрана автором в 1993 г. при участии в археологической разведке по р. Сейму, проводившейся КГПУ и КГОМА под руководством В.В. Енукова).

Надежду на то, что за названием Княгинина кургана стоит не досужая фантазия, а некие исторические реалии дают аналогичные примеры с именами больших курганов Древней Руси — Олеговыми могилами в Новгороде и Киеве, Игоревой под Искоростенем, Чёрной могилой в Чернигове и т.п. языческими погребениями, у которых прослежены летописная родословная и археологическое содержание, типологически отвечающее смыслу народных легенд о первых князьях, Рюриковичах [25]. Раскопки на (точно зафиксированном) месте Княгинина кургана на Сейме могут открыть древнее погребение (если оно было совершено ниже разрушенной насыпи).

Рушатся памятники старины, уходят поколения земляков, а историко-археологически значимое имя всё бытует в устной или письменной (на карте) традиции.

Наибольшую популярность среди фольклорно-исторических сюжетов на центрально-русских территориях, включая курскую, имело *сказание о сокровищах* некоего *Кудеяра* (Разноместные варианты: Худояр, Кудояр и др.). Полуторастолетней давности источник свидетельствует: "Во внутренних губерниях, лежащих от Москвы на юго-запад, между Окою и Доном, главными в старину путями сообщения нашего с Востоком, славно в особенности имя разбойника Кудеяра, соединенное с бесчисленными преданиями и сказаниями о кладах: об нём вы услышите и в Рязани, и в Туле, и в Калуге, и в Орле" [26], и в Курске. Вот резюме одного из множества вариантов соответствующей легенды, записанного на сопредельной с Курщиной Слободской Украине писателем декабристского круга О.М. Сомовым: "... От Трёх Курганов поворот к Долгой Могиле. Там ... лежит большой сундук, в котором Худояр спрятал три большие серебряные стопы, тридцать ниток крупного жемчуга, множество золотых перстней, ожерелий и серег с дорогими камнями и шесть тысяч польских золотых в кожаном мешке ..." [27].

Локализация "кудеярщины" сплошь и рядом варьировалась в пределах одной и той же области, равно как и персонификация кладообразователя (князь, простой разбойник, блудный царский сын и т.д.). Одна из курских топографий легенды приурочивала разбойничий клад ко

всё тому же Верхнему Пслу, что не раз будет фигурировать в нашей работе (в данном микрорегионе располагается крупный — Гочевский сгусток разновременных археологических памятников). Согласно народной молве позапрошлого века, “в древности был здесь город Гочев, в котором княжил Кудеяр..., имевший большие богатства. Когда неприятель напал на город и долго держал его в осаде, Кудеяр, убедившись, что он не может устоять перед неприятелем и должен погибнуть, собрал все свои сокровища и опустил их в глубокую реку Дедню, протекавшую под крепостью” [28]. В этом варианте сказания можно заподозрить контаминацию старых рассказов о знаменитом разбойнике и свежих тогда впечатлений о первых раскопках археологического Гочева экспедицией профессора Д.Я. Самоквасова в 1909 г.

Кудеяр — личность, по всей видимости, не историческая, а легендарная. Согласно некоторым из фольклорных версий, он княжеского достоинства, чуть ли не царского происхождения. Якобы даже сын великой княгини Соломонии, первой супруги сурового государя Василия III, с которой тот развёлся из-за ее длительного бесплодия. Беллетристический интерес к образу Кудеяра в наши дни оказался подогрев интересным фактом: среди погребений в Покровском монастыре Суздаля, куда была заточена Соломония Сабурова, один склеп содержал лишь детскую куклу, одетую в шелковую рубашонку мальчика. Реставратор А.Д. Варганов, сделавший эту загадочную находку, предположил, что она имела целью замаскировать спасение ребёнка (что не исключено), ставшего впоследствии тем самым разбойником Кудеяром [29] (что гораздо более проблематично).

Другие варианты той же легенды видели в Кудеяре отпрыска самого Ивана Грозного. Менее книжные, более народные версии почитают кладообразователя-рекордсмена разбойником, бывшим сборщиком татарской дани или же опричником. Само имя "Кудеяр", скорее всего, действительно татарского происхождения. По историческим источникам известны крымские и астраханские мурзы, носившие похожие прозвища и жившие в начале XVI в.

Все разнообразные предания о Кудеяре сводились к тому, что он неправедным путем накопил огромные сокровища и, спасаясь от врагов, где-то свои богатства запрятал. Кудеяровым именем прозывались в Курском и соседних краях многие курганы, городища, а также леса, овраги, другие урочища и уголья. Вот ещё один (из многих, записанных этнографами) пример тому: образование Большого Ивановского городища под Рыльском "местные старожилы крестьяне приурочивают ко времени разбойника Кудеяра, по преданию жившего в этих местах в царствование Грозного. В разговорах о городище крестьяне обыкновенно

замечали, что на нём жили "ху-деяре", разумея под этим вообще разбойников — покровителей бедняков и не дававших пощады людям богатым" [30].

Забегая вперёд, отметим безрезультатность неоднократных поисков "кудеяровой поклажи", продолжавшихся с позднего Средневековья до наших дней. Более или менее близкими прототипами легендарного атамана-кладообразователя могли стать те реальные шайки бандитов, которые, судя по карательному делопроизводству московских властей, несомненно действовали на оживлённых шляхах Украинского Левобережья, южных границ Руси, Литвы и татарского Крыма в ХУІ–ХУІІ вв., да и позже. Почти все народные рассказы о Кудеяре и его подвигах записаны на территории между Орлом и Воронежем [31] — это и есть тот "фронт", что отделял на рубеже Средневековья и Нового времени Московскую Русь от Дикой Степи. Однако археологически различимых следов криминального партизанствования кудеяровых прототипов практически не осталось и остаться не могло.

Как видно по ярким материалам о кудеярщине, ценность людской молвы в тех случаях, когда она выходит за пределы своего топонимического "сухого остатка", для собственно исторического, тем более специально-археологического познания невелика. Скорее здесь находится дело для фольклористики, занимающейся устным творчеством народа как таковым, прежде всего сказовыми, сказочными жанрами с их глубинными мифологическими корнями [32]. Тема настоящей работы предполагает лишь обратить особое внимание на то обстоятельство, согласно которому доморощенные мифы и легенды про памятники истории и культуры выделяли их из природного ландшафта; поддерживали среди местного населения из поколения в поколение память о самом их — курганов, городищ, кладов, фундаментов древних строений и т.д. — существовании здесь; до поры, до времени остерегали соседей от их порчи. Когда же до провинциальной глубинки добрались образованные краеведы, когда сюда приехали экспедиции столичных археологов и этнографов, то указания местных жителей послужили одной из руководящих нитей при разведке объектов для картографирования и раскопок.

Насколько эффективно фольклорные мотивы относительно древностей защищали их от вольных и невольных посягательств со стороны коренного населения этих же мест? Не приходится ни отрицать, ни преувеличивать охранной функции народных поверий о городищах и курганах. Как ни странно покажется на посторонний взгляд, исторические поверия то удерживали крестьян от грабительских раскопок в освященных традицией местах, а то побуждали их к таковым. Фольклор ведь вообще отличается идеологическим плюрализмом и, надо признать,

этическим релятивизмом. Каждую нра-воучительную поговорку можно, как известно, "покрыть" вполне разгильдяйским изречением того же самого народа. "Фольклор — если брать его в целом, в совокупности жанров и текстов — одно-временно и активен в утверждении или ниспровержении определённых социальных, нравственных принципов и норм, и довольно-таки безразличен к их разнообразным проявлениям" [33]. Так и разного рода *мифологемы по поводу древностей* без особого труда сочетали их сакрализацию с профанацией. Когда экономическая необходимость особенно остро побуждала, а государство разрешало крестьянам расширять запашку, под неё сплошь и рядом попадали и курганны-ки, и даже сравнительно небольшие площадки городищ. Так случилось после отмены крепостного права, в ходе аграрной реформы П.А. Столыпина, затем НЭПа. Довершили дело хозяйственной разрухи многих памятников археологии "стальные кони" коллективизации. Причём без особого зазрения исторической совести у землевладельцев и землепользователей самых разных поколений и сословий. Её деформацию, размывание форсировали революции, войны, политика царизма по силовой охране дворянских суперпривилегий, а затем советской власти по части так называемого "культурного строительства". Распространяя вширь элементарную грамотность, большевики одновременно резко сузили в народе слой по-настоящему образованных людей, интеллектуалов, желающих ценить и способных адекватно понимать отечественные древности. В областных центрах таких знатоков и любителей старины к сегодняшнему дню насчитываются единицы, а в районных практически не осталось.

Поэтому нечего удивляться тому, что советский период бытования и научной фиксации устного творчества русского народа отличается не только достижениями, но и фальсификациями идеологического свойства. Последние ярче всего видны на примерах "фольклорных" версий церковных древностей. В сборнике "Частушек, песен и сказок, записанных в Курской области" вскоре после ее образования, находим такие перлы:

"Буду я ходить в кружок —
Нет другого мнения,
Сброшу с полки всех богов,
Это без сомнения".

Тот же оболваненный коммунистической пропагандой юный представитель курского крестьянства якобы призывал:

"Брось, мамаша, бить поклоны
На поповское старье,
Для попа они — иконы,
А для нас утильсырьё".

Зарифмованным оказалось и одно из комсомольских мероприятий 1920-х – 30-х годов:

"По стенам мы лазили,
Всех богов замазали...
Собирайте лесенки —
Спеты божьи песенки".

Парадоксально реалистичной вышла заключительная строфа во всей этой груде подделок под устное народное творчество:

"Под горой пустует церковь,
Клуб с народом на горе.
Эх, недаром, эх недаром
Пели пули в Октябре" [34].

Негативное значение в рассматриваемом отношении имело массовое переименование градов и весей Родины в советский период её истории — имена своих и чужих вождей, революционеров, политиков; прочие символы коммунистической власти (вроде серпа и молота) стёрли с лица земли слишком много старинных, с местным, земским смыслом данных когда-то названий. "То, что создавалось веками, было порушено в течение нескольких десятков лет. Исчезали из памяти многие названия — свидетели прошлого, что привело к обеднению культурной традиции и отрицательно сказалось на историческом сознании населения" [35].

Иногда подобная перемена играла со своими инициаторами злую шутку. Так, деревня Сучкина под Рыльском (между прочим, место первых в Посеймье раскопок каменного века) согласно местной легенде получила своё название под впечатлением покупки былым владельцем этих мест, князем И.И. Барятинским породистой суки за крепостные души. После революции это село Рыльского района стало Октябрьским. А деревня Неварь (явная память о неурожаях) Дмитриевского района Курской области получила имя Пролетарской революции. Параллельное бытование старых и новых названий такого рода принимало пародийное звучание.

Периодически повторяющееся переименование географических названий на карте области, её районов, городов, посёлков, сел, деревень и улиц обязано учитывать оригинальные прошлые варианты соответствующих топонимов. Между прочим, справедливо и благородно было бы часть *новых* улиц областного и районных центров назвать именами тех учёных и краеведов, кто внёс наибольший вклад в изучение здешних древностей.

Некоторые фольклорные мотивы в связи с историко-археологическими реалиями приобретают самостоятельное значение в культуре и идеологии Нового и Новейшего времён. Они могут органично включаться в процесс символической репрезентации политических институтов и

социальных установок практической жизни. Скажем, любой из субъектов Российской Федерации способен символически представить, лозунгово резюмировать свою историю, её наиболее славные и общеизвестные моменты. Так, утверждённые в XVIII в. гербы русских городов и соответствующих регионов в соответствии с правилами геральдики манифестировали вполне фольклорные мотивы местной старины, народные этимологии губернских и уездных урбанонимов. Во многих случаях гербовая символика явно или неявно отсылает зрителя к моменту основания поселения, его возрасту. А вопросы названий и времени основания старейших городов России представляют собой проблемное поле встречи науки и практики, истории и политики, прошлого и настоящего.

Типичным образцом в рассматриваемом отношении является южнорусский Курск. В Новое время этот топоним оказался переосмыслен во вполне фольклорном духе, ассоциировался у местного населения с названием знакомой тому птицы — куропатки. К этому могло подтолкнуть, между прочим, явное присутствие пернатых среди имён соседних городов (Орёл, Воронеж, хотя и в данных случаях скорее всего имело место позднейшее искажение иноязычной или же архаичной славянской основы в "птичьём" смысле). Во всяком случае в гербе Курской губернии с 1780 г. воспарили три куропатки на серебряном щите с лазоревой перевязью. Это же изображение переутверждено недавно в качестве герба Курской области. Так народное воображение обусловило историческую символику края.

С точки зрения же истории и лингвистики, перед нами вовсе не орнитоним, а просто "город, стоящий на куре" (курье, т.е. безымянном поначалу ручье) [36]. Одни историки и археологи предполагают его основание в конце X в. [37], другие — в начале XI [38]. Разница существующих и аргументируемых данными разных источников точек зрения по этому поводу умещается в несколько десятилетий (от времени князя Владимира Святославича до правления его сына Ярослава Мудрого), а в связи с первым упоминанием этого летописно-житийного центра в письменности достигает нескольких лет (1032–1036) [39]. И те, и другие авторы подчёркивают условность той или иной даты городского юбилея (отмеченного ли не так давно 950-летия, вождённого ли краеведами 1000-летия Курска).

Между тем, в краеведческой литературе (газетных заметках, самодеятельных альманахах и даже внешне респектабельных изданиях, учебных пособиях или сборниках статей) продолжают тиражироваться произвольные и даже заведомо абсурдные версии происхождения Курска. Вроде трогательных поисков предков курян аж в каменном да бронзовом веках [40]; среди ... "кельтов балтийского побережья", они же почему-то

“буртасы”, “короткоголовые и приземи-стые” [41]; балтов, викингов и вятичей одновременно [42]; вполне наивных и по форме, и по содержанию высказываний, вроде следующего: “По архивным свидетельствам в Миропольском городище в X веке жили также и неславяне, а в городах, построенных по указу 988 г., зарегистрированы были и финны” [43]; ни с чем уже не сравнимых утверждений, будто “момент основания Первокурска падает на период последних скифских походов на славянское Среднее При-днепровье ... VI–V вв. до н. э.”, так что якобы “очевидно, и около 2500 лет назад город носил то же название” [44], выступая, если довести до логического конца столь фантазмагорическую идею, старейшим городом Восточной Европы, ровесником Афин и Рима!

Упрощённое, вплоть до явной фальсификации, толкование исторических моментов топонимики, иного рода фольклорных материалов содержат многие другие экскурсы современных краеведов. Из многих примеров “этимологической дыбы”, на которую они то и дело поднимают курскую топонимику, ограничимся самыми абсурдными. Объявивший себя “учителем-краеведом” курский пенсионер Н.В. Рязанов напечатал в областных газетах за 1980-е – 90-е годы несколько фантастических этимологий. Особенно впечатляет развязанная им, вслед за старейшим краеведом районного Льгова С.В. Лагутичем, дискуссия в периодике о “городе Сурске” [45]. Такое название померещилось кому-то из них из-за того, что на одной старой карте слово “Курск” пришлось первой буквой на сгиб бумаги и эта буква деформировалась на поверхностный взгляд.

В том же фантазмагорическом ряду стоит проведённая “краеведом” параллель между курской Обоянью и владельцем “земли Бояна”, о продаже которой упомянуто одним из граффити Софийского собора в Киеве (скорее всего, в последней четверти XI в.) [46]. Несмотря на убедительную отповедь этим “догадкам”, данную фило-логом, доцентом И.З. Баскевичем [47], ни на что не похожие версии И.В. Рязанова и подобных ему “краеведов” снова и снова публиковались безответственными журналистами большими тиражами областных, городских, районных газет и обманывали неискушенных читателей. Картина достаточно типичная для наших краеведения и журналистики последних десятилетий.

В ответ на подобные измышления автором этих строк была предложена областной периодической печати рубрика — “Начало Курска: мифы, факты, гипотезы”. Опубликованные под этой рубрикой критические рецензии [48], надо признать, мало кого из новоявленных “краеведов” и их издателей, к сожалению, вразумляют. Областные периодика и книгоиздание, включая учебно-методическое, не устают массово тиражировать “историко-краеведческие” нелепицы о зарождении Курска [49]. Описанная ситуация достаточно типична для многих

областных центров европейской части страны (не утихают споры краеведов и журналистов о возрасте Белгорода, Брянска, Воронежа и других городов, к чему мы ещё вернёмся ниже); схожие, но более опасные коллизии имеют место в этнических автономиях (вроде Татарстана, где публично отмечали траур в годовщину взятия Казани Иваном Грозным или же Кавказа, где продолжают реанимировать кровавый режим имамата Шамиля и т.п. противников Российской империи). Границы науки и постфольклорных мифологем по поводу истории Отечества всё больше размываются.

Так на региональном уровне проявляется общегосударственная ситуация с историческим просвещением подрастающих поколений. В 2001 г. ситуация с учебниками по истории России стала предметом обсуждения в Правительстве РФ. За последние годы опубликованы многие десятки такого рода пособий. Многие из них новы и хороши как теоретически, так и методически; развивают лучшие традиции отечественного историописания; преодолевают типичные для советской историографии и педагогики недостатки. Но в целом ряде учебниках, даже рекомендованных к печати Министерством образования РФ, содержатся фактические ошибки и предвзятые оценки российской цивилизации; их выявили привлечённые Правительством рецензенты из Московского педагогического университета, Брянского университета, Университета РАО [50]. Как видно в том числе по приведённым нами краеведческим примерам, произошедшие за 1990-е гг. в книжно-полиграфическом деле перемены не свелись к отмене политической цензуры, но, к прискорбию, сделали возможным ширящийся отказ от научной экспертизы, литературного редактирования и даже элементарной корректуры опечаток при издании учебной литературы по истории.

Задача науки в описываемой ситуации — предоставить политическим руководителям государства и его субъектов, представителям общественности и средств массовой информации достоверные материалы для суждений об отдалённом прошлом страны и народа (в том числе о примерном возрасте того или иного города, важнейших вехах его с округой древней истории). Только на основе коллективной экспертизы учёных специалистов, при дальнейшем участии должностных лиц, общественных деятелей, средств массовой информации стоит принимать наиболее мотивированные решения о юбилейных торжествах, установке памятников и прочих мероприятиях просветительского, воспитательного, политического планов, связанных с региональной историей. Согласование установленных исследователями фактов, выдвинутых ими гипотез со ставшими культурными архетипами фольклорными сюжетами, а тех и других — с меморативными мероприятиями властей и общественности в каждом конкретном случае представляет собой творческую задачу.

Тот же “Курск — город воин, город труженик”; родина основателя русского монашества Феодосия Печерского; “куряне — опытные воины” со времён “Слова о полку Игореве”; “Москва ещё лежала в колыбели, а Курск уже сражался за Москву”; в конце концов мы “разогнули Курскую дугу” и т.д. по линии героико-патриотического осмысления и поэтизации краевой истории. Сменяющие “друг друга” политические лидеры области, их имиджмейкеры и политехнологи, оплаченные ими журналисты обязательно используют соответствующие клише в устной и печатной пропаганде сегодняшних задач и планов политиков, чиновников и хозяйственников. Одни из этих метаисторических логотипов более, другие менее верифицируемы с научно-академической точки зрения. Кроме того, при популяризации и особенно идеологизации, политизации исторических знаний неизбежно возникает некий предел, за которым сообщение широкой публике, учащимся новых фактов ставит под сомнение, а то и отрицает изначальную идею прикладного, воспитательного значения истории.

Возьмём для примера столь знаковую фигуру отечественной истории, как Александр Невский. Большой памятник ему работы неустоимого скульптора В. Клыкова был недавно установлен в историческом центре Курска. Как говорится, полбеда, что этот исторический деятель никак прямо не был связан своей жизнью и деятельностью с Курским княжеством (а фигуры, прославившиеся именно в связи с Курщиной, — “Буй-тур” Всеволод Святославич, князь Курский и Трубчевский; Феодосий Печерский; герой битвы на Калке князь Олег Курский и многие другие, — остаются никак не увековеченными здесь). Труднее объяснить широкой публике противоречия западной и восточной политики Александра Ярославича, провозглашённого Русской православной церковью святым, а Советским государством в годы второй мировой войны патроном особой воинской награды — полководческого ордена. Знаменитый князь, как известно, героически отразив ливонско-шведскую агрессию на Русь, целиком и полностью поддержал агрессию татарскую и безжалостно подавлял антиордынские выступления своих подданных, репрессировал в этой связи даже своего брата и прочих родичей. Ради овладения великокняжеским столом властолюбивый правитель не пренебрегал никакими средствами.

Приведённый пример — не исключение, а скорее правило для тех познавательных и практических сложностей, что возникают при прямом или косвенном диалоге фольклорных и научных форм исторической памяти. Специалисты-историки демонстрировали подобный дуализм оценок достоверности и нравственной поучительности в отношении едва ли не каждой из приметных фигур российского прошлого. Однако соответствующие трудности популяризации исторического знания, его

согласования с фольклорными образами обыденного сознания, вовсе не отрицают, на наш взгляд, необходимости этой работы, прежних и новых удач при её выполнении профессио-нально подготовленными и литературно одарёнными авторами (в том числе на поприще исторического краеведения, о чём еще не раз пойдет речь в нашей работе).

* * *

Подытоживая предпринятый в начальном параграфе диссертации *экскурс в историко-археологическую фольклористику и её ветвь — историческую топонимику южнорусского ареала*, признаем, что соотношение правды и вымысла в составе этой своего рода неомифологии достаточно сложно эпистемологически и болезненно аксиологически. Народная память выборочно и прихотливо отражает далёкое прошлое. Расширение пространства фольклорного повествования на исторические темы находится в обратной пропорции со степенью его достоверности. И вообще-то редкое “зерно” фактично-сти, присутствующее далеко не в каждом устном или же запечатленном на географической карте сообщении о древностях, от поколения к поколению как бы “развоплощается” — облекается более или менее фантастическими коннотациями. Те способны влиять и прямо проникать на уровень функционирования политической идеологии, педагогики, вообще культурной практики наших дней. Особенно большие потери факты и дух истории несут при вторичной, модернизированной фольклоризации её событий и лиц при их дилетантском — упрощённом и вульгаризированном изложении самозванными “краеведами” или же политически ангажированными идеологами. Разные, но одинаково опасные для исторического сознания социума издержки несут в себе как тоталитарно-авторитарные методы его программирования, так и псевдодемократическое самоустранение государственной власти и академической науки от задач исторического просвещения.

В демократическом, культурном идеале историческая наука и социально-политическая, педагогическая практика должны уважительно относиться к целям и возможностям друг к другу, а все они вместе — к образованной фольклором “устной, народной истории” поселения, края, страны. Страховать друг друга от крайностей, тактично поправлять слишком односторонние (и с научной, и вненаучной, социально-психологической точек зрения) версии лиц и событий далёкого и недавнего прошлого.

Применительно к истории культуры и самой исторической науки всегда бытующий в народе устный нарратив о далёком прошлом образует своего рода “нулевой”, донаучный этап соответствующих знаний и оценок.

В лице народных преданий и легенд, быличек и поверий на исторические темы мы имеем своего рода “этнонауку”, чем-то (своей “логикой”, эмпирической направленностью) похожую на народную медицину, метеорологию, агрономию и т.п., более прикладные отрасли обыденно-практического знания. Вненаучное знание, в том числе традиционно-бытовое, в последнее время стано-вится актуальным предметом философско-методологической рефлексии [51]. В её тени пока находились гуманитарные аспекты вненаучного знания. Народная, устная история выступает органичной отраслью “этнонауки”.

При инвентаризации и музеефикации памятников глубокой старины, в отчётах об их разведках и раскопках стоит фиксировать, по-мимо прочего, соответствующие версии окрестных жителей о проис-хождении и значении этих древностей. До сих пор археологи — паспортизаторы памятников, их разведчики и раскопщики, особенно молодые сегодня, предпочитали экономить время и силы за счёт фольклорного “шлейфа” вокруг соответствующих объектов, что неда-льновидно. При всей произвольности большинства подобных расска-зов, “устная история древности и средневековья” порой содержит крупницы истины и обладает самостоятельной ценностью для отечест-венной культуры.

§ 2. Порубежники Московского государства — искатели кладов (случайные находки древностей и магическая “археология”)

У отмеченного в предыдущем параграфе стихийного интереса людей к древностям имеется своя оборотная, причем теневая с точки зрения науки и культуры сторона. Имеется в виду *кладоискательство* — *грабительские, самовольные раскопки памятников старины* (на террито-рии Восточной Европы в основном курганов) с целью обогащения. Это общественное явление возникает почти повсеместно уже на заре цивилизации, вместе с появлением товарно-денежных отношений и социально-классового неравенства. Во всяком случае, многие по всей видимости богатые погребения доходят до современных археологов ограбленными еще в древности, сразу же или вскоре после их созда-ния. Жертвами криминальной “археологии” становились египетские пирамиды и античные храмы, прочие святилища разных племён, скифские курганы и могилы многих других древних народов.

Версия некоторых археологов и антропологов о ритуальном ха-рактере разграбления свеженасыпанных курганов имеет слабое ме-сто: нарушавшие покой своих и чужих мертвецов смельчаки брали исключительно драгоценные вещи, игнорируя остальной инвентарь языческих могил. Поскольку мало-мальски ценные вещи в более или

менее доступном и концентрированном виде находятся именно в погребениях, особенно хорошо различимых на местности при наличии могильной насыпи, остальные памятники старины рушились куда реже. Однако руинам древних поселений и фундаментов былых строений в свою очередь доставалось от местного населения — оно нередко использовало их как удобный источник строительного материала (песка, камня и проч.); подвергало их поверхности распашке или застройке.

Временами и местами кладоискательство принимало характер своеобразной психологической эпидемии, широко распространённого занятия значительной части жителей того или иного района. В ряде регионов кладоискательство выделялось даже в особую профессию, причём нередко наследственную. До сих пор этот феномен, его психология и феноменология лучше поддавались художественному воплощению литературой и искусством. Так, о специалистах по опустошению египетских пирамид живописно повествуют роман Б. Пруса "Фараон" и его киноэкранизация, поставленная Е. Кавалеровичем [1]. У нас в Сибири, где богатых ценностями курганов ("бугров") было больше, чем в Европейской части России, поисками в них золота на протяжении XVII – начала XVIII вв. занималась неформальная корпорация так называемых "бугровщиков" [2]. Ареной такой же вторичной золотодобычи рано стали Крым и остальное Причерноморье. О кладоискательстве в центральных областях страны известно гораздо меньше [3]. Археологи и нумизматы, принимавшие на музейное хранение и публиковавшие дошедшие до них клады монет и других вещей, почти не интересовались мотивами их поиска и находок. Их занимало не кладоискательство само по себе, а лишь его вещественные результаты, и то весьма выборочно [4]. Популярно-беллетризированные очерки слухов и документов о кладоискании, напротив, минуют его значение для науки и культуры [5].

Для юго-восточной окраины Московского государства, в том числе Курского края, высший пик этого нездорового увлечения приходится на XVII столетие. Тому имелись вполне объективные предпосылки. После восстановления в конце XVI столетия курской крепости, вокруг неё довольно быстро складывался крупный хозяйственный и военно-административный район России. Расширялся товарообмен, росли в цене деньги, а вместе с тем усиливалось угнетение "чёрного" населения, продолжалось закрепощение крестьянства. Во множестве бежавшие сюда от разных "тягостей" "сходцы" и "утеклецы" из Центральной Руси чаще всего начинали на новом месте что называется с нуля, остро нуждались в средствах на обустройство. Не случайно именно в Курске произошло (в 1648 г.) одно из самых яростных антигосударственных выступлений того времени, жесточайшим образом подавленное [6]. Ощущение эфемерности

людского бытия на краю Дикого поля питалось постоянной опасностью вражде-ских нападений на русские города и сёла, сторожи и станицы (со стороны не одних татар, но и “литовских людей”, “воровских” укра-инцев-черкас, просто безродных разбойников).

Отражением указанных исторических событий и процессов в духовной жизни народа являлись мечты о лучшей доле. В частности — о готовом счастье, ждущем смелого и удачливого человека. Найти клад, разом обогатиться и тем самым разрубить узел жизненно-быто-товых проблем — надежда, довольно-таки типичная для утопическо-го сознания разных, особенно низших сословий Средневековья. Не единственная, конечно, мечта, но одна из вековых. Перспектива вы-купиться из крепостной неволи, обрести свободу, движимую и не-движимую собственность, руководившая искателями подземных со-кровищ, лучше всего объяснит нашему современнику кладоискатель-ский пыл предков.

Свою лепту в формирование кладоискательских умонастроений вносила религия: христианство, переплетавшееся с остатками языче-ства. "Постепенное народное творчество выработало целую теорию, что крупные разбойники и большие богачи скрывают поклажее [от слов "класть", "положить" — распространенное наименование клада в средневековой Руси; сменившее его с XVII в. слово “клад” одно-коренное — С.Щ.], чтобы находчики, люди достойные, но бедные, помолились об их душе. На пути к кладам стояли бесы. Они прини-мали все меры к тому, чтобы поклажее не вскрылось и не принесло облегчения ни бывшим собс-твенникам, ни будущим. Но молитва по-беждает бесов", — объясняет социальную психологию “ловцов под-земной удачи” историк Н.Я. Новомбергский (1871–1949), автор спе-циального исследования феномена кладоискательства на Москов-ской Руси. "Время от времени в разных местах действительно нахо-дили в земле сокровища в виде денег и драгоценных предметов. Во-круг этих кладов складывались целые легенды. Эти последние вдохновляли на новые поиски. Малейшая удача производила посев новых легенд и т.д." [7].

Характерно, что в составе каждого из циклов исторических сказаний русского народа — о князьях Киевско-Новгородской Руси, об Иване Грозном, Ермаке, Кудеяре, Лжедмитрии, Разине и Пуга-чёве, т.д. — присутствовали сюжеты об утаённых сокровищах [8].

Южная Русь в целом, а её Курский край в особенности давали немало поводов приступам кладоискательской лихорадки. Здесь ве-ками сочетались основные *факторы появления “имущества, неизвест-но кем сокрытого”* (как официально именовались клады до револю-ции). Ценности в Древности, Средние века и раннее Новое время за-рывали чаще всего на стыках торговых путей между основными мо-нетными рынками, на путях интенсивных передвижений народов и товаров (на всём

пространстве восточно-европейской лесостепи Кур-ское Посеймье — единственное место прямого, практически без во-локов, по озёрам и притокам соединения трех речных систем — Днепровской, Волжской и Донской); ввиду опасности со стороны внешних врагов и внутренних усобиц (Курск изначально — форпост северянского объединения славян, а затем Руси против хищных завоевателей — хазар, печенегов, половцев, татар, а затем ещё и литовцев, поляков, украинцев; объект длительной междоусобной борьбы своих же удельных князей). Другая причина кладообразования в те далёкие времена — страховка от пожаров, частых и разрушительных при деревянной на 90 % застройке Руси, особенно Южной, так бедной камнем и водой на мало-мальском отшибе от основных речных артерий. Наконец, первоначальные владельцы кладов, не сумевшие вернуться за ними, стремились с их помощью уйти от налогового произвола властей, приберечь наследство, военную или разбойничью добычу. На постоянно “пульсирующей” здесь границе Русского государства, то двигавшейся на юг, в Степь при военной удаче, то отступавшей под спасительную сень северных лесов, всех названных обстоятельств кладообразования хватало с избытком.

Так что *фольклорно-мифологические сюжеты удачной находки сокровищ* имели вполне реальную подоплёку, пусть не столь баснословную, как в сказках. “Во время смут, да и в мирное время предкам нашим негде было зарывать свои капиталы, как в матери-сырой земле. Она заменяла им сохранные банки” [9]. “Земляная касса” принимала на бессрочное хранение “вклады” местных жителей с каменного века и до недавних революционных да военных времён. Значительное число найденных кладов свидетельствует о повышенной опасности проживания на данной территории — ведь их владельцы не смогли за ними вернуться или даже завещать кому-то.

Кладоискательская деятельность рано привлекла к себе внимание средневекового государства. Его верхи, во многом разделяя викингско-дружинный менталитет, сами не чурались поисков “поклажего”. Так, согласно Печерскому Патерику, Мстислав Святополкович, князь Владимира Волынского, прознав от одного из своих бояр, будто печерский инок Фёдор выкопал в “Варяжской пещере” “варяжскую поклажу” (“злата много и сребра, и сосуди многоценнии”), “повелел мучить его крепко” — морить голодом и жаждой, вешать в дыму, жечь огнём и, наконец, замучил и этого инока, и его собрата по монастырю Василия до смерти, так и не допытавшись, куда перепрятано найденное ими сокровище [10]. В свете того, что мы знаем из восточных и византийских источников, русских летописей и скандинавских саг о варяго-русах, этот сюжет выглядит вполне реалистично. Примерно такой по размеру (“возы и ящики” у этих печерцев) могла быть добыча Харальда

Сигурдарсона, будущего ко-нунга Сурового Правителя Норвегии. Эту добычу он хранил у своего будущего тестя Ярослава Мудрого, пока служил византийским наёмником (“... Там было столько добра, сколько никто в Северных Странах не видал в собственности одного человека”, гласит сага).

Кладовые мотивы звучат ещё в гипотетически реконструируемом “Житии Антония”, “Чтении о Борисе и Глебе” [11], “Житии Авраамия Ростовского” и некоторых других памятниках древнерусской литературы. Позднее Иван Грозный во время разгрома Новгорода перерыл собор Святой Софии в поисках клада. А царевна Екатерина Алексеевна, сестра Петра Великого, с той же целью приказала разрыть древнюю могилу у церкви Вознесения в селе Коломенском под Москвой [12] (где располагается, между прочим, известное Дьяково городище, давшее имя соответствующей археологической культуре раннего железного века).

“Сыски о кладах” с начала XVII в. входят в круг обычных обязанностей воевод разных мест. Московское правительство начинает снаряжать целые комиссии при получении известий про обнаружение спрятанных ценностей кем-либо из его подданных. Такого рода дела заводились обычно в Разрядном приказе, ведавшем вооружёнными силами и вообще служилыми людьми страны. Именно они осуществляли сыск “казны для великого государя” — допросы находчиков, перекущиков, укрывателей ценностей и свидетелей их находки; обыски их дворов; вплоть до новых раскопок на указанных теми местах.

Одно из самых ранних разрядных делопроизводств о кладах — за 1626 г. — относится к Путивльскому уезду, который подчинялся тогда Курску. Резюме дела гласит: “По отписке из Путивля селитренного мастера Романа Гаврилова в находном золоте и серебре, что на селитренных варницах прикаские ево и работники нашли в кургане золота два прута [очевидно, шейные гривны — С.Щ.], да 26 плащей [по всей видимости, пластины от кованого пояса или панциря; вероятно, скифского, сарматского вождя или хана позднейших кочевников — С.Щ.], да 9 перстней золотых и пуговицы, и иные мелкие статьи [т.е. предметы; должно быть, бляшки, нашиваемые в древности на костюм — С.Щ.], золотые и серебряные; и то золото и серебро привезено к Москве в Разряд, и смотрено и ценено, и по челобитию и по выписке то находное золото и серебро отдано ему, Роману, на церковное строение” [13].

Приведённое свидетельство обнаруживает сразу несколько любопытных штрихов в связи с тем, как относились к древностям триста лет назад. Налицо ещё одна причина массового уничтожения курганов — нужды селитренного, порохового производства, явно немалые в те боевые времена. Подобного рода “раскопки” старинных земляных насыпей с узкопроизводственными целями публикатор цитированного архивного

дела Н.И. Оглоблин метко назвал ан-тиархеологическими. Хозяин селитренной варницы, чьи рабочие случайно наткнулись на богатейшее погребение (скифо-сарматского, по всей видимости, типа или же позднекочевническое; а то и несколько погребений под одной насыпью), взял из снесённого кургана вещи из драгоценных металлов. После расследования, произведённого курским воеводой на месте находки, и её экспертизы в Москве, находчик получил вещи обратно — ради финансирования строительства новой церкви. По предположению того же Н.И. Оглоблина, Гаврилов, как благочестивый русский человек, "счёл своим невольным грехом вскрытие могилы неведомых ему покойников и поспешил "замолить" этот грех пожертвованием всего найденного кла-да "на церковное строение" [14]. К тому же, добавим, другого благовидного предлога вернуть ценности из столицы в Курск у торгового человека просто не было.

Другое местное дело схожего содержания датировано июнем 1638 г. Священник курской соборной церкви донёс тогда воеводе на нескольких своих прихожан, нашедших и присвоивших "татарские деньги" (так называли в те времена не одни только ордынские моне-ты, но и все остальные "нерусского дела, неведомо какие"). Воевода немедленно допросил подозреваемых. Счастливыми (ненадолго) оказались "бо-быльский сын Михейка и курчанином же с нищим сле-пым старцем Аким-кою Чальцовым да с пасынком его с Артюшкою". Они действительно неожиданно наткнулись ("ходили в лес по вени-ки ... за курским посадом вверх по Куру к пушкарским гумнам") "в горе на горшочек маленький глиняный татарских денег, да в том же горшочке пять клубочков волоченого серебра" [15]. По требованию воеводы все найденное серебро — и монеты, и проволоку (скорее всего, заготовка для ручной чеканки восточных монет; нельзя иск-лючить, что "клубочками" оказались тогда деформированные брас-леты из серебра) — общим весом до двух фунтов невольные кладо-искатели тут же сдали. Эти ценности вместе с прото-колом допроса ("распросными речами") были отправлены в Москву, опять же в Разрядный приказ (как своеобразное министерство внутренних дел своего времени). Можно считать, что это дело кончилось благопо-лучно для обеих сторон — и незадачливых находчиков клада, и властей.

Другие куряне на случай не надеялись и топографию кладов пы-тались определить сами. Согласно одному из доносов, поступив-ших в курскую съезжую избу — административный центр города в 1623 г., "сын боярский Мотюха Ярыгин с братьями тайно вынул по-клажее в Курском уезде в подгородном стану за рекою Курицею..." — "котел винный да три трубы с деньгами" [16]. Воевода "того же часу" послал стражу за Ярыгиным и его братьями, а своего подчи-нённого — казачьего голову отправил осмотреть указанное доноси-ком место. На нём оказался

курган, свежеразрытый грабителями до основания. Голова определил: поиск клада производился целенаправленно, "по признакам" — на окружающих курган дубах имелись старые и свежие затёсы-метки. Воевода рассадил обвиняемых по тюремным камерам "порознь до государева указа", отправив донесение в Разряд. Государь — юный Михаил Федорович Романов из Моск-вы оперативно указал "про то расспросить подлинно, и всякие сыски сыскать накрепко, и пыткой постращать; и будет доведётся кого пытаться, и попытать" [17].

Чем конкретно завершилось это дело, по сохранившимся документам не известно. В аналогичных случаях воеводы других городов, как явствует из архивных материалов того времени, поднимали кладоискателей на дыбу, били кнутом и жгли огнём, добиваясь выдачи найденных ценностей. Пытка при расследовании дел об укрывательстве краденного, найденных кладов и т.п. поводам санкционировалась тогдашним законодательством — "Уставной книгой" Разбойного приказа 1616–17 гг. и "Соборным уложением" 1649 г.: "А на которых людей учнут языки говорить с пыток в поклажее разбойные и татийные рухляди, ... тех оговорных людей по язычной молвке сыскивать ... А будут они в тех поклажеях или в продажной разбойной рухляди запрутятся, и их в том по тому же пытаться и с пытки указ учинить, до чего доведётся" [18]. Отсюда явно, почему упомянутые выше "курчане", случайно нашедшие клад "татарских денег", момен-тально отдали воеводе утаённое ими и поделённое было серебро из клада.

Однако гарантировать новорожденную монополию государства на подземные ценности в XVII в. удавалось не всегда. И не только по причине засекречивания большинства таких поисков их инициаторами. Порой добыча сокровищ велась в открытую: праву на них царёвых людей противопоставлялось "право" вооружённой силы частных лиц, в свою очередь достаточно распространённое в те "бунташные" времена, особенно здесь, на беспокойном пограничье.

Впечатляющий эпизод чего документально зафиксирован для соседнего с Курском Воронежского края. 24 мая 1664 г. в Землянском уезде, верстах в 40 от уездного города (город-крепость Землянск основан в 1661 г.), в степи за р. Ведугой местные черкасы (т.е. украинские казаки на российской службе) заметили несколько десятков человек, усердно лопативших землю на лугу между холма-ми. По просьбе обеспокоенных землянских черкас их воевода Гаврила Петрович Островский отрядил для дознания подъячего приказной избы Сеньку Окулова. Приехав на место происшествия с небо-льшим эскортом землянцев, тот обнаружил, что землю копают дети боярские (т.е. средней руки землевладельцы, "служилые люди по отечеству") соседнего Чернавского уезда. Их экспедицию возглав-лял сельский поп Киприан, оказавшийся подъячему

... родным дя-дей. Тем не менее чернавцы дали следователям от ворот поворот, "примериваясь в подъячего из ружья" и не подпуская его близко. Тогда землянцы послали за самим воеводой. Последний сразу догадался, что чернавцы ищут "поклажу". Желая "порадеть великому государю" и опасаясь, чтобы клад "украдом не разнесли", воевода собрал себе конвой побольше из землянских "черкас и русских лю-дей", не забыв прихватить и соборного попа Лаврентия (Присутст-вие священников с обеих заспоривших о кладе сторон лишний раз подтверждает выдающуюся роль нечистой силы и Божьего промысла при образовании и добыче "поклажего", по понятиям наших пред-ков). Но чернавцы и самого воеводу встретили угрозами, снова "примериваясь из ружья" по противникам. Посредником выступил поп Киприан. "Почему и для чего вы в Землянском уезде копаете землю украдом?" [19] — спросил его воевода. "Потому мы копаем, — смело ответил поп-кладоискатель, — что земля в логу про-меж гор насыпная, и дёрном выкладена недаром: чаем поклажи бо-льшой. А в прошлых в давних годах был некто вор и разбойник Кудояр с товарищи ... И, воровски он казну собрав, стоял городком в степи. И в том городке пушечная и всякая казна несметная. А тот лог с похоронкою, который начали копать мы, чернавцы, засыпан [Кудеяром] отъезжаючи от городка. А городка того мы не ведаем ..." В заключение своего ответа Киприан предложил воеводе "не ссылатъ чернавцев с места", позволить им копать вместе с землянца-ми, дабы "что Бог даст, с ними разделить по паям". Воевода (всё время переговоров, напомним, взятый на мушку собеседниками) со-гласился на такой компромисс, выговорив себе недельный срок для консультации с Москвой. Но чернавцы так "не похотели" и сами покинули место раскопок. Воевода Островский тут же приставил своих черкас копать заветный лог дальше. На следующий день чер-навцы вернулись и согласились копать с землянцами, обещавши "их не избидеть". Поп Киприан на сей раз сам не явился, а прислал на имя племянника — подъячего письмо с благословением и требова-нием послать за ним, как только "та казна объявится". Совместный отряд рыл лог в трёх местах ещё два дня и ничего не нашёл. Кладо-искатели на поверку оказались "людишки скудные и бесхлебные, что было у них покроем хлеба с собой, съели, и пошли для хлебные работы по жилым деревням кормиться".

На полыхнувшие по округе слухи о поисках клада на Ведуге откликнулись новые охотники попытать счастья и "утайкой" продолжали здесь копать. А в самом Землянске объявился воронежец, сын боярский Иван Астремский и передал воеводе "подлинную грамотку с росписью и с признаками тому воровскому Кудояровскому город-ку и иным местам, где какая казна положена".

Воевода принял соломоново решение: послал к московскому двору одним пакетом и новоявленную "роспись", и киприаново письмо, и собственную "отписку" о ходе событий и месте происшествия. Копии этих документов сохранились в архиве Белгородского стола Разряда, решившего их "выписать к великому государю в докладе". О завершении всего этого дела сведений не сохранилось. Островский, впрочем, заключал свою докладную так: "И впредь на том логу хотят копать утайкою те же чернавцы дети боярские" (Очевидно, когда заработают хлеба на новую экспедицию).

Публикатор цитированного нами документа С.Н. Введенский резонно отмечает проблески, отдалённые намеки "археологического" подхода к делу всех участников данной истории. Действительно, его первопроходцы "киприановцы" установили в ветлужском логу нали-личие почвы, погребённой некой искусственной, сознательно задернованной кем-то насыпью. В "грамотке" же Астремского приводятся соответствующие откровения мифического Кудояра, вроде следующих: его разбойники-де "двинулись в сутки, ров перекопали и вал завалили и от сиськи [видимо, центральной возвышенности вала — С.Щ.] вал перекопали и надвое городище перекопали", дабы изменить рельеф местности и понадежнее скрыть на ней свою "поклажу". На обороте же "Кудояровой росписи" Астремский сделал своей рукой "чертежец городским признакам". Однако "привязать" искомое городище именно к побережью Ведуги на спросе у воеводы новоявленный топограф не сумел.

Сам воевода приводит для Разряда образцовое даже по гораздо более поздним археологическим меркам описание развернувшихся у него под боком грабительских раскопок. "То место, — сообщал великому государю Островский, — где копано в степи, промеж двух гор насыпано землю, а длина той насыпи 85 сажен, поперёк 12, а инде и 10 сажен; а сыпана в тот лог земля слоями глина красная и серая и чернозем под глиною, а сверх той насыпи пень дубовый большой горелый, а пониже нее родник ... В правую сторону копали землянские черкасы длины 5 сажен, а поперек 2 сажени, глубины 4 сажени, а пониже ... с нижнего конца той насыпи от ржавца копали сперва Черкасского уезда дети боярские длины сажен с 20, а поперек 1/2 сажени, а сперва глубины с человека вышиною, а повыше копали колодезем сажен с 5. А земля вся битая, насыпная. А близко того насыпного логу Чернавский уезд, Тербунское село и Яковлевское с деревнями в 10 верстах, а Воронеж в 30 верстах..." [20].

Историк науки и культуры вправе усмотреть в этом документе:

а) обобщённую стратиграфию вскрытых копателями площадей археологического памятника;

б) грубый план заложенного ими раскопа (две траншеи и шурф "колодцем");

в) приблизительную топографию всего памятника, с “привязкой” к ближайшим постоянным и общеизвестным ориентирам.

Для середины XVII в. столь разносторонняя и зоркая информация о памятнике далёкой старины просто удивительна; она под стать тем полевым журналам, что остались от многих археологов XIX и даже первой половины XX вв. Сходство, разумеется, сугубо формальное, ибо цели земляных работ у “детей боярских” и самого воеводы оставались прямо антиархеологическими — они бездумно разрушали памятник археологии в погоне за мифическим сокровищем. И разрушили — судя по всему, остатки оборонительных сооружений какого-то древнего городища. В состав этих сооружений входил, по-хоже, деревянный (дубовый) частокол на валах.

Руководствуясь нашей публикацией соответствующего документа [21] и указанными в нём ориентирами, воронежский археолог В.Н. Ковалевский в 1998 г. пытался отыскать соответствующее городище на местности, но, к сожалению, пока безуспешно. Однако координаты, содержащиеся в воеводской грамоте, оставляют реальную надежду на успех дальнейших поисков.

Особой популярностью на юго-востоке Руси начала Нового времени, в том числе на Курщине, пользовалась не раз уже упоминавшаяся нами выше *легенда о "кудеяровой поклаже"*. Российский государственный архив древних актов (РГАДА), куда поступили материалы московских приказов, хранит 7 розыскных дел *о поисках этого неуловимого клада* в здешних уездах — Курском, Карачевском, Трубчевском и других. Везде по рукам ходила целая "ропись кудеяровой поклажи", на которую периодически льстились доверчивые люди. В их действиях отчётливо видна вера в сверхъестественные существа, охраняющие клады, но при особых обстоятельствах выдающие их людям. По неписанному народному праву, спрятанные в земле сокровища становятся собственностью тех, кто с помощью колдовства ("чурования"), удачи и смелости их найдёт. Ведь "зарывались клады с зарокми, например, на три головы молодецкие, на сто голов воробьиных и т.п. Три головы должны погибнуть при попытке овладеть кладом, — следующему по счёту, четвёртому, он обязательно достанется. Надо зарок знать и притом помнить, что клад стережёт злая сила — нечисть. Когда клад "присумниться", то есть выйдет наружу и покажется блуждающим огоньком, и выговоришь зарок, черти начнут страшать, отбирать клад. Тут слово "чур" и очерченный круг одни и выручают, спасая от мучений" [22]. Так что роспись "поклажи" на Руси, — не просто карта, но и целая инструкция искателю зарытого счастья по части необходимых ему магических действий. И, тем самым, документальное свидетельство архаического восприятия исторических древностей только в качестве сокровищ.

Во всей этой магической практике кладового волшебства для темы настоящего исследования особенно интересно отметить следующее обстоятельство: по колдовским приемам, что применялись иска-телями "поклажего" в XVII–XIX вв., косвенно просматриваются *идейно-мифологические мотивы, которыми руководствовались кладообразователи Древности и Средневековья*. Кроме сугубо рациональных, собственно практических целей — до времени надёжно сберечь своё имущество, выделителем клада мог двигать социально-психологический комплекс с условным названием "поступок Поли-крата". Как известно по Геродоту, этот древнегреческий торговец, ставший правителем, тираном, решил откупиться от слишком уж удачливой поначалу его правления судьбы, выбросив по совету жрецов в море свою самую любимую вещь — драгоценный перстень. Похожим образом, согласно северноевропейским сагам, викинги в качестве умиловительной жертвы богам, причём даже вне реальной опасности, так сказать авансом, могли предать морской пучине или земле часть своей военной добычи. Так что многие из старинных кладов полифункциональны — помимо прямой тезаврации богатства, перед нами своего рода "доупоконная жертва". С её помощью представитель архаичного менталитета вступал в диалог с мифологическими силами потустороннего мира своего времени. По обоснованному фактами многочисленных кладов викингов IX–XI вв. заключению А.Я. Гуревича, "их прятали для того же, для чего Сигурд утопил своё золото в Рейне. Нужно было сберечь материализованную сторону своей удачи от чьих бы то ни было посягательств на неё, и для этого богатства запрягивались, но не на время, в ожидании того момента, когда обладатель сможет выкопать их, вернуть себе и беспрепятственно ими воспользоваться, как материальными богатствами в этом мире. Вовсе нет. Это было продолжение его собственной личности ..." [23]. Христианство и вообще развитие культуры сублимировали этот диалог язычника-кладообразователя, жертвователя сокровищ с судьбой, перевели его в иные по форме, но схожие по цели и сути действия полухристианина-полуязычника кладоискателя — вроде церковных треб и бытовых суеверий в связи с чьим-то "спрятанным счастьем".

Отсюда поиски клада носителем архаического сознания — не просто авантюра криминального толка, но и один из логичных в его системе идей-мифологем путей самореализации, достижения счастья. Те самые силы народной демонологии [24], что помогали кладообразователю, теперь ждут случая "пообщаться" с кандидатом в его на-ходчики. Риск, затраченный на приобретение спрятанных сокровищ честным трудом или же разбоем, оказывался эквивалентен риску их повторной добычи в виде клада. Спрятанное в виде клада счастье сулило вернуться к обездоленному

бедолаге, если тому удавалось обойти поту- и посясторонних сторожей его. Курские примеры из документов РГАДА ярко иллюстрируют это.

Типичное в рассматриваемом отношении дело московского Раз-ряда датируется 1693 г. Ниточка тогда потянулась в Рыльск, где "вор Илюшка Фатеев" объявил за собой "государево дело" (оно, как известно, давало правонарушителю отсрочку с разбирательством его конкретной вины и даже наказания за неё; а воровством по тем вре-менам именовалась не одна только кража, но и преступление вооб-ще). Допрошенный в застенке "вор" указал на "рыленина Мишку Умрихина" как обладателя чудо-действенной "травы, чтобы замки отмыкать" ("В травах, по народному поверью, скрывается могучая сила, ведомая только чародеям; ... некоторые зелья помогают им при розыске кладов, другие наделяют их способностью предвиде-ния, третьи необходимы для свершения волшебных чар" [25]).

За волшебной травой к Умрихину якобы приезжали "курский ямщик Аника Зуев с крестьянином Сенькою Черкашениным". Без волшебства им-де не давался в руки обнаруженный "в Курском уез-де близко Ямской слободы погреб с Кудояровским поклажем, в том де погребе 12 бочек денег серебряных копеек, да 4 котла жем-чугу насыпаны, да лежит 1000 бердышей, да 1000 мушкетов, и кни-ги, и евангелие, и всякая церковная утварь, и платье да сабля булат-ная" [26].

Предполагаемый обладатель "разрыв-травы" был, как водится, без промедления разыскан и во всем подтвердил извет. Сознались и арестованные в Курске его посетители. Тогда воевода развернул следствие полным ходом, к нему привлекли еще целый ряд лиц. Через несколько месяцев интенсивных допросов и очных ставок вы-яснилось, что "полная роспись клада находится у крестьянина Ар-тюшки Колупаева". Тот сначала запырлялся, но после очередной оч-ной ставки, завершившейся пыткой обоих допрашиваемых сторон, признался в хранении кладовой "росписи, полученной из Крыма". Курский воевода, завладев росписью, далее самостоятельно действо-вать не смел. Запечатав заветную бумагу и "оковав в кандалы" Ко-лупаева, вместе с показавшим на него Фенькой Евсюковым, отпра-вил их всех в Разряд. Там следы горе-кладоискателей затерялись — в цитированном документе Приказного стола они не отражены.

"Кладовые рукописи" ходили по рукам курян и впоследствии, на протяжении XVIII и XIX вв. Любопытную статью об этих своеоб-разных памятниках народной письменности, "отрывках старой гео-графии и старой внутренней истории родной нам земли" опублико-вал в 1902 г. местный бытописатель и историк любитель Е.Л. Мар-ков. Будучи помещиком Щигровского уезда, он собрал целую кол-лекцию старинных бумаг и рассказов старших членов семьи на кла-доискательские темы.

"Старики-кладоискатели, — писал сам уже тогда престарелый Евгений Львович, — имевшие у себя древние кладовые записи и сохранившие их в тайне как святыню, уже при моей жизни приходили из разных далёких мест в наши курские ме-ста и копали клады" [27]. В том числе внутри курганов, поросших лесом, под названием "Куньи верхи", недалеко от марковского поме-стья.

Публикуемые Марковым "грамоты" приписывались "лихим лю-дям", разбойничавшим в начальные годы XVII в. на Муравской сак-ме, Сагайдачном шляхе и прочих торных путях Северской Украины и южного порубежья Московского государства. "Записи" эти носили характер духовных завещаний атаманов или рядовых разбойников, на смертном одре или во вражеском плену озабоченных судьбой спрятанных где-то на Северщине сокровищ. Среди примет для по-иска таких кладов сплошь и рядом фигурируют "курганцы", другого рода могилы и городища в междуречьях Ворсклы, Северского Дон-ца, Псла и Сейма. К этого рода земляным насыпям простой люд относился с определённым пиитетом, что и учитывалось реальными или литературными героями "кладовых рукопи-сей". Содержание, а особенно стиль, просторечная лексика документов представляют ин-терес скорее для фольклористики, языкознания. Сегодня предания о кладах Кудеяра и прочих разбойников публикуются и комменти-руются как один из жанров фольклорной прозы [28]. Историкам и археологам южнорусского края примечательны скорее попутные воспоминания издателя "заветных бумаг". Вроде следующего: "В развалинах "Ратского" или так называемого "Святого городища" на той же р. Рати, где находится и мое имение, — писал этот щигров-ский помещик, — мельник, снимавший мельницу у госпожи Шехов-цовой, нашёл, по рассказам местных жителей, в обвале берега боль-шой "кубган", полный золотой и серебряной посуды, которую он распродал; я сам не раз видел на том же Ратском городище вымы-ваемые весеннею водою мелкие серебряные гривенки" [29]. Судя по моим и других "подъёмщиков" сборам на Ратском городище при его раскопках экспедицией В.В. Енукова в 1990–1992 гг., под "гривен-ками" имеются в виду (в исключительных случаях) арабские дирхе-мы [30], а гораздо чаще — джучидские монеты времён расположе-ния здесь известной по летописи Ахматовой слободы и последующе-го татарского города — столицы так называемой "Курской тьмы" [31].

К счастью для будущей научной археологии, в городищах и курганах Курского края, да и всей Центральной России, дорогие вещи встречаются довольно редко. Гораздо чаще и реалистичнее звучат свидетельства легенд кудеяровского цикла о том, что на месте разбойничьего "городка" "находились предметы земледельческие, пан-цыри, прясла, стрелы, копья, следы каменных построек..." [32] и т.п. подъёмный материал эпохи

Средневековья, как видно, в принципе правильно понимаемый народной молвой (в силу типологического сходства крестьянского образа жизни на Среднерусской равнине на протяжении многих веков). Легендарность фольклора усиливается вместе с археологическим возрастом находок — вещи эпохи ранних металлов и тем более камня всё меньше соответствовали обыденным представлениям человека земледельческой цивилизации. Тогда останки мамонта или т.п. экзотического зверя принимали за "кости богатырские — одна кость до колена, нижняя, больше трёх аршин" [33].

А клады как таковые — зарытые, иначе спрятанные, но не взятые обладателем назад ценности — в абсолютном большинстве случаев вовсе не поддаются целенаправленным поискам в соответствии с какими-то картами или "рописями". Не только в юго-восточных пределах России, но и во всей мировой кладоискательской практике планомерная находка спрятанных кем-то давным-давно сокровищ представляет редчайшее исключение (Связанное к тому же почти целиком с поисками затонувших на море кораблей или разбившихся самолётов с ценными грузами). Почти все находки древних кладов носят случайный, совершенно непреднамеренный характер. *Клады в археологическом смысле этого слова* обнаруживаются главным образом при пахоте, других земляных работах или самопроизвольных обвалах берегов рек, оврагов и т.п. мест в половодье. К тому же, русские крестьяне коренных, в основном моноэтнических губерний страны в своём большинстве до поры, до времени с должным почтением относились к любым могилам на своей родной земле, включая древние курганы. Сравнительно редкие случаи находок курганных предметов, к тому же в своей массе вовсе не драгоценных, как правило не приводили к массовому разорению искусственных холмов на данной территории. Религия и бытовые суеверия удерживали большинство простолюдинов от осквернения святых мест, каковыми оставались заброшенные кладбища. А самых отчаянных и дерзких искателей легкой наживы могли "вразумить" в воеводских застенках, потом полицейских участках.

По этим причинам страсти кладоискателей в районе Курска и на сопредельных ему территориях постепенно улеглись и на протяжении XIX–XX вв. повторялось всё реже. Хотя полностью так и не прекратились. Время от времени здесь происходили случайные находки золотых и серебряных предметов из древних погребений, монетных и вещевых кладов. Об их уникальной научной и художественной значимости можно судить по тому, что представляли собой самые знаменитые в Курских краях *обоянский и суджанские "клады"*, частично поступившие в московский Исторический музей, а частично разграбленные местным населением и сгинувшие уже безвозвратно.

В 1849 г. государственные крестьяне Обоянского уезда, работая в поле, натолкнулись на "клад", некоторую долю которого воло-стному начальству удалось изъять и препроводить в Курское губерн-ское правление. Спасённые тогда вещи переслали в Москву и поместили в кабинете изящных искусств Московского университета как "изделия древнего греческого искусства" [34]. А именно, от той находки сохранились: 1) гладкая шейная гривна (ошибочно назван-ная при первой публикации поясом) с оригинальным замком; 2) разбитое (потом склеенное) стеклянное блюдо (точнее, чаша типа патеры) с изображением вакханта в ритуальной пляске; 3) россыпь штампованных из золота бляшек разнообразной формы (общим числом до 80). Точное место находки и полный состав "клада" оста-лись неизвестными. Гривна вскоре после находки была лабораторно исследована учителем химии Московского 2-го кадетского корпуса Владимиром. Сплав оказался из меди, цинка и золота.

В конце концов эти обоянские древности перешли в Исторический музей, где они заняли достойное место в 4 зале ("памятники позднейшего металлического века. Курганный период"). Здесь вещи переатрибутировали: "неизящное исполнение рисунка на блюде, хотя оригиналом ему служило, вероятно, хорошее произведе-ние искусс-ва, говорит не за древнегреческое происхождение, но за римское и довольно позднее, во всяком случае сделанное после Рождества Христова" [35], якобы не позднее III в. н. э. Позднее Л.А. Мацуле-вич передатировал обоянскую патеру IV в. (по технике нанесения рисунков на стекло).

Кроме этого клада, в первом варианте экспозиции Исторического музея были представлены еще несколько случайных находок из Курской губернии. Их скупил у находчиков и подарил музею изве-стный меценат Ф.А. Терещенко. Где именно, кто и когда нашел эти серебряные украшения (гривны, серьги, привески, перстни) остало-сь неизвестным [36] (что стало печальной для науки традицией при передаче отдельных кладов на государственное хранение).

Больше повезло учёным с находками в верховье реки Суджи. 29 октября 1927 г. крестьянские дети из деревни Большой Каменец тог-дашнего Большесолдатского района Львовского округа ЦЧО за-метили яркий блеск в промоине на склоне оврага. Приблизившись, они натк-нулись на груду золотых украшений. Сокровища разошлись по рукам взрослых односельчан. Волостной исполком, прознав о на-ходке, успел отобрать с помощью милиции часть этих вещей. После консультации в Главнауке Наркомпроса РСФСР их передали в Ору-жейную Палату Кремля. Так были спасены: первой заблестевшая на солнце золотая шейная гривна с круглым медальоном, инкрустиро-ванном гранатами и зелёным стеклом; два золотых браслета с сомк-нутой замковой частью в

виде пары змеиных головок, инкрустиро-ванных разноцветными стеклами; золотая цепь (имитирующая на вид четверное плетение) длиной 2, 5 м с четырёхгранными оконечниками-втулками. Рассказы местных жителей об остальных, про-павших среди них вещах, выглядели сбивчиво и противоречиво.

В феврале 1928 г. сотрудники кремлёвского музея съездили в Б. Каменец и выспросили у местных жителей обстоятельства находки, получившей название Новосуджанского клада. Неожиданно выяснилось, что это не первый случай обнаружения здесь древнего золота. Лет за 10 прежде того, в 1918 или 19 гг. неподалёку от села взрослые крестьяне добыли ещё больше драгоценных древностей, названных впоследствии старосуджанскими. Тогда, при впадении в Суджу одного из ручьев, крестьянин ломал камни из обнажения известняка и складывал их на телегу. Вдруг запряженная в телегу лошадь провалилась под землю по шею. Владелец еле вытащил свою скотину на свет Божий. Из образовавшейся ямы вода стала "выносить блёстки", что заметили некоторое время спустя опять-таки вездесущие ребятишки. Их родители развернули на этом месте раскопки. Кроме человеческих костей (включая мощный череп), самодельные "археологи" обрели кучу серебряных изделий и золотых украшений. "Крестьяне копали долго и неоднократно принимались за раскопки и позже. Ими было скрыто значительное количество кубов земли, так, что даже профиль места совершенно изменился" [37].

Десять лет спустя этой первой находки, "благодаря энергии Курского уголовного розыска", как подчеркивали благодарные специалисты из Москвы, удалось вернуть в их распоряжение большой серебряный кувшин с рельефными изображениями девяти муз и растительным орнаментом; серебряный же фалар (конский нагрудник) с чеканным рельефом и позолотой; фрагменты еще одного серебряного сосуда; бронзовых — ведра и кронштейна; несколько золотых бляшек (для нашивки на одежду).

Значительную часть вещей из обеих находок крестьяне сбывали перекупщикам; кое-что захватили с собой переселенцы из здешних мест (время было военное); что-то потерялось, а стеклянные предметы разбились. Составленный по рассказам причастных к находкам лиц список утраченного включает ещё золотую шейную гривну "толщиной в папиросу", украшенную медальоном с красным камнем (стеклом?); пару браслетов; золотой перстень; стеклянные блюдце и стакан.

В июле 1928 г. в суджанскую глубинку прибыла экспедиция Главнауки под руководством профессоров А.А. Городцова и Л.А. Мацулевича. Они провели контрольные раскопки на местах находок и в ближней округе села, которые практически ничего не дали. Согласно заключению

этих опытнейших археологов, крестьяне в первый раз наткнулись по всей видимости на выложенный камнем могильный склеп, устроенный некогда на самом краю берега или даже прямо в русле реки, течение которой было для этой цели временно отведено. Именно так, в русле реки Бузенто, был, между прочим, похоронен знаменитый царь визиготов Аларих (сообщает Иордан). Похожим образом хоронили и прославленного предводителя гуннов Аттилу. Скорее всего, и вторая находка представляла собой погребение с богатым инвентарём, а не клад как таковой. Только эта могила располагалась уже не у реки, а на холме.

И старо-, и новосуджанские находки по своему набору и облику весьма типичны для так называемых варварских древностей рубежа IV–V вв. до н. э. (Довольно точную датировку дают клеймо константинопольского мастера на днище сосуда с музами — около 400 г. н. э., и многие другие характерные детали этого вещевого комплекса). Л.А. Мацулевич, взявший на себя труд их монографического изучения и издания, предположил принадлежность "суджанских кладов" готам. Осторожнее заключить, что все эти вещи скорее всего принадлежали одному и тому же племени эпохи Великого переселения народов. Состав погребального инвентаря и его выдающееся богатство свидетельствует об исключительной знатности покойников. "Мы можем рассматривать первое суджанское захоронение как могилу племенного князя готогуннского времени, рекса одного из племён, живших в лесостепной полосе Северного Причерноморья после распада готского племенного союза, так называемого царства Эрманариха. Не случайно, что описание подобного обряда [похорон в подводной могиле — С.Щ.] попало к Иордану и он связал его с одним только королем" [38].

Другое суджанское погребение — на возвышенности — могло принадлежать одному из достаточно знатных соплеменников верховного вождя. Наличие в обоих "кладах" импортных изделий с причерноморского юга говорит о взаимосвязях здешней лесостепи с Боспором и его романизированными соседями.

Помимо этих историко-археологических выкладок, профессор Мацулевич с грустью заключил, что даже в условиях социалистического строительства в Курском крае по-прежнему "местное население бредит кладами, его охватил ажиотаж, с реализацией каждой находки у крестьян связываются легендарные богатства... Перекупщики раскинули здесь свои сети и их ласковые речи кажутся на местах авторитетными" [39].

Однако нет худа без добра. Случайные находки древностей активизировали не только браконьеров, но и археологов. Чуть позже москвичей, 14–20 июля 1928 г. бассейн Суджи обследовала экспедиция Курского музея и общества краеведения. Л.Н. Соловьёв, М.Н. Орлова и В.И. Стрельский (речь о них ещё пойдет ниже, в 9 главе) обнаружили

тогда несколько поселений и курганов эпохи бронзы, раннего железа и ни одного памятника времен великого переселения народов, т.е. I тыс. н. э. [40]. Их нашёл здесь гораздо позже, в 1961 г. Ю.А. Липкинг, которому по всей видимости, очень не хотелось "отдавать" обоянско-суджанские сокровища германцам-готам. На его взгляд, гораздо лучше подходили на роль владельцев серебра и золота константинопольской и боспорской выделки носители черняховской археологической культуры (в представлении Ю.А. Липкинга — по большей части славяне, к тому же оседлые жители юго-восточной лесостепи) [41].

Однако вопрос, чьими военными трофеями или барышами торговли с Византией были обоянско-суджанские "клады", остаётся открытым. Черняховские селища, выявленные Ю.А. Липкингом, а затем Э.А. Сымоновичем в нескольких тысячах и даже сотнях метров от места новосуджанской находки, вряд ли просуществовали до V в. н. э.

К более поздним временам, VI–VII вв. н. э. Мацулевич отнёс настоящий (в археологическом смысле) клад из двух пятилучевых фибул, шести пряжек и трех ременных наконечников, найденный при пахоте в 1925 или 26 г. в местечке Углы близ Старого Оскола. Вещи находились в глиняном сосуде. Клад поступил в старооскольский краеведческий музей [42].

Как видно, даже *сообщения об утраченных кладах*, а тем более пусть частично, но сохранные для науки находки древностей, сделанные при случайном стечении обстоятельств, всё же позволяют историкам, археологам, искусствоведам делать достаточно принципиальные выводы, пополнять фонды и экспозиции музеев. А применительно к мигрирующим или кочевым этносам именно "эти разрозненные и слабо документированные находки нередко являются единственным источником для восстановления целых исторических эпох, для установления путей следования и разнообразных связей того или иного степного народа" [43].

Кроме случайных находок старинных редкостей, другим, причём парадоксальным стимулом для кладоискательства, со второй половины XIX в. становятся раскопки профессиональных археологов, которые в это время вплотную занялись, наконец, так называемыми тогда внутренними губерниями Российской империи. Эти раскопки происходили на глазах у местных жителей и порождали среди них различные домыслы. По типичному свидетельству одного из основоположников отечественной археологии — киевского профессора В.Б. Антоновича, при раскопках "главное неудобство, это — настроение населения, все слои которого обуяны манией кладоискательства". Наблюдающие работу археологов "зрители глубоко уверены, что цель исследования состоит в отыскании клада и никакие убеждение не могут опровергнуть этой предвзятой

мысли; крестьяне еже-минутно появляются с указаниями на места, где, по их словам, "го-рят гроши"; с рассказами о железных дверях, таинственных погреб-бах и т.п. созданиях фантазии" [44].

Перелом в отношении к древним могилам и городищам — резкое снижение пиитета перед ними у великорусского крестьянства обозначился в реформационные 1860-е гг. Не только в Курской, но и в других губерниях Европейской России [45] с этого времени заметно учащаются случаи самовольных раскопок, когда алчность и безрассудство побеждали суеверную боязнь и религиозное благоговение земляков перед седой стариной. Дальнейшие рецидивы криминальной "археологии" приходились на годы социальных потрясений и кризисов, доламывавших патриархальный, вообще традиционный уклад жизни в России. А учёные археологи своими полевыми работами не столько опережали, сколько невольно провоцировали разрушение ландшафтных памятников местным населением.

Этот парадокс иллюстрируем опытом одного из первых и активнейших исследователей южнорусских, в том числе курских древностей — профессора Д.Я. Самоквасова (1843–1911). Ему несколько раз, в том числе в здешних местах, приходилось производить скрупулёзное *доследование остатков археологических памятников после кладоискателей*. Эта сторона археологической практики служит одним из признаков её перехода на вполне научный, профессиональный уровень — информационная отдача вещественного источника становится важнее его сугубо материальной ценности.

Вот характерный эпизод из раскопчной практики профессора. Когда в 1909 г. он задумал масштабные раскопки возле с. Гочева Обоянского уезда, на уникальном древнерусском курганнике, то выяснилось: крестьяне из окрестных сёл полным ходом ведут здесь грабительские раскопки. Они усилились вслед за рекогносцировочной экспедицией К.П. Сосновского, члена Курской учёной архивной комиссии, по заданию профессора обследовавшего памятники верхнего течения Псла. Более других преуспел в сомнительном промысле кладоискательства некий, как ни странно, слепец — житель села Филатова Иона Никитич Есипов. В оправдание своих набегов на археологический памятник он заявил представителю Комиссии, будто где-то здесь, "в кургане погребены генерал с женой, которые в частых видениях слепому просят их откопать" [46]. Абсурд заключался в том, что вместо кургана слепой бесплодно копал ... вал Гочевского городища, "вырыв в нем целую пещеру", но ничего ценного для себя не нашёл.

Характерно для тогдашнего состояния охраны исторических памятников — упомянутый слепой продолжал разрушительную деятельность, травливая в нее других крестьян, и после раскопок Д.Я. Са-

моквазова в районе Гочева. Здесь, к сожалению, народная набожность уступила алчности и древние могилы подверглись варварской "эксгумации". Свои услуги "гида" по некрополю Есипов предлагал профессору, от чего тот решительно отказался. Тогда фанатичный кладоискатель обратился с прошением к курскому губернатору, предлагая тому продолжить поиски сокровищ по его указаниям. "... В 1909 г., — писал, между прочим, Есипов (точнее — писарь под диктовку), — приезжал какой-то профессор — делал испытание, отыскал кладбище поодаль горы, отрывал человеческие трупы, уб-ранные драгоценностями, но гору под названием "Городище" не рас-капывал..." [47]. Таким образом гочевские раскопки Самоквасова и его сотрудников из Курска отражались в сознании окрестных кре-стьян. Прощение перешло из губернаторской канцелярии в ту же Архивную комиссию, которая постановила: "Объяснить Есипову, что нет возможности производить вторичное обследование Гочевского городища", но "при случае проверить заявление Есипова о сохранив-шихся археологических предметах" [48].

Из приведённого сюжета, между прочим, видно, как много цен-ного археологического материала спасли для науки и культуры рас-копки Д.Я. Самоквасова и других учёных прежних времён, несмот-ря на известное несовершенство методики их проведения. Буквально по пятам археологов, а то и опережая их, шли жадный до любой мало-мальски плодородной земли плуг пахаря и лихорадочная лопата кладоискателя.

Эффективных мер по охране едва ли не самого большого тогда в Европе по числу курганных насыпей Гочевского комплекса так и не приняли и он продолжал разрушаться вплоть до сегодняшнего дня, — хозяйственной деятельностью крестьян и их кладоискатель-скими порывами, а начиная с 1990-х гг., когда в России резко вырос "чёрный рынок" древностей, и приезжими из Курска и Москвы гра-бителями курганов.

Преемственность кладоискательских сюжетов фольклора видна на вторичной мифологизации фигур уже не кладообразователей, а кладоискателей. В такую легенду среди земляков превратился го-чевский фанатик криминальной археологии И.Н. Есипов. Он про-должал бессмысленное по своим результатам рытьё городища мно-гие годы, вплоть до советских времён. А в 1970-е гг. фольклористы записали в соседнем селе Бобраве следующую версию его кладо-искательских подвигов: "Дедня — звали место, где турки у Гочева зарыли в бочках золото. Дед ходил копать 40 лет, — рассказывают в деревне. — Придут, бывало, к нему в дом [покойники] жаркими лошадьми и зовут: "Что ж ты? Начал копать — кончай! Выпускай же нас!" [49]. Нетрудно представить, сколько археологического ма-териала из культурного слоя роменской и древнерусской эпох погу-бил этот "дедушка курского кладоискания" и его

несмышлёные по-мощники (при попустительстве и царских, и советских чиновников низового звена, на чьих глазах совершались варварские набеги на городища и курганы).

Все изложенные в этой главе и похожие истории о кладоиска-телях Курского и соседних краёв дают основание для некоторых выводов, немаловажных для истории национальной науки и культу-ры. Искомые и иногда по случаю находимые древности по крайней мере до конца XVII столетия, да нередко и позднее оценивались как государственными чиновниками, так и частными лицами исключите-льно с материальной, денежной стороны. "... Участие правительства к находимым кладам зависело не от интереса его к предметам древности, а от права на всё, заключающееся в недрах земли" [49]. — Констатировал при обсуждении "сыскных дел" о кладах извест-ный историк русского права М.В. Владимирский-Буданов. Клады входили в общий правительственный наказ воеводам "радеть о государевой прибыли". На один вдруг обнаруженный клад приходилось множество безуспешных и уголовно наказуемых попыток разбогатеть таким образом. При этом страдали реальные памятники старины — курганы, городища, монетные и вещевые клады. Трудно оценить ущерб, нанесённый многовековым кладоискательством будущей исторической науке, подземной сокровищнице отечественного искус-ства. Незарегистрированных властями походов за спрятанными дра-гоценностями предпринималось, надо полагать, много больше, чем расследованных воеводами, губернаторами, а потом чекистами.

Вместе с тем, именно по ходу довольно многочисленных дел о розыске кладов у представителей власти накапливалась некоторая, пусть поначалу самая скромная информация о древностях своего края: восточные монеты отличались от отечественных, курганы от городищ и т.д. Еще важнее постепенная *выработка официального отношения к древностям* (сперва только материально ценным) как монополии государства. Судя по цитированным выше архивным ма-териалам, окончательное решение по всем зафиксированным эпи-зодам кладоискательства поначалу принималось в Москве, централь-ным правительством, а то и лично царём. Следствие по таким делам велось поэтому на местах исключительно быстро, без распространён-ной тогда волокиты. В случае успеха чиновников ожидало похваль-ное царское слово, неудачников царские же рескрипты укоряли, не стеснялись прямыми указаниями на глупость (т.е. неполное служеб-ное соответствие). В условиях местнического карьеризма и то, и другое действовало на государственных служащих весьма эффектив-но. Население и убеждением, и принуждением (вплоть до пыток) приучалось смотреть на археологические объекты как на некий го-сударственный

заповедник. В результате до начала научных раскопок просуществовало гораздо больше земляных памятников, нежели успели разрушить кладоискатели.

Принятый насчёт кладов порядок делопроизводства подготовил почву для первых законодательных актов, взявших под охрану государственные интересы в данной области. Имеются в виду указы Петра I о собирании "старых вещей" коллекционного значения для Кунсткамеры (1718 и 1721 гг.), а также специальный закон 1723 г. Последний гласил: "А кто, кроме воров, разбойников и рекрут, где какую руду или *покладее* прямо знает, и о том доносит заблаговременно без всякой утайки, за то, ежели подлинно докажет, то может быть от Его Императорского Величества пожалован" [50] (курсив мой — С.Щ.).

Так на общем фоне меркантильного интереса к поискам исключительно драгоценных реликвий мало-помалу вызревало иное, — познавательное, охранное отношение к памятникам далекой старины со стороны государственной власти и части образованной публики. Примечательно, что именно к Центрально-Чернозёмному региону относится *первое известное нам правительственное мероприятие по самоценному изучению археологически важных объектов в нашей стране*. Речь идет о грамоте за 1684 г. — периода соправительства Петра и Ивана Алексеевичей. Она посвящена находке огромных костей (мамонта?) в районе Харькова, на речках Ольшаной и Лосине, притоках Уды, впадающей в Северский Донец. На диковинный скелет наткнулся в 1679 г. черкасский сотник Харьковского полка Иван Демьянов сын Смороцкий, когда копал землю для мельничной плотины в урочище Песочный Колодец близ Ольшанки. О своей находке спустя пять лет, оказавшись в столице, он объявил в Разряде и для пущей убедительности предъявил "зуб волота" (бивень мамонта?). Описывая московскому начальству положение "великана" в земле, Смороцкий сообщил, что кости "лежат в значь, преж голову, а руки длиною аршин до 5, и ребра шириною по аршину, а длиною — сказать не знает, потому что те кости погнили и иструпорешили".

В Белгородском столе Разряда соответствующее дело доверчиво назвали: "О находке костей бывших людей-волотов". Царский указ курскому воеводе Ивану Шеину (как ближайшему к месту действия начальнику), предписывал: "Послать по весне в те места из Курска кого пригоже" и "тому посыльному велеть того человека ноги откопать, а откопав, кости измерить, какова которая кость мерою в длину и в толщину и написать на роспись и на чертеж начертить. Да о том и нам, Великим Государям, писать" [51]. Весьма показательный для познавательного мотива царской воли штрих: плохо сохранившиеся кости для точности измерения рекомендовалось предварительно окопать.

19 апреля (т.е. как только сошёл снег) 1684 г. "для досмотра, и меры, и чертежа волотовых костей из Усть-Песочного Колодезя" выехал курчанин Максим Никифоров сын Анненков, взяв на подмогу "градских людей сколько человек пригоже". Эта уникальная для своего времени экспедиция с археологическими целями не увенчалась успехом. Иван Смороцкий исправно показал место находки, но "нынче на том месте тех волотовых костей ничего нет, потому что де то место поляя вешняя вода разнесла". Даже найденные сначала кости "разобрали разных городов многие люди", а имевшаяся у Смороцкого половина "волотова зуба в пожарное время утратилась".

Переиздавший (в годы приснопамятной борьбы И.В. Сталина с "космополитизмом") цитированный документ известный советский археолог "С.Н. Замятин называет эту грамоту первой русской инструкцией для раскопок. Может быть, это и слишком, но интерес её бесспорен. Перед нами, — заключает ведущий историк отечественной археологии А.А. Формозов, — свидетельство бескорыстного любопытства к памятникам далёкого прошлого. Это уже не интерес к кладу, к сокровищу, а зачаток научной любознательности" [52]. Добавим: и на курском пограничье, и в московском правительстве, и в царском дворце. За двести лет до появления палеонтологии как науки все действующие лица описанной истории вполне естественно дали удивительной находке легендарно-мифологическое объяснение. Но почему-то одновременно сделали всё, чтобы сохранить сведения о ней поточнее и поплнее. Получилось — сохранили для потомства; обозначили, что ни говори, приоритет русской мысли в познании доисторического прошлого.

Откуда при царском дворе возник интерес с бесполезным, но чудным на вид костям, по опубликованным до сих пор документам судить трудно. В XVI–XVII вв. в Западной Европе нарастало увлечение разными антиками, возрождались каноны греко-римской классики; формировались предпосылки революции в познании природы — зарождалось научное естествознание. Обо всём этом москвиты могли узнать в ходе дипломатических и торговых визитов ещё до-петровского времени. Нельзя исключить и внутренние — летописно-книжные, фольклорные — импульсы к зарождению собственного древлеведения на русской почве (о которых говорилось в предыдущей главе).

Как видно по архивным фондам курских краеведческих учреждений, неожиданные находки более или менее ценных и древних предметов на пашне и при прочих земляных работах, после речных разливов и по сносу старых зданий, в осушаемых колодцах и на водяных мельницах повторялись с определённой периодичностью издавна и поныне. Согласно законодательству Российской империи, клад, обнаруженный на частной земле, полностью принадлежал её владельцу "и без его позволения не

только частными лицами, но и местным начальством отыскиваем быть не может" (согласно статье 430 X т. "Свода законов гражданских"). А попавшийся на земле общественной или казённой клад принадлежал своему находчику. Однако в последнем случае все "ценные и особо важные в научном отношении предметы", найденные "в земле казённых имений, — древние монеты, оружие и другие достопримечательные вещи" подлежали обязательной экспертизе государства — на предмет возможного выкупа в свою собственность.

Согласно специальным правилам, утвержденным Николаем I и опубликованным во всех "Губернских ведомостях" в 1841 г., клад и прочие археологические находки положено было представлять уездному и губернскому начальству ("за что впоследствии, чрез то же начальство, находчик получит приличную за находку свою награду"). Через окружные инстанции обнаруженные древности, их "описания, рисунки и снимки" препровождались в министерства государственных имуществ или же народного просвещения. Императорская Академия наук должна была определять ценность находок и размер вознаграждения. Особо оговаривалась необходимость посылать по этой же эстафете рисунки нетранспортабельных древностей ("как-то: древнее оружие большого размера, большие камни или обломки их с древними надписями и другими изображениями"). Монеты и другие драгоценные вещи "новейшего времени, начиная с XVIII века" к древностям тогда не относились, их находки оформлялись согласно общему закону о кладах.

С момента создания в 1859 г. при министерстве двора Императорской Археологической комиссии (ИАК) экспертиза всех доставляемых в Петербург древностей перешла к её исключительной компетенции. В помещениях ИАК ежегодно устраивалась выставка, где самые ценные находки со всей территории страны представлялись "на высочайшее воззрение государя". Декларируемое законом участие царя в оценке доставляемых в ИАК древностей носило чаще всего вполне формальный характер. Скажем, при посещении Николаем I музея Киевского университета Св. Владимира, "проходя по помещению коллекций, Государь изволил обо всём отзываться милостиво" [53]. Так что на практике сам председатель комиссии, а ещё чаще его товарищ (заместитель) решали, достойна ли находка пополнить коллекции Императорского Эрмитажа или другого музея, либо её можно вернуть находчику. За музейфицированные находки их обладателю выплачивалась из казны денежная стоимость клада, обычно по весу драгоценных металлов. За особенно ценные в ювелирно-экспозиционном отношении вещи сумма компенсации премиально увеличивалась.

Однако критерии музейной, а тем более выставочной ценности даже у государственных экспертов вплоть до начала XX в. оставались сугубо

коллекционерскими, по сути венаучными. Из монетно-го клада, например, на музейное хранение отбирались только уникальные, редкие экземпляры, а все остальные "неинтересные" монеты, дубликаты уже имевшихся в эрмитажной коллекции или другом собрании древностей, возвращались по месту находки. Так, обнаруженный в 1895 г. клад русских серебряных монет XVIII в. общим весом 5 фунтов 13 золотников оказался распределён ИАК между несколькими ГУАК, Одесским обществом истории и древностей, Тверским музеем, Подольским и Тульским церковными музеями [54]. Нередко археологически ценные находки передавались обратно тем же открывателям — пахарям, строителям, часто даже не умеющим по неграмотности подписать своё имя на полицейском протоколе возврата клада. Вот один из типичных ответов из Петербурга курским чиновникам по поводу присланного ими клада: "ИАК, возвращая при сём присланные ... 74 пражских гроша короля Венцеслава III [1305–1306 гг. — С.Щ.], имеет честь уведомить..., что находки подобных монет в России нередки и что ценность присланных экземпляров, ввиду их плохой сохранности и непригодности для коллекций, крайне незначительна" [55]. Ориентируясь на столь антиисторичный подход к монетным и прочимкладам, провинциальные краеведы в свою очередь сортировали их слишком произвольно. А за неимением кому из находчиков отдать старинные предметы из драгоценных металлов, они шли в переплавку. Так оказалось утрачено великое множество монет и прочих археологических редкостей, якобы "вовсе не имевших нумизматического интереса", "плохо сохранившихся" (как гласили канцелярские отписки).

Вот яркий пример сказанному. Весной 1910 г. крестьянин села Берёза Дмитриевского уезда, распахивая конопляник на окраине села, выпал кувшин с серебряными монетами. Вызванный на место события здешний любитель старины Л.М. Кусаков, "обследуя почву палкой, нашёл второй кувшин такого же размера, но с монетами меньшей величины. Зарисовки с кувшинов и монеты посылались для определения в Москву и были признаны не представляющими редкости. Как "не составляющий особой ценности в нумизматическом отношении", клад был принят от нашедшего его крестьянина по весу металла за 350 руб. полицейским управлением. Куда он был отправлен, установить не удалось" [56] его находчикам.

Затерялось и письмо, полученное Л.М. Кусаковым от известного нумизмата, сотрудника Исторического музея А.В. Орешникова, выступившего в данном эпизоде экспертом. Сын березовского краеведа сохранил только выписку из него с результатами атрибуции. Монеты оказались саманидскими дирхемами, чеканенными в Самарканде в 302–303 гг. мусульманской Хиждры, т.е. в 916–917 г. от Р.Х. В цитированной

нами статье о березовском кладе О.Л. Кусаков дал непритязательную, но вполне археологическую интерпретацию закономерности его находки между несколькими городищами IX–X вв. на р. Свапе. К сожалению, нумизматам и историкам, занимавшимся потом березовским кладом, эта статья осталась неизвестна.

К счастью для исторической науки, клад этот сохранился в фондах ГИМа [57]. Вопреки первоначальной оценке А.В. Орешникова, он оказался уникален сразу в нескольких отношениях. Прежде всего, сочетание в одном кладе дирхемов двух видов — обрезанных в кружок (из-за порчи металла и снижения веса монеты по месту чеканки) и необрезанных, цельновесных — проливает свет на особенности денежного обращения на территории Восточной Европы в позднеерменское — раннерусское времена [58]. Далее, из более чем полутора тысяч монет этого березовского клада на 83 оказались выявлены граффити [59], а этот источник исторической информации привлёк в последние годы самое пристальное внимание учёных. Если бы первый березовский клад был распродан частным коллекционерам или переплавлен на слиток серебра, содержащаяся в нём уникальная историческая информация пропала бы навсегда.

По одной Курской губернии за вторую половину XIX — начало XX вв. из нескольких тысяч монет римской, арабской, монгольской, западноевропейской, русской, татарской, польской чеканки, найденных в виде кладов, и представленных в ИАК, та отобрала для музейного хранения считанные десятки, а остальные вернула за ненадобностью находчикам или передала на Монетный двор для перечеканки.

В нашем распоряжении имеется весьма показательная выборка (хотя далеко не полная) из архивных дел ИАК о случайных находках древностей в разных губерниях за 1859–1904 гг. Её составил в 1906 г. фактический руководитель ИАК А.А. Спицын, но издать не сумел [60]. Схематично изложенные данные из этой справки по Курской губернии, дополненные нами несколькими сообщениями, отложившимися в Курском архиве или опубликованными после работы А.А. Спицына, впервые опубликованы нами [61]; в исправленном и дополненном виде эта сводка приводится в приложении к настоящей диссертации.

Из данной таблицы видно, как много научной информации оказалось потеряно в результате произвольной сортировки и разобщения содержимого кладов нумизматами прошлого. Современная — историческая археология выработала иной, системный подход к оценке “вкладов из подземного банка”. Исследователям и музейным хранителям теперь важны не только все без исключения предметы из клада любой давности, но и точное место, условия залегания; обстоятельства находки его; ёмкость, где клад находился. Только учтя все эти обстоятельства,

удаётся сделать сколько-нибудь полные и надёжные выводы о тех людях и той эпохе, чьё наследство обнаружено спустя века. Клад ныне рассматривается уже не как механическое соединение предметов разной ценности, а как единый комплекс — источник исторических знаний, образец культуры прошлого.

По кладовым находкам, особенно нумизматическим, выполнены фундаментальные исследования по отечественной истории (Труды А.С. Гущина, А.А. Ильина, В.В. Кропоткина, Г.Ф. Корзухиной, Е.А. Мельниковой, В.М. Потина, В.Л. Янина, А.В. Фомина, Н.Ф. Котляра, В.В. Зайцева и Е.А. Шинакова, других авторов). Многие их страницы построены на южнорусских, в том числе курских по происхождению материалах. Причём в научный оборот введены ещё не все сохранившиеся в музеях кладовые комплексы и их фрагменты. Так, найденные в 1937 г. при полевых работах около Ратского городища под Курском дирхемы (чеканки 896 г. в Ташкенте и 908 г. в Самарканде) сразу поступили в КОКМ и до сих пор не изданы.

Как бы там ни было с нумизматами и историками, но явное большинство кладов, объявившихся на свет Божий, так и не доходило, судя по всему, ни до тех, ни до других. Извечный страх российских обывателей перед полицией и вообще властями, естественная для малоимущего и тёмного человека тяга к богатству, заставляли держать доставшуюся по счастью находку в секрете. Найденные в земле ценности чаще всего потихоньку сбывались городским ростовщикам, ювелирам, случайным людям при деньгах, в лучшем случае подвергнувшемуся коллекционеру.

Скупкой монетных кладов в Курске 1880-х – 1920-х гг. успешно занимался здешний любитель старинных монет, впоследствии штатный нумизмат Курского краеведческого музея Тихон Абрамович Горохов. 15 из приобретённых им кладов древнеримских, арабских, русских и прочих монет описаны в несколько раз цитируемой нами его статье. К сожалению, музейфицированной оказалась малая часть накопленных этим человеком монетных запасов. О личности и деятельности Т.А. Горохова подробнее упоминается ниже, в главе 10. Здесь отметим, что превратности судьбы заставили его распродавать в 1940-е гг. свою коллекцию по частям, включая вышеупомянутые клады рабского серебра. Так, часть диргемов явно одного и того же клада он продал А.А. Формозову, а другую их часть — В.Л. Янину, в бытность их студентами исторического факультета МГУ. Через них эти монеты перешли в ГИМ (любезно сообщено автору А.А. Формозовым). Как видно, совмещение музейной должности и коллекционёрства древностей небезопасно для их сохранности.

Порой крестьяне или мещане просто не подозревали истинной ценности найденного. Тогда древние вещи выбрасывались обратно, ломались, а не то приспособлялись к домашнему хозяйству. Так,

серебряным фаларом из старосуджанского "клада" несколько лет глушили огонь из самовара, а из стеклянного стакана с блюдцем того же "клада" пили чай, пока В.А. Городцов и Л.А. Мацулевич не вы-просили этих предметов для столичного музея. Позднее Ю.А. Липкинг опорожнял античную амфору из-под самогонной закваски, приготовленной практичными крестьянами из курской глубинки. Ещё позже преподаватель археологии в Курском педагогическом институте К.Ф. Сокол под угрозой вызова милиции собирал клад арабских дирхемов и выпытывал сведения о его находке у студентов-заочников из всё того же, богатого на клады с. Берёзы Дмитриевского района (спасённые монеты были переданы им в ГИМ).

А известного в Курске "щигровского сфинкса" из литого песчаника (оказавшегося на поверку не древней статуей, а игрой природы), крестьяне-находчики первоначально установили возле избы на потеху своим детям, охотно "скакавшим на каменном коне" [62]. Сейчас "сфинкс" стоит у входа в областной краеведческий музей. Неплохой памятник местному кладоискательству!

Наконец, необходимо отметить случаи вполне сознательного, разумного отношения простых крестьян и горожан ко внезапно открывшимся им древним сокровищам. Определённое количество кладов и других археологических находок куряне честно-благородно доставляли в областной краеведческий музей или пополняли ими похожие подборки старины в школах, районных музейчиках. Так, например, поступил в КОКМ найденный после Отечественной войны при пахоте клад серебряных украшений женского убора и воинской португалии "антского круга". Первый эксперт этой находки — московский доцент М.В. Воеводский уступил её публикацию Б.А. Рыбакову [63] (Однако при музейном хранении большая часть этого сокровища утратилась — сохранность драгоценностей с определённых пор стала проблематичной даже в государственных учреждениях).

В огромном большинстве эпизодов, впрочем, кладоискательская тема исчерпывалась досужими разговорами. Вроде тех, что ведут герои чеховского рассказа "Счастье" — южнорусские крестьяне-пастухи: "В этих местах много кладов..., только, брат, копать их некому. Никто настоящих местов не знает, да по нынешнему времени, почти-тай все клады заговорённые. Чтоб его найти и увидеть, талисман надо такой иметь... Есть счастье, да что с него толку, если оно в земле зарыто?.. Дождутся люди, что его паны выроют или казна отберёт. Паны уже начали курганы копать... Почуяли! Берут их завидки на мужицкое счастье! Казна тоже себе на уме. В законе так писано, что ежели который мужик найдет клад, то чтоб к начальству его представить. Ну, это погоди — не дождёшься!" [64]

По действующему в сегодняшней России законодательству все обнаруженные клады составляют собственность государства. Их утаивание подлежит уголовному преследованию по статье 87 Уголовного кодекса Российской Федерации ("присвоение найденного"). В СССР 1980-х гг. сдавалось до 100 кладов ежегодно. Значительная их часть относится к сравнительно недавним временам войн и прочих социальных потрясений XIX и особенно XX столетий. Такие предметы, если они представляют художественную или "просто" материальную ценность, поступают в Государственное хранилище ценностей (Гохран). Другая часть находок составляет ценность прежде всего научную, археологическую и передается в музеи, для изучения, хранения и экспонирования. Денежная стоимость любого клада после экспертной оценки перечисляется финансовому органу того населённого пункта или района, где его обнаружили. 25 % этой суммы выплачивается находчику, а 75 % идёт на социально-бытовые нужды соответствующего района. В свете всего сказанного о печальной судьбе большинства русских кладов, такой порядок представляется не вполне справедливым и эффективным. В царской России, напомним, находчику по меньшей мере выплачивается полная стоимость веса драгоценного металла всех предметов из клада, переходившего государству. В наши дни повальной коммерциализации общественных отношений стоит платить за клад большой научно-художественной ценности его максимальную, так сказать, аукционную цену. Права государства (т.е. прежде всего науки и культуры) на клад из российской земли должны быть сохранены, обеспечены законодательно при происходящей сейчас реформе земельной собственности, допускающей наконец частное владение. "Уже не секрет, что ежегодно законные и незаконные раскопки приносят тысячи изделий из драгоценных металлов, произведений древнего искусства из кости, камня, стекла и др., которые пользуются на мировом антикварном рынке возрастающим и устойчивым спросом. В результате при утрате контроля за хозяйственной деятельностью на земле государство уже теряет миллиарды рублей" [65].

Были, есть и будут тёмные или просто недобросовестные, корыстные люди, способные утаить по случаю открытые ими древности или даже искать их на заповеданной археологами земле. Последнее вообще глупо — по свидетельству начальника советского Гохрана, за четверть века его работы в данной должности "не было случая, что-бы мы нашли клад в том месте, где нам было указано". Только простаки или наивные романтики могут клюнуть на публикуемые время от времени в газетах "сенсационные" репортажи о кладоискателях, соответствующее книжное чтение [66].

За прошедшие годы демократических реформ положение с кладами в России и всём СНГ значительно ухудшилось — парадоксальным

образом сказалось уменьшение страха перед властями и законом со стороны массы обывателей и в особенности некоторых нумизматов-коллекционеров, стремящихся пополнить свои собрания и заработать на торговле легко транспортабельными древностями вроде монет да ювелирных украшений. Известный учёный-нумизмат И.Г. Спасский (1904–1991) в десятилетней давности переписке на обсуждаемую тему отмечал: "... Ведь голосить, как на похоронах, нужно: клады нагло расхищаются бандитами. ... У кладов, которыми земля наша нафарширована, нет хозяина. Милиция отмахивается от священного долга — следить за находками кладов. ... На "выходах" ещё таможни кое-как перехватывают, но в обезличенном виде ..." [67]. Уже на нескольких археологических памятниках Курской и соседних областей с начала 1990-х гг. систематически действуют бригады новейших кладоискателей, вооружённых новейшими металлодетекторами. Спорадические обращения археологов к помощи правоохранительных органов с целью остановить наглый грабёж пока не дали ощутимых результатов. В результате многие археологи и музейные работники склоняются к тому, чтобы заключить своего рода альянс с самодеятельными поисковиками древностей — не мешать их набегам на памятники в обмен на информацию о находках, а то и скупку некоторых из них. Так поступают, например, в Курском государственном областном музее археологии (КГОМА). Ситуация получается сложная и спорная, юридическая и моральная оценка её требует конкретизации для разных лиц и ситуаций.

На счастье науки и культуры собственно клады, как отмечалось выше, отнюдь не находятся по заказу, даже вполне компетентному. Их "характер" остаётся прихотливо-капризным. Лишнее подтверждение тому принесла очередная сенсация такого рода, преумножившая репутацию Курской земли как своеобразного кладового заповедника. Летом 1994 г. в с. Гапонове Кореневского района при рытье траншеи экскаватором был обнаружен богатейший клад того типа, который ещё А.А. Спицын назвал "антскими древностями": общим счётом 411 предметов мужского и женского парадных костюмов, конской сбруи из железа, бронзы, серебра, янтаря и стекла. В силу удивительного стечения обстоятельств, здесь же базировалась экспедиция Института археологии РАН под руководством А.В. Обломского. По опять же счастливой случайности сотрудница этой экспедиции Е.Ю. Архипова оказалась в нужный момент на месте находки и сумела захватить большую часть клада, точно зафиксировать условия его залегания. Это позволило археологам провести контрольные раскопки, выявившие раннеславянское поселение V–VI вв. н. э.; с помощью представителей местной администрации и контрразведчиков из областного центра собрать по дворам гапоновцев было растащенную ими часть

украшений. Одно из них — бронзовую фибулу пришлось отдира-ть от собачьей будки, куда её прибил нечуждый эстетике механизатор.

Сейчас гапоновский клад монографически опубликован А.В. Обломским и И.О. Гавритухиным (при содействии ряда других спе-циалистов-археологов), а сами вещи из него после реставрации пере-даны в Курский музей археологии, украсят его будущую экспозицию [68].

* * *

Суммируя все рассмотренные в этом параграфе факты и сообра-жения, позволительно заключить: кладоискательство на юго-востоке Руси-России действительно образует феномен, весьма колоритный и типичный как в собственно историческом, так и в историографиче-ском отношениях. Дошедшие до музеев и учёных монетные и веще-вые клады Курского Посеймья, сведения о несохранившихся в нату-ре находках такого рода составляют незаменимый источник для исто-рических реконструкций соответствующих моментов далёкого прош-лого. Часть из них уже введена в научный и культурный оборот, а другая ждёт публикации и толкования.

С другой стороны, поиски и находки кладов именно в данном регионе волей случая или, если угодно, форта самых разных лично-стей отметили весьма типичные для всей нашей страны вехи оформ-ления определённого отношения к историческим древностям со сто-роны государства и общества. А именно, от сугубо меркантильного интереса к дополнительному источнику богатства — через невольное любопытство к диковинным свидетельствам далёкого прошлого — к законному вниманию к памятникам родной истории как источникам научного знания и просвещённого мировоззрения. Безумная алчность кладоискателя соперничала с высокой любознательностью культурно-го коллекционера и исследователя. Оба этих мотива, грабительская и охранная тенденции сознания и поведения ещё долго, если не вечно, будут, по всей видимости, сталкиваться на кла-довой ниве России и, конечно, Курска и его округи. Эта земля ещё преподнесёт немало удивительных находок из подземной сокровищницы наших предков.

§ 3. История глазами географов: первые описатели Курского наместничества

Важным этапом становления русской науки об исторических древностях стали, по удачному определению А.А. Формозова, "учё-ные экспедиции Академии наук", предпринимавшиеся на протяжении ХУШ столетия, да и позднее во исполнение просвещенных заветов Петра

Великого. В том числе — его приказа о сборе разных редко-стей для Кунсткамеры и записи всяких сведений о памятниках стари-ны. Историко-археологические данные мыслились тогда как часть географического описания страны, условие познания ее вновь и окончательно обживаемых русскими южных и северо-восточных ок-раин.

Предпосылки такому взлёту историко-географической мысли обнаруживаются ещё в XVII в. Имеется в виду прежде всего так называемая "*Книга — большой чертёж*". Это текстовое описание (ле-генда) старейших планов местности в пределах Московского госу-дарства подытоживало накопленный к началу Нового времени рус-скими людьми картографический опыт [1]. Составили сей документ в 1627 г. служилые специалисты Разрядного приказа (того самого, что занимался, в частности, и находками кладов). Это произведение можно считать отправной точкой дополнения практических оценок разных древностей научно-познавательными сведениями.

Одним из ведущих авторов Большого чертежа считается курянин *Афанасий Иванович Мезенцев*. В начале XVII в. он служил в родном городе подьячим и по поручению здешнего воеводы начинал межевание и топографическую съёмку Курска, восстанавливаемого тогда как центр укреплённого района. Затем способный чертежник и рисовальщик был командирован в Москву, в картографический от-дел Разряда. После тамошней выучки Мезенцев опять служит на пе-риферии — в родном Курске, Белгороде, Орле. И, наконец, звёзд-ный час его карьеры — снова работа в Разряде, на сей раз — над тем самым Большим чертежом.

Тот представлял собой уточнённую Мезенцевым со товарищи копию некой старинной карты времён Бориса Годунова, в конец об-ветшавшей и устаревшей по своему содержанию ко времени правле-ния Михаила Романова. Кроме того, Мезенцевым было изготовлено продолжение новой генеральной карты применительно к расширяе-мым тогда южным границам Российского государства — чертёж "от царствующего града Москвы Резанским и Северским и Польским городом", что примерно соответствует нынешним Орловской, Кур-ской, Белгородской и Воронежской областям.

В 1628–33 гг. Афанасий Иванович опять служит на родине — "подьячим с приписью" к курскому воеводе, т.е. заместителем пос-леднего. "В это время, — отмечает биограф способного "курченина" Г.А. Хабургаев, — в Разряд был прислан чертёж Курска — самый ранний из известных нам чертежей города, автором которого, несом-ненно, был А.И. Мезенцев" [2], последний раз упоминаемый доку-ментами в 1736 г.

Курское происхождение главного автора Большого чертежа способствовало подробности и реалистичности отражения в нём реал-ий южнорусской географии начала XVII в. Картографирование тог-да

преследовало сугубо практические цели. На мезенцевских планах, помимо населённых пунктов, дорог, рек и т.п. общегеографических объектов, особо выделялись заслонённые крепостями рубежи, сильные и слабые стороны русской обороны против периодических вторжений крымских татар, торные пути-сакмы и речные переправы их воинственной конницы. Сам общегосударственный чертёж ХУП в. до наших дней не сохранился, но текст-легенда к нему в течение этого и последующих столетий неоднократно переиздавался, использовался в прикладных, образовательных и научных целях.

Интересующие современного историка и археолога сведения из данной "рописи полю" относятся, во-первых, к архаичной и во многом утраченной впоследствии топонимике; а во-вторых, к упоминаниям самих по себе городищ, курганов, рвов и некоторых других искусственных земляных сооружений, не все из которых в свою очередь дожили до времени составления специальных археологических карт в XX в. Вот, например, одна из типичных для "чертежу" ориентировок (по Курскому краю): "А на Семи татаровя перелаз(ли) Семь реку ниже Курска 40 верст, под Городенским городищем, и на том татарском перевозе ныне деревни Рыльского уезду, а сторожа от татар на Городенском городище стоит из Курска" [3]. Это сообщение документа послужило ключевым источником для решения вопроса о месте и времени восстановления Курска как российского города после татарско-литовского периода истории Днепровского Левобережья [4].

На "старом чертеже" заметна подвижка топонимических имён — их ранние варианты ещё перемежаются здесь с окончательно утвердившимися в русском языке. Взять хотя бы "Курескъ" и "Курск"; "Тускор", "Тускур" и "Тускорь"; т.п. связки топонимических синонимов.

Кроме сохранившихся до сих пор и обследованных в своё время учёными археологических памятников (многие "курганья" и почти все городища; вроде тех, что "выше Миргородка на Псле городоше Старое ..., а выше Старого на Псле городище Новое, от Старого верст с 7, а выше Нового городища 10 верст городище Гадское, Галичьа тож" [5]), Большой чертёж сохранил сведения и об утраченных уже ко времени своего составления особенностях местного рельефа, связанных с древней историей края ("А промеж речки Кура и речки Обмети сверху Колодезя Механи Валки", от Курска 12 верст, промеж лесов исстари бывал ров, а ныне по Валкам надолбы по вестем татарским, как идут на Русь; ... а выше города Курска у посаду от острогу от старова рву ... Княжой лес. А под Соколею дубровою Соколей курган, от города 15 верст, а город видеть ..." [6] с его вершины). Для историко-археологической реконструкции ближней и дальней округи Курска, как, впрочем, и остальных центров Южной Руси, такого рода сведения весьма ценны.

С двумя из отмеченных Большим чертежом городищ и почти в то же время оказался связан эпизод, весьма показательный во всех рассматриваемых в этой диссертации отношениях. Хроникальные “Записки” Знаменского монастыря, что в самом центре Курска, упоминают, в частности, такой случай: “В 1650 г. игумен его Никодим отыскал на старом городище, отстоящем от г. Курска в 15 верстах, близ р. Рати, в земляном валу от древности вшедшие в землю, неведомо чьи палаты, с которых, по осмотру курского воеводы князя Ивана Михайловича Волконского, снят был план и послан к Государю Царю и Великому князю всея Руси Алексею Михайловичу; после чего, по указу его Царского величества, на постройку церкви Знамения Божьей матери в Курске, курскими разного звания людьми, с оных палат ломан был кирпич и дикий камень” [7].

Так замечательный памятник славянорусской археологии — Ратское городище послужило полигоном для столкновения двух тенденций духовной жизни русского общества в начале Нового времени: традиционного обскурантизма, равнодушия к вещественной истории своей земли, замешанных на духовной аллергии православной религии и церкви ко всему языческому, с одной стороны; а с другой — новорожденного, незрелого просвещения, бескорыстного интереса ко всему необычному в окружающем мире, включая материальные остатки прошлого.

Чтобы вполне оценить значение *ратского эпизода* как (без преувеличения) уникального индикатора развития отечественной культуры на переломе важнейших её эпох — от Средневековья к Новому времени, надо вспомнить тогдашнюю обстановку в городе и вокруг него. Курский уезд, включая вотчину того самого монастыря иконы Божьей матери, только что пограблен крымчаками: “... Дворы монастырские, и служки, и крестьянские, и бобыльские дворы и гумна, и хлеб в кладех в прошлом ... году татарове пожгли, а на полях рожь и всякий яровой сеяной хлеб потравили и потолочили и во всем разорили без остатка” [8], — отмечено в писцовой книге 1645 г. Последовавшее в 1648 г. в Курске восстание жестоко подавлено; расследовавший его обстоятельства стольник В.В. Бутурлин присудил к смертной казни и повесил пятерых бунтовщиков, а остальных из схваченных участников восстания подверг телесным наказаниям, заключил в тюрьму.

Не успела жизнь курян возвратиться в мирную колею, как их архиерей осматривает окрестности города хозяйским, почти краеведческим взглядом, помимо всего прочего замечая памятник древнего зодчества. Точнее, руины памятника. Уже несколько поколений местных жителей равнодушно миновали эти развалины, по масштабу и облику — своего рода “черноземные Микены” (на мощных, свыше десятиметровой высоты валах — остатки каменных укреплений; за ними — развалины церкви древнерусским времен, а может быть и мечети периода

монгольского баскачества тут в XIII–XIV вв.). Налицо богатый склад строительных материалов для восстановления курских зданий. Но главный начальник, присланный из столицы замирать "бунташный" город, знает об интересе царского двора к таким древностям, располагает специалистами для их точного описания (независимо от решения о практическом использовании находки); спеша удовлетворить историко-археологический интерес Москвы, не ленится лично осмотреть памятник, куда ему ехать полдня, да ещё на "татароопасном" направлении. Царь оперативно отвечает курским службистам на их сообщение о находке живописных развалин — составив по присланному ими плану представление насчёт найденного объекта, разрешает разрушить его в богоугодных целях.

Налицо устойчивый интерес представителей центральной власти к историческим древностям, причём уже не только драгоценным. Однако что делать с этими древностями и зачем нужны сведения о них, самодержец и, тем паче, его подданные пока сознают смутно.

В Курске организуется своего рода "воскресник" коллективного безвозмездного труда по доламыванию плинфовой архитектуры ради строительства новой церкви, где явно будет кому и какие грехи отмаливать. Нельзя исключить, что мудрый игумен Никодим и затеял-то всё это дело с перемещением тяжелых грузов за двадцать вёрст не просто из соображений экономической выгоды, а с попутной и подспудной целью сплотить своих прихожан разных сословий после кровавого раздора между ними, дать возможность новому воеводе заработать авторитет в глазах курян столь благочестивым мероприятием, как возведение нового храма взамен обветшавшего.

Как бы там ни было, если искать поневоле условное, но начало не только курской, но и общерусской археологии, то *разведка и зарисовка развалин древнего города на Ратском городище* в самой середине XVII в. вполне подойдет на роль столь знаменательной вехи.

Сохранись воеводский план до наших дней в делах Разряда (что не исключено), он был бы чрезвычайно ценен — и для самой археологии, представители которой вот уже полтора столетия изучают Ратское городище (сборы Д.Я. Самоквасова в 1870-е, Г.И. Булгакова в 1920-е, Ю.А. Липкина в 1960-е гг.; разведки И.И. Ляпушкина в 1947, Э.А. Сымоновича в 1961, П.Г. Гайдукова в 1978, А.В. Кашкина в 1982; раскопки В.В. Енукова в 1990–92 гг.); и особенно для истории отечественной науки и культуры, поскольку речь идет едва ли не о первом известном нам применительно к Европейской России специально археологическом чертеже; документе, прямо посвящённом памятнику старины (отмеченная в предыдущей главе "инструкция" для раскопок костей "волота" писана на

тридцать с лишним лет позднее и относится скорее к палеонтологии, чем к исторической археологии).

Откуда "подул историко-археологический ветер" при московском дворе, рассудить нелегко. Алексею Михайловичу Романову на момент запроса о Ратских развалинах минул 21 год. Решающее влияние на ход государственных дел оказывает тогда его воспитатель боярин Борис Иванович Морозов. Патриарх Московский и всея Руси Никон начинает реформу богослужения. До приезда сюда хорвата Юрия Крижанича, воспитанного иезуитами в Риме для миссионерства на Востоке славянского мира, остается еще несколько лет. Об интересе образованных западноевропейцев к античным развалинам и прочим памятникам истории [9] московские царедворцы могли узнать понаслышке, в ходе дипломатических визитов и поездок по торговым делам в чужие страны. Эпоха Возрождения, научная революция начала Нового времени в Западной Европе не слишком явно, но в известной степени отразились на представлениях верхушки русского общества.

Может быть, имелись и некие внутренние импульсы к зарождению историко-археологических интересов на русской почве. Обстоятельства как достаточно традиционные — летописно-книжного характера, домостроевского одобрения "добрых старых времен", славных предков; так и особенно актуальные на тот момент — соображения престижа, манифестации легитимности новой династии московских государей. Во всяком случае, эпизоды, подобные тому, что произошёл с курским городищем на Рати по относительно свежим следам его превращения из густонаселённого города в памятник археологии, заслуживают дальнейшего исследования, способного конкретизировать наши представления о культуре допетровской Руси и путях становления отечественной науки.

Некие предпосылки для будущего формирования гуманитарного знания на заре Нового времени содержала практика административного управления и хозяйствования на вновь присоединённых к русскому государству землях Юго-Востока. Разные типы официальных документов XVII в. — делопроизводственные "столбцы" Поместного и других приказов; чертежи отдельных объектов военного значения (особенно планы крепостей, включая курскую [10]); писцовые книги разных уездов; и т.п. донесли до нас кое-какие историко-археологические известия. Разумеется, это проявления ещё не научного, а общечеловеческого, житейского интереса к разного рода необычным вещам и явлениям.

Так, писцовая книга Обоянского уезда за 1692 г. многократно упоминает деревню Липовец — возможный топонимический сколок Липовечского удела в Курском княжестве XIII в.; речки Рать и Туровку, имеющие прямое отношение к летописному сюжету про антимонгольское

восстание того времени. А вот д. Артюшкова Курско-го уезда назвалась так с 1685 г., а прежде, если верить той же писцо-вой книге именовалась селом Чирицким [11]. На его территории располагаются памятники VII–X вв. н. э. — колочинский курганник и роменское городище. Таким образом, данный участок побережья Сейма оказался непрерывно заселён на протяжении последних полу-тора тысячелетий.

При всей разнопрофильной информативности Большого черте-жа и меньших по формату географических документов того же вре-мени, они не ставили перед собой задачи специально выделять из местности памятники истории и культуры. Как мы уже могли видеть на примере курского кладоискательства и градостроительства, "XVII век ещё спокойно смотрел на разграбление тысяч курганов и уничто-жение городищ для добычи селитры. Проблему регистрации и охра-ны археологических памятников поднял только XVIII век" [12] (со-гласно верному заключению А.А. Формозова).

При Петре I и его непосредственных преемниках во главе Рос-сии создаются условия, появляется своего рода идеология для позна-ния исторического прошлого России, разных её краёв. Хотя на пер-вом плане у инициаторов систематического описания страны стояли задачи физической и социально-экономической географии, интересы классической науки не были ими забыты. В.Н. Татищев, руководив-ший с 1737 г. составлением генеральной ландкарты России, в инст-рукциях геодезистам требовал указывать происхождение названий, и вехи прошлых судеб того или иного населённого пункта или целого "предела" [13]. В составленной им подробной анкете, призванной со-брать с мест сведения для "сочинения истории и географии Россий-ской", на первом плане находились археология и этнография [14].

В аналогичной инструкции М.В. Ломоносова из 13 вопросных пунктов по крайней мере три носят интересующий нас оттенок: "1. Город чем огражден: каменною стеною или деревянною, или земля-ным валом и рвом. 2. Много ли приходов внутри и за городом, и которые церкви каменные или деревянные... 9. В городах, буде есть летописцы, присылать с оных копии для сочинения истории россий-ской" [15]. О том, что такого рода правительственные циркуляры не остались втуне, свидетельствуют курские материалы. Чертежи кур-ской крепости XVII–XVIII вв. активно используются ныне для ре-конструкции изначальной топографии исторического центра Курска [16], так называемый "Курский летописец" — при изложении исто-рии края в позднем Средневековье — начале Нового времени [17].

Академия наук в 1778 г. расширила ломоносовский вопросник до 35 пунктов, а военно-учебное заведение, особенно заинтересо-ванное геодезией и картографией, — Шляхтеский корпус изложил в принципе ту

же анкету еще подробнее. За 1760-е – 90-е гг. с похожими целями комплексное обследование территории страны в интересах науки и административной практики путем анкет проводили Вольное экономическое общество; различные правительственные комиссии — о коммерции и о городах, др.; сам Сенат и прочие инстанции [18]. Казна искала новых источников налогов; правительство — эффективных мер поощрения промышленности, сельского хозяйства и торговли; учёные — фактов для анализа и обобщения. Составители последовавших за тем описаний отдельных регионов России (включая Курское наместничество) ориентировались на структуру упомянутых академических и правительственных анкет.

По схожей программе, с прибавлениями по естественнонаучной части, поработала в Курске академическая экспедиция из Петербурга в Херсон. Ею руководил *Василий Фёдорович Зуев* (1752–1794) — замечательный представитель первого поколения российских учёных. Эта поездка была предпринята ради осмотра и описания вновь присоединённых к империи земель между Бугом и Днестром, однако её участники собирали материалы по всему маршруту своего движения.

Глава экспедиции как нельзя лучше соответствовал своей должности. Будучи ещё учащимся академической гимназии, 17–18-летним юношей, он участвовал в первом путешествии знаменитого географа Петра-Симона Палласа по Сибири и Забайкалью в 1768–74 гг. То оказалась лучшая школа науки и практики. При добывании нужных сведений о природе и населении российских провинций Паллас не щадил не себя, ни своих помощников. Зуев проделал с ним весь долгий, полный опасностей и тягот путь от Балтики до Тихого океана; несколько раз и всегда с успехом лично возглавлял отдельные отряды для специальных экскурсий на оленьих упряжках и лодках на Север, вплоть до Ледовитого океана. В рапорте начальству Академии Паллас высоко оценил работу своего юного сподвижника, отметив: "Я должен сего студента хвалить, что он, по данной ему инструкции, всячески старался исполнить, и через то заслужил определённое на прошедший год для студентов моей экспедиции награждение..." [19]. Зуевские отчёты почти полностью вошли (с указанием авторства студента) в итоговую книгу Палласа [20].

После ухода маститого академика на покой от географических странствий, его питомцы, выросшие в авторитетных учёных-натуралистов, продолжили экспедиционное изучение российских окраин. В.Ф. Зуеву поручили поездку в Крым, незадолго перед тем окончательно присоединённый к России. В августе 1781 г. небольшой отряд академистов вступил на Курскую землю. Как и по всему остальному пути, Зуев и ассистировавший ему студент-переводчик (с восточных языков) Кирьяк главное внимание обращали здесь на флору и фауну, структуру почв и

особенности рельефа местности, прочие геоло-го-биологические предметы. Так, при въезде в Курск они сделали остановку для того, чтобы облазить действовавшие каменоломни и набрать там "отменных и неизвестных окаменелостей".

Вместе с тем, путешественники не оставляли своим вниманием памятники древней и новой истории. Так, Зуев дал подробное описание Коренной пустыни вместе с действовавшей при ней всероссийской — одноименной ярмаркой. "Пустынь сия когда построена, — отмечает учёный путешественник, — достоверных известий нет; а что народ изустно говорит, то весьма недостоверно; однако я здесь упомяну" [21]. И добросовестно пересказывает фольклорный сюжет, точь в точь совпадающий с печатными версиями последующих курских бытописателей, церковных и светских, о случайной находке "звероловом из Рыльска" иконы Богоматери у корня дерева на берегу Тускари и всех перипетиях её превращения в местную святыню, чудотворную реликвию.

В данном случае сообщение Зуева принципиально важно: документируются легендарно-сказочные истоки официальной версии происхождения этой замечательной реликвии, чей возраст явно завышен как минимум на два-три века пристрастными хронистами Знаменской обители [22], кому не критически вторили и вторят до сих пор мало-сведующие краеведы и неразборчивые журналисты.

Едучи от Коренной к губернскому центру по левому, низкому берегу р. Тускари, зуевцы не заметили расположенных на противоположном, возвышенном и поросшим лесом берегу городищ — Переверзевских, Мешковского, Шуклинского. Зато они не пропустили "множества курганов, которые наипаче с западной стороны стороны, где вышло чистое поле, стоят будто кучками. Из них, — добавляет Зуев, — которые я видел, все были рыты могилками" [23]. Это сообщение особенно важно для современных археологов.

Дело в том, что вопрос о курганных могильниках в ближней округе Курска беспокоил его историков с конца прошлого века и до наших дней. Первый исследователь курских городищ Д.Я. Самоквасов даже сомневался, стоял ли языческий город восточных славян в устье Кура изначально или же он переместился сюда уже после принятия Русью христианства. Ведь близ губернского центра в Новейшее время уже не замечалось курганов — обязательных спутников древнерусских городов X–XI вв. Могильные насыпи встречались только в отдалении от Курского городища — возле расположенного несколькими километрами выше по Тускари городища Шуклинского (немного, частью раскопаны советскими и российскими археологами [24]) и ещё дальше — в Мокве (оказались на поверку не могилами, а природными всхолмлениями-дюнами, что установили раскопки 1994 г. под руководством В.В. Енукова). Однако в

актах Московского государства сыскалась "отписка" курского воеводы за 1639 г., где упоминались "курганы малые на посаде Против Казачьей слободы на государевой десятинной земле" [25]. На этом основании Ю.А. Липкинг, опротестовывая версию о переносе Первокурска, предположил, что "курганы попали под усадьбы, под застройку, и, естественно, они исчезли с лица земли" [26].

Процитированное выше наблюдение В.Ф. Зуева весомо подтверждает и конкретизирует этот вывод относительно одного из старейших русских городов. Не только в середине XVII, но и в конце XVIII в. значительные по числу насыпей курганники располагались поблизости от исторического центра Курска. Больше всего ("наипаче") их сохранялось тогда на северо-западной окраине тогдашнего города, ещё свободной от построек. А северо-запад Курска — это и есть слобода Казацкая, разросшаяся до современных своих пределов много позднее.

С историографической точки зрения интересно отметить, что курганы выделены Зуевым как "единственный знак, древность Курска повествующий", на момент посещения города академической экспедицией — первой в его истории. Просвещённого в лучших западноевропейских традициях путешественника не убедили тогда мнения образованных курян, которые голословно "сказывают в рассуждение древности сего города", будто "здесь было княжение ещё при Олеговых детях, однако в то время город находился будто бы не на сём месте, на котором стоит ныне. Несчастные случаи много истребили известий до истории его касающихся, — объясняет Зуев свой краеведческий скептицизм, — однако рачительный губернатор [Пётр Семенович Свистунов — С.Щ.] собрал все сии [свидетельства — С.Щ.] довольно обстоятельно и надеюсь со временем удовлетворит любопытству российских историков" [27].

Просвещённый губернатор Курска так и не удосужился, по всей видимости, обнародовать результаты своих краеведческих разысканий. А вот составленное В.Ф. Зуевым описание Курска и его окрестностей двухсотлетней давности приобрело со временем значение первоисточника. За два с лишним века изменилось очень многое в здешних ландшафтах, а благодаря учёному путешественнику мы немало узнаем о былом рельефе местности, гражданской и церковной архитектуре города, его "промышленности" — заводах, мастерских и прочих хозяйственных занятиях курян разных сословий. С точки зрения археологии особенно примечательно упоминание "перекопа, который сделан от реки Кура чрез мыс к реке Тускарь и тем отделяет монастырь и присутственные места, состоящие будто в крепости" [28]. Это, конечно, последний, ещё незасыпанный в ту пору ров Курского кремля — важнейший элемент его первоначальной топографии, которая в свою очередь служит ключом к реконструкции генезиса данного летописного центра.

Уездные города Курской губернии описаны Зуевым куда короче и схематичнее Курска — он ведь проезжал их, не задерживаясь надолго. За Обоянью, возле деревни Шипы, где "каменная степь", за пять вёрст до очередного — Зоринского яма (станции с переменными лошадьми), внимание зуевской экспедиции привлёк "один нарочи-той величины курган, который на ровном поле виден был издалека; он по одиночеству своему заслуживает примечания, да не избыл так-же примечания и гробокопателей, кои видно покушались в нем найти сокровища не с одной стороны" [29]. Перед нами, скорее всего, памятник бронзового века.

Созерцание курских курганов подготовило петербургских путешественников к осмотру и описанию их "собратьев" по Днепру, включая и прославленный впоследствии курган Чертомлык. На выезде же из Курской губернии В.Ф. Зуев успел тщательно пронаблюдать и толково охарактеризовать, измерить и нанести на точный план одно из белгородских городищ, — "то, что на меловой горе по правую сторону Донца и которого явственные следы историки почитают остатками козарского города Саркела" [30]. Хотя хазарская крепость Саркел — древнерусский город Белая Вежа — с гораздо большей вероятностью был локализован будущими археологами гораздо южнее — на нижнем Дону, в нынешней Ростовской области (Левобережное Цимлянское городище [31]), зуевское наблюдение опять-таки примечательно: оно соответствует средней стадии разрушения старо-белгородской крепости, которое потом продолжалось усиленными темпами ("если еще где целые кирпичи попадутся, то жители Белгорода не уступят ими воспользоваться"). А городища салтово-маяцкой культуры (так называемой сегодня государственной культуры Хазарского каганата) на Белгородчине ярко представлены. Так что зуевская экспедиция положила начало их изучению.

При всех талантах и здоровом авантюризме таких научных работников, как В.Ф. Зуев, просторы Российской империи не под силу описать одиночкам. В 1770-е – 90-е гг. в стране осуществляется общегосударственная программа топографической съёмки и экономического изучения отдельных регионов. Её подготовила серия упоминавшихся выше анкет. Хотя *генеральное межевание России* декларировалось несколькими правительственными указами ещё с середины XVIII века, а Екатерина II издала на сей счёт специальный манифест (1765 г.), реальные шаги в губерниях предпринимались с 1776 по 1797 гг. (в соответствии с инструкцией от 25 мая 1766 г. и подробным "Наставлением землемерам" от июня того же года [32]).

Губернским и уездным землемерам поручалось выполнение чертежей и карт своей территории (планы частных владений-дач в масштабе 100 сажен на дюйм; уездные атласы масштаба 1 верста в дюйме;

губернские карты масштаба 7–8 вёрст в дюйме). А кроме того, им же предписывалось составлять словесные описания соответствующих местностей — "примечания к планам", путём "разведывания от обывателей". Без сбора подобной информации буксовала стратегическая реформа екатеринского века — "Учреждение о губерниях" 1775 г. "Определение территориальных границ губерний и уездов и состава их населения должно быть непосредственно исходить из данных межевания, а осуществление экономических и фискальных задач ... губернскими властями ..., ставило особенно настойчиво в порядок дня вторую [литературную — С.Щ.] сторону работы земле-меров" [33].

Среди прочих пунктов общего образца топографического описания в 1783 г. Правительствующий Сенат первым означил вопрос: "Когда каждый город начало своё получил" [34]. Краткая история населённого пункта стала обязательной преамбулой всех сочинений данного жанра. Землемерам неоднократно (в 1771, 1778 гг.) напоминалось о необходимости "включать в экономические журналы свои замечания о древних курганах и развалинах, о пещерах и опустевших заводах, о начатых и неоконченных каналах и о других подобных предметах, заслуживающих внимания, с изъяснением о всех строениях, когда они начаты, сколь давно в обветшание пришли и от чего" [35].

Хотя "смешивать два ремесла" — в данном случае геодезию и археологию — всегда мудро, топографы кое-какие исторические сведения насобирали. По Курской губернии ими оказался отмечен "городок" с валом и рвом в Путивле; в связи с чем они же составили подборку летописных известий об этом городе с 1146 по 1159 гг. [36]. А вскоре в фокус топографического внимания снова попала Коренная пустынь и церкви при ней [37].

В одних "Топографических описаниях" историко-археологическое введение оказалось формально-конспективно и даже фантастично, а в других — обстоятельно и поисково-достоверно [38]. Применительно к Курску мы имеем, пожалуй, нечто среднее между этими двумя крайностями.

С 1781 г. геодезическую съёмку здесь вёл *Иван Федорович Башилов* — по воинскому званию поручик, а по должности губернский землемер. Сначала он готовил исходные материалы для генерального плана самого Курска, выполненного центральной "Комиссией каменного строения Санкт-Петербурга и Москвы" и утверждённого Екатериной II 26 февраля 1782 г. Затем Башилов осуществил надзор за перестройкой и достройкой города по этому плану. Такие же работы производились им по уездным городам, начиная с Белгорода.

В 1783 г. места поступила очередная анкета по практико-административной и учёной частям — "запросные пункты от Кабинета её Императорского Величества" (Екатерины II). Собственно, было 3 варианта данного опросника — для губерний "вообще"; для городов; для уездов. В первом варианте историческая тематика отсутствовала вовсе, что довольно логично ввиду новизны этих административно-территориальных единиц. Во втором пункте 8 выражался интерес: "Кем, когда и на какой случай построен [город – С.Щ.] и какими людьми первоначально заселён? 9. Под чьим владением был управ-ляем и каким переменам был подвержен? 10. Какие есть в нём достопримечательности: здания, монастыри, церкви, городские укрепления, казенные дома для судебных мест и для жилья властей..." [39]. В анкете № 3 наше внимание привлекает пункт 18, предлагав-ший изложить обычаи жителей и, между прочим, "не обносятся ли между ними какие предания, относящиеся к древним происшестви-ям, событиям" и "нет ли каких урочищ, кои знамениты по каким ни есть историческим происшествиям" [40].

Кто-то из курян, скорее всего — чиновников генерал-губернаторской канцелярии, добросовестно ответил в меру своих знаний с начала на первый вариант упомянутой анкеты и получилось "Топографическое Курской губернии описание" за 1784 г. В этом, ценном для своего времени экономико-статистическом документе археолога привлечёт разве что упоминание судьбы здешних укреплений: "Прежде был укреплен и город Курск превеликим ровом и валом, по которому был палисад и оборонительные деревянные башни, но ныне от древности палисада и башен совсем нет..., ров же по Высочайше конфир-мованному Е. И. В. 1782 г. о построении города плану зарыт..." [41].

На следующий, 1785 г. возник ещё один документ того же рода, но более пространный и подробный: "*Описание Курского наместничества* вообще и порознь: всякого города и уезда, с планами городам и картами уездам, сочиненное ... Иваном Башиловым" [42]. Другая рукопись этого же автора за тот же 1785 г. называется: "Описание топографическое Курского наместничества с планами городов и картами уездов" [43]. Опубликованы эти манускрипты в своё время не были (а полностью они не увидели света до сих пор; печатали-сь только выдержки из них, причём без особой текстологической подготовки и со слишком кратким комментарием). Однако курские краеведы следующих поколений о них знали, время от времени зна-комились с башиловским описанием в московском архиве. Так что в развитии местной историографии труд первого землемера губернии послужил немаловажной вехой, обозначившей переход от донаучно-баснословного к фактографическому, критическому изложению региональной истории, прежде всего Новой.

Древней историей и археологией этот наш поручик интересо-вался мало. Заслуживает внимания разве что его комментарий к уже знакомому читателю эпизоду, когда в 1650 г. на "Ратьском городище" были "найжены в землю вросшие каменные палаты". Начитавшийся летописей да Н.М. Карамзина, Башилов остроумно, но голословно предположил, будто "там жил первый князь Изяслав Мстиславич, которому отец в 1125 г. дал в удел город Курск". Из архива Знаменского монастыря военный историограф узнал об указе Алексея Михайловича, согласно которому эти остатки каменных построек оказа-лись "выкопаны", а добытый из них камень и кирпич использован для строительства церкви этого монастыря (форму этой плинфы тог-да можно было рассмотреть и описать, но Иван Федорович не дога-дался этого сделать). Зато он резонно возражает против чьего-то (из здешних "образованцев" того времени) мнения о расположении древ-него Курска на Рати. Этот город, пишет он совершенно логично, всегда "был на сем месте, на котором существует, потому что имя ему — Курск соответствует имени реки Кур, в середине города протекающей" [44].

Ещё одно "Описание Курского наместничества" "из древних и новых о нём известий вкратце" собрал *Сергей Иванович Ларионов* — "того наместничества верхней расправы прокурор". Свой опус он умудрился отпечатать в 1786 г. в Москве, в "вольной типографии Пономарева" и посвятить не кому-нибудь, а "его превосходительству, действительному статскому советнику, правителю Курского намест-ничества Афанасию Николаевичу Зубову". Кстати сказать, хотя топо-графические описания были составлены в конце XVIII – начале XIX в. для большинства регионов страны, напечатаны оказались да-леко не все из них. Для Курска же книжка Ларионова — вообще "первая ласточка" тиражирования краеведческого сочинения. В этой — печатной форме его основное достоинство. По содержанию книги её автор дает мало нового по сравнению с манускриптами Башилова. В целом ряде мест основного раздела своей работы — "Современное состояние города Курска и округи его" — прокурор без зазрения со-вести и каких-либо отсылок или благодарностей пересказывает почти дословно описания землемера. В частности, плагиатирован пассаж о засыпке старого рва при расширении Красной площади губернского центра. Социально-экономическая статистика у Ларионова несколько отличается от башиловской потому, что составлялась чуть позднее. Сведения же об уездах у прокурора гораздо схематичнее — видно, что из губернского центра он выбирался редко.

Зато историком Ларионов оказался куда лучшим. Начальная часть его описания — "Сведение [так, в единственном числе — С.Щ.] о городе Курске с самого начала и о всех в нём знаменитых происшествиях до сих пор случившихся" — занимает целых 33 страницы. На них весьма удачно

для своего времени скомпилированы почти все доступные тогда образованному читателю письменные источники местной истории. Здесь и выборки из летописей ("в пере-сказе тайного советника [В.Н.] Татищева"), из "Жития Феодосия Печерского", "Древней Российской вифлиофики" Н.И. Новикова и князя М.М. Щербатова, прочих отечественных историографов того времени; "Судебника" Ивана Грозного; писцовых по отдельным уез-дам и "строельных города Курска книг". Как видно, перед нами пер-вое источниковедчески фундированное сочинение по местной исто-риографии.

Свой труд автор почитает скромным, но необходимым дополне-нием сочинений "многих знатных мужей" по "истории всего государ-ства". Сочетание общерусских и местных, курских источников — один из важных признаков приближения зарождавшейся краеведче-ской мысли к научному методу их анализа.

Особенна любопытна попытка исторической географии у С.И. Ларионова. По поводу упоминавшихся в курских сюжетах летописи Воргольском и Липовечском княжествах он предполагает и не без резона: "Ныне находится в Орловском наместничестве в Елецкой ок-руге село Ворголь, а Липецк был город в Харьковской провинции, теперь же уничтожен; то княжения сии полагать можно бывшими в них по близости места" [45].

Именно к сочинению С.И. Ларионова, скорее всего, восходят некоторые из малообоснованных версий истории Курска, вот уже два века кочующих из одного историко-краеведческого издания в другое. А именно, голословная привязка строительства Первокурска к 980-м гг., когда киевский князь Владимир Святославич "стал ставить горо-да по Десне и по Остру, и по Трубежу, и по Суле, и по Стугне" в за-щиту своей столицы от набегов печенегов [46]; не критическое, вслед за поздней релакцией соответствующего жития отнесение к 1032 г. побега Св. Феодосия из Курска в Киев [47]; уже упоминавшийся выше сюжет монастырского фольклора об иконе Знамения Божьей матери, чей возраст более чем в два раза завышается нынешними представителями РПЦ; и др.

Послелетописную часть курской истории С.И. Ларионов описы-вал в основном по материалам, что собрал *Иван Петрович Анненков* (1711–1784) — богатый курский помещик, отставной военный, воз-главлявший в последние годы жизни губернское дворянство. Этот человек сочетал в себе лучшие качества своего сословия — предпри-имчивость, хозяйственную хватку (за 40 лет курского барства он утроил свои земельные владения) с просвещёнными интересами в искусстве и науке (крепостной театр в имении; богатая библиотека с большим рукописным отделом). Согласно скопированным по заказу Анненкова строельным, степенным и писцовым книгам, церковно-монастырским летописцам из Курска и его уездов,

Ларионов излагает факты восстановления курской крепости "на прежнем месте ровно чрез 360 лет от первого и начального разорения его Батыем"; даль-нейших нападений ногайских татар; происходивших здесь событий Смутного времени; о "начальниках Курска от возобновления его до открытия в нем наместничества" — воеводах, дьяках и подъячих, писцах, а затем наместниках и генерал-губернаторах; т.п. сюжетах краевого прошлого.

Сведения обо всех владыках Знаменского монастыря и по прочим церковно-историческим вопросам С.И. Ларионов получил от архимандрита Амвросия (Гиновского) — с 1780 г. тот начальствовал в этом главном монастыре края и стал его первым историком. Именно перу Гиновского, скорее всего, принадлежит уже не раз упоминавшаяся выше книга о Коренной иконе — одно из первых изданий основанной в Курске (ненадолго — с 1792 по 1804 г.) типографии. Благочестивый и, видимо, честолюбивый архимандрит, в отличие от скептического естественника В.Ф. Зуева, не подумал подвергнуть критике доставшиеся ему хроникальные записи своих предшественников по управлению монастырём. "К вящей славе божией" он перепутал крымских татар с батыевыми монголами и тем самым произвольно удревнил возраст своей и без того славной обители.

Собственно археологическая тематика в первопечатных книгах курских краеведов XVIII – начала XIX в. затрагивается минимально. Так, одно из сражений курян с крымскими татарами приурочено к некоему Думчеву кургану и Ларионов дает по этому поводу справку: "Сего звания два кургана имеется в Корочанской округе, при смешности оной с Белгородской и Обоянской округами" [48]. Как видно, для местных авторов того времени курганы и городища — такие же естественные ориентиры, как реки и дороги; особых ассоциаций с древней историей, покрытой мраком народных легенд, они пока у образованных людей не вызывают.

Как бы там ни было с фантастическими догадками по поводу древней истории города и края, но свод упоминаний Курска и Курского княжества в письменных источниках, обнаруженный С.И. Ларионовым, вполне подкреплял его вывод о том, что "знатность древности" этого города "не уступает и многим городам Российской империи". Чтение его книги, первой в своем жанре, при всех лакунах и баснословности отдельных моментов изложения, должно было вдохновлять курских любителей старины на новые разыскания о ней.

Завершающий этап генерального межевания России пришёлся на 80-е – 90-е гг. XVIII в., когда в соответствии с постановлением правительства 1783 г. "О составлении генеральных атласов по отмежеванным губерниям" [49] таковые были изготовлены и сведены в общий

"российский атлас, из 44 карт состоящий..." за 1792 г. В Курске межевание началось в 1782 г. (трудами И.Ф. Башилова), а завершено в 1797 (его преемниками по губернской межевой канцелярии и межевым конторам уездов). Всего по Курскому краю оказалось составлено тогда 6 атласов и столько же текстовых "Описаний" к ним. По остальным губерниям карт генерального межевания насчитывалось всего одна-две.

На поощрении картографических работ в Курске могло сказаться одно из пристрастий первого здесь гражданского губернатора (в 1796–98 гг.), сенатора *Степана Даниловича Бурнашева* (?–1824). Он в своё время (1783–87 гг.) успешно выполнил дипломатическую миссию при дворе грузинского царя Ираклия II, когда кроме решения военно-политических вопросов, ему пришлось составить образцовое историко-географическое описание и карты Закавказья, часть которых впоследствии опубликовала первая курская типография [50].

Кроме штатных чертёжников из самого Курска, над картами генерального межевания здесь потрудились командированные из столицы специалисты — геодезист Иван Хрущёв (середина XVIII в.), адъютант Федор Чёрный (в 1788 г.) и, наверное, другие их коллеги из Академии наук [51].

К сожалению для современных исследователей и практиков градостроительства, все эти карты оказались рассредоточены по нескольким архивохранилищам Москвы и Петербурга и до сих пор не изучены, в том числе с историко-археологических позиций. Между тем, можно с уверенностью предполагать богатые сведения о городищах, курганах, валах; средневековой топонимике на первых подробных чертежах Курского края, выполненных на более или менее современном уровне, но по местности, ещё не изменённой промышленным переворотом.

С конца XVIII в. картографирование и военно-статистическое изучение губерний и областей России последовательно повёл ещё и Генеральный штаб, в котором с 1797 г. действовало специальное Депо карт. Его офицеры-геодезисты и тыловики-квартирмейстеры командировались на места и результатом их экспедиций стали особо точные (масштабом 100 сажен в английском дюйме) карты местностей. Ими в особенности любили затем, вплоть до наших дней пользоваться археологи при собственных полевых разведках и соответствующих чертежах найденных памятников.

Кроме собственно военно-технических, офицерам-картографам рекомендовалось учитывать прочие характеристики тех местностей, что они чертили и описывали в полевых журналах. Эти прочие аспекты выходили разные — в зависимости от кругозора и способностей того или иного геодезиста. В целом ряде случаев, кроме (говоря современным

языком) экологии, социологии и экономики, в поле зрения офицеров попадала история. Например, будущий модный пи-сатель А.Ф. Вельтман, окончив корпус колонновожатых, несколько лет прослужил по распределению в Бессарабии по военно-межевой части. Кроме внутрислужебных отчетов, он подготовил и в 1828 г. опубликовал работу "Начертание древней истории Бессарабии" (зем-ли с богатейшим археологическим прошлым). Другим частям Россий-ской земли в ту пору ещё не повезло встретить историка в офицер-ских погонах.

Так, иногородний член Курского статистического комитета, ге-нерального штаба штабс-капитан Н.Тр. Шулешкин по предложению первого здешнего археолога А.И. Дмитриюкова брался даже составить и издать специально археологическую карту этой губернии, но, как видно, так и не исполнил столь благого намерения. До начала 1870-х гг. данные о памятниках курской старины оставались не собраны сколько-нибудь систематически, поэтому и картографировать тут в сущности было нечего.

В 1850 г. Генеральный штаб опубликовал в своей книжной се-рии *"Военно-статистическое обозрение Российской империи"* том *"Курская губерния"*. Его по личным "рекогносцировкам и материа-лам, собранным на месте, составляли: Генерального штаба подпол-ковник Дуброво и капитан Рельи". Историческая часть тут по-воен-ному лапидарна: справка о летописных реалиях и (особенно приме-чательная по своей историографической новизне) о заселении края с XVI в. разными потоками колонистов занимает неполных три страни-цы и призвана ориентировать войска по отношению к разным катего-риям местных жителей. Современному археологу небесполезна топо-графически точная информация о путях сообщения в Курском По-сеймье. Известно, что дороги в ряде случаев отличаются удивитель-ным, порой многовековым постоянством своего маршрута (что про-слежено раскопками по расположению улиц древних и современных Новгорода, Киева, Москвы и других старых русских городов). Так что торные пути Курской округи в тогдашнюю, доавтомобильную эпоху во многом отражали коммуникационную ситуацию по крайней мере позднего средневековья. Имеются в виду прежде всего: Мурав-ский шлях, Сагайдачный тракт (с юга и юго-запада на север), Ромо-дановский шлях и Свиная дорога (от Путивля к Рыльску и Дмитрие-ву).

Своего рода классикой жанра "географической истории" того времени со всеми её достоинствами (в особенности — сохранение оригинальных данных топонимики и вообще хорологии) и недостат-ками (доверие к непроверенным, явно фантастическим утвержде-ниям народной молвы и образованных псевдопатриотов о прошлом) можно счесть "Словарь географический Российского государства" (М., 1801), изданный А.М. Щекатовым. В этом издании имеется статья о Курске,

умело скомпилированная из всех упомянутых мной сочинений по региональной истории, вышедших к тому времени в свет.

И забавно, и печально (в отношении популяризации отечественной истории), когда столь архаичные, требующие особенной критики произведения, каков щекатовский словарь, современные краеведы и журналисты сплошь и рядом цитируют как истину в последней инстанции. Например, в одном из многочисленных перепевов излюбленной "краеведами" темы — "Сколько же Курску лет? — учитель Н.В. Рязанов отождествляет скандинавских викингов с ... археологическими балтами, приписывая им (?) основание города на р. Куре. Посылкой столь чудесного силлогизма автору заметки служит предположение щекатовского словаря о построении первого Курска "варягами, первобытными сея страны жителями ... прежде IX столетия ..." [52].

Почтительно отметить, что ещё полтора столетия назад, на заре исторического краеведения в Курске находились более компетентные, научно мыслящие авторы, нежели те, кого мы можем отыскать сегодня среди членов Курского общества краеведов. Оставшийся анонимным исполнитель (А.И. Дмитрюков?) очередного министерского проекта по российской географии в 1854 г. писал, в частности: Курск "принадлежит к числу древнейших русских городов, хотя и нет положительных известий о времени и обстоятельствах основания его. ... С этого [покорения северян Олегом Старым в 884 г. — С.Щ.] времени северяне входят в тесный политический союз с другими славянскими племенами и здешний край делается достоянием русских князей. В эту пору, быть может, и возник Курск. ... Мало исторических сказаний сохранилось о былых веках, только остатки городищ да группы безмолвных курганов ... свидетельствуют о кровавых делах старого полузабытого времени" [53].

Поступившие из провинции историко-краеведческие сведения с самого начала развития археологического знания учитывались столичными специалистами. В 1809–10 гг. уже специально археологическое путешествие по России совершила очередная экспедиция Академии наук — под руководством её почётного члена К.М. Бороздина (1781–1848) и при участии художника Д.И. Иванова, археографа А.И. Ермолаева. Среди 15 посещённых ими городов Северной, Центральной и Южной России оказался и Курск [54]. Ничего достойного описания из памятников древней истории они здесь не обнаружили.

Путешественно-описательный подход к древностям российской провинции продержался по крайней мере до середины XIX века. Значимость развалин старинных крепостей, языческих курганников, гражданских и церковных "летописцов" и т.п. исторических древностей уже вполне осознавалась образованными представителями губернского общества. Однако что и, главное, как, для чего изучать, собирать по

исторической, археологической, археологической ча-стям, оставалось им не слишком ясным. Провинция, конечно, никак не могла обогнать столицы, тем более в общеакадемических вопро-сах. Публикации об исторических достопримечательностях и там и тут относились тогда скорее к литературе, публицистике, нежели к науке в современном смысле этого слова.

К тому же, нельзя сбрасывать с историографического счёта политического фактора. Ощутимым стимулом к историко-археологическим разысканиям послужил один из идеологических лейтмотивов царствования Николая I — показная забота высшей власти о памятниках отечественной старины. А бюрократы всех рангов всегда держат нос по ветру "высочайшей" воли. И то правда, что нам сегодня нет особой нужды вникать в мотивы, по которым хоть какие-то сведения о постоянно разрушаемых природой и человеком археологических объектах, исторических источниках, потенциально этнографических экспонатах оказались вовремя собраны, сохранены для науки и культуры.

Так, курский губернатор М.Н. Муравьев в 1830-е гг. толково распорядился двумя краеведческими инициативами кого-то из своих подчинённых. Во-первых, он препроводил в МВД рисунок надгробного камня князя Василия Георгиевича, найденного на "городке" в Путивле, где этот сын Юрия Долгорукого правил последние годы своей жизни (1191–1203). Описание места находки и её самой, вкупе с очерком полуполюгендарной истории тамошнего монастыря — Путивльского мужского, публикуется в "Журнале МВД". Среди прочего в статье упоминается снивелированный уже к началу XIX в. вал окольного града Путивльского городища. Последнее верно оценивается как "древнейшее укрепление Путивля, с него граждане в 1146 г. отражали союзников Изяслава Киевского и в 1159 г. Изяслава Давидовича. ... ; супруга храброго князя Северского, когда он отправил-ся в степи половецкие, часто встречала восход солнечный и ждала возврата милого..." Заодно анонимный автор статьи, чьё мнение освящалось авторитетом печатного органа самого влиятельного министерства, сетует на утрату ещё 8 подобных камней — надгробий древне-русского времени — "невежество жителей и беспечность начальства допустили разобрать их в фундаменты домов, лишив историю быть может весьма любопытных материалов" [55]. Надо сказать, что археологическая корреспонденция из Курска на страницах этого почтенного полицейского журнала далеко не единственная [56].

Кроме того, курский губернатор поддержал экспедицию харьковского профессора ботаники Черняева. Тот в 1836 г. пять месяцев осматривал все уезды Курской губернии подряд "в ботаническом отношении", насчитал до двух тысяч "пород" растений и дал свои реко-

мендации о сохранении наиболее редких из них в ботаническом саду Харьковского университета [57].

Вслед за тем ретивый губернатор поощрил своих чиновников и к изучению "естественных произведений" подведомственной территории — её полезных ископаемых [58]. О палеонтологической отдаче этого предприятия речь пойдёт в одной из следующих глав (о губернской периодике).

Дольше всего — до начала XX в. союз географии с историей и археологией продержался в деятельности Императорского Русского Географического общества (ИРГО). В программе его печатных трудов постоянно выделялся пункт "География историческая и история географии". Подразумевались "географические описания стран в разные эпохи их существования", а также исследования "местностей, чем-либо замечательных в историческом отношении" [59]. В энциклопедических изданиях этого Общества — "Россия. Полное географическое описание Отечества", "Живописная Россия", "Городские поселения в Российской империи" и т.п. фолиантах отложился мини-мум информации по истории и археологии отдельных губерний, включая Курскую. Тот минимум, который оказался достижим на основании фундаментального для своего времени свода Н.М. Карамзина (выборки из него сюжетов по отдельным городам и княжествам) и поверхностного осмотра некоторых городищ, курганов и прочих археологических памятников столичными путешественниками и первыми краеведами в провинции.

* * *

Те и другие, как видно из проделанного в завершаемом параграфе рассмотрения, запечатлели немало ценного в "уходящей натуре" древних памятников российской старины. Не случайно именно география послужила своеобразным "трамплином" для того, чтобы история и археология добрались бы из столичной Академии, Московского университета до провинциальной глубинки. Сочетание фундаментального и прикладного аспектов, естественнонаучной и гуманитарной сторон отличает именно географическую науку и связанную с ней топографическую, геодезическую практику. На стартовом для отечественной науки этапе историко-археологические знания, тем более регионального происхождения, проще и убедительнее всего было "встроить" в географическое описание только что сформировавшегося в своих широких пределах Отечества. Тем самым был подготовлен очередной, гораздо более результативный, серьёзный этап изучения отечественных древностей, на котором отдельные отрасли гуманитарного познания мало-помалу самоопределились.

В следующем параграфе даётся творческий портрет человека, волею судьбы и таланта оказавшегося на стыке этих этапов развития русской гуманитаристики — любительского и профессионального, энциклопедического и специализированного.

§ 4. Пионер научного краеведения: раскопки и этнографические труды уездного учителя А.И. Дмитриюкова

На протяжении первой половины XIX века в различных слоях русского общества заметно усилился интерес к прошлому своей страны и памятникам ее культуры. Подъёму патриотических настроений способствовала и победоносная Отечественная война 1812 года, и входившие в моду национальные варианты романтизма в искусстве, и труды В.Н. Татищева, Н.М. Карамзина, других первых историков России. Энергичные импульсы к сбережению и изучению разного рода древностей шли главным образом из просвещённой среды столичной интеллигенции [1]. О встречном краеведческом движении в тогдашней провинции известно пока очень мало. Тем интереснее выглядит почти забытая ныне фигура одного из первых жителей южно-русской глубинки, к которому вполне применимо возникшее гораздо позднее его времени определение “краевед”.

Это *Алексей Иванович Дмитриюков*, полвека учительствовавший в Курской губернии и уже в 1820-е – 60-е годы много и плодотворно занимавшийся историей, археологией и этнографией родного края. *Вехи жизненного пути* этого незаурядного человека отмечены в "Формулярном списке о службе и достоинстве чиновников и учителей Рыльского уездного училища" [2] и прочих документах, разысканных нами в нескольких архивных фондах. Он родился в 1795 году в курском городке Судже. По формулярной терминологии, происходит из мещан. Родители оставили ему в наследство "в суджанских градских дачах в чересполосном владении распашной земли, сенокосу и лесного срубку 20 десятин" да "дворовых людей 16 душ". К этому мизерному (по общероссийским меркам) имению он присоединил впоследствии ещё столько же благоприобретённой на чиновничье жалованье земли "в дачах близлежащего села Куриловки".

"По окончанию курса наук в Курской губернской гимназии поступил в звании вольнослушающего" в ближайший — Харьковский университет, где "слушал лекции по математическому отделению с 1 августа 1812 по 1 января 1815 года". Так начинается его послужной список. Затем идёт хроника назначений и перемещений "не окончившего курса" в университете Дмитриюкова по школам Харьковского учебного

округа — к нему относились тогда по части просвещения Курская губерния. Сначала (в декабре 1814 г.) его приняли в Ахтырское уездное училище "учителем исторических наук". Такая, видимо, оказалась вакансия. Но вскоре (в августе 1816) согласились перевести оттуда в родную Суджу — преподавателем математических дисциплин уездного же училища.

Сразу заметим, что сочетание познаний и интересов в таких различных областях науки, как история и математика, лет двести назад встречалось не столь редко, как теперь. Предварительная естественнонаучная подготовка отличала многих выдающихся деятелей гуманитарной культуры прошлого. Скажем, первый украинский археолог-профессионал В.Б. Антонович кончил сначала медицинский, а затем историко-филологический факультеты Киевского университета. Известный же собиратель русского фольклора и писатель-демократ П.И. Якушкин "ушёл в народ" с четвёртого курса математического факультета Московского университета. Подобные примеры далеко не единичны для своего времени. Таким образом, нас не должно удивлять внимание к историческим древностям со стороны натуралиста по высшему образованию. Русский ученый того периода, особенно в провинции, довольно часто — не только узкий специалист, но и представитель науки в целом; культуры, как таковой, без изъятия каких-либо важных её разделов.

А.И. Дмитрюков всю жизнь оставался уездным учителем, прослужил чиновником по ведомству министерства народного просвещения. По собственному его призванию — "любимая мною должность руководителя детей к их пользам и к пользам государства" [3]. Начал он эту службу в чине X класса — коллежского секретаря (с 1823 г.), закончил в почти столь скромном чине VIII класса — коллежского асессора (с 1838 г. и до самой пенсии). Свои педагогические обязанности исполнял добросовестно — неоднократно получал благодарности училищного комитета и прочих начальственных инстанций "за прилежание и успехи учащихся", "за неутомимое усердие и ревность к учительской должности". После 15 лет беспорочной службы был награждён предусмотренным на сей счет случай знаком отличия (1833), а затем повышен в должности — назначен штатным смотрителем своего уездного училища (1838). Вскоре переведён на тот же пост в Щигровское училище (1839). Здесь проработал 5 лет, трижды поощрялся благодарностями "за деятельное стремление к улучшению училища". В 1844 г. перемещён штатным смотрителем Рыльских училищ "для исправления в них беспорядков". К тому времени подошла положенная российским чиновникам для выхода на пенсию выслуга лет — четверть века (считая с 1817 г.). Пенсию ему назначили максимальную в занимаемом положении — в размере годового жало-

ванья, по 250 руб., позднее повысили до 400. Но на службе в виде исключения, как поступали с особо ценными работниками, предложили остаться ещё на 5 лет с выплатой сверх пенсии указанного оклада. Льгота пришлась весьма кстати. Деньги были крайне необходимы на восстановление родового гнезда — "сгоревшего в общем суджанском пожаре 1841 года дома, со всеми строениями, до основания" — жаловался наш чиновник в частной переписке. Потом срок службы ему неоднократно продлевали. Последний раз, как видно из формулярного списка — в 1857 г. В конце концов (в 1858 г.) Алексей Иванович опять вернулся в родную Суджу смотрителем училищ. Здесь и доживал свой век, к сожалению, овдовев и пережив старшую дочь.

Он возглавлял большое семейство. Женат был на дочери дворянина Елизавете Зиновьевой. "За женой его состоит дворовых крестьян мужеского пола шесть душ". Супруги имели много детей для своего скромного состояния — двух сыновей (их ждали гимназия, Московский кадетский корпус, Инженерная академия — на казённом содержании, и военная служба — Брянский егерский полк) и пятерых дочерей (из только две при жизни честного, но небогатого отца вышли замуж. "Прочие дети находятся при нём", — констатирует формуляр).

Получив вовремя чин штаб-офицерского уровня, Дмитриюков выслужил личное дворянство, а затем и потомственное, будучи награждён в 1852 г. орденом Св. Владимира 4-й степени "в знак XXXV-летней беспорочной службы". Точную дату смерти А.И. нам установить не удалось. В официальных списках российских чиновников его имя последний раз встречается в 1864 г., а в 1865 — уже нет [4]. Последнее из сохранившихся в архиве писем Дмитриюкова датировано февралём 1868 года. Вскоре после этой даты он, по всей вероятности, и скончался — на середине восьмого десятка. Весьма почтенный по меркам того века возраст ("Курские губернские ведомости" за 1901 г. в № 171 опубликовали заметку: "О предполагаемом чествовании памяти местного археолога А.И. Дмитриюкова, умершего в Судже в 1830 г." Тут явная опечатка. Надо, по всей видимости, — в 1870).

Мы приводим детали этой внешней заурядной для чиновника-разночинца биографии, чтобы оттенить вторую — внеслужебную линию его жизни. Она складывалась из целого ряда добровольно принятых им на себя академических обязанностей и научно-исследовательских работ.

На первое место среди них надо поставить *археологические труды*. На поверхностный взгляд, что в них особенно замечательного? Раскопал образованный человек на досуге несколько курганных и крепостных насыпей по месту своего жительства. Статьи о находках поместил в губернской и центральной печати, где они и затерялись надолго. Только

через полвека к этим памятникам вновь обратились археологи. Раскопки на некоторых из них продолжаются по сей день.

А дело заключается в том, *когда* курский учитель с университетским образованием занялся полевой археологией. В начале 1870-х годов по инициативе незадолго перед тем созданного в Москве Археологического общества все губернии и области европейской России ответили на специальную анкету для выявления и учёта сохранившихся памятников материальной старины. Один из пунктов вопросника выяснял: кем и когда производились раскопки "древних земляных насыпей"? Абсолютному большинству губернаторов ответить на сей счёт было нечего. Центральные районы страны, в том числе Курское Посеймье, долгое время, вплоть до середины прошлого столетия, а то и позже, считались бесперспективными в археологическом отношении. Раскопки если и вели, то исключительно в Причерноморье, на местах бывших древнегреческих колоний и скифских владений — ради добычи античных мраморов и драгоценных украшений для Императорского Эрмитажа. Там же, на юге империи стали возникать и первые собственно археологические музеи (с 1803 г.) [5].

Фундаменты домонгольской архитектуры пробовал разрывать в целях исторического познания в Новгороде (1807) и Киеве (1825, 1832–35) митрополит Евгений (Е.А. Болховитинов, 1767–1837) [6]. К масштабным разведкам городищ и курганов на коренной русской земле приступил в 1820–21 гг. поляк-эмигрант Зориан Доленга-Ходаковский (Адам Чарноцкий, 1784–1825). Десятилетием спустя учёт древних земляных насыпей здесь продолжили наши соотечественники В.В. Пассек (1808–1842) и П.И. Кёппен (1793–1864) [7].

В качестве самого раннего прецедента научных раскопок курганов в центре России обычно упоминаются в археологической литературе работы А.Д. Черткова (1789–1858) 1838 и 1845 гг. в Подмосковье [8]. Поводом к этим, действительно новаторским раскопкам послужила случайная находка старинных металлических предметов при строительстве в помещичьем имении под Звенигородом. Печатный отчёт Черткова о двух полевых сезонах выглядит образцовым для своего и даже позднейшего времени [9]. Остальные пробные раскопки древностей славян и их соседей в центральных губерниях страны за первую половину XIX в. можно пересчитать по пальцам одной руки [9]. Все эти поиски относятся к 1840-м – 50-м гг. Для своих инициаторов они носили эпизодический, если не случайный характер и на представления современников о Древней Руси практически не повлияли.

Начало мало-мальски систематических, организованных по научно-исторической программе археологических раскопок внутри империи связано с массовым вскрытием владимирских курганов А.С. Уваровым и

П.С. Савельевым в 1851–54 гг. Возведённое на них А.А. Спицыным обвинение в несоблюдении элементарных правил методики полевой фиксации находок впоследствии опровергнуто беспристрастными историографами. Владимиро-суздальские древности из тех новаторских раскопок пострадали при музейном хранении, но оказались неплохо для своего времени документированы, монографически опубликованы и пригодны для дальнейших исследований [11].

Уничтожающее же памятники древности для науки рытьё земельных насыпей грабителями-кладоискателями и дилетантами-коллекционерами встречалось и раньше, и позже того времени, но не о нём сейчас речь. Только со второй половины прошлого века учёные-гуманитарии в Западной Европе и в России постепенно преодолевают безраздельное увлечение греко-римской античностью и всерьёз начинают заниматься древностями собственных народов.

На очерченном фоне историографическим сюрпризом выглядит датированный 1873 г. ответ курских чиновников на запрос из центра по поводу проведенных краеведческих мероприятий: "... В 1829 и 1831 годах многие из городищ, курганов, могильников и других древних земляных насыпей, находящихся в Суджанском и Рыльском уездах, были раскопаны местным археологом г-м А.И. Дмитрюковым с научной целью для исторической археологии. При каковой раскопке найдено им в могильниках много костей и разных древних вещей. О результатах этих учёных его исследований помещена им, г-м Дмитрюковым, статья в 1-м выпуске "Трудов" Курского статистического комитета, вышедшем в 1863 году" [12] (курсив наш — С.Щ.).

Кстати сказать, понятие "историческая археология" и сегодня звучит с оттенком неологизма; иногда употребляя его, нынешние авторы желают, должно быть, подчеркнуть связей вещевых находок археологов с темами, обсуждаемыми также историками на письменных и прочих источниках наших знаний о прошлом. Встреченный в позапрошлом веке термин "историческая археология" звучит в тогдашнем контексте показателем нового и перспективного подхода к материальным древностям российской провинции.

Таким образом, курский учитель развернул целенаправленные раскопки, судя по всему, раньше всех остальных поклонников русской истории из интеллигентной среды. Чем руководствовался археолог-новатор? В его распоряжении имелись "История государства Российского" Н.М. Карамзина, да разрозненные публикации на древнерусские темы в "Отечественных записках" и некоторых других повременных изданиях. Этого оказалось достаточно, чтобы взять под сомнение народные предания о разбросанных по курской земле курганах на могилах слободских казаков — жертв татарских набегов из Крыма; о высоких городищах на речных

мысах да озёрных остро-вах как логовищах разбойных атаманов вроде легендарного Кудеяра.

Попутно заметим: провинциальные, в особенности краеведческие отклики на беспрецедентный в своё время труд “последнего нашего летописца” заслуживают специального историографического исследования. Сошлёмся ещё на один, кроме дмитрюковского, впрочем, тоже типичный для своего времени эпизод в этой связи: “Среди чтения “Истории” Карамзина, — признавался небезывестный столичный антикварий, начинавший в провинции, — являлась всегда мысль: что же такое Тула и как жили наши отцы? В этой мысли зародилось первое желание писать ... тульскую историю. В “Истории” Карамзина промелькали указания о тульских событиях. Первые мои занятия состояли из выписок из Карамзина о тульских событиях” [13].

Разъезжая по губернии в служебных командировках, Дмитриюков попутно изучил и сравнил между собой внешние формы явно искусственных возвышенностей. На его взгляд, они распределялись на две основные группы: 1) “принадлежавшие к военному искусству древние крепостцы — городища”; а также редуты позднейших времён и 2) “курганы, содержащие смертные остатки, — могильники наших далеких предков” [14].

Данная классификация по существу совпадает с современными научными понятиями этих заметных на местности памятников археологии. Между тем, не только простые, но и весьма учёные люди того времени почитали городища заброшенными святилищами язычников (Ходаковский, академик И.И. Срезневский), а многие курганы принимали за остатки жилищ кочевников (Ю.И. Венелин) или, ещё чаще — дозорных башен (академик П.И. Кёппен). Последнего заблуждения не избежал сам Дмитриюков, назвавший самые высокие из рыльских курганов “казацкими сторожевыми” (в действительности они обычно содержали погребения эпохи бронзы или раннего железа).

Важнее всего заметить, как построил свой археологический поиск его пионер на курской земле. На протяжении прошлого и начала нынешнего веков дорогу постепенно складывающейся научной археологии станут переходить лица, принимавшиеся “копать, когда не знаешь, что ищешь, а наковав вещей, не знаешь, что с ними делать” [15]. Зачем же шел на курганы и городища с лопатой в руках сам Дмитриюков? Кроме явной фантастичности людской молвы о “кудеяровых станах” да “волотовых могилах”, — объяснял он мотивы своих раскопок, — “составляемая мною тогда “История города Суджи и его уезда” (напечатанная в 1828 г. в “Историческом и статистическом журнале”, в Москве) обязывала сколько можно изыскать истину” [16].

Свой первый поход за погребёнными в земле древностями наш учитель предпринял на следующем маршруте: вниз по течению р. Псла, в промежутке городков Суджи и Мирополья. Эта местность, на его удачу, особенно богата археологическими памятниками разных эпох, в первую очередь славянскими и древнерусскими. Здесь, у села Горналь, что в 15 верстах от Суджи, им были обнаружены два городища, а при них три группы курганов. Где, по его описанию, "идут по лесу и по пахоте весьма многие могильные насыпи с находящимися в них скелетами и при них разными мелочными украшениями; а в особой группе могильников найдены глиняные сосуды со сожжёнными костями покойников". Большую по сравнению с остальными величину некоторых курганов самодеятельный археолог проницательно объяснял "важностью скрываемого покойника".

Сначала, в 1828 г. Дмитриюков раскопал в одном из этих курганников 4 насыпи из 6. Там оказались трупосожжения — на месте будущего кургана, с последующим помещением праха покойника в лепные сосуды, располагавшиеся под насыпью на уровне горизонта земли. Судя по данному в дмитрюковских статьях описанию курганной керамики — толстостенной, лепной от руки, дурно прожжённой; похожей на ту посуду, осколки которой были им же найдены на Горнальских городищах, — погребения относились к роменской археологической культуре, т.е. летописным северянам (IX–X вв. н.э.) Детали погребального обряда при несовершенной ещё манере этих раскопок и особенно описания их процесса и результатов не были зафиксированы этим неопытным исторической археологии. Но самая суть дела, принципиально важная для современных учёных, оказалась суджанским учителем на его самодеятельных раскопах уловлена и спасена для науки.

В 1829 г. Дмитриюков вернулся на Горнальские городища. На большем из них был собран подъёмный материал, а на меньшем вырыты разведочные ямы (трудно назвать их по-современному шурфами, ибо этот технический термин предполагает послойную фиксацию находок и общую стратиграфию углубления, а в данном случае неопытный копатель ничего не обнаружил; такой, нулевой результат в культурном слое поселения практически исключён). Однако сам по себе тип данных памятников исследователь определил опять-таки верно. Перед ним оказались "развалины бывшего поселения какого-то, доисторических времён, многочисленного народа". На такую, в принципе правильную мысль его навело сличение керамики, найденной тут и там (приём, методически совершенно верный и самостоятельно открытый суджанским самородком от археологии). "И как оно [большое горнальское городище, в действительности принадлежавшее роменцам/летописным северянам — С.Щ.] года за два перед тем было распахано, то, при поверхностном

обозрении, находил я на нем черепья банок [фрагменты сосудов, говоря современным языком — С.Щ.], подобных тем, какие были мною вырыты в курганах, на-полненных жжёными костями".

Во всяком случае, энтузиаст полевой археологии убедился в нелепости крестьянской побасенки, будто "там жила какая-то царица: жители села Горналь водворились тут не более двух веков назад, а жительство какого-то народа, бывшего некогда в этих местах и при-том многолюдного, восходит ко временам, не упоминаемым русской историей" [17], — заключил первоначально Дмитриюков. Доследовать горнальские памятники довелось уже советским археологам. Их рас-копки уточнили — здесь находился комплекс памятников раннего и зрелого Средневековья. А.И. Дмитриюков рылся на городищах, суще-ствовавших в IX–X вв. и погибших в 970-е гг., предположительно при покорении северянского Посеймья киевским князем Святослаом. На месте этого "племенного центра" славян объединения "Север" возник древнерусский городок — перевалочный пункт на караван-ном пути "Киев — Булгар" (на Волге), просуществовавший, похоже, до монгольских времён [18].

В том же сезоне им была изучена ещё одна могильная насыпь между Суджей и Миропольем. Она скрывала трупоположение, при котором нашелся лишь фрагмент железного серпа.

На следующий, 1830 г. новоявленный археолог вернулся на курганники пригорнальские и в другой их группе раскопал 8 насы-пей с трупоположениями на уровне дневной поверхности. В одном из этих курганов погребение оказалось коллективным — мужчина, жен-щина, ребёнок, как по костям определил Дмитриюков, которого в университете-то учили естествознанию. Зафиксировав преобладаю-щую — головой на запад ориентацию покойников, Дмитриюков собрал при них довольно богатый инвентарь. В его составе выделялись украшения, определённые позднее А.А. Спицыным как принадлежа-щие летописным северянам: спиралевидные височные кольца, брон-зовые перстни; импортные бусы — стеклянные разных цветов, в том числе с золотой и серебряной фольгой; бронзовые подвески-бубенчи-ки, налобный венчик из серебра. Довольно точное описание находчи-ком этих вещей позволяет предположительно датировать захоронения этой группы XI – началом XII вв.

Ещё один курган, на сей раз при дороге из Суджи в Сумы, Дмитриюков раскопал в 1833 г., руководствуясь при этом указаниями одной из тех "кладовых рукописей", что фигурировали в преды-дущей главе нашей работы. Разумеется, что никаких сокровищ в на-сыпи не оказалось; содержалсь там лишь "глиняная расколотая чере-пушка" (т.е. урна со следами кремации). На основании столь общей характеристики погребального сосуда сказать что-либо о разрытом тогда кургане сейчас трудно, хотя можно предположить тут ромен-ское, а то и раннеславянское

погребение. Во всяком случае, схожий обряд присутствовал в расположенных по соседству курганах с. Ар-тюшкова Рыльского района, изученных в 1994 г. экспедицией В.В. Енукова, и отнесённых им к ранним здесь славянам, их колочинской культуре VII вв. В Артюшкове тоже присутствовали развешенные на меже кургана кальцинированные кости сожжённого на стороне покойника и ритуально разбитый при сооружении насыпи сосуд.

По возвращению с археологических экскурсий А.И. Дмитриюков продолжал штудировать Карамзина и другие исторические сочинения и источники. То, что привлекло в них его внимание в связи с обнаруженными в рыльских да суджанских курганах древностями, представляется нам сегодня опять-таки весьма здравыми в общем догадками. Так, найдя летописное известие (под 1153 годом) о походах киевского князя Изяслава Мстиславича к берегам Псла для отражения половцев, краевед предположил в горнальских укреплениях славянский форпост на рубеже с кочевнической степью. Прослеженным им на местности "высокий вал со рвом составляет с прочими оврагами как бы крепость, имеющую за собой кладбище" — курганник. Зоркому первоисследователю очевидно "искусство в зашищении сих мест и границ великорусских княжений"; ему открылись следы "неоднократных сражений с татарами и другими неприязненными народами".

К сходным выводам приводили его курганные находки — изделия высокоразвитого ремесла (разнообразные бусы, браслеты, перстни, височные кольца, шейные гривны и т.п.). Такие вещи могли принадлежать народу, "более или менее образованному", каким курский историк находил восточных славян накануне христианизации. "А если принять слова Масуди: "У русских и славян, живших на Итиле, сожигаются вместе с мужьями и жены", — рассуждал он, — то, может быть, в этих банках, стоящих по две в одном кургане, были сожжённые тела мужа и жены, а в курганах с одной банкой были прах и кости одного покойника" [19].

Особый интерес возник у Алексея Ивановича к архивным документам, находящимся в поле зрения суджанского жителя. Он делал записки из межевых книг XVII–XVIII вв., копировал некоторые грамоты того же времени, обнаруженные в хранилище Николаевского монастыря (вскоре, кстати, запустевшего; после революции превращённого в интернат для сирот, а в 2002 г. возвращённого Курско-Рыльской епархии РПЦ) и "присутственных мест" уездных центров губернии. "Весьма желательно, — по убеждению А.И. Дмитриюкова, — чтобы живущие в Белгороде и имеющие возможность получить сведения в архивах, занялись отысканием актов, указывающих на пребывание в сих местах неизвестного нам народа, в большом селе-нии [Старобелгородском городище] жившего". Рассчитывал историк и на частные собрания старинных бумаг,

прежде всего у потомков казачьих старшин курско-белгородской части Слободской Украины с её поселенческой системой в виде казачьих полков. "Любители отечественных древностей легко себе представляют пользу, могущую произойти для Истории от дальнейшего и подробного исследования сих предметов" [20], — надеялся и не без основания Алексей Иванович.

Для проверки своих гипотез учитель и в 1831 г. приезжал в очередной раз на горнальские курганы. Тогда "разрыты были ещё многие, при пособии помещика с. Рождественского, майора Г.П. Хлопова, и вещи в них попадались подобные упомянутым". Когда же Дмитриюкова в 1848 г. из Суджи перевели в Рыльск, он и тут летом 1849 г. обследовал городище, так называемую гору Ивана Рыльско-го, нашёл пещеры (земляные церкви?) на её склонах и, наконец, раскопал 2 кургана в монастырском саду неподалёку. Те оказались похожи на суджанские по языческому обряду погребения сожжённых покойников в урнах, помещаемых на земляную подсыпку. Их вероятная дата — IX–X вв.

В итоге всех этих историко-археологических поисков Дмитриюков осторожно предположил в изученных городищах остатки славяно-русских городов, а в курганах — их кладбища. Эта версия оказалась в общем правильной; нашла подтверждение и конкретизацию в исследованиях русских и советских ученых.

Обратим внимание, что смелый прорыв к принципиально новым источникам познания далёкого прошлого — археологическим, не вызвал у гимназического преподавателя источниковедческой эйфории. Его соображения о возможном значении городищ и курганных вещей носили достаточно общий и потому корректный характер; летописные параллели к ним приводились ради пояснительной аналогии, а не с фольклорно-дилетантской псевдоконкретизацией ("А не этот ли летописный, даже былинный персонаж похоронен в этом кургане"? ("живал на этом городище?")) — сплошь и рядом рассуждают так называемые краеведы из редакций районных и областных газет, школ, клубов). На заре исторической науки в нашей стране её скромный любитель из уездной глубинки сделал — едва ли не самым первым во всей России — в области регионалистики именно те шаги, которые позволяли ему доступные источники.

Оценим логику исследовательского проекта, задуманного и осуществлённого курским краеведом: от осознанной исторической проблемы — к раскопкам, а затем, ради объяснения полученных в поле результатов — к сохранившимся письменным, печатным и архивным источникам о прошлом этой земли. Подобной методологической схеме, комплексному подходу к анализу источников, что нащупывал Дмитриюков, принадлежало будущее в изучении начальных веков отечественной истории.

Гипотетические выводы самого краеведа носили, вполне понятно, предельно общий характер и на историческую науку того времени сразу не повлияли. Впрочем, признания со стороны русских историков, включая самых видных вроде С.М. Соловьёва или В.С. Ключевского, археология так и не дождалась по крайней мере до начала нынешнего столетия. К вещественным источникам абсолютное большинство университетских профессоров относилось с недоверием, опасением вплоть до XX в.

Скромным, но весьма симптоматичным образцом необходимости полевой, экспедиционной проверки некоторых кабинетных выкладок на исторические темы, явилась заметка Дмитрюкова о действительной топографии реки Локни, фигурирующей в одном из летописных эпизодов русско-половецких столкновений. Смотрителю уездных училищ удалось поправить в этом частном вопросе Н.М. Карамзина и С.М. Соловьёва, называвших эту речушку притоком то ли Выры, то ли Сейма, а она на поверку оказалась притоком реки Суджи [21].

Не менее любопытна методика дмитрюковских раскопок, определённая им же для себя в то время, когда никакой официальной методики археологических работ в нашей стране не было принято вплоть до 1874 г. (тогда III, Киевский съезд археологов утвердил первую инструкцию на сей счёт). "При разрытии ... курганов, — пояснял наш автор, — я не перерезывал их крестообразным рвом, но отмерив наверху пространство в квадратную сажень, углублялся до основания кургана". Сейчас археологи уже оставили такой способ вскрытия курганных насыпей — "колодцем", как несовершенный. При нём остаются недоисследованными отлогие края могильного холма, иногда содержащие дополнительные сведения о захоронении, а то и позднейшие, впускные погребения. Однако отмеченный приём вплоть до начала XX века оставался самым распространённым при раскопках курганов и в России, и за границей, рекомендовался археологическими инструкциями тех лет. Учтём и то обстоятельство, что дореволюционные археологи, начиная с самого Дмитрюкова, не располагали техникой и достаточными денежными средствами, чтобы перемешать большие массы земли, чего требует нынешняя методика копать насыпь кургана целиком, на снос. "Для сего потребны и познания, и время, и пособия капитала, — сетовал А.И., — что всё редко дается в удел одному".

Кроме всего прочего, грубоватые, с точки зрения будущей научной методики, раскопки курского краеведа носили охранный, даже спасательный характер. При первоначальном осмотре курганников в верхнем поречье Псла и среднем Сейма он насчитал в общей сложности до двух тысяч отдельных насыпей. "Во всех группах, проезжая после те места, заметил я, — сообщает наш автор, — весьма большое уменьшение их от распашки, которой ежегодно уничтожается весьма большое их

количество, особенно по мере вырубki леса". К сегодняшнему дню почти все горнальские и многие рыльские курганы разрушены практически без следа — после крестьянских сох по ним прошли колхозные "стальные кони", дорожные грейдеры и т.п. техника.

Полученные Дмитриюковым-археологом результаты невелики по объёму, но, надо признать, достаточно информативны, важны, да-же для современных исследователей, не говоря уже о современниках суджанского патриота. Хотя он ещё не представлял себе необходимости погребальной фиксации находок и графического изображения каждого расчищенного погребения, однако достаточно подробно описывает устройство однотипных могил, структуру курганной насыпи, состав её почвы, способ захоронения, положение останков покойного или урны с его прахом, перечисляет весь погребальный инвентарь, извлеченный из данной группы курганов. Часть своих находок крае-вед год спустя отослал в Академию наук.

С этим учреждением у него к тому времени наладилась корреспондентская связь: сначала он препроводил туда "описание метеоров, кои были наблюдаемы в ночи от 31 октября 1831 г.". Конференция академии изъявила ему свою признательность, занесённую в послужной список этого чиновника по ведомству министерства просвещения. Некоторые вещи из суджанских курганов находчик уступил профессору Харьковского университета Венедиктову и другим знакомым, а большинство подарил Курскому статистическому комитету (выполнявшему тогда, кроме всего прочего, историко-краеведческие функции). Судьба этой последней части дмитрюковской коллекции оказалась самой счастливой — много позднее она легла в основу экспозиции первого губернского музея, созданного в Курске в начале XX века.

Помимо других школьных предметов, Дмитриюкову приходилось вести уроки рисования и черчения. Поэтому изображенные им планы местности, с указанием обнаруженных археологических памятников, точны и даже изящны. То же относится и к рисункам, которые он выполнил (в масштабе, а частью в натуральную величину) с наиболее замечательных вещей (включая сосуды), найденные в курганах [22]. С подобной же скрупулёзностью описаны им городища — отмечены их очертания, состав почвы, высота, площадь, конфигурация валов и рвов, соседние стационарные ориентиры, рассказы местных жителей про эти памятники старины, результаты их шурфования и сбора подъёмного материала вокруг них.

Важным шагом на пути к научной археологии можно считать дмитрюковский опыт сопоставления полевых материалов отдельных памятников одного географического микрорегиона (суджанских и рыльских). Дмитриюков предвидел необходимость сводных карт ар-

хеологических объектов отдельных регионов страны. "Протяжение прерванных в одном уезде валов, замеченное в других уездах и губерниях, могло бы, — с его точки зрения, — дать справедливую догадку о месте, защищаемом этими рвами и проч". Подобные своды памятников истории и археологии в дальнейшем, как известно, были составлены и перенесены на карты соответствующих районов. С их помощью осуществлялись будущие разведки профессиональными археологами, а теперь налаживается охрана уцелевших памятников материальной старины.

Весьма подробные статьи о проведенных раскопках учителю из южнорусской глубинки удалось поместить не только в "Курских губернских ведомостях", но и в "Ведомостях" московских, газетах киевских и харьковских, а также таких внушительных альманахах, как "Историческом, статистическом и географическом журнале", "Вестнике Русского Географического общества". Благодаря этим публикациям о раскопках на курской земле узнали по всей стране.

Далеко не все корреспонденции провинциала принимались столичными редакторами к печати. Многие надолго оседали в редакционных портфелях, глохли в архивах учёных обществ. Характерно для тогдашнего состояния науки об исторических древностях пренебрежение к статье Дмитриюкова, проявленное в элитарном Императорском Русском Археологическом обществе (ИРАО), базировавшемся в столице. Его рукопись пролежала там без отклика и движения несколько лет и в конце концов была опубликована автором в "Известиях" ИРГО. Собственно археологические сюжеты у многочисленных корреспондентов Географического общества были сравнительно редки.

Так, в материалах первых (по алфавиту) 11 областей и губерний России (от Акмолинской до Воронежской), отложившихся в Научном архиве этого Общества за вторую половину XIX – начало XX в., только одна, из Воронежа, конца XIX в. [23] непосредственно посвящена таким сюжетам. Это лишнее подтверждение приоритета Дмитриюкова-археолога.

Один из основоположников научной археологии в России — профессор Д.Я. Самоквасов (1843–1911) в 1872 г. свои масштабные, многолетние раскопки восточнославянских памятников начал с Курской губернии, отправился в её Суджанский уезд не случайно, а именно "руководствуясь работами г-на Дмитриюкова" [24]. Вполне вероятно, что те же публикации послужили вдохновляющим примером и для некоторых других исследователей русских древностей. Во всяком случае, ссылки на эти работы открывают историографические обзоры всех остальных русских и советских исследователей археологии Курского Посеймья — Д.И. Багалея, П.В. Голубовского, Д.Я. Самоквасова, А.А. Спицына и др.; А.Е. Алиховой, И.И. Ляпушкина, Ю.А. Липкинга, А.И. Пузиковой, А.В. Сухобокова, А.В. Кузы, А.В. Кашкина, М.В. Фролова, В.В. Енукова и др.

Это представляет большую редкость для печатной продукции полутаростолетней давности, которая представляет интерес разве что для историографов, не-жели практических исследователей самих источников.

Надо сказать, что сам первоисследователь надеялся на такую научную эстафету "в труде, превышающем силы одного лица", "требующим усилий многих любителей древностей", как он оговаривал в итоге своих очерков — близких прообразов полевых отчетов будущих археологов. Археологические очерки курского учителя со временем сами приобрели характер исторических первоисточников.

Не меньшую пользу отечественной науке оказали *этнографические наблюдения А.И. Дмитрюкова*. В качестве члена-сотрудника Императорского Географического общества (с 1853 г.), при котором имелось отделение этнографии, он на протяжении 1850-х гг. подготовил цикл работ об образе жизни и народных традициях своих земляков — суджанцев и рылян. По собственным впечатлениям и архивным источникам описываются им конструкции жилищ (изб и усадеб вокруг них, с планами строений и рисунками фасадов), "внешнее и внутреннее убранство дворовых принадлежностей и домашней утвари"; одежда и пища, праздничные и повседневные; народные обряды — свадьба, родины, крестины, похороны, поминки, колядования и проч.; навыки воспитания детей; различия в нравах украинцев и русских, в укладе жизни дворянства, купечества, мещанства и крестьянства.

Информация "небезызвестного курского этнографа" (как именovali его издатели) была опубликована им только частично, в нескольких сжатых очерках [25], а полные рукописи соответствующих работ отложились в архиве "Географического общества" [26]. В научный оборот их ввёл, хотя бы отчасти, выдающийся русский этнограф Д.К. Зеленин в своем систематическом описании этого архива [27]. Общеизвестный лидер славянской этнографии, Зеленин называет манускрипты Дмитрюкова "выдающимися по подробности описания" и рекомендовал напечатать их, чего, к сожалению, исполнено до сих пор не было.

Некоторые описания суджанского педагога выполнены в смешанном, синкретическом жанре. Они ближе всего, пожалуй, к географическому краеведению. В его *"Сведениях о некоторых местностях Курской губернии"* — очерках о Судже, Рыльске, Мирополье, окружающих эти городки сёлах и урочищах, отражены и живописнейшие пейзажи края, и памятники церковной и светской архитектуры, и те же курганы с городищами. Примем в расчёт, что в середине прошлого века русская интеллигенция в своем большинстве куда чаще восхищалась итальянскими да французскими ландшафтами, нежели пыльными просёлками и "нищими селеньями" своих собственных губерний, где всё окрест было слишком привычно глазу, чтобы волновать эстетические и

прочие чувства. А вот этому рыльскому жите-лю "из домов, расположенных около площади и из самой площади и горы, на которой церковь Иоанна Рыльского, открывается горизонт на юг и на восток более, нежели на двадцать вёрст, с бесчисленными, блестящими полосами сеймской воды, с множеством лугов, рощ, деревень, сёл и как бы в конце картины виднеется село Ивановка с белокаменными зданиями Марьиной, резиденции князя Барятинского-го..." [28].

Словесные описания, подобные процитированному, подкреплялись акварельными зарисовками самого Дмитрюкова и его учеников [29]. За столетия лишним лет тамошняя натура под натиском научно-технического прогресса, в ходе мирных строек и сражений мировой войны, прочих коллизий претерпела, понятно, некоторые изменения. Рыльск, между прочим, включён недавно в число заповеданных ЮНЕСКО памятников культуры, так что старые краеведческие материалы, подобные дмитрюковским, способны оказать неоценимую помощь современным исследователям и реставраторам.

В 1857 г. Алексей Иванович удостоился благодарности ИРГО "за содействие, оказанное к составлению "Путеводителя по России" — "для путешествия Августейшего председателя Общества Великого князя Константина Николаевича". Курский корреспондент представил тогда свои *страноведческие материалы* о Рыльске, Судже и Мирополье. Часть этих данных была опубликована в похожем по жанру издании — "Путеводителе от Крыма до Москвы. В 3-х частях", составленном Штакельбергом (СПб., 1858). Для этой книги Дмитрюков описал Рыльск и его окрестности, а коллежский советник Бигневич — достопримечательности губернии в целом.

"Желательно, чтобы почтенные особы, занимающие звания учителей, в городах губернских и уездных, так хорошо составляли поставленные им в обязанности статистические описания места их жительства, как составил его г-н Дмитрюков", — писал в предисловии к одному из цитированных нами очерков издатель "Московского телеграфа" Н.А. Полевой, сам немало проживший в Курске.

С таким отзывом собрата по литературному цеху соглашался и М.П. Погодин. С этим выдающимся ученым-историком, писателем-прозаиком и драматургом Алексея Ивановича связывало многолетнее эпистолярное общение. В погодинском архиве, находящемся в Отделе рукописей Российской Государственной библиотеки, сохранилась подборка писем Дмитрюкова за 1843–68 гг., а кроме того несколько его же рукописей на педагогические, археологические и вообще краеведческие темы. Отправитель надеялся, что "они найдут место в Вашем, Михаил Петрович, или каком-либо ином журнале" (с 1827 по 1830 г. Погодин издавал "Московский вестник", с которым охотно сотрудничал А.С. Пушкин).

Опубликоваться в Москве краеведу удавалось не всегда, но моральная поддержка маститого журналиста и издателя дорогого стоила. Для прославленного погодинского "Древлехранилища" — коллекции рукописей и предметов материальной культуры старой Руси — Дмитриуков присылал старопечатные книги XVII–XVIII вв.; некие старинные монеты, поднятые им на распахиваемом городище; перечни и зарисовки других своих археологических находок. Погодин, в свою очередь, одаривал его собственными сочинениями по мере их публикации.

Кое-что в образе мыслей и оборотах речи этих деятелей былого времени сегодня выглядят странно, даже комично. К примеру, пури-тански настроенный учитель с негодованием осуждает текущую "по свободному произволению" жизнь уездного дворянства; именует "нравственной заразой" модные лавки; сравнивает народные игрища и ярмарочные балаганы с "языческим праздником Бахуса", когда женщины ведут себя "как сущие вакханки".

В иных сюжетах этой переписки ветхозаветность переплетается с реалистическими оценками и прогнозами. Так, особый трактат по-свящён Дмитриуковым местной винокуренной промышленности и массовому потреблению народом ее продукции. "Пьянство, — по его приговору, — есть совершенно произвольное самоубийство". Ради искоренения сего порока, "против распространения кабаков с их дешёвкой" предлагается подвергать всевозможным взысканиям "за-меченных в пьянстве или только выпивших парней и девок", а до-пившихся до смерти алкоголиков "не хоронить на общих кладбищах как самоубийц — для большего страха народа" [30].

Проскальзывают в дмитриюковских бумагах и консервативно-охранительные, националистические ноты, находящие сочувственный отклик у того же Погодина, ставшего напомним, апологетом пресло-вудой "Теории официальной народности". Тут ими отмечается и види-мость "ополячивания внутренних русских губерний", и некие "интри-ги шляхто-папизма"; прочие ламентации псевдопатриотического свой-ства.

В этой связи отметим, что официальной тогда идеологии "православия, самодержавия и народности", сформулированной министром народного просвещения С.С. Уваровым в 1833 г., соответствовала новая волна интереса русских людей к истокам своей истории. Этот момент в развитии российской ментальности вышел на удивление противоречивым. Искренний энтузиазм учёных путешественников, первых краеведов на местах относительно документальных и вещественных остатков родного прошлого сочетался с проявлениями грубого национализма на той же почве, частым пренебрежением к объективному исследованию вновь открываемых памятников.

Отголоски такого рода идейно-психологического противоречия при популяризации истории и археологии звучали долго; докатились они вплоть до наших дней. Давно устаревшие сочинения по славяно-русской археологии, вышедшие в николаевскую эпоху, принадлежащие перу первых наших антиквариев — И.П. Сахарова, И.М. Снегирева, А.Д. Чулкова и др., просто бредовые сочинения дилетантов от археологии вроде садовника по профессии Е.И. Классена [31] и т.п., переиздаются в 1990-е – 2000-е гг. немалыми тиражами, преподносятся как учебные пособия для школьников. Следует согласиться с реалистичным отзывом А.А. Формозова по данному поводу, что конца подобной профанации не видно [32].

* * *

Но при оценке первых шагов отечественного древлеведения вряд ли стоит сейчас акцентировать такие, — реакционные, обусловленные временем и средой черты мировоззрения наших предшественников на поприще исторического краеведения. Куда важнее напомнить об их действительных заслугах. Особенно много их принадлежит Алексею Ивановичу Дмитрюкову — неумоимому и бескорыстному собирателю научных фактов, причём как по природоведческой, так и по гуманитарной частям родинознания [33]. В его педагогической и научно-исследовательской деятельности сложился образец просвещённого краеведения — своего рода вспомогательной отрасли для целого ряда научных дисциплин. Собирая ценный фактический материал для археологии, истории, этнографии, уездный учитель на практике, что называется ошупью определил методики полевой проверки кабинетных гипотез. Такого рода комплексному источниковедению при познании прошлого принадлежало перспективное будущее. Пошедшие вслед за ним профессиональные исследователи в области археологии и истории, этнографии и экологии, искусствоведения и языкознания, других областей науки и музейной, школьной практики с пользой и благодарностью используют накопленные им материалы, не только прежде опубликованные, но и хранящиеся в архивах. Этот человек по праву заслужил почётное звание одного из первых археологов и этнографов России.

* * *

Рассмотренные в первой главе диссертации курские материалы представляются нам достаточно показательными для начальных отрезков вызревания соответствующих разделов духовной культуры и

гуманитарной науки всей нашей страны. Эти материалы высвечивают самые типичные моменты и рубежи в предыстории российской археологии, этнографии, архивистики и других областей исторического познания.

Вкратце повторим содержание данных этапов становления отечественного древлеведения.

Донаучный или же *фольклорный период* отражения местной старины в народном сознании и поведении самый длительный; он уходит своими корнями в отдалённые века этнического самоопределения славян и русских. В снятом, преобразованном новыми и новейшими идейными веяниями виде, этот пласт общественного сознания по сути вечен, представляя собой историко-археологические темы для суждений народной мудрости (и глупости!), ментальных установок по отношению к разного рода памятникам далёкой старины. Имеются в виду те своеобразные представления, — то реалистично-прозорливые, то искажённо-фантастические, то причудливо сочетающие мифопоэтическое воображение с довольно историчной памятью тех же самых общностей людей, соотечественников и особенно земляков. Ведь исторические сюжеты фольклора с расселением этноса, развитием народной культуры, — от мифа к эпосу и, далее, к сказке и паремиям, быличкам, повериям разного рода — конкретизируются по направлению от общенародной этногении к региональной, местной сюжетике. Результатом чего стало своего рода “народное краеведение”.

Коренное население центральных русских губерний, в число которых входят южные, включая взятую нами за эталон Курскую, сформировало свои собственные представления о находящихся на его территории искусственных насыпях земли — городищах и курганах; случайно находимых тут время от времени кладах и отдельных древних вещицах; некоторых исторических процессах и даже событиях, происходивших некогда в тех же районах. С этому же комплексу исторического (со)знания народа следует отнести древнейшие данные топонимики (славянской, а также иноязычной, но переосмысленной в славянорусском духе). Наконец, память о прошлом, не исключено и весьма отдалённом, несут на себе отдельные, даже с забытым или полузабытым оттенком смысла детали народного образа жизни и быта, атрибуты материальной культуры.

Все эти, в первую очередь крестьянские, народные знания и черты практики, связанные с исторической древностью, интересуют в первую очередь фольклористов и этнологов. В качестве дополнительного источника информации эти же сведения могут быть полезны историкам и археологам. В особенности при разведках, первичном картографировании и музеефикации памятников старины. Забота представителей

государственной власти, общественных объединений и академических корпораций о фиксации, популяризации, изучении историко-археологических аспектов русского фольклора должна сочетаться сегодня с усиленной нейтрализацией негативных, варварских импульсов того же самого народного сознания относительно тех же памятников истории и культуры. Кладоискательству, грабительским “раскопкам”, “черному рынку” общенациональной ценности антиквариата, сносу старинной архитектуры и т.п. преступлениям перед национальной историей должны ставиться педагогические, юри-дические, правоохранные барьеры.

Творческую задачу представляет собой согласование фольклорных представлений об истории, включая откровенные мифологемы, с научными фактами и гипотезами об истории края, населённого пункта, их достопримечательностей. Сегодня же нередко отдельные представители гуманитарной науки, работники учреждений культуры некритически подходят к фольклорным версиям истории края, пропагандируя их как истину в последней инстанции. В школьном преподавании, средствах массовой информации, учебной и публицистической литературе, на прочих каналах культурных коммуникаций необходимая сама по себе идеология патриотизма, включая земляческий, должна соответствовать научным реалиям и гуманистическим ценностям, а не потакать новоявленным мифам, не заниматься вторичной фольклоризацией исторической архаики.

Следующий — *преднаучный, историко-географический отрезок накопления историко-археологических знаний* — связан с освоением Российским государством вновь присоединявшихся к нему в XVII–XVIII вв. южных районов страны. Если известная “Книга Большому чертежу” носила ещё вполне прикладной — военно-топографический характер, то последующие — гражданские, социально-экономические описания отдельных наместничеств, особенно материалы генерально-го межевания земель, перепланирования губернских и уездных городов вполне сознательно учитывали многие видимые на местности памятники древности, целенаправленно включали в себя исторические справки о данном регионе, основании и развитии его основных поселений, начиная с летописных времён.

Поскольку историческая информация, собранная гражданскими и военными топографами, а в особенности географами-путешественниками по заданиям Академии наук, во многом основывалась на документальных и вещественных первоисточниках, их критическом рассмотрении, то научная ценность ей оказалась неизмеримо выше мелких фрагментов фольклорного протознания. Многие факты (данные об археологических объектах, топонимах, известиях народной молвы), важные для современной науки и культуры, отразились только в тех первых географо-

экономических, страноведческих трудах. А сами эти объекты оказались уничтожены природной стихией или же технической экспансией человека (городской застройкой, сель-скохозйственными, гидротехническими, т.п. работами). Поэтому со-чинения данного цикла, многие из которых остались в архивирован-ных рукописях, заслуживают издания (или переиздания) сегодня. Снабжённыe современным научным аппаратом, эти труды должны быть с большой пользой применены в профессиональной деятельно-сти учителей, архитекторов, журналистов, экскурсоводов, многих других специалистов, не говоря уже о довольно широкой аудитории интересующихся историческим краеведением читателей.

Наконец, в качестве переломного на долгом и противоречивом пути становления науки об исторических древностях выделяется третий по нашему счёту уро-вень — *любительской, краеведческой истории, археологии и этнографии*. Любительские занятия гуманитарными науками становятся за-метным явлением жизни российской провинции с конца XVIII, а особенно в первой половине XIX в. Отдельные энтузиасты, просве-щённые, эрудированные по тем временам представители разных со-словий русского общества начинают первые целенаправленные раз-ведки и даже пробные раскопки курганов, городищ, фундаментов старинной архитектуры. С летописными и прочими историческими источниками губернских и уездных краеведов познакомили труды первых профессиональных историков России — В.Н. Татищева, Н.М. Карамзина, М.П. Погодина и прочих. У провинциальных лю-бителей истории появилась источниковедческая привилегия — они пробовали сопоставлять добытые полевыми разысканиями материалы с показаниями письменных источников (включая документы местно-го происхождения за предыдущие два-три века, сохранявшиеся на тот момент куда полнее нынешнего). Повторяя и отчасти дополняя общие схемы столичных корифеев науки, местные деятели, тем не менее, положили начало той методологии комплексного источникове-дения, которую позднее, уже с начала XX в. пришлось осваивать, развивать и университетской профессуре.

Очерки местных древностей и нравов начинают публиковаться в академических и литературно-художественных изданиях, включая самые модные московские и петербургские. Корреспонденты, вообще сотрудники из провинции с самого начала их деятельности на ниве выявления и изучения древностей получили моральную и организа-ционную поддержку представителей академического мира, да и вла-стных инстанций. Тому способствовала идеологическая обстановка многих царствований, начиная с Петра Великого с его кунсткамер-ными затеями и вплоть до Николая I с его национально-патриотиче-скими лозунгами. Наши материалы не подтверждают мнения о том, что тип историка-любителя сформировался у нас в сугубо частном порядке, независимо от официальной академическо-

университетской науки [34]. Напротив, у лучших, наиболее креативных представителей “частной исторической науки” начальные замыслы и конечные результаты их исследовательских проектов как правило получали экспертизу, издательское применение, доброжелательную поддержку со стороны представителей профессиональной историографии. Не-формально, на общественных началах налаживалась взаимосвязь столичных центров науки и литературы с провинциальными любителями отечественной старины.

Пионеров такой, поначалу грубовато-эмпирической, но уже по своему методичной истории да археологии поначалу насчитывалось не так много — по одному-два человека на каждую губернию или область огромной империи. Среди них А.Д. Чертков в Подмосковье; Е.А. Болховитинов в Киеве, Воронеже и Новгороде; польский воя-жёр по разным краям Зориан Доленга Ходаковский; А.И. Дмитриюков на Курщине; кое-кто ещё. Было бы погрешностью против принципа историзма подчёркивать только недостатки и ошибки этих первых изыскателей провинциальных древностей. С другой стороны, вряд ли стоит идеализировать эти фигуры, выдавая их за основоположников региональных школ гуманитарного познания. Обе эти крайности в историографических оценках встречаются в литературе, особенно краеведческой. На наш взгляд, лица намеченного ряда сыграли необходимую в те времена роль посредников между традиционным мифологическим и научным отношением к истории, её региональным памятникам. Образно говоря, они, эти энтузиасты-одиночки, что называется, захватили плацдарм на берегу исторического просвещения, а развивать идейное и организационное наступление в этом направлении пришлось деятелям 1860-х–70-х гг. — эпохи великих реформ российского государства и общества.

ГЛАВА II.

“ЗОЛОТОЙ ВЕК” ГУБЕРНСКОГО КРАЕВЕДЕНИЯ: 1860-е – 1910-е годы

Рассматриваемый в этой главе нашей работы период развития исторического краеведения располагается между двумя революция-ми, радикально менявшими устои и внешний облик русской жизни. Великие реформы третьей четверти позапрошлого века вывели Россию на европейскую колею рыночного капитализма, а октябрьский переворот 1917 г. и последовавшая за ним Гражданская война “пере-ключили стрелку” исторической магистрали по направлению к тоталитаризации общественной жизни, радикальной ломке прежних традиций отечественной культуры. Так что если рассматривать период 1860-х–1910-х гг. по сравнению с предшествующим ему феодально-патриархальным периодом или же с последующей социалистической реконструкцией, то перед нами окажется действительно своего рода “золотой век” жизни и деятельности русских историков, профессо-налов и любителей, их объединений и организаций по дальнейшему освоению памятников старины. Ведь в эти десятилетия отмечается устойчивый рост историко-археологической культуры России — в отношении раскопок, музеев, архивов, научных изданий, подготовки кадров специалистов и т.п. страна выходила на европейский, между-народный уровень. Разумеется, достижения на ниве исторического просвещения, особенно в провинции, и тогда дались не сразу и не обходились без серьёзных трудностей, упущений и даже провалов. Но всё-таки именно в те времена оказались заложены и развиты лучшие традиции объективного, комплексного и своевременного изуче-ния отечественных древностей, которые то поддерживались и пре-умножались, то игнорировались, то грубо нарушались в дальнейшем, вплоть до наших дней.

§ 1. Просвещение читающей публики: историко-археологические сюжеты на страницах губернской периодики

“Газеты — важное дело”, — заявил после прихода к власти Бонапарт своему министру полиции Фуше и распорядился закрыть 69 газет из 73, выходивших тогда в Париже. Сохраненные 4 превра-тились в сугубо официозные органы наполеоновской империи.

В России того, да и последующего времени периодических изданий насчитывалось куда меньше, чем в Западной Европе. Особенно отставала по части прессы наша провинция. Образец Курска и на сей счет предельно типичен — *первая* и долго, более полувека единственная здесь *газета* — “Губернские ведомости” (КГВ) — начала издаваться только с 1839 г. [1]. На протяжении нескольких лет она состояла лишь из официальной части — административных объявлений всех рангов и хозяйственно-экономических справок (вроде рыночных цен на основные товары местного рынка или других предметов купли-продажи). Затем к этому прибавились ещё несколько страниц — так называемая неофициальная часть. Её более разнообразное содержание, впрочем, оказалось и всегда оставалось достаточно аморфным: театральные концерты репортажи о гастролях приезжих артистов, светская хроника дворянских балов, полезные советы на разные случаи семейно-домашней жизни и огородно-садовых работ, умеренно “жареные факты” всякого рода происшествий — природных и общественных; наконец, научно-популярные материалы по естествознанию и, что особенно важно для рассматриваемой темы, истории и прочим отраслям гуманитарного знания.

Пропорции того, другого, пятого и десятого в губернской газете во многом зависели от энергии и способностей её редакторов. Они менялись довольно часто — видимо, материальные выгоды и степень престижности этой службы не слишком окупали журналистско-типографские хлопоты и особенно постоянную опасность проштрафиться перед начальством, напечатав не то или не так, как тому хотелось бы. Как правило, редакторство совмещалось с другим постом в губернской администрации или учительской должностью. На счастье читателей (и историков региональной журналистики), во главе КГВ несколько раз оказывались способные публицисты, не лишённые исследовательской жилки, а в том числе — талантливые краеведы, энтузиасты местной старины.

Их когорту открывает *А.А. Головащенко*. Рекордный срок — с 1850 по 1865 гг. он редактировал КГВ и буквально наводнил их своими и чужими заметками и статьями по истории, этнографии, искусству и остальной культуре, отдавая предпочтение курским сюжетам. Принадлежащий его перу сводный опус — “*Краткий исторический обзор Курской губернии*” [2] — неоднороден. Местами изложение там ведётся донельзя наивно, в духе ранней — XVIII в. историографии, т.е. в полуветеринарном стиле, если не сказать баснословном духе. Но там же то и дело встречаются и очень прозорливые догадки, и новые по тем временам факты. Определённую пользу имела тогда и сохраняла впоследствии сама добросовестная компиляция всех упоминаний о Курске и курянах из работ представителей нескольких поколений историков Отечества — В.Н. Татищева, Г. Миллера, А.-Л. Шлёцера, П.Г. Устрялова, Н.А. Полевого,

Н.М. Карамзина, М.П. Погодина, В.В. Пассека, Ф. Крузе, И.Д. Беляева, П.А. Щекатова, С.М. Соловьёва. Еще перспективнее для исторического краеведения оказалось привлечение к этой историографической сводке первоисточниковых отзывов византийских и арабских авторов, русских летописей о восточнославянском объединении северян, населявших Курское Посеймье на рубеже I и II тыс. н. э. [3].

В результате первоначальный Курск в общем правильно рассматривается А.А. Головащенко как перевалочный пункт международной торговли своей эпохи, “откуда легко можно было отправлять товары на север по Оке и на юг по Десне” [4]. Встречаются у этого автора даже оригинальные археологические параллели к письменным источникам, что по тем временам было большой редкостью для исторических сочинений. Это, скажем, упоминание “княжьего городка” в Путивле, на обрывистой скале над Сеймом; догадка насчёт летописной Рахни, откуда угнали у князей Ольговичей, Игоря и Святослава четырехтысячный табун лошадей, — “Не нынешняя ли река Рать?” (действительно весьма примечательная историко-археологически [5]); т.п. разумные предположения.

Помимо всего прочего, Головащенко сочинил *первый биографический очерк* прославившегося по всей России астронома-самоучки *Фёдора Алексеевича Семёнова (1794 – 1860)*. Из этого своеобразного “протографа” в дальнейшем заимствовали фактический материал журналисты и краеведы, периодически сочинявшие статьи и брошюры о знаменитом земляке. Та же самая историографическая участь ждала выполненное этим же автором описание Коренной ярмарки [6].

Для изучаемой нами темы показательным знакомством открытого первой местной газетой героя естествознания и просвещения с курским же купеческим сыном *Николаем Алексеевичем Полевым*, в свою очередь ставшим знаменитым на всю страну литератором, историком, издателем [7]. А поначалу служившего в скромной роли правителя коммерческой конторы курского купца (средней руки) А.П. Баушева. “Покойный Н.А., — вспоминал журналист, — свободное от коммерческих занятий время посвящал литературе и истории и с особенным удовольствием передавал Ф.А. всё новое. Часто целые ночи проходили у них в разговорах о науке и искусствах и аналитически точный ум Ф.А. неоднократно останавливал пылкое поэтическое воображение Н.А.” [8].

Как видно из соответствующей работы А.А. Головащенко, годы жизни Н.А. Полевого в Курске — 1813 – 1820 — не прошли даром для расцвета научного и писательского таланта этого историка русского народа. Хотя отсутствие систематической подготовки по части методики исторического исследования, которую, конечно, не могли заменить курские посиделки с талантливейшим астрономом-самоучкой, в свою очередь могло сказаться на негативных сторонах его учёной репутации и

рекордном количестве критических нападок на его весьма своеобразную “Историю русского народа” [9].

Что касается Ф.А. Семёнова, то при очень широком круге его интересов и увлечений в области естествознания и техники, он ниче-го не написал по историческому краеведению, что, видимо, вполне понятно. Однако сама по себе фигура провинциального астронома, к суждениям которого прислушиваются коллеги-академики в Петер-бурге и Париже, оказалась настолько колоритной [10], что косвенно повлияла и на гуманитарные занятия его земляков. Можно полагать, что удивительный пример Ф.А. Семёнова способствовал тому, что в российской провинции середины прошлого века и последующих вре-мён стали с несколько большим пониманием и уважением относиться к любительским занятиям отдельных земляков науками, журналисти-кой, краеведением.

Литературные способности, деловая хватка и податливость начальственной воле у редактора А.А. Головашенко в конце концов удостоились награды в виде более высокой должности, но с перево-дом из Курска в Астрахань [11]. После чего поток краеведческих публикаций в КГВ заметно и надолго оскудел. По-видимому, сказал-ся не только образовавшийся дефицит краеведческих кадров, но и обще-государственный дух консервативных контрреформ 1880-х – 90-х гг., когда власти на местах особенно рьяно перестраховывались, за-жимая просветительскую журналистику в угоду сплошному и кон-довому официозу. Сменявшие друг друга в среднем через год-другой редакторы губернской газеты ничем особенным на поприще истори-ческого краеведения себя не проявили: И. Бесядовский, Н. Арендт, К.И. Удовиченко, А. Иванов, А. Островский, В. Кривцов, Никифо-ров, Федоров, С.Н. Бельченко, Толмачев, Холодов, Н. Зайцев, С.П. Корнилов, А.И. Попов и ряд других. Приятное для нынешнего исто-рика и археолога исключение составляют два имени этого ряда.

Первое — *Анатолий Алексеевич Танков (1856 – 1930)*. Перед нами самый плодовитый и едва ли не самый способный историк Кур-ска дореволюционного периода. Он редактировал КГВ два раза — в 1888–90 и 1905–07 гг., т.е. в очень сложных общественно-политиче-ских условиях. Этот редактор вновь заполнил страницы губернской газеты любопытными очерками по истории края, в большинстве слу-чаев собственного сочинения. Причём с его авторским и редактор-ским участием источники краеведческих разысканий стали разнооб-разнее, документальнее; отношение к ним критичнее, объективнее; а слог изложения не столь казённым, как прежде.

А.А. Танков писал, казалось, обо всём на свете: курских эле-ментах “Слова о полку Игореве” и колонизации Посеймья предками здешних крестьян; участии курян в Отечественной войне 1812 г. и Крымской

кампании; начале губернского дворянства и декабристах из его среды; зарождении Коренной ярмарки и отмене крепостного права в губернии; первых пожарных командах здесь же и т.д., и т.п. Пожелательные ныне номера КГВ за периоды его редакторства — истинный кладёз сведений для любителя краеведения, как и комп-лект “Ведомостей” головашенковкого периода. Их заметки не раз и не два пересказывались, чаще всего без ссылок на авторов, совет-скими краеведами всех поколений, авторами нескольких учебных по-собий по истории Курского края.

А с 1893 по 1898 гг. КГВ редактировал другой неординарный человек, талантливый краевед — *Тит Иоильевич Вержбицкий (1845–1899)*. Не получив по бедности родителей даже гимназического образования, он сделал чиновничью карьеру по ведомству министерства внутренних дел. Начав со скромной должности судебного пристава, закончивал службу полицмейстером Курска, а затем советником губернского правления и шефа КГВ. Свою коллекцию случайных археологических находок и старинных рукописей, скупленных за годы жизни в Курске, просвещённый чиновник пожертвовал музею древ-ностей при Киевской духовной академии .

Кроме губернской периодики, А.А. Танков и Т.И. Вержбицкий не раз публиковались в центральной — газетах и журналах Петер-бурга, Москвы, Киева, Харькова. Во многом благодаря этим их пуб-ликациям курские сюжеты и персоналии отечественной истории — от Феодосия Печерского и Г.И. Шелихова до И.Ф. Богдановича и Ф.А. Семёнова получили всероссийскую известность.

Чтобы по достоинству оценить краеведческие труды провинци-альных газетчиков того периода, необходимо принять в расчет сле-дующие обстоятельства. В пред- и пореформенной России *газетные статьи* играли куда большую роль *в структуре информационных ком-муникаций*, особенно в области гуманитарного знания, нежели впо-следствии и тем более сейчас. Научных монографий, как и популяр-ных брошюр, журналов, календарей, вообще книжного товара в про-шлом веке печаталось мало и почти всё — в столицах, старой и но-вой. Некоторые провинциалы выписывали кое-что из московской да петербургской периодики, но сами публиковались на её страницах скорее в виде исключения (как только что упоминавшиеся курские корреспонденты “Исторического вестника”, “Живой старины”, “Рус-ских ведомостей”, “Древней и Новой России”, “Киевской старины” и т.п. изданий). “Губернские ведомости”, таким образом, оказывали-сь главным (а вплоть до 1890-х гг. практически единственным, пока не начали выходить газетки, издаваемые частными лицами в коммер-ческих и политических целях, — вроде “Курской газеты”, “Курско-го листка объявлений” и т.д.). печатным

органом для представителей исторического краеведения тех времён на местах (Если не считать “Епархиальных известий”, чей круг авторов и читателей оставался почти исключительно церковным).

В неофициальной части губернских газет помещались тогда “преимущественно исторические, статистические и топографические сведения, достопримечательные происшествия, необыкновенные явления природы, новейшие открытия по части наук, искусств и художеств...”, “относящиеся более или менее до местности” [12] данной губернии. Эти страницы толстой, грубоватой на ощупь бумаги заполняли прежде всего перепечатки из столичных изданий (включая вполне академические по меркам своего времени статьи видных историков и археологов, сообщения об их работах). На втором месте по численности стояли пробы пера местных любителей и изыскателей старины. В итоге пухлые подшивки “Губернских ведомостей”, включая курские, стали немаловажным источником разнообразной информации по истории, археологии, этнологии и географии отдельных регионов России.

К сожалению, историографически этот материал освоен ещё совершенно недостаточно. Из провинциальной периодики, как уже отмечалось нами, всегда извлекалось много фактических данных, особенно позднейшими авторами, однако подобающих оценок места и роли этого источника гуманитарных знаний в становлении отечественной науки и культуры долго не выносилось. Над рассматриваемой темой витали поспешное обобщение, поверхностное представление о некой вторичности, незначительности газетного материала по сравнению с текстами представителей профессорско-университетской корпорации, опубликованными в академических изданиях. В источниковедческой литературе встречаются уничижительные отзывы насчёт “Губернских ведомостей”: будто бы “обычно в них печатались распоряжения свыше, распоряжения губернского начальства, объявления. Жизнь края на их страницах почти не находила отражения” [13].

Но пенять на журналистское зеркало прошлой жизни неблагоприятно. Тем более, что двести и даже сто лет назад разница между наукой и публицистикой, исследователем и журналистом, учёным и краеведом была не столь резкой, как ныне. Да и в любую пору нельзя закрывать глаза на каналы взаимосвязи теории и жизни, гуманитарной науки и общественного сознания. Историк, а тем более краевед пишут не только для сравнительно узкого кружка коллег, но и для относительно (в разные периоды по-разному) широкого круга читателей. Тем более в России, породившей во многом неповторимый на Западе и на Востоке феномен интеллигенции с её духовными запросами, нравственными исканиями, обращениями к народу. Статьи на исторические темы всегда находили своего читателя — так или иначе образованного или по крайней мере

грамотного, любознательного представителя того или иного сословия, поколения, места проживания.

Вполне закономерно, что вслед за специальными историографическими анализами исторических журналов России [14] появились, наконец, соответствующие разборы газетных фондов, правда, пока что географически и хронологически локальные по выборке [15]. Простудировав по возможности все публикации КГВ на предмет содержащихся в них сведений о различных древностях [16], возможно внести определённую лепту в изучение темы: *“История и археология России в зеркале губернской периодики”*.

Археологии (причём сразу первобытной, менее всего разработанной в ту пору даже в Западной Европе), на газетные полосы проложили в курской провинции путь *палеонтологические материалы*, время от времени помещаемые в “Губернских ведомостях” с самого начала их существования. Ещё в 1839 г., только начав выходить, КГВ печатают сообщение “О найденном близ города Щигров мамонтовом зубе” [17]. А в 1850 г. некий инженер-капитан *Валериан Александрович Киприянов* выступил на страницах газеты с весьма полной и вполне научной для того периода сводкой “Геогностическое обозрение пространства между Орлом и Курском” [18]. В кабинете ископаемых редкостей, которые собирал автор статьи, помимо минералов и прочих геологических экспонатов, были представлены окаменевшие (“фоссильные”) зубы и другие кости “допотопных существ”, найденных на вышеозначенной территории. Её он лично исходил в геологических экскурсиях (причём, что характерно для наметившейся тогда научной специализации и вообще пафоса естествознания в духе тургеневского Базарова, не упоминает ни слова о несомненно встречавшихся на его путях городищах и курганах. Между тем, местные жители, простые крестьяне эти памятники прекрасно знали и понимали, в принципе, верно — см. первую главу диссертации).

Киприянов состоял членом Московского общества испытателей природы и переписывался с секретарем этого общества К.Ф. Рулье. Этот знаменитый натуралист, вероятно, и подал курскому любителю науки добрый пример газетных популяризаций естествознания — в 1847 г. профессор Рулье опубликовал в “Московском городском листке” “литологическое описание московских песчаников”. Тут надобно отметить, что так называемая натуральная история за первую половину XIX в. обрела особенную популярность и в академических кругах, и в глазах широкой читающей публики. Крен умонастроений русского образованного общества в область природоведения был связан, должно быть с общим ходом частичной секуляризации, вообще рационализации общественного сознания; медленной, но верной вестернизацией городской жизни и быта. Среди дворянства расло увлечение садово-

парковой архитектурой, усадьбы превращаются в некие модели окультуренного мироздания. Естественнонаучные данные всё активнее переструктурируют гуманитарное сознание в духе философского пантеизма, гармонии и величия сущего Космоса. Соответствующие идейные веяния из университетских центров irradiировали в российскую провинцию и началу великих реформ русского общества его интеллектуалы уже довольно широко пропитались духом классического рационализма.

Тему “Об ископаемых в Курской губернии” [19] подхватил другой курянин — гимназический врач *Владимир Константинович Гутцейт*. Его толковые очерки на сей счет в КГВ привлекли “благо-склонное внимание господ академиков Эйхвальда и Гельфсона, профессоров Гибельса, Клауса и Рулье” из Петербурга и Москвы. Этим столичным авторитетам он отправлял на показ свои геологические находки, пользовался их консультациями. Однако курский любитель естествознания на казалось бы политически вполне невинном поприще этого последнего сумел проявить опасную для себя и даже не только для одного себя инициативу.

Его предшественник и напарник Киприянов, отмечая мимоходом “остатки огромных первозданных слонов” — мамонтов в Курской земле, не сопоставлял времени их жизни и обстоятельств гибели с историей людей. Гутцейт оказался любознательнее, логичнее и, должно быть, смелее. Найденные в селе Посошкове и некоторых других местах губернии зоологические окаменелости — зубы, ребра, позвонки значительной величины, необычной конфигурации им “относятся к некоторым родам огромных ящеров и акул, обитавших берега и глубины морей, которые в доисторические времена покрывали своими водами и нашу губернию” [20], — объяснял просвещённый медик православной публике, воспитанной на Ветхом завете с его семью днями творения мира Богом-Саваофом из первоначального хаоса. А “у нас, в Курской губернии, — с энтузиазмом добавлял учитель, — из четвероногих [ископаемых — С.Щ.] более всего найдены слоны (мамонты) и носороги” [21]. В палеонтологических сборах Гутцейта оказалось довольно много разной величины обломков мамонтовых костей — бедренных, берцовых, плечных, лопаточных, челюстных; шейных, хребтовых позвонков; зубов и бивней. Забегая вперёд, заметим: читай будущие археологи — искатели следов палеолита на курской земле затерянные в “Губернских ведомостях” публикации Гутцейта, они бы нашли эти следы куда быстрее и увереннее, чем это случилось уже в начале XX в., а затем повторно в 1930-е гг.

Полбеда, пока курский натуралист вёл речь о “первозданных слонах Старого света”. Неудача вышла с его дерзким по тогдашним русским условиям выводом о появлении человека на Земле позже этих ископаемых

зверей. “Остатки человека не встречаются ... даже в собственно третичных почвах, а попадают в новейших наносах. Следовательно, ... человек явился на свет как самое позднейшее из творений, около 7000 лет до нашего времени, т.е. вообще после осаждения тех слоев земной поверхности, в которых погребены ископаемые. И так возраст этих последних превышает в самых высших слоях третичного периода вообще 7000 лет, или по крайней мере 5000 лет, считая от эпохи библейского потопа, происшедшего, как надо полагать, от воздымания горных систем Средней Азии” [22].

Последнее предложение в процитированном отрывке из статьи Гутцейта в том экземпляре газеты, что хранится в ГАКО, вычеркнуто теми же чёрными чернилами, какими в данной подшивке начертаны редакторские визы: “Печатать”, “Утверждается”, “Вице-губернатор”.

Кроме богословски сомнительных рассуждений о возрасте ископаемых животных, исполнявший обязанности цензора снял (как видно по таким же чернильным зачеркиваниям в редакционном экземпляре газеты) пассаж самодеятельного геолога-экскурсанта насчёт курских “копачей” — добывателей строительного песчаника-”само-рода” из пригородной деревни Поповки (ныне расположенной на городской черте областного центра). Эти рискованные мужики, опасаясь обвалов в их глубоких и извилистых выработках по высокой террасе над рекою Тускарью, старались спускаться туда как можно реже, только при острой нужде в денежном приработке. Оправданием же безделья перед жёнами им безотказно служили многочисленные церковные праздники. “Так курчанин и на основании религиозных начал умеет поощрить свою леность ...” [23] — и эту фразу губерн-ский блюститель печати посчитал крамольной, убрал её из наборного оттиска. Между прочим, под самодельные светильники курские “копачи” нередко использовали окаменевшие раковины или акульи позвонки, попадавшие им в выбираемом на пути к твёрдому желез-няку мягком мергеле.

Однако предусмотрительные поправки местного наблюдателя за благонамеренностью губернской газеты в данном случае оказались недостаточны. Хотя прямых выпадов против библейской версии сотворения первого человека Адама Богом Киприянов и Гутцейт не допускали, но они на весомых примерах конкретных находок демонстрировали сложную эволюцию растений и животных по вполне естественным законам (хотя приводимая ими периодизация геологи-ческих периодов генезиса флоры и фауны Земли и отличалась от той, что утвердилась потом в науке). Игнорирования ветхозаветного мифа оказалось достаточно для того, чтобы уже через два месяца петербургский комитет по делам печати под председательством Д.И. Бутурлина (вскоре скончавшегося), координировавший с 1848 г. цензуру по всей стране,

забил тревогу. 27 июня 1850 г. министр внут-ренних дел граф Л.А. Перовский конфиденциально писал по поводу рассматриваемой публикации министру народного просвещения князю П.А. Ширинскому-Шихматову: “... Не входя в рассмотрение этой статьи с точки зрения науки, остановимся на ней собственно как на статье популярной (так называет её сам автор на стр. 146) и поме-щённой в “Губернских ведомостях”; рассматривая же её в сих видах, не мог не обратить внимания, что в ней мироздание и образование нашей планеты и само появление на Земле человека изображаются и объясняются по понятиям некоторых геологов, вовсе не согласных с космологиею Моисея в его книге Бытия.

Это замечание навело комитет на мысль, что в предупреждение печатания в “Губернских ведомостях” статей, подобной рассматри-ваемой ныне, и вообще требующих или высших соображений, или особых специальных познаний, может быть, полезно было бы неофи-циальную часть сих “Ведомостей” подчинить, вместо теперешнего просмотра одним губернским начальством, общей цензуре, а в нуж-ных случаях, и рассмотрению учебного начальства” [24].

Ширинский (недаром названный А.С. Пушкиным в известной эпиграмме одним из “тройки супостатов уму”) моментально согла-сился с бдительным царедворцем Перовским и предложил там, где нет специальных учреждений цензуры, возложить её функции на училищных чиновников, т.е. губернских педагогов, в основном гим-назических. В марте 1851 г. этот проект был одобрен комитетом ми-нистров и “высочайше” утвержден Николаем I . Цензурная сеть ещё гуще окутала Российскую Империю. Под недреманное око храните-лей “самодержавия, православия и народности” попала ещё и неофи-циальная часть “Губернских ведомостей” — в то время, напомним, единственных газет, издаваемых в российской провинции. Так вер-хушка бюрократической пирамиды государства отреагировала на по-пулярную статью скромного любителя естествознания из достаточно захолустного Курска.

Переход от подобных гонений на передовую науку и просвеще-ние к официальному сбору древностей эпохи камня — частная, но показательная примета вынужденных реформ русского общества в 1860-е – 70-е гг. После чего уже мог А.К. Толстой в публичном “Послании к М.Н. Лонгинову о дарвинизме” заявить:

“Всход наук не в нашей власти,
Мы их зёрна только сеем;
И Коперник ведь отчасти
Разошёлся с Моисеем. ...
Способ, как творил создатель,
Что считал он боле кстати —
Знать не может председатель

Комитета о печати” [25].

Попутно оговорим, что в Льве Алексеевиче Перовском (умер в 1856 г.) на основании цензурного эпизода с Гутцейтом не стоит видеть заурядного реакционера, каких всегда немало толпилось у российского трона. Этот сановник организационно обеспечил начало крупномасштабных археологических раскопок в нашей стране, зачислив в свою свиту с такими полномочиями графа А.С. Уварова и обеспечив казёнными средствами его первые экспедиции. Помимо прочего, перед нами дядя и заботливый опекун будущего великого писателя А.К. Толстого, который только что был нами цитирован.

Да и в описанном случае с курскими натуралистами особых репрессий к виновникам общегосударственного преполоха применено, судя по всему, не было. Гутцейт продолжал служить какое-то время в Курске (формулярного списка этого медика в соответствующих фондах ГАКО нам отыскать, к сожалению, не удалось). Его статью о климате и заболеваниях в Курской губернии опубликовал “Русский медицинский журнал” на немецком языке [26] — орган Дерптского университета, питомцем коего, по всей вероятности, являлся Гутцейт, волею своего характера и судьбы пробивший первую брешь в российской цензуре на внебиблейские представления о начале человеческой истории [27].

Кроме статей, Киприянов и Гутцейт совместно сделали в КГВ “учёное объявление” (адресуясь прежде всего к “господам помещикам”) с просьбой передавать в их коллекцию или просто на определение ископаемые окаменелости. “Курская губерния, — поясняли энтузиасты естественнонаучного краеведения, — заключающая в недрах своих замечательное богатство органических остатков первобытного мира, никем еще до сих пор не была исследована с должным вниманием ... в отношении этой любопытной отрасли естествознания” [28].

К сожалению, особенно интересные для темы настоящего исследования археологические моменты палеонтологии — кремнёвые орудия и прочие вещественные следы сосуществования человека и мамонта в бассейне Сейма — остались поначалу вне внимания курских любителей старины, на чьей земле уже в первые годы следующего, XX века оказались случайно обнаружены богатые подобными находками стоянки первобытных людей не то что 7000, как предполагал Гутцейт, но и 20000-летней давности [29]. В той коллекции ископаемых и минералов, что накапливалась всю вторую половину прошлого века в курской гимназии, палеолитические материалы, судя по сохранившимся каталогам, отсутствовали [30]. Нет их и среди случайных находок четвертичной фауны, попадавших из Курска в центральные научные учреждения того времени [31].

Тем не менее, собственно геологическими материалами из Курска их собиратели распорядились как нельзя лучше. Среди экспонатов, с которых наш выдающийся геолог А.А. Иностранцев начинал создание геологического кабинета (в будущем музея) Петербургского университета, он упоминает “довольно значительную коллекцию, подаренную Университету Киприяновым. Это окаменелости северского [т.е. собранного на территории Северской земли на Левобережье Днепра — С.Щ.] остеолита (фосфорита)...” [32]. Как видно отсюда, курские находки Киприянова оказались сохранены для науки несмотря на вспышку цензурного произвола.

Кроме собственно внутринаучной ситуации с достаточно туманными тогда представлениями о древнейшем человеке, в особенности на территории нашей страны, на провинциальные умы в то время явно влияли социокультурные факторы. Эти последние результировались в виде ужесточенной цензуры, в том числе той, что называется внутренней для самого человека. После случая с оскандалившейся статьей Гутцейта курские педагоги даже естественную историю (т.е. начала естествознания) клонили “к возбуждению религиозного чувства” (как учитель ботаники А.М. Мизгер докладывал директору училищ губернии Д.Г. Жаворонкову [33]). Если при этом учесть реконструированную А.А. Формозовым обстановку с открытием палеолита в России [34], то можно с достаточной долей уверенности пожалеть об упущенном курянами приоритете по этой части археологии. Первое поселение эпохи камня было разведано в Европейской России в 1873 г. у с. Гонцы по соседству с Курщиной — на Украине.

Хотя полицейских мер против газеты в итоге описанной истории принимать вроде бы не стали, устную нахлобучку ее редактор очевидно получил. Это заметно по изменениям в содержании неофициальной части его “Ведомостей”. Ещё в марте 1850 г., до “гутцейтовской истории” А.А. Головашенко пропускал в печать сомнительные с библейской точки зрения естественнонаучные материалы. Так, даже в таком внешне идеологически невинном очерке, как “История и физиология лошади”, редактор неосторожно сталкивал науку и религию. Дескать, “допотопное существование этого животного доказывается окаменелыми конскими скелетами, находимыми в пластах Европы, Азии и Африки вместе со скелетами других четвероногих: бегемотов, слонов, носорогов, лосей и пр.” Тогда как “в книгах Моисея упоминается об одних только египетских лошадях ... за 1650 лет до Р.Х.” [35]. А уже в июне того же года тот же редактор спешно перепечатывает из ЖМНП статью некоего М. Хотинского “О системе мироздания”. В ней защищается “рассказ Боговдохновенного Повествователя, над которым еще так недавно

глумились вольно-думцы”; делается вывод о полном соответствии данных геологии и астрономии “истинам, преподанным нам Моисеем” [36].

Замаливая невольный грех с палентологией, “противной Мои-сею”, А.А. Головащенко со второй половины 1850 г. и до конца свое-го редакторства резко расширил на газетных страницах церковно-православную тематику. И первой с его лёгкой руки именно тогда пошла в широкий читательский оборот адаптированная журналистом *церковная история Знаменского монастыря и его главной святыни — Коренной иконы Богоматери Знамение*, обретенной курянами якобы в 1295 г. при “рыльском князе Шемяке” [37].

Найдись у Головащенко больше времени и желания, не будь он так напуган невольно допущенной на редакторском посту “крамо-лой”, он мог бы уточнить по изданным к его времени летописям, да и трудам историков, о каком из представителей княжеского рода Шемячичей допустимо вести речь в данном полуполюгендарном сюжете. Как известно, основоположник данной династической линии, князь звенигородский и галицкий Дмитрий Юрьевич Большой, прозванный Шемякой (очевидно, за высокий рост и физическую силу — дескать, был способен любому намять шею), — активный участник между-усобной войны на Руси XV в. Успев побывать великим князем Мо-сковским, он оказался отравлен в 1453 г. [38]. Поэтому физически не мог участвовать в событиях конца XIII в., да еще у юго-восточной Степи, о коих совершенно голословно заявляется постлетописной “Историей о городе Курске” и его чудотворной иконе. А вот сын Шемяки I — Иван Дмитриевич, бежавший в Литву от преследований со стороны великого князя Василия Васильевича в 1454 г., получил там от Казимира IV “в кормление” Рыльск и Новгород-Северский, куда “тянул” тогда и захиревший Курск [39]. Умер этот Иван Шемячич между 1471 и 1485 гг. Внук же упомянутого первым Ше-мяки — Василий Иванович, когда в Литве при короле Александре усилились гонения на православие, возвращается со своим рыльским уделом на службу Москве с 1500 г. Однако московский князь Иван III, возведя и на этого Шемячича обвинение в изменнической связи с Литвой, вызвал его к себе в столицу и заключил в тюрьму, где он и скончался “заточником” в 1529 г.

Именно на то время пришёлся, между прочим, “девятый вал” набегов из образованной как раз тогда Крымской Орды на Литву и Русь. Поминаемый курской повестью о чудотворной иконе иконе рыльский поп Боголюб (имя которого отдаёт былинным духом), вполне мог быть пленён, но *крымскими* татарами; именно при хане Менгли-Гирее, враге Казимира IV (1440 – 1492) и союзнике московского князя Ивана III. От двора этого последнего в Крым отряжалось не-мало посольств для заключения и продления мирных договоров. Кем-то из этих русских послов — боярином Беклемишевым, князьями Ромодановским, Шеиным, Ноздреватым или

другими действительно мог быть выкуплен из крымской неволи означенный Боголюб или его жизненный прототип. Между прочим, в одной из грамот, посланных Иваном III Менгли-Гирею, — за 1487 г., в качестве места встречи крымского и московского послов предлагается “Курское городище”, что “на Семи, ниже Гусина брода, на усть Ревута реки” [40]. По археологическим данным, здесь действительно существовало сравнительно позднее, явно не домонгольское укрепление. Скорее всего, именно пограничная “сторожа” Московского государства. Так что последняя четверть XV в., судя по приведенным фактам, документальным и археологическим, — вот самая ранняя *возможность* про-изойти тем событиям, что эпически бездоказательно сообщаются всеми рассказами о Коренной иконе и одноименном монастыре в Кур-ске.

Сохранить же все отмеченные реалии XV–XVI вв., а саму на-ходку чудесной иконы сдвинуть на два века назад, в прошлое — ко временам батыева нашествия, мог только человек, совершенно не-знакомый с отечественной историей, т.е. попросту говоря, малогра-мотный, или же сознательно ею пренебрегший. В случае с кающим-ся в антибиблейской “крамоле” историком-любителем А.А. Голова-шенко позволительно предположить только второе.

Как видно из приведённой, доступной любому гимназисту справки, именно и только во второй половине XV – начале XVI сто-летия *могли* произойти события, послужившие предпосылкой “Пове-сти о граде Курске” (иные названия данного памятника: “Сказание о Курской иконе Знамения Богородицы”; “Курский летописец”). А.А. Головащенко, первым сообщивший об этом произведении широкой публике со страниц губернской газеты, вполне мог бы сопроводить эту публикацию нехитрой текстологической справкой (таковые не за-медлили появиться, причём в самих церковных изданиях [41], о ко-торых речь пойдёт ниже в этой, а также в VIII главе диссертации). А именно, повесть о Коренной реликвии относится к жанру постлето-писных сочинений, посвященных чудотворным иконам, что оказали-сь найдены и особочтимы в разных областях страны. Курская пове-сть дошла до нас в нескольких списках (сегодня известно восе-мь); они различаются между собой во многих моментах изложения. Их сравнение позволяет предположить, что самая пространная ре-дакция памятника составлена в 60-е гг. XVII в.; явно жителем Кур-ска; скорее всего, одним из служителей Знаменского монастыря, имевшим доступ к его архивам [42].

Весьма показательны те примечания, которыми сопровождалась последующая перепечатка обсуждаемой легенды в “Курских епархи-альных ведомостях” (КЕВ), правда, уже за 1912 г. — не только пореформенный, но и послереволюционный. Оставшийся анонимным автор (судя по стилю и тематике этих очерков — преподаватель Кур-ской

духовной семинарии Н.П. Сенаторский, о котором речь пойдёт ниже, в главах VIII–IX), сам явно из церковной среды, тем не менее проявлял по обсуждаемому сюжету разумный объективизм: “Если бы 1295 г. подлинно был годом явления Курской иконы Божией Матери, то он значился бы во всех рукописных списках “Повести”, трактующей об этом явлении. В действительности оный год не отмечен в нескольких списках “Повести” [ранних, а также поздних, но составленных вне Курска — С.Щ.], по крайней мере его не имеется в тех из них, коими пользовался автор. В них лишь неопределённо указывается монгольская эпоха, как время сего события. Правдоподобным посему является предположение об интерполяции [т.е. позднейшей вставке — С.Щ.] в “Повести” 1295 г. Тем более, что последний стоит в непримиримом противоречии с помещенным в ней же рассказом о рыльском князе Шемяке (вернее Шемячиче), как современнике чудесного обретения Курской иконы Знамения. ... Столь же несостоятельны в историческом отношении сообщаемые ею сведения о Св. митрополите Петре, [якобы] просиявшем иноческими подвигами под Курском, на реке Рати, и основавшем там монастырь, или же о восстановлении Курска царём Федором Ивановичем по религиозным соображениям. ... К восстановлению Курска сего благочестивого царя побудило не религиозное чувство, а соображения государственного характера; об основании же митрополитом Петром Ратского монастыря на Волыни, а не под Курском, согласно говорят все церковные и гражданские историки. ... Автор “Повести” был курянин и жил в XVII в. Можно предположить, что он умер после 1675 г., потому что в некоторых списках “повести” рассказывается ещё о чуде, бывшем в этом году” [43].

Как было видно любому непредубежденному читателю курской прессы, процитированные замечания церковного историка вполне резонны и всё в хронологии чудесной находки и её псевдолетописного описания расставляют по своим местам. Однако благочестивое сознание многих верующих православных и тем более корпоративные мотивы большинства церковных идеологов герметичны по отношению к историческим фактам и логическим аргументам. С легкой руки Головашенко произвольный домысел кого-то из курских монахов — хроникёров Знаменского монастыря получил в глазах многих краеведов, включая советских, статус первоисточника и благополучно просуществовал до наших дней [44].

Рассмотренный в связи с началом курской краеведческой журналистики вопрос носит не частный, а весьма показательный для судеб провинциальной науки и культуры характер. Ведь *церковно-исторические сюжеты* — первостепенной важности тема для дореволюционного официоза в периодике. Для исторической науки существенно, что некоторые публикации такого рода в тогдашних газетах как единственных

печатных органах губернии основывались на кон-систорских, храмовых, монастырских и личных архивах XVIII–XIX вв., далеко не все из которых сохранились до наших дней. Сошлём-ся для примера на такие статьи из КГВ, как: “Исторические сведения о храме Св. Спаса в Чернигове [древнейшем на всём Левобережье Днепра из сохранившихся каменных зданий древнерусской постройки]” П. Ленесича (1841. № 50); “Грамота о пожаловании живо-творящего креста в Новый Оскол” (1852. № 29); “Монастыри Кур-ской губернии” (1856. № 34–41, 48) и некоторые т.п. Хотя, надо признать, гораздо больше в этом тематическом горизонте провинци-альной периодики печаталось пустопорожних материалов, сфабрико-ванных явно для идеологической галочки.

Еще ярче, чем статьи по религиозно-церковной части, выражали охранительную, что называется рептильную сверхзадачу провинциальной прессы массовые публикации *в честь особ царствующего дома*. Каждый визит кого-то из дома Романовых в курские края, чаще всего транзитный, описывался местными борзописцами по горячим следам, а затем перепевался ретроспективно, особенно за те времена, когда своей газеты в крае ещё не было. Самым популярным, пожалуй, событием такого рода стал вояж “матушки” Екатерины II в южные губернии. На пути к “потёмкинским деревням” императрица в июле 1787 г. проезжала и Курск. Тогдашний предводитель курско-го дворянства А.И. Пузанов успел рассказать подробности высочай-шего визита своему сыну Н.А. Пузанову и тот 60 лет спустя этого события изложил их в серии статей [45]. В том же преувеличенно тор-жественном жанре выполнены были курские репортажи о поездках Александра I [46], Николая II [47], да и менее знаменитых особ царствующего дома.

Факты общения транзитных венценосцев с провинциальным обществом, представителями разных его сословий обрастали, как водится, массой легендарных деталей и *post factum* придуманных в монархическом рвении диалогов (вроде фразы Екатерины Великой о “добром крестьянине” — якобы жителе Казацкой слободы Курска, будто бы угостившем царицу вкусными грушами; или же разговора Николая II с курскими гимназистами). А чего стоит редакционный комментарий курской газеты к действительно примечательному для страны событию: когда к 700-летнему юбилею Москвы в 1847 г. было приурочено открытие первой железной дороги в стране — между старой столицей и новой, “Курские ведомости” писали: “То-лько в России можно творить такие чудеса, являть подвиги силы го-сударственной и воли, истинно исполинской!” [48]. Такого рода на-ивные, на первый взгляд, преувеличения похожи на периодически вспыхивавшую в нашей стране впоследствии “борьбу с космополи-тизмом”.

В том же панегирическом духе выдерживались и литературные портреты разновременных начальников Курской губернии — П.Н. Демидова, графа М.Н. Муравьева, П.А. Извольского, А.Н. Жедринского, Н.П. Бибикова, графа А.Д. Милютина; губернского предводителя дворянства П.А. Сонцова; т.п. чиновных персонажей, опубликованные в КГВ только за 1892–94 гг. Однако в силу того вклада, который эти сановники (кто больший, кто меньший) внесли в развитие губернской культуры, соответствующие статьи получили определённую историографическую ценность и сохраняют её по сей день. В советской “Истории города Курска” все без исключения его губернаторы именовались “царскими сатрапами”, для которых “характерна одна черта: раболепие перед вышестоящими властями и жестокый произвол и деспотизм по отношению к простому народу” [49]. Чтение старых газет, выходявших при этих “сатрапах”, не подтверждает столь огульного обвинения. В том числе по специально обсуждаемой нами части — одни из курских начальников действительно пренебрегали историческим краеведением, памятниками прошлого, зато другие помогали их охране и изучению достаточно результативно.

Ещё интереснее для истории отечественной культуры стали с годами *биографические очерки* о других курянах, не столь титулованных, как губернаторы и их ближайшее окружение, зато куда более известных за пределами сеймских берегов. Среди такого рода деятелей политики, литературы и искусства — поэт И.Ф. Богданович, нашедший последний приют на курском кладбище и удостоенный памятника тут же [50]; уже упоминавшийся нами выше астроном-самоучка, метеоролог и основатель библиотеки-читальни в Курске Ф.А. Семёнов; “Шамиль в Курске” [51]; мн. др.

Поскольку большинство фактов и оценок для такого рода публикаций черпалось их авторами из практически неархивируемых источников — личных наблюдений, записанных воспоминаний ветеранов, семейных документов, устных преданий народа, то соответствующие статьи местных “Ведомостей” впоследствии приобрели характер первоисточников и как таковые широко использовались исследователями и популяризаторами местной истории. Ведь в центральной печати курские подробности жизни выдающихся соотечественников, как правило, не отражались.

Несмотря на подчеркивавшийся всеми без исключения редакторами губернской газеты её благонамеренности в отношении властей предержащих, над КГВ всегда висел *дамоклов меч цензуры*. Что называется, обжигаясь, как в случае с В.К. Гутцейтом, на молоке, редакторы, даже в общем нечуждые либеральным поползновениям, предпочитали дуть и на воду. Сошлёмся на характерный эпизод. Со-

ставляя в конце прошлого века “Указатель важнейших статей” из КГВ предшествующего периода, эрудированнейший А.А. Танков “не заметил” те, каким-то образом пробравшиеся в печать исторические материалы, где мог быть усмотрен хоть какой-то намёк на оппозицию царскому режиму. Так, отмечая в № 9 за 1851 г. проходную корректуру новоскольского помещика Р. Кудрявцева “О посеве проса”, многоопытный и дотошный историк-краевед игнорировал опубликованный там же редкий документ: письмо Н. Рычкова князю Н.Б. Голицыну (курскому помещику) от 25 августа 1774 г. “О нападении разбойника Пугачёва на Царицын и принадлежащие к нему города”. Это ценное для историка свидетельство очевидца прислал в редакцию газеты из семейного архива некий господин Анфимов, “казначей губернской строительной и дорожной комиссии”. Из обнаруженного газетой документа выясняются важные детали, отсутствующие в пушкинской “Истории пугачевского бунта” и прочих изложениях тех же событий (скажем, наличие у пугачевцев своего речно-го флота). Публикуя в своё время сей манускрипт, тогдашний редактор А.А. Головащенко не преминул подчеркнуть “стремление просвещённого общества обнародовать исторические данные”, призывая обладателей старинных бумаг присылать их в редакцию для рассмотрения и выборочного печатания, с гарантией возврата оригиналов. Четверть века спустя его преемник и ревностный историк курского дворянства А.А. Танков убоился одного упоминания о пугачёвщине, как видно, в свете вершимой им чиновничьей карьеры (впрочем, так и не задавшейся).

Да и в более либеральные времена его предшественник на газетной стезе А.А. Головащенко и после гутцейтовской истории получал за краеведческую любознательность по редакторской шапке. В опубликованных КГВ за 1853 г. “собрании народных игр, загадок, анекдотов и присловий” жителей губернии оказались и такие, что иронизировали над православными попами и обрядами. На что цензурный комитет в Петербурге откликнулся ещё одним грозным циркуляром, предписывавшем всей российской прессе “отклонять на будущее время пропуск цензурой таких народных преданий, которыми нарушаются добрые нравы и может быть дан повод к легкомысленному или превратному суждению о предметах священных и которых сохранять в народной памяти через печать нет никакой пользы” [52].

Однако озорное желание цензуру обмануть, хотя бы не слишком серьёзным сюжетом, не раз ещё толкало курских редакторов и в особенности их корреспондентов на публикацию политически, идеологически двусмысленных “искорок местной старины”, что так разнообразили страницы “Губернских ведомостей”.

Публикации по археологии (в современном её понимании) за весь период издания КГВ довольно редки. В несколько лет раз-другой узнают

губернские читатели то о находке старинных монет в Обояни (1851. № 9), то познакомятся с очередной статейкой А.А. Танкова “Из истории края” в древнерусское время (1890. № 57); то прочтут поверхностный обзор курских древностей вообще (1888. № 66), то специально о “первобытных славянских племенах в городе Короче” по соображениям лично знакомого многим курским читателям газет помещика князя Н.Н. Голицына.

Николай Николаевич Голицын (1836 – 1893) — фигура для провинциальной археологии и истории пореформенного периода по своему типичная (или, как сейчас говорят, знаковая). К ней не применимы позднейшие, нынешние критерии разницы между дилетантами и любителями [53]. Лица с высшим, университетским образованием в губернском центре лет сто назад было раз в сто меньше, чем сейчас; а тех, кто занимался на студенческой скамье научной работой, но не остался на службе в столицах или университетских же городах, и того меньше; ну, а сохранивших после высшей школы вкус к словесности, академической или художественной, совсем-совсем мало. Их, чаще всего вторичные по содержанию, в общем компилятивные писания, будучи посвящены сюжетам региональным, выполненные по источникам местным, всё-таки в определённой мере способствовали развитию отечественной науки о древностях. Причём куда в большей степени, чем труды краеведов последующих времен, когда сама историческая наука шагнула далеко вперёд.

Н.Н. Голицын родился в слободе Михайловке Новооскольско-го уезда, где у одной из ветвей известного княжеского рода было имение. Начинать высшее образование на историко-филологическом факультете ближайшего к малой родине — Харьковского университета, но завершил образование по юридическому факультету университета Московского. Одно из его студенческих сочинений — “История княжества Псковского” (1858) удостоивалось золотой конкурсной медали. По окончании университета служил судебным следователем (что, между прочим, было связано с разъездами по разным уездам губернии и возможностью видеть воочию памятники археологии и архитектуры края). В 1862–1865 гг. мы находим его в составе Курского губернского статистического комитета (деятельности которого посвящена следующая глава книги). При его активном участии как составителя и редактора готовился к печати и выходил в свет первый выпуск “Трудов” комитета. Целый ряд историко-краеведческих очерков опубликовал он на страницах КГВ (самые интересные сегодня — о старинных монастырях Курской губернии), а также в московском “Временнике”. Ценность для исторической генеалогии представляет его последняя книга “Род князей Голицыных” (СПб., 1892). Кончина князя оказалась отмечена некрологами в центральных газетах и

журналах, почтивших общественную и научную деятельность губернского чиновника и историка-любителя [54].

Гораздо чаще, чем прямо археологические материалы, появлялись на страницах КГВ публикации по истории позднего Средневековья в России. На самые разные, многим читателям любопытные темы. Таким, скажем, как: анонимные очерки “О грамотах и ярлыках крымских ханов” (1841. № 52); “Музыкальные орудия древних русских войск”. 1844. № 6); “О древнем ямском учреждении в России” (1851. № 14–19); Р.И. (Игнатьева ?) “О полевой службе во времена царей московских” (1850. № 32–33); И.Е. Забелина “Придворные обряды и обычаи царей московских” (1847. № 16, 21), “Пышность двора Московского в XVII веке” (1845. № 17).

Последняя статья содержит, между прочим, следующий образчик чиновничьего подхода в историографии, коим, правду сказать, вообще грешил этот знаменитый историк и археолог: “Великолепие двора свидетельствует о богатстве народном, а богатство народа — доказательство государственного благоденствия”. Так что даже сугубая археология приносила официальной прессе некие идеологические дивиденды.

Самым важным, пожалуй, для исторического краеведения, достижением губернских журналистов оказались их спорадические обращения к такой тематике, как *местные документации источники*. Таким, например, как многочисленные публикации документов XVII – XVIII вв. А.И. Дмитриюковым (указанные в четвёртой главе диссертации) или же “Акты Курского края” тех же времен, извлечённые из архива М.М. Толстого и подготовленные к печати харьковским профессором Д.И. Багалеем (1897. № 64–67).

Начиная с рубежа 1850-х – 60-х гг. КГВ напечатали целый цикл пространных статей в своеобразном жанре “*Исторические и статистические материалы*” о Курской губернии в целом [55] и о большинстве её уездных городов — Путивле (1893. № 519), Льгове (1867. № 5), Новом Осколе (1867. № 5), Обояни (1867. № 6), Богатом (1867. № 11), Короче (1851. № 49–52), Мирополье и др. Большинство этих очерков анонимны. Как видно по стилю письма и содержанию, их компилировали сами редакторы или кто-то из близких им по жизни корреспондентов газеты, используя доступные широкому читателю общеисторические труды да устные рассказы пожилых земляков о предшествовавших царствованиях. Сыграв определённую роль в просвещении губернской и уездной публики насчёт обозримых и без углублённого источниковедения исторических корней малой родины, такого рода публикации со временем во многом потеряли научно-исследовательское значение.

Среди более оригинальных — за счёт привлечения свежих и труднодоступных для профессиональных историков местных источников,

архивных и этнографических, а также нетривиальных авторских наблюдений и выводов — выделим “Краткое историческое описание Белгорода”, выполненное А.С. Анненковым (1851. № 18).

Курская газета время от времени знакомила своих читателей с древностями (главным образом церковными) других губерний и их уездов — Московской, Рязанской, Черниговской и прочих [56].

По страницам губернской периодики хорошо прослеживается печальная *тенденция пренебрежения памятниками старины* со стороны властей предержавных, да и интеллигентной общественности. “Злоба дневи” всегда довлела над сознанием вечности в умах местных лидеров. Вот показательная картинка за 1908 г. Курская общественность берётся поддержать 200-летний юбилей Полтавской победы, приходящийся на следующий, 1909 г. По этому поводу городской управе и губернаторской администрации напомнили о пришедших в ветхость памятниках Петровской эпохи в Курске. Их осмотр выяснил, что косметическим ремонтом здесь не ограничиться: “Фундаменты памятников обратились в труху. Чтобы привести в порядок памятники, требуются солидные суммы, но у города средств нет. ... Обратились в Министерство внутренних дел [Это министерство, напомним многие материалы предыдущие главы нашей работы, по до-революционному законодательству прямо ведало, между прочим, и законной охраной исторических древностей — С.Щ.]. Но ответа не получено ...” [57]. Результат относительно означенной проблемы типичный.

Ни одному из длинной череды курских губернаторов не приходило в голову приложить хоть какие-то усилия, чтобы музеефицировать, как-то отметить, объяснить прохожим землякам и проезжему через Курск люду столь замечательные для русской культуры уголки подведомственной им земли, как детинец Курской крепости эпохи князя Игоря Святославича, “палаты воевод Ромодановских” или же Воробьёвская усадьба А.А. Фета, куда с начала XX в. стихийно потёк ручеек паломников. “Часто в усадьбу А.А. Фета приезжают осматривать целые компании коренско-пустыньских дачников. Гидом им служит садовник” [58].

Гораздо лучше обстояло у курян дело с изданием (а значит, по сути, — с сохранением) и изучением так называемой живой старины — древностей этнографических. Довольно рано (по общероссийским меркам) и с завидным постоянством, отменным качеством фиксации КГВ публиковали *этнографические “Материалы для описания Курской губернии”*. Начало этой тематической рубрики положил всё тот же А.А. Головашенко, напечатавший в 1850–51 гг. (и опять назло цензуре) записи слышанных им “уличных песен”, пословиц, поговорок и загадок, примет и поверий, заговоров, анекдотов и суеверий, особенностей просторечия курян “низших сословий”. Этнографическую линию в губернской

прессе уверенно продолжил А.И. Дмитриюков, о чём говорилось в предыдущей главе; а затем столь же авторитетные в академических кругах Петербурга и Моск-вы местные и приезжие фольклористы:

Алексей Степанович Машкин (отставной поручик, почётный попечитель Обоянских училищ);

Владимир Иванович Резанов (1867–1936) — выпускник Не-жинского лицея, затем учитель русского языка Курской гимназии, секретарь предводителя губернского дворянства, а впоследствии ставший профессором филологии Варшавского университета и автором нескольких авторитетных исследований крестьянских говоров Черноземья;

Михаил Георгиевич Халанский (1857–1910) — уроженец Щигровского уезда, выпускник Курского уездного училища, Белгородской духовной семинарии, Харьковского университета, а затем — профессор последнего, автор фундаментального труда “Народные говоры Курской губернии” (СПб., 1904) и многих других публикаций по здешнему фольклору.

Кроме перечисленных авторов, специализировавшихся именно на этнографии, её тематика отражена в отдельных работах курских краеведов широкого профиля — А.А. Танкова, А.Н. Златоверховникова, Р.Л. Маркова, П. Коропчевского и некоторых других [59].

Выделю среди их исследований сюжеты, особо важные для исторической археологии края: предание об Алатырь-камне [60]; поверья насчёт “громовых стрелок” — кремнёвых орудий древних людей, часть из которых пошла на амулеты позднейших времён, чьи находки по-своему объяснялись суеверными крестьянами [61]; цикл фантастических рассказов тех же курских селян о волшебных кладах и разбойнике Кудеяре (цитировались в первой главе диссертации); легенда о богатырской голове, якобы захороненной после побоища с ногайскими татарами у так называемого “голубца на Красной поляне”, анализ которой вошел в мировой фонд фольклорных мотивов [62]; впечатления богомольцев о пещерных храмах Киево-Печерской лавры [63].

Массив опубликованных (и главным образом газетных) материалов по курской этнографии оказался столь выразителен и представителен для структур фольклорного мышления, что иллюстрации отсюда нередки в самых фундаментальных трудах этого профиля (вроде впервые изданной на немецком языке “Востоочнославянской этнографии” Д.К. Зеленина или даже “Золотой ветви” Дж. Дж. Фрезера).

Кроме прессы светской, в большинстве регионов старой России издавалась церковная. В 1860 г. епархиям РПЦ было предписано Синодом выпускать собственные “Ведомости”. Курско-Белгородская епархия начала печатать такую газету (КЕВ) с 1871 г. (сначала в Белгороде, а через несколько лет уже в Курске). Этот “официальный орган епархиального

управления и церковно-общественной жизни” рассылался во все 1625 церквей епархии и нескольким десяткам индивидуальных подписчиков. На страницах газеты (с начала XX в. ставшей скорее журналом по утолщённому формату) ежегодно помещалось по нескольку материалов историко-краеведческого характера:

основанные на местных преданиях и консисторских документах летописи отдельных приходов и храмов; закрытых и действовавших монастырей;

биографические очерки отдельных, особо заслуженных священнослужителей (то и другое за конец XVIII–XIX вв.);

перечни культового скарба тех или иных церквей, включая весьма древний, за XVII–XVIII ст.;

очерки традиций иконописного ремесла на Курской земле;

т.п. благочестивые и вместе с тем историографически небезполезные штудии.

Редакция КЕВ периодически призывала своих прихожан и священников присылать для печати историко-этнографические сведения об отдельных приходах и епархии в целом. Не сказать чтобы сразу и активно, но мало по малу отклики на подобные обращения в губернский орган православной печати поступали.

Среди такого рода публикаций выделяются работы А. А-ия, А. Косминского, А. Чистякова, И. Чеканова, С. Камышного, Г. Попова, В. Добрынина, Н. Сенаторского, Г. Булгакова и некоторых других краеведах в рясах священнослужителей да мундирах преподавателей духовной семинарии [64]. Историческими исследованиями большинство этих фактографических очерков, густо сдобренных бого-словскими излияниями, назвать трудно, но определённый интерес для историков русской церкви и в особенности провинциальной жизни России они представляют.

Вопрос о вкладе духовенства в историческую и смежные с ней отрасли гуманитарной науки остаётся проблематичным. В советский период деятельность монахов, приходских священников, рядовых и начальствующих, на ниве просвещения и познания оценивалась чаще всего крайне негативно. Примерно так: “Особую инициативу в ... распространении реакционной идеологии проявляли монастыри. ... Церковники Курского края с большой энергией занимались распространением ... необходимых феодалам мыслей. Они принимали участие в выявлении книг, подлежащих, по мнению правительства, изъятию; систематически вели наблюдение за населением” [65]. В пере-строечные времена тона соответствующих оценок поменялись на умирительные, даже восторженные. Так, В.А. Бердинских в своём исследовании провинциальной историографии второй половины XIX в. утверждает, что

”русское православное приходское духовенство бы-ло потенциальным сословием историков; ... нередко священники-историки были людьми многогранными — талантливыми педагогами, публицистами, литераторами, этнографами” [66].

Более конкретный подход к данной проблеме позволяет различить отдельные достоинства и многие недостатки в учебно-учёной деятельности представителей духовного сословия пореформенной и особенно предреволюционной России. С одной стороны, люди в рясах действительно сплошь и рядом оказывались единственными грамотными, читающими представителями большинства сельских общин, а в провинции и городских тоже. Поэтому именно они (вместе с сельскими, потом земскими учителями) обычно отзывались на археологические, этнографические, исторические анкеты и прочие запросы центральных академических учреждений. Кое-кто (далеко не все) из “батюшек” имел склонность к историческому краеведению.

С другой же стороны, имперское православие в России накануне революционных потрясений переживало открытый кризис. Авторитет духовного сословия снижался в общественном мнении всех остальных социальных слоёв. Какие-никакие, но реформы российской государственности церковь практически обошла стороной [67]. На всё это имелись как внешние, так и внутренние по отношению к церкви причины. Начиная с неизбывных тягот и бездуховности семи-нарского быта. Большинство абитуриентов духовных семинарий во-все не стремились посвятить себя профессиональному служению Богу, а желали избежать воинской повинности, рассчитывали на казённое обеспечение, а также на приобретение связей, необходимых для дальнейшей карьеры чиновника, или же на поступление в светское учебное заведение. Порядок в стенах духовного училища под-держивался системой жёстких наказаний, постоянных проверок, до-носов друг на друга. Ученики духовных школ из-за бедности хронически недоедали, часто болели. Штудирование кучи сложных учеб-ников, исполнение массы обрядовых действий сочеталось у семинари-стов с попойками, карточной игрой, визитами в публичные дома, драками между собой и с представителями соседних корпораций (извозчиками, полицией и т.д.). “В итоге духовные семинарии стали скорее частью дающего сбои государственного механизма воспротз-водства духовного сословия, нежели подлинным “рассадником” истины и благодати” [68]. Поэтому большая часть духовных лиц не слишком подходила для серьёзных занятий науками и краеведением.

В пореформенном русском обществе антиклерикальные и даже внерелигиозные настроения наступали на богомольно-благочестивые. Особенно в интеллигентских, разночинных кругах, в основном поставивших радикальным политическим группировкам кадры функ-

ционеров и боевиков. Затем, когда практика революционного действия показала многим согражданам свой звериный оскал, наступил известный ренессанс религиозных настроений, возобновился диалог деятелей культуры с деятелями церкви; впрочем, выборочный и как правило не слишком канонический.

Во всяком случае, “Епархиальные ведомости” от начала до конца своего выпуска в провинции выписывались и читались почти исключительно представителями соответствующего профессионального цеха — самими священниками да частью приходского актива. Круг авторов этого издания в большинстве случаев замыкался на преподавателях духовных семинарий, наводнявших КЕВ всё новыми парафразами на библейские темы. Разработка местной истории церкви “в общем ... ведётся довольно вяло, не даёт более или менее ощутимых результатов” [69], — признавал современник-эксперт.

Опусы краеведческих жанров, вышедшие из под пера курских священнослужителей, в своем большинстве демонстрируют узость и поверхностность в изложении церковно-исторических сюжетов, их отчужденность от светских памятников старины и полную некритичность в отношении к источникам своей информации (что было показано выше на примере сказания о Коренной иконе и его пересказов в новой печати). Этой губернии не посчастливилось иметь у себя столь выдающихся церковных историков и этнографов, каковыми были архиепископ Филарет (Гумилевский), митрополит Евгений (Болховитинов), Г.Е. Верещагин из Вятки и некоторые т.п. учёные владыки.

Правда, претензии к историческим опусам церковных служителей относятся в полном объёме к до- и пореформенному периодам развития курского краеведения. Позднее, на рубеже XIX–XX веков на ниве церковной истории появилось заметно больше компетентных, объективно и оригинально мыслящих и писавших авторов. Таких, как И. Чеканов, Н.П. Сенаторский, Г.И. Булгаков, чьи труды до сих пор находятся в научном и краеведческом обороте. Но и тогда эти авторы выглядят скорее исключением из общего правила производящих слабое впечатление попыток создать региональную историю православия в “одной, отдельно взятой епархии”.

Переиначивая пословицу, можно сказать на сей счёт: каков приход, таков и поп (в данном случае — церковный краевед). Следствием из православия практически обязательную, монополярную идеологию государства, царские власти не столько поощрили, сколько повредили укоренению истинной веры в сердцах людей (Механизмы антицерковного впечатления от значительной части русского клира у мыслящей части паствы глубоко обнажены в долго не публиковавшихся “Записках для детей моих...” нашего великого историка С.М. Соловьёва и многих других

мемуарах его современников, вплоть до Л.Н. Толстого и В.С. Соловьёва). Атмосфера канонической несвобо-ды косвенным образом сказалась и на историческом краеведении — его церковное направление заметно отставало от мирского (по край-ней мере в изучаемой нами юго-восточной глубинке России).

В 1900-е – 1910-е гг. погубернские “Ведомости”, гражданские и церковные, утратили наконец монополию на газетном рынке провин-ции. В том же Курске начали выходить *новые органы прессы*, как правило на частные средства. Каждая из этих газет существовала всего несколько лет и отражала мнения разных оттенков правого фланга тогдашней политики (монархистов и черносотенцев в первую очередь, пропаганде которых власти на местах давали зелёный свет). Это такие листки, как “Родная страна” (“Литературная, политиче-ская, общественная, сельскохозяйственная и экономическая газета”); “Курская газета” (“общественной жизни, политики, литературы и торговли”); “Курский листок”; особенно антисемитская “Курская быль”; “Курская весть”. Их комплекты сохранились в ГАКО крайне выборочно и поэтому судить об их вкладе в историческое краеведе-ние нам затруднительно. Судя по просмотренным номерам, вряд ли он был сколько-нибудь значительным. Во всяком случае, не сравним с респектабельными по губернским меркам “Ведомостями”.

Впрочем, сильной стороной коммерческой и политизированной прессы стала более или менее художественная литература, порциями печатавшаяся из выпуска в выпуск подобных изданий. Вспомним, что многие классики российской словесности начинали с газетной подёнщины и как начинали! Свои корифеи, может быть не первого ряда по энциклопедическому литературному счёту, нашлись и среди курских журналистов-краеведов. Так, в “Курской были” частями печатался *исторический роман Владислава Львовича Маркова (1832 – 1905) “Курские порубежники” (1874)* — яркое полотно событий, происходивших на юго-восточной границе Московской Руси начала XVII в. Это первое в отечественной литературе художественное про-изведение на материалах курской истории. Его тематическим про-должением послужили такие исторические произведения этого авто-ра, как “Лихолетье. Смутное время” и “Рассвет. Предки в трудное время”, охватившие всё XVII столетие истории Курского края — в те времена юго-восточного порубежья страны. Почти забытое сегод-ня, это среднее по своим художественным меркам повествование даст сто очков вперёд тем безвкусицам и нелепицам в псевдоистори-ческом жанре, что заполняют наши книжные прилавки сегодня. К сожалению, романы В.Л. Маркова остаются библиографической ред-костью — после революции они не переиздавались.

Между тем, художественная литература является, как известно, необходимым дополнением исторической науки в деле адаптации знаний о прошлом к возможностям учебного познания у молодёжи и обыденного, массового сознания народа. “Без стихов, рассказов, романов, история превратится для молодёжи в сухой, нудный предмет ... С чисто профессиональной точки зрения историку полезно учиться у литераторов умению писать живо, интересно, формулировать доступно, правильно и красиво“ [70]. Эти и т.п. выводы относительно “союза муз — Клио и её сестёр” [71] особенно применимы к регионалистике. Ведь для её преподавания и беллетризации существуют готовые “декорации” — естественно-исторический ландшафт, те памятники природы и культуры, что “видели” всех персонажей учебника истории или романа на историческую тему. “Учитель русских учителей” К.Д. Ушинский на склоне лет оживлённо вспоминал впечатления, что произвели на него в детстве “воинственные предания Н[овгорода-Север]ска, осада его Самозванцем, защита Басмановым, участие в шведской войне, множество преданий удалого казачества, ясные остатки укреплений ... А воля, а простор, природа, прекрасные окрестности городка, а эти душистые овраги и колыхающиеся поля, а розовая весна и золотистая осень разве не были нашими воспитателями? Зовите меня варваром в педагогике, — предлагал он, — но ... прекрасный ландшафт имеет такое огромное воспитательное влияние на развитие молодой души, с которым трудно соперничать влиянию педагога ...” [72]. В дальнейшем изложении мы попробуем отметить и оценить все мало-мальски удавшиеся попытки эстетически воссоздать древнюю и средневековую историю Курской земли. У истоков же художественного краеведения стоит губернская периодика позапрошлого века.

Распространению исторических и историографических знаний среди образованных жителей губернии способствовали регулярно публикуемые КГВ *оглавления центральных журналов того времени*. Заинтересовавшийся каким-то из этих материалов и финансово как-никак обеспеченный постоянной службой читатель мог выписать нужный выпуск журнала или годовой его комплект из московской или петербургской редакции издания. При умеренном спросе на печатную продукцию вообще, интеллектуальную в особенности, её подписка и рассылка были поставлены до революции удобно и надёжно.

В 1850, допустим, году курские читатели газет осведомлялись КГВ о том, что академический “Журнал министерства народного просвещения” рассказывал, в частности, “О древних могилах в Ви-тебской и Псковской губерниях”, “Находках в керченских курганах”. Про “древних обитателей Скандинавии” вёл речь профессор С. Нильсен в “Северном обозрении”. А “Вестник ИРГО”, проводя подписную кампанию в провинциальной

периодике, обещал читателям, помимо прочего, “географическое описание стран в разные эпохи их существования. Исследования ... местностей, чем-либо замечательных в историческом отношении” [73].

Кроме содержания столичной периодики курская газета часто упоминала на своих страницах о выходе новых книг по истории, археологии, статистике, географии и прочим отраслям гуманитарного знания. При наличии определённого достатка денег их также возможно было быстро получить наложенным платежом через курских или харьковских книготорговцев.

Еще в “Губернских ведомостях” перепечатывались программы заседаний (“повестки дня” на будущем советском новоязе) Императорских Русских обществ учёных — Географического и Археологического, Археологической комиссии при министерстве двора в Петербурге; Археологического же общества в Москве. Тематика звучавших там докладов и рефератов так или иначе ориентировала провинциальных любителей древностей в их собственных разысканиях. Активисты этих научных коллективов обеих столиц — ведущие представители тогдашней гуманитарной науки служили губернским краеведам вдохновляющим примером. Вот наудачу выбранные из КГВ за один только 1851 г. имена этого ряда: А.Б. Лакиер (геральдист), П.С. Савельев (раскопщик курганов, нумизмат), И.И. Сахаров (фольклорист, антиквар, популяризатор всевозможных древностей), П.Ю. Сабатье, П.П. Савваитов (нумизматы-арабисты), Б.В. Кене (ведущий античник Эрмитажа), В.В. Григорьев (востоковед), историк и археолог И.Е. Забелин, архивист П.И. Иванов. Газета упоминала или пересказывала их публикации и выступления.

Наконец, в губернской прессе, включая курскую, периодически печатались условия и результаты конкурсов учёных сочинений на учреждаемые тогда и присуждавшиеся вплоть до революции общероссийские премии. По гуманитарной части выделялись своей престижностью и результативностью премии Уваровские (установленные и оплачиваемые графом А.С. Уваровым и его наследниками в память основоположника этой династии — министра народного просвещения С.С. Уварова, оставившего заметный след в отечественной культуре).

Благотворителями-энтузиастами науки и просвещения присуждались, кроме ежегодных, также разовые награды исследователям русских древностей за решение конкретных задач по их специальности. Например, И.Т. Яковлеву (“Описать русские народные одежды до конца XVII века”; “написать историю русских школ иконописания до конца XVII века” и т.п.); И.П. Сахарову (издать надписи с древнейших русских памятников до конца XVIII столетия) и т.д., и т.п.

Таковы были *основные каналы периодической трансляции на-учно-исторической информации* для провинциальных её потребителей в России XIX – начала XX вв.

Насколько охотно провинциалы (те же куряне) использовали эти возможности расширить свой исторический кругозор с помощью региональной и центральной печати? Историки отечественной науки и культуры редко задаются подобными вопросами. Хотя, по идее, историю науки, тем более гуманитарной, должно интересовать не только производство специальных знаний, но и их дальнейшее бытование, применение, причём не только внутрицеховое, но и в гораздо более широком общественном мнении, на ниве просветительской популяризации. Для наук о прошлом сказанное особенно важно. Ведь история в той или иной степени, вольно или невольно, всегда — наставница жизни. К фольклорному освещению краевого прошлого по мере развития науки и просвещения присоединяется популяризация результатов научного познания. Истории с тех пор принадлежит явное лидерство в этом сложном, ответственном деле.

Вместе с тем, ситуацию с читательской аудиторией историков, археологов, этнографов, фольклористов и других гуманитариев не стоит преувеличивать и вообще идеализировать. Сплошь и рядом учёные специалисты пишут друг для друга. А в умах непрофессионалов научная по своему происхождению информация обычно трансформируется самым причудливым образом. Как подметила Н.Н. Берберова (много сама потрудившаяся над беллетризацией и популяризацией историко-культурных сюжетов), “одни смотрят телевизор, другие в это время читают книги, третьи их пишут, четвёртые заваливаются спать рано, потому, что завтра надо вставать “с солнышком” [74]. Видимо, это нормально для современного общества, взятого в целом. В дотелевизионную и докомпьютерную эпоху интеллектуалы в среднем выглядели образованнее, плодотворнее, духовнее сегодняшних, но остальной народ меньше интересовался какими бы то ни было их трудами. Развитие периодической печати, газет и журналов, центральных и местных, не говоря уже об электронной сети коммуникаций, в некоторой степени сблизило академистов и профанов, науку и просвещение значительной части населения.

В свете сказанного позволительно констатировать: *чтение исторической литературы в прежнем Курске* стояло на вполне удовлетворительной по общероссийским меркам высоте. Центральная и долго, до 1920-х гг. единственная публичная библиотека города была основана в 1895 г. на средства городской думы и названа в честь знаменитого земляка, купца и астронома Ф.А. Семёнова. Кроме так называемого абонементного, при ней (с 1897 г.) работал бесплатный читальный зал,

получивший имя А.С. Пушкина в связи со 100-летним юбилеем поэта. По печатным отчётам Семёновской библиотеки “мы видим, что требования на беллетристические произведения, периодические издания, затем детские книги и *исторические*, как всегда, преобладают...” [75] (курсив мой — С.Щ.). В наудачу взятом, средне-статистическом 1907 г. при “распределении удовлетворённых требований по отделам каталога” отдел “истории, языкознания и критики” (3457 книговыдач) занимал третье место после “произведений изящной литературы” (27773) и “детских книг” (4057). Вполне логичное распределение читательских интересов для горожан всех возрастов и сословий (в условиях, так сказать, либроцентричной — ориентированной на печатное слово культуры того времени).

Из тогдашней периодики постоянным спросом пользовались: “Исторический вестник” — издание вполне академического склада (603 требований за тот же 1907 г.); пронародническая “Русская мысль” (1130); семейно-домашняя “Русская старина” (91); либеральный, интеллектуалистский “Вестник Европы” (743). Все эти издания постоянно печатали материалы по отечественной и всеобщей истории, научность и популярность в которых сочетались самым разным образом.

По вежливым, но регулярным и настойчивым запросам Семёновской библиотеки ей бесплатно высылали свои издания, в том числе историко-археологической тематики, практически все издательские центры такого рода литературы в России. А именно, Академия наук, ИРАО, ИРГО, Харьковский, Варшавский и другие университеты страны. В Библиотечном обществе среди прочих попечителей активно функционировал Николай Николаевич Лоскутов, он же один из руководителей кружка курских краеведов того времени — Учёной архивной комиссии. Постоянными подписчиками библиотеки состояли А.А. Танков, Н.П. Сенаторский и прочие здешние историки-любители.

* * *

Подводя *итоги параграфа*, можно признать: научно-историческая информация приобрела в пореформенной России достаточно каналов разной ёмкости для своего циркулирования по всем направлениям социальной системы: “центр — регионы”, “властные структуры — общественные объединения; “академическо-университетские круги — широкая публика”, “наука — искусство”.

Проделанный нами анализ периодической печати Курска с начала её выхода в свет достаточно явственно свидетельствуют о значительном вкладе губернских журналистов в историческое краеведение. Сюжеты о прошлом края, его знаменитых уроженцах или обитателях в минувшие века, о всех основных видах его древностей — архитектурных, археологических, документальных, фольклорно-этно-графических — не сходили надолго со страниц “Губернских” и “Епархиальных ведомостей” и пользовались устойчивым вниманием читателей. Газета стала основной, а долгие годы и единственной формой обнародования результатов краеведческих изысканий и для здешних историков-любителей, и для академических, университетских учёных, обращавшихся к регионально-курским сюжетам.

На уровне губернской журналистики сформировался целый ряд лидеров исторического краеведения в соответствующие десятилетия местной историографии — А.А. Головашенко в 1950-е – 60-е гг.; Т.И. Вержбицкий в 1890-е; А.А. Танков и Н.И. Златоверховников в 1900-е. А в епархиальной газете свои главные труды напечатали ведущие историки курской церкви — В. Чеканов, Н.П. Сенаторский, Г.И. Булгаков.

Несколько раз прогрессивные публикации курской газеты именно по вопросам историко-археологического плана привлекали внимание столичной цензуры и служили поводом для ужесточения условий выхода прессы по всей Империи. В зеркале губернской журналистики, в том числе и в особенности на исторических её произведениях, отражались политические зигзаги имперских властей от некоторой либерализации общественной жизни к её же контрреформам.

Однако сложившийся в комплектах КГВ и особенно КЕВ за 1840-е – 1910-е гг. свод материалов о памятниках истории и культуры неоднороден. Кроме непреходящего значения фактов из архивов, раскопок, этнографических сборов и фольклорных наблюдений, просто воспоминаний курских старожилов о днях минувших, губернская пресса впитала в себя массу идейного балласта, что называется информационного шлама по части монархическо-клерикальной идеологии, вненаучных вымыслов, вздорных догадок относительно тех же самых краеведческих вопросов. Склонность некоторых современных краеведов и даже отдельных исследователей игнорировать эти недостатки и полностью, некритически воспроизводить старые статьи, их данные без особых комментариев сегодня, явно нуждается в методическом урезонивании. Далеко не все факты историографии прошлого, тем более внеакадемической, достаточно адекватно передают факты непосредственной истории и культуры края.

Необходимо дальнейшее изучение полных комплектов “Губернских ведомостей” и других провинциальных изданий России с историко-

культурологических позиций. В подшивках губернской периодики за XIX – начало XX вв. остаётся немало ценных и до времени забытых сведений для науки и практики наших дней. Журналист, учитель, архитектор, музейный работник, археолог, этнограф, лингвист, искусствовед, многие другие специалисты найдут в этих ветхих подшивках незаменимые для себя подсказки и темы для размышлений, источники для новых исследований.

§ 2. Прошлое края в трудах Статистического комитета

В большинстве регионов Российской империи единственной организацией, через которую осуществлялись хоть какие-то меры по изучению и сбережению памятников старины, выступили и оставались вплоть до конца XIX в. Губернские статистические комитеты (ГСК). Историко-археологическая, краеведческая деятельность этих учреждений Министерства внутренних дел (МВД) уже несколько раз становилась предметом специальных исследований [1]. Однако источниковая база соответствующих публикаций отнюдь не носит исчерпывающего характера, ограничивается несколькими регионами страны, и пример Курска на сей счёт опять-таки выходит весьма показательным для выработки обобщающих оценок состояния изучения и охраны исторических древностей в России на переломе от крепостничества к капитализму, когда деятельность ГСК получила наибольший размах.

Образование ГСК приняло затяжной характер. И в пред-, и в пореформенной России основная масса статистических сведений, необходимых для практической работы администрации в центре и на местах, официально собиралась через аппарат МВД. После много-летних планирований и перепланирований, в 1834 г. в составе этого министерства, при его Совете, было наконец выделено специальное *отделение статистики МВД*. Оно обязывалось разрабатывать формы статистической отчётности для губерний, областей и краёв, а затем суммировать собираемые по таким формам данные. Так по закону от 20 декабря 1834 г. начали создаваться ГСК. Первоначально, сколько можно судить по министерской переписке с местными властями по рассматриваемому поводу, они существовали только на бумаге. Хотя к 1850 г. числилось открытыми 54 комитета, в том числе курский, большинство из них до тех пор бездействовало. Потребность в мало-мальски дееспособной статистической службе у русского государства и общества созревала постепенно. Многие ГСК пришлось переоткрывать по два-три раза, поскольку в губернии просто забывали о существовании у них (на бумаге) такого учреждения. Курский ГСК начал спорадически действовать,

каждый раз после начальнических импульсов из столицы, в числе первых по стране, уже со второй половины 1830-х гг.

Личный состав ГСК в обязательном порядке заключал в себе чиновников — руководителей всех основных учреждений и общественных институтов губернского масштаба. А именно, предводителя дворянства, вице-губернатора, попечителя гимназий и прочих училищ, прокурора, инспектора врачебной управы, управляющего удельной конторы, члена духовной консистории (по назначению епархиального архиерея) и т.д. (подробнее см. хотя бы список действующих лиц из “Ревизора” или даже “Мёртвых душ” Н.В. Гоголя). Председателем комитета по совместительству автоматически назначался начальник губернии (позднее именовавшийся губернатором).

В качестве членов ГСК “по избранию” и “корреспондентов по его же выбору” привлекались лица из числа “постоянных жителей губернии, пользующихся общим уважением”. Т.е. заведомо благонамеренные в отношении властей люди; главным образом здешние помещики и купцы попросвещеннее и побогаче. С их помощью предполагалось собирать информацию в глубинке — по уездам и волостям. Кроме того, власти рассчитывали на денежные пожертвования состоятельных земляков на пользу учреждения, занятого изучением их родного края. Разночинная интеллигенция — учителя, врачи, техники и специалисты иного рода, начинающие чиновники проявили себя на поприще исторического краеведения, по крайней мере в Курске, гораздо позднее — в составе Губернской учёной архивной комиссии (1900-е гг.). Этому учреждению суждено было унаследовать от ГСК функцию (и миссию) исторического краеведения в большинстве регионов уже предреволюционной России.

Бюджет ГСК поначалу оставался мизерным. Выделялась символическая сумма на канцелярские принадлежности и оплату одного-двух писцов. Сами члены комитета должны были трудиться в нём безвозмездно. Так что новорожденное учреждение исследовательско-просветительской направленности носило вполне филантропический характер. Только с 1853 г. пособие увеличили до 100 руб. ежегодно и установили платную (из указанной суммы) должность секретаря комитета. Её обычно совмещал кто-то из чинов губернского центра со своей основной работой. В большинстве случаев секретарями ГСК служили чиновники для особых поручений при губернаторах, редакторы “Губернских ведомостей” или же инспекторы учебного округа. Периодические перемещения по вверенной им территории облегчали этого рода чиновникам сбор и проверку статистической информации. А заодно получали возможность наблюдать за разного рода памятниками старины, описывать их *de visu*. Тем самым статистическое дело в провинции, а заодно и организацию региональной истории и археологии удалось сдвинуть с мёртвой точки.

Компетенция Статистического комитета явно противоречила его материальным возможностям. Ведь круг поставленных перед новым учреждением задач определили довольно широко и продолжали расширять с годами. Согласно инструкции министра внутренних дел за 1852 г. основные функции статистической службы выглядели следующим образом: “... Сбирать и содержать всегда в исправности числовые данные: а) о населении губерний, областей, уездов, городов, посадов, местечек и пр. [населённых пунктов — С.Щ.], с распределением жителей по полам, сословиям, вероисповеданиям, расселению и степени водворения и о движении народонаселения; б) о пространстве и распределении земель, о числе поселений ... ; в) о составе губернского управления ...; г) о состоянии губернского хозяйства — поступлении податей и разных сборов ...; д) о числе и состоянии имений ...; е) о числе и родах преступлений ...; ж) о посевах и урожаях хлеба, трав, и проч. ...; з) о числе и размещении торговых капиталов ...; и) о числе заводов, фабрик и мастерских, распределении и положении рабочих” [2].

По этим и многим другим рубрикам исходные сведения доставлялись для сводной обработки в виде 77 таблиц в Петербург губернскими и областными статкомитетами ежегодно. Чиновники — действительные члены ГСК готовили цифровые данные по своим отраслям управления на подведомственной территории. По остальным разделам местной статистики данные запрашивались в официальном порядке через городского голову, а также полицию, ведавшую волостными старшинами, и духовную консисторию, правившую приходскими священниками. Все собранные сведения объединялись в “Обзор” — обязательное приложение ко “всеподданнейшему отчету” губернатора в столицу за каждый год. Получавшиеся в итоге многие тысячи статистических сводок, как правило реалистичных, превратились со временем в важный источник исторических знаний о России. Расцветшая позднее земская статистика удачно дополнила эту государственную, но не отменила и не заменила её.

Первые краеведческие мероприятия Курского ГСК относятся к уже затрагивавшемуся нами в третьей главе — географическому направлению и периоду становления отечественной истории и археологии. На его финальном отрезке к внутренним стимулам для занятий разными древностями (учёная любознательность), добавились внешние (придворные и провинциальные чиновники подстраивались под одну из претензий сурового императора Николая I — выказать себя радетелем русской старины).

Так, ещё в 1836 г. курский губернатор М.Н. Муравьёв (по его собственному разъяснению, не из тех Муравьевых, которых вешают — как его родственника, декабриста С.И. Муравьёва-Апостола, а из тех, которые вешают; в Курске он, правда, в отличие от усмирявшейся им Польши, не

вешал в прямом смысле, но достаточно жёстко подавлял чиновничью коррупцию) обратился с посланием к руководителю местного духовенства архиепископу Курскому и Белгородскому Илиодору, где речь шла о помощи для “возможно полного историко-географическо-статистического описания Курской губернии”. С одной стороны, главу ГСК интересовала наличная численность священнослужителей и монашествующих, величина их собственности и годовых доходов, т.п. цифровые данные. А с другой — исторические описания церквей и монастырей, хранящиеся при них летописи и прочие старинные документы, а также “местные исторические народные предания с подробным описанием мест, о которых предания сохранились, ... особенно мест сражений и остатков или признаков городов, давно запустевших...” Предлагалось ещё составить биографии “знаменитых духовных лиц, как уроженцев Курской губернии, так равно ознаменовавших какими-либо отличными делами пастырство своё в этой губернии”.

К письму прилагалась пространная, на 19 вопросов анкета под заглавием: “Историко-статистическое описание такой-то церкви или обители”. В её составе кроме собственно демографических и экономических пунктов содержались вопросы историко-краеведческого толка. Как например: о времени и обстоятельствах основания храма, понесённом им в прошлом ущербе от неприятелей, о посещении его знаменитыми лицами, наличии редких икон, колоколов и других предметов церковной утвари “отличной живописи, особенной древности ..., с возможно подробным историческим пояснением оных и описанием их самих” [3].

Нам не удалось отыскать возможных результатов этого запроса в фондах курского архива и в печатных источниках той поры. По всей видимости, ничего на сей счёт тогда сделано не было. Однако для развития провинциальной культуры и особенно любительской историографии немаловажно заметить появление историко-краеведческих проблем в поле зрения губернского начальства. Судя по всему, губернатор ещё не мог рассчитывать на другие источники краеведческой информации, кроме мало-мальски образованного и располагавшего свободным временем духовенства. В губернаторском письме к епископу выражалось мнение, “что священников не затруднит подобное занятие, потому как, с одной стороны, они принадлежат к просвещённейшему сословию, а с другой, живя постоянно на одних местах, без сомнения знают наилучшим образом их окружающее”, как в настоящем, так и в прошлом, сколько-нибудь для них обозримом.

На примере этой краеведческой инициативы губернатора М.Н. Муравьева можношний раз увидеть роль политической идеологии в отношении государства к историческим древностям. Когда этот же рьяный администратор в дальнейшем замирал после восстания 1863 г. Царство

Польское, он, среди прочих мер по искоренению “анти-русского духа”, закрыл Виленский музей древностей и Археологическую комиссию при нём [3 а]. Курская археология в глазах властей подтверждала идею единства Российской империи, а польско-литовская спорила с ней. Для практического приложения исторических знаний такую разницу следует признать закономерной.

В 1837 г. Курский ГСК повторно обратился в Курско-Белгородскую епархию — на сей раз насчёт вещей, грамот и других бумаг, как-то относящихся “ко в бозе почившим российским само-держцам и их вельможам”, а заодно и прочих предметов, своей “древностью и редкостью достойных примечания” [4]. Описания и, по возможности, изображения, копии таких памятников старины требовалось представить губернатору. Судя по тому, что полученные благодаря данному запросу материалы полностью, в оригинале сохранились в делах ГСК, а не были отправлены в МВД, мероприятие это являлось скорее всего местной инициативой, желанием губернатора лишний раз при удобном случае отличиться при дворе таким патриотическим шагом.

В дальнейшем ГСК неоднократно пытался привлечь к сотрудничеству губернское духовенство. Однако деятели церкви соглашались заниматься прошлым только по своей части — храмово-приходской, что и было гораздо реалистичнее с учётом их уровня гуманитарной образованности. Им действительно удалось подготовить не-сколько “исторических описаний” важнейших православных святынь края, где ценные для исторической науки сведения за XVIII–XIX вв. сочетались с примитивными легендами явно книжно-фольклорного происхождения. Попытки же составить сводное “*Церковно-историческое и статистическое описание Курской епархии*” [5] тянулись с 1838 по 1865 гг. Проверка архивов церквей и монастырей губернии обнаружила манускрипты XVII–XVIII вв. Однако члены специального комитета епархиальных историографов затруднились читать их — древнерусской палеографии и текстологии их в духовных семинариях и академиях не обучали. Наконец, учитель Курской семинарии Матвей Архангельский (умер в 1860 г.) составил “записку” — вариант такого описания на требовавшуюся его начальству тему. Её переслали на усмотрение всесильного обер-прокурора Синода А.П. Толстого. Затяжная переписка епархии и Синода по поводу этой “записки” в несколько раз длиннее её самой. Курские епископы явно больше заботились о том, чтобы создать у Синода впечатление об их якобы напряжённой работе над историей вверенных им владений, нежели самим написанием такой истории. Рукопись М. Архангельского услали в столицу в оригинале, не оставив у себя в Курске копии. Так что когда в 1866 г. Синод опять затребовал от губерний церковно-исторические данные, приказав их печатать в газетах

епархияльных управлений, курянам нечего оказалось опубликовать — сводка М. Архангельского сгинула в синодальном делопроизводстве, а ничего другого на сей счет после неё в епархии долго не предпринимали.

Таким образом, деятельность курского ГСК подтверждает один из наших выводов, сделанных при рассмотрении губернской прессы. А именно тот, согласно которому замысел светских и церковных властей сделать из духовных лиц новоявленных летописцев родного края в конце концов не удался. Как ни странно может показаться на первый взгляд, учёные монахи и священники играли куда большую роль в гуманитарных науках в начале их появления на отечественной почве (см. словарь писателей духовного чина митрополита Евгения (Болховитинова) 1818–27 гг.), нежели впоследствии, с их развитием (мы не имеем при этом в виду лиц, получивших образование в духовных семинариях и академиях, но трудившихся затем вне церковного ведомства — таковых в старой России было немало, в том числе на ниве исторического краеведения). За исключением нескольких (на всю Россию) высококультурных и энергичных иереев в отдельных губерниях, вроде священников-историков, археологов и этнографов — того же Евгения (Болховитинова), С.Е. Зверева (Воронеж); Н.Н. Блинова (Вятка), Е. Карпинского (Чернигов), Н.В. Любомудрова (Рязань) и некоторых других — большая часть краеведной работы на протяжении XIX–XX вв. пришлась всё-таки на долю лиц, состоявших на гражданской службе. Те эпизодически привлекали духовенство к сбору фактических сведений, пользуясь разветвлённой организацией и завидной дисциплиной в РПЦ, её безусловным покорством перед властью русского “кесаря” и его чиновников. Как видно, именно это последнее качество, гипертрофированное в синодальный период; множась недостатки богословского образования (пресловутой “бурсы”) и общественного положения приходского духовенства обусловили размеры его реального вклада в краеведение.

Церковно-исторические сочинения по Курскому краю позднее — к рубежу XIX–XX вв. всё-таки вышли в свет — сначала на страницах епархиальной газеты, что отмечалось в предыдущей главе, затем и брошюрами, и книгами, которые будут упомянуты ниже. Однако в своём большинстве эти сочинения значительно уступали трудам краеведов-мирян и по количеству, и по качеству.

Верноподданническая ориентация первых организованных государством по Курскому краю исторических разысканий вполне отвечала господствующей идеологии своего времени, социально-психологическим установкам его официальных деятелей. И в дальнейшем мероприятия ГСК в области изучения и охраны памятников старины останутся верны ультрамонархическим и клерикальным идеям. Что, надо признать, нередко придавало им одностороннюю, уязвимую с точки зрения научной

объективности направленность. К примеру, купеческий дом семейства Шелиховых в Рыльске обратил на себя внимание ГСК исключительно как место случайной остановки путе-шествовавшего императора Александра I и его семьи, а вовсе не в память родившегося здесь и прославившегося затем на весь мир мореплавателя-землепроходца Русской Америки Г.И. Шелихова — “Коломба русского”.

Но даже зауженные рамками охранительной политики, истори-ко-краеведческие поиски ГСК давали порой небезынтересные для исторической науки результаты. Сейчас уже не особенно важно разбирать, какими именно мотивами руководствовались губернские чиновники, выявлявшие и сохранявшие свидетельства далёкого прошлого своего края. Иначе эти памятники могли вовсе не дойти до потомков. Так, в результате предпринятого в 1837 г. розыска древно-стей по курским церквям и часовням оказались найдены и скопированы для ГСК грамоты царей Алексея Михайловича (за 1646 г.), Петра Алексеевича и царевны Софьи (датированная 7195, т.е. 1684 г.). Этими документами сопровождалась высочайшие пожалования курским храмам драгоценных атрибутов священства — серебряных, чеканной работы и вызолоченных крестов. Кроме того, ГСК получил тогда же описания внешнего вида и копии надписей на других предметах церковной утвари — блюдах, иконах, панагиях, крестах-энколпионах со святыми мощами, колоколах и т.п., подаренных здешним монастырям представителями царствующего дома за XVI–XVIII столетия.

Любопытно, насколько подробно регламентирует вышеупомянутая совместная грамота Петра I и Софьи передачу из Разрядного приказа (чьи почти археологические мероприятия анализировались выше, в главе о кладах и кладоискателях) в Ново-Оскольский собор Успения Богородицы “животворящего креста Господня с мощами”. Процедура доставки креста из Москвы, церемония его торжественной встречи и водворения во храм “всеми духовного и церковного чина людьми и новоскольскими детьми боярскими и всякими чинами и градскими людьми” [6] от начала до конца подсказывалась и контролировалась правительством. К жалованной грамоте был приложен и сохранён в архиве отчёт местных властей о встрече царского дара новооскольцами — по сути сценарий театрализованного массового действия. Таким образом, в фонде ГСК накапливался небезынтересный материал по целому ряду отраслей исторической науки — археологии, истории нравов и общественной психологии, культуры и искусства.

В 1840 г. курский губернатор по своей инициативе сообщал в Петербург, в МВД “о земляном вале, пролегающем в Белгородском уезде” [7]. Это первая известная нам реакция здешних властей на открытие собственно археологического (в современном значении этого слова)

памятника. Благодаря чему информация о нём поступила в центральный архив государства и сохранилась до наших дней, когда сам памятник в значительной своей части утрачен из-за природной стихии и людского хозяйствования. Даже сто лет спустя после отмеченного донесения крестьяне белгородских деревень собирали древесный уголь из этого земляного укрепления — то ли раннесредневекового, то ли части “засечных черт” начала Нового времени. В отличие от Украины, где так называемые “змиевы валы” недавно монографически изучены М.Г. Кучерой и его сотрудниками [8], южно-русские объекты такого рода пока остаются вне специального археологического рассмотрения. Когда историки и археологи приступят к нему, архивный фонд ГСК окажется для них полезным подспорьем.

За 1830-е – 50-е гг., как видно на примере Курска, наладить сколько-нибудь систематическую деятельность ГСК, в том числе по краеведческой части, так и не удалось. Только с началом буржуазных реформ произошла *реорганизация Статистических комитетов и расширение их краеведческих функций*. Страна, стоявшая на пороге капиталистической стадии своего развития, наконец остро ощутила дефицит информационно-статистических ресурсов. Поэтому в 1852 г. на базе аморфного Статистического отделения МВД основали специальный Статистический комитет. Его директором стал известный учёный и прогрессивный государственный деятель П.П. Семёнов (в будущем Тянь-Шанский). С 1857 г. возглавляемая им служба стала именоваться Центральным статистическим комитетом (ЦСК), что уже вполне соответствовало его координирующей роли по сбору информации ото всех частей России. Административный статус, возможности статистической службы в государственном механизме повысились.

Соответственно, захиревшие было на местах ГСК начали будить к активной работе. Их число выросло до 70 — по численности губерний и областей Империи. 26 декабря 1860 г. утверждено новое “Положение о губернских и областных статистических комитетах” [9], действовавшее до конца существования этих организаций, положенного революцией 1917 г. Согласно данному законоположению, ГСК оказались воссозданы по сути дела заново и на более надёжной основе. Бюджет каждого вырос до полутора-двух тысяч рублей в год. Выделялись и постоянные ставки секретаря комитета и двух его помощников-письмоводителей. Предписывалось иметь особое помещение для их работы и хранения текущих и архивных дел учреждения. Обязательное председательство губернатора сохранялось. Неизменными членами оставались высшие должностные лица губернии, а действительные и почётные члены избирались из лиц высокообразованных или очень богатых, могущих

мecenатствовать. Число отчётных таблиц для ГСК сократилось до 13, но по ним начали строго спрашивать точные и своевременные данные.

По новому статусу “на обязанность комитетов возложена забота о составлении подробных описаний губерний и замечательных мест-ностей в топографическом, *историческом*, промышленном, сельскохозяйственном и прочих отношениях и *об издании трудов своих* в свет. Комитеты имеют право требовать для своих изысканий и работ содействия всех лиц и мест, подчиненных губернскому начальству и *снаряжать экспедиции для изучения губернии*, причём председатели комитетов могут командировать для той же цели, по определению комитетов, благонадежных лиц” [10] [Курсив наш — С.Щ.].

В особом циркуляре МВД от 8 апреля 1861 г. за № 397 выражалось пожелание, дабы деятельность ГСК шла “как учреждения административно-учёного, а не просто административного”, т.е. без ненужных формальностей, “в виде, соответствующему более учёному обществу, нежели присутственному месту” [11] с его чиновничьим и внешней дисциплиной. По разъясняющему данный замысел определению директора ЦСК П.П. Семёнова, губстаткомитеты должны были служить “одной из самых высоких в жизни задач — отечественно-го самопознания” [12].

Таким вот образом ГСК и стали единственным органом государства в российской провинции, в чьи обязанности прямо входили её историко-археологическое изучение и надзор за сохранностью соответствующих памятников. Так оно и получилось на практике — по мере сил и средств, разумеется, с большими или меньшими успехами в разные периоды деятельности этих учреждений, в отдельных регионах страны. На III всероссийском Археологическом съезде отмечалось: “В среде наших провинциальных, губернских учреждений, весьма часто только одни Статистические комитеты имеют несколько научный характер. Вот почему, невзирая на то, что строго статистические материалы требуют весьма обширной разработки, нашим Статистическим комитетам нередко приходится принимать участие в собирании, а иногда и в разработке материалов, чуждых их прямой специальности” [13], а именно, по истории, археологии, этнографии, географии того или иного края. “В Статистические комитеты обращаются чуть не все учёные общества” [14] из Москвы и Петербурга, прочих университетских центров — констатировал на аналогичном форуме секретарь Псковского ГСК И.И. Васильев.

Просмотр публикаций различных ГСК со всей очевидностью демонстрирует: активная исследовательская и охранная работа велась на местах там, где в составе ГСК оказались *энтузиасты историческо-го краеведения*. Основную нагрузку при этом несли *секретари ГСК*, которых

губернатору предписывалось назначать “из лиц, имеющих учёные степени или, по крайней мере, окончивших курс в высшем учебном заведении” (Напомню, что первой учёной степенью до 1880-х гг. считалась кандидатская, примерно эквивалентная нынешнему диплому высшего учебного заведения с отличием. За ней уже шли магистерская и докторская). Именно секретари планировали работу ГСК; редактировали его делопроизводство и печатные труды; представляли губернию на различных совещаниях и съездах учёных и специалистов-практиков, довольно часто проводившихся в ту пору по разным отраслям знания; вели переписку со столицей и уездами по различным запросам на краеведческие темы; комплектовали подборки музейных экспонатов, тем или иным путём попадавших в губерна-торскую администрацию. Таким образом, в лице секретарей ГСК перед нами по сути инспекторы по охране памятников старины и координаторы их разностороннего изучения в каждом из субъектов тогдашнего Российского государства.

На этой должности в Курске перебивало немало лиц, так или иначе участвовавших в краеведческой работе. Первым секретарём здешнего ГСК оказался Юрий Иванович Кушелевский — личность, судя по архивному делопроизводству с его участием, довольно бесцветная и после делегатства на I Статистическом съезде России от дел комитета устранившаяся. Не слишком активен оказался и его преемник — Иван Иванович Бесядовский, совмещавший в начале 1860-х гг. эту должность с редактированием КГВ. Более заметную фигуру на краеведческом поприще представлял собой *Александр Михайлович Мизгер* (1835–1891) — кандидат Харьковского университета, учитель естественных наук в мужской гимназии Курска, автор содержательных книг о курских растениях и полезных ископаемых [15]. Числившийся после него в комитете с 1888 г. статский советник С.Н. Бельченко почитал это поручение синекурой, а вот сменщик его здесь — *Тит Иоильевич Вержбицкий* (1845–1899), известный читателю диссертации по предыдущей главе о периодике, вполне подошёл на эту должность, насытил издания ГСК (о которых ниже) ценными материалами об истории Курска и его уездов.

Наиболее же подходящим на роль секретаря ГСК оказался (с 1899 г.) *Николай Иванович Златоверховников* (1865 – после 1917). Он стал самым деятельным и плодовитым, пожалуй, представителем и организатором исторического краеведения в Курске до революции. А “воспитание получил в Императорском Московском университете, но полного курса не закончил”, отмечается в собственноручно заполненном им формулярном списке о службе. Учёбу пришлось бросить, видимо, по бедности, ибо с 1896 г. Златоверховников “на службе в штате канцелярских служителей курского губернатора”. Служил ревностно, “многokrатно был командирован по служебным делам в уезды губернии, причём в 1905 г. ...

и в 1906 г. ... , подвергаясь опасностям во время бунта крестьян в Грайворонском и Щигровском уездах, весьма успешно выполнил данные ему поручения” [16]. За это, а также организацию краеведных работ награждён был орденами (Св. Станислава 3 и 2 степеней; Св. Анны 3 степени) и медалями (в память 100-летия Отечественной войны 1812 г.; 300-летия Дома Романовых; “на ленте ордена Белого Орла за труды по отличному исполнению всеобщей мобилизации 1914 г.”); благодарностями губернатора “за прекрасное качество труда” (в том числе по расследованию убийств).

Златоверховников чаще кого бы то ни было, даже плодovitого популяризатора исторических знаний А.А. Танкова, публиковался в здешней периодике и с курскими корреспонденциями в столичной прессе; выступил инициатором и оставался бессменным редактором и составителем полупериодического “Курского сборника”, вобравшего в себя много ценных тогда и до сих пор статей по археологии и этно-графии края; был делегатом от губернии на нескольких Археологических съездах и выставках. Стилль его собственных работ по истории отличался некоторой поверхностностью и всеядностью в тематическом отношении, “канцеляритностью” изложения, хотя их автор не чуждался беллетристики (Его бытописательские рассказы “За сюже-том”, “Визитёры” и др. публиковались в курских газетах). Служа с начала XX века по совместительству с ГСК чиновником особых поручений при нескольких курских губернаторах, Николай Иванович часто разъезжал по губернии, но, как ни странно, полевая археология его не привлекла. Ей он явно предпочитал свой городской кабинет, где сочинял обзоры курских древностей, в том числе археологических, опираясь на письменные источники и письма в ГСК очевидцев разных городищ и курганов, т.п. объектов.

Отмеченные недостатки Златоверховникова-краеведа носили относительный характер, все они искупались его замечательной энергией и творческим долголетием на поприще деятеля провинциальной науки и культуры. Его имя стоит в почётном ряду таких выдающихся историков российской провинции, как П.С. Ефименко (Архангельск, затем Харьков), Н.Г. Первухин, Н.А. Спасский (Вятка), Е.Д. Фелицын (Кубань), князь Н.А. Костров (Томск), Р.Г. Игнатъев (Приуралье), И.И. Дубасов (Тамбов), А.С. Гациский (Нижний Новгород), А.В. Селиванов (Рязань), П.В. Алабин (Самара), Н.И. Второв, Л.Б. Вейнберг (Воронеж), К.П. Тихонравов (Владимир), Н.Ф. Окулич-Казарин (Псков) и некоторых других их сподвижников по членству в ГСК. Каждый из них стал основоположником истории, археологии и этнографии своего родного края.

Под непосредственным руководством своих секретарей Курский ГСК, как и все остальные по России, был занят прежде всего и главным

образом сбором и первичной систематизацией общестати-стических сведений в масштабах губернии — об её естественных ре-сурсах и производительных силах, численности народонаселения, родах и эффективности занятий жителей, состоянии их здоровья и болезнях, рождаемости и смертности, общественном благоустройстве и призрении убогих, народном образовании и просвещении, правона-рушениях и несчастных случаях, поступлении налогов и податей, целом ряде других социально-экономических статей. МВД вменяло комитетам в обязанность, помимо представления оперативной инфор-мации по общей форме и специальным запросам, “содержать в цело-лости и всегдашнем порядке статистические сведения в таблицах и описаниях за предшествующие годы; карты, планы и проч.” [17]. Все эти собираемые ГСК по указаниям министров и губернаторов из года в год данные — и цифровые сводки, и словесные описания отдельных сторон провинциальной жизни со временем превращались в ценные исторические источники, которые помогают теперь истори-кам выявить основные черты и тенденции социального развития при-менительно к длительным периодам и крупным географическим рай-онам страны.

Так, фонд Курского ГСК, как он сохранился в областном архи-ве, неоднократно использовался исследователями и частично введён ими в научный и практический, педагогический оборот. Дореволюци-онные и советские археологи не раз обращались к его материалам ради подготовки разведок и картографирования городищ и курганов, монетных и вещевых кладов в Курском Посеймье. Архитекторы и музейные работники — при составлении планов реставрации памят-ников зодчества и нового строительства на территории областного центра. Историки и архивисты, журналисты и краеведы — за самы-ми различными сведениями о прошлом Курского края и отдельных его районов. Ещё не до конца использованные возможности архив-ных фондов и печатных изданий российских ГСК как информацион-ных источников продемонстрированы в специальных исследованиях последних лет [18].

Нас, однако, здесь интересует не столько источниковое, сколь-ко *историографическое и общекультурное значение работ ГСК*, т.е. его сознательный вклад в изучение и сохранение древностей южно-русского края. Эта обязанность никогда не терялась данным учреж-дением из виду. Циркуляр МВД за № 397 в 1861 г. напоминал губ-статкомитетам о необходимости собирать сведения о памятниках истории и культуры губернии и выпускать их в свет при помощи “Губернских ведомостей” и прочих печатных изданий.

Краеведческое направление в деятельности Курского ГСК первоначально оформилось как его *сотрудничество со столичными учё-ными и организациями*. По ходу масштабных реформ 1860-х – 80-х гг. в России

возникали и развивались объединения, чьей специальной задачей стала организация историко-археологических исследований [19]. Среди них выделялась главная, причём единственная государственная организация такого рода — Императорская Археологическая комиссия в Петербурге (с 1859 г.). Она числилась при Министерстве двора, через него получала ежегодные дотации из казны и её непосредственной обязанностью было пополнение коллекций Императорского Эрмитажа.

Среди добровольных, общественных объединений любителей и профессиональных исследователей старины выделялись опять-таки Императорские (находящиеся под личным покровительством того или другого представителя царствующего дома) общества — Русское в Петербурге (ИРАО, с 1846 г.) и Московское (ИМАО, с 1864 г.) Археологические. Продолжали свою работу также Этнографическое отделение Императорского Русского Географического общества (ИРГО) и Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии (ИОЛЕАЭ, с 1863 г.) при Московском университете. Вот эти-то центры гуманитарной науки периодически обращались с предложениями сотрудничества к провинциальной интеллигенции, местным властям. В Курске такие обращения всегда находили сочувственный отклик и с них здесь началось мало-мальски организованное на коллективных, плановых началах историческое краеведение, как научно-исследовательское, так и музейно-охранное.

ИМАО, созданное и возглавленное графом *Алексеем Сергеевичем Уваровым* [20], первым обратилось в МВД с инициативой использовать подведомственные тому ГСК для розыска и учёта сохранившихся древностей. Предложение было принято и очередным отношением ЦСК за № 63 от 27 апреля 1863 г. всем губернаторам сообщалась “Программа археологических исследований, по которым ожидается содействие статистических комитетов” [21]. В основе этого документа лежала печатная “Записка для обозрения русских древностей” (СПб., 1851), составленная ещё петербургским сотрудником А.С. Уварова — антикварием и фольклористом И.П. Сахаровым. Её можно рассматривать как первую инструкцию русским археологам и другим специалистам по исторической старине для проведения полевых, камеральных и музейных работ. Правда, отдача от неё оказалась невелика. Скорее всего потому, что собственного полевого, экспедиционного опыта, за её автором не числилось, а одного умозрения в столь практических науках, каковы археология да этнография, всегда оказывалось маловато. Тем не менее, министерский циркуляр № 63 рекомендовал губернаторам “приглашать членов статистических комитетов, особенно имеющих постоянное пребывание в уездах, приводить в известность, по мере возможности, наличные в области памятники древности”. Однако далеко не во всех

губернских горо-дах, а не то, что в уездах, к тому времени обретались образованные люди, располагавшие средствами, досугом и склонностью к археоло-гии. Поэтому не все ГСК и не сразу превратились в историко-крае-ведческие общества, как то нередко утверждается в современной литературе по их историографии, на которую мы выше ссылались.

Так, в Курске вместе с уведомлением о получении “Программы археологических исследований” смогли выслать по адресу ИМАО только монетный клад, найденный в городе при рытье котлована на одной из купеческих усадеб — 874 серебряных гривны царей Михаи-ла Фёдоровича и Алексея Михайловича. Клад нашли за несколько лет перед тем и хранили его в полицейском участке — местные власти просто не знали, куда его передать, а находчикам возвращать было жалко. Знаменитый в истории русской культуры указ Петра Великого о сборе разных “куръёзитетов” для Кунсткамеры хотя и подтверждался, конкретизировался несколько раз последующими за-конодателями [22], но на местах о таких подробностях “Свода зако-нов”, как правило, ведать не ведали.

Таким образом, археологическая инициатива ИМАО весьма своевременно ориентировала провинциальные власти и губернских интеллектуалов по поводу возможностей экспертизы, музеефикации разных древностей и вообще помощи местным и приезжим лицам в изучении замечательных памятников старины. С тех пор курский ГСК стал систематически, едва ли не ежегодно обращаться в ИМАО, а затем и в ИАК с сообщениями о случайных находках старинных предметов, чаще всего — монетных кладов на своей территории (со-ответствующий перечень дан в диссертации ниже, в Приложении о кладах).

Затем ИМАО в лице своей следующей председательницы — Прасковьи Сергеевны Уваровой, сменившей на этом посту безвре-менно скончавшегося супруга, начала регулярно привлекать курян к участию в работе своего главного детища — Археологических съез-дах и Предварительных комитетов (ПК) по их подготовке. С этой целью в Курск высылались программы съездов и все остальные из-дания Общества, пополнявшие библиотеку ГСК. Не раз очередной курский губернатор в письмах “её сиятельству графине” благодарил её с московскими сотрудниками, которые “любезно приняли на себя труд по определению историко-археологического значения предметов курской старины” [23].

Новый толчок краеведческой деятельности ГСК был дан дру-гим научно-просветительским обществом — ИОЛЕАЭ. Антропологи-ческое отделение этого общества обратилось к Курскому и остальным ГСК 31 декабря 1865 г. со следующим предложением: “Имея в виду собрать сведения о народах, населявших Россию в доисторический период, отделение просит сообщить ему, не известно ли Комитету случаев нахождения каких-либо доисторических предметов и в осо-бенности из

камня и кости”. В запросе пояснялось, что из таких предметов Отделение собирается устроить в Москве специальный общедоступный музей, с непременно указанием мест и авторов находок отдельных экспонатов. Адресатам втолковывалось: пользу для науки окажут, на худой конец, даже “только одни указания случаев нахождения каменных орудий, в особенности если при этом будут приложены описания и рисунки этих орудий, и условий, при которых они будут найдены” [24].

По сравнению с вышеизложенной “гутцейтовской историей”, при которой самочинный сбор курянами палеонтологических экспонатов привёл к цензурному скандалу на всю Россию, заметен явный прогресс в отношениях науки и идеологии на отечественной почве. Хотя пятнадцать лет спустя после этой “истории” никто уже о тех до-исторических находках в Курске не вспомнил. Подобная прерывистость в развитии исторического краеведения вообще характерна для российской провинции. Преемственность отдельных его этапов, между разными поколениями его деятелей стала налаживаться только с формированием таких краеведческих коллективов, как ГСК, опыт которого худо-бедно аккумулировался в его архиве и печатных изданиях.

Следующее отношение ИОЛЕАЭ к губстаткомитетам пришлось уже на более подготовленную почву и не осталось втуне, как призыв к поиску кремнёвых орудий. Курскому губернатору и его подчинённым на сей раз предлагалось участвовать в подготовке и проведении Русской Этнографической выставки в Москве, намеченной на 1867 г. С её помощью инициаторы надеялись “распространить в публике сведения о России, познакомить с её разнообразным народонаселением, возбудить желание ознакомиться с этнографическим богатством нашего Отечества” [25]. А на основе собранных экспонатов открыть по окончании выставки этнографический отдел при Публичном (будущем Политехническом) музее Москвы.

Устроителями выставки выступили учёные Московского университета во главе с *Анатолием Петровичем Богдановым* (1834–1896) — видным зоологом, основателем антропологии в нашей стране, одним из создателей ИОЛЕАЭ [26]. От ГСК они ждали пожертвований экспонатов. Прежде всего — типичных для отдельных районов народных костюмов, фотографических и живописных портретов местных жителей как образцовых представителей разных народностей и сословий России. “На выставке, — пояснял А.П. Богданов свой замысел в письме курскому губернатору, — предположено собрать до 300 фигур в человеческий рост, выражающих представителей различных племён, в их оригинальных костюмах и составляющих собой группы, охарактеризованные главным образом особенностями их быта. Мысль об устройстве выставки и такого музея не находила ещё осуществления ни в одном государстве Европы”

[27]. Заказ учёного общества поддержало МВД [28], в чьём непосредственном распоряжении находились ГСК.

Тогдашний начальник Курской губернии П.А. Извольский за-просил по данному поводу отзывы всех членов статкомитета. Большинству из них нечего оказалось ответить по существу. А вот некий господин Михаил А. Пузанов составил целую записку — “Мнение о собирании предметов, относящихся до этнографии и антропологии в Курской губернии” [29], датированную 14 ноября 1865 г. Реалистически подойдя к скудным тогда возможностям курского краеведения, автор записки рекомендовал губернатору и прочим влиятельным членам ГСК обратиться к местному купечеству и дворянству с просьбой о пожертвовании необходимых для экспонатных манекенов выставки костюмов. В первом случае он рассчитывал на подчёркнутую традиционность купеческого быта, где сохранялись “одеяния отцов и родо-начальников” нескольких поколений. Рекомендуя известные ему купеческие дома в Курске, Рыльске, Белгороде и Фатеже, Пузанов предлагал воззвать к их чувству патриотизма, фамильной гордости — “в видах сохранения для потомства коллекции костюмов”.

Кроме того, отмечалось в “Записке”, “в богатых аристократических поместьях губернии, каковы Борятинские, Юсуповы, Шереметьевы и др., без сомнения хранятся ещё многие предметы, которые могли бы украсить лучший этнографический музей”. Идея превращения интерьеров дворянских усадеб и купеческих домов в музейные залы, как ни странно, оказалась реализована, в том числе и в Курске, но только лет 70 спустя после предложения Пузанова, когда большевики насильно национализировали соответствующую частную собственность. Своего рода частные музеи имеются и за границей, где отдельные замки, дома, квартиры чем-то знаменитых людей показывают туристам как местные достопримечательности. В пореформенной же российской провинции богатые и набожные представители господствующих сословий в своей благотворительности редко учитывали интересы науки, искусства и музеев. Их “свободных” денег не хватало на школы, больницы, прочие “дома общественного призрения”. Меценаты-универсалы, к тому же утонченного вкуса и высокой мысли, вроде Уваровых, Третьяковых, Мамонтовых и т.п., вплоть до революции оставались скорее столичным исключением из обще-российской благотворительной практики.

Что касается добычи антропологических материалов для московской выставки, то Пузанов советовал губернатору организовать специальную экспедицию для археологического обследования края. Средства на оплату землекопов и транспортные расходы он надеялся собрать среди курян по благотворительной подписке. “В качестве кандидата для руководства раскопками я могу указать, — писал наш

энтузиаст, — на г-на Дмитрюкова, бывшего ... штатным смотрителем училищ в Судже и показавшего на самом деле любовь к наукам разработкой курганов в Суджанском и Рыльском уездах” [30].

Процитированная записка М.А. Пузанова отражает как некоторые достижения, так и общее скромное состояние изучения и охраны провинциальных древностей в начале “эпохи великих реформ” русского общества.

Кое-что из намеченного автором записки в помощь московским учёным курьянам достать удалось. На этнографическую выставку по-пали фотографические снимки нескольких типических физиономий жителей губернии. Кроме того, в Манеже, где разворачивалась выставка, экспонировались, среди прочих, два манекена в традиционных костюмах крестьянок Курского и Обоянского уездов. Живописные наряды для них подарили в ответ на губернаторское обращение частные лица — некие М.А. Усова, Е.И. Лукин, В.Н. Карамзин. По замыслу предприимчивого на публичную рекламу своей науки А.П. Богданова, манекены, изображающие народные типы великороссов из 15 губерний, были сгруппированы в ярмарочную сцену. В толпе остальных её персонажей, курские бабоньки из папье-маше дивились на вожака с медведем, приценивались к товарам сельских промыслов и, в свою очередь, привлекали своей самобытной статью многочисленных посетителей выставки 1867 г. В её отделе костюмов находил-ся и великорусский головной убор женщины из Курской губернии — дар некоего господина Жданова [31].

Успех этого мероприятия в Манеже вдохновил А.П. Богданова на подготовку и проведение еще более грандиозного мероприятия в том же роде — Антропологической выставки 1879 г., с международным конгрессом и отделением первобытной археологии при ней. Для новой выставки ИОЛЕАЭ запрашивало у ГСК “местные собрания каменных орудий, остовов, черепов и предметов из курганов и до-исторических гробниц; фотографии местного народонаселения и предметы быта и обстановки” [32].

В очередном заседании Общества 4 января 1878 г. его секретарь “Н.Г. Керцелли заявил о пожертвовании К.Д. Тихомировым черепа, найденного в кургане Курской губернии на границе Дмитриевского и Львовского уездов, а также железного орудия, найденного в другом кургане в той же местности” [33]. Собрание московских учёных благодарило дарителя за доставленные предметы, но даже не поинтересовалось условиями их обнаружения или хотя бы приобретения (Случайные находки на пахоте? Чьи-то раскопки, по всей видимости самочинные?) и характером орудия. Такое пренебрежение минимально научной методикой добычи ископаемых древностей объясняется как

естественнонаучной специализацией большинства актив-ных сподвижников А.П. Богданова — “любителей естествознания”, так и его собственной недооценкой именно археологических сторон своих и чужих раскопок [34].

Посылка Курского ГСК на саму Антропологическую выставку содержала в себе опять-таки образчики этнографической старины: головной убор крестьянки Курского уезда; домотканые в селе матери, резные ложки и кое-что ещё из декоративной деревенской утвари. Кроме широкой публики, русских учёных и многочисленных представителей царского двора, выставку тогда осматривали иностранные делегаты научного — антрополого-археологического съезда, приуроченного к этому времени. Среди последних находились такие светила европейской науки, как П. Брока, Г. де Мортилье, П. Топинар, Ж. Катрфаж, Э. Мажито и другие. “За организацию и доставку на Антропологическую выставку собрания этнографических предметов из Курской губернии” курский ГСК получил благодарственный адрес ИОЛЕАЭ.

В меру своих сил и средств курский комитет статистики занимался и таким разделом краеведения, как *выявление документальных материалов местной истории*.

Очередной циркуляр МВД (за 1867 г.) вменял ГСК в обязанность вдобавок ко всему участие в разборе архивов упраздняемых административной реформой губернских учреждений — с тем, чтобы были “извлечены интересные дела и документы, относящиеся до истории, археологии и проч.” гуманитарных наук. Тогдашний секретарь ГСК А.М. Мизгер взял на себя для почина и пробы разборку гражданских дел старооскольского уездного суда за прошлые десятилетия его деятельности. Из 2436 пересмотренных дел он отобрал на хранение в Московском архиве министерства юстиции (Мамю) — главным тогда архиве древних актов России — всего 26 дел по размежеванию земель и 23 дела по откупам [35]. Остальные дела данной архивной коллекции с благословения этого учителя ботаники были уничтожены.

Вряд ли более счастливой оказалась судьба бумаг XVIII – начала XIX вв., оставшихся от прежних судебных учреждений и прочих государственных инстанций времён крепостного права по прочим уездам губернии. Тогда некому и некогда оказалось возиться с этим, как казалось многим современникам, даже интеллигентным, макулатурным хламом. Сегодня ясно, какой ценный для социально-экономической и политической истории края, а значит и всей страны документальный материал оказался безвозвратно и незаменимо утрачен в ходе этой акции. Под прикрытием недалёковидных сотрудников ГСК, надо сказать, далеко не только одного Курского, множество архивных материалов в губернском центре и уездах продали на макулатуру чистым их весом или

просто сожгли для освобождения лишней площади в том или ином казённом месте.

Несколько более плодотворной вышла *археологическая деятельность Курского губстаткомитета*. После описанных в одной из предыдущих глав диссертации раскопок А.И. Дмитриюкова, комитет принял на хранение в одном из своих шкапов большинство вещевых находок из суджанских и рыльских курганов, изученных училищным смотрителем. Ещё полезнее для науки оказалась во многом новаторская статья этого автора о его раскопках, опубликованная в очередном выпуске “Трудов” ГСК вкупе с отличными картами и масштабными рисунками самых типичных находок. Нам привелось повторно опубликовать эти полузабытые изображения в журнале “Российская археология” [36]. Подобные публикации демонстрируют актуальность давних архивных и редких печатных материалов для современного изучения тех же самых горизонтов древностей (в данном случае — носителей роменской археологической культуры восточных славян накануне их покорения Русью).

Кроме данных материалов, ГСК ввёл в научный оборот описание воево разрушавшихся уже тогда валов и рвов Ратского городища под Курском, напечатав в первой же “Памятной книжке” губернии соответствующий репортаж любознательного экскурсанта из Курска [37]. Когда на этом археологическом памятнике возобновлялись археологические исследования (археологами И.И. Ляпушкиным в 1940-е гг.; Ю.А. Липкингом в 1950-е; А.В. Кашкиным и А.А. Узяновым в 1970-е; В.В. Енуковым в 1990-е, то пригодились скромные, но весьма оригинальные данные осмотров этого городища в XIX в. А нами эти данные были использованы при изучении зарождения археологической практики в России XVII в., в свою очередь связанном с Ратским археологическим комплексом [38]).

На качественно новый по размаху и глубине понимания задач полевой археологии уровень краеведов из ГСК вывело сотрудничество с одним из первых профессиональных исследователей отечественных древностей — профессором Варшавского университета Д.Я. Сомковским. О его вкладе в изучение истории и археологии Юга России речь пойдёт специально в следующей главе диссертации. Пока отметим то ключевое для обсуждаемого здесь сюжета обстоятельство, согласно которому более или менее правильные (по методическим меркам своего времени) раскопки на территории центральных, собственно старорусских губерний, включая Курскую, только-только начинались в период деятельности ГСК. Лишь с этого времени интеллигентные жители провинции могли представить себе реальную ценность курганов и городищ своей округи для отечественной истории. Фантастические

домыслы и вульгарное неведение относительно “древних земляных насыпей” начали рассеиваться благодаря печатным отчётам первых их культурных раскопщиков; периодическим съездам ИМАО, где выступало большинство русских археологов и многие иностранные; открытию А.С. Уваровым с единомышленниками первого русского национального — Исторического музея в Москве, на Красной площади.

Однако вплоть до конца прошлого века собственных энтузиастов полевой археологии среди курян так и не нашлось. А.И. Дмитриюков на этой ниве остался гордым одиночкой. Не слишком баловали своим вниманием “край, где Сейм печально воды среди берегов осиротелых льёт”, и столичные знатоки древностей, университетские специалисты. Их археологические увлечения до поры, до времени устремлялись в Крым, где антики греческих колоний и драгоценности скифов служили слишком соблазнительной добычей для первоисследователей столь давней старины. В Курске же за весь прошлый век, кроме вышеупомянутых раскопок своего земляка А.И. Дмитриюкова и заезжего гостя Д.Я. Самоквасова, можно отметить только экспедицию М.Н. Сперанского по Рыльскому уезду в 1894 г.

Михаил Несторович Сперанский (1863 – 1938) — москвич по рождению, выпускник историко-филологического факультета Московского университета, ставший его же ординарным профессором. Членом ИМАО его избрали как выдающегося специалиста по древнерусской литературе [39]. Именно регулярное участие в заседаниях этого общества, по всей вероятности, и побудило его к раскопкам, которые, впрочем, остались в научной биографии филолога единичным эпизодом. Во всяком случае, среди множества его публикаций археологические темы более не фигурируют, хотя Курский край с его курганами и городищами он продолжал навещать, судя по всему в связи с семейно-родственными делами. Однако далее интересовался уже местным фольклором, об одном из мастеров которого опубликовал специальное исследование [40]. Коллег из ИМАО не раз вырвали глубокие знания и практические навыки Сперанского в области византийской и славянской палеографии. Так, он разбирал и готовил к публикации коллекцию древних рукописей А.С. Уварова после его безвременной кончины; читал запутанные надписи на амулетах-змеевиках; комментировал археологические реалии древнерусской литературы.

Именно М.Н. Сперанский убедительно разоблачил фальсификации археологических и архивных “находок” пресловутого А.И. Сулакадзева, проделанные тем, в частности, с “подлинной рукописью новгородского происхождения XIV в., но с поддельными приписками, сделанными позднее” [41]. Между прочим, едва ли не самая знаменитая (печально) подделка этого же круга — так называемые “Влесовы книги” на

деревянных дощечках — по одной из легенд были найдены именно в Курской губернии, когда по ней полыхали бои гражданской войны.

Так вот, летом 1894 г. рыльский помещик В.В. Филимонов пригласил М.Н. Сперанского, в очередной раз навестившего курские края, и в помощь ему местного доктора Н.И. Коротнева для раскопок курганов верстах в 30 от Рыльска, на окраине с. Голубовки, вблизи р. Нестуни. Часть насыпей распаивалась, другая поросла дубовым лесом. Кладоискатели из здешних крестьян разрыли незадолго перед тем пару курганов, но ничего ценного для себя не нашли. Из сохранившихся более 100 насыпей гости владельца этой земли раскопали 11 (10 среднего размера, каких было большинство в этой группе, и 1 большего). Под ними оказалось 4 мужских и 6 женских труположений древнерусского времени. М.Н. Сперанский логично сопоставил свои находки из этих могил с вещевым инвентарём других курских курганников, раскопанных к тому времени учителем А.И. Дмитриуковым и профессором Д.Я. Самоквасовым и отнесённых ими к древностям летописного объединения северян. Вещи, действительно, тут и там встретились достаточно однотипные: сосуды с волновым орнаментом, импортные бусы; другие ювелирные изделия — бубенчики, серьги, шейная гривна, медальон, лунница, бронзовый браслет, перстень, височные кольца и т.п. [42].

Однако вывод автора раскопок насчёт северянской принадлежности этого кладбища оспорил А.А. Спицын. В своём отклике на соответствующую публикацию М.Н. Сперанского товарищ председателя ИАК определил найденные там семилопастные височные кольца и шейную гривну как радимичские и подчеркнул: “Описанные М.Н. Сперанским раскопки тем весьма важны и ценны, что показывают, как далеко заходила радимичская культура на восток” [43]. Тем не менее отчёт по данным раскопкам Спицыным был признан “недостаточно полным и ясным” — высота некоторых курганов, детали погребального обряда в них оказались пропущены. Но Спицын был, как известно, очень строгий судья, особенно в отношении московских коллег, не всегда обоснованно ревновавший к их успехам. С позиций сегодняшнего дня определенные недочёты простительны для филолога, взявшего на себя труд охранных (кладоискатели!) и приоритетных раскопок на археологической целине.

При заметной спорадичности археологических раскопок на протяжении довольно длительной деятельности курского КГС, надо отметить, что аналогичные комитеты прочих губерний и областей России в своём большинстве сделали в этом отношении ещё меньше или совсем ничего. Мало-мальски систематическое изучение разных археологических культур в пределах одного географического микрорегиона оказалось для российской провинции делом отдалённого будущего.

Надзорные функции ГСК в отношении разных памятников старины изначально предусматривались и неоднократно подтверждались МВД. Так, циркуляр министра внутренних дел за № 13 в 1886 г. обязывал полицейских приставов при описи имущества по решению суда выделять в отдельные перечни вещи, представляющие археологическую ценность и направлять их в ГСК или ГУАК (открытые к тому времени всего в нескольких губерниях), а в случае отдалённости тех и других отправлять соответствующие сведения в Петербургский Археологический институт (АИ), открытый академиком Н.В. Калачовым как головная организация спроектированных им губернских архивных комиссий. Кстати сказать, должности судебных приставов недавно воссоздана в правоохранительной системе нынешней России, и они вместе с таможенными и налоговыми чиновниками призваны способствовать музеефикации антиквариата уровня национального достояния из конфискуемого государством имущества.

Циркуляр же № 31 за 1894 г. напоминал ГСК о необходимости принимать на хранение и экспертизу случайные находки, имеющие археологический интерес; важнейшие из них пересылать в ИАК для проверки и помещения в крупные музеи.

Чаще всего по линии ГСК учитывались монетные да вещевые клады, периодически находимые в провинции. Гораздо реже губернским краоведам доставались менее драгоценные, но порой более информативные в научном отношении находки. Так, в 1876 г. «обоянский уездный исправник доставил кость мамонта, найденную в горе у слободы Казацкой при раскопке камня и олений череп с рогами в 16 отростков, вытщенный из реки Псла крестьянами хутора Трешна при ловле рыбы. К этому г-н уездный исправник присовокупляет, что в памяти жителей Обоянского уезда не сохранилось преданий о водившихся там когда бы то ни было оленях» [44].

Именно в качестве непрременных председателей ГСК губернаторы и подчинённая им местная полиция обязаны были брать на заметку «остатки древних замков, крепостей, памятников и других зданий древности», «доносить о всех древностях в МВД, с приложением по мере возможности рисунков, планов или фотографических снимков с сих памятников» [45] (гласил очередной министерский циркуляр во все губернии страны). Кроме памятников старинной архитектуры, губернским властям предписывалось учитывать и собственно археологические объекты: курганы, каменные бабы, камни и плиты со старинными надписями и изображениями; пещеры, дюны со следами стоянок первобытного человека. Столь расширительный перечень был установлен МВД под явным давлением ИМАО и его энергичной председательницы, имевшей влиятельные связи при царском дворе, графини П.С. Уваровой. Реализовать такую программу

по региональной археологии оказалось весьма непросто, прежде всего из-за отсутствия на местах соответствующих специалистов и особых ассигнований на археологические поиски. Хотя постоянной археологической службы в российской провинции создать так и не удавалось вплоть до 1970-х–1980-х гг., даже разовые мероприятия министерств и ведомств в этом направлении приносили определённую пользу.

Так, курский отчет по упомянутому запросу МВД насчитывает в черновике, сохранившемся в ГАКО, 271 лист. Сведения для него собирались через городские управы, уездных исправников и приходских священников. Часть городов и уездов не усмотрела, как водит-ся, на своей территории никаких древностей. О предыдущих запросах такого же содержания и ответах на них там просто забыли. Но часть уездов прислали фотографии и словесные описания культовых и гражданских сооружений XVIII–XIX вв. постройки — церквей, часовен памяти разных православных святых и российских самодержцев; а также повсеместно прославившихся земляков (вроде рыльского дома Г.И. Шелихова; бюста М.С. Щепкина в Судже; колокола, пожалованного в 1674 г. Алексеем Михайловичем корочанской церкви; домике Петра I в слободе Борисовке Грайворонского уезда; памятников астроному Ф.А. Семёнову, поэту И.Ф. Богдановичу в самом Курске; и т.п.).

На основании собранных тогда материалов и личных наблюдений за историческими памятниками губернии Н.И. Златоверховников составил и опубликовал на средства ГСК содержательную брошюру [46]. К этому каталогу регулярно обращались и обращаются краеведы и историки следующих поколений.

Кроме того, данное правительственное мероприятие подготовило в провинции почву для более сознательного отношения к последовавшей вскоре уже специально археологической анкете ИМАО. В Курской и смежных с нею губерниях этот опрос провели в 1901 г. по просьбе П.С. Уваровой в рамках подготовки к очередному, XII Археологическому съезду в соседнем Харькове (1902 г.). Этим все-российским мероприятием, убеждали курян его инициаторы, “создаётся исключительный момент в истории края, когда многие учёные силы и значительные денежные средства будут употреблены на изучение его в археологическом и историко-этнографическом отношении” [47].

К такому обращению, подписанному авторитетным историком, профессором Харьковского университета Д.И. Багалеем, прилагалась очередная программа, подробно перечислявшая, какие именно типы первобытных, исторических, церковных древностей, этнографических предметов и фольклорных сюжетов желательно собирать для

Археологического съезда, впервые непосредственно включившего в свою орбиту курскую территорию.

“Свод сообщений земских начальников Курской губернии о древностях” был послан в Харьков, а самые эффектные экспонаты в натуре, извлеченные из запасов ГСК, Златоверховников лично во-зил на выставку при съезде. Среди 41 курского экспоната — юве-лирные изделия, бытовые предметы рубежа I–II тыс. из славянских курганов Посеймья; старые карты губернии, рукописи обоянского этнографа А.С. Машкина, другие документы XIX в. Эта, медленно, но верно пополнявшаяся коллекция раритетов ГСК вскоре легла в основу первого публичного музея древностей в Курске.

Отдельная анкета ИМАО, проведенная Харьковским ПК и через Курск, посвящалась каменным бабам — могильным изваяниям кочевников южных степей — печенегов, торков, половцев и прочих, сменявших здесь друг друга в древнерусские времена. Подобные статуи нашлись тогда только в трёх уездах — Грайворонском, Коро-чанском и Тимском. Н.И. Златоверховников описал их для Харьковского съезда [48], чем пополнил общую сводку такого рода памятников, которой до сих пор пользуются специалисты по истории Степи.

Следующий, XIII АС — в Екатеринославе опять-таки ориентировался прежде всего на Южную Россию, включая Курский край. Замысел ИМАО состоял в том, чтобы “убедить лиц, поработавших для Харькова, не оставлять начатой работы...” Депутаты Курского ГСК, несмотря на бурные события 1905 г., в том числе ожесточённые бунты курских крестьян, побывали и в Екатеринославе — в роли внимательных слушателей, учеников маститых ученых из разных российских университетов.

Таким образом, эпистолярное и съездовское общение провинциальных любителей археологии со столичными учеными носило хотя и спорадический, но достаточно органичный, взаимовыгодный характер и мало-помалу способствовало обнаружению и изучению местных древностей, других памятников истории и культуры.

Издательская деятельность ГСК заслуживает специальной оценки историка отечественной науки и культуры. Кроме широко распространённых по губерниям и областям России “Памятных книжек” — ежегодных справочников, путеводителей и одновременно альманахов краеведческих материалов [49], куряне выпустили в свет 4 объёмистых тома “Трудов” своего ГСК (Курск, 1863, 1866, 1877 гг.) и 7 выпусков “Курского сборника” меньшего формата, но столь же высокой информативности по историко-этнографической части. Цифровые отчёты губернских статистиков хорошо сочетались под этими обложками с разнообразными по тематике очерками краеведов, несколькими статьями столичных учёных — Д.Я. Самоквасова (о его курганных раскопках на

Псле), А.А. Спицына (“Обозрение Курской губернии в археологическом отношении” из его знаменитой серии региональных сводок результатов раскопок и случайных находок археологически значимых вещей), Д.К. Зеленина (о курских руко-писях по этнографии в архиве ИРГО), других авторов из Москвы, Петербурга, Киева, Харькова. Как видно по приведённым именам, с провинциальными краеведами сотрудничали всемирно известные ав-торы, подлинныe основоположники археологии и этнографии в Рос-сии.

Издания российских ГСК оценивали как образцовые с научной и просветительской точек зрения уже современники, включая самых компетентных в гуманитарной библиографии специалистов. Так, киевский профессор В.С. Иконников в своём обобщающем труде выделял как лучшие по всей стране публикации ГСК Воронежа, Кур-ска, Перми и Чернигова [50].

Хотя по масштабам издательской деятельности Курский комитет не стал лидером (сравни 40 томов “Трудов” Варшавского ГСК), но и в отстающих не ходил. Вот по части интереса к вещественным, соб-ственно археологическим древностям губернии с курянами мало кто мог по регионам России сравниться. Ведь при всём разнообразии со-держания изданий ГСК, публикации по археологии, тем более поле-вой, практической, отсутствовали в них до середины 1870-х гг. Из этого правила нашлось только три исключения: статьи о курганах Владимирской губернии К.П. Тихонравова [51] и Ярославской — Л.Н. Сабанеева [52] (прославившегося в качестве выдающегося пи-сателя-охотоведа, автора “Охотничьего календаря” России и других замечательных трудов на темы охоты и рыбной ловли), да уже рассмотренные нами выше отчёты о раскопках А.И. Дмитриюкова. В заголовках публикаций комитетских изданий за этот же период их выпуска слово “древности” встречаются только у курян да примени-тельно к Виленской губернии [53] (где жил и вёл раскопки извест-ный польский археолог Адам Киркор [54]). Перелом же в отноше-нии к планомерным разведкам и выборочным раскопкам городищ и курганов наступил для российских ГСК и вообще в провинции на рубеже 1870-х – 1880-х гг., когда одна губерния за другой составля-ла и публиковала каталоги этих памятников по своей территории [55].

Не исключено, что на поворот внимания провинциальной интел-лигенции к интересам отечественной истории и археологии повлияло то обстоятельство, что ближе к концу прошлого столетия интерес к гуманитарным предметам вообще начал теснить увлечение образован-ной общественности естествознанием и техникой в начале капитали-стических реформ.

Это хорошо видно по такому полупериодическому изданию, как “Памятные” (ПК) или “Справочные книжки” губерний и областей

России, что печатались в пореформенный период по всем её регио-нам. Они задумывались как вполне официальное — представитель-ское и информационное издание: календарные сведения на очеред-ной год, включая переходящие церковные и светские праздни-вания, а значит и неприсутственные для служащих дни (их в царской Рос-сии насчитывалось много больше, чем в нынешней); роспись наличе-ствующих членов императорского дома и дни памяти “в бозе почив-ших” его представителей; всех должностных лиц данной губернии; адреса учреждений и организаций, частных фирм; т.п. справки. Впо-следствии и эти данные стали немаловажным историческим источни-ком, особенно для краеведения и таких областей исторической нау-ки, как генеалогия, социальная история, историческая демография. Однако ещё важнее в этом отношении помещавшиеся в приложениях к ПК историко-статистические материалы и исследования провинци-альных авторов.

На фоне всех остальных губернских ПК приоритетной в архео-логическом отношении выглядит первая курская книжка — на 1860 г. Она включала в себя специальный раздел “Древности”. Там очень своевременно были описаны остатки бывшей вплоть до XVII столе-тия курской крепости (валов, рва, каменной стены и застройки крем-ля “по словам старожилов”). Далее шла характеристика “земляного вала на р. Рати, сохранившего в себе множество кирпича и дикого камня” от былых укреплений этого городища, “с каменным на нём строением с широко раздвинутым сводом” (позднее без следа разо-бренным окрестными жителями на строительные нужды). Современ-ные авторы, реконструирующие первоначальный облик этих истори-ческих центров, черпают в указанной и т.п. публикациях своих пред-шественников весьма ценные факты [56].

Автором этой публикации скорее всего является уже известный читателю нашей работы журналист А.А. Головашенко, хотя статья не подписана, как и другие, вышедшие именно из под пера редактора КГВ и прочих губернских изданий той поры. В статье весьма остро-умно предположено, что на Рати мы имеем дело с “полуосыпанной и полуразрушенной древней крепостцой” XV–XVII вв., которая тогда служила заслоном Курска от набегов крымских татар. Что касается “догадки о существовании на том месте старого города Курска, выст-роенного будто бы ещё Владимиром Святым”, то она по вескому мнению автора цитированного материала “ничем не подтверждается”.

Завершает всю эту археологическую подборку в первой ПК по-дробный перечень “предметов древности, находящихся в церквях города Курска” — Знаменском и Сергиевском кафедральном собо-рах; Благовещенской церкви (шитая драгоценностями риза, пожерт-вованная для Коренной иконы великим князем Федором Ивановичем; серебряный

крест от царя Алексея Михайловича; 28-пудовый колокол; Евангелие 1698 г. печати).

В последующих выпусках курских ПК по исторической части преобладали более поздние хронологически материалы. Для исследователей Новой истории Курска особенно интересны среди них могут быть очерки строительства и развития Знаменского монастыря; Мол-ченской Софрониевой пустыни в Путивле; Коренной ярмарки; владений гетмана Мазепы в Рыльском уезде, перешедших в собственность князей Барятинских. Географам и экологам пригодятся содержащиеся там же живописные описания окрестностей губернского центра (Знаменской роши, урочища Солянки, дачи Моквы) и порядка застройки всех уездных и заштатных тогда городков, ему подведомственных.

Таким образом, намерение составителей из ГСК сделать свои ПК “хранилищем сведений о губернии, материалом для истории и статистики государства”, можно считать сбывшимся.

Кроме полупериодических сборников, в период работы ГСК и под его несомненным влиянием на краеведческую мысль увидели свет издания монографического типа, хотя и по-преимуществу брошюрного формата. В историко-археологическом жанре выполнены работы И. Токмакова о Старом Осколе, Н.И. Алякритского о Дмитриеве (Львовском); архимандрита Макария о Путивле; Н.И. Златоверховникова обо всей губернии; А.И. Терлецкого о Судже; некоторые другие [57].

Заслугой Н.И. Златоверховникова, принявшего к исходу прошлого века на себя труд составления и редактирования изданий ГСК, явилось расширение круга его авторов за счёт видных специалистов-археологов и этнографов из нескольких российских университетов и других научных учреждений.

Куряне, ко всему прочему, отмечены в истории российских ГСК красной строкой благодаря такому почину, какова *корреспондентская связь с коллегами из разных губерний*. “В 1862 г. в Курском ГСК возникла мысль о необходимости этой солидарности в действиях комитетов; на первый раз — ... о печатании всех протоколов его, с целью рассылки их другим комитетам, для взаимного обмена мыслями и единства в некоторых действиях комитетов ... Эта мысль была горячо принята всеми комитетами ... и ... вместо просто-го обмена протоколами комитеты стали меняться и всеми [остальными] изданиями своими” [54].

Долговечность ГСК и, главное для рассматриваемой темы, плодотворность краеведческой работы большинства из них, поддерживались, как ни странно, в первую очередь административной централизацией статистической службы в масштабах Российской империи. Каждый комитет, образно говоря, чувствовал локти многих соседних учреждений того же рода. Он оставался на виду у прочих ГСК и столичного центра.

Для большей или меньшей, но явно провинциальной глухоманщины городков вроде Курска или соседних с ним, подобная сопричастность оказывалась важным стимулом культурной работы. Причём мотив корпоративной солидарности резонировался тут мотивом состязательности. Денежная подкормка государства, пусть далеко не щедрая, оставалась как нельзя кстати. Вмонтированность этого органа в бюрократическую систему власти повышала престиж крае-ведческих занятий его членов, нейтрализуя ходовые обвинения в “ненужных чудачествах” археологов и этнографов-любителей со стороны их начальства, просто земляков; наконец, жён и прочих членов семейств.

Не везде и не всегда указанные причины краеведческой активности комитетчиков срабатывали в полной мере. Но они, по крайности, не дали угаснуть краеведческим поискам под статистической крышей, как ушли без следа в песок бытовой рутины многие другие научно-просветительские начинания в отечественной провинции.

* * *

В новейшей историографии российского краеведения вклад ГСК оценивается чаще всего высоко, даже с некоторым умилением — как некий эталон общественной самодеятельности до революции, одна из вершин провинциальной культуры нашей страны. *Рассмотренный в этом параграфе опыт курского комитета* демонстрирует, однако, как положительные, так и отрицательные свои стороны, которые к тому же во многих случаях парадоксально предполагали друг друга.

А именно, надо признать, что целого коллектива, постоянного кружка изыскателей древностей на основе ГСК так и не сложилось, хотя некоторые предпосылки к тому имелись. Главную работу по выявлению, описанию и изданию древностей осуществлял до долга службы секретарь комитета. При наличии у него желания и способностей к тому. Возможности для историко-археологических занятий орган губернской статистики обеспечивал, особенно по тем — пореформенным временам, вполне достаточные. Благодаря нескольким лицам незаурядной энергии и талантливости на этом посту — своего рода главного археолога губернии, в Курске был составлен первый свод данных о расположении городищ и курганов края, собраны сведения о других памятниках местной старины. Через ГСК проходили сданные находчиками клады и отдельные случайно найденные редкости научно-музейного значения. Пока на местах не было такого органа и когда его опять не стало, эти сведения и эти находки в своём большинстве терялись для науки и музеев безвозвратно и незаменимо. С началом работы ГСК начался постепенный сбор материальных источников истории края. Деятели комитета приступили и к

систематической публикации материалов и исследований по историческому краеведению губернии.

Большинство археологических и прочих научных мероприятий комитета инициировалось из столичных центров науки и образования, оформлялось по министерским инстанциям администрации. Губернский орган статистики действовал в этом отношении по сути как филиал нескольких всероссийских научно-просветительских обществ и организаций. За годы его работы проблемы охраны и изучения свидетельств региональной истории вошли, наконец, в поле зрения губернского начальства, хотя и оставались для большинства его представителей на втором, а то и на третьем планах. Так, в результате первых попыток упорядочить здешние архивохранилища силами ГСК больше ценных для науки документов оказалось уничтожено, чем сохранено.

При всех пробелах и недостатках своей внестатистической деятельности именно Губернский статистический комитет за несколько десятилетий своей перемежающейся активности заложил необходимую основу для создания первого специализированного по историческому краеведению объединения курских интеллигентов. Этому объединению — Учёной архивной комиссии комитет передал и помещение, и библиотеку, и первые экспонаты для музея и, главное, опыт работы над различными древностями. ГСК показал убедительный пример пользы организационного объединения краеведческих усилий людей, разных по социальному положению, месту жительства, мере таланта. Эта заслуга стародавнего органа любителей местной истории даже сегодня воспринимается с ностальгией, до сих пор служит всё еще недостижимым образцом (ведь далеко не во всех субъектах Российской Федерации служба охраны исторических памятниках обеспечена и трудится с должной эффективностью, о чём речь пойдет в заключительной главе диссертации).

§ 3. Профессор Д.Я. Самоквасов и его провинциальные маршруты

Дмитрий Яковлевич Самоквасов (1843–1911) оставил заметный след сразу в нескольких взаимосвязанных областях науки и общественной практики. Он известен как автор фундаментальных трудов по истории отечественного государства и права, до сих пор находящихся в научно-исследовательском обороте; как выдающийся теоретик и организатор архивного дела в России; и, наконец, как археолог с мировым именем, замечательные коллекции которого, собранные за два десятилетия ежесезонных раскопок, украсили экспозиции и фонды Исторического

музея в Москве, петербургского Эрмитажа, краеведческих музеев Киева, Чернигова, Полтавы, Курска [1].

С Курским краем учёного связывали особенно тесные личные и творческие контакты. На склоне лет, выражая свою признательность за избрание в почётные члены Курской Учёной архивной комиссии, Д.Я. Самоквасов писал: “Присоединяю наилучшие пожелания успехов деятельности Комиссии в земле, близкой мне по рождению и по началу моих археологических работ” [2]. Эта глава призвана прокомментировать данную формулировку. Тем более, что не только научному дебюту, но и, так сказать, эпилогу археологических занятий маститого исследователя выпало произойти на Курской земле, в связи с её краеведческими объединениями.

Д.Я. Самоквасов родился 15 (27) мая 1843 г. на хуторе своих родителей — малообеспеченных, худородных дворян, близ села Стахорщины Новгород-Северского уезда Черниговской губернии. Здесь прошло его детство. С 1855 по 1862 г. он учился в Новгород-Северской классической гимназии. В 1863 г. поступает в Демидовский юридический лицей, что находился в Ярославле. Но вскоре переводится оттуда на юридический факультет Петербургского университета. Занимается там отлично, однако неоднократно находился на грани отчисления по причине неуплаты денег за обучение. Преодолевая нищету и болезни, живя на скудное казённое пособие, способный выходец из Малороссии заканчивает в октябре 1868 г. полный курс наук с первой по тем временам учёной степенью — кандидата. По решению совета университета его оставляют стипендиатом “для приготовления к испытанию на степень магистра” [3] сроком на два года при кафедре государственного права.

Темой магистерской диссертации начинающий “историк-юрист” (специальность, широко распространённая в российских университетах до революции) избрал вопрос о городах в Древней Руси. Изучив летописные и другие письменные источники на сей счёт, Самоквасов принял новаторское для своего времени решение — начать *изучение сохранившихся городищ*, т.е. материальных остатков укрепленных поселений, в основном домонгольского периода, на территории коренных, сердцевинных областей страны. Увлечению полевой археологией способствовало его знакомство с основателем и председателем ИМАО графом А.С. Уваровым [4]. Тот привлек способного и энергичного новичка к реализации своего плана раскопок на территориях летописных “племён” восточных славян. Самоквасова командировали исследовать древности Северянского племенного союза, судя по “Повести временных лет”, занимавшего бассейны Десны, Сейма и Сулы.

Для начала — выработки методических приёмов осмотра и шурфовки “древних земляных насыпей”, молодой учёный побывал у себя

дома, в окрестностях Новгорода-Севе́рского и в других уездах Черниговской губернии. Оттуда уже он переправился в Курск и 1 июня 1872 г. подал “Его превосходительству Александру Николаевичу Жедринскому, господину Курскому начальнику губернии” своё необычное по тем временам прошение. В нём говорилось: “Отыски-вая и изучая древние земляные насыпи, сохранившиеся в различных местностях земли, занятой русскими славянами в древнейший период русской истории, я ... со сведений, собранных при Курском стати-стическом комитете, узнал, что в Суджанском и Рыльском уездах Курской губернии сохранились многие древние земляные насыпи. Эти насыпи — городища, городки и курганы, как по своему геогра-фическому положению, на границе земель Славянской и Половец-кой, с одной стороны, и на границе земель Северян и Вятичей, с другой, — так и по остаткам древнего общественного быта народов, открытых в недрах их раскопками г-на Дмитрукова, представляют особенный интерес для русской археологии и истории, а потому точ-ное исследование их мне представляется в высшей степени жела-тельным”. После такой мотивировки шла просьба о денежном посо-бии на раскопки из губернских средств. “... И, конечно, чем больше будет средств, тем можно рассчитывать на большее количество резу-льтатов, полезных археологии, истории и местной старине” [5]. Об итогах своей экспедиции столичный магистрант обещал предоставить Курскому ГСК письменный отчет.

А.Н. Жедринский служил курским губернатором едва ли не ре-кордный для своей должности срок — в 1866–1881 гг. и начальни-ком края был одним из лучших. Один из показателей того — с ним и его семьей дружили многие представители творческой интеллиген-ции. В просторном губернаторском доме останавливались погостить живописец В.Г. Шварц, поэт А.Н. Апухтин и другие знаменитости отечественной культуры. Один из лучших лириков России — Апух-тин целый ряд проникновенных стихов посвятил губернаторше М.Д. Жедринской. В одном из них поэт признаётся:

“Когда путём несносным и суровым
Мне стала жизнь в родимой стороне,
Оазис я нашёл под вашим кровом
И отдохнуть отрадно было мне...” [6].

Приветил культурный губернатор и начинающего археолога — крайне редкую птицу в тогдашней нашей провинции. Тот без прово-лочек, уже 24 июня получил на задуманные раскопки из бюджета губстаткомитета 200 рублей, порядочную по тем временам сумму. Сравним: Бальзаминов — герой известной пьесы А.Н. Островского

получал жалования 120 рублей в год и, хотя жаловался на бедность, жил на эти деньги с матушкой и кухаркой в собственном домике. Во-преки очевидному недоумению своих собственных “бальзаминовых”-канцеляристов, Жедринский милостиво принял этого просителя и обстоятельно беседовал с ним на археологические темы. Губернатор разрешил магистранту писать ему лично о затевавшихся им раскопках, а на прошении наложил визу: “Со своей стороны признавал бы полезным оказать со стороны Комитета содействие г-ну Самоквасову в его учёных исследованиях”.

Контракт с начинающим археологом оказался для статкомитета выгодным. В июле 1872 г. Самоквасов произвёл *раскопки курганов* (86 общим счётом) у *Николаевской Белогорской пустыни* (заштатно-го монастыря), что на берегу Псла и ещё 6 древних могильных насыпей — возле рядом с монастырём расположенного заштатного го-родка Мирополья в *Суджанском уезде*. Кроме того, шурфованию подверглись тогда два тамошних городища, получивших известность в археологической литературе как Большое и Малое Горнальские. Полученные тогда находки археолог справедливо квалифицировал как древности восточных славян того объединения, что носило лето-писное самоназвание “Север”, северяне, и позднее было отождествлено археологами следующего поколения с роменской археологической культурой IX–XI вв. н. э.

Сто лет спустя после установочных работ Д.Я. Самоквасова одно из них эталонно раскопала экспедиция Института археологии АН СССР под руководством А.В.Кузы. Находки из этих раскопок опубликованы монографически [7], их образцы демонстрировались в 1996 г. на Международной выставке в Москве “На пути из варяг в греки и из грек...” [8], отмечая одно из ответвлений этого знаменитого в древности маршрута международных коммуникаций. Наконец, горнальские находки украсили обновлённую недавно экспозицию Исторического музея в Москве, его славяно-русский зал. Как видно, первый — курский шаг Д.Я. Самоквасова на стезе полевой археологии оказался весьма удачным и перспективным.

Часть найденных на суджанских раскопках вещей — дубликаты керамики, серебряных височных колец северянского типа, других ремесленных изделий из металла и кости — наш магистрант передал при отъезде из Курска секретарю ГСК Ю.И. Кушелевскому. Когда вскоре в комитете приступили к изданию очередного, 4 выпуска своих “Трудов”, то вспомнили обещанный заезжим археологом отчёт о его раскопках. Новый секретарь А.М. Мизгер отправил в Варшаву, куда Самоквасов к тому времени переехал из Петербурга преподавать историю русского права в университете, письмо с требованием немедленно выслать “археологическую статью по предмету произведённых ... в Курской губернии раскопок древних курганов и прочего”. Заодно в постскрипуме

выдвигалось требование предать в распоряжение комитета все остальные “древние вещицы, найденные во время раскопок” [9].

Самоквасов к тому времени, успешно защитив диссертацию, стал профессором Варшавского университета. Его ответ курянам (от 20 ноября 1873 г.) интересен высказываниями о предмете и методе археологической науки, переживавшей тогда в России период своего затянувшегося становления. “Как я говорил Вам при последнем свидании, — обращался учёный к губернатору поверх остальных комитетчиков, — для статьи необходимы исследования многих местностей с курганами и сличение результатов их раскопок”. Подобных сравнительных данных по областям Центрального Черноземья и Украины не только Самоквасов, но и никто из его немногочисленных сподвижников по раскопной практике в то время не имел. Четверть века ежесезонных раскопок, ведущихся по единому плану, по-требуется профессору и нескольким его помощникам и коллегам в русской археологии, чтобы разграничить важнейшие периоды древнейшей истории Восточной Европы, хотя бы в первом приближении разобраться в наложении размещавшихся здесь археологических культур. А в тот момент, о котором идёт речь, археолог мог предложить курянам только описательное “сообщение о внешних формах и содержанием разрытых мною до настоящего времени курганов и городищ”.

Кроме отредактированного фрагмента полевого дневника, комитет получил от Самоквасова его первую книгу “Древние города России. Историко-юридическое исследование” (СПб., 1873) и отчасти ряда статей, изданных ИРГО, ИМАО [10]. Все эти публикации опирались в первую очередь на материалы черниговских и курских раскопок, вводили местные памятники археологии во всероссийский и международный научный оборот. К тому же, курские находки послужили важными параллелями находкам, сделанным Д.Я. Самоквасовым уже в тех же звёздных для него как археолога 1872–73 гг. в родном Чернигове. Раскопанные молодым исследователем тогда черниговские курганы — Чёрная могила, Гульбище, Безымянный и др. содержали беспримерного по общеевропейским меркам богатства и разнообразия погребения — княжеского, боярского, дружинного уровней, совершённые в северянской столице на исходе X в. Предметы вооружения, труда, быта и религиозного культа славян-язычников и скандинавских воинов-”русов”, погребённых в черниговских курганах, изученные и опубликованные Д.Я. Самоквасовым, стали выразительнейшими символами древнерусской культуры, их репродукциями до сих пор иллюстрируют учебники по истории России; заново реставрированные, они украсили новую экспозицию Исторического музея на Красной площади Москвы [11].

А.С. Уваров гордился экспедиционной удачей и сенсационными успехами своего ученика на раскопках. Корифеи российской истори-

ческой науки — В.Б. Антонович, И.Е. Забелин, Д.И. Иловайский, Н.И. Костомаров, К.Н. Бестужев-Рюмин живо интересовались новыми — подземными источниками отечественной истории, анализировали археологические находки своего младшего коллеги. Иностранцы делегаты уваровских Археологических съездов, начиная с III, где впервые прозвучали доклады этого автора, в свою очередь обратили на его материалы и выводы самое пристальное внимание. Так, французские авторы в своих учебниках и монографиях по истории России непременно упоминают о курганных и городищенских древностях из самоквасовских раскопок [12].

Что касается притязаний курских краеведов на его суджанские находки, то оно привело профессора в негодование. “Комитету должно быть известно, — категорично отвечал он, — что археологические находки составляют собственность нашедшего [по действовавшему тогда в России законодательству — С.Щ.], а для меня как специально занятого их изысканием и изучением, они имеют особую важность, потому что необходимы для сличения содержимого в курганах разных местностей и уже потому я не мог бы уступить моих находок Комитету ни на каких условиях. Передал я Комитету некоторые дуплеты не по обязанности, а как дар, в благодарность за содействие моим исследованиям” [13].

На наш современный взгляд, принятое профессором решение оказалось справедливым выходом из спора с курскими любителями истории. У ГСК уже имелась подборка восточнославянских украшений и орудий труда, предметов быта, раскопанных ранее А.И. Дмитриевым. Подарок Самоквасова удваивал эту коллекцию. В дальнейшем она неоднократно пополнялась за счет случайных находок — палеонтологических окаменелостей, шлифованных неолитических топоров, бивней и костей мамонта, денежных кладов. Случались также пожертвования антикварного уровня — старинных кладов, икон, прочей церковной утвари, редких, в том числе первопечатных книг и рукописей [14]. На базе всего этого собрания позднее, в 1903 г. был основан Курский историко-археологический и вообще краеведческий, по послереволюционной терминологии, музей. В самом открытии этого музея Д.Я. Самоквасову уже на склоне его карьеры опять-таки довелось сыграть немаловажную роль (о чём будет сказано ниже). Что касается оставшихся у самого археолога суджанских находок, то они в составе его огромной коллекции древностей и с её полным каталогом были в 1891 г. пожертвованы им Историческому музею, открытому А.С. Уваровым на Красной площади в Москве [15]. Некоторые из них красуются в его обновленной экспозиции, вновь открытой к 850-му юбилею нынешней столицы частично, а на исходе 2001 г. полностью.

Помимо раздела археологических материалов, Д.Я. Самоквасов связывал с курскими деятелями ещё один весьма важный вопрос. Учёный ждал от них результатов анкеты, проводимой им по всей Европейской части страны ради учёта сохранившихся памятников материальной культуры, начиная с городищ и курганов. В его планы входило издание археологических карт ряда губерний, составление указателей “древних земляных насыпей”. С этой целью им был составлен специальный вопросник относительно местонахождения, площади, внешних форм и других признаков городищ и курганов, сохранившихся о них народных сказаний и сделанных там находок, раскопок. Анкета предназначалась для низового звена тогдашней администрации — волостных старшин, а также приходских священников. И те, и другие неплохо знали свою округу, были по крайней мере грамотны и подчинялись соответственно губернским властям и владыкам епархий.

Запрос о городищах и курганах на подведомственной им территории и другие получили из достаточно властной инстанции — Центрального Статистического комитета МВД [16]. Этим правительственным учреждением, напомним, с 1863 г. заведовал знаменитый учёный-географ и государственный деятель П.П. Семёнов-Тян-Шанский [17]. Начинающему археологу удалось заручиться его влиятельной поддержкой. Соответствующий циркуляр выглядел следующим образом:

“Волостным правлениям Курской губернии.

Губернский Статистический комитет предлагает ... доставить непременно к 25 числу будущего сентября месяца сведения: имеются ли в волости древние земляные насыпи или валы, или окопы, или батареи, которые в народе носят названия городков или городищ, а если таковые имеются, то где именно, т.е. у каких городов, сёл, деревень, хуторов, рек, озёр и других урочищ, в каком направлении и в каком расстоянии от последних” [18].

Приведённый текст (из черновых бумаг архивного фонда Курского ГСК) написан рукой Самоквасова и первоначально для Черниговской губернии. Затем в обращении название губернии переправлено автором на Курскую. Таким образом, учёный лично организовал археологическое анкетирование — сначала на своей малой родине, а затем по соседству с ней, во время полевого сезона 1872 г. Параллельный запрос был пущен им по церковным каналам обоих регионов [19].

Затем, уже с помощью разветвлённого аппарата ЦСК были опрошены 49 губерний и 5 отдельных областей Российской империи. Результаты получились неравномерные [20]. Курские сведения — одни из самых полных и обстоятельных. В ответах здешних волостей оказались упомянуты 863 кургана и более 100 городищ. Чиновники из статистического комитета по собственной инициативе обработали груду

заполненных на местах и присланных им опросных листов и составили сводный “Указатель городищ, курганов и других древних земляных насыпей в Курской губернии” [21]. Вместе с комментирующими статьями Самоквасова этот каталог был опубликован в комитетских “Трудах” [22].

Хотя в данном перечне и встречаются пробелы и неточности (что вполне естественно для первой пробы реализации столь масштабного проекта), но в дальнейшем не одно поколение археологов и краеведов использовало его данные с неизменным успехом в исследовательских, разведывательных и охранных целях. Во всяком случае, следующую, естественно, гораздо более подробную сводку курских памятников археологии подготовили только недавно, к середине 1990-х гг. (специалисты из Института археологии РАН во главе с А.В. Кашкиным [23]). Подобные сопоставления позволяют лучше понять усилия и достижения наших предшественников на ниве краеведения.

Публикации Д.Я. Самоквасова о городищах, включая курские материалы на сей счёт, подвели черту под периодом разноречивых и ошибочных толкований этих памятников старины. Историки и краеведы довольно долго усматривали в городищах языческие святилища или только лишь дозорные башни, в лучшем случае крепости славян и их соседей. Так, курянин И.О. Тихомиров незадолго до самоквасовских раскопок настаивал на подобных оценках применительно к тем же Горнальским городищам на Псле. В них он вполне голословно усматривал “остаток древнего *sacrum sacrum* [святилища — С.Щ.] первых скифских или славянских поселенцев в этой местности, поклонников огня...” Из этих двух гор якобы “одна служила жертвенником неугасимого огня, другая для капища исповедуемого бога. ... С высоты горы открывается восхитительный вид по долине р. Псла, а потому неудивительно, что древние славяне, дети природы, предпочтительно избрали это место удобным для своего религиозного культа” [24]. Именно труды Д.Я. Самоквасова позволили правильно понять городища как центры поселений формирующегося здесь именно тогда городского типа, с полным набором политических, экономических, идеологических функций в жизни славян-язычников.

Сам же профессор за годы, следующие после отмеченного анкетирования и с его учётом, несколько раз производил *раскопки в Курской губернии*. Так, летом 1875 г. Самоквасовым были изучены: 24 курганных насыпи в Курском уезде — у села Клюквы и деревень Александровки и Городище; ещё 8 — в Сумском уезде у с. Сотникова и Софроньевского монастыря; а 7 — в Путивльском уезде у с. Марьяновки. Тогда же, в поисках Первокурска археолог обследовал памятник, неоднократно упоминаемый в нашей работе — Ратское городище, верстах в 20 от губернского центра. Тем самым оно было наконец введено в научный

оборот, догадки на его счёт сменились фактами, которые продолжают накапливаться до сих пор.

Материалы, полученные этими разведками и раскопками, отражены в итоговых трудах Д.Я. Самоквасова — “Могилы русской земли”, “Происхождение русского народа”, “Северянская земля и северяне по городищам и могилам” (М., 1908) и некоторых других. Последняя монография особенно примечательна для познания региональных древностей. Ведь это первый для нашей страны опыт обще-исторических выводов и гипотез, основанных на археологических материалах, причем систематизированных, массовых для крупного и тем самым весьма репрезентативного региона страны. Реконструкция духовной и материальной культуры славян северянского объединения накануне принятия Русью христианства, произведенная этим автором, произвела переворот во взглядах на начало российской истории. Уровень социально-экономического развития наших предков в языческую эпоху оказался отнюдь не первобытным, как полагали долгое время ведущие историки древней Руси. Раскопками профессора и некоторых его коллег, обнаружилось широкие международные связи славян Днепровского Левобережья IX–X вв.; развитое земледелие как основа всего их хозяйства; искусное ремесло; мощная оборонительная система укреплений юго-восточного пограничья славян, а затем и Руси; административное деление восточнославянских земель на собственные княжения, а затем волости и уделы Киевской державы. Последующие углублённые исследования разных сторон древнерусской жизни постоянно используют факты и наблюдения Д.Я. Самоквасова, разумеется, дополняя и уточняя их с новых позиций.

Этот археолог и в дальнейшем не оставлял своим вниманием курские просторы. В августе-сентябре 1891 г. он вновь произвёл здесь — у с. Воробьёвки Курского уезда масштабные раскопки. На сей раз их объектом оказался внушительных размеров курган (“со скорченным остовом” и скудным инвентарем самого начала эпохи металла) и 4 малых насыпи того же энеолитического периода вокруг него.

Место этих раскопок было Дмитрию Яковлевичу особенно памятным. Здесь, 1 января 1873 г. в Казанско-Богородицкой церкви он венчался с “курской помещицей деревни Клиновой дворянской Таисой Васильевной Шумаковой, православного вероисповедания, 19 лет” [25], как гласила метрическая запись. С тех пор практически каждое лето супруги приезжали погостить в Клиновую. Неказистый, но просторный и светлый дом тестя стал любимым местом отдыха и писательской работы Дмитрия Яковлевича на каникулах, под занавес полевого сезона, который он проводил с открытыми листами Императорской Археологической комиссии то на Украине, то в Крыму, то на Кавказе, то в Италии.

Сто с лишним лет назад деревушку Клиновую населяло 240 душ государственных крестьян. Ландшафт селения, затерявшегося меж высоких холмов, раскидистых приречных лугов и пашен, очень похож на окрестности черниговского хутора, где родился и вырос Самоквасов. Впрочем, сам Дмитрий Яковлевич воспринимал соседние — восточнукраинские и центрально-чернозёмные земли как одно, родное для себя целое. Опоздав как-то за университетскими делами к началу полевого сезона, археолог писал: “На две-три недели не стоит забираться в Крым и я решил посвятить это время отпуска поездке на родину”, т.е. на Черниговщину и Курщину [26].

Уделяя должное внимание личностному, целостному пониманию субъекта и процесса исторического познания, нелишним будет пояснить: в отдалённую курскую деревеньку приезжал в конном экипаже с железнодорожной станции Курска в лице Самоквасова чиновник высоких рангов, “его высокопревосходительство” (последний чин — тайного советника, третий по старшинству согласно “Табели о рангах”, соответствовал военному генерал-лейтенанту). Однако ж сей “статский генерал”, как тогда выражались, выходил удивительно прост в образе повседневной жизни, доступен и приветлив в обращении. Гостя на каникулах в украинской ли, в российской деревне, Д.Я. первым здоровался с каждым встречным мужиком, снимая перед ним для приветствия свою фетровую шляпу. С ней, а также с выдавшим всякие виды длиннополым профессорским сюртуком и тростью, этот могучего сложения, с седоватой окладистой бородой господин не расставался ни зимой, ни летом. Пожимая ладонь профессору, сельский труженик убеждался, что мозоли на ней такие же, как и у него самого. Заступ археолога был столь же привычен руке учёного, как и мел преподавателя, и перо писателя. Кстати, понимали и принимали его курские крестьяне, судя по сохранившимся документам и воспоминаниям современников, именно как профессора, а не в качестве “столичной персоны” или “губернского чина”.

Как видно из документов учреждений, где он служил, и из личной переписки [27], профессор одинаково заинтересованно отвечал и великому князю, и ничтожнейшему, по тогдашним сословным меркам, просителю; и маститому коллеге из столичного университета, и студенту-первокурснику. Так и со служившими в Курске любителями истории и археологии — Н.И. Златоверховниковым, А.Н. Кобылиным, К.П. Сосновским и другими членами кружка краеведов у профессора установились плодотворные отношения товарищеского сотрудничества. Через него они поддерживали связи с московскими и петербургскими учёными обществами. Ведь к тому времени Самоквасов, отслужив положенный срок в Царстве Польском, перебрался в Москву и занял пост управляющего Московским архивом министерства юстиции (МАМЮ). То

было крупнейшее в стране хранилище древних актов и рукописей. Историки-любители из Курска — А.А. Танков, Л.Н. Позняков, Н.П. Сенаторский и другие стали частыми посетителями архива на Девичьем поле [28]. Преподаваемые им тут опытнейшими членами самоквасовской команды архивистов навыки палеографии и текстологии оказались незаменимы при создании в Курске специализированной на местной истории организации — Учёной архивной комиссии. Именно у самоквасовского архива большинство ГУАК заимствовало образцы описей и прочие методики работы с документами. На избрание в почётные члены Курской комиссии профессор откликнулся большой посылкой своих научных трудов и полным комплектом изданий своего архива [29].

Обобщающие работы Д.Я. Самоквасова по истории, археологии и археографии довольно активно использовались членами Курского статкомитета, а затем и ГУАК. Ссылки на эти материалы нередки в протоколах их заседаний [30]. Личные консультации по различным проблемам местной истории учёный давал провинциальным коллегам при периодических встречах на общероссийских археологических съездах, их подготовительных комитетах, заседаниях различных учёных обществ, прежде всего ИМАО. Логичным продолжением такого сотрудничества стала *большая археологическая экспедиция*, подготовленная курянами и возглавленная профессором. Для развития южнорусской археологии она получила этапное значение.

Когда в январе 1909 г. для переговоров в Москву прибыли фактический председатель ГУАК А.Н. Кобылин и её правитель дел (он же секретарь статкомитета) Н.И. Златоверховников, то двух мнений относительно объекта, подходящего для продолжения раскопок на Курской земле, не возникло. Решили заняться уникальным археологическим комплексом в районе села Гочева Обоянского уезда. О существовании громадного гочевского могильника Курская ГУАК узнала в 1905 г. из сообщения здешней учительницы и учёной фольклористки Е.И. Резановой. А ещё раньше, когда в Курске не было своего краеведческого объединения, некто А.А. Филиппенко из Обоянского уезда прислал в ИМАО письмо с указанием на тот же памятник и предложением его раскопать, оставшимся тогда без последствий [31].

Специальная разведка, произведенная теперь по течению Псла К.П. Сосновским, поднаторевшим в полевой археологии под руководством профессора [32], уточнили размеры Гочевского комплекса памятников — два близлежащих городища и огромный курганник вокруг них, насчитывающий несколько тысяч насыпей. Местные жители не находили там монеты, наконечники копий, иные старинные предметы. Ведь сердцевинная часть бывшего поселения — между разрушавшимся валом и рекой, так называемое Предгородье, давно распахивалась и

площадь запашки постоянно увеличивалась за счёт заросших лесом частей некрополя. Кроме того, крестьяне из окрестных сёл полным ходом вели грабительские раскопки курганов, о чём упоминалось выше, в главе о кладоискательстве. Представленное ГУАК губернатору “мотивированное ходатайство о принятии мер к охранению от расхищения курганных древностей в районе той местности, где находится Гочевское городище” [33] оказалось безрезультатным. Так что задуманные в 1909 г. гочевские раскопки носили охранный и даже спасательный характер.

На право производства раскопок в Гочеве Самоквасов получил открытый лист ИАК, чьим членом-корреспондентом он к тому времени состоял. Будучи проездом в Курске, 3 апреля 1909 г. профессор прочитал в помещении ГУАК платную публичную лекцию на тему: “История культуры населения Русской земли по могильным древностям”. К сбору от лекции (64 руб. 80 коп.) он присоединил своих 200 рублей и передал всю сумму Комиссии “на археологические раскопки в Обоянском уезде” (как бы возвращая с лихвой субсидию, полученную в своё время — “на заре туманной юности” — от курян на раскопки суджанских курганов).

С 18 по 26 августа того же года Д.Я. Самоквасов с группой сотрудников из Архивной комиссии работал в Гочеве. Профессору сопутствовали: А.Н. Кобылин, Н.И. Златоверховников, К.П. Соколовский, Ф.П. Амелин, а также председатель уездного кружка любителей старины, громко именуемого Грайворонским Археологическим комитетом, П.П. Афанасьев. Они раскопали до 270 курганов, вскрыли ещё 9 погребений в пределах одного из городищ, обследовали его территорию с помощью 4 траншей. Кроме того, раскопки производились ими на песчаных дюнах соседней деревни Шмырёвой, где обнаружилось более древние — урновые погребения.

“Так как большинство лиц, прибывших на работы, участвовало в раскопках в первый раз, то члены Курской комиссии просили Д.Я. Самоквасова показать им образцовые приёмы работ по вскрытию курганов, а также порядок ведения полевого журнала. Д.Я. Самоквасов охотно пошёл навстречу этой просьбе и произвёл вскрытие пяти первых пробных курганов с соблюдением всех технических приёмов работ, выработанных им многолетней практикой” [34] и, добавим, отражённых в составленной им же официальной инструкции для российских археологов [35].

Изучив на первых курганах структуру насыпного и материкового слоёв данного некрополя, определив общий тип погребений, профессор остальные насыпи велел по своему обыкновению копать уже не на полный снос, а “колодцем” — выбирая собственно погребение из земельного холма, что значительно ускорило дело экспедиции (хотя и приводило к потере части информации обо всём погребальном памятнике; в

дальнейшем археология преодолела этот методический недостаток). Начинаясь сев озимых хлебов и рабочие — их наняли до 80 человек из числа местных крестьян — поторапливали археологов. Учёный расставил своих учеников так, чтобы за каждым раскопом они наблюдали и вели дневник фиксации находок попарно (наёмным рабочим учёный никогда не доверял копать памятники археологии самостоятельно). “Сам Д.Я. Самоквасов переходил от кургана к кургану и руководил работами, постоянно заглядывая в журналы, обсуждая записи и поправляя их, если было нужно” [36].

Раскопки неожиданно продлились из-за спора, завязавшегося между археологами перед намеченным было отъездом: “В какой срок должен уничтожиться распашкой курганник, даже такой исключительной величины, как Гочевский?” Оказалось, что на месте самих раскопок ещё лет пять назад рос лес, сведённый крестьянами для увеличения пашни. Приняли в расчёт, что на данном участке уже не осталось ни одного непо потревоженного плугом погребения. На соседних же участках, пахавшихся более 10 лет, не сохранилось даже внешних следов курганов. Вывод получался неутешительным для науки: целостность могильника безвозвратно утратится для науки и исторического ландшафта через какие-нибудь 8–10 лет (так оно и вышло). “Тогда Д.Я. Самоквасов заявил, что он не может допустить потери для науки тех вещей, которые заключены в начатых распашкой курганах и в таком случае должен, по возможности, все такие насыпи вскрыть” [37]. Раскопки продолжались, однако целых погребений на пашне попадалось мало; археологи подбирали остатки разракопанных пахарями комплексов. Этим объясняется сравнительно большое число обследованных экспедицией в то лето могил.

Добытый раскопками богатый археологический материал тщательно упаковали и привезли в Курск. Здесь К.П. Сосновский и Ф.П. Амелин по указаниям Самоквасова разобрали и очистили вещи, законсервировали самые ветхие из них и нашили на картоны помогильно. Такая методика тогда лишь начинала утверждаться в отечественной практике раскопок и придавала их результатам действительно научное, пригодное для дальнейшего анализа значение. Стоит, забегая вперёд, отметить, что оказавшиеся впоследствии в областном краеведческом музее Курска гочевские, да и остальные археологические находки дореволюционной поры были безбожно перепутаны, в значительной части утрачены, а в незначительном остатке депаспартизированы (по нашим наблюдениям, в основном за 1970-е – 80-е гг.). Самоотверженный труд Д.Я. Самоквасова и его замечательных помощников во многом обесценили недобросовестные музейщики, что волею судеб оказались их преемниками по части исторического краеведения. При создании в Курске специального музея археологии в начале 1990-х гг. туда из Областного краеведческого музея

смогли предать лишь малую толику пострадавших от небрежного хранения экспонатов из масштабных самоквасовских раскопок. Если бы не образцовое, системное издание дневника и атласа гочевской экспедиции К.П. Сосновским и его помощниками из ГУАК, эти принципиально важные для науки и культуры артефакты утратились бы почти без следа.

А тогда, в 1909 г. профессор сам составил отчёт по открытому листу и с разрешения ИАК передал всю гочевскую коллекцию “в музей Курска, состоящий при местной Учёной архивной комиссии, на вечное хранение” [38].

Первоначально Самоквасов вёл с ИАК переговоры о публикации гочевских древностей, их репродукций в одном из полупериодических выпусков “Материалов по археологии России”, издаваемых Комиссией. Однако “ввиду настоятельной просьбы заинтересованной в этом деле Курской ГУАК” [39] автор решил уступить ей право на это издание. К такому решению подтолкнули и обострившиеся разногласия старого “уваровца” с петербургскими руководителями российской археологии. Профессор обвинял их в том, что в угоду экспозиционной эффективности, материальной стоимости находок, ежегодно по уставу ИАК “обозреваемых Государем Императором”, те жертвовали интересами исторической науки. Последние предполагали как раз системное хранение полных комплексов находок, скажем, курганных, не исключая из них никаких вещей, даже самых внешне невыразительных и массовидных находок. Доля истины в этих методических обвинениях содержалась — на хранение в Эрмитаж ИАК отбирала преимущественно вещи из драгоценных металлов, особой — для нумизматики, искусствоведения, музейного коллекционирования редкости, а на утрату остальных — рядовых, внешне невзрачных древностей смотрела сквозь пальцы. Правда и то, что подкравшаяся к Дмитрию Яковлевичу тяжёлая болезнь придала резкости его характеру и в общении с товарищем председателя ИАК А.А. Спицыным и прочими оппонентами выражений он уже не выбирал.

Расходы на гочевскую экспедицию превысили первоначальную смету и составили более 700 руб. Из них 400 профессор принял на свой счёт, удвоив тем самым своё пожертвование. Уже после кончины учёного, в 1912 г. его вдова Т.В. Самоквасова прослышала от одного курянина, будто Архивная комиссия недополучила от её мужа обещанные на экспедицию деньги и числит их долгом. Она тут же перевела в Курск 264 руб. 80 коп., “желая уничтожить эти счёты” [40]. Вместе с деньгами Комиссия получила изданную к тому времени книгу “Памяти Дмитрия Яковлевича Самоквасова” (М., 1912).

Благодаря за подарок, А.Н. Кобылин отрицал какую-либо задолженность покойного профессора их учреждению и выразил готовность полученные деньги возвратить. На что вдова профессора, не слишком-то

густо сама обеспеченная к тому времени пенсией, реко-мендовала “дать им то назначение, какое дал бы Димитрий Яковле-вич” [41]. Куряне выполнили волю дарительницы и определили её перевод как “фонд высокоуважаемого Д.Я. Самоквасова для науч-ных работ Комиссии, а именно на раскопки в Обоянском уезде” [42].

Желание “продолжить исследования, произведенные в 1872, а затем в 1909 г. профессором Д.Я. Самоквасовым” [43] выразил один из молодых членов ГУАК, выпускник Московского Археологическо-го института, служивший тогда учителем истории в Курском реаль-ном училище, Павел Сергеевич Рыков (1884–1942) [44]. В июне-ию-ле 1912 г. он, совместно с увлекшимся археологией курским гимна-зистом Л.Н. Соловьёвым, провёл новые раскопки гочевских курга-нов. Позднее оба они стали видными советскими археологами и про-фессор Саратовского университета П.С. Рыков опубликовал резуль-таты своих гочевских раскопок с посвящением первоисследователю памятника [45].

Вышли в свет и материалы экспедиции 1909 г. Обострение бо-лезни и скоропалительная кончина помешали профессору самому до-вести до конца это издание. “... Д.Я. не раз высказывал ту мысль, — вспоминал его верный и способный ученик К.П. Сосновский, — что при каждом издании [археологических находок — С.Щ.] долж-ны быть помещены рисунки всех вещей, добытых данной раскопкой, ибо для правильных научных выводов важна вся совокупность добы-тых раскопками материала...” [46]. В завещании профессора 300 рублей отводились на публикацию “Дневника раскопок в окрестно-стях с. Гочева...” и большеформатного “Атласа гочевских древно-стей”. В 1915 г. их, наконец отпечата-ла, причём образцово, Синода-льная типография в Москве.

Весь тираж Т.В. Самоквасова передала в распоряжение Кур-ской ГУАК. Та распространила большую часть экземпляров среди других областных историко-краеведческих обществ, а также своих действительных и почётных членов. Таким образом, чтобы ввести в научный оборот результаты последней экспедиции профессора семей-ство Самоквасовых издержало до тысячи рублей. Для сравнения стоит заметить, что ежегодный бюджет курских краеведов из Архив-ной комиссии не превышал тогда 300 рублей на всё про всё.

* * *

Подытоживая *курские страницы биографии Д. Я. Самоквасова*, можно утверждать, что он выступил основоположником научной ар-

хеологии этого края. Впервые по научной (для своего времени) методике, — с последующей фиксацией по комплексам, полевым отчётом, музеефикацией, иллюстрированным изданием находок; даже историческим объяснением в соответствующей монографии [47], им были раскопаны основные типы археологических памятников бассейнов Сейма и Псла. Благодаря самоотверженной деятельности профессора, продолжавшейся почти полвека, — экспедиционной, научно-исследовательской, педагогической, — с многочисленными фактами материальной и духовной культуры восточных славян рубежа I и II тыс. н. э. познакомились не только русские историки, столичная и провинциальная общественность нашей страны, но и ведущие представители гуманитарной науки в Западной Европе. Материалы курских раскопок сыграли при этом роль хронологического репера, типологического эталона при культурно-историческом определении до-толе непонятных исследователям археологических находок.

Сотрудничество Д.Я. Самоквасова с организациями здешних краеведов — Статистическим комитетом и Архивной комиссией позволило составить первый для России каталог городищ и курганов определённого региона, нанести их на географическую карту губернии (такая была составлена по данным повторной археологической анкеты, предложенной в 1901 г. ИМАО). Тем самым Курское Посеймье предстало наконец в глазах исследователей и общественности в своём истинном для отечественной культуры качестве — уникального заповедника свидетельств древней истории народа и страны. Книги и статьи этого автора, в том числе изданные в Курске и при помощи местных любителей старины, явились новаторским почином объективного, междисциплинарного освещения истоков русской цивилизации. Археологи-слависты продолжают активно ссылаться на издания курских раскопок Д.Я. Самоквасова и его учеников до сих пор [48].

В трудные 1940-е, послевоенные годы энтузиаст исторического краеведения из д. Клиновой Иосиф Ефимович Переверзев открыл в сельском доме Самоквасовых народный музей имени выдающегося учёного-земляка. Нехитрые, но трогательные, выразительные экспонаты отражали быт профессора и его семьи в начале нынешнего века, другие реалии уездного прошлого. Здание музея со временем признали памятником истории и культуры республиканского значения, включили в соответствующий свод [49] и отметили на туристической карте области. Однако поддержать памятник материально власти не позаботились. В 1972 г. ревизия своего филиала из Областного музея отметила: «Помещение Клиновского музея находится в аварийном состоянии и требует капитального ремонта (крыша течёт, потолок местами обвалился и есть угроза, что он рухнет); осмотр экспозиции в настоящее время невозможен.

Следует немедленно за-крыть музей, экспозицию свернуть” [50]. Выходом из аварийной си-туации сочли перевод музея в районный центр Медвенку, где экспо-зиция приютилась в одной из комнат профессионально-технического училища, где прозябает, вроде бы, и по сей день. А мемориальное здание в Клиновой колхозное начальство безжалостно и самовольно разрушило — польстилось на дубовые брёвна старинного шумаков-ского дома для какой-то своей новостройки. Остался в бывшем кол-хозе имени Горького только фундамент “памятника республиканско-го значения”...

Столь варварское отношение к памяти и творческому наследию замечательного знатока и благотворителя Курского края хотя бы от-части искупается спорадическими упоминаниями его юбилеев в обла-стной периодике [51]; биографическими материалами о нём на вы-ставках курских музеев — краеведческого и археологического; изда-нием материалов международной конференции “История и архео-логия юго-востока древней Руси”, посвящённой 80-летию со дня кон-чины учёного [52]; другими мемориальными мероприятиями к 150-летию со дня его рождения, отмеченному в 1993 г. в Москве, Новго-роде-Северском и Курске [53]. “Светлой памяти выдающегося рус-ского археолога Дмитрия Яковлевича Самоквасова” посвящено не-давнее издание свода археологических памятников Курской области, подготовленное специалистами Института археологии РАН [54].

Этот человек одним из первых заложил традицию систематиче-ского, плодотворного взаимодействия столицы и провинции, акаде-мической науки и любительского краеведения на благодатной ниве изучения исторического прошлого Родины.

§ 4. Учёная архивная комиссия в Курске и её историко-этнографический музей

Как видно из всего вышесказанного нами, поиски, изучение и популяризация исторических древностей велась в Курске вплоть до начала XX века от случая к случаю, стараниями отдельных энтузиа-стов, да по официальным запросам из всероссийских научных цент-ров, ответы которым слабо влияли на краеведное дело в самой гу-бернии. *Объединение краеведческих усилий* здесь началось благода-ря Губстаткомитету, однако проблемы истории, археологии, этно-графии, архивистики,

фольклористики находились у этого учреждения всё же на заднем плане — в соответствии с его официальным профилем общесправочной службы, а также по причине значительно углубившейся за время его существования специализации в естественных и гуманитарных науках. Во второй половине XIX в. статистика перестала олицетворять собой всё обществознание даже для российского обывателя и чиновника. Тематика “Трудов” Центрального и губернских статкомитетов первоначально, напомню, оказалась очень широка и захватывала разные вопросы исторического краеведения, “иногда вовсе не имеющих никакого отношения к ведомству МВД”. К концу же прошлого века “такого разнообразия вопросов уже не отмечается: издания комитета почти исключительно посвящены статистике населения и населённых мест, сельского хозяйства ... и т.п.” [1].

Не только столичная, но и провинциальная интеллигенция ощущала в то время растущую потребность в организационном объединении согласно научным и общественным интересам, включая краеведческие. Причём на почве исследования и сбережения памятников родной истории сходились люди разных политических ориентаций и социальных рангов. Либералы усматривали в занятиях стариной возвращение нравственного долга образованных сословий простому народу, путь к пониманию его загадочной души. Консерваторы искали в отечественной истории точек опоры перед грозным лицом революции и гражданской войны. Для образованных людей без особых политических принципов уход в прошлое своей Родины разнообразил досуг, служил интересным приобщением к науке и культуре. Заодно позволял лишний раз отличиться перед начальством. Этому же последнему археологические занятия служилого (в основном) люда импонировали прежде всего своей безусловной удалённостью от злобы тогдашнего дня — политической, идеологической.

А с другой стороны, последние наши венценосцы и их окружение проявляли подчёркнутый интерес к допетровской Руси, заботились о реставрации некоторых средневековых атрибутов обычая и власти. Особенно щедро вознаграждался поиск “следов романовской старины”. Так, профессор Д.В. Цветаев (младший брат известного основателя Пушкинского музея изящных искусств), став после кончины Д.Я. Самоквасова управляющим МАМЮ, вскоре (в 1913 г.) издал монографию “Избрание Михаила Фёдоровича Романова на царство”, с приложением редких материалов подведомственного ему архива о землевладениях, принадлежащих некогда разветвлённому романовскому семейству. Фотоснимки соответствующего архивного дела министр юстиции И.Г. Щегловитов при удобном случае продемонстрировал Николаю II. “Государь Император чрезвычайно заинтересовался предъявленным ему

документом” [2] и повелел отпустить 150 000 руб. на постройку здания сельскохозяйственной школы в с. Хобоцком Тверской губ., где некогда находилась вотчина его предков. Огромные деньги по курсу того времени, когда батрак в той же сельской глубинке получал за сезон напряжённого труда не-сколько десятков рублей.

Одним из информаторов Д.В. Цветаева насчёт “следов романовской старины” оказался протоиерей села Ивановского Курской губернии Анатолий Романов. Он сообщил верноподданному историку полулегендарные сведения о местной “веточке” родословного древа монаршего семейства. “Документальных сведений о роде бояр Романовых у меня нет, — объяснял царский однофамилец, — а сохранилось в роде моём предание, что в царствование царя Бориса Годунова два сына Никиты Романовича Захарьина-Юрьева, бояре Иван и Василий бежали от гнева Годунова в глухую местность, нынешний Льговский уезд — село Черемошки, где и оставили своих потомков ... , впоследствии обращенных в однодворцы, род коих и доселе в Черемошках” [3].

Накануне крушения своей империи российские самодержцы стремились приукраситься, приободриться регалиями киевских князей и московских царей. Причём не только в переносном, идейном, но и прямом, вполне археологическом смысле слова. Например, августейший покровитель общества курских краеведов великий князь Михаил Александрович подарил им “свой фотографический портрет в боярском костюме XVII в. в художественной раме” [4]. А вслед за ним в местном музее появились и другие “снимки Высочайших Особ и лиц, бывших на балу [маскараде — С.Щ.] в Зимнем Дворце в костюмах бояр и служилых людей Белгородской окраины” [5].

Монархическая идеология могла мешать или помогать историко-краеведческим разысканиям той поры, однако их патриотические мотивы и результаты несомненно имели самостоятельное и долговременное значение. Графиня П.С. Уварова, сменившая своего безвременно скончавшегося супруга на посту председателя ИМАО, с полным правом заявляла на очередном, VII Всероссийском Археологическом съезде (АС) в Ярославле (1887 г.): “Необходимо для страны, скажу более, для счастья, здорового и правильного развития подрастающего поколения, чтобы оно росло в уважении к делам своих праотцев, чтобы оно знакомилось, изучало и дорожило произведениями русского искусства, проявлением духа и мощи родного края и его насельников” [6].

Подобные декларации подкреплялись делами. ИМАО играло всё более влиятельную роль в поддержке и взаимодействии провинциальных любителей старины по всей России [7]. Именно с инициативой П.С. Уваровой связаны *первые попытки организовать историко-краеведческое общество в Курске*. Здесь в очередной раз проявилась

отмеченная современниками и поклонниками графини “её магическая сила, которая служит цементом, связующим в крепкий союз разнообразных деятелей в области археологии” [8].

Весной 1900 г. Прасковья Сергеевна приехала в Харьков — собирать местное отделение Предварительного комитета (ПКТ) по устройству очередного, уже XII АС. Отсюда она, между прочим, обратилась с письмом к курскому губернатору графу А.Д. Милютину, в котором просила того позаботиться об учреждении специальной комиссии помощи делу АС при местном ГСК. Комиссия должна была организовать дальнейшее изучение губернии в археологическом и этнографическом отношениях. Подходящей кандидатурой на роль руководителя этих работ её сиятельству представлялся учитель Мариинской женской и Александровской мужской гимназий в Курске статский советник А.А. Танков (уже известный читателю по первой главе в качестве журналиста). Он к тому времени получил определённую известность публикациями на темы местной истории не только в губернской, но и в столичной прессе, в том числе по вопросу “о необходимости и возможности учреждения в Курске [Г]УАК” [9].

Обращение председательницы ИМАО к руководителям Курской губернии продублировал глава Харьковского ПКТ, профессор тамошнего университета, известный историк Д.И. Багaley.

В Курске к тому времени действительно сложился кружок представителей учительской, чиновничьей, семинаристской среды, коекого из помещиков разных уездов, живо интересовавшихся местной древностью. Поэтому у губернатора Милютина возникло к столичным археологам встречное предложение — о создании при ГСК не временной, всего лишь к очередному АС, а “постоянной историко-археологической комиссии, которая бы оказывала содействие губернскому комитету в разработке вопросов по изучению в историческом отношении Курской губернии, в собирании исторических материалов, издании комитетом трудов и т.п. Образование такой комиссии вызывается ощущаемой потребностью, удовлетворить которую в возможно полном объёме, — подчеркивал граф, — наличными силами одного [Статистического] комитета, при сложности его работ и мало-численности персонала, представляется затруднительным” [10].

Как видно из сохранившихся архивных документов, одним из первых подал реалистичную в тех условиях идею самостоятельного объединения курских краеведов тогдашний директор народных училищ губернии Иван Иванович Дубасов, успевший до перемещения по службе в Курск стать основоположником исторического краеведения в Тамбове. В своём письме к губернатору от 31 октября 1900 г. он предложил собрать совещание заинтересованных лиц по вопросу учреждения

“археологической комиссии с губернским при ней музеем, по примеру иных многих губерний” [11]. С устными обращениями к губернатору и статьями в периодике о том же самом выступал и Н.И. Златоверховников.

А.Д. Милютин одобрил идею чиновников и, как часто поступают начальники, в дальнейшем выдавал её за свою собственную. 4 декабря 1900 г. он внёс такое предложение на заседании ГСК, дабы “проектируемая комиссия совместно с комитетом выполняла работы исторического характера” [12]. Собрание поддержало губернатора в том, что “независимо от подготовки к очередному, XII АС в Харькове представляется настоятельным исследование губернии в историко-археологическом и этнографическом отношениях” [13].

Вскоре (по канцелярским меркам) — в июле 1901 г. — в МВД отправилось соответствующее ходатайство насчёт учреждения в Курске своей ГУАК. Как видно, Милютин и его окружение с самого начала этого дела настаивали, чтобы краеведческую организацию создать *при* ГСК, выделить *из его* состава — с тем, чтобы эти учреждения в дальнейшем теснее сотрудничали, а не конкурировали. Тогда как все остальные, возникшие к тому времени в разных местах России ГУАК действовали вполне самостоятельно, отчитываясь (больше для вида) перед существовавшим на общественных началах в Петербурге Археологическим институтом (АИ) или министерством народного просвещения, к которому оказалась отнесена тогда и Археологическая комиссия, публиковавшая летописи и другие источники отечественной истории.

Разница двух подходов к проекту ГУАК в Курске представляется незначительной, формальной только на посторонний, осовремененный взгляд. Историко-краеведческие общества в российской провинции конца XIX – начала XX вв. возникали в достаточно сложной общественно-политической обстановке. На этом деле сталкивались интересы людей разных поколений, идеологических ориентаций, научных школ. В нашем примере с Курском, губернатор, видимо, опасался доверять историко-археологическую комиссию и её музей либеральничавшему одно время учителю Танкову и т.п. “поповичам” по происхождению, вообще расширять в подведомственном городе и крае демократического пошиба самостоятельность. А помощник губернатора Златоверховников, как показали дальнейшие события, не желал упускать из своих рук монопольную и почётную заботу о краеведении, единоличное издание его печатного органа — придуманного им и успешно публикуемого “Курского сборника”.

Кроме столь субъективных причин, у предложения о тандеме ГУАК и ГСК имелись и вполне объективные основания. Статистический “комитет, — разъясняли столичным шефам его представители, — по

назначению своему (607 статья “Положения”) должен разраба-тывать исторические данные о Курской губернии и он издавна явля-ется для неё единственным учреждением, которое, в пределах своих средств, посильно выполняло эту задачу, и до настоящего времени поддерживает отношения с некоторыми учёными учреждениями, вы-сылающими ему свои труды по вопросам археологии, истории и этнографии” [16]. Кроме скудного, но постоянного денежного посо-бия, научной библиотеки, коллекции древностей, налаженных печат-ных органов, ГСК располагал казённым помещением для собраний краеведов и хранения их имущества. Ничего такого — совершенно необходимого любому клубу по интересам — у Танкова с “мелкосош-ными” товарищами не имелось в помине.

Чтобы оценить отмеченные эти преимущества, надобно принять в расчёт *официальный статус и реальное состояние ГУАК* — нового для тогдашней России общественного явления. Они начали постепен-но создаваться “по мере надобности и средств” с 1884 г. согласно проекту выдающегося историка и архивиста, сенатора и академика Н.В. Калачова (1819–1885). Сперва в отдельных губерниях, “в виде опыта” и “на пособия частной благотворительности”. Под централь-ный для комиссий орган — Археологический институт Калачов пре-доставил ещё с 1878 г. часть собственного дома в Петербурге. Слу-шателями этого двухгодичного учебного заведения (повышения ква-лификации, сказали бы сейчас) становились лица, уже имевшие выс-шее образование и желавшие дополнительно специализироваться на изучении документальных и (в гораздо меньшей степени) вещест-венных памятников истории. Финансирование ГУАК и АИ государ-ство начало не сразу и первую четверть века существования их бюд-жет оставался просто нищенским. Тогда как задачи перед данными органами ставились (в глазах руководителей того же государства) серьёзные и масштабные. Прежде всего ГУАК под методическим руководством АИ должны были заниматься разбором канцелярских дел всех губернских и уездных учреждений, за давностью лет пре-вратившихся в дела архивные. Именно ГУАК призывались решать, какие из старых бумаг подлежат уничтожению на макулатуру, а какие — хранению для науки и культуры. Из столь ценных докумен-тов надлежало формировать исторический архив губернии и где-то его хранить.

Кроме собственно архивных занятий, большинство комиссий (а их количество к началу нового века выросло с 4 до 20 и продолжало увеличиваться — формально до 44 к 1917 г.) претендовало на изуче-чение прошлого своего края вообще, “всяких других памятников старины”. Основатель ГУАК Калачов и их провинциальные лидеры находили подобную широту интересов и полномочий достоинством этого учреждения. Прямо противоположного мнения на сей счет дер-жался Д.Я.

Самоквасов — автор альтернативного калачовскому про-екта реформы российских архивов на началах их общегосударствен-ной централизации. В своей двухтомной монографии “Архивное дело в России” (М., 1902) и серии докладов, статей профессор предьяв-лял длинный перечень претензий к “общественной архивной службе, нигде в мире более не существующей”.

По убеждению Д.Я. Самоквасова и поддержавшей его графини П.С. Уваровой, а значит и всего ИМАО, государство должно было срочно прекратить происходившее в центре и на местах бесконтроль-ное по сути “уничтожение документального богатства русского наро-да”. Прикрываясь фиговым листком ГУАК, министерства и ведомст-ва, губернские и уездные власти безжалостно избавлялись от уста-ревших для их практики документов, сжигая их, продавая возами на макулатуру, гноя в подвалах или забывая на чердаках. Мизерное жа-лование архивариусов отпугивало от данной стези лиц с высшим гуманитарным образованием. По проекту Самоквасова следовало вы-делить из казны средства на постройку и содержание в каждом ре-гионе страны благоустроенного архива, открыть университетские ка-федры для подготовки квалифицированных архивистов, принять закон о государственном архивном фонде и создать в столице глав-ное архивоуправление. Так ставилось архивное дело на Западе, куда профессор ездил его изучать, посетив 16 стран и издав на русском языке их передовое архивное законодательство [17].

У нас же “волею судеб, — восклицал настойчивый реформа-тор, — архивное дело в губернии вручено 150–200 “учёным” в лице чиновников, исправников, безграмотных попов, отставных козы ба-рабанщиков и недорослей”. Состав слушателей АИ представлялся им в более парламентских выражениях: “Можно быть уверенным, что математик, богослов, офицер, курсистка ... по недостатку универси-тетского юридического и историко-филологического образования ни-когда не будут и не могут быть учёными архивистами” [18].

Представители ГУАК в столь же резкой манере защищали свои детища от критики и рекламировали их отдельные достижения [19].

“Война” между Д.Я.Самоквасовым и лидерами архивных ко-миссий получила заметный общественный резонанс и вошла в исто-риографию с весьма противоречивыми оценками. Для одних авторов управляющий МАМЮ — консервативный “представитель центра”, безжалостно и зря третировавший скромных, работающих и знающих краеведов из российской глубинки [20]. С точки зрения других ис-следователей данного вопроса, “выступления Самоквасова в печати и на АС показали полную несостоятельность АИ и ГУАК в деле подго-товки кадров и спасения архивных материалов” [21].

На наш взгляд, итоговые суждения по поводу деятельности ГУАК могут отличаться по разным регионам и периодам их работы, да и в целом не должны быть однозначными. Сам юридический и общественный статус этих учреждения, равно как и планы, и методы, и результаты их деятельности, обнаруживают плюсы и минусы.

За искренним энтузиазмом и широкими планами у большинства комиссий при пустой кассе, отсутствии помещений и дипломированных специалистов-историков, палеографов, археологов сплошь и рядом терялась из виду масса гибнувших по ведомственному произволу и элементарному головотяпству редких документов, архитектурных и археологических памятников. Факты на сей счёт собраны и обнародованы Д.Я. Самоквасовым и не им одним в избытке. “Что до сих пор сохранялось под опасением ответственности за растрату, — бил тревогу профессор, — то теперь, под прикрытием губернских архивных комиссий, смело черкающих описи архивов всех губерний, уничтожается без всякого страха” [22]. Только за 1890-е гг. ГУАК оставили на вечное хранение в среднем всего 3 % разобранных ими документальных залежей (где побольше — до 7 %, где поменьше — всего лишь 0,15 %). Лишь при 8 ГУАК создались исторические архивы объёмом более 10 000 единиц хранения. “Такие ничтожные крупицы сохраненного материала были лишь жалкими обломками архивных фондов и прав был Самоквасов, возложив на комиссии вину в разрушении последних” [23], — признавал видный историк архивно-го дела И.Л. Маяковский.

Ещё меньше прав и возможностей имели ГУАК в деле выявления и охраны памятников материальной культуры. Как видно по Курской и соседним губерниям, где возникали такие комиссии, и при них курганы и городища всю продолжали разрушаться людьми и природной стихией; старинные церкви превращаться неумелой реставрацией в новоделы; случайно и неслучайно найденные клады древних вещей и монет сбываться за бесценок алчным ростовщикам и частным коллекционерам [24].

Несерьёзность “историко-архивной службы на общественных началах” вместо государственной системы охраны памятников истории и культуры эксперты констатировали уже при её основании. Как только ни обзывали ГУАК люди весьма серьёзные и знающие: “учёными” в кавычках, “игрушечными” (выдающийся историк, кол-лекционер рукописей, икон Н.П. Лихачев), “самыми дешёвыми в России учреждениями” (историк права И.Е. Андреевский), “исполнительницами сизифовой работы”, “открывательницами Америк” (архивист В.П. Соколов) и т.п. Проведём мысленный эксперимент: представим, что хранением и использованием исторических источников в нашей стране сейчас ведают не специальные отделы местной администрации, не

служащие государственных архивов и музеев, а некая общественная организация всех руководителей того или иного субъекта Российской Федерации. В свободное от основной работы время, по вечерам и выходным дням они — главы администраций и их заместители, судьи и прокуроры, ректоры высших школ и шефы полиции, прочие первые лица разных отраслей управления области, города, района безвозмездно отдаются разбору, описанию, изданию архивных бумаг, археологических коллекций да этнографических экспонатов. Получается фантастическая картинка в булгаковском или кафкианском духе! А ведь именно так оказалось поставлено архивное и археологическое дело на местах до революции, пока существовали ГСК, ГУАК и похожие на них добровольные объединения краеведов. Не знаешь сейчас, чему больше удивляться: самоотверженности тогдашней интеллигенции или пренебрежению царских властей к памятникам отечественной старины?

Кричащий дефицит государственной поддержки усилиям общественности по спасению историко-культурного наследия России не может, однако, заслонить заслуг полулюбительских коллективов краеведов из ГУАК и родственных им организаций начала XX в. Они приняли научно-просветительскую эстафету от ГСК и в большинстве губерний европейской части страны подняли изучение древностей на качественно новый уровень. Усилиями их лидеров укрепились взаимосвязи провинции с университетскими центрами науки и культуры, а также отдельных регионов друг с другом; в научный оборот тогда было введено особенно много ценного материала по истории, археологии, этнографии, прежде всего эмпирического, т.е. самого долговечного в истории науки; созданы десятки музеев и библиотек краеведческого профиля; подготовлена новая генерация специалистов гуманитарных отраслей знания, продолживших традицию их разработки сразу после революции.

Конкретное, по регионам, и комплексное, по различным направлениям гуманитарного познания изучение деятельности и наследия ГУАК только начинается [25]. Наряду с объективным анализом творческого опыта Комиссий, этот сюжет охотно идеализируется современными авторами и тогда все подряд губернские краеведы представляются большими учёными, некими спасителями национального духа Отчизны [26]. Курский образец в силу своей типичности на сей счёт позволяет уточнить оценки вклада ГУАК в разные области научного исследования и гуманитарной практики.

12 июня 1903 г. Николай II одобрил предложение МВД «относительно упорядочения архивного дела в Империи при посредстве ГУАК». Это высочайшее решение явно благоприятствовало положительному решению затянувшегося вопроса об открытии своей Архивной комиссии в Курске.

Ведь когда инициативная группа курян в самом начале века обратилась в ближайшие ГУАК насчет их уставов, программ, отчётов, то даже лучшие из них — Рязанская, Тверская, Тамбовская, Орловская комиссии в ответ могли только сослаться на “высочайше утверждённое” 15 января 1884 г. “Положение” об их открытии. Не внесла определённости и переписка по тому же поводу с Петербургским АИ да министром внутренних дел. Никто не брал на себя ответственность санкционировать открытие новой, самостоятельной организации краеведов в Курске и обещать ей хоть какую-то поддержку.

Тогда куряне сами явочным порядком на очередном заседании своего ГСК поставили *вопрос о неотложности историко-археологического общества*. 3 декабря 1901 г. Н.И. Златоверховников выступил с программным докладом на эту тему. После его обсуждения решили создать новую комиссию отдельно от ГСК. Тем более, что губернатор отклонил честь председательствовать среди краеведов и предложил вместо себя туда вице-губернатора. Но и тот отказался “вследствие служебной занятости и новизны дела”. Тогда председателем утвердили давно ожидавшего такой чести А.А. Танкова, а членами-учредителями провозгласили Н.Г. Фон-Бюнтинга (вице-губернатора), И.И. Дубасова, В.В. Лапина (директора мужской гимназии), Ю.М. Штокмана (преподавателя её же), Н.И. Златоверховникова. Ново-рожденному обществу разрешили вместе с ГСК использовать помещение в здании губернского правления. На первое время из канцелярских сумм того же ГСК выделялось ГУАК аж 100 руб. в год. При этом губернатор выразил неопределенную надежду на то, что “нужные для работ комиссии средства будут” [27]. Хотя задачи свои учредители очертили весьма широко: содействовать охранению памятников местной старины; участвовать в работе иногородних учёных учреждений и обществ; командировать своих членов с научной целью для занятий в архивах, музеях других губерний; устраивать публичные чтения. Планировалось “принять меры к увеличению коллекций хранилища [древностей при ГСК — С.Щ.] с тем, чтобы его можно было со временем превратить в общедоступный кабинет или музей” [28].

Кое-что из намеченной программы так и осталось в области радужных мечтаний (скажем, галерея портретов и бюстов выдающихся местных деятелей и вообще прославивших край земляков). Как ни странно для во многом маниловского менталитета интеллектуалов из нашей провинции, другие пункты этой программы оказались реализованы, хотя бы частично и постепенно. В 1902 г., впрочем, комиссия так и не заработала. Губернатор А.Д. Милютин рапортовал о ней в Петербург и тут же забыл о мертворожденном пока учреждении. Когда Танков пришел к нему “за указаниями, каким именно образом начать археологическое дело”, граф со страдальческим выражением лица сказал следующее:

— Ради Бога, отложите это дело! Ведь у меня и у Николая Георгиевича [Фон Бюнтинга, в дальнейшем губернаторствовавшего в Твери — С.Щ.] всяких дел теперь, да кроме того и по предстоящим большим манёврам — выше головы!

При этих словах губернатор несколько секунд подержал свою руку над головой. Председателю осталось только откланяться” [29].

Танков явно не пользовался тогда авторитетом у начальства. А Златоверховников мог с тем же успехом продолжать свои краеведческие занятия на своей рабочей месте секретаря ГСК. Дубасов болел и поддержать собственную инициативу оказался не в состоянии. Что-бы стать на ноги, Курской ГУАК требовались деньги и приток новых сотрудников.

По иронии судьбы толчок к реальному открытию ГУАК в Курске в конце концов дало то самое обстоятельство, которое помешало Милютину вникнуть в архивно-археологическое дело — большие манёвры, проводимые в 1902 г. на территории губернии “в высочайшем присутствии” Николая II [30]. Выбор тогда пал на этот город как расположенный на стыке двух военных округов — Московского и Киевского. Было “предположено, что наступающая на Москву армия стремится овладеть Курском как железнодорожным узлом, владение которым открывает путь в разные стороны; охраняющая Москву армия имеет задачу остановить и отбросить противника” [31]. Интересно попутно отметить пророческий характер этой масштабной игровой модели — её довольно скоро реально повторили события Гражданской войны, в момент наступления на Москву Добровольческой армии белых, а позднее — Курской битвы с немцами в 1943 г.

В связи с итогами грандиозной военной игры здесь поменялся губернатор, ибо высшему начальству открылись неприглядные стороны курской жизни — бездорожье, нищета крестьян, вечная коррупционность чиновников и т.д. Новый губернатор — *Николай Николаевич Гордеев* (1850–1906) оказался более просвещённым и широко мыслящим человеком, нежели его предшественник. Выходец из старинного дворянского рода, получивший среднее образование за границей, во Франции, а высшее в Киевском и Петербургском университетах, он с юных лет чередовал государственную службу с благоустройством родового имения в Тульской губернии да барского особняка в Москве, на Арбате. До Курска он успел послужить вице-губернатором в Бессарабии, Рязани, губернатором в Полоцке и зарекомендовал себя умелым и гуманным администратором.

Знакомясь с местом нового назначения, Гордеев, между всем прочим, проштудировал курские издания, в том числе “Труды” ГСК. Натолкнувшись там на статью с планом краеведческого музея, потребовал

от Златоверховникова особого доклада на сей счёт. После чего не поленился лишний раз посетить губернское правление, в одном из залов которого находился шкаф с раритетами, собранными ГСК. По свидетельству очевидца, “он долго их рассматривал, а потом сказал: “Этого очень мало, чтобы устроить музей; нужно собрать коллекции, отвечающие вполне его назначению” [32]

Добрый десяток прежних губернаторов после подобной экскурсии бросали на ветер похожие слова. Гордеев же одним, блестяще задуманным ходом захотел и сумел прорвать цепкую паутину бюро-кратической волокиты вокруг организации краеведов. Будучи женат на фрейлине императрицы, находясь через сестру в свойстве с князь-ями Голицыными (чья фамильная ветвь, как упоминалось выше, по-меществовала и в Курской губернии), сам имея придворное звание камергера, этот опытный функционер постарался подготовить очередную аудиенцию у царя в соответствующем духе. “На благовоззре-ние Государя Императора” он “имел счастье всеподданнейше пред-ставить свои предположения об устройстве в Курске историко-археологического и кустарного музея, связанного с памятью о последнем историческом событии губернии — пребывании здесь Его Импера-торского Величества в 1902 году.

Государю Императору благоугодно было сочувственно отне-стись к этому предположению и повелеть отпустить десять тысяч руб-лей на первоначальное оборудование музея” [33].

В скобках заметим, что похожим образом выкручивались из безденежья и бесприютства, скитальчества археологических коллек-ций и исторических архивов по тесным углам руководители других ГУАК, кто половчее, а точнее помудрее. Так, граф П.А. Апраксин смог выпросить под размещение Воронежской ГУАК и её музея про-сторное здание военного интендантства только после преподнесения императору уникальной находки 1911 г. из раскопок скифских “Ча-стых курганов” под Воронежом — серебряной с позолотой вазы с ре-льефными изображениями трёх пар скифов, ныне украшающей экс-позицию Эрмитажа.

С царской резолюцией можно стало собирать краеведов для на-стоящего дела. Действительное *открытие Курской учёной архивной комиссии* состоялось 23 апреля 1903 г. (В печатных протоколах ГУАК датой её основания принималось 4 апреля, когда из Петербур-га поступил утвердительный ответ МВД по данному поводу). В губернаторском доме, где помещалась и канцелярия начальника гу-бернии, собралось на этот раз уже не 6, а 26 человек, “изъявивших желание принять участие в учреждении и дальнейших занятиях” ко-миссии. В их числе находились и “знакомые всё лица” краеведов со стажем — вроде Златоверховникова (получившего хорошо знако-мый ему по ГСК, которого он не оставлял, пост правителя дел в новой организации) и Танкова (так и оставшегося без

руководящего портфеля в краеведческом объединении). Но появились и новые имена, которым суждено было составить следующее поколение курских ревнителей истории. Среди неофитов выделялся *Александр Николаевич Кобылин* — товарищ председателя окружного суда, действительный статский советник, а на досуге — серьёзный археолог-любитель и коллекционер-нумизмат. Его избрали сначала заместителем председателя, а затем и председателем ГУАК, которой он и руководил (достаточно умело) вплоть до революции.

Помощником ему и бессменным же казначеем этого кружка краеведов стал присяжный поверенный *Николай Николаевич Лоскутов* (1871 – после 1918) — выпускник юридического факультета Московского университета, который в Курске чем только не занимался и всё успешно — адвокатской практикой, целым рядом общественных, благотворительных инициатив. Перед нами, в частности, глава попечительских советов реального и коммерческого училищ, Мари-инской женской гимназии; комитетов помощи жертвам войны 1914 г. и оказания помощи беженцам; член партии кадетов; с 1917 г. — руководитель Курского губернского исполнительного комитета, а затем пришедшего ему на смену Губернского народного совета — органа (недолговечной) межпартийной коалиции.

Но пока до революционных потрясений казалось далековато и по бюрократическому обыкновению подыгрывать начальству присутствовала на организационной встрече краеведов почти вся служившая верхушка губернии, директора и преподаватели школ, семинарии, представители церкви. Состав, довольно типичный для большинства ГУАК. В любой из них на горстку действительных знатоков и энтузиастов исторических древностей приходилась куча “свадебных генералов” да провинциальных хлестаковых. Более или менее систематически посещали заседания Комиссии человек 10–15, а вели исследовательскую работу, публиковались в её изданиях и того меньше.

Н.Н. Гордеев произнёс на учредительном заседании толковое напутствие. “... Веря в плодотворное воспитательное значение отечественной истории и этнографии ... не только по книгам, но и по вещественным памятникам родной старины и по образцам народного творчества”, просвещённый губернатор предлагал создаваемой комиссии “организовать, направить и объединить все местные работы по ... изучению губернии в археологическом и этнографическом отношении и создать то хранилище, без которого не представляется возможности спасти уцелевшие здесь предметы старины и представить наглядно в хронологическом порядке образцы труда русского народа с древнейших времён” [34].

У тогдашнего наследника престола, великого князя Михаила Александровича предусмотрительный Гордеев заручился согласием

“принять народившееся в Курске учреждение под своё августейшее покровительство”. Для научно-просветительских, да и всех остальных органов культуры старой России подобное шефство (когда вполне формальное, а когда отчасти и деловое) представителей царствующего дома служило повсеместным правилом. Скажем, основанный И.В. Цветаевым (отцом великой поэтессы) Музей изящных искусств имени А.С. Пушкина носил имя Александра III, а Исторический музей в Москве же был организован А.С. Уваровым “в память наследника цесаревича” и т.п.

Афишируемый монархизм придавал учреждению респектабельности, гарантировал поддержку государства, как-никак абсолютной монархии. Кроме того, визитная карточка с августейшим грифом (в курском случае — второго по рангу лица в царствующем доме) помогала открывать двери таких кабинетов, важные хозяева которых могли чем-то реальным помочь учёным и краеведам. При тотальной бюрократизации общественной жизни в предреволюционной России этим не приходилось пренебрегать тем, кто желал практически собрать и изучить культурное наследие страны.

Основные направления и организационные формы работы Курской ГУАК сложились достаточно типично для научно-просветительских учреждений в российской провинции той поры.

Это прежде всего периодические — по нескольку раз в год (но без воцарившейся в советское время самообманной монотонности собраний, когда, допустим, “четверг — партийный день”) заседания большинства членов комиссии с обсуждением поочередно их докладов на разные историко-краеведческие темы, избранные по личным интересам, а также текущих дел и ближайших планов их добровольного объединения.

Протоколы таких заседаний и авторизированные стенограммы докладов готовились к печати в “Трудах” ГУАК, которых успело выйти два объёмистых и весьма ценных по содержанию выпуска тиражом по 600 экземпляра каждый. Велась постоянная переписка с другими ГУАК, центральными учёными обществами вроде ИМАО, даже с уездными любителями курской старины по разным вопросам её изучения и посильного сохранения.

Представители Комиссии время от времени командировались на Всероссийские Археологические съезды и заседания их Подготовительных комитетов, для попутной работы в центральных исторических архивах и музеях.

Было начато обследование губернских и уездных архивохранилищ действующих учреждений — на предмет обнаружения старинных документов и передачи их на сохранение и постепенное обнаружение ГУАК (отсюда и её название, и главная задача в глазах правительства).

Производились спорадические, при появлении в губернии опытных археологов из столиц (Москвы, Петербурга, Киева, Харькова) выезды способных к полевой археологии сотрудииков на разведки и раскопки.

Наконец, открылся для посещения всеми желающими и постепенно пополнялся новыми экспонатами музей истории и этнографии Курского края.

Как видно, за десятилетие до начала мировой войны и последовавшей в стране смуты, члены Курской ГУАК успели потрудиться на всех основных участках краеведной нивы, но без особой специализации на каком-то одном из них. Намеченное поначалу деление Комиссии на отделы — археологический, церковный, архивный, нумизматический, этнографический и кустарный осталось во многом формальным. Просто каждый из примерно дюжины самых активных и способных её членов специализировался на одном-двух из этих аспектах краеведения и выступал по соответствующему кругу вопросов и основным докладчиком, и экспертом приобретаемых экспонатов, и ответчиком на внешние запросы (как А.Н. Кобылин, К.П. Сосновский по археологии; А.А. Танков по архивистике; Н.П. Сена-торский, Г.И. Булгаков по церковным древностям и т.д.).

Историко-археологический и кустарный (в смысле изделий кустарей — мастеров народных промыслов) музей активисты ГУАК открыли не сразу, а 18 января 1905 г. До 2500 поначалу его экспонатов поместились в нескольких комнатах здания присутственных мест, откуда незадолго перед тем оказались переселены в новое строение казённая палата и губернское казначейство. Фонды музея медленно, но верно пополнялись за счёт периодических пожертвований частных лиц, родственных организаций краеведов соседних губерний, собственных экспедиций и экскурсий Комиссии, а иногда — покупок у антикваров, чья торговля пользовалась у средних слоёв населения провинции устойчивым спросом. Содержался музей на скромный бюджет ГУАК. Символическая плата за вход (для взрослых состоятельных посетителей) давала мизерную сумму в несколько рублей за год.

Заведовал музеем бесменно прежний попечитель растущей ещё со времени дмитрюковских раскопок 1820-х гг. подборки древностей и новоявленный правитель дел ГУАК Златоверховников. В роли первого и главного музейщика губернии он оказался на своём месте. Повидавши в качестве курского депутата немало образцовых выставок АС, побывав в музеях нескольких крупных городов и университетов, он оформил витрины своего хранилища привлекательно для экскурсантов и без особых погрешностей против данных науки своего времени. Каталог музейному собранию составили К.П. Сосновский и А.Н. Кобылин.

Типичные и самые эффектные вещи из разных городищ и курганников группировались тут по основным периодам краевого прошлого (палеонтология, камень, бронза, раннее железо, славяне-северяне, Русь). Массовый материал раскопок и подъёмных сборов хранился, рассортированный опять-таки пообъектно, в основном на-шитый на картоны, в чулане (“фондах”, сказали бы сейчас).

Второй раздел музея составляли редкие образчики культуры и быта Нового времени — XVII–XIX вв., манускрипты и старопечатные книги, карты, рисунки и портреты, так или иначе связанные с курской историей.

Заключительная часть выставки была этнографической. Авторы экспонатов для неё, те самые кустари (заклеймлённые во времена социалистической реконструкции хозяйства обидным прозвищем “одиночек”) в своих ремёслах стали виртуозами. Гончары, столяры, ткачи, иконописцы, златошвей, игрушечники и другие курские мастера не уступили бы легендарному Левше. Перед этими стендами этого музея историк провинциальной культуры сталкивается с плодотворными отголосками Этнографической, Антропологической, Политехнической выставок ИОЛЕАЭ, куда курян, когда-то привлекали министерской волей. С другой стороны, интерес и уважение к народному быту, его особенностям у разных сословий российского общества, косвенно предвосхищал в какой-то степени революционные перемены будущего, когда социально-классовых принципов возобладал в музейном показе и организации культуры вообще.

А пока новое для Курска общедоступное учреждение культуры время от времени посещали группы юношества с учителями, да и взрослые посетители — земляки и во множестве проезжающие Курск, как-никак узловым транспортный центр. Число посещений достигало в среднем 10 000 в год (велись соответствующие подсчёты). Кроме экскурсионных пояснений для заранее организованных групп, при музее члены ГУАК и заезжие специалисты иногда выступал с общедоступными лекциями историко-этнографической тематики.

Мелкие происшествия вроде благополучно потушенного пожара или кражи нескольких монет из витрины кем-то из экскурсантов-недорослей не помешали культуртрегерской миссии первого в Курске настоящего, общедоступного музея [35].

Археологические раскопки в Курске начала века возобновились в рамках подготовки к XIV АС, намечавшемуся на 1908 г. в Чернигове. Как гласит отчёт ГУАК о проделанной по этому плану работе, “в мае и июне 1907 г. члены ... Комиссии В.Е. Данилевич [приват-доцент Харьковского университета, имевший практический навык раскопок — С.Щ.], А.Н. Кобылин, Н.И. Златоверховников, Н.Н. Ло-скутов и К.Н. Родионов исследовали в археологическом отношении ... : 1) курган около деревни

Лукиной; 2) Гнездиловское городище на усадьбе Л.Д. Моисеева (Великокняжеской эпохи XI–XII вв.); 3) Семёновский курган; 4) Липинское селище (неолитической и великокняжеской эпох); 5) урочище Пыхтино (в числе разных предметов найдена скифская бронзовая стрелка); 6) местность древнего Липин-ского монастыря ...; 7) урочище Моховое и 8) одиннадцать неболь-ших курганов. Предметов добыто при раскопках более 500. Все они, согласно научной классификации, по указаниям В.Е. Данилевича, разобраны ... Н.И. Златоверховниковым и размещены в Курском историко-археологическом музее” [36].

Главное открытие экспедиции ГУАК под руководством В.Е. Данилевича — ещё один уникальный комплекс археологических памятников, в основном древнерусского времени, расположенный у с. Липина на Сейме. Здесь перед нами скорее всего остатки летопис-ного города Липовечска (или Липецка) — укреплённое мощным ва-лом городище, примыкающее к нему открытое поселение и могиль-льники, бескурганый и курганный. Эти объекты в дальнейшем не-однократно раскапывались столичными и местными археологами; их работы здесь продолжаются до сего дня [37].

Тот же В.Е. Данилевич своевременно вернул внимание курян к необходимости иметь археологическую карту края. Она требовалась как в научных целях — для уяснения путей освоения Посеймья в разные исторические эпохи представителями разных этносов и куль-тур, так и ради решения практических задач — ориентации археоло-гов и экскурсантов, контроля за сохранностью памятников (заметную часть того же Липинского селища и могильника в советское время “отъели” песчаные карьеры, так что нынешним курским археологам пришлось вести там спасательные раскопки остатков культурного слоя на ряде участков поселения. Другим памятникам повезло ещё меньше и спасти на месте их бывшего расположения уже нечего).

В качестве делового почина харьковчанин опубликовал в Кур-ске “Материалы к археологической карте губернии” [38] с перечнем нескольких обследованных им объектов Курского уезда. После чего у кого-то из профессиональных археологов дошли руки до материа-лов анкетирования приходских священников и сельских учителей всех уездов губернии на предмет выявления древних пещер, валов, городищ и курганов. Выше уже упоминалась эта акция ИМАО, кото-рую несколько лет спустя краеведы довели до логического конца. Данные анкеты перенесли (авторство этой работы нам пока устано-вить, к сожалению, не удалось) с помощью условных значков на точную, военную карту губернии. Получившаяся “*Карта археологи-ческих древностей Курской губернии*” была обнаружена нами в ар-хиве Санкт-петербургского ИИМКа, где она пролежала без движе-ния десятки лет. После революции никто из

исследователей курских древностей не извлёк её из архивного полубытия. Между тем, карто-графические работы в Посеймье советских специалистов (И.И. Ля-пушкина, Ю.А. Липкинга, А.И. Пузиковой, А.А. Узянова, А.В. Кашкина, Н.А. Тихомирова, В.В. Енукова и др.) продолжались, по сути, на пустом месте и не учли многих памятников, что за минувшие десятилетия по разным причинам исчезли с лица земли или оказа-лись пропущены при последних разведках. Только в 1996 г. копию обсуждаемой карты и текстовой легенды к ней были переданы нами в КГОМА и Институт археологии РАН, руководителю его картогра-фического отдела А.В. Кашкину, подготовившему к печати совре-менный вариант Свода археологических памятников Курской обла-сти.

При всей важности вклада приезжих специалистов-археологов вроде Самоквасова или Данилевича в постановку методики полевого изучения губернских древностей, без местных, живущих в самом Курске деятелей с нужной для этого подготовкой это изучение замет-но тормозилось. После А.А. Дмитриюкова здесь не находилось собст-венных археологов почти сто лет. Следующим стал *Константин Пет-рович Сосновский* (1861 – после 1916). Окончив курс науки в Пет-тербургском Технологическом институте со степенью инженера-тех-нолога, он в дальнейшем трудился на государственной службе по ак-цизному ведомству. Чиновничья карьера перемещала его не только вверх по служебной лестнице ступенями табели о рангах и должно-стей, но и по просторам империи — губерниям Тульской (с 1886 г.), Калужской (с 1893), Херсонской (с 1895), Енисейской (с 1900), области войска Донского (с 1905 г.) [39].

Акциз — косвенный налог на товары внутреннего производст-ва, главным образом повседневного спроса (каковы соль, сахар, спички, алкоголь и проч.), производимые и продаваемые частными лицами. По верному наблюдению А.В. Жука, “штатские археологи России охотно служили по акцизу: эта служба была связана с посто-янными разъездами, а они давали широкие возможности для поле-вых изысканий” [40]. Приводимый эти автором список таковых со-вместителей возглавляет замечательный сибирский археолог А.В. Ад-рианов (ревизор Енисейского акцизного управления), а дополнить этот список возможно нашим курским примером.

Когда и где этот чиновник “управления неокладных сборов и казённой продажи напитков” заинтересовался историческими древность-ми, доступные нам источники не сообщают. Но, получив в августе 1907 г. очередное назначение — управляющим акцизными сборами губернии Курской, Сосновский сразу же вступает в действительные члены и избирается в правление ГУАК, принимает самое активное участие в её работе.

Поначалу он участвует в отборе документальных материалов для исторического архива при Комиссии, публикует их обзор [41]. Затем толково описывает оригинальный (рубленый из дерева) храм Покрова Пресвятой Богородицы в с. Макарьевке Львовского уезда и особенно хранящуюся там старинную церковную утварь (XVIII–XIX вв.). Полезнейшей для краеведческого источниковедения новацией этого любознательного путешественника по курским просёлкам стала высококачественная фотография иконостаса макаровской церкви [42]. После массового разрушения большевиками не только деревянных, но и каменных храмов в 1920-х – 30-х гг. отмеченное и другие сообщения дореволюционных краеведов по части церковной археологии сохранили хоть какую-то информацию относительно её памятников.

Однако своё истинное призвание на краеведном поприще Сосновский обрёл в области полевой археологии, что оставалось редкостью для деятелей ГУАК из неуниверситетских городов страны. Вообще-то среди тех, кто в России до революции всерьёз занимался раскопками, не так-то легко отличить любителей от профессионалов. Специальных кафедр археологии в отечественной высшей школе тогда не существовало, а два Археологических института, в Петербурге и Москве, готовили главным образом архивистов да искусство-ведов. Даже те немногие историки из академической профессуры, кто всерьёз интересовался вещественными древностями и пробовал привлекать данные чужих раскопок к своим лекциям и монографиям, оставались в своём большинстве полными профанами по части полевой методики их добычи и фиксации. Примерами тому — известные историки древней Руси И.Д. Беляев, Д.И. Иловайский, В.О. Ключевский, М.К. Любавский, и некоторые другие почетные гости уваровских АС. Едва ли не единственное исключение в их ряду (если не считать Д.Я. Самоквасова) представил П.Н. Милюков, не только широко привлекая материалы раскопок в свои “Очерки по истории русской культуры”, но и самолично пробовавший копать курганы на ссыльном досуге в Рязани [43]. И.Е. Забелин, находясь вне университетской корпорации, сочетал историю и археологию с переменным успехом [44].

Напротив, многие выходцы из смежных исторической науке областей знания и практики внесли решающий вклад в становление отечественной археологии. Образцами в этом отношении могут служить гимназические учителя (поначалу) А.А. Спицын и В.И. Сизов; врачи по первому образованию В.Б. Антонович и Л.К. Ивановский; кадровые офицеры — штабс-капитан В.А. Городцов и поручик В.Р. Апухтин; зоолог и географ Д.Н. Анучин (заглянувший, кстати говоря, но одни из курских раскопок Самоквасова [45]); прочие выходцы из разночинной среды на стезю новой тогда науки о подземных древностях [46]. Тем же путём

профессионализации благородного любительского интереса к отечественной старине шёл и Сосновский.

Незурядные способности рисовальщика и чертежника пригодились ему при выполнении очередного поручения ГУАК — провести рекогносцировочную экспедицию по Обоянском уезду, где надо было выбрать археологические объекты, подходящие для стационарных раскопок под руководством Д.Я. Самоквасова. Ставший неформальным учеником и личным другом профессора, Сосновский провёл обоянскую разведку образцово. На протяжении 8 дней в июне 1909 г. он обошёл и объехал верхом 32 археологических местонахождения от самого истока Псла до с. Белого Суджанского уже уезда — городища, селища, курганные группы и особенно трудные для визуального обнаружения “поля погребальных урн”, т.е. бескурганные могильники; выкупил у местных жителей целый ряд случайных находок древних монет, образцов оружия и иных вещей курганно-городищенского круга; записал рассказы крестьян об этих памятниках старины. Главным же результатом его работы стала “Археологическая карта бассейна р. Псла в пределах Обоянского уезда” [47]. Она практически полностью отвечает даже современным требованиям к такого рода научным документам — по точности и полноте описания, перспективной системе условных обозначений разных типов памятников (вплоть до числа насыпей в курганных группах).

Решающую роль сыграл Сосновский в издании материалов гочевских раскопок ГУАК 1909 г. под руководством Самоквасова. Тому было предложено ИАК издать в одном из её печатных органов наиболее типичные из гочевских древностей. Профессор гневно отверг это антинаучное, по его убеждению, предложение. “Я не имею права, — писал он в ответ А.А. Спицыну, — “разрешить” или воспретить Комиссии издание “типичных вещей” из коллекции древностей, выкопанных в текущем году в окрестностях с. Гочева Курской губернии; но думаю, что субъективный выбор из могильного содержания, издания таких вещей и выводы, на них сонованные, приносят русской науке больше вреда, нежели пользы. На днях выяснилась возможность издать гочевские древности полностью дешевым способом, в пределах моих средств, и я к нему уже приступил” [48].

Из 278 погребений, раскопанных им с Сосновским и другими курскими помощниками в гочевском курганнике, он выбрал содержание 26 для ежегодной выставки ИАК по итогам полевого сезона — “как наиболее ценное, оригинальное и интересное в археологическом отношении”. А полностью могильные комплексы, открытые этой экспедицией, подготовили к печати куряне во главе с Сосновским. Уже после кончины профессора, в 1915 г., по материалам отредактированных им полевых записей и выправленных им же рисунков вещей самых

богатых могильных комплексов, вышли в свет “Дневник раскопок в окрестностях с. Гочева...” и большеформатный “Атлас гочевских древностей...” Эти издания до сих пор держат, по нашим наблюдениям, своеобразный рекорд по частоте цитирования и повторного репродуцирования археологами-славистами.

Следующая *экспедиция в Курске в 1910 г.*, когда Сосновский с Кобылиным выезжали на место случайной находки так называемого “щигровского сфинкса” — цельной глыбы песчаника, похожей на стилизованного коня или верблюда. Фигура, принятая было за статую, изваянную древним человеком, оказалась на поверку игрой природы [49]. На всякий случай Сосновский получил открытый лист ИАК и сделал траншейную раскопку на месте обнаружения “статуи”, но предельно точная фиксация им почвенной стратиграфии не выявила следов культурного слоя в соответствующем овраге.

Свои историко-краеведческие мероприятия Сосновский успешно сочетал с выполнением своих служебных обязанностей по акцизу, получив в Курске высокий чин действительного статского советника, несколько орденов, включая Св. Владимира III ст., и денежных наград от министра финансов. В марте 1914 г. его перевели “на такую же должность” в Лифляндское акцизное управление и там его следы для нас теряются [50]. Если он дожил в Прибалтике до революции, место службы могло бы облегчить ему эмиграцию.

Перед отъездом из Курска Сосновский позаботился, чтобы раскопки здесь не прекратились. Он выхлопотал у ИАК, списавшись с А.А. Спицыным, открытый лист и денежное пособие для продолжения работ на Гочевском курганнике. В очередную экспедицию туда отправились новички — выпускник Московского АИ, учитель истории Курского реального училища *Павел Сергеевич Рыков* (1884–1942) и учащийся курской гимназии Лев Николаевич Соловьёв (о котором в следующей главе речь пойдёт подробнее). Оба молодых человека стали впоследствии известными советскими археологами. А в 1912 г. подающие надежды, энергичные юноши получили право “продолжить исследования, произведённые в 1872, затем в 1909 гг. проф. Д.Я. Самоквасовым” [51].

Сосновский рекомендовал им “повести раскопки планомерно”, т.е. не в разных местах могильника наудачу, как с рекогносцировочной целью делалось ранее, а срыть все насыпи подряд на одном оп-ределённом участке обширной площади памятника. Посланцы ГУАК так и сделали — в течение 5 недель, при помощи гочевских крестьян, пообвыкшихся в раскопках у Самоквасова и при самочинном кладоискательстве, они раскопали целиком, на снос 109 курганов, обнаружив там общим счётом 111 погребений. Находки подтвердили самоквасовскую атрибуцию основной части гочевских могил как славянских, причем накопившихся за

несколько веков. Профессор вычленял здесь разные типы могил: захоронения остатков кремации покойников на стороне в керамических урнах; погребения с обугленными костяками и богатым инвентарём; гробницы христианского обряда, почти без вещей. Рыкову и Соловьеву удалось уверенно проследить в Гочеве переход от полного, затем частичного трупосожжения к трупоположению в земляных ямах и, наконец, в гробах.

Через несколько месяцев после данных раскопок Рыков переехал из Курска в Вильно, где ему предложили более престижное и денежное место учителя гимназии. Материалы гочевских раскопок ему удалось издать позднее, уже в Саратове, где он обосновался после революции и профессорствовал в университете [52]. Эту публикацию он благородно посвятил памяти Д.Я. Самоквасова, “отдавшего много любви, времени и личных средств родной науке”.

В дальнейшем богатейший гочевский некрополь копался по открытым листам ИАК ещё несколько раз приезжими археологами. В 1913 г. этим занимался “окончивший курс в Московском АИ” *Владимир Селиверстович Львович*. Его послала сюда П.С. Уварова, как видно, чтобы “не уступать” богатого памятника “конкурентам” из Петербурга. На долю её посланца пришлось 35 могильных насыпей. Большинство среди этих погребений составили трупоположения на материке, ориентированные головой на запад; остальные захоронения совершались в ямах глубиной 20–30 см. Находки обычны для данного некрополя — женские украшения прежде всего. “Самая интересная вещь, — по оценке рецензировавшего отчёт А.А. Спицына, — серебряная тонкая гривна с широким сгибом, найденная где-то “на голове”. Вердикт маститого археолога оказался неприятным для археолога начинающего: “Детали устройства насыпей и обряда погребения не были достаточно выяснены” [53] раскопщиком. Приговор не совсем справедлив — ведь Львович фиксировал все находки помогательно, отмечая в полевом журнале их расположение относительно скелета и прочих характеристик каждого кургана. Тогда как Рыков комплексного подхода к погребениям не соблюдал, в самом полевом дневнике находки группировал по типам — оружие к оружию, украшения к украшениям и т.д., что в то время уже было крупным пороком археологической методики.

В том же 1913, затем в 1915 г. в Гочеве работал член-сотрудник ИРАО *Владимир Николаевич Глазов*, всего раскопавший 206 насыпей (с трупоположениями на дневной поверхности и в ямах) и обследовавший городище “Крутой Курган” [54].

Сохранившиеся в архивном фонде ИАК отчёты всех этих раскопок с большой пользой используются современными исследователями археологического Гочева, тем более, что за прошедшие с тех пор

десятилетия многие его части оказались разрушены хозяйственной деятельностью [55] — распашкой и прокладкой ЛЭП.

Как видно, после К.П. Сосновского и П.С. Рыкова археологов среди курян не осталось. Л.Н. Соловьёв поступил учиться в Харьковский университет и в Курск вернулся только после завершения Гражданской войны. Однако тех немногих “варягов”, кто изъявлял желание поработать на курских памятниках, ГУАК всячески поддерживала.

Особенно важными для начальных разделов археологической науки могли оказаться раскопки, предпринятые в июле 1906 г. на берегу речки Рагозны, притока Сейма, в районе д. Умрихино и с. Старково Курского уезда. Их по собственной инициативе произвёл гость города — *В.П. Каншин*, “любитель-археолог, помощник ин-спектора классов Владимирского кадетского корпуса в Киеве” (как его аттестовали при скором приёме иногородним членом Курской ГУАК).

Заехав на короткое время в Курск, как видно, по лично-семейным делам, киевлянин случайно узнал о частых находках бивней и других костей мамонта крестьянами только что отмеченных селений — в соседних с ними оврагах, размываемых половодьями. Один из крестьян — Даниил Умрихин привёл на место находок учителя Старковской земской школы М.В. Пожидаева. Тот ничтоже сумняшеся накопал здесь несколько фрагментов мамонтовых бивней и перевёз их в музей наглядных пособий Курского губернского земства.

Ход мыслей Каншина, осмотревшего эти земские экспонаты, оказался вполне и даже на удивление для того времени весьма туманных представлений о древнейшем прошлом человечества логичен. Он решил в натуре изучить явно гбнувшие для науки свидетельства палеолита. Недолго думая, нанял извозчика и двинулся в Умрихино на вполне каникулярную экскурсию, — “чтобы поискать следов современного мамонту человека” [56]. В историографическом отношении любопытно отметить, что 90 лет спустя этой импровизированной экспедиции в Курске вышла из печати работа современного исследователя, аспиранта Института археологии РАН под таким же точно названием, как у Каншина [57].

А тогда, лето 1906, революционного, между прочим, года, когда по губернии прокатилась огненная волна погромов помещичьих усадеб, просвещённый киевлянин при участии начальника уездного земства К.Н. Родионова заложил в мамонтоносном овраге раскоп. Среди найденных ими костей “удалось обнаружить расколотую при помощи каменных орудий мозговую кость мамонта”, а кроме того, “обломок кости с ясными следами обделки и грубо обделанный топор [рубил? — С.Щ.] палеолитической эпохи”.

Налицо неожиданно крупный успех любителей археологии, к сожалению, своевременно недооценённый ни самими первооткрывателями, ни специалистами из академической среды. Меж тем, вывод из сделанного по горячим следам открытия доклада Каншина перед собранием ГУАК, оказался вполне точен: “И то обстоятельство, что в оврагах Умрихина-Старкова находятся кости многих экземпляров мамонта, ... указывает на то, что здесь была стоянка человека, от рук которого погибали эти гиганты животные” [58].

Похоже, что на энергичные и результативные поиски сеймского палеолита любознательного киевлянина очень вовремя сориентировали раскопки 1899–1900 гг., произведённые В.В. Хвойко на Кирилловской улице Киева. Там, на аналогичной, судя по всему, стоянке эпохи камня среди прочих находок “был найден ... кусок бивня мамонта, украшенный резным орнаментом — ... один из древнейших памятников искусства” [59] на всей Земле. Эта находка и прочие произведения палеолитической индустрии выставлялись на всеобщее обозрение в Киевском музее древностей и искусства, неоднократно репродуцировались в учебниках истории [60]. Так что начитанный педагог Каншин заранее знал, что делал, расходуя свои деньги и отпускное время на археологическую поездку в Старковскую волость.

Знать бы ещё ему, что на подъезде к его непосредственной цели, у края ближнего с. Авдеева побережье той же Рагозны таит в себе не только схожие орнаментированные бивни, но и гораздо более замечательные изделия охотников на мамонтов. Их вместе с целым стойбищем людей финального палеолита откроют только в 1941 г. опять-таки местные крестьяне и разведают курские музейщики (о чём ниже нами будет изложено специально).

Поскольку находчики следов каменного века на Курской земле копали, по всей видимости, без открытого листа, т.е. по сути дела незаконно, то ИАК своевременно не узнало об этом открытии. Отсутствие соответствующего отчёта в её архивном фонде не позволило приоритетным находкам Каншина попасть в научный оборот. В сводке А.А. Спицына “Русский палеолит” умрихинское местонахождение упомянуто почему-то со знаком вопроса и без каких-то уточнений о характере находок. Так что когда в 1930 г. ведущего советского специалиста по эпохе камня С.Н. Замятнина вызвали обследовать новое обнаружение мамонтовых костей и кремнёвых орудий под Рыльском, в д. Сучкине (ныне с. Октябрьское), он назвал свою публикацию о данной экспедиции “Первая находка палеолита в долине Сейма”. Не ведая об “умрихинском мамонте”, исследователь рассуждал о “белом пятне на карте палеолита СССР” [61].

На этом примере, точно также как в упомянутом выше случае с археологической картой Курского края, можно лишний раз убедиться, какие досадные утраты понесла русская наука, попав в революционный разлом культурных традиций после 1917 г. (о том, как большевистские руководители третировали и уничтожали “Труды” Курской ГУАК, рассказывается в следующей главе). Шире глядя, налицо прямой убыток ценной информации, вызванный недооценкой археологами-практиками историографии своей науки.

В архиве и протоколах ГУАК оказались зафиксированы *случайные находки разных древностей*, в том числе остатков древнейшей фауны на территории Посеймья. Так, в 1915 г. исправник Льговского уезда К.С. Булгаков доложил о вынутых им из песка Подгородней слободки Льгова больших костях, которые местный фельдшер признал мамонтовыми. Предприимчивый полицейский просил у Комиссии денежного вознаграждения за эти кости, но судя по сохранившейся переписке по этому вопросу, сделка не состоялась [62].

А вот некий г-н Тарасенко вполне бескорыстно сообщил Комиссии “о найденных близ с. Кругленького Суджанского уезда костях мамонта” и каменных орудиях.

Завершая обзор археологической деятельности самой ГУАК и с её поддержкой, упомяну сохранившиеся в РГАДА, в фонде МАМЮ “Сведения о сохранившихся на территории Курской губернии крепостных и подземных сооружениях” за 1913–14 гг. [63]. По всей видимости, это ответ курян на запрос архивариуса самоквасовского МАМЮ и члена ИМАО *Игнатия Яковлевича Стеллецкого* (1878–1949). Этот земляк и сотрудник Д.Я. Самоквасова был увлечён, между прочим, романтическими, но, кажется, наивными поисками якобы спрятанной в московском Кремле библиотеки Ивана Грозного и т.п. спелеологическими, так сказать, вопросами археологии. Им было даже основано “Общество по изучению подземной старины”. Кроме основного объекта своих интересов — подземных ходов и тайников в объектах старинной архитектуры, последователи Стеллецкого осматривали заброшенные погреба, фундаменты, пещеры и т.п. своего рода парапамятники старины.

Кроме проблем археологии, в печатных изданиях и архивных бумагах ГУАК широко представлены *краеведческие разыскания, выполненные по письменным источникам*.

Больше других этим занимался неутомимый любитель истории А.А. Танков. Он составил очерки освобождения крестьян в губернии; деятельности уездных училищ в Рыльске, Фатеже, Курске, Белгороде, Короче с момента их основания в конце XVIII – начале XIX вв.; переселения курских крестьян в более южные губернии на свободные земли в 1810–16 гг.; жизни Курского края в царствование Петра I;

зафиксировал некоторые другие “искорки курской старины” — излюбленный подзаголовок краеведческих публикаций этого автора [64].

Однако выдвинуться число руководителей ГУАК ему не дали более чиновные и политически консервативные краеведы. Вотчиной Танкова оставались газетные страницы. Но он пожелал, как видно, академизировать свою учёную репутацию, а заодно покрыть либерально-демократические “грешки” молодости, когда он начинающим педагогом читывал с курскими гимназистами Д.И. Писарева да В.Г. Белинского. В 1913 г., очень вовремя, вышел в свет толстый том истории курского дворянства, составленной Танковым [65]. Деньги на роскошное иллюстрированное издание собрали вкладчину представители богатых помещичьих семейств губернии, чьи парадные фотографии завершали книгу.

Этот главный труд патриарха курского краеведения производит двойственное впечатление. С одной стороны, представленный им обзор военно-политической и отчасти социальной истории региона от эпохи летописных северян до начала Нового времени вышел самым полным из дореволюционных опытов той же тематики (дворянство автор толковал исторически предельно широко — по дружинно-боярско-воеводско-чиновничьим этапам эволюции служилого сословия русской монархии). Некоторые из предложенных им версий развития края в Средние века до сих пор всплывают в публикациях историков и археологов. С другой же стороны, удивляет соседство с оригинальными фактами и мыслями приравненных к ним, хотя явно легендарных сюжетов. Допустим, безбоязненно пересказывается Танковым монашеская беллетризация поверий о находке Коренной иконы якобы в XIII в. Хотя за год до опубликования его “Летописи” сами “Курские епархиальные ведомости” поместили вполне здравый с точки зрения критики исторических источников комментарий к со-ответствующей монастырской “повести”. Но историка местного дворянства в тот момент, вероятно, слишком заботила служебная карьера, от представителей этого дворянства напрямую зависящая, да и журналистский бес мог толкать под руку, когда следовало бы отказаться от псевдоисторического украшения в общем-то капитальной и долговечной его монографии, главного труда жизни замечательного провинциального историка.

Исторические описания других членов ГУАК посвящались куда более частным темам, их источниковедческая подоплёка оставалась куда более поверхностной, нежели в работах А.А. Танкова и Н.И. Златоверховникова.

Хотя Комиссия и называлась архивной, *работа с документальными памятниками курской истории* оставалась у неё на заднем плане. По идее устроителей и покровителей всех ГУАК из министерского Петербурга, комиссии должны были заниматься “созданием и устройством

исторических архивов для каждой губернии, преимущественно путём рассмотрения присылаемых учреждениями описей предназначенным к уничтожению делам сих учреждений и выделения из них имеющих научное значение” [66].

Но архивное дело в провинции даже при наличии ГУАК продвигалось крайне туго, прежде всего по отсутствию денег на оплату архивариусной работы. В 1912 г. ИРАО по поручению Совета министров обратилось ко всем ГУАК, археологическим и историческим обществам, действовавшим в стране, с вопросником “о положении архивного дела в Империи, а равно о тех мерах, которыми можно было бы предотвратить нередкую гибель письменных источников нашей истории” [67].

Куряне в ответ на эту очередную попытку всколыхнуть болото архивной рутины собрали сведения о 40 архивах действовавших государственных учреждений губернии. Из них 24 оказались в удовлетворительном по части сохранности документов помещениях, а 16 — в условиях, документы губящих (сырость, загромождённость, пожароопасность). В 11 архивах сохранились дела XVIII в., начиная с 1722 г. “Если при этом вспомнить о многовековом существовании многих русских городов, то станет ясно, какая масса исторического материала уже погибла” [68].

Однако и в Курске, и во всех остальных регионах Российской империи Архивные по названию комиссии оставались “материально совершенно не обеспечены и не имеют возможности производить затраты даже на изучение и приведение в известность архивных материалов, не говоря уже об их собирании [в центральный архив губернии — С.Щ.]. Комиссиям необходимы средства, чтобы они могли посылать своих членов для осмотра архивов и разыскания ценных материалов, для составления описей и перевозок древнейших письменных памятников в безопасные и доступные для занятий помещения” [69].

В 1915 г. Курская комиссия отпечатала и распространила по ведомствам губернского центра и уездам листовку о сборе вотчинных (конторских) дел у землевладельцев, относящихся к периоду до 1870-х гг. — “для истории хозяйственного быта отдельных местностей России”. Однако заметных плодов это мероприятие не принесло, поскольку реформа архивного финансирования продолжала буксовать наверху бюрократической пирамиды, всецело поглощенной в эти годы уже не гражданскими, но военно-революционными проблемами.

Своего исторического, центрального для губернии архива в Курске так и не сложилось — вплоть до 1918 г., когда согласно соответствующему декрету Совета народных комиссаров, подписанному лично В.И. Лениным, архивы в центре и на местах оказались наконец хоть как-то централизованы уже большевистским государством.

С началом Мировой войны Курская ГУАК успела поддержать инициативу великой княжны Ольги Николаевны о записи рассказов русских воинов о ходе боевых действий, в которых они участвовали; в особенности раненых по лазаретам. Помимо определённого терапевтического воздействия на души искалеченных защитников Родины, соответствующие стенограммы из архива ГУАК стали немало-важным источником начала Новейшей истории Отечества, почином нового направления в исследовании прошлого — так называемой устной истории, ныне вновь набирающей популярность среди историков и краеведов.

Кое-что сделала ГУАК для того, чтобы продолжить *этнографические работы*, традиционно приносившие на *Курицине* замечательные результаты.

Так, Екатерина Ивановна Резанова, учительствовавшая в отдалённых сёлах Суджанского, Обоянского уездов, неоднократно докладывала и публиковала в ГУАК материалы составлявшегося ею обширного сборника “Детские игры, сороки, гадания, суеверия, сказки курских крестьян”.

Ростислав Львович Марков, младший брат более известных писателей и краеведов из щигровской помещицкой династии (упоминавшихся выше в главе о периодике), подготовил весьма оригинальные рефераты “О курских саянах” и о “голубце” на Красной поляне Щигровского уезда — уникальном поверии местных жителей о якобы похороненной там голове крымского-татарского богатыря. Хотя этот автор оказался слишком доверчив к историческим фантазиям своих земляков (этнографически оригинальная группа “саянов”, скорее всего, — совсем не прямые потомки летописных северян, а обряд “катания головы вокруг Голубца”, наоборот, явно древнее возможной битвы 1709 г. курян с ногайцами), но записанные им фольклорные версии оченьгодились будущим этнологам, включая классиков этой науки; на них до сих пор ссылаются исследователи народной культуры русских [70].

К сожалению, большинство рукописей Р.Л. Маркова остались неопубликованными и утратились из архива ГУАК. Хотя среди них такие, например, краеведческие перлы, как “Летописный Инград — город Ратман — языческая столица северян”; “Следы былого нахождения языческих святилищ в Курской Северщине”; т.п. Несмотря на достаточно фантастический стиль такого рода писаний, в них встречаются небезынтересные и для современных исследователей факты и наблюдения [71].

Архивная комиссия переняла у ГСК *роль курского адресата Всероссийских и региональных учёных обществ*. Переписка с ними, обмен изданиями, консультациями о находимых древностях, делегатами для периодически проводимых тогда съездов и совещаний историков,

археологов, архивистов — весьма ощутимо поддерживало краеведческое общество в губернии, не давая ему закиснуть в сонно-ватом провинциальном мире.

В частности, куряне приняли участие в XII, Харьковском съезде ИМАО уже в 1902 г., еще не завершив своего организационного объединения. ГСК посылал на выставку этого съезда 35 археологических экспонатов.

На XIV, в Чернигове АС 1908 г. Курская ГУАК представляла целая делегация — Н.И. Златоверховников, А.Н. Кобылин, П.Г. Попов. С ними был “отправлен 561 предмет из Курского историко-археологического музея на выставку при XIV АС” [72].

Поддержала Архивная комиссия и начатое ГСК *сотрудничество с уездными любителями старины*. У сельского учителя, земского деятеля, помещика с университетским образованием, любознательного “батюшки” из глухого прихода, у любого другого обитателя курской глубинки или её временного постояльца появился адрес, по которому он мог обратиться письменно или лично за консультацией на любые темы местной истории, сдать случайно найденные древности в музей, выступить с сообщением по вопросам краеведения. Значение таких мелких “капилляров” в информационной системе науки, конечно, вторично, но вовсе игнорировать его, тем более историку региональной науки и культуры, не стоит. Помимо постоянной возможности сенсационных находок по непредсказуемому случаю — вроде уже разбиравшихся мной кладов или “мамонтовых кладбищ”, т.п. редко-стей, идущих в руки прежде всего этих чудаковатых в своём большинстве любителей истории родного края, их дилетантские штудии представляют собой, что ни говори, определённое явление отечественной культуры, примету в целом доброкачественного патриотизма.

Вот характерный образчик достаточно культурного краеведения на уездном уровне — *Михаил Палладьевич Парманин* (1885 – 1956). Этот гимназический учитель из Корочи с 1914 г. состоял членом ГУАК и регулярно сообщал ей разные сведения: записи тамошнего фольклора; точные координаты нескольких городищ и курганов; имена и адреса коллекционеров старинных монет и фотографий. С его помощью из с. Яблонова Корочанского уезда в ГСК переслали случайно найденные кости мамонта [73]. Еще одна находка остатков палеолитической фауны была замечена им в Ухановской волости Суджанского уезда. В дальнейшем Парманин стал одним из лидеров советского общества краеведения в Курске и единственный из его основателей пережил все репрессии, которым они подверглись. Своими заметками в областных и районных газетах на темы местной старины он

поставил рекорд краеведческого долголетия — начиная с николаевского и вплоть до послесталинского периода.

Ряд случайных находок курских древностей поступил в иногородние хранилища — не всегда в сельской глубинке ведали о собственной ГУАК и её музее, а в иных случаях предпочитали им более именитые академические инстанции. Так, музею Харьковского университета А.И. Йост пожертвовал очередные обломки костей, зуба и бивня мамонта, встреченные им в с. Крюкове Белгородского уезда. Туда же М.П. Боткин передал лепные сосуды и “остатки дерева от весьма внушительного по своим размерам столба”, добытого им из кургана в имении Солнцевича того же уезда.

В одном из уездных городков — Грайвороне даже создали собственный Археологический комитет [74], куда кроме нескольких образованных горожан избрали кучу почётных членов из столичных и Харьковского университетов. “Крёстным отцом” — почётным председателем этого микрокружка уездных краеведов они выбрали Н.И. Златоверховникова, который помог им собрать небольшую кол-лекцию древностей.

Ещё один коллективный партнёр ГУАК — любители православной старины в губернии. Вслед за некоторыми другими регионами России здесь в 1910 г. открылось *церковное Историко-археологическое общество* (ЦИАО).

Эта инициатива принадлежала здешнему архиепископу Питири-му. Он ещё в 1907 г. создал Курское Знаменско-Богородичное миссионерско-просветительское братство, одна из комиссий при совете которого именовалась историко-археологической. Возглавил её ректор Курской семинарии протоиерей Иаков Андреевич Новицкий.

Цели нового общественного объединения ставились соответственные его названию: “Собирание, хранение и изучение с научными целями древних памятников русской церковной старины, находящихся в пределах Курской епархии” [75]. Как отмечалось выше, прежние попытки мобилизовать церковников и приходских активистов для решения краеведческих проблем оказались не слишком результативными. А обсуждаемая вроде бы сдвинула дело православной археологии тут с мёртвой точки.

Напутствовал новорожденный кружок (его именовали иногда комитетом) церковных историков опытный археолог, член ИМАО Николай Иванович Троицкий (1851 г. рождения). Этот магистр богословия создал и возглавил Церковно-археологический музей в соседней Туле, опубликовал несколько книг и статей по истории центральных епархий, включая Курскую. Пожертвованные им издания легли в основу библиотеки Курского ЦИАО.

Секретарём и фактическим руководителем последнего стал заведующий епархиальным музеем, молодой преподаватель той же семинарии *Георгий Ильич Булгаков* (после революции — создатель нового общества курских краеведов 1920-х гг.) За военные же и смутные 1910-е гг. деятельность историков курской церкви принесла скромные плоды: небольшая экспозиция старинной утвари из храмов епархии; несколько брошюр (Н.П. Сенаторского, Г.И. Булгакова) об архитектуре старейших церквей губернии; документы, иконография по итогам работы “комиссии по обследованию чудес от нетленно почивающего в Белгороде святителя Иосафа” (Горленко), епископа Белгородского и Обоянского [76].

Ещё одно православное сообщество в Курске “Братство Св. Феодосия” в свою очередь накопило небольшое древлехранилище — своего рода набор наглядных пособий для семинаристов (“до 80 предметов, более или менее ценных в церковно-археологическом отношении”).

Сегодня, когда интерес к православной старине вернулся ко многим нашим согражданам, опыт начала века выглядит поучительным: тогдашние ревнители христианского благочестия стремились подтвердить свою веру знаниями, фактами, они не довольствовались неквалифицированными мнениями, чем сплошь и рядом пробавляются ныне иереи, а значит и прихожане Курской епархии по вопросам её исторического прошлого.

* * *

Итоги деятельности Курской учёной архивной Комиссии за 15 лет её существования следует оценить положительно. Эта организация самодеятельных историков, археологов и этнографов вошла в число нескольких лучших по всей России — судя по объёму и разнообразию результатов её деятельности на краеведческом поприще. В 1914 г. по представлению ИРАО правительство увеличило (десяти-кратно) ежегодное пособие малой части (10%) такого рода общественных организаций — всего 6 ГУАК, включая Курскую, да Псковскому Археологическому обществу — до 2000 руб. в год. К сожалению, эта весомая материальная поддержка государства пришла к провинциальным историкам поздновато. Германская война, а затем революция разбросали активных деятелей Курской ГУАК кого куда, а занятия гуманитарными дисциплинами во многом обесценили.

Тем не менее за немногие годы активной деятельности немногими активистами Курской Архивной комиссии оказалось сделано немало полезного и долговечного. А именно, открыты новые памятники археологии, в том числе уникального значения; начаты их методичные

раскопки. Приняты должные меры по музеефикации и изданию добытых раскопками древностей. Составлена первая и весьма полная карта археологических объектов губернии. В изданиях комиссии и с её помощью публиковались ценные письменные источники и этнографические материалы южнорусского быта XVII – начала XX вв. Благодаря ГУАК в губернском центре открылся первый и до сих пор главный музей курского краеведения. Наконец, по ходу разных своих занятий Комиссия подготовила нескольких способных и энергичных работников историко-археологического профиля, которые после революции стали известными учёными и педагогами (П.С. Рыков, Е.И. Резанова, Л.Н. Соловьёв, И.Д. Стрелков-Стрельский), организаторами советского краеведения в Курске (Г.И. Булгаков, Л.Н. Позняков, Н.П. Сенаторский, М.П. Парманин и др.). В целом, заложенные Комиссией традиции изучения прошлого Курского края так и не удалось полностью искоренить даже за годы во многом беспощадного к прошлой отечественной культуре социалистического строительства. Печатные издания Комиссии вот уже скоро столетие продолжают служить настольными пособиями курских историков и краеведов.

Конечно, такой сильной группы и даже долговечной школы историко-археологических изысканий, как в соседних университетских центрах вроде Киева, Харькова или Воронежа, в купеческо-ремесленном, захолустноватом Курске не сложилось и вряд ли могло сложиться. Это нисколько не умаляет добросовестных усилий и отдельных достижений лидеров здешней ГУАК — А.Н. Кобылина, К.П. Сосновского, Ф.П. Кандаурова, И.П. Амелина, П.Г. Попова, Н.И. Златоверховникова, Р.Л. Маркова, А.А. Орлова, Н.Н. Лоскутова и некоторых других её наиболее устойчивых деятелей. Без всякой оплаты, наоборот — нередко расходуя личные деньги, в часы после-служебного досуга, они знающе и старательно занимались раскопками, фольклорно-этнографическими наблюдениями, рылись в архивных бумагах, собирали коллекции древностей, вели экскурсии по музею, читали публичные лекции, зарисовывали облик ветхих храмов, обсуждали краеведческие сообщения друг друга, переписывались с коллегами из других учёных центров. Довольно разные, нередко чуждые по социальному и политическому облику, даже антипатичные один другому в бытовом общении, эти любители местной истории продемонстрировали незаменимую роль коллективных действий и руководящего центра краеведной работы в регионе.

К сожалению, их заслуги оказались незаслуженно забыты, начиная с 1920-х и вплоть до 1990-х гг., когда в связи с 90-летним юбилеем Курского областного музея в городских газетах помянули добрым словом его отцов-основателей из ГУАК. Её архивный фонд пригодился сейчас

нескольким диссертантам — исследователям региональной культуры, к нему постоянно обращаются курские и приезжие исследователи разных специальностей.

Символичной для судьбы Архивной комиссии в Курске эпитафией может служить одна из сохранившихся в архиве записок её членов, воспитанных в дотелефонную — эпистолярную эпоху. Когда служебные дела помешали А.А. Танкову участвовать в её заседании 22 августа 1917 г., он обязательно известил коллег запиской: “... Хотел и сам выступить с чтением доклада (предварительного) о найденном мной древнейшем памятнике о первоначальном заселении Курска и т.п. вопросах. Но не посчастливилось, не пришлось...” [77]. Как чувствовал ветеран исторического краеведения, что уже не придётся им заниматься публично и всерьёз. Причём отнюдь не по собственной воле прервут курские чиновники и помещики эти свои занятия.

На том заседании ГУАК рассмотрела, в частности, вопрос “О собирании исторических материалов, относящихся к освободительному движению и революции 1917 г.”. Однако подобная идейная мимикрия (или искренняя попытка демократизации?) старым краеведам помочь не могла. Революции требовались другие историки.

* * *

В завершаемой главе диссертации прослежен решающий этап развития российской регионалистики. Его можно было бы назвать пореформенным, перешедшим в предреволюционный отрезок краеведной мысли и практики. Однако кроме предпосылок и последствий, у любого явления культуры имеется самостоятельное, самоценное содержание. Пытаясь выразить это содержание не метафорически (условный “золотой век”), а концептуально, стоит указать на то, что в это время, на рубеже XIX–XX вв. произошло *организационное становление*, своего рода *институционализация общегосударственной системы работы с памятниками старины*.

Главным отличием и достижением того времени на краеведческом поприще можно считать появление и укрепление у него координирующих центров в системе отечественной гуманитарной науки. Такие организации и общества, как:

Центральный Статистический комитет Министерства внутренних дел (имевший свои отделения в большинстве краёв как европейской, так и азиатской частей России);

Императорская Археологическая комиссия при Министерстве двора (напрямую связанная с археологическими коллекциями Императорского Эрмитажа);

Императорское Русское Географическое общество (с отделением этнографии и периодическими экспедициями ради комплексного изучения окраин страны и чужеземных стран);

Императорское Московское Археологическое общество (с его всероссийскими Археологическими съездами в разных регионах страны и национальным Историческим музеем в Москве);

Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете (с его международными Антропологическими конгрессами и всероссийскими выставками — Этнографической, Антропологической, Политехнической);

Императорское Русское Археологическое общество; Петербургский и Московский Археологические институты, готовившие кадры квалифицированных архивистов, а затем и археологов; куратором этих институтов выступало Министерство просвещения;

Петербургская Археологическая комиссия Академии наук; историко-археологические и историко-филологические объединения при большинстве российских университетов,

— все эти и некоторые другие центры науки и просвещения активно выработывали и распространяли методологию и методику познания и охраны памятников истории и культуры огромной империи.

На местах, в губерниях и уездах страны появляются постоянные корреспонденты и сотрудники перечисленных учёных центров. К началу XX в. они почти повсеместно объединились в *местные* — губернские и областные, а то и уездные *общества и комитеты любителей разных древностей* (архивные комиссии, археологические комитеты и т.п.). Эти провинциальные научные силы с помощью столичных покровителей и наставников постепенно научились на приемлемом по тем временам методическом уровне проводить археологические разведки и раскопки, собирать документы для архивного хранения, фиксировать фольклорно-этнографический материал, картографировать памятники истории и культуры в местности своего проживания. Для постоянной публикации результатов этих работ у них имелись солидные печатные органы — губернские газеты, альманахи, справочные и монографические издания. Наконец, на местах мало-помалу организовались хранилища и общедоступные экспозиции древностей — археолого-этнографические и художественные музеи, исторические архивы.

Столь разветвлённой и работоспособной инфраструктуры не знала, пожалуй, гуманитарная наука ни одной другой страны мира. Подобное разделение исследовательского труда, хотя бы эмпирического, такой размах просветительской работы на ниве краеведения оказались возможны только в России периода модернизирующих её общественное устройство

реформ; при участии тех людей, что получили не имеющее прямых аналогов за границей название интеллигенции.

Однако приобретающее фатальный характер отставание России от передовых стран Запада в экономике и политической организации предопределили серьёзные пробелы и провалы в том же самом деле изучения и особенно охраны памятников истории и культуры на протяжении XIX, и XX вв. Низкий жизненный уровень большинства населения, его малограмотность сплошь и рядом диктовали варварское к ним отношение — пренебрежение, а то и разрушение археологических, архитектурных объектов, распыление архивных фондов, утрата уникальной этнографической и фольклорной старины. Бюрократическая система государственной власти и в центре, и на местах нередко тормозила краеведческую инициативу, загоняла её в искусственные рамки ультрамонархической, клерикальной идеологии.

Многочисленные и досадные недостатки в деятельности провинциальных любителей истории, археологии и этнографии из “Губернских ведомостей”, ГСК и ГУАК (хроническая нехватка денежных субсидий, благоустроенных помещений, чиновничья волокита и цензурный произвол, начальственные капризы, т.п.) чаще всего искупались европейской образованностью, энтузиазмом и деловой хваткой этих же самых деятелей на ниве регионального самопознания. Хотя термин “краеведение” до революции практически не применялся (это неологизм уже советской эпохи), по сути дела именно на рубеже позапрошлого и прошлого веков в России оказались заложены традиции культурного, активно профессионализировавшегося изучения исторического прошлого основных краёв и областей государства. Такого рода конкретизирующие исследования, кабинетные и экспедиционные, да просветительские мероприятия (музеи, выставки, публичные чтения и библиотеки, популярные издания, публицистика в периодике) служили необходимым дополнением науки академической, университетской с её генерализирующими достижениями.

Сомнения насчет того, стоит ли называть тот период развития исторического краеведения в России его “золотым веком”, своего рода вершиной, если не развеиваются, то безусловно умеряются в свете дальнейших судеб региональной историографии.

ГЛАВА III.

ГУМАНИТАРНОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ КАК ФЕНОМЕН СОВЕТСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Этот раздел диссертации посвящён периоду, начавшемуся в деле изучения и охраны российских древностей в связи с революционными событиями рубежа 1910-х–20-х гг. и продолжавшемуся до рубежа гг. 1940-х–50-х. Среди многих отличий данного отрезка выделим личностный, кадровый — за это время дореволюционного воспитания поколение учёных и краеведов сменилось специалистами и любителями советской подготовки. Наше изложение здесь, таким образом, от прошлого приближается к настоящему. Для историка близкое к его биографии время всегда крайне сложно для истолкования. Отмеченные десятилетия недавно истекшего XX столетия ещё далеко “не остыли” от политических страстей запредельного накала, личных трагедий практически в каждой русской семье, неоднократных ломок всей отечественной культуры. Тем не менее, иного способа выявить преемственность в развитии отечественного древлеведения, постараться извлечь некоторые уроки из прежних достижений и утрат на пути познания прошлого и его памятников, чем довести рассмотрение темы до новейших времён, у нас не имеется.

В советской историографии рубеж Октябрьской революции полагался само собой разумеемым и важнейшим, началом Новейшей истории человечества. Никаких сомнений не возникало тогда на сей счет и у большинства тогдашних историков самой истории и прочих гуманитарных наук. Вот как, например, периодизировалась история русской археологии в старой воронежской энциклопедии: противопоставление до- и пореволюционного периодов развития этой достаточно специальной дисциплины объяснялось уже тогда “самой сущностью дореволюционной археологии, занятой в первую очередь поисками вещей прошлого, их голым коллекционированием и формалистским описанием, а с другой — классовым составом “археологов”, комплектовавшихся из числа чиновников, духовенства и помещиков, работавших больше всего над разрушением памятников материальной культуры” [1]. Получалось этакое “вредительство” археологов ещё при царизме!

В последние годы, однако, возможность прямого переноса вех политического развития на область истории науки и культуры ставится под аргументированное сомнение. Так, исследователь развития сибирской археологии В.И. Матющенко подчеркивает черты преемственности (организационной, методической, кадровой) между до- и послереволюционными отрезками работы с историческими древностями в России. Получается, что “период от Октября 1917 г. до конца 1930-х гг. в истории отечественной и сибирской археологии в том числе не имеет самостоятельного значения, а ближе всего стоит к дореволюционному периоду своей истории” [2]. Та же мысль высказывалась и более прямо: вплоть до середины 1930-х гг. то, что осталось в русской археологии после

потрясений революции и вызванной ею массовой эмиграции интеллектуалов, гражданской войны и хозяйственной разрухи, “было тем же, что и до революции” [3].

Оба отмеченные взгляда на время перелома от старой русской археологии к новой, советской представляются излишними крайностями. На наш взгляд, советская по времени существования и общественно-политическому контексту археология “перековывалась” на марксистско-ленинский лад куда сложнее и дольше. Не только сильные, но и слабые ее стороны оказались парадоксально причинены именно “табуированием” (по яркому выражению Г.С. Лебедева) до-революционной археологии как “немарксистской” [4]. Наблюдение же В.И. Матющенко и его единомышленников на сей счёт ближе к истине, но неполно. Наряду с временным и частичным сохранением накопленного до революции идейного, институционального, кадрового потенциала, отказавшиеся от эмиграции наши археологи 1920-х гг. жили и действовали уже в совсем другой стране, которая даже не называлась больше Россией.

Точнее всего объясняет обсуждаемую, действительно противоречивую ситуацию А.А. Формозов. В специальном разборе имеющих-ся периодизаций развития отечественной археологии он выделяет в XX столетии такие пики качественного перелома в этом процессе, как, во-первых, годы революции, гражданской войны; а во-вторых, сталинский “разгром археологических учреждений в 1929–1931 гг.” При этом А.А. Формозовым учитываются и моменты плодотворной преемственности (скорее вопреки, нежели благодаря революции), и моменты мертвящей негации в отношении прежней культуры со стороны “культуры пролетарской”. Важен также призыв маститого исследователя конкретизировать обсуждаемую проблему — ведь “наряду с общей периодизацией отечественной археологии можно предположить и не во всем совпадающие с ней периодизации для истории археологии в отдельных регионах...” [7]. Один из таких региональных вариантов — применительно к южнорусскому краю намечался в свое время нами [8], в соответствии с ним выстроено изложение в настоящей диссертации.

Хотя собранные здесь курские материалы советского периода представляются характерными не только для Центрально-Черноземной округи, всего юга России, но в значительной степени для нашей провинции, прежде всего европейской, вообще. Оформившиеся там в конце XIX – начале XX вв. центры историко-археологических исследований (о них шла речь в предыдущем разделе этой работы) с большими или меньшими потерями пережили военно-революционное лихолетье и во второй половине 1920-х гг. испытали определённый подъём своей исследовательской и просветительской активности. Интересы большевиков и оставшейся при них интеллигенции по части “посева

разумного, доброго, вечного” среди пролетариата и крестьянства поначалу совпали, породили надежды на более плодотворное сотрудничество властей и общественности на ниве краеведения. Этот альянс, однако, оказался насильственно оборван на рубеже 1920-х–30-х гг., когда большинство дееспособных краеведов было так или иначе репрессировано по прямому приказу большевистских властей. С тех пор региональная археология и родственные ей отрасли знания во многих областях СССР довольно долго не смогли возродиться. На протяжении нескольких послевоенных десятилетий древности этих областей если изучались, то главным образом приезжими из столичных центров специалистами академических учреждений.

За намеченной периодической схемой — судьбы нескольких поколений русских ученых и краеведов. Их вклад в изучение и спасение отечественных древностей нуждается в своевременном запечатлении, справедливой оценке. Тут чаще всего оказывается мало архивированных документов и опубликованных сведений. К документальным и печатным источникам в настоящем разделе исследования полноправно присоединяются устные сообщения свидетелей и участников излагаемых событий. Среди этих людей — учителя автора диссертации или же учителя его учителей. Риск как-то задеть благодарную память о них искупается, мы надеемся, моральным императивом эту память запечатлеть, обнародовать.

§ 1. Обречённый арьергард: дела, планы, разгром общества краеведов в Курске 1920-х – начала 30-х годов

Краеведческое движение в первое послереволюционное десятилетие стало заметным явлением культурной, общественной жизни нашей страны. Его систематическое изучение только начинается. Вышедшие в свет за последние годы книги о “золотой десятилетке” советского краеведения выполнены в основном по печатным и архивным материалам центральных органов этого движения, рассматривают главным образом их занятия с документальными памятниками [1]. *Вклад первых советских краеведов в археологию, этнографию, экологию, другие отрасли гуманитарной науки и практики*, их участие в разработке — поиске, охране, публикации, музейном хранении и экспонировании памятников материальной, фольклорной, художественной культуры остаётся недостаточно ясным. Рассмотрение данного вопроса по отдельным регионам — необходимый подход к его решению.

Перипетии революции и гражданской войны, в Курске достаточно бурные, расстроили, конечно, историко-краеведческую работу, но не

остановили её полностью. Одни любители-энтузиасты этого дела сменялись другими. Фактически возглавлявший Губстаткомитет с конца XIX в. его секретарь, он же правитель дел ГУАК, Н.И. Злато-верховников (1865 – после 1923), почёл за лучшее отступить из Курска вместе с Добровольческой армией А.И. Деникина в ноябре 1919 г. Другой плодовитый курский историк — А.А. Танков (1856–1930), напротив, тогда же, в 1917 г. возвратился в родной город, но после революции ни разу, сколько мы можем судить, не выступил в печати, в различных списках советских краеведов не значился. Его главный труд — “История курского дворянства” — остановился на опубликованном в 1913 г. первом томе, включавшем обзор служебной организации на Курщине с древнерусской поры до начала Нового времени. При ссылках на эту работу советские краеведы избегали приводить её название, указывая просто: “монография А.А. Танкова”.

Перебрались в другие города С.В. Быков, Александр Александрович Кандауров (оставив дома в Курске свою нумизматическую коллекцию, которую новые власти реквизируют и передали в музей), Л.А. Квачевский, К. П. Сосновский, прочие чиновные члены прежних кружков курских краеведов.

ГСК как формальная, но часть губернаторской администрации оказался автоматически распущен вместе с ней, а вот ГУАК как организация общественная продолжала существовать до 1922 г., числясь уже при исполкомовском подотделе по делам музеев и охране памятников искусства и старины [2]. Последним председателем Учёной архивной комиссии в Курске оказался заведующий этим подотделом *Матвей Васильевич Васильков* (окончивший Московский археологический институт со званием учёного археолога), а его товарищем (выражение “заместитель” прочно вошло в деловое словоупотребление только с 1930-х гг.) и консультантом подотдела по истории — член ГУАК Г.И. Булгаков. Они даже в самый разгар военно-революционных потрясений умудрялись время от времени проводить общие собрания Комиссии, принимать в неё новых членов, переписываться с уездными краеведами, совершать исследовательские экскурсии — на богатую подъёмным археологическим материалом “дюнную стоянку” в курском пригороде Мокве; по осмотру старинных “палат Ромодановских”, прочих памятников архитектуры города.

Знания и личные связи Булгакова и других любителей местной старины оказался незаменимым подспорьем для новых, большевистских руководителей культуры в губернии. Совместными усилиями музейному подотделу и дышащей на ладан ГУАК удалось сберечь от разграбления и уничтожения немало подведомственных им материалов. “В 19–20 гг., — с законной гордостью вспоминал Г.И. Булгаков, — зачастую сотрудники

подотдела (и члены комиссии) на крышах вагонов выезжали на места, чтобы спасти ценные памятники и документальные источники (например, М.Н. Еськов и В.В. Саф-ронов). Был случай (в д. Мокве, в дворце Волковых, бывшем Нели-довых) — на другой день после увоза памятников здание уже горе-ло. В Ивановском (Льговского уезда, в дворце Барятинских) [музей-ные — С.Щ.] сотрудники в 1919 г. застали такую картину: группа граждан, хозяйничавших в дворце, затеяла оригинальную игру — по стопке тарелок от огромного сервиза (человек на 200) били с размаху кулаком — кто разбивал всё, тот считался выигравшим. Часть сервиза была спасена” [3] и вместе с остальным фарфором, мебелью, картинами, серебром, хрусталем, бронзой, мраморными скульптурами, нумизматической коллекцией и прочими ещё не разграбленными окрестными жителями раритетами переправлена в *Курский музей*, работавший, напомним, с 1903 г. при ГУАК.

Советская биография курского музея — живая иллюстрация поэтического призыва В.В. Маяковского:

Белогвардейца
Найдёте – и к стенке.
А Рафаэля забыли?
Забыли Растрелли вы?
Время
Пулям
По стенам музеев тенькать.
Стодюймовками глоток старьё расстреливай! [3 а].

Разумеется, призыв футуриста “разрушать дворцы”, избавлять-ся от “старья” вроде Пушкина и “прочих генералов-классиков”, под-держали далеко не все деятели культуры, пошедшие на сотрудниче-ство с большевиками. А.А. Блок, например, возразил Маяковскому в своем дневнике: “Не так, товарищ! Не меньше, чем вы, ненавижу Зимний дворец и музеи. Но ... разрушая, мы всё те же рабы старого мира; нарушение традиций — та же традиция”. И пророчески добав-лял: “Над нами — большее проклятье... Одни будут строить, другие разрушать, ... но все будут рабами, пока не явится третье, равно не-похожее на строительство и разрушение” [3 б].

Советские учреждения вытеснили музей из занимаемого с 1905 г. помещения бывшей казённой палаты и еще целых 11 раз переселя-ли, пока в конце концов не втиснули в церковь ликвидированного женского монастыря (Верхне-Троицкую), в свою очередь закрытую. Все пореволюционные годы музей, даже что называется сидя на че-моданах, с нищенским финансированием, умудрялся не только по-полнять фонды, но и проводить экскурсии (М.Н. Еськов — по ар-хеологии; П.Ф. Политковский — по старинному оружию, сам Г.И. Булгаков — по

этнографии). Так что “музей знала и ценила учащая-ся молодежь, особенно студенты Курского института народного образования, неоднократно помогавшие в переноске музейных витрин из одного дома в другой” [4].

Надо заметить, что в революционную пору музей пополнялся не только обычными способами — скупки и пожертвования экспонатов, но и особенно активно таким путем, как *реквизиции антиквариата у “классово чуждых элементов”*. Как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло. Несколько архивных дел ГАКО за 1919–20 гг. [5] содержат перечни такого рода контрибуции, переданной на музейное хранение из губернского уголовного розыска. Чего тут только нет! Масса старых монет: десятки золотых и платиновых, тысячи серебряных и медных, включая копейки разных царей (Бориса Годунова, Михаила Федоровича, Петра I и др.), монеты последующих самодержцев. Кроме отобранных порознь раритетных денег, несколько нумизматических коллекций большого объёма — из дворянских имений (рыльского Марьино князей Барятинских; семьи Шварцев в Щигровском уезде); “6 мест музейных вещей, отобранных у Кандаурова” — нумизмата ГУАК (упомянутого в числе эмигрантов выше); ещё одного курского собирателя — Данзаса; другие. Кроме того, из “Угро” поступали еще корзины, мешки, ящики, узлы — с фарфором, иконами, картинами, мелкой пластикой, ювелирными украшениями и т.п. “предметами художественного характера”. Показательно, что все эти по сути валютные ценности указаны в ведомостях приёмки кучно, обобщённо — местами багажа.

Зато менее ценные вещицы реестрированы подробно: книги, гравюры, картины-репродукции, портмоне, четки, веера, трубки, звонки, пресс-папье, статуэтки, чернильницы, кружки для пива, ложки, иконы-списки, ладанки, образки, пепельницы, лампадки, распятия, солонки и т.д., и т.п. Сколько же квартир курских обывателей — мещан, чиновников, священнослужителей, купцов и т.п. “классовых врагов” надо было ограбить чекистам, чтобы свалить в музейную кладовую всю эту личную, в основном трудовую собственность простых, в общем, русских людей!.. За строками музейной ведомости перед нашими глазами встает ободранный киот, выпотрошённый сундук, опустошённый книжный шкаф, сметённый письменный стол... Впрочем, реквизированная “у буржуев” стильная мебель также распределялась между музеем и советскими учреждениями.

Вряд ли все отобранные комиссарами у мало-мальски зажиточных курян редкости дошли до музея. Сохранилось замечательное свидетельство одной из жертв подобных реквизиций — *Сергея Германовича Пушкарёва* (1888–1984), видного русского историка-эмигранта, а в 1918 г. недавнего выпускника курской гимназии, студента Харьковского университета. Оставшись в начале Гражданской войны вместе с больной матерью в их имении Прохоровке Корочанского уезда Курской губернии, он сумел

сберечь господский дом от немедленного разграбления. Во время очередного обыска комиссар — “высокий энергичный человек в солдатской шинели с револьвером у пояса” “очень долго и тщательно копался в шкафу со всякой всячиной. В одной из коробок у меня хранилась большая и полная коллекция почти из 20-ти серебряных рублей, от Петра I до Николая II. Открыв коробку, он сказал: “А, это старые деньги! Это не может быть у частной собственности, это надо у музей”, и пересыпал рубли в свой карман. Не знаю, дошли ли они до музея, — заключает историк, — но, как писал один чиновник у Щедрина, “сумлеваюсь штоп” [6].

Такова была *внешняя обстановка зарождения советского краеведения* в этой, достаточно типичной для российской провинции губернии. “18-й год был убийственно голодным для бедноты, — констатировал замечательный русский писатель историко-этнографического толка А.М. Ремизов в автобиографическом повествовании “Взвихрённая Русь”, — 19-й — холод и смерть.

Обыски и анкеты вымуштровали и самых расхлябанных простецов: всякий теперь исхитрялся, как бы провести или обойти предусмотрительно; а от постоянного голода окончательно обвыкли на воровстве” [7]. А вот свидетельство беспартийного очевидца того самого места и времени, о котором здесь идёт речь: “Весной 1919 г. губернский Курск еще не был тронут разрушениями Гражданской войны, но являясь, по существу, прифронтовым городом, выглядел изрядно потрепанным. Заборы, разделявшие обывательские усадьбы, разобраны на топливо; разбитые булыжные мостовые залиты огромными лужами; витрины ... забиты фанерой; на путях железнодорожного узла — крупнейшего в Средней России — вереницы потухших паровозов и толпы мешочников. Вши, сыпняк, голод. Жестокий голод времён хозяйственной разрухи и продразверстки” [8]. А затем ещё — оккупация действующими армиями, красной, белой и снова красной; а значит — бои, аресты, расстрелы, грабежи и с той, и с другой из воюющих сторон.

В таких вот условиях в 1916–20 гг. *археологические памятники ближних окрестностей Курска* впервые систематически исследовал *Лев Николаевич Соловьёв* (1894–1967). К тому времени он стал не просто квалифицированным, но высокопрофессиональным по тогдашним меркам археологом. Он родился в с. Медвенке Обоянского уезда. В 1905–13 гг. занимался в Курской гимназии. Затем поступил на историко-филологический факультет Московского университета, состоял (недолго) слушателем Московского Археологического института. Мировая война унесла жизни двух его братьев, материальные трудности в семье вынудили Л.Н. перевестись в Харьковский университет. Живя в Харькове в семье

дяди — В.И. Соловьева, гимназического учителя, подрабатывал обработкой экспонатов Харьковско-го музея.

Занятия древностями увлекали его с юных лет. Ещё в 1912 г., на гимназических каникулах он помогал П.С. Рыкову копать гочевские курганы (о чём подробнее говорилось в предыдущей главе), а с 1914 г. самолично, по открытому листу Императорской Археологической комиссии обследовал “многочисленные следы первобытного населения по береговому дюнам Сейма” [9]. Став в 1917 г. сотрудником Курского статистического бюро, перейдя в 1918 г. на службу лаборантом в бюро энтомологическое (действовало и такое), продолжил археологические экскурсии на родине — вокруг Курска. Их прервала мобилизация в Красную армию, участие в боях на Южном фронте в качестве заведующего клубом при политотделе 13 армии. Но и тогда и там — в окрестностях нижнего Днепра Л.Н. умудрялся вести археологические поиски в перерывах между боями.

После демобилизации в начале 1921 г. Соловьев поступает в Харьковский музей младшим научным сотрудником, где занимался в основном обработкой фонда древней керамики. Завершив учебу в Харьковском университете, он летом 1922 г. переезжает в Севастополь, где устраивается на службу в Херсонесский музей-заповедник. В Крыму Л.Н. опять-таки много занимался археологией — и полевой (разведки и описания древних каменных зданий и укреплений полу-острова, раскопки Херсонесского “оссеариума” и т.п.), и камеральной (обработка музейных коллекций, в первую очередь керамических), кабинетной (первые публикации — “Пограничные укрепления Херсонесской области”, “Четырехугольные башни Гераклеяского полу-острова”). В 1926 г. начинающий исследователь принимает участие в I Конференции археологов СССР в Керчи, знакомится там с В.А. Городцовым, А.А. Спицыным, Н.Я. Марром и другими известными учёными.

В 1927 г. наладившуюся было служебную и семейную (жена его Е.Х. Скорнякова, дочь художника-баталиста; сын Борис, в будущем геолог) жизнь молодого археолога нарушает болезнь (мучительный неврит). Лишившись по этой причине работы в Крыму, Соловьёв решает вернуться в родные края. Сначала он появляется в Воронеже, где сотрудничает с экспедицией П.П. Ефименко по раскопкам палеолитической стоянки в Боршеве. Но с осени 1927 г. Л.Н. снова в Курске, где год преподавал (экономическую географию) в губернской совпартшколе, а с 1 июня 1928 г. перебрался на свое законное место — стал научным сотрудником краеведческого музея, затем заведующим его культурно-историческим отделом.

К тому времени он уже выявил в округе родного города до трёх десятков поселений разных исторических эпох — от неолита до позднего

средневековья. На большинстве из них ему удалось собрать богатый подъёмный материал (керамику, орудия труда, ювелирные украшения, монеты и проч., сдав эти находки в Харьковский истори-ческий музей); произвести зачистку обнажений культурного слоя; сделать точные зарисовки его структуры; наиболее характерных на-ходов; а также снять топографические планы памятников. Правда, состояние тогдашней науки о древностях не позволило этому иссле-дователю точно классифицировать обнаруженные им культурные на-пластования. Так, роменскую керамику он называл (по месту, где ее попало ему больше всего) “шуклинской” и полагал не славянской, а финской. Тем не менее, статья Л.Н. Соловьёва с описанием дан-ных разведок [10] — едва ли не единственная полноценная публика-ция по археологии Курской земли за весь период от Гражданской войны до Второй Мировой. К этой работе до сих пор обращаются специалисты. Далеко не каждой области новорожденного СССР повезло иметь столь профессионально подготовленного археолога, каким на рубеже 1920-х – 30-х гг. был в Курске Лев Николаевич Соловьёв.

В апреле 1918 г. открытый лист Государственной (в недавнем прошлом — Императорской) Археологической комиссии на право раскопок “в течение 1919 г. в пределах Лубенского уезда Полтав-ской губернии и Путивльского уезда Курской губернии” [11] полу-чил библиотекарь этой комиссии *Александр Сергеевич Раевский*. Его почему-то особенно заинтересовало городище Вырь на Путивльщине (остатки летописного города Вира). А.А. Спицын предложил ему за-одно изучить курганы у с. Пены Обоянского уезда, известные по разведкам К.П. Сосновского (о которых говорилось в предыдущей главе диссертации). К сожалению, эти работы не удалось осущест-вить из-за различных непредвиденных обстоятельств того смутного времени. Только после Отечественной войны украинские археологи приступили к систематическим раскопкам Вирского комплекса па-мятников у м. Белополя и ведут их до сих пор.

Кроме Соловьёва, археологические изыскания в первые годы советской власти на Курской земле вели другие сотрудники губму-зея, начиная с М.В. Васильчикова и его сына Владимира Матвееви-ча, на момент революции бывшего студентом математического факу-льтета университета и слушателем Археологического института в Москве. В 1923 г. М.В. Васильчиков получал открытый лист на пра-во производства раскопок “близ Курска”, но вряд ли смог им воспользоваться. Вот выдержка из отчёта руководимого ими губмузея за 1924 г.: “Раскопок ... не было за полным отсутствием средств. Глав-ным образом производятся археологические разведки с нанесением результатов на карту. ... По незнанию существующего положения о производстве раскопок, таковые были допущены Дмитриевским му-зеем без ведома

губмузея. Вещи поступили в Дмитриевский музей. Прекращена деятельность кладоискателей в Щигровском уезде” [12].

Ещё в начале 1920-х гг. курские музейщики выполняли циркуляры московской Главнауки о постановке на специальный учет памятников гражданской и церковной архитектуры — таковые были выявлены и паспортизированы в Курске, Белгороде, Путивле, Рыльске, Старом и Новом Осколах с уездами.

Во многих курских уездах тогда же открылись *небольшие музеи* историко-археологического и художественного профилей — в Рыльске, Дмитриеве, Путивле, Короче, Судже, Белгороде, Грайвороне, с. Ивановском, Щиграх.

Когда большевистская власть укрепилась в провинции, всем краеведам стала ясна необходимость новой их организации. Находившиеся некогда под августейшим покровительством ГУАК себя изжили. Однако успели подготовить достойных продолжателей своих начинаний. Курский пример подтверждает вывод А.А. Формозова о том, что “после революции на базе ученых архивных комиссий возникли самые сильные краеведческие общества” [10]. В новом объединении курских краеведов тон поначалу задавали лица, получившие высшее образование до революции; сформировавшиеся как исследователи, можно сказать, вопреки ей; прошедшие источниковедческую и организационную школу ГУАК и прочих учреждений русской культуры царского времени.

Сначала, осенью 1922 г. возникла немногочисленная *секция краеведения* при местном Педагогическом обществе. Среди её учредителей — М.В. Васильков, А.А. Вирский, Е.К. Введенский, Г.И. Булгаков, А. Н. Черневич, Э.И. Черномордик. Благодаря энтузиазму этих же лиц, через год, 17 июня 1923 г. состоялось *учредительное собрание Курского городского общества краеведения* (КГОК). 22 августа был утвержден устав этого объединения (Полушутя, полусерьёзно говоря, эта дата подошла бы как условный День краеведа Курской области). На I конференции курских краеведов, в сентябре того же года несколько десятков членов распределились по секциям: 1) культурно-исторической; 2) естественнонаучной; 3) экономической; 4) педагогической. Заседания этих секций с обсуждением докладов и отчетов о проделанной работе станут основной формой совместной деятельности здешних краеведов. С докладами на этой конференции выступили видные ученые, профессора — ботаник В.В. Алёхин (МГУ), почвовед Я.Н. Афанасьев (Курский СХИ), геолог Н.Н. Боголюбов (ВГУ).

Филиалы Общества организовались в Белгороде (руководитель Н.Н. Мавровский), Рыльске (С.К. Репина), Дмитриеве (М.П. Нагибина), Короче (М.П. Парманин), Старом Осколе (Д.М. Рождественский), Щиграх (М.Н. Исаев).

Почти в каждом из этих уездных городков имелся к тому времени, как уже отмечалось, своей небольшой музей. А главный в губернии — Курский музей удалось наконец перевести в “подходящее” здание — бывший дом архирея, возле Знаменского собора мужского монастыря (конечно, закрытого и в дальнейшем, к 1937 г. превращённого в главный кинотеатр города). С помещением музей-щикам помог руководитель губисполкома Г.К. Прядченко, которого на своей I конференции краеведы предусмотрительно избрали своим председателем. Памятуя, должно быть, что “непременным попечителем” ГУАК некогда значился губернатор. Повседневное же руководство всеми без исключения краеведческими делами осуществлял Г.И. Булгаков, ставший учёным секретарем КГОК.

Он же в основном вёл научное и техническое редактирование *печатных изданий краеведческого общества*, которые по своему объёму и систематичности если и не превзошли дореволюционную периодическую историко-краеведческого профиля, то сравнивались с ней: сперва 2 выпуска “сборника по природе, истории, культуре и экономике губернии” — “Курский край” (1925–26), а затем и регулярные “Известия КГОК” (1927, № 1–6; 1928, № 1–4; тираж от 600 до 1000 экз.); серия брошюр и листовок.

На своей II конференции в октябре 1925 г. курские краеведы переименовали своё Общество в губернское. В этот период оно достигло своей максимальной, пожалуй, численности — в Курске более или менее регулярно посещали заседания краеведов, вели собственные разыскания в этом направлении около 50 человек (“27 педагогов, 3 агронома, 2 рабочих, 7 разных”, согласно подсчётам Г.И. Булгакова). Выделилась новая — юношеская секция (до 20 человек).

III конференция (май 1927) обсуждала уже первые отчёты с мест (сеть уездных отделений к тому времени расширилась за счёт Суджи, Глушкова, Коренева, Белой). В работе каждого из уездных филиалов участвовало человек по 20–30.

Тогда же встал вопрос о переходе к плановому (в духе социалистического времени) изучению края, прежде всего его естественно-производительных ресурсов. Такая постановка вопроса не спасла краеведческий актив от окрика со стороны “партийной прослойки”, чьи рьяные представители строго предупредили ветеранов местной историографии от чрезмерного уклонения в область культурно-историческую, в ущерб злободневным интересам политики и экономики.

В 1928 г. Курск слушали на заседании Центрального бюро краеведения (ЦБК) в Москве. Перед тем с инспекторской проверкой город посетили руководящие сотрудники этого органа — И.М. Гревс, Н.П. Анциферов, Т.Б. Лозинская — все высококультурные, доброжелательные к провинциальным коллегам люди [14]. В итоге на ЦБК постановили “признать в общем и целом линию работы краеведческих организаций

Курской губернии и, в частности, Кур-ского губсовета Общества краеведения, правильными” [15] и реко-мендовали, как водится, “усилить” в краеведческой работе и то, и сё, и пятое, и десятое.

КГОК переписывалось не только с ЦБК, но и со многими дру-гими родственными инстанциями и объединениями из разных регио-нов СССР, обменивалось с ними печатными изданиями (эта дорево-люционная традиция удачно “легла” на коллективистскую общитель-ность советского этоса). Заведующий белгородским музеем Павел Иванович Барышников даже собрал по почте обширную коллекцию уставов и программы различных краеведческих обществ и музеев. В получившемся сборнике (12 печатных листов, остался неопублико-ванным) составитель отмечал: “Судя по имеющимся у меня материа-лам, краеведное дело и музейное хорошо идёт в Воскресенске и Дмитрове (Московской губернии), Вологде, Рязани, Костроме, Пскове, Новгороде, Гомеле, Владикавказе, Иваново-Вознесенске, Чите, Хабаровске и др. местах” [16].

И всесоюзный читатель историко-археологической и фольклор-но-этнографической литературы, в свою очередь, был осведомлён о публикациях курских краеведов благодаря соответствующим библио-графическим обзорам в центральной печати [17].

Как видно, с внешней, организационной стороны деятельность советских краеведов 1920-х гг. производит вполне благоприятное впечатление. Именно таковое лежит в основе восторженных оценок соответствующего периода местной историографии многими её новей-шими исследователями. Однако если сравнить возможности и реаль-ные дела, планы и отчёты курских исследователей родного края за эти несколько лет, то картина окажется более сложной.

Пожалуй, наибольший *вклад* местные любители старины внесли в *просвещение земляков*. Популяризации историко-археологических и прочих научных знаний среди школьников, студентов, взрослых горожан и крестьян в Курске и его уездах краеведами тех лет уделя-лось самое пристальное внимание. В Доме работников просвещения был развёрнут “Уголок краеведения” (до 80 диаграмм); опубликован пакет “программ-инструкций исследовательских работ” по всем сек-циям КГОК, начиная с культурно-исторической; разработаны и неоднократно опробованы маршруты экскурсий на Шуклинское и Ратское городища, с объяснительными лекциями о характере этих памятников славянорусской истории [18]. Подобного педагогическо-го демократизма дореволюционные организации любителей местной старины, действительно, были лишены.

Соответственно, большинство подготовленных теперь курянами краеведческих материалов носило не столько научно-исследователь-ский, сколько научно-популярный или учебно-методический харак-тер. В этом

жанре лучшие работы историко-археологического содержания выполнил Г.И. Булгаков. Вот типичный для него конспект (за 1924 г.) одного из докладов перед членами КГОК — по истории заселения края. “Проф. Самоквасов о предках северян. Около Моквы на песчаной дюне найден сосуд эпохи переселения народов. Северянские волости — Посеймье и Суджанская волость. 26 городищ в одной и 22 в другой. Правительственная колонизация [XVI–XVII в.]. Устройство. Земледелие, садоводство, руду искали. Коро-ча, Старый Оскол, Богатый, Вольный. Монастырская колонизация. Вольная колонизация (украинцы). Создание Белгородской [засечной] черты и ряды её укреплений. Пожелание по обследованию городищ и производству раскопок. Экскурсия по г. Курску” [19].

Археологические интересы Булгакова поначалу вполне разделялись членами его кружка любителей краеведения. Приведём показательную выдержку из протокола одного из самых первых заседаний культурно-исторической секции КГОК (от 24 января 1925 г.): “Чтение программы по собиранию первобытных древностей [подготовленной в своё время ИМАО — С.Щ.]; заявление об охране дома Ромодановских; о контакте с Городцовым и Спицыным через Василькова М.В.; об археологической карте Курского уезда; об ознакомлении с инструкцией Спицына по исследованию Сибири; об очередном докладе Булгакова Г.И. о Ратском городище; о локализации Курского кремля; о просьбе к ближайшим от Ратского городища школьным работникам записать сказания старожилов о городище” [20]. Если сравнить этот документ с фактами из предыдущих глав диссертации, то станет очевидна преемственность интересов и замыслов первых советских краеведов по отношению к их непосредственным предшественникам — членам “царской” ГУАК, губернаторского ГСК, которые положили начало изучения почти всех упомянутых только что памятников старины.

Уже неоднократно упоминавшийся нами *Георгий Ильич Булгаков* (1883–1945) — бесспорный лидер курских краеведов все послереволюционные годы. Как по высокому уровню культуры, научной подготовленности, так и по организаторским способностям, деловой энергии. Суджанский уроженец, сын священника, выпускник Курской гимназии и Киевской духовной академии (1907), кандидат и магистр богословия, он перед революцией преподавал в Курской семинарии, сотрудничал с “Епархиальными ведомостями”, на общественных началах заведовал церковным древлехранилищем.

В советское время (1918–29 гг.) учительствовал, а затем и директорствовал в первой (по нумерации) школе Курска, читал по совместительству лекции в педагогическом техникуме и народном университете, вне- и сверхштатно помогал краеведческому музею и дру-гим

учреждениям культуры губернии. Будучи бесменно учёным секретарём КГОК, одновременно руководил его школьно-педагогической секцией. Его рукой написано абсолютное большинство деловых бумаг Общества за 1924–28 гг., когда краеведческая работа в Курске шла лучше всего.

Начав всерьёз публиковаться очерками церковной архитектуры [21], Г.И. затем составил и на разные лады дорабатывал систематический обзор истории Курска и его округа [22]. В связи с изложением этой темы он ощутил необходимость дальнейших разведок и раскопок археологических памятников Курского Посеймья. В 1924 г. даже выхлопотал открытый лист на сей счёт. Следующего содержания: “Главнаукой Наркомпроса РСФСР поручено члену КГОК Г.И. Булгакову произвести в текущем году археологические разведки в пределах Курской губернии. Сообщая об этом, президиум губисполкома предлагает в случае обращения т. Булгакова оказывать ему все-мерное содействие в выполнении возложенных на него заданий” [23]. Кое-какие полевые наблюдения за памятниками археологии Г.И. успел произвести.

Кроме того, Булгаков занимался этнографией, совершив несколько поездок по местам локального проживания так называемых саянов — культурно обособленной группы крестьянского населения Курщины, законсервировавших весьма архаичные и специфические черты внешнего облика и образа жизни. Соответствующие публикации краеведа [24] носят теперь характер первоисточников, ибо особенности быта и внешнего облика саянов с тех пор быстро стирались.

Именно Г.И. делал установочные доклады на губернской и областной конференциях курских краеведов: “Основные этапы колониционного процесса на территории края”; “Схема краеведческого обследования деревни”; составлял программы-инструкции исследовательских работ по археологии, этнографии, истории, картографии.

Но несмотря на все усилия и достижения Г.И. Булгакова по краеведческой части, советские руководители Курска в конце концов признали его не “пророком в своем отечестве”, а “врагом народа”.

Еще больше очень ценных этнографических материалов накопила *Екатерина Ивановна Резанова* (1866 – после 1930). Она записалась в советские краеведы на исходе шестого десятка лет своей подвижнической жизни и единственная из “бывших” честно указала в графе “социальное происхождение” соответствующей анкеты — “дворянка”. Терять ей было нечего: с 1892 г. она учительствовала в отдалённых курских деревеньках, на досуге записывая местный фольклор, наблюдая за археологическими памятниками (она первой обратила внимание ГУАК на огромный Гочевский курганник) [25]. К фольклористике её приобщил брат, видный филолог, профессор Нежинского лицея (института) В.И. Резанов (1867–1936). Записанные его сестрой образцы устного народного творчества

суджанских крестьян публиковались в солидных академических изданиях и до, и после революции [26]. Советским краоведам она предложила составленный ей за много лет “Словарь живого курского наречия”, однако опубликовать его тем не удалось и эта во многом уникальная рукопись, по-видимому, оказалась утрачена для науки.

Другая интеллигентная курянка, выпускница Бестужевских курсов *Софья Николаевна Ефременко* (1884 – 1956) с 1910 г. преподавала историю, иностранные языки в родном городе. Она умело приобщала гимназисток, а затем и учеников советских школ к прошлому Курского края (чтение исторических источников, экскурсии на близлежащие городища). Вступив членом КГОК, она обработала и частично опубликовала сохранившиеся в Курском историческом архиве (так называемом на советском новоязе Истархе, наконец-то ставшем государственным учреждением) документы XVII–XVIII вв.; напечатала любопытный очерк бытовых традиций Ямской слободы — одного из старейших районов губернского центра [27].

Стиль её материалов плохо согласовывался с требованиями большевистской идеологии. Например, свою статью о рыльской топографии она завершает следующим пассажем: “... Удел неодушевленных предметов счастливее живых существ. Давно люди, упоминаемые в документе, ушли от нас. Сама жизнь настолько изменилась, что если бы встал предок, лишь 50 лет назад ушедший от нас, он не узнал бы нашей жизни. А мёртвые предметы сохранились и будут стоять еще долго и служить новым поколениям, в немоте своей храня предания былой старины и своим постепенно разрушающимся видом наталкивать мимолётного гостя на Земле — человека на мысль о бренности и краткости жизни человеческой”.

Подобные мысли, глубоко естественные для нормального человека, тем более историка и археолога, в тогдашней обстановке — накануне первой пятилетки, индустриализации и коллективизации оценивались партийными функционерами как вражеская вылазка. С.Н. Ефременко больше не публиковалась в журнале курских краеведов. Хотя она почему-то избежала репрессий, состояла с 1929 г. членом Всесоюзного Географического общества, жила одно время в Москве, где её приняли на иждивение Центральной комиссии по улучшению быта учёных (ЦЕКУБУ).

По тем же архивным источникам начала Нового времени выполнены этюды сельского учителя Д.А. Тарновского о Нижегородском уезде и Старицком юрте [28] — административных единицах Курского края в начале Нового времени.

Еще один активный краевед, *Михаил Палладиевич Парманин* (1885–1956) — уроженец уездного города Корочи (“Сын купца” писал он в дореволюционных анкетах; “отец торговал” скромнее замечал он потом в

анкетах советских). Окончив корочанскую гимназию, а затем историческое отделение историко-филологического факультета Харьковского университета с дипломом I степени (в дипломе почти сплошь — “весьма удовлетворительные”, т.е. отличные оценки) в 1910 г., он сначала преподавал латинский язык в гимназии г. Богодухова Харьковской же губернии. Вернувшись в родную Корочу, в 1912–25 гг. опять преподавал латынь — в тамошней мужской гимназии, а кроме того, историю в учительской семинарии. Эпистолярное и личное общение с Курской ГУАК помогло ему составить историко-археологическое описание родного уезда, где он в 1920–25 гг. вдобавок к учительству заведовал музеем [29].

Дефицит образованных специалистов после революции привёл его в заместители заведующего педагогического техникума в Курске, где он обосновался с 1925 г. С этого момента и до конца 40-х гг. Парманин чередовал преподавательскую работу в курских школах, техникумах, вечерних “университетах” да институтах (по латыни, русскому языку, географии) и сотрудничество в краеведческом музее (в 1928–32, 1943–44 гг.), дослужившись там от должности каталоги-затора до заместителя заведующего. Уклон его работы в музее — археологический. В автобиографии из его личного дела содержится характерный постскрипtum: “При [фашистской] оккупации служил в музее [в своей неэвакуированной части работавшего и при немцах] на полставки. [...] Задерживался [немцами] четыре раза; отняли у меня из дома вещи, одежду, топливо; перед бегством [немцев из Курска, они меня] схватили, чтобы увезти за город [где расстреливали]; я спасся бегством по садам” [30]. Если, согласно французской поговорке, стиль — это человек, то снижение стиля письма университетского отличника в его преклонные годы — это, должно быть, время, бурное время его скромной жизни.

Этот человек пережил в рядах краеведческого Общества все чистки и реорганизации, отсеявшие, а то и погубившие большинство “отцов-основателей” КГОК. А он год за годом риторически поднимал в губернской прессе вопрос о необходимости дальнейшего изучения края в историко-культурном отношении. По стилю устных и письменных выступлений перед нами прототип краеведа позднейших — послевоенных и нынешних времен — не слишком талантливого и эрудированного, но любознательного и напористого. Им был поставлен своеобразный рекорд краеведческого долголетия — на темы местного прошлого он публиковался в курской периодике с начала 1910-х до начала 1950-х гг. Уже после кончины заслуженного краеведа увидела свет в солидном академическом издании — “Трудах” Института русской литературы (Пушкинского дома) его статья о маршруте князя Игоря и его дружины в Половецкую степь [31]. Эта работа прочно вошла в историографию

“Слова о полку Игореве” [32] и достойно подытожила усилия её автора — искреннего любителя родной истории.

Николай Петрович Сенаторский (1857 – после 1932) — личность другого, при советской власти всё реже и реже встречавшегося — рафинированного, высокоинтеллигентного склада. Как и Булгаков, и Танков — выходец из семьи потомственных священнослужителей, выпускник Киевской духовной академии, сам ставший преподавателем Курской духовной семинарии и её историком [34]. С 1915 г. редактировал “Курские епархиальные ведомости”, где опубликовал ряд добротных историко-церковных очерков. Затем, как водилось тогда у интеллигентов старой закалки, учитель советских школ. В 1920-е гг. вышел на пенсию, но краеведческих изысканий не оставил. Его обзоры древней и средневековой истории края, в целом компилятивные, тем не менее отличались значительной полнотой в подборе источников, как документальных, так и археологических, а также рядом интересных до сих пор соображений [35]. Успел он опубликовать и первый в своём роде “Географический очерк Курской губернии” (1921).

Под стать ему по краеведной части был *Леонид Николаевич Позняков* (1892–1953). Дипломированный чиновник, он ещё до революции изучал в отпускное время акты Московского царства по Курскому краю в Архиве министерства юстиции, публиковался в сборниках статкомитета, состоял членом ГУАК. После Октября этот столбовой дворянин работал заведующим водочным магазином Госспирта, но покинул сие “золотое дно” ради скромной службы по призванию — научным сотрудником губархива. Его очерки об основании городов Белгорода и Грайворона, плане древней Курской крепости строились на впервые открытых им же документах XVII–XVIII вв., представляли собой редкий образец вполне научного исторического краеведения [33].

Разумеется, не только ветераны, но и неофиты исторического краеведения занимались его возрождением в 1920-е гг. Кстати сказать, сам термин “краеведение” появился именно тогда. До революции его практически не употребляли. Может быть, потому, что в ту пору любители местной истории все же стояли ближе к исторической науке, чем во времена “культурной революции”, проводимой большевиками. Патетические высказывания дореволюционных историков-локалистов, областников насчёт “отчизноведения”, “родинознания” и т.п. носили относительно предмета и особенно метода их занятий скорее пропагандистский, чем концептуальный характер. Получая образование в классических гимназиях да университетах, они по своей подготовке мало чем отличались от современных им представителей университетской и академической науки. Любительство провинциальных исследователей выражалось скорее в мелком масштабе и пестроте избираемых ими

сюжетов. В Советской же России с её программой ликвидации безграмотности и внедрения достижений науки и культуры в самые широкие слои населения идея дилетантского краеведения выглядела поначалу вполне логичной. Пафос сеятелей “разумного, доброго, вечного” в массы трудящихся в советских условиях вроде бы вполне соответствовал задаче некоего синтеза знаний о прошлом и настоящем родного края, где часть этих масс проживает и которыми вроде бы должна интересоваться.

С самого начала “о краеведения” любителей региональной истории её пытались переписывать под классово-партийным углом зрения. Особую ценность в краеведческом материале приобрело всё, что так или иначе связано с революционным движением, т.е. по сути с бунтами и террором против царизма и отдельных частных собственников. На эти сюжеты сразу нашлись охочие авторы. Одной из них стала *Эмилия Ильинична Черномордик* (1876 г. рождения), имевшая образование “в размере высшего” и учительствовавшая в вечерней школе и промышленно-экономическом техникуме. Помимо историко-партийных розысков в архиве, она исправно представляла на нескольких всероссийских и региональных совещаниях краеведов, печатала в журнале КГОК толковые обзоры выходившей в стране краеведческой литературы.

Анатолий Павлович Ефремов небезуспешно занимался полевой этнографией. Он описал обряды и поверья курских крестьян [36] и начал собирать материалы для археологической карты края. Свою лепту в этнографическую фиксацию тогда ещё “живой старины” внес и В.П. Чужимов [37].

Кроме публикаций перечисленных только что авторов, отмечу оставшиеся в рукописях и частично сохранившиеся в ГАКО материалы курских краеведов за рассматриваемый период: М.В. Василькова “Археологические материалы по Курскому краю, хранящиеся в Московском историческом музее”; Г.И. Булгакова “Саяны с. Н.–Смородинного”; “Как должна быть проведена южная граница Курской губернии на основе этнографического принципа?”; Т.А. Горохова “Стоит ли изучать старинные монеты?”; “Карта монетных кладов Курского, Белгородского и Львовского монетных округов”; С.Н. Ефременко “Черты курской жизни XVIII в. по архивным документам”; “Движение цен на крепостных в Курской губернии в XVIII–XIX вв.”; “Научное описание рек Курской губернии”; “Обзор литературы по саянскому вопросу”; Л.Н. Соловьёва по древнему и современному гончарству Курского края; “Маршрут экскурсии на Ратманское городище”; А.П. Ефремова — вариант археологической карты Курского округа; “Одежда крестьян х. Танеева в дореволюционные годы”; “Малопонятные слова крестьян с Любичского Курского уезда”; Е.И. Резановой — о традиционном сельском

календаре и народных промыслах губернии; В.М. Василькова — “Археологические материалы по Курскому краю, хранящиеся в Московском Историческом музее”; М.Н. Орловой — “Палеолитические и неолитические стоянки по материалам Курского музея”; В.И. Стрельского “Кустарное производство цветных тканей в с. Гуторове Курского округа”; не говоря уже о менее квалифицированных опусах начинающих собирателей свидетельств курской старины, тенденциозных зарисовках очевидцев революционных событий в Курске и его уездах.

Даже из сжатого перечня тогдашних историко-краеведческих работ нетрудно видеть, что их авторы выполняли вполне сознательно поставленную перед собой задачу — дать массовому читателю понятные, но по возможности научные очерки прошлого отчего края. Причём по всем указанным уже мной, а также многим другим разделам, которые мы здесь минуем (по геологии, географии, биологии, экономике области), “доклады свои Общество ставит в открытых заседаниях, привлекающих значительное число посторонних, преимущественно из состава учащихся Рабфака, Совпартшколы, старших классов школ второй ступени и местных техникумов, которые в будущем примут участие в исследовательской работе общества, между прочим по исследованию городищ и курганов” [38], — значилось в одном из отчётов КГОК тех лет.

Хотя по части выявления, изучения и охраны археологических и иных памятников истории и культуры успехи провинциальных краеведов выглядят гораздо скромнее. Среди их замыслов значилось: “Произвести разведку курганов, селищ, валов, песчаных россыпей, произвести обмеры и подробные описания их. Учёт всех доисторических памятников, а также исторических, в том числе кладбищ. ... Произвести раскопки в окрестностях городов Курска и Белгорода. Участие в работе по охране памятников искусства и старины” [39]. Увы, намеченная Булгаковым программа систематического обследования губернии в археологическом отношении оказались выполнены на самую малую долю. Кроме упоминавшихся выше разведок Л.Н. Соловьёва вокруг самого Курска, осуществились следующие походы его коллег за вещественными древностями.

Один из них предприняла *Мария Николаевна Орлова* — юная (1903 г. р.), беспартийная, но сочувствовавшая большевикам особа; крестьянка по происхождению (отец её, правда, стал ювелиром и антикваром в предреволюционном Курске). Она с 1920–22 гг. состояла в агитотделе здешнего губкома, а за 22–26 гг. окончила 1-й МГУ. “В 1925–26 гг. работала в области археологии в Музее изящных искусств в Москве. В те же годы производила археологические раскопки в губерниях Московской, Владимирской и Иваново-Вознесенской по открытым листам Главнауки за №№ 19, 37, 80” [40], участвовала в описании фондов Исторического музея.

Перед нами, таким образом, один из первых в стране специалистов по археологии советской уже подготовки.

Став по возвращению в Курск сотрудницей губмузея, Орлова очень помогла с разбором его археологических, нумизматических коллекций, переполненных в результате массовых реквизиций у “социально чуждых элементов”. Весной 1927 г. она по сигналу из уезда выезжала осматривать городище и могильник на правом берегу Северского Донца, близ Белгорода. Этот памятник всюду разрушался тогда меловым карьером. Осмотр уничтожаемого меловым трестом некрополя установил его сравнительно поздний характер — XVI–XVII вв. [41]. Участвовала товарищ Орлова еще в двух-трех археологических экскурсиях с коллегами по музею.

К сожалению, в дальнейшем М.Н. Орлова ушла из музея на лучше оплачиваемую педагогическую работу. Её высокая по тем временам, редчайшая в провинции квалификация археолога-полевика и музейщика оказалась в родном городе по сути дела невостребованной, а выполненная под руководством выдающегося русского археолога В.А. Городцова дипломная работа неопубликованной.

В июле 1928 г. губернию посетили московские профессора В.А. Городцов и Л.Н. Мацулевич, которые по поручению Главнауки и Оружейной палаты Кремля обследовали место находки так называемых Суджанских кладов (подробный рассказ о них велся выше, во 2 главе работы). С помощью курского уголовного розыска им удалось собрать часть случайно найденных в 1919 и 27 гг. крестьянами с Большой Каменец драгоценностей эпохи великого переселения народов: золотую шейную гривну с инкрустациями гранатами и цветными стеклами; золотой браслет, украшенный змеиными головками; витую золотую цепь двухметровой длины; серебряный кувшин константинопольской работы конца IV в. н. э., по клейму которого удалось датировать весь комплекс, ряд других ценностей. Проведенные этой мини-экспедицией *небольшие раскопки в Каменце*, на месте находки, открыли следы приречных погребений готско-гуннского круга в каменном склепе. Место погребения оказалось до основания пере-рыто ошалевшими от изобилия драгоценного металла крестьянами, так что в культурном слое археологам удалось выяснить немного [42]. Однако Суджанские клады лишней раз ярко подчеркнули правоту тех краеведов, кто настаивал перед властями на необходимости финансирования археологических работ в провинции. Соответствующие службы на местах могли бы отыскать и сохранить для национальных музеев не только рядовой археологический материал, но и сокровища мирового уровня.

Под впечатлением суджанских драгоценностей, вслед за столичными учёными на место той же находки выехали курские музейщики

во главе с Л.Н. Соловьёвым. Они обследовали побережье Псла в ближней округе села и зафиксировали несколько поселений эпохи бронзы и раннего железа [43]. Тем же летом куряне еще раз выбирались на археологическую разведку — в район р. Оскола, с заходом на полуразрушенный белгородский могильник.

В августе 1929 г. Л.Н. Соловьёв и Вячеслав Ильич Стрельский (1910–1983) несколько дней искали археологические объекты по берегам Сейма возле д. Полевой, неподалеку от Курска. “В результате обнаружены были и прекращены хищнические раскопки, дополнена археологическая карта” [44]. А в сентябре они же выезжали по заявке крестьян д. Сапогово осматривать провалы в почве, оказавшиеся вроде сугубо геологическим явлением.

Сын курского чиновника, журналиста и литератора-любителя, члена ГУАК И.Д. Стрелкова-Стрельского (расстрелянного в 1938 г. несмотря на некоторые революционные заслуги), этот юный краевед сделал псевдоним отца своей фамилией (“стрельцы” — жители Стрелецкой слободы города). Поначалу он, кроме археологических экскурсий, занимался фольклористикой, соответствующими очерками дебютировал в печати [45]. Уехав получать высшее образование из Курска от греха подальше — в Московский историко-архивный институт, И.Д. впоследствии “достиг степеней известных” — стал настоящим историком, специалистом по источниковедению, доктором наук, профессором Киевского университета, руководил Центральным историческим архивом Украины [46].

В сентябре 1930 г. небольшие раскопки под Рыльском, у с. Сучкина (ныне с. Октябрьское) произвёл Сергей Николаевич Замятнин (1899 – 1958), уже тогда весьма авторитетный археолог, научный сотрудник ГАИМК и Музея антропологии и этнографии (Кунст-камеры) в Ленинграде. Будучи уроженцем Воронежа, Сергей Николаевич начинал свой путь в науку как сотрудник Воронежского музея и членом тамошнего краеведческого общества. Ещё на рубеже 1920-х гг. он приезжал в Курск — проверить старые сообщения здешней ГУАК об “умрихинском мамонте” (см. предыдущую главу), но тогда ему не повезло обнаружить сеймский палеолит. Об аналогичной находке — костей мамонта в Сучкине при земляных работах ещё в 1925 г. сообщила в ГАИМК директор Рыльского музея С.К. Репина. Когда Замятнин наконец выбрался сюда, изучать это место-нахождение ему помогал начинающий местный краевед А.П. Андреев. Небольшой раскоп принёс, кроме остеологического материала, богатую коллекцию кремневых орудий и отходов их производства. По заключению Замятнина, здесь оказалась “вскрыта не обычная картина палеолитического поселения, а скорее следы кратковременного охотничьего лагеря на месте добытого мамонта” [47].

Полуве-ком позже, в 1986–88 гг. рядом всё же оказалась разведана и раскопана С.Н. Алексеевым настоящая стоянка людей каменного века (Октябрьское–2). Тем не менее, именно С.Н. Замятнин в результате своих рыльских раскопок окончательно доказал наличие палеолитической культуры в Посеймье [48]. Однако характер присутствия здесь древнейшего человека (оседлость? миграция?) долго оставался неясен.

В 1937 г. другой известный археолог (из Белоруссии) — *Константин Михайлович Поликарпович* (1889–1963) прошёл с разведкой на следы палеолита по правому берегу Сейма на всем его протяжении по Курской области, но практически безрезультатно [49]. Как видно, масштабное открытие культуры каменного века на территории Посеймья тогда ещё не созрело.

В июне 1929 г. Курский музей “стал перед необходимостью произвести небольшие раскопки в соседстве быв. Троицкого женского монастыря, где при прокладке водопровода были обнаружены человеческие скелеты. Произведённый по поручению музея т. Соловьёвым осмотр места находки, а также раскопка 3 погребений, затронутых канавой водопровода, установили существование в центральной части города: 1) следов поселения, предшествовавшего возобновлению г. Курска в конце XVI в.; 2) следов значительного кладбища, относящегося к XVII в., или несколько более ранней эпохи” [50]. Эта находка лишняя раз свидетельствовала о том, что древний Курск не полностью запустел после монголо-татарского нашествия и в каком-то поселенческом качестве существовал и в XIV–XV вв.

А 12 ноября 1930 г. курским любителям археологии посчастливилось зачищать культурный слой явно домонгольского периода, открывшийся при строительстве в Профсоюзном саду — на территории посада древнего Курска. Тогда оказались “открыты следы подвала со стоящими в нём тремя корчагами великокняжеской эпохи. Одна из них была извлечена в целом виде и помещена в музей. Эта работа не закончена вследствие наступления морозов” [51], а на следующий сезон — по отсутствию средств и специалистов. Между прочим, похожие находки — большеразмерных сосудов домонгольского периода — встретились археологам под руководством Н.А. Ти-хомирова и В.В. Енукова, продолжившим уже в 1990-е гг. раскопки в историческом центре Курска [52]. К сожалению, продолжить ох-ранные раскопки здесь в 1930-е гг. курским музейщикам не удалось (ни специалистов-археологов уже, ни денег на это в музее тогда не оказалось). Между тем городская застройка исторического центра города особенно интенсивно уничтожала его культурный слой именно в годы социалистической реконструкции и послевоенного восстановления из руин.

Кроме перечисленных небольших разведок, несколько ещё бо-лее поверхностных поисков археологических памятников предприни-мали в ту пору уездные краеведы — в Конышевке, Дмитриеве, Мед-венке, Щиграх. Все они были связаны с пресечением грабительских раскопок или распашки курганов местными жителями, в условиях НЭПа особо жадными до пахотной земли и её якобы баснословных сокровищ-кладов. Так, в 1927–28 гг. некто И.И. Булавинцев (о ко-тором нам ничего не известно) обследовал городища у с. Михайлов-ки-Льговской и у д. Снижи.

Надо сказать, официальное поощрение советскими властями массового движения краеведов принесло не только пользу, но и вред археологии. Немало древних земляных насыпей оказалось в 1920-е гг. бесполезно уничтожено малограмотными, но самоуверенными “краеведами”, особенно сельского да уездного масштабов. К приме-ру, из Белгородского уезда Курской губернии в ЦБК сообщалось: в одной из деревень “группа крестьян, в главе с бывшим учителем, искала в курганах “бронзы и золота”, под предлогом обратить наход-ку в деньги, чтобы организовать на них какое-то просветительское учреждение. Драгоценных металлов не нашли, вырытые кости, чере-па, глиняную посуду, пепел, угли с пренебрежением разбросали” [53]. В самом Курске об этом инциденте, похоже, так и не узнали, как и о многих других в том же варварском духе. Самовольных, хищнических “раскопок” случилось в 20-е гг. явно больше, чем десятилетиями раньше или позже, когда политические режимы тоталита-ризировались и народ побаивался ковырять чужую землю.

Усиленное разграбление памятников старины — один из соци-ально-психологических симптомов революционных, кризисных отрез-ков Новейшей истории России.

За всю “золотую десятилетку” курского краеведения его энту-зиастам лишь однажды удалось произвести настоящие *археологиче-ские раскопки*. В 1925 г. сотрудники музея и члены КГОК во главе с Г.И. Булгаковым выбрались-таки на пригородное Шуклинское горо-дище и раскопали поблизости от него курган, да сделали разрез вала и рва. По оценке держателя открытого листа Главнауки на эту экспе-дицию М.В. Василькова, раскопка кургана “указала на трупосож-жение, с урной. Раскопки же вала и рва ничего не дали” [54] — на-до понимать, из вещей, а зафиксировать стратиграфию остатков фор-тификационных сооружений самодеятельные археологи не умели. Поначалу они даже решили, что “Шуклинское городище должно быть отнесено к эпохе позднего неолита”, хотя сами нашли на распа-хиваемом селище железный нож, костяную проколку и лепные че-репки, ошибочно отнесённые их коллегой Соловьёвым к финнам.

К сожалению, материалы этой экспедиции опубликованы не были, даже полевой дневник не отложился в фондах, переданных из музея в

ГАКО. Документация теперь ограничивается фразой из годичного отчёта музея с более точной квалификацией тогдашних находок: “Раскопки кургана у с. Поповки дали новый материал по культуре северян IX–X вв. (установлен обряд погребения, найдены 3 глиняных горшочка)” [55]. Реконструкция же языческого трупосожжения “славянина IX в.” в шуклинском кургане украшала какое-то время антирелигиозный отдел губмузея.

Данные этих раскопок приобретают новую ценность сейчас, когда (в 1998 г.) ещё один курган той же Шуклинской группы раскопан сотрудниками Курского музея археологии под руководством А.В. Зорина. Эта могила содержала позднероманское, судя по гончарной керамике, рубежа X–XI вв. погребение, сходное по обряду с тем, что изучили первые курские краеведы [56].

Между тем, накануне закрытия КГОК его руководители (т.е. опять-таки Булгаков и немногие его единомышленники) составили на удивление точный и перспективный список археологических объектов, которые надлежало раскопать в первую очередь. Соответствующий документ заслуживает быть процитированным полностью и нуждается в комментариях современного историка. Итак: *“План работы культурно-исторической секции Курского общества краеведения на пятилетие с 1929/30 по 1932/33 гг.:*

1. Составление и издание археологической карты Курского края — 120 руб. [Подготовлена к печати в Институте археологии (ИА) РАН, А.В. Кашкиным только в 1996 г.; опубликована в Москве в 1998–2000 гг. — С.Щ.].

2. Проведение сплошной археологической разведки по Западным округам ЦЧО — 10 выездов — 500 руб. [Проведена лишь в 1970-е – 80-е гг. Центрально-Черноземным отрядом новостроечной экспедиции ИА РАН, некоторыми другими археологами, причём выборочно, пока ещё не по всем районам области — С.Щ.].

3. Составление и издание схематического археологического очерка края [Таковым можно считать пока разве что статьи и брошюры Ю.А. Липкинга 1960-х – 70-х гг. выпуска, о которых ниже — С.Щ.].

4. Разработка и издание обзора археологических работ по краю [Подобный обзор предпринят нами в настоящей диссертации и соответствующих ей публикациях — С.Щ.].

5. Разработка и пополнение археологических коллекций музея [Эти меры начали осуществляться только с созданием в Курске в 1993 г. самостоятельного музея археологии — С.Щ.].

6. Раскопки археологических памятников в 10 пунктах — 2 000 руб.:

а) Самодуровский курган на водоразделе Оки и Свапы [его беглая разведка осуществлена Посеймской экспедиции КГПУ и КГОМА в 1999 г. — С.Щ.];

б) Шуклинское городище близ Курска [шурфовалось и раскапывалось экспедицией ИА РАН в начале 1950-х гг. под руководством Т.Н. Никольской, в настоящее время под угрозой разрушения строительными работами; охранные раскопки одного из уцелевших курганов произведены КГОМА в 1998 г. — С.Щ.];

в) поле погребальных урн у с. Лебяжье близ Курска [раскапывалось экспедицией КГПИ под руководством Ю.А. Липкина в 1960-е гг., см. ниже посвящённую ему главу; затем изучалось сотрудником КОКМ–КГОМА Н.А. Тихомировым; в настоящее время под угрозой частичного разрушения строительством моста через Сейм — С.Щ.];

г) поле погребальных урн в урочище Солянка близ Курска [природные всхолмления этого урочища, ошибочно принимавшиеся за курганы, раскапывались В.В. Енуковым в 1995 г. — С.Щ.];

д) Кудеяров городок Медвенского района;

е) “Курган” у с. Курская Ольховатка;

ж) Ратманское городище близ с. Городища Бесединского района [раскапывалось экспедицией КГПИ и КГОМА под руководством В.В. Енукова в 1990–92 гг. — С.Щ.];

з) городища близ с. Бушмино [и Гочево — С.Щ.] Обоянского района [раскапывались в 1937, 39 гг. экспедицией ГИМ и КОКМ под руководством доц. Б.А. Рыбакова; в 1990-е гг. охранные (от кладоискателей и хозяйственных работ) раскопки продолжены экспедицией КГОМА под руководством Г.Ю. Стародубцева — С.Щ.];

и) поле погребальных урн близ с. Хотмыжска Белгородского округа [“В начале 1980-х гг. к исследованию Хотмыжского археологического комплекса приступила Славяно-русская археологическая экспедиция Белгородского педагогического института” [57] под руководством А.Г. Дьяченко];

к) крепость города Курска [укрепления первоначального детинца, а затем и примыкающая к ним изнутри площадка раскапывались в 1990-е гг. под руководством В.В. Енукова [58]; автор участвовал в шурфовке детинца и посада древнерусского города — С.Щ.]” [59].

Как видно из наших комментариев к старому краеведческому плану, почти все перечисленные в нём памятники действительно оказались раскопаны столичными и курскими археологами, но гораздо позднее, в 1950-е – 90-е гг. А тогда, в раннесоветском прошлом, по мере строительства социализма полевая археология в провинции быстро замерла на отметке, близкой к нулевой. Мизерный бюджет КГОК из года в год сводился с дефицитом и средств на мало-мальски отдалённую и

продолжительную экспедицию просто не было. Когда областная плановая комиссия отклонила смету краеведов на очередную пятилетку, перед ними встал вопрос, как и за счёт чего можно сократить расходы. В этой ситуации Л.Н. Соловьев, по всей видимости, побоялся вылезать со своей любимой археологией и “об-ратил внимание на необходимость учёта вновь выдвинутых жизнью вопросов и дать им отражение в заявке, включив, например, старую деревню, антирелигиозный вопрос и др.” [60]. Тогда Г.И. Булгаков поступился частью своих заветных замыслов археолога, но не капи-тулировал вовсе. Признав, скрепя сердце, “что хотя археологический материал не имеет доминирующего значения в намеченном пятилетнем плане, всё же заявку на экспедиционные работы по культуре, истории и этнографии дать надо”.

В результате этой стычки сервиллизма с достоинством исследователя в “Плане экскурсионно-обследовательских и лабораторных работ КГОК на 1928/29 гг.” остались по археологической части следующие пункты:

“3) Раскопки Ратского, Шуклинского и у с. Лебяжьего городищ. Установление границ древних поселений: финны — славяне — татары — славяне. — 300 руб.;

4) Составление археологической карты Курского, Белгородского и Львовского округов. Выезды по Сейму, Тиму, Ворскле, Донцу. Руководитель Л.Н. Соловьев. Один выезд в б. Щигровский уезд — Г.И. Булгаков. По 50 руб. на выезд. — 250 руб.” [61].

Тем не менее, в связи с общим сокращением губернского бюджета по культурно-просвещенческим и научно-исследовательским статьям его, *субсидия краеведам* оказалась безжалостно — в 10 раз урезана и составила на всё про всё 300 руб. на 1929 и 250 руб. на 1930 гг., “что является не только недостаточным для проведения каких бы то ни было мало-мальски серьёзных научно-исследовательских работ, но даже весьма скромной поддержкой издательской деятельности” [62] КГОК. Так писал в протесте (бесплезном) окружному ВКП(б) очередной председатель краеведов, новый заведующий губмузеем, партийно вполне выдержанный товарищ А.С. Молчин. Не помогло и специальное ходатайство ЦБК перед Курским губис-полкомом “об усилении субсидии Обществу изучения Курской губернии”.

Итак, Г.И. Булгакову и его ближайшим сотрудникам не хватило нескольких лет жизни на свободе и нескольких сот рублей казённого пособия для того, чтобы ещё с конца 20-х гг. продолжить археологическое изучение Курского края своими, местными силами. Философ Э. Гуссерль сравнил “чистого” методолога с точильщиком, который не переставая точит нож и в конце концов стачивает его вовсе о точильный камень, так и не употребив в дело. Курские краеведы с их многочисленными планами, листовками, методичками и инструкциями по археологии и этнографии

[63], раз в год, и то по обещанию (губернских начальников оплатить минимальные команди-ровочные) выбирающиеся посмотреть на тот или иной памятник, по-общаться с крестьянами-сказителями фольклора, оказались в подобном положении.

С конца 1920-х, начала 30-х гг. произошло заметное *торможение* не только провинциальной, но и столичной, университетской *археологии в СССР*. И в этой, казалось бы отдалённой от злобы текущего дня области знаний возобладала политическая конъюнктура, процветало вульгаризаторство. “В марксистско-ленинской классификации наук археология не имеет места, как самостоятельная наука, противопоставляющая себя или параллельная истории. — Утверждалось в краевой энциклопедии. — Классовая борьба на археологическом фронте, разоблачение всех и всяческих извращений и враждебных вылазок в последние годы (1932–33) достигла особой остроты и напряженности...” [64]. За такого рода абстрактными лозунгами неистовых ревнителей советской идеологии всегда следовали конкретные обвинения. Так, книгу известного историка и археолога Ю.В. Готье “Железный век в Восточной Европе” (М., 1930) журнал “Историк-марксист” оценил как “идеологическую подготовку интервенции против СССР”. И если от университетского профессора-гуманитария партийные начётчики требовали “ползти в марксистскую Каноссу” с томом Маркса в руках — демонстрацией идейной “перековки”, то для краеведа-любителя к тому времени археологические штудии стали прямым доказательством измены интересам социализма.

В историографии обсуждаемой темы успело сложиться мнение, будто власти на протяжении 1920-х гг. всецело поддерживали краеведов, а ополчились на них только на рубеже 30-х. Курские данные говорят о том, что *атака большевистских властей на краеведческое движение* готовилась гораздо раньше, по сути с самого его начала под советскими лозунгами.

Одно из многих подтверждений тому представляет собой отзыв выходившего в Курске губернского журнала “Спутник большевика” на первое печатное издание КГОК — альманах “Курский край”. Автор данного опуса, скромно подписавшийся инициалами И. К., — *Иван Григорьевич Клабуновский*, 28-летний член ВКП(б), имевший за плечами 3 курса Московского университета. Сын сапожника из Коломны, он, не служив в армии, сумел попасть в руководители среднего звена и был брошен партией в Курск на культпросветработу. Меняя одну должность за другой (глава губмузея, инспектор нар-компроса, зав. отделением Госиздата, зам. зав. агитпропом Курского губкома партии), одновременно состоял заместителем председателя (т.е. как бы большевистским комиссаром) КГОК.

Рецензируя труд своих товарищей по краеведческому Обществу, Клабуновский для начала клеймит позором аналогичные по тематике издания Курской ГУАК. “Сами “учёные” деятели Архивной комиссии, — пишет он, — представляли собой образец самодовольной бюрократии. ... Неудивительно [для этого недоучившегося “обществоведа” — С.Щ.], что революция смела не только трон и его “учёных” лакеев [излюбленное В.И. Лениным оскорбление учёных-не-марксистов — С.Щ.], но и самые организации последних — архивные комиссии. “Камергеры” [вроде основателя Курского музея губернатора Н.Н. Гордеева или курского помещика, поэта А.А. Фета, заслуживших именно этот придворный чин — С.Щ.] и “действительные статские советники” [вроде первого профессионального археолога-курянина К.П. Сосновского — С.Щ.] бежали... , мелкие сошки, оставшиеся на местах, растерялись, попрятались и до сих пор не могут подняться до бывшего величия своей учёной деятельности” [65].

Каково было этим самым “царским лакеям” вроде Познякова, Танкова, Сенаторского да “мелким сошкам” типа Булгакова, Парманина, Резановой и прочим интеллигентным краеведам подниматься к высотам науки и практики под рукой таких инструкторов, как Клабуновский, видно из дальнейших признаний последнего: “В нашей среде, особенно партийной, до сих пор не изжиты предрассудки в этом вопросе. Слова “Губмузей”, “Губархив”, “Краеведческое общество” вызывают неизменную улыбку и жест не то отчаяния, не то сожаления. Между тем, — пока ещё призывает поставленный над краеведами большевик, — именно партийцы своим авторитетом, своей административной помощью должны занять позицию защиты и содействия этой чрезвычайно важной, ответственной работе в стране...” [66].

События на “краеведном фронте” (как тогда выражались) повернулись таким образом, что партийцы выступили не защитниками, а безжалостными обвинителями настоящих краеведов во всех мыслимых и немыслимых прегрешениях.

Поначалу главной претензией к исследователям местной истории, этнографии и географии стала их якобы оторванность от нужд социалистического строительства. В установочном выступлении на II Всесоюзной краеведческой конференции (декабрь 1924 г.) нарком просвещения А.В. Луначарский “выразил пожелание, чтобы краеведческое дело впредь было тесно спаяно с общегосударственной работой и школой”. К чему председатель Главнауки Наркомпроса Ф.Н. Петров прибавил требование, дабы “краеведческое дело вошло в тесную связь с восстановлением производительных сил страны при условии установления связи с широкими массами рабочих и крестьян” [67].

От Курска на эту конференцию выезжали А.А. Вирский и Г.И. Булгаков, Рыльск представляла С.К. Репина, Дмитриев — М.П. Нагибина — заведующие тамошних музеев. Но не эти дельные крае-веды, а “мёртвые” в творческом отношении, но партийные “души” на местах подхватили эти кличи вождей. В Курске он явственно про-звучал сначала в мае 1925 г. на губернском совещании музейных и краеведных работников. В докладе Булгакова по методике музейного дела целью краеведения объявлялось “накопление и распространение сведений о современном и прошлом состоянии природы и населения края и его материальной и социальной культуре” [68]. Казалось бы, сказано вполне корректно. Но в ответ завуч педтехникума “П.Ф. Хлопин предостерег от того широкого толкования задач краеведения, которое дает докладчик. Планы работ краеведческих организаций, — с его точки зрения, — должны быть строго увязаны с производством и из рамок производства не выходить, иначе это заведёт учитель-ство в глубокие дебри” [69].

Как видно, воинствующее невежество, прикрываясь партийно-стью, поднимало голову в среде краеведов. Но культурные, образо-ванные люди до поры имели там право голоса, им удавалось какое-то время отстаивать свои позиции, хотя бы ценой неизбежных компро-миссов с партийными ортодоксами. Возражавший тому же Хлопину, Булгаков, признавая, что “вся краеведная работа должна получить производственный уклон”, настаивал всё же на сохранении “всех её взаимосвязанных граней: природоведческой, экономической и куль-турно-исторической” [70].

Что заставило обе стороны — власти, партийцев, с одной сто-роны, и беспартийных краеведов старой закалки, с другой, — идти в течение ряда лет на компромисс?

С первой, официальной стороны по всей видимости бралось в расчёт, что факт добросовестной, плодотворной работы части преж-ней интеллигенции на благо рабоче-крестьянского государства в ка-кой-то степени украшает его международный фасад, как сейчас гово-рят — имидж во внешней и внутренней политике. Не случайно Кур-ский губисполком периодически требовал с КГОК отчета “для поме-щения его в общий отчет ГИК к предстоящему губсъезду Советов” [71]. Информацию о своей деятельности курские краеведы предо-ставляли также для справочно-адресной книги “Культурные центры СССР”, для “Информационного бюллетеня” Всесоюзного общества культурных связей с заграницей, многих других центральных изда-ний.

С другой, интеллигентской стороны имелись желание или необ-ходимость примениться к новым, весьма своеобразным порядкам советского режима; легально продолжать свои исследовательские, коллекционерские, педагогические занятия, вообще развить общест-венную активность, причём в мало к чему обязывающей, политически

нейтральной форме краеведческих встреч и бесед. До поры, до времени это поощрялось. Недаром все активисты КГОК, по тем или иным причинам покидавшие Курск, запасались подробными справками о своём вкладе в губернское краеведение.

С обеих сторон — и большевистской, и интеллигентской — присутствовали культуртрегерские порывы к ликвидации неграмотности в крестьянско-мещанской России, её просвещению в том числе по гуманитарно-исторической части. ”Дореволюционная интеллигенция жила идеей просвещения народа (“сейте разумное, доброе, вечное”), а власти в 1920-е гг. эту идею поддерживали (ликбезы, раб-факи, лектории в церковных зданиях и т.д.). Но этой почве мог возникнуть достаточно принципиальный альянс” [72], — отмечает А.А. Формозов.

К сказанному стоит добавить, что большевики, действительно ликвидируя в массовом масштабе элементарную, функционально-грамматическую безграмотность, заодно добивались политико-идеологического “зомбирования” малограмотного сознания научившихся наконец читать и писать простых людей в духе ненависти ко всему буржуазному, “бывшему” и надежды на радужные перспективы социализма, пролетаризации жизни. В “Революционном рабоче-крестьянском букваре для взрослых” (М., 1920) изображен, в частности, “зубастый, толстый, со звериным оскалом капиталист, стегаящий кнутом маленьких сгорбленных пролетариев” [73]. Краеведы же дореволюционной закалки, даже не монархически, а демократически настроенные (вроде тех же отца и сына Стрельских, прятавших у себя при временной победе белых оригинал письма В.И. Ленина курским рабочим), органически не могли унизиться до подобных вульгаризаций в своей просветительской деятельности. А их согласные со здравым смыслом попытки сблизиться с официальной политикой коммунистов чаще всего выглядели в глазах последних подозрительно.

На фоне общего обеднения, упрощения культурной жизни в послереволюционной провинции, краеведение, помимо всего прочего, служило одной из немногих отдушин для людей, привыкших к содержательному общению, общепольному досугу. В тех условиях, когда: “Гражданина окликает гражданин: / Что сегодня, гражданин, на обед? / Прикреплялись, гражданин, или нет? / Я сегодня, гражданин, плохо спал! / Душу я на керосин обменял...” — горькая самоирония в 1920 г. рафинированного поэта из плеяды “серебряно-го века” (В.А. Зоргенфрея), застигнутого “военным коммунизмом”. Русская интеллигенция после революции в своей массе оказалась заметно маргинализованной (“стала ничем”) по сравнению с кадровыми пролетариями и совслужащими (“ставшими всем” в смысле бытовых привилегий — пайка, жилплощади, уважения окружающих, перспектив служебной карьеры).

Поэтому ностальгия по нормальной, дореволюционной жизни выражалась тогда, помимо прочего, и в краеведческих формах. Не-редко на сугубо маниловский манер. Как в метаироничной передаче А.М. Ремизова: “Если бы им [— Манилову и Чичикову] жить вме-сте, незаметно проходили бы часы деревенской скуки, изучали бы какую-нибудь науку — памятники древней русской письменности, словарь Даля, и потом рассуждали бы о мыслях и словах...” [74].

В списках членов КГОК встречаются лица, мало чем помогшие изучению древностей, но достаточно колоритные сами по себе. Вот, например, Леонид Дмитриевич Кашкин, вступивший в число совет-ских краеведов 75 лет от роду. В членской анкете он представился как сын воронежского книгопродавца Дмитрия Антоновича Кашки-на. “Мой отец, — с законной гордостью отмечает свежеиспечённый краевед, — первый учитель Кольцова, о чем говорится во всех био-графиях поэта. Около 1850 г. отец ослеп и обеднел” [75], т.е. вышел из состава “мелкой буржуазии”. Сам Л.Д. Кашкин, кандидат сель-ского хозяйства бывшей Петровской, затем Тимирязевской академии, служил с 1894 г. главбухом Курского акцизного управления, началь-ник которого, он же опытный археолог К.П. Сосновский, и заразил его, скорее всего, краеведческими интересами.

Обратим внимание на ещё одну типичную среди пассивных краеведов 1920-х гг. фигуру. Отставной курский адвокат Николай Владимирович Фабрикант (1867 г. р.) имел за плечами полтавскую классическую гимназию, юридический факультет Московского уни-верситета и Московское же музыкально-филармоническое училище. Когда-то сотрудничал с “Русскими ведомостями”, “Русской мыслью” и другими повременными изданиями, “занимался литературой” и “всегда интересовался вопросами краеведения”. В Курске он время от времени “выступал с публичными лекциями по музыке и общест-венным вопросам” [76]. В юнсекцию краеведов вступил также его сын Георгий (1905 г. р.), школьник.

На примерах этих и других, культурно близких им людей вид-на тяга провинциальной интеллигенции к чему-то духовному и безус-ловно полезному на общественном поприще при большевиках, отча-сти благодаря им, а отчасти — вопреки им же; в любом случае — безопасному для людей непролетарского происхождения и свобод-ных профессий.

Однако альянс представителей старой и пролетарской культур на ниве краеведения вышел непрочным. Все попытки лучших крае-ведов правдами и неправдами доказать свою нужность социалистиче-скому строительству оказались тщетными. Кстати сказать, кроме знающих и, главное, увлечённых краеведением деятелей, в списках КГОК сплошь и рядом попадаются совершенно случайные, принятые явно ради количества люди. Их заявления и анкеты пестрят вопию-щими грамматическими

ошибками (взять хотя бы некоего 18-летнего “допрезвника Владимира Грегорьевича Попова”, не умеющего даже грамотно подписаться, но желающего заниматься “архиологией”). Руководители Общества позаботились внести в членские списки не-мало “мертвых” для краеведения, но классово правильных “душ” — крестьян разных уездов, агрономов, инженеров, служащих, старше-классников средних школ. Рабочих от станка им удалось наскрести всего двоих.

Но ни расширение “социальной базы” своей организации, ни вся прочая *просоветская мимикрия краеведов* им не помогла. В июле 1928 г. губернское Общество краеведов было реорганизовано в ок-ружное — в связи с очередным изменением административно-терри-ториального деления, по которому бывшая Курская губерния вместе с рядом соседних вошла в единую Центрально-Черноземную область. На заседании Областного бюро краеведения (ОБК) в сентябре 1929 г. в Воронеже слушался отчёт Курского отделения и 5-летний план его работы. Тогда “отмечается наличие в организации небольшой группы старых краеведов, не желающих уяснить идей массового со-ветского краеведения, пытающихся стащить краеведческую работу на старые, замкнутые от масс кабинетные рельсы” (стоит обратить вни-мание на этот перл советского новояза: “рельсы, пролегающие через кабинет...”).

Решено было “считать необходимым повести с ними решитель-ную борьбу, вплоть до полного очищения краеведческих рядов от таких социально чуждых элементов” [77]. В предчувствии такого ре-шения в Курске уже принесли одну жертву из обречённой на закляние “группы старых краеведов” — в 1928 г. сняли с должности и отдали под суд за некие финансовые упущения беспартийного директора губмузея В.М. Василькова, которому якобы “были чужды интересы рабочего класса” [78] (как выразился его преемник из номенклатуры губкома ВКП(б) Анатолий Сергеевич Молчин). При-говором по делу Василькова будущие руководители музея стремились прикрыться как фиговым листком, “подтверждающим меропр-ия в отношении расхитителей ценностей” [79].

Следующих жертв наметил состоявшийся в январе 1930 г. I областной съезд ЦЧО по краеведению. К необходимости выявить в краеведческих рядах “козлов отпущения” подводили доклад предсе-дателя ОБК Комарова “Об итогах и перспективах краеведческого движения в ЦЧО” и доклад П.Н. Черменского “Социалистическая реконструкция хозяйства ЦЧО и задачи краеведения”. В резолюции съезда отмечалось: “С большим удовлетворением съезд констатирует решительную политику ОБК за очищение краеведческих организаций от социально-чуждых вредительских элементов (типа С.Н. Введен-ского [1867–1940; ученик В.О. Ключевского; богослов и историк; доцент ВГУ, “вычищенный” оттуда как

“скрытый церковник” и “мракобес”; создатель и председатель Воронежского городского общества краеведов и ответственный секретарь ОБК; получил 5 лет лагерей — С.Щ.), Ф.И. Поликарпова, бывшего земского начальника [заведующий этнографическим отделом Воронежского краеведческого музея, после увольнения оттуда — сельский священник; расстрелян по “Делу” краеведов], Г.И. Булгакова-церковника” [80].

Курские краеведы тут же — 26 января вывели этого последнего — своего учёного секретаря, столь несвоевременно “согрешившего” церковностью (в виде членства в “двадцатке” совета Благовещенской церкви), а заодно с ним А.Н. Сахарову из своих рядов как “лишенцев” (избирательных прав). В справке, выданной Георгию Ильичу по этому случаю, значилось: “На протяжении всего времени с момента организации Общества, учредителем коего он состоял, ... был активным работником, неоднократно выступал докладчиком, проводил лекции по вопросам краеведения, как на собраниях рабочих, так и на съездах и конференциях учительства. ... Исключён из Общества за связь с религией” [81] (выразившуюся в конце концов его общественной “проработки” просто в посещении церковных служб).

Тогда же Булгакова исключили из профсоюза работников просвещения. Это означало потерю педагогической работы в Курске. Пришлось перебираться в Воронеж, где в одной из школ ФЗО, да на Высших экономических курсах нашлось место для опального учителя с четвертьвековым стажем и учёной степенью. Оттуда он прислал курским краеведам прошение о восстановлении его в правах члена их Общества и его совета, о разрешении ему заочно участвовать в их работе. Увлечение историей родного края оказалось для этого человека куда выше его личных обид. Коллеги прямо не возразили, но дипломатично переадресовали запрос: “Ввиду того, что вопрос об исключении т. Булгакова поднят был на областном съезде ЦЧО по краеведению ... , то и восстановление его, по формальным соображениям и мотивам, должно быть произведено ОБК, тем более, что т. Булгаков в настоящее время работает в Воронеже” [82].

Но в Воронеже к тому времени органы ГПУ уже арестовали первых фигурантов по делу выдуманной ими монархической организации “Краеведы”. А во внутренней тюрьме на московской Лубянке и в ленинградских “Крестах” начинали давать признательные показания мифические руководители провинциальных “краеведов-вредителей” — академики С.Ф. Платонов, Н.П. Лихачев, М.К. Любавский, Е.В. Тарле, Ю.В. Готье; профессора С.В. Рождественский, С.В. Бахрушин, учёный секретарь ЦБК Д.О. Святский и прочие члены их “подпольной контрреволюционной организации историков” [83]. Чтобы она казалась

поразветвлённое, под конец 1930 г. в ЦЧО прошли дополнительные аресты членов краеведческих обществ и их знакомых. Звание краеведа превратилось тогда почти в столь же мрачную “каинovu печать” политической виктимности, как и принадлежность к дворянству, высшему чиновничеству, буржуазии, церкви, офицерству при старом режиме, “кулачеству” и т.п. коллективным “врагам народа”.

В Курске тогда оказались взяты под стражу Т.А. Горохов и *Михаил Алексеевич Рязанцев*, 1879 г.р., — бессменный, избранный самими детьми руководитель юнсекции и технический секретарь КГОК. В Щиграх — руководитель тамошнего отделения Краеведческого общества *Михаил Николаевич Исаев* (57 лет, крестьянин с образованием топографа; в анкетной графе судимость обозначил было: “Нет”, но затем припомнил: “В 1919 г. белыми приговаривался к расстрелу”). В Воронеже среди прочих — сам Г.И. Булгаков. На этом аресты по “Делу краеведов” не прекратились.

Роковую роль на следствии по этому делу в Курске сыграл, судя по соответствующему делу из архива КГБ, *Тихон Абрамович Горохов*, служивший перед арестом нумизматом губмузея. Личность, как видно по его публикациям [84], довольно серая. Родившись в 1869 г. в крестьянской семье с. Семеновки Курского уезда, имел “образование домашнее”, т.е. не кончил даже средней школы. С 1893 по 1912 гг. работал в типографии губернского центра. С 1920 г. занимался антикварной торговлей. Затем, когда эта последняя превратилась в пережиток капитализма, значился безработным, пока не попал в музей. Ведь с юных лет он заинтересовался старинными монетами и постепенно приобрёл немалый опыт и широкую известность на неофициальном нумизматическом рынке, даже состоял членом-учредителем Московского нумизматического общества. Он придумал давать объявления в газетах о покупке редких монет и таким путем ему удалось приобрести целый ряд случайно найденных кладов древних и средневековых денег. Поступив в краеведы, свои услуги их Обществу предлагал в виде “исследования и определения времени зарытия кладов и их содержимого” [85].

Так получилось, что из арестованных курских краеведов, как это видно по архивированным КГБ документам следствия по их делу, Горохов первым дал разоблачительные показания в нужном для чекистов направлении. “... Я видел, — заявил он на допросе уполномоченному оперсектора ОГПУ Брунелевскому 24 февраля 1931 г., — что руководство Обществом было сосредоточено в руках бывших деятелей Архивной комиссии [напомню читателю “ориентировку” краеведческого комиссара Клубуновского в отношении именно этого “контингента” подозреваемых в нелояльности большевистскому режиму — С.Щ.] Булгакова Г.И., Сенаторского, Познякова, Стрельского и др., которые, опираясь на новый актив краеведческого Общества в лице Рязанцева М.А., инженера

Яковлева, Карачевце-ва, Черномордик, Парманина, проводили явно контрреволюционные установки в работе” [86].

“Факты” в подтверждение этого смертоносного обвинения проводились нумизматом вполне в духе того времени и места, где шла беседа: “Ярким примером выступления против мероприятий Советской власти Булгакова может служить рассказанный Булгаковым анекдот о съезде в Москве воробьев. ... Рязанцев, как мне известно, проводя экскурсии по городу, старался завести их в некоторые церк-ви г. Курска, но избегал показывать новые постройки, произведения Советской власти, например, новую электрическую станцию”. И финальный аккорд гороховского поклёпа: “Причиной объединения в Общество названных выше людей послужило стремление иметь легальную организацию” [87]. Читай: “Антисоветскую”.

В мае 1931 г. *следствие по делу 92 краеведов ЦЧО* закончило-сь. Суда их не удостоили: коллегия ОГПУ в Москве заочно, без вы-зова обвиняемых из Воронежа, Курска, Тамбова, Орла, вынесла вне-судебный приговор. По точному заключению первого историка этого “Дела” А.Н. Акиньшина, “расправа поражает своей масштабностью и бессмысленностью по отношению к незащитным людям. Пятеро приговорены к расстрелу, подавляющее большинство к заключению в концлагерь сроком от 3 до 10 лет и лишь несколько человек — к высылке в Северный край, Западную Сибирь, Казахстан” [88].

“Главный среди курян заговорщик” Г.И. Булгаков получил 5 лет лагерей и отбыл весь срок на строительстве Беломорканала. “За ударную работу на Беломорканале был награжден Почётной грамотой Мосволгстроя (1936) и знаком “Ударник МВС” (1937)” [89] — отличия не то, чтобы просто издевательские, а какие-то inferналь-ные. После длительной послекаторжной ссылки в сельскую местно-сть Куйбышевской области вернулся в 1944 г. в Курск — умирать.

Приговор Горохову оказался помягче — 3 года лагерей. После них и ссылки и он возвратился в родной город. Прожил там по край-ней мере до начала 50-х гг., помаленьку приторговывая сбережённы-ми даже от чекистов нумизматическими запасами и мечтая приобре-сти в свою коллекцию монет знаменитое “Ярославле серебро” [90].

Такой же срок отмерили Борису Александровичу Болдыреву, 1900 г.р., бухгалтеру из Старого Оскола. Его земляки братья Рожде-ственские, Дмитрий (1890 г.р.) и Николай (1882 г.р.) Михайловичи — создатели Старооскольского краеведческого музея — удостоились почему-то по целых 5 лагерных лет каждый. Надо заметить, что Н.М. Рождественский избирался членом губсовета КГОК и даже членом московского ЦБК. Оба брата воевали в свое время на Гер-манском фронте, а затем в 19–21 гг. в Красной Армии. Везучий, не-достреленный ещё белыми М.Н. Исаев из

Щигров отделался у своих, красных, 3 годами высылки в Западную, причём, Сибирь. Такой же меры наказания подвергся учитель школы крестьянской молодежи в с. Ястребовке Старооскольского района Владимир Плато-нович Менжулин (1868 г. р.). На 3 года в Северный край выслали Наталью Ильиничну Пузанову (1886 г. р.). Эта курянка до революции преподавала французский язык не где-нибудь, а в Смольном институте благородных девиц. Перед арестом жила в Курске, не работала по инвалидности. М.А. Рязанцев, так любивший природу, особенно птиц своего соловьиного края [91], помещался в северные лагеря на 3 года.

Таков печальный итог “золотого десятилетия” советского краеведения в Курской губернии.

После обнародования всей правды о советских репрессиях против российской интеллигенции особенно прискорбны рецидивы клеветнической лжи и лукавые фигуры умолчания относительно соответствующих фактов. Так, глава Курского областного общества краеведов, воссозданного на рубеже 1980-х – 90-х гг., Ю.А. Бугров, сам поначалу опубликовавший курские материалы следственного дела своих предшественников (№ II–16967 Архива УКГБ–ФСБ Воронежской области), в целом ряде последующих своих выступлений и публикаций объясняет роспуск КГОК исключительно изменением административно-территориального деления Черноземья в начале 1930-х гг. и временной ликвидацией Курской губернии. В сравнительно недавнем прошлом ещё можно было как-то понять составителя прежнего, советских времен справочника, который сообщал, что лидер воронежских краеведов С.Н. Введенский “в начале 30-х гг. уехал из Воронежа” [92], “забывая” добавить: “В арестантском вагоне в ГУЛАГ навсегда”. Сегодня замалчивание реальной картины уничтожения первых советских краеведов выглядит по меньшей мере нелепо, а по сути — кощунственно по отношению к памяти о наших замечательных предшественниках.

Обезглавленное объединение краеведов просуществовало недолго. В начале 1930 г. председателем их курского Окрсвета назначили Фёдора Липовича Фаермана (1898 г. р.) — торгового работника, служившего на тот момент консультантом Окрплана. “Специалист по экономике кожаного рынка” недолго продержался во главе краеведов. Его сменила на этом посту Мария Константиновна Кардаш (1897 г. р.), также член ВКП(б), заведовавшая одно время губ-музеем. Её предшественника и в музее, и среди краеведов — Молчи-на, как и Фаермана, перебросили с краеведения на укрепление сельских исполкомов.

В том же 1930 г. подальше от Курска бежал Л.Н. Соловьёв. В Ленинграде он спешно переквалифицируется на курсах при Горном институте на геолога (раз археологов арестовывают) и уезжает в таком качестве в самую что ни на есть глубинку. Из места нового распределения

— г. Боровичи уходит ещё дальше, в леса и горы, ведя геологоразведки по Валдайским высотам. В конце 1933 г. его замысловатая “петля” по карте страны завершается в Абхазии, где он постепенно возвращается к археологии. Проведя на Кавказе вторую половину жизни, Л.Н. Соловьёв немало сделал для изучения каменного века данного региона, защитил по нему кандидатскую диссертацию [93]. А Курск надолго остался без собственного специалиста-археолога.

Все попытки оставшихся на свободе энтузиастов продолжить издание краеведческих “Известий” разбились о следующую резолюцию цензуры: “Издание журнала не может быть возобновлено, т.к. Главлитом вообще признается нецелесообразным издание окружных краеведческих печатных органов, а в отношении Курского журнала неоднократно выявлялась определенная идеологическая невыдержанность. Зав. Облоно Никифоров. Инспектор ОблЛита Давыдов” [94]. Так и пропали подготовленные для очередных номеров курского краеведческого журнала и даже набранные, частью отпечатанные в типографии статьи: М.А. Рязанцева “Охрана природы Курского округа”, Н.П. Вознесенского “Климат Курского округа”, доктора Дмитриева “Медико-санитарное обследование колхозов округа” и “Железисто-щелочные воды источников “Стезева дача”, Чебуркина “Обследование вод артезианских и других колодцев г. Курска”, Л.Н. Соловьёва “Раскопки древнеславянского погребения у д. По-повки”.

Попытки оспорить решение курских цензоров в воронежском и даже московском (у “тов. Смидовича”) центрах краеведческого движения ничего не дали.

Постановлением от 3 августа 1930 г. воронежского ОБК и само Курское окружное отделение было ликвидировано. Курянам предложили “вместо единого Краеведческого общества организовать краеведческие кружки при каждом колхозе, совхозе, фабрике, заводе, школе, изба-читальнях и т.п.” [95], а для координации будущей кружковой сети оставлялось Курское городское бюро краеведения (оно же районное). Стремясь любой ценой сохранить разрешение советской власти на своё и своих подшефных существование, оставшиеся на свободе руководители краеведов жестко оговорили число и направленность новых секций при районных бюро: “по социалистической реконструкции сельского хозяйства для научно-исследовательского изучения социалистического сектора деревни; по изучению фабрик и заводов; по школьному краеведению”. О запечатлении образцов культуры старой деревни, об археологии и истории своей области краеведы теперь боялись и вспоминать. Сами от себя они потребовали практически невозможного: “добиться в самом ближайшем будущем соотношения по составу членов организаций не менее 50 % рабочих и крестьян-колхозников”. Между тем,

к 1930 г. в составе КГОК из 69 членов рабочих находился только 1, крестьян — 1, остальные — служащие и безработные (10); членов ВКП(б) — 7, ВЛКСМ — 2, беспартийных — 60 [96].

Последние директивы агонизирующего ЦБК гласили: “Вся краеведная работа, как в центре, так и на местах, должна быть на-правлена на проведение генеральной линии партии, на борьбу против правого уклона, как главной опасности на данном этапе, “лево-троцкистских загибов” и “право-левацких тенденций” и переключе-ние на обслуживание текущих задач социалистического строительст-ва...” [97]. Бюро запрещало краеведам любые экспедиции, “не зани-мающиеся изучением нашего социалистического строительства” [98].

На попытке перестроить свои ряды в соответствии со столь “ценными указаниями” окончательно захлебнулось организованное движение краеведов в Курске. 18 октября 1930 г. состоялось общее собрание Курского горрайонного общества краеведения. На нем присутствовали и опытные краеведы (Т.А. Горохов, Л.Н. Соловьёв, Н.П. Вознесенский, Л.Н. Позняков, С.Н. Ефременко, Н.А. Рязан-цев) и несколько новых в этом кругу лиц. Сообща решили считать Курское окружное Общество ликвидированным, реорганизовать его в “горрайонное” и “освежить рукописи членов Общества”, имеющиеся в портфеле редакции его журнала [99].

Однако ОБК ЦЧО в январе 1931 г. предписало сдать все дела КГОК в Облархивное бюро, а неизданные рукописи выслать ему в Воронеж (Среди таковых оказались: “Местный архив как один из источников краеведения” И.С. Абрамова, “Курское областное архив-ное бюро” С.Е. Волкова, “Местные документы XVII века”, “Топо-графия Курского и Львовского уездов по архивным документам XVIII века” С.Н. Ефременко, “Фауна западной части ЦЧО” Пли-гинского и многие другие).

Последние листы соответствующего архивного фонда КГОК — списки мертворожденных “кружков краеведения”, создававшихся на бумаге в начале 1931 г. Так, краеведческая ячейка дислоцированного здесь артполка насчитывала 29 человек; при швейной фабрике — 11; на государственном кожевенном заводе аж 34 (в их числе — стро-галь, прокатчик, кузнец, раскройщик, шприцатор, сыпаль кож и т.п. “археологи”). Даже там, где краеведческие кружки могли бы стать при квалифицированном руководстве не совсем формальными, их состав развеивает подобные надежды. Скажем, в бюро краеведения школы для взрослых значились: санитар, буфетчица, учащийся. А рядовыми кружковцами тут якобы стали белошвейки, домработницы, чернорабочие, крестьяне, картонажник, санитары, безработные и т.п. кадры. Словом, все, кроме учителей, имевших хоть какое-то образо-вание. Зато оказалась выполнена резолюция ОБК насчёт того, чтобы “втянуть в краеведческие

организации рабочих от станка, а по район-ным организациям в деревне — передовиков крестьян из бедняцкого и середняцкого актива и особенно — крестьян-колхозников” [100].

По верному наблюдению археолога-эмигранта М.А. Миллера, “после окончательного разгрома краеведческих учреждений были созданы официальные, правительственные “Краеведческие бюро” в областных центрах, как бы для руководства краеведческой работой, в действительности же для наблюдения за тем, чтобы краеведческое движение в обществе не возродилось снова” [101]. Именно с 1930-х – 40-х гг. термин “краеведение” приобрел в глазах профессиональ-ных учёных и просто образованных людей некий вненаучный, даже предосудительный смысл. И было за что невзлюбить так называемое краеведение с этой поры: беззастенчивое перекраивание фактов в угоду идеологическим схемам; устойчивая компилятивность, нередко переходящая в прямой плагиат у предшественников; суконный стиль письма и просто элементарная неграмотность, вульгарная темнота — вот отличительные приметы большинства лиц, подвизавшихся в даль-нейшем на краеведческой ниве.

Этого рода деятелей превосходно живописал эстонский сказоч-ник Эно Рауд в своей прелестной эпопее про Муфту, Полботинка и Меховую Бороду. Один из его героев встречается в лесу с увлечён-ными своими поисками краеведами. Те принимают его за ребёнка, выкормленного волками. “Краеведы были в восторге. Разных кры-нок и прялок они собрали великое множество. А теперь... Наконец-то что-то настоящее, что-то живое! О волчьем приёмыше можно даже в газету статью написать. Таким образом, из них, краеведов, могут когда-нибудь получиться настоящие учёные!” И бедный “Муфта по-нял, что краеведам невозможно что-либо объяснить... Они заинтере-сованы в открытии чего-либо необычного, и теперь они считали: та-кое открытие было ими сделано...” [102]. Как говорится, сказка — ложь, да в ней намёк.

Об испуге местных историков перед репрессиями властей за краеведение, растерянности провинциальной интеллигенции перед быстрой сменой идеологических вех сталинским режимом свидетель-ствуют *перемены в областном музее*, который как-никак продолжал функционировать. В 1931 г. музейщики еще просят денег на археоло-гические раскопки; хотя историческая часть экспозиции задвигается на задний план по сравнению с общественно-политическим и эконо-мическим “лицом” Курска, строящего социализм. В 1932 о раскоп-ках уже и не заикаются; отдел истории ликвидируется вовсе! Вся экспозиция делится на отделы: историко-революционный с антирели-гиозным; промышленно-экономический; естественно-природный; ку-льтурно-бытовой с художественным. “Отделу социалистического строительства было

отведено 10 светлых больших зал в верхнем этаже, где до этого был размещён отдел истории” [103].

Если десять лет назад курские музейщики обследовали старинные церкви и дворянские усадьбы на предмет их охраны как памятников культуры, то теперь “силами музея, совместно с “горфо”, производилось обследование церквей, находящихся на учёте музея, с целью изъятия цветного лома; таким образом сдано свыше 1709 пудов лома от колоколов” [104] и прочей утвари (подсвечники, люстры, баки для святой воды, кружки для пожертвований, кресты и т.п.). “При снятии колокола с колокольни Троицкой церкви [Нижней, в Курске — С.Щ.] оказались порванными электрические провода и проломлена часть крыши на колокольне” [105] ещё действовавшего тогда храма. В ответ на эту жалобу общины верующих директор музея Кардаш просила “Металлом” “в дальнейшем наблюдать за съёмкой колоколов, во избежание поломок”. Кроме Троицкой церкви, тотальным конфискациям подверглись тогда Знаменский и Сергиевский соборы Курска.

В Короче Рудметорг заграбастал на переплавку особенно старинный колокол — XVII в. и чугунные пушки. Кроме того, в 1929–30 гг. музей санкционировал продажу на слом старинных зданий бывшей Коренной пустыни, а также церквей в Фатеже, Обояни и многих других местах края.

От переплавки спаслась только бронзовая статуя “Распятие Христа” работы итальянского скульптора С. Альбано, забранная из алтаря лютеранской кирхи в Курске. И то по причине своего “анти-религиозного значения, характеризующего тесную связь дворянства с церковью”, согласно экспертной оценке сектора науки Наркомпроса. Ведь на постаменте статуи имелась надпись, оказавшаяся для нее при большевиках спасительной: “Сие распятие принесено в дар Суджанским предводителем дворянства, камер-юнкером двора Его Императорского Величества Симоном Александровичем Юрьевичем и супругой его Анной Сергеевной, урожденной графиней Апраксиной, евангелической лютеранской церкви ... в день Пасхи 1907 г.” [106].

Никакой документации разрушаемым в 1930-е гг. памятникам культуры музей не вёл. От большинства из них вовсе не осталось информации. Много позднее, в 1970-е – 80-е гг. в музей от случая к случаю поступали сведения о случайных находках следов некоторых из тех исторических ценностей. Например, “в с. Верхополе Касторенского района, в помещении склада стройматериалов — бывшей школе, на полу вместо половых досок лежит икона “Варвара-мученица” ... очень большого размера” — сообщала приезжая туда Н.М. Левшина. Ей объяснили, в чём дело: “Когда строили школу, одновременно разрушали церковь. ... И, чтобы добро не пропадать, директор школы

распорядился использовать её [икону — С.Щ.] как строительные доски. Изображением клали вниз” [107].

Директриса музея (она же председательница горбюро краеведения) *Мария Константиновна Кардаш* сочла, что внешних, по заказам других инстанций секвестраций культурных ценностей маловато будет и она сама обратилась в Главнауку со служебной запиской, где просила избавить музей от слишком большой (более 3 000 экз.) нумизматической коллекции (составленной, напомню, из нескольких богатых собраний курских коллекционеров начала века). Лучшие монеты Кардаш предлагала передать в центральные музеи, дублиеты продать через Госторг или обменять в других музеях на более актуальные с её точки зрения экспонаты [108].

Протестовать против вандализма оказалось некому: в сентябре 1930 г. музей получил очередную директиву Наркомпроса о кадровой чистке, где ребром ставился “вопрос об освежении личного состава ... путём: 1) перевода на пенсии сотрудников, достигших преклонного возраста; 2) снятия с работы ... недостаточно квалифицированных научных музейных работников, а равно работников идеологически чуждых современному направлению в музейной работе” [109]. К тому времени все “чуждые элементы” из музея уже были уволены, вплоть до уборщицы М.Ф. Михайловой, на свою беду оказавшейся в прошлом монашкой (все монастыри губернии к тому времени позакрывались властями). Даже мыть полы за нищенскую плату не доверяли Советы в своих учреждениях “бывшим людям”.

На протяжении 1930-х – 40-х гг. никаких реальных результатов мало-мальски организованной историко-краеведческой деятельности в Курске по печатным, архивным и мемуарным источникам не прослеживается. Единицы переживших лихолетье террора в Курске любителей старины (те же Парманин, Позняков) время от времени публиковали компилятивные заметки на краеведческие темы в областных газетах да агитпроповских брошюрах.

А ведь кроме краеведов, репрессиям начиная с рубежа 1920-х – 30-х гг. в провинции подвергались еще и представители самых разных общественных слоев, включая, конечно, интеллигенцию (В этом легко убедиться, прочитавши в курских газетах за начало 1990-х гг. списки реабилитированных прокуратурой посмертно курян). Так, в 1932 г. был арестован глава Курской епархии, архиепископ Дамиан (в миру Димитрий Воскресенский), а вместе с ним 127 священников и дьяконов, 106 монахов и монахинь [110]. Коллегия ОГПУ приговорила епископа к расстрелу, но отложила исполнение этого приговора до 1937 г., когда отбывавшего 10-летний срок Д. Воскресенского расстреляли на Соловках.

В связь с насильственным устранением не только инакомыслия, но и самих инакомыслящих земляков может быть поставлено пара-доксальное суждение Д. Хармса, сообщенное им осенью 1933 г. К.И. Чуковскому и занесённое тем в свой дневник: Хармс “до сих пор был выслан в Курск и долго сидел в ДПЗ. О ДПЗ он отзывается с удовольствием; говорит: “прелестная жизнь”. А о Курске с омерзени-ем: ”невообразимо пошло и подло живут люди в Курске” [111]. Кроме вполне понятной в устах такого неподражаемого фантазмаго-риста, каков был Хармс, доли преувеличения, в этом его суждении содержится вполне реалистичное свидетельство очевидца тех лет: в тюремных камерах, арестантских вагонах, лагерных бараках 20–50-х гг. складывались удивительно колоритные сами по себе компании из высокообразованных людей, которым практически нечего было уже терять, а на воле интеллигентные люди боялись сказать лишнее слово вслух.

Так что заявленное руководством краеведческого музея в фев-рале 1936 г. “*Научно-исследовательское общество изучения Курской области*” не пошло дальше заполнения анкет его членами и составле-ния их списка. В следующем, 1937 г. даже и списков от него не оста-лось. В недавно опубликованном современными краеведами энцикло-педическом словаре “Курск” относительно этой мнимой организации их достойных предшественников сказано с подкупающей наивностью: “... Сильный состав исследователей предвещал полновесную деятель-ность на благо и развитие краеведческого движения в Курске и области. Однако по неизвестным причинам развить работу нового об-щества не удалось” [112]. Как говаривал в подобных случаях персо-наж М.А. Булгакова: “Ну, да, неизвестно, — подумаешь, бином Ньютона!” Мертворожденное “общество”-то ставило своей целью опять-таки “вовлечение трудящихся масс в активную борьбу за успех социалистического строительства путем изучения своего края” [113]. Фамилии его “активистов-учредителей” ничего не говорят историку курского краеведения (Зеликсон, Фомин, Завыленков, Железнов, Грачёв; ответственный секретарь А.Е. Гречнева). Какой там “силь-ный состав”!.. За решёткой да колючей проволокой находился к тому времени действительно сильный состав курских краеведов.

Ведь 10 июня этого года последовал *официальный запрет обще-ств краеведения в стране*. Соответствующее постановление СНК РСФСР объявило: “Признать дальнейшее существование центрально-го и местных бюро краеведения нецелесообразным”. Наркомпрос тут же разослал на места “Инструкцию о работе комиссий по ликвида-ции Бюро краеведения” от 16 июля 1937 г., которая предписывала все книги и рукописи, научное и хозяйственное оборудование, про-чие материальные ценности краеведческих объединений передать органам народного образования.

“Акт по ликвидации Курского общества краеведения” датирован 28 августа 1937 г. Однако гораздо раньше, ещё в июле 1934 г. все накопившиеся с 1923 г. в Курске краеведческие документы поступили на хранение в государственный архив. В 1950-е гг. добрая треть этой документальной коллекции оказалась уничтожена самими архивистами “как не имеющая практической и исторической ценности”.

Скудное оборудование КГОК (этажерка, счёты, чернильный прибор, каучуковая азбука; 205 книг; 4,5 дести писчей бумаги; 2 карты) досталось областному музею — его предусмотрительная руко-водительница Кардаш выпросила у ГПУ сразу после ареста технического секретаря общества М.Н. Рязанцева находившиеся в его опечатанной комнате ключи от помещения этой общественной организации.

Заодно под наблюдением облисполкома ликвидировали районные отделения краеведческого общества. Те, согласно актам ликвидационных комиссий, вовсе “не имели имущества и других ценностей”.

На самом деле печатные и архивные *материалы Курского краеведческого общества* обладают немалой историографической, общекультурной, прикладной ценностью. К ним сейчас за разными справками всё чаще обращаются современные исследователи Курской земли, ее исторических древностей и природных условий. Далеко не полностью, но сохраняются в фондах и экспозициях областных и районных музеев вещевые находки из разведок и раскопок тех лет.

Сегодня представляется важным не только то, что наши краеведы 1920-х гг. смогли и успели сделать по изучению и охране памятников истории и культуры. Не менее поучительно представить себе, какой урон духовности своего народа нанесли те, кто мешал краеведам работать, держал их организации на нищенском финансовом пайке, а в конечном счете осудили на моральные и физические муки вместо того, чтобы наградить за подвижничество. Реабилитация пришла к ним слишком поздно, почти ко всем — посмертно.

Причины трагедии, произошедшей с краеведами после Октября, трактуются новейшими историографами недостаточно, на мой взгляд, определённо. В поднакопившейся на эту тему литературе складывается мнение, будто советская власть расправилась с ними походя, без особого повода — кто только не подворачивался под “красное колесо” большевистского террора!? Есть и такая точка зрения, которая предлагает видеть в краеведческих кружках очажки явной или потенциальной оппозиции сталинизму: “Работа сотен и тысяч энтузиастов, разбросанных по всем уголкам огромной страны, не поддавалась контролю тоталитарной системы — трудно было рассчитывать на то, что эти люди, преимущественно представители дореволюционной интеллигенции, примут установки на идеологизацию краеведения” [114]; “краеведческое

движение 1920-х гг. слишком отлично было от утвердившегося стиля командно-административной системы ... Сталина и его подручных...” [115].

Доля истины в подобных констатациях содержится. Примером чего могут служить некоторые разногласия, случившиеся между старыми, дореволюционной закалки и новыми, сугубо советской выделки краеведами в Курске. Показателен конфликт Г.И. Булгакова с заслуженной большевичкой П.И. Шавердо. Краеведы поручили ей было составить доклад о 1905 годе, “по документам архива с дополнением личных воспоминаний, как активной участницы в работе того времени”. Она больше месяца, по собственному определению, “рылась в архиве” и доклад подготовила. Однако в назначенное для выступления время её ждал афронт. Явившимся на место собрания, в школу, где преподавал Булгаков, докладчице и приглашенным ею слушателям сторожика заявила: “Георгий Ильич сказал, что собрания не будет” [116]. Оскорблённая краеведка с революционным стажем подала заявление о выходе из Общества.

Вряд ли можно счесть этот эпизод случайным недоразумением. В нём явственно просматривается нежелание Г.И. Булгакова и некоторых его единомышленников среди опытных краеведов заниматься событиями Новейшей истории, да ещё в односторонне-партийном освещении.

Но при всём том нам представляется, что никакой ниши для явной или скрытой политической оппозиции, тем более контрреволюции краеведческое движение представлять не собиралось, да и не могло. Как видно по вышеизложенным курским материалам, и старые, и тем более молодые краеведы 1920-х гг. изо всех сил старались следовать генеральной линии ВКП(б) на своих участках общественной работы. Одни действительно верили рабоче-крестьянскому государству. У других оставалась слишком свежа в памяти смертоносная практика ЧК и белогвардейской контрразведки, по очереди умощавших тот же Курск трупами правых и виноватых перед ними. Неразгаданный на свою беду краеведами парадокс их положения заключался в том, что главную опасность для властей они представляли отнюдь не как саботажники, а именно в качестве добросовестных, объективных и энергичных исследователей прошлого и особенно настоящего своего родного края.

Куда ни шло, если речь шла о массовом разрушении археологических объектов. Хотя едва ли местным властям приятно было в 1930 г. получать циркуляры, подобные следующему: “В связи с катастрофическим положением в деле охраны и учёта памятников культуры по ЦЧО, Облбюро краеведения, — идя навстречу намеченным ГАИМК работам, считает необходимым теперь же поставить на контроль как местонахождения памятников культуры, так и районы тракторных запашек и наиболее крупных строительных и земляных работ” [117]. Или такую директиву: “Вследствие того, что социалистическое переустройство

деревни принимает широкий размах и бы-стрый темп и что в скором времени можно ожидать полного уничто-жения культуры старой деревни, является необходимостью особенно характерные признаки ее запечатлеть фотографией” [118]. В пору сплошной коллективизации, форсированной индустриализации от по-добных бумажек просто отмахивались. В результате, между прочим, служба археологического надзора отсутствовала в Курской области почти до самого конца XX в. Инспекция по охране памятников истории и культуры в составе комитета культуры областной админи-страции сейчас существует, но почти исключительно номинально. Это уже традиция — печальная, но солидного стажа, коему уже под сто лет.

В 1920-е же гг. большевистские власти имели неосторожность поручать краеведам и куда более злободневные мероприятия, чем раскопки каких-то курганов или городищ. Скажем, “периодическое, планомерное наблюдение за состоянием посевов”; “определение размеров практических норм личного, кормового и хозяйственного потребления” разных продуктов на селе; “бюджет основных групп трудового населения” города и т.п. вопросы актуальной статистики. Такие данные собирались в КГОК через учителей и школьников и передавались в органы госстатистики.

Поначалу, со второй половины 20-х гг. цифры “показывают на наличие в результате хозяйствования не только достаточных запасов, но даже и свободных к продаже излишков в близких к действитель-ности количествах” [119]. А уже в “год великого перелома” “близ-кие к действительности” сведения “урожайной” статистики стали особенно опасны для официальных надзирателей за краеведами. Тогда в учётном “Листке о питании сельского населения” вместо молока, хлеба и сала пришлось бы писать воду, кору и глину, а то и человечину, как в самых страшных эпицентрах голода. Ненужным свидетелем подобных эксцессов могли оказаться археолог, этнограф, биолог, географ, каждое лето рвущиеся в поле со своими фотоаппа-ратами и блокнотами.

А кроме экстраординарных коллизий вроде голода да массовых репрессий на совести советской власти оставалась груда застарелых общественных проблем, вроде пресловутой жилищной. Всесоюзные переписи населения 1923 и 1926 гг. показали по Курской области, что “ни один город губернии не обеспечен жилой площадью по норме в 10, 0 кв. м. на каждого жителя. ... Это тот минимум требований гигиены, без которого здоровье человека находится в опасности. ... Преобладают квартиры сырые с низкими потолками, недостаточным освещением, давно неремонтированные и слишком загрязненные. Та-кие антисанитарные и антигигиенические жилища развивают болезни и повышают смертность населения, ослабляют жизнедеятельность и являются громадным препятствием культурному и интеллектуально-му развитию человека”

[120], — делали вывод краеведы-гуманисты. Однако революционеры-коммунисты боролись отнюдь не за то, что-бы расписаться в собственном бессилии вывести страну к “светлому будущему”. Идеологический диссонанс между политикой “великого перелома” на пути к социализму и теми фактами, что накапливали слишком добросовестные и учёные краеведы, обрёл их на уничтожение.

* * *

Документальные материалы первых краеведческих организаций ЦЧО, рассмотренные в данном параграфе диссертации, позволяют уточнить *социально-политический контекст взлёта и падения совет-ского краеведения как оригинального явления отечественной культу-ры.*

После победы в Гражданской войне большевикам требовалось закрепиться у власти, нейтрализовать оппозицию среди населения, в особенности заручиться поддержкой учёных и других специалистов. Разрешение и даже поощрение краеведческих объединений, в составе которых преобладала “старая” интеллигенция, лежали в русле реше-ния этих задач рабоче-крестьянского государства. Краеведы же со своей стороны стремились продолжить привычную им культуртрегер-скую, просветительскую деятельность на благо народа и, заодно, за-гладить своё сомнительное при новом режиме социальное происхож-дение и положение.

Необходимо сопоставить продолжающуюся по дореволюцион-ной инерции историографическую активность краеведов и атаку на традиционное историческое образование, которую повели именно в 1920-е гг. большевистские власти. Как известно, с 1918 г. в стране были закрыты исторические факультеты университетов; на долгие годы изучение и особенно преподавание истории ограничивалось экономическим развитием и революционным движением в России XIX – начала XX вв. [121]. Только краеведы-любители на местах продолжали писать и рассказывать обо всех эпохах и разного рода деятелях регионального прошлого.

Показательно, что массовый террор в отношении гражданского населения был возобновлён большевиками лет десять спустя после взятия власти именно начиная с учёных-гуманитариев и краеведов (если не считать прежних противников партии Ленина — эсеров и т.п. действительно “политических”). Предстоящим в Стране Советов событиям не нужны были историки, бытописатели, вообще фиксато-ры. А краеведы могли ими стать, уже становились. Их забота о прошлом (исторической памяти) и настоящем (уровень жизни насе-ления) Отчизны оказалась в

фатальном разладе с коммунистической политикой рывка к “светлому будущему”. Пафос объективного знания — с идеологией выполнения производственного плана любой ценой. Выявление региональной специфики — с унифицирующим катком социального уравниательства, а затем имперского интернационализма. Так что в лице краеведов сначала убрали полунезависимых статистиков новых волн террора, вызванного катастрофическим для большевистских властей расхождением их лозунгов и реальных последствий претворения таковых в жизнь. Уничтожение краеведов и их организаций — один из первых, мало кем распознанных симптомов краха коммунистической утопии в России.

Таковыми, примерно, видятся нам мотивы, по которым власти решили не только свернуть краеведческое движение, но и внести многих его представителей в проскрипционные списки. Дополнительный анализ политического и идеологического контекста развития и гибели советского краеведения, постепенного возрождения краеведческих традиций в нынешней России содержится в работах А.А. Формозова и С.О. Шмидта, А.Н. Акиньшина и О.Г. Ласунского, некоторых других авторов [122].

В качестве своеобразного постскриптума к этой главе уместен ещё один архивный документ: “Вопросы к товарищу Рыбакову”, чья археологическая экспедиция работала на Курской земле в 1937, 39 гг., т.е. всего через несколько лет после “раскрытия заговора краеведов”. Вопросы эти сформулировали новые работники Курского краеведческого музея:

“1) Собрать сведения о движении доисторического человека и жившего здесь (признаки его селищ); 2) Об исторических народах, оседавших на нашей территории; 3) О случайно проходивших народах по нашей области с юга, запада, севера, востока; 4) О северянах, об их соседях вятичах; 5) О литовских народах; 6) О движении монгольских племён и об их дорогах (шляхах); 7) Произвести обследование границ бывшего Московского государства XVI–XVII вв. (Белгород, Рыльск — центры по сооружению заграждений); 8) О случайных находках [древностей] и кладях области; 9) Составление черновой картотеки для будущей археологической карты; 10) Приобрести литературные труды Самоквасова о северянах. Его же труды по Курску. То же Спицына и Городцова” [123].

Все перечисленные и многие другие сюжеты исторического краеведения Курска и его округа совсем не обязательно было спрашивать у московского доцента (будущего академика) Б.А. Рыбакова, которому на курских раскопках не хватало квалифицированной рабочей силы. По каждому из этих вопросов Г.И. Булгаков или Л.Н. Соловьёв, любой другой опытный краевед с дореволюционным образованием мог бы прочитать экспромтом целую лекцию, снять со своей книжной полки всю нужную литературу. Но их всех или лишили свободы, или оторвали от

краеведческой работы. К сожалению, следующим поколениям местных историков родного края во многом пришлось начинать с нуля — преемственность в развитии нашего провинциального краеведения, локальной истористики оказалась с начала 1930-х гг. и надолго нарушена [124]. Традиции так называемой “микроистории” в провинции довелось после многолетнего перерыва продолжать на сколько-нибудь достойном уровне уже не добровольцам из среды разночинной интеллигенции, а немногим представителям высшей школы, музейного дела, библиотек, архивов и т.п. государственных учреждений культуры.

§ 2. Л.Н. Позняков — собиратель архивных сокровищ

Из образованных и дееспособных знатоков старины в Курске и его области, начиная с 1930-х гг., уцелели буквально единицы. Поэтому нетрудно отобрать среди здешних персонажей фигуры, достаточно типичные для последующих отрезков эволюции провинциального краеведения. Хотя региональное самопознание с тех пор в конце децентрализовалось; идейно, методически измельчилось, отдельные его представители захотели и сумели противостоять спаду в любимом занятии, как-то поддержать его лучшие традиции.

Пусть первым будет *историк-архивист*, знаток письменных источников (Государственные архивы к тому времени стали обязательным элементом исполнительной власти на местах и на должностях архивистов в провинции скорее всего мог приютиться культурный исследователь старины).

Вторым в нижеследующем изложении пойдёт *научный сотрудник краеведческого музея*, устроитель его фондов и экспозиций (ответственности побольше, чем у архивиста, но приспособиться к “политическому моменту” возможно без особых потерь для интересов науки и культуры).

Третьим — *археолог*, ищущий и копающий следы далёкого прошлого региона (после Отечественной войны, где пораньше, где попозже, но в большинстве областей РСФСР нашлись и такие, как правило одиночные представители полевой археологии — свято место столь лестного для романтиков и честолюбцев-бессребренников рода редко бывает совсем уж пусто).

* * *

Итак, прежде — архивист. *Леонид Николаевич Позняков* (1892–1953) — уроженец Курска, выходец из весьма почтенного по возрасту

дворянского рода. Через несколько войн и революций с их пожарами, погромами и обысками Л.Н. сохранил документ одного из своих предков — подлинное, с красной сургучной печатью “Свидетельство 1799 г. ноября 21 дня ... от мушкетёрского полку, служивше-му в оном подпоручиком и по Высочайшему Его Императорского Величества [Павла I — С.Щ.] приказу ... отставленному от службы с награждением порутчицым чином Ивану Познякову” [1].

Отец будущего краеведа, Николай Алексеевич Позняков (1847 г. р.), не доучившись в Курском уездном училище, устроился служить мелким канцелярским чиновником. Всю жизнь он добросовестно тянул служилую лямку в Курске и Орле, дойдя в конце концов до заведования Курским лесничеством — заметный в масштабе губернии пост по Управлению казенных имуществ. В 1880 г. молодой канцелярист женился на дочери генерал-майора, девице Поликсене Федоровне Фон-Шваненфельд, а на следующий год получил очеред-ной чин титулярного советника [2]. Почти как в известном романсе на стихи П.И. Вейнберга, только со счастливым концом.

Позняков-младший закончил Курскую гимназию, а затем физи-ко-математическое отделение ближайшего — Харьковского универси-тета. В годы первой мировой войны призывался в действующую ар-мию. После демобилизации пошёл сначала по отцовским стопам — гражданскую “службу начал в Курской казённой палате, а затем слу-жил в разных учреждениях местных, как-то: Губсовхоз, Военком [санитарный отдел — С.Щ.], Рауспирт, Госспирт” [3], — отмечалось им в анкете Общества краеведения 12 января 1924 г.

В члены этого общества он вступил, заведая магазином водоч-ных изделий Госспирта. Но краеведы приняли его в свои ряды безо-говорочно, даже с радостью, ведь серьёзный интерес к истории по-явился у тогдашнего совслужащего давно, “ввиду чего я состоял чле-ном Курской Архивной комиссии приблизительно с 1908 г. — Объ-яснял Л.Н. в той же анкете. — Для изучения я работал в Москве в Румянцевской библиотеке [ныне РГБ — С.Щ.], в Архиве министер-ства юстиции... [Ныне РГАДА — С.Щ.]”.

Извлечённый Л.Н. Позняковым из этого архива *план Курской крепости XVII века* был опубликован им в “Курском сборнике” Губ-статкомитета за 1912 г. — отменный литературный дебют для начи-нающего историка [4]. Этому плану суждено было стать “гвоздём” всех экспозиций Курского музея; выкопированный с него чертёж и реконструированный на его основе макет курского кремля неодно-кратно репродуцировались в краеведческих изданиях, став своего рода логотипом их. При перепланировке и застройке центра Курска после Отечественной войны к первоплану обратились архитекторы и строители. “Шурфы,

заложенные по данным старинного плана Курска подтвердили наличие засыпанного крепостного рва в этом месте и затруднения в случае постройки”, — с гордостью отмечал публика-тор документа. Возобновившиеся с конца 1980-х гг. под руководством доцента В.В. Енукова археологические исследования средневекового Курска в свою очередь учитывают этот уникальный картографический материал [5].

Душевные наклонности в конце концов победили соображения материальной выгоды и Позняков наконец перешёл на архивную службу. К тому же, “бывшему” человеку из дворян, чиновников в годы социалистической реконструкции за книжными полками было куда спокойнее, чем за торговым прилавком. Как видно по заголовкам курских газет 1920-х – 30-х гг., торговых работников “прораба-тывали”, “чистили” ожесточённое многих других категорий “совслужащих”. Видимо, сказывалось озлобление людей хроническим дефицитом продовольствия и вообще предметов первой необходимости при советской власти. В роли “козлов отпущения” для обывателя не-редко выступали продавцы да завмаги.

Вот типичные для каждого из номеров “Курской правды” тех лет пассажи: “... На чистке работников прилавка присутствовало более 500 человек. Каждый магазин, назначенный к чистке, находился в защитительном окружении своей лавкомиссии. ... Такому безобразию должен быть положен конец. РКИ должна отбить охоту срывать работу комиссии” [6] по чистке. Следом: “Проходящая сейчас чистка церабкоопы должна помочь удалению вредных и бюрократившихся элементов и переброске в наши кооперативы свежих кадров из рабочих” [7]. Вскоре: служивший когда-то в царской армии “гражданин” Потапович после окончания Гражданской войны “устроился в ликвидком ЦЧстроя, потом по совместительству попал в Гортоп, а затем в заготконтору Наркомснаба. Сосёт белогвардеец Потапович три учреждения и живет припеваючи, чувствует себя настолько “крепко”, что даже и своего друга торговца и спекулянта Танкова устроил на работу в Гортоп с двухсотрублевым окладом и квартиру Танкову дал в доме ЦЧстроя”. Эта заметка озаглавлена “Потаповичу не место в совучреждении” и подписана “Наблюдатель”. Примечание “от редакции” уже, что называется, “бьёт лежа-чего”: “Прокуратура должна немедленно расследовать факты, сообщённые в письме [доносчика-анонима — С.Щ.] и принять меры к увольнению Потаповича [таково решение не судей, а журналистов — С.Щ.] [8]. И т.д., и т.п.

Благоразумно уйдя из-под дамоклова меча чисток, Позняков с 1925 г. и до конца жизни трудится (с небольшими перерывами) в Государственном архиве Курской области. Начав здесь с должности младшего, затем старшего научного сотрудника, он стал после Отече-

ственной войны авторитетным начальником отделения дореволюционных фондов. Вплоть до 1953 г., без малого тридцать лет провёл он присутственные часы в обветшавших зданиях бывших церквей — Ильинской, Нижне-Троицкой, где помещался тогда архив (называемый в советском обиходе Истархом). Отсюда его не смогли выжить ни полуграмотные начальники архивных служб из номенклатурных назначенцев; ни невежественные сотрудницы (в перепечатавшихся ими материалах краеведа ему приходилось исправлять десятки опшибок, даже в столь важных при позднем сталинизме словах, как “*пот-риатизм*”); ни реальная опасность расстрела в условиях немецкой оккупации города, когда Позняков остался за убывшего в эвакуацию директора архива, обеспечил работу мизерного коллектива сотрудников и добился сохранения большей части архивных фондов советского периода (защищать курский архив, прятать его часть от немцев Познякову помогала мужественная архивистка Варвара Тимофеевна Богданова); ни ужасные условия труда. Вот взятая наугад запись из служебного дневника архивиста за 1948, скорее всего, год: “Февраля 2. Печь дымилась и не согревала. [В здании архива] + 10 градусов. ... Ветер нанёс чаду в комнату. Все переместились в помещение переплётной. Копирки нет, а какая есть негодная. Печатать нельзя. ... Поставили маяки глиной в трёх местах. Заметно, что угол [старинного здания — С.Щ.] опустился на несколько сантиметров. Сквозь трещину в одном месте видна крыша” [9].

Отмеченные невзгоды отчасти объясняют, почему *печатное и рукописное наследие Л.Н. Познякова* содержит массу компилятивных мелочей, очерков на дурно понятую злобу дня. Вроде тех, что “О великом плане преобразования природы”; про “Бесправное положение женщины в дореволюционное время”; “Сравнительные черты быта старой царской и Красной армий”; да “Ко дню Сталинской конституции” и т.д. и т.п. Тем не менее перед нами краевед не в плохом, а в лучшем смысле этого слова. В разных печатных и, что особенно важно, архивных источниках им оказалось собрано множество разнообразнейших сведений о Курском крае с древних и до новейших времён. Этот автор первым среди местных любителей старины советского периода и, надо признать, вполне достойно, без возобладавших позднее среди “краеведов” ляпсусов и крайностей, применял “метод выковыривания региональных изюминок из исторических булок”. В этом жанре Позняков напоминает плодовитейшего журналиста-историка 1890-х – 1910-х гг. А.А. Танкова, о котором речь шла в предыдущих главах нашей работы.

Среди внутриархивных информации и газетных статей Л.Н. выделяются такие, как: “А.С. Пушкин и курская общественность”; “Н.В. Гоголь в Курске”; “Как проходили выборы в Государственную думу в Курской губернии”; т.п. В том же роде и цикл его военно-патриотических

очерков: “Куряне в Полтавском бое (К 150-летию Полтавской битвы”); “Куряне — суворовцы, участники пере-хода через Альпы”; “Курское ополчение 1806 г.”; “Куряне — участ-ники войн 1812, 1853–56, 1859–1860 гг.”; “Белгородцы и новооско-льцы — участники обороны Севастополя 1853–56 гг.”; “О патрио-тизме курян в 1914 г.” [10] и др. В годы второй мировой войны, прокатившейся и по югу России, такого рода научно-популярные ма-териалы играли свою полезную роль в идеологической и психологи-ческой поддержке местного населения на борьбу с врагами Родины.

Немало усилий приложил Позняков для формирования и по-полнения “краеведческого иконостаса” — перечня получивших изве-стность земляков-курян. Им выискивались в дебрях слабо описанно-го Истарха и обрабатывались для местной периодики архивные доку-менты о “Коломбе росском” Г.И. Шелихове и его коммерческой де-ятельности в Русской Америке; астрономе-самоучке Ф.А. Семёнове; изобретателях А.М. Снегиреве и Н.К. Рутцене; художниках Е.М. Чепцове и В.Г. Шварце; учёных — академиках А.А. Байкове и И.М. Губкине; революционерах, скажем И.Ф. Дубровинском (Артёме); философе-логике Л.В. Рутковском и прочих, достаточно колоритных по общероссийским меркам фигурах, чьи судьбы оказались тесно связаны с Курским краем. Между прочим, Л.Н. выявил в недрах бу-дущего ГАКО и частично опубликовал автографы Петра I, Г.Р. Дер-жавина, Д.И. Менделеева, членов семьи Л.Н. Толстого и некоторых других знаменитостей [11].

Им же составлены исторические справки о возникновении мно-гих населённых пунктов, школ и учреждений области. Так, целые мини-монографии посвящены у него конюшне-заводу элитных рысаков, дрожже-винокуренному заводу, театру Курской губернии. Для каждого сюжета требовался виртуозный и длительный поиск полупотерянных по сути в недрах слабоописанного архива докумен-тов.

Тем не менее, собранные трудолюбивым архивистом по крупн-цам за полвека документальные материалы могли быть опубликованы только частично, и то главным образом в газетах. Большая же часть позняковских рукописей составила в свою очередь архивную коллек-цию “*Краеведческий материал по истории Курской области*”, практи-чески недвижимо лежащую в ГАКО. Там, среди прочего, его выпи-ски из самых ранних писцовых, переписных, отказных книг, копии других документов XVII–XVIII вв.; справки по истории многих кур-ских улиц и Красной площади города; о курских храмах, начиная со Знаменского собора.

Самые, на наш взгляд, оригинальные, долговечные в научном отношении материалы Л.Н. Познякова относятся к истории происхо-ждения и первоначального развития городов и сёл Курской области. Начиная свою работу в архиве, он наткнулся на некий список XVIII

столетия с грамоты конца XVII века белгородскому митрополиту — на землю по реке Грайворонке. “Прочитав бумагу, — вспоминал краевед, — я увидел, что здесь речь идет о земле, на которую митро-полит призвал и поселил черкас из-за Днепра, образовавших слободу Грайворон — будущий город Грайворон. Факт совершенно в печати неизвестный” [12]. В соответствующем очерке Познякова на основании упомянутого и других вновь выявленных им документов представлена достаточно ясная картина заселения данной части края в начале Нового времени.

Другая, столь же научная работа этого автора посвящалась Белгороду. Тут краевед оттолкнулся от сохранных Истархом списков с писцовой книги 1626 г. и с переписной 1648 г. В первой из рукописей, “кроме сведений о фауне и флоре отражаются первые шаги по новому заселению русскими запустовавшего было [после ордынского и литовского подчинения — С.Щ.] края. Кроме того, при сравнении с переписной книгой 1648 г. ярко вырисовывается ход этого заселения, видны дочерние селения, появившиеся путём выселков из первичных материнских поселков” [13]. Статья Познякова о Белгородском уезде XVII в. представляла собой едва ли не первый серьёзный и удачный опыт по средневековой географии всего Посеймского региона. Автор статьи “пользовался и непосредственными указаниями переписной книги на леса, реки и ручьи, на хозяйство в крае, на животный мир; и топонимией, указывающей на более древнюю фауну и флору края” [14].

Любопытные данные собрал Л.Н. и по истории самого города Курска, а также Старого Оскола, Льгова, Дмитриева; целом ряде деревень и сёл области (например, Щетинке Курского уезда; Михайловке, Пикашевка тож, Дмитриевского уезда; Коротком). Вот показательный для добротного стиля исследований этого опытного архивариуса мемуар: “... В розысках о селе Коротком я начал с церкви. Время основания церкви повело к отводу земли для неё; отсюда я перешёл к плану и межевой книге, а дальше справка постепенно стала обрастать сведениями и если бы была надобность, она могла бы вылиться в брошюру по истории села” [15].

И по всем остальным, упомянутым нами в связи с ним краеведческим темам, ему “пришлось сделать изыскание об исторических фактах, ещё нигде не опубликованных, из истории этих населённых пунктов” [16], по различным отделам губернского архива, которые он знал, как никто другой из его предшественников и преемников.

Столь объективный подход старого краеведа к разработке проблем местной истории контрастирует с маниакальной субъективностью, судорожными метаниями между сциллой плагиата и харибдой компиляции, голой бездоказательностью выступлений многих так называемых краеведов последующих — 1970-х – 90-х гг. Вопреки фактам (по многим из этих вопросов открытым именно Позняковым), горе-

”краеведы” наших дней ретиво настояли на праздновании “1100-летнего” юбилея Белгорода курского в 1995 г., тогда как этому городу в действительности 400 лет. Каковые, впрочем также отмечались — в 1993 г. Оба раза — с подачи некоего Ю.Н. Шмелева. Громогласно требовали “краеведы” новейшей формации празднования 1100-летия Курска (во главе с учителем-пенсионером Н.В. Рязановым, наводнившим в своё время газеты и властные инстанции соответствующими заявлениями о небывалом старшинстве родного города). Подобного же рода “исследователи” ничтоже сумняшеся пишут о каких-то невообразимых “русах-тюряках” в Приоскольской лесостепи VI–VIII вв. н. э. как “одной из основ русской нации, представленной позже донскими казаками” [17] (энтузиаст археологических разведок из с. Волоконовки Белгородской области учитель А.Г. Николаенко); голословно настаивают на якобы летописном прошлом современного Воронежа (А.М. Аббасов и иже с ним); обнаруживают многие другие, ни с чем не сравнимые допущения — всё это вопреки публичным возражениям профессиональных историков [18]. К прискорбию для науки и просвещения, добротные работы Л.Н. Познякова и некоторых его коллег по прежнему Обществу краеведения остались неопубликованными, а чудовищные выдумки позднейших “краеведов” массово тиражируются и в периодике, и отдельными изданиями, засоряют читательское сознание фантастической информацией.

Разумеется, условия жизни и работы культурных краеведов довоенных поколений бросали определённую тень и на их творчество. Чем дальше от царских времен уползала колея мирной службы Познякова-архивиста, тем большее место в его краеведческих штудиях занимали революционные и советско-патриотические сюжеты, тем мрачнее выглядел в текстах, выходящих из-под его пера, старый Курск. Среди подготовленных им после войны служебных информационных и газетных заметок выделяются: “Неурожай 1891 г. в губернии и “помощь” пострадавшему от него населению”; “О состоянии здравоохранения в Курской области [? — С.Щ.] до революции”; “Первые пионерские отряды в Курске”; “Первая конная армия”; “Траурные ленинские дни в Курске в 1924 г.”; “О пребывании П.А. Заломова в Судже в 1906 г.”; “Борьба за коллективизацию сельского хозяйства в Курской области”; т. п.

Ещё Позняковым был составлен пухлый альбом, имевший целью “наглядно ознакомить широкие массы курского населения с историческим прошлым Курской области ... исключительно по рукописным и печатным материалам, хранящимся в Курском облгосархиве” [19]. Схемы и диаграммы этого издательского макета о том, “как куряне реагировали на главные исторические события, как они боролись, трудились и несли жертвы на защиту Родины в течение нескольких столетий”, так и не увидели света. Скорее, к лучшему. Идеологические мифологемы (“Первый

и второй приезды Сталина”, “Курск в пятилетках” и т.п.) почти не оставляли на страницах документального альбома места для правдивой истории края. Символически избранной составителем эпиграф из речей позднего М. Горького: “Радостно жить и бороться в стране, где великая воля ее вождя Иосифа Сталина навсегда освобождает человека от проклятых навыков и предрассудков прошлого”.

Однако этот же самый архивист, поседевший над документами, оставался по своей натуре сложнее и глубже простых советских трафаретов, которыми пестрит список его краеведческих публикаций. Конечно, “с волками жить — по-волчьи выть”. Но вот официальным коммунистическим новоязом Позняков так и не овладел — писал правильным русским языком, без так называемого канцелярита, столь глубоко въевшегося в стиль большинства современных краеведов, да и учёных-гуманитариев. А ведь для них, в особенности историков, стиль письма — далеко не последнее из профессиональных качеств. К примеру, Л.Н. означивал инициалы своих персонажей только перед их фамилиями, но никак не после, что утвердилось в эпоху всевозможных списков на талоны, карточки, очереди и т.п. Бедняге приходилось то и дело исправлять устаревшие на его веку выражения. Скажем, Петра Великого на просто “Первого”, “Екатерининское время” на нейтральный “XVIII век” (а нынешний краевед запросто пишет в книжке о своих археологических находках: “На та-кое блюдо можно было *ложить* сухую пищу...”) [20].

В позняковских текстах за обычными для 1920-х – 50-х гг. прокоммунистическими клише на внимательный взгляд просматриваются добротные принципы исследователя-историка. Он всячески оберегал — и уберёг, отстоял перед начальством и некоторыми ретивыми сослуживцами свой обширный отдел дореволюционных фондов. Осторожно, но твёрдо, хитро отводил неоднократные претензии в “неактуальности”, “устарелости”, “отсталости от жизни” и, значит, “макулатурности” документов дореволюционных учреждений и лиц (“царских сатрапов”, “лакеев самодержавия” и т.п. пугал советской историографии).

В самый разгар нападков на всякое непроизводственное краеведение, на совещании окружной плановой комиссии 25 августа 1928 г. “тов. Позняков (Архбюро) подчёркивал, что в Архбюро сконцентрированы богатейшие архивные материалы. Среди них есть интересные документы-уники, восходящие к XVII и XVIII векам. Пока все они лежат под спудом, без научной обработки. Используя этот материал, можно бы дать целый ряд монографических исследований. ... Например: крестьянские движения ... , крепостное право в Курской губернии, экономическое положение населения” [21].

Экивоки насчет социально-политического заострения местной истории тогда не помогли. Краеведческое движение в центре и на местах власти скоро разгромили под предлогом его “односторонне-исторической” и даже контрреволюционной направленности. Так, одного из членов ЦБК, Н.П. Анциферова, доведя изнурительными допросами и многомесячным заключением в одиночной камере до галлюцинаций и кошмаров, следователь вынудил к полупризнанию именно такой “вины” подведомственных ему краеведов из провинции: “Возможно, что мы слишком увлекались историей края и в этом отношении отвлекали краеведов от современности, от задач производственного краеведения”. Эти слова чекисты тут же истолковали в нужном им ключе, от себя добавив: “И таким образом шли вразрез с требованиями социалистического строительства, а следовательно, ваше направление, как признавали ваши товарищи [в том числе арестованные в Курске — С.Щ.], было вредным” [22].

Хорошо зная эту “вину” и печальную судьбу своих друзей по Курскому краеведческому обществу, репрессированных на его глазах, Позняков всё же не сбежал из родного города куда подальше от своей репутации опытного историка-краеведа (как археолог Л.Н. Соловьев или же историк В.И. Стрелков, ставший Стрельским) и не прекратил соответствующих исследований, публикаций (как историк А.А. Танков или нумизмат Т.А. Горохов). Стремясь подорвать прагматически понятый и навязываемый его сослуживцами принцип актуальности архивного документами, старый архивист и четверть века спустя после “Дела краеведов” доказывал: “... Фонд сегодня неактуальный, завтра может оказаться актуальным; это зависит от вопросов, которые ставит жизнь, а вопросы эти она может ставить совершенно неожиданные”. И приводил неотразимый для тех дней аргумент: “Например, в общем история заселения нашего края изучена, следовательно, работы по этому вопросу “неактуальны”, а между тем, работа тов. Сталина по языкознанию, выдвинувшая на первое место значение Курско-Орловского края, показывает, что пожалуй надо поближе познакомиться с фольклором нашего края, а он тесно связан с вопросом, кто, когда и в каких районах поселился впервые в нашем крае” [23].

Напомним, что по ходу известной дискуссии 1950 г. о языкознании, инспирированной и возглавленной самим Сталиным, вождь, подыскавший толковых консультантов, допустил не так уж много грубых с научной точки зрения ошибок. “Одной из них было упоминание в ответе Санжееву о некоем “курско-орловском диалекте” как опорном для русского литературного языка. Откуда он взялся, неясно” [24] даже для специалистов. “На основе гениальных положений товарища Сталина” некоторые советские филологи и историки немедленно начали писать

новые диссертации и монографии, в том числе по “курско-орловскому диалекту” [25]. После 1953 г. их уже считали курьёзами, не более.

* * *

Жизненный выбор краеведов 1920-х – 30-х гг. оказался различен. Одни без сколько-нибудь серьёзных компромиссов с властями от начала до конца отстаивали свои принципы объективной научности и высокой духовности. Почти всех этих гордых людей навсегда поглотил ГУЛАГ. Некоторые из подобных же упрямец замкнулись в домашнем мире, перестали публиковаться, встречаться с коллегами. Их коллекции, архивы, библиотеки как правило расплылись. Другие местные историки полностью отказались от “старорежимных” принципов и на словах, и на деле. Начали воспевать социалистическое строительство, закрывая глаза на убиваемых этим режимом и в деревне, и в городе земляков (в 1990-е гг. курские газеты начали систематическую публикацию списков жертв политических репрессий — кого только по возрастам, национальностям, профессиям, сословиям, характерам среди них нет!). Публичное служение “марксистской обедни” спасло далеко не всех представителей старой интеллигенции.

Заслуживает внимания историков линия поведения, образцом которой может считаться Л.Н. Позняков: компромиссы, которые никому по большому счету не вредят, но позволяют сохранить “неактуальные” до поры, до времени ценности отечественной культуры. До-революционные фонды Истарха при нём, записавшемся в советские краеведы, избежали секвестраций по партийно-политическим заказам; немецкие оккупанты вняли призывам как-никак дворянина и всё-таки бывшего царского чиновника Познякова и не сожгли архива целиком, как собирались, не вывезли при своём отступлении документов первых советских учреждений, как они сделали это в ряде других захваченных областей, начиная со Смоленской. Не окажись на этой должности в те времена такого именно человека, Курск потерял бы многие документы своей Новой и Новейшей истории.

На протяжении всех лет работы в архиве маститый краевед вёл картотеку-алфавит. Сообщая об этом своим молодым сотрудникам, он пояснял: “Записываю в него данные по истории края, о деятелях науки, искусства и прочее. Что бы только ни останавливало мое внимание, даже разные мелочные указания, я заносу в него, не задумываясь вопросом об их актуальности на сегодняшний день... Яркий документ всегда пригодится. ... Это — накопление капитала знаний архива” [26].

Леонид Николаевич Позняков — русский интеллигент-подвижник доброй старой закалки — действительно оставил своим землякам-курянам

замечательный запас исторических знаний. Причём он умудрился скопить его в те времена, когда все частные капиталы в стране конфисковывались властями. Не так трудно было тогда отнять недвижимость, национализировать вклады в банках, саму жизнь. Куда сложнее оказалось изъять собственность нравственную да интеллектуальную. Именно благодаря таким накопителям знаний, как Л.Н. Позняков, культуру русской провинции так и не удалось полностью ”перековать для нужд коммунистического строительства”.

§ 3. В.И. Самсонов — хранитель музейных редкостей

Владимир Иванович Самсонов без малого тридцать лет прослужил в Курском областном краеведческом музее в должности заведующего “отделом дореволюционного прошлого”. В его личности отчётливо отразилось противоречие, на наш взгляд, определяющее для многих краеведов всей страны 1930-х – 60-х гг. С одной стороны, — добротная гимназическая да университетская подготовка, старая культура интеллигентного общения и поведения, широкий спектр интересов и знаний, начиная с нескольких иностранных языков. А с другой, — “беспартийный большевизм”, отчасти искренний, отчасти вынужденный обстановкой в государстве, не мытьём, так катаньем увлекавшей интеллектуалов вслед за изгибами “генеральной линии партии и правительства”. Степень искренности просоветских настроений здесь в большинстве случаев вряд ли поддаётся уточнению. И то сказать, “бывшему” человеку очень трудно, а то и невозможно было тогда сохранить себя, право заниматься любимым делом вне отмеченной — то комичной со стороны, то трагической антиномии.

Во всяком случае, и смелые, благородные поступки, и моменты душевной слабости, даже низости, необходимо оценивать сегодня в контексте того времени, когда они совершались. По справедливому призыву А.А. Формозова, “мы должны с исключительным тактом говорить о перипетиях жизни наших коллег, живших в тяжелейшей обстановке тоталитаризма” [1]. Вместе с тем, неизбежен и такой сакраментальный вопрос в той же связи: всегда ли понять означает простить, а тем более забыть? “Не следует поэтизировать “маленького человека”, — рекомендует современный философ. — Если взять его честность и моральную чистоту за исходную точку отсчёта, то и эти, казалось бы, безупречные качества далеко не достаточны для совершенной жизни. Свободные от власти демонических сил, обычные, знающие свой потолок люди далеко не так невинны. Своей покорностью они поддерживают репрессивный порядок, и в этом их вина перед будущим” [2]. Особенная

ответственность лежит на исто-рике, когда он вольно или невольно исповедует линию поведения “маленького человека” не только в повседневной жизни, но и в сво-ей профессии — запечатлевать время.

Собственноручно и подробно написанная в 1955 г. “Автобио-графия” В.И. Самсонова сочетает факты из обоих контрастирующих ипостасей жизни и судьбы краеведа — ригористической и конформ-ной. Родившись 1 января 1886 г. в Севастополе в семье военнослуу-жащего, он в 1906 г. окончил по юридическому факультету с дипло-мом I степени Новороссийский университет в Одессе. Несколько позже в нём же начинал учиться М.М. Бахтин, вспоминая на склоне лет: “Там были хорошие, выдающиеся преподаватели...” [3]. Так и служить бы подающему надежды правоведу Самсонову в бан-ке, заниматься адвокатской практикой, “педагогической и литератур-ной работой”, как отмечается им в автобиографии за следующие годы, если бы не революция. “После установления на Украине со-ветской власти был назначен на должность заведывающего [так, согласно прежней орфографии, в тексте — С.Щ.] тюремно-каратель-ным отделом ревкома в г. Брацлаве”. Затем “инспектором тюремно-карательного подотдела Губюротдела Одесского исполкома. Потом работал в Губсоюзе (кооперация)”.

Что заставило молодого юриста пойти в каратели, а затем вернуться к мирной жизни, история умалчивает (может быть, тут уместно привести еще одного булгаковского персонажа: “Не могу быть вампиром”?). Только в 1922 г. он возвращается на родину в Севастополь. Тут, перепробовав еще несколько чиновничье-право-вых должностей среднего калибра, “в 1925 г. начал экскурсионную работу по Крымским маршрутам и одновременно служил научным сотрудником в музее и при панораме Севастопольской обороны. Тогда же начал писать статьи на историко-краеведческие темы” [4]. А именно, по истории Крымской войны, изданные в Севастополе брошюрой в 1930 г.

Так обрёл себя историк-краевед Самсонов.

В 1931 г. В.И. вместе с матерью благоразумно переехал в Курск, где меньше знали о его дворянском происхождении и чекист-ском опыте. Вспомним, что именно в 1929–30 гг. Сталин и его окру-жение возобновили массовые репрессии и в городе, и в деревне, на-чав аресты именно с так называемых “старых специалистов”, вклю-чая историков и краеведов. На новом месте жительства Самсонов устроился в музей, где и трудился тихо-мирно до осени 1941 г. Поч-ти всю войну он провёл в эвакуации в Самарканде, сочетая службу в областной библиотеке с пребыванием бойцом военизированной охра-ны на заводе “Красный двигатель”. В 1944 г. его вызвали обратно в Курск для возобновления музейной работы (Хотя во время немецкой оккупации Курский музей функционировал; его библиотека и часть экспонатов не эвакуировались). Награждённый

медалью “За доблестный труд в Великой Отечественной войне”, Самсонов больше уже не изменял скромной должности музейного сотрудника.

В Курске В.И. женился — в полном соответствии с мудрым дореволюционным обыкновением — на барышне на порядок моложе себя. *Мария Николаевна Матвеевко* со своим незаконченным поначалу высшим образованием трудилась вместе с мужем в музее, сперва заместителем директора, одно время (в 1940 г.) директором, а потом — научным сотрудником, причём столь же знающим и авторитетным, как и её супруг. Нынешние ветераны областного музея вспоминают их обоих с немалым пиететом.

В основном стараниями В.И. Самсонова в этом музее окончательно сложился *отдел истории дореволюционного прошлого Курского края*, оформилась соответствующая экспозиция, в значительной части сохраненная и по сию пору. Несколько поколений школьников, студентов, взрослых экскурсантов знакомились с вещественными памятниками местной старины по музейным витринам, оформленным В.И., запомнили экскурсии, проводимые им лично и по его методике другими музейщиками.

Тематическая экспозиция самсоновского отдела давала яркие и разнообразные представления о развитии человеческого общества на территории региона с древнейших времен (материалы Авдеевской стоянки верхнего палеолита), через остальные археологические и исторические эпохи (скажем, находки с Кузиногорского городища — эталона юхновской культуры раннего железного века; раннеславянских и древнерусских поселений в Гочеве, Липине, Шуклинке, Беседине и др. курских местах; многие вещевые, документальные, картографические источники отечественного Средневековья и Нового времени); вплоть до событий начала XX в. в губернском центре и его уездах.

Само собой для советского музея разумеется, что хронологическая последовательность, определённая фактами системность выставочной работы сочетались с утрированным социологизмом, беззастенчивой идеологизацией выставочного материала. Скажем, подлинные вещи и документы российского Средневековья, а уж тем более позднейших времён в обязательном порядке сопровождались текстами-цитатами из Маркса, Энгельса, Ленина, а до определённой поры, конечно, и Сталина. А живописные портреты представителей курского дворянства удерживались в экспозиции при условии обнаружения “на лицах этих власть имущих самоуверенности, чёрствости, надменности” [5]. Роскошный интерьер помещицкой усадьбы из курского пригорода Моквы (включая икону из тамошней церкви) соседствовал с макетом насквозь прокопчёной курной избы крестьянина-бедняка. Некую социальную середину между этими

двумя крайностями призван был, как видно, выражать “уголок лавки деревенского кула-ка-лавочника после реформ 1861 г.” [6]. И т.д.

Кроме подробного путеводителя по своему музейному отделу, Самсонов составил (в соавторстве с журналистом М.И. Яжгуром) ещё *путеводитель по историческим и памятным местам города Курска*, выдержавший два издания. В качестве своеобразного ката-лога историко-археологических памятников и чем-то замечательных мест областного центра, с их кратким описанием и фотографиями, этот, хотя и далеко не полный, список имел не только просветитель-ское, но и охранное значение. Старинные церкви и гражданские зда-ния классической архитектуры призваны были оттенить тот краевед-ческий “факт”, что “нынешнее поколение людей, строящих комму-нистический Курск, живёт в нем счастливой, радостной жизнью” [7].

Любопытно сравнить самсоновские путеводители с теми, что опубликованы в Курске тридцать пять лет спустя опять-таки директо-ром краеведческого музея и журналисткой, и тоже с предисловием преподавателя истории [8]. Объём сведений, приводимых в этих новых каталогах городских достопримечательностей, заметно вырос; появились новые фотографии, в том числе цветные. Покровителями города и области вместо коммунистической партии и советского пра-вительства там опять, как до революции, представлены Святые Фео-досий Печерский и Серафим Саровский (мощи которого недавно “чудесным образом обретенны в запасниках одного из музеев Ленин-града”). При этом умалчивается, сколько курских церквей и мона-стырей оказалось после революции разорено, чтобы некоторые пред-меты из их утвари оказались помещены в государственный музей. А вот фактических ошибок в новом справочнике стало побольше, чем мог себе позволить образованный краевед В.И. Самсонов (спутаны годы и места рождения многих “знатных земляков”). Да и стиль пи-сьма у старого краеведа выглядит не в пример литературнее, нежели тот “канцелярит”, на котором писаны новые путеводители (утверж-дающие, в частности, что “наша курская земля на протяжении веков была ареной борьбы русского народа с татарами, шведами, литовца-ми, поляками, немцами”; “куряне производят ... пищевые изделия” и т.п.).

Как представитель музея, В.И. принимал *участие в археологи-ческих экспедициях*. Полевым дебютом для него стали раскопки на городищах “Крутой курган” и “Царский дворец”, что возле обоян-ского с. Гочева (о дореволюционных исследованиях на этом комп-лексе археологических памятников шла речь в предыдущих главах диссертации). В советское время с идеей раскопок здесь выступил очередной директор Курского краеведческого музея М. Антимонов. В сентябре 1936 г. он писал в Московское отделение ГАИМК: “В связи с задачей представить период раннего феодализма возникает во

прос о дополнительных раскопках на указанной территории с целью тщательного изучения городища, главным образом его заселённой части, а не могильников, которыми по-преимуществу занимался профессор Самоквасов” [9]. За этим музейным заказом ясно просматривается идея Самсонова, мечтавшего пополнить свой отдел новым и зрелищным материалом. В помощь предполагаемой экспедиции музей обещал двух своих научных сотрудников.

В апреле следующего, 1937 г. учёный секретарь Академии С.П. Толстов и председатель ее комиссии полевых исследований А.В. Арциховский ответили Курскому музею согласием копать Гочевое (“Комиссия полевых исследований выделила для этой цели Б.А. Рыбакова и ... ориентировочную смету в 5 000 руб.”).

Таким образом, Гочевскую экспедицию возглавил “старший научный сотрудник Института истории АН тов. Рыбаков”, будущий академик и долгое время директор Института археологии АН СССР. А тогда замысел этого доцента МГУ возобновить раскопки на Курской земле поддержали не только указанный академический институт, но и ГИМ, и МГУ, где Рыбаков также сотрудничал. Часть денег и рабочих рук дал курский областной музей, с которым москвич заключил джентльменский договор о разделе находок (по заранее намеченным частям раскопа). Первый сезон гочевских раскопок состоялся в 1937 г. Он дал обнадеживающие результаты.

После чего Б.А. Рыбаков пришёл к выводу, что “Гочевское городище весьма интересный памятник, имеющий значение для решения ряда важных общих проблем и необходимо дальнейшее исследование его” — предпринять “раскопку полностью всей его территории, срез всех валов и пробную раскопку городища “Царский дворец”. Что и было сделано той же экспедицией в 1939 г. Результаты обеих сезонов отражены в архивированных отчётах Б.А. Рыбакова. Своеобразное резюме этих отчётов, местами даже более информативное относительно догадок начальника экспедиции об исторической интерпретации её результатов, содержит заметка “Древняя крепость славян. Раскопки в Курской области”, помещённая “Вечерней Москвой” 29 ноября 1937 г. Там, в частности, говорилось: “По-видимому, в середине XI в., когда в южных степях появились половцы, были приняты меры к укреплению городища. Древнее поселение, расположенное на крутом обрыве у р. Псёл, было обнесено ровом глубиной до 8 м. и валом, в сооружении которого были широко использованы дубовые плахи и глина. [...] Раскопаны 4 сохранившихся печи, ямы для хранения зерна, горшок с остатками пищи (зерна), глиняная сковородка с рыбьей чешуей, крючки рыболовные от 5 до 3 см. длиной. При раскопках обнаружено много чешуи от рыбы осетровых пород. Видимо, осетры часто заходили тогда в Псёл из Днепра. Ло-вилась

рыба и сетями. Об этом свидетельствуют найденные на городище глиняные грузила для сетей и костяная игла для их плетения”.

Подобный же итог своих раскопок Гочева Б.А. Рыбаков привёл и в своей капитальной монографии “Ремесло Древней Руси”, где применительно к данному памятнику говорится о пограничном укреплении Киевской державы в XI–XIII вв., с разноплемённым гарнизоном (северяне, радимичи, мордва). Что касается попытки Б.А. Рыбакова проследить предшествующий роменскому слой Гочева в IV–V вв. н. э. [10] и тем доказать автохтонность славянского заселения верхнего Псла, то это заключение не нашло столь же весомых подтверждений и было пересмотрено вскоре И.И. Ляпушкиным, датировавшим дороменский слой этого и других городищ Посеймья VII–III вв. до н. э. — культурой “скифов-пахарей” [11].

С тех пор *Гочевский комплекс археологических памятников* разных эпох неизменно привлекает к себе внимание исследователей. Среди них Б.А. Шрамко (Харьков), Е.А. Шинаков (Брянск), Е.А. и В.М. Горюновы, О.А. Щеглова (Санкт-Петербург), Ю.А. Липкинг (убедительно отождествивший Гочевские городища с летописным городом Римовым), Н.А. Тихомиров, А.Н. Апальков, Г.Ю. Стародубцев и А.В. Зорин (Курск) [12]. Вот уже почти сто лет полевое и монографическое исследование Гочевского микрорегиона приносят всё новые и важные для исторической археологии результаты.

В рыбаковской экспедиции Самсонов и другой научный сотрудник — Орловского музея Кирсанов наравне со студентами-историками из Москвы и Курска играли роли так называемых “наблюдателей”, т.е. маломальски грамотных и добросовестных надсмотрщиков за работой на “квадрате” раскопа крестьян-землекопов. В обязанности наблюдателя (по сути, младшего научного сотрудника наших дней) входила фиксация индивидуальных находок и первичное оформление полевой документации. Трудные будни и лучшие находки гочевской экспедиции он описал в ряде журналистских очерков. В отличие от многих других краеведов, никаких фантастических догадок с археологическим материалом этот автор не связывает. Однако и ничего от себя к переданному в курский музей и архив ГАИМК микроотчету “тов. Рыбакова” прибавить не может.

Судя по отложившейся в ГАКО “Научной переписке исторического отдела [КОКМ] по Гочевскому городищу”, Б.А. Рыбаков задумывал итоговое издание этого памятника (объёмом до 5 печатных листов) — “Гочевское городище и его могильник”. “Книжка, — по его мнению, — должна быть написана популярно (но не элементарно) и рассчитана на среднего массового читателя (учителя, студента, школьника старших классов и т.д.). Здесь должны быть даны некоторые общие сведения о славянах, их хозяйственном и бытовом укладе, специально сведения о

племени северян, населявших курскую область и обобщены данные о Гочеве как интереснейшем комплексе славянских древностей (городище, селище и курганы). Гочевский материал должен быть представлен большим количеством планов, разрезов, фотографий и рисунков вещей. Для могильника можно будет сделать сводную таблицу типов вещей (чтобы не повторять, как это делал Самоквасов, один и тот же [точнее — похожий — С.Щ.] рисунок десятки раз” [13]. Однако у автора гочевских ра-скопок руки до такой книги так и не дошли. Его литературный замысел довелось отчасти реализовать Самсонову в работе куда меньшего формата [14].

Очевидно, гочевские раскопки по каким-то причинам не принесли должного удовлетворения своему руководителю, поскольку дальше кратких отчётов о них он в специальном изучении полученных материалов не пошёл. Вспоминая на самом склоне лет, в момент своего почтенного юбилея свой творческий путь, вехи работы археолога-полевика, Б.А. Рыбаков, подробно перечисляя свои раскопки на местах 12 древнерусских городов, не упоминает Гочева; отсутствует такое упоминание и в обобщающей статье к его 90-летию [15]. Запомнилась маститому академику только подаренная ему судьбой в молодости именно в Гочеве “возможность видеть огромный ритуальный хоровод всех женщин и девушек села (около 150 человек), собравшихся перед полночью в честь праздника древних славянских богинь Лады и Лёли, покровительниц брака” [16] (как объяснил, должно быть, московский учёный самим гочевским хороводницам смысл их полуночного занятия. Подобная инверсия книжно-учёных представлений “обратно” в народное сознание характерна для процесса “вторичной фольклоризации” тех или иных исторических представлений, о чем уже говорилось в первой главе диссертации).

Надо заметить, что приезд столичного археолога в Чернозёмный край вплоть до 1950-х гг. был крайней редкостью. Начиная с революции и вплоть до окончания Отечественной войны для Курской области известны единичные посещения такого рода. Это уже упоминавшиеся выше рекогносцировки В.А. Городцова и Л.А. Мацулевича на месте обнаружения новосуджанского клада (1928 г.), разведки С.Н. Замятнина (1920-е гг.) и К.М. Поликарповича (1937) следов каменного века по течению Сейма.

Кроме того, в 1935 г. *экспедиция ГИМ под руководством Марии Евгеньевны Фосс* (1899–1955) [17] вела разведки и раскопки на дюнах р. Оскола у с. Шелаева близ г. Валук Курской (ныне Белгородской) области. Там оказались поздненеолитические стоянки (Шелаево I и II) с соответствующей керамикой и кремнёвым инвентарём, единичными вкраплениями бронзовых изделий (обломок булавки). В овраге у с.

Пристенъ обнаружены залежи похожего кремня. Руково-дательница экспедиции датировала находки II тыс. до н.э. и причислила их к “катакомбной культуре местного типа” [18].

Годом ранее, в 1934 некие сотрудники ИИМК вели охранные работы в зоне сооружения железнодорожной ветки от г. Старый Оскол до ст. Коробковой в Старо-Оскольском же районе (тогда в свою очередь входившего в Курскую область). После этой рекогно-сцировки в долине р. Оскол их отряд раскопал полуразрушенное же-лезнодорожным строительством поселение у с. Лукьяновки — вроде бы неолитической эпохи (кроме керамики обнаружены только кость-ные орудия) и так называемый Пьяный курган, содержащий 3 скор-ченных и 1 сидячее погребения с сосудами [19].

Попытки курских музейщиков продолжить столь удачно возобновлённые на их территории *раскопки* успехом не увенчались. “План археологического обследования Старо-Оскольского района на 1939 г.” остался на бумаге. Получить ассигнования не удалось даже при такой мотивировке: “... Раскопки ГАИМК дали хороший результат при раскопке кургана “Пьяный” у с. Лукьяновки, где были также найдены стоянки человека бронзового века. Отдельные находки ка-менных топоров и остатков керамики, при массовых и очень частых находках костей мамонта, носорога, оленя ...” [20].

На столь желанную для Палентологического института АН СССР добычу собиралась его сотрудница Е. Беляева. Однако и её переписка с М.Н. Матвеевко за 1938 г. [21] о возможности раскопок на курской земле кончилась ничем. Последнее сообщение из Курска московским палентологам уведомяло о находке неким К.К. Флеро-вым в Бобравском болоте почти целого скелета доисторического оленя.

Правда, в 1936 г. В.И. Самсонов вместе с Л.Н. Позняковым и несколькими юными помощниками раскопали *местонахождение ко-стей мамонта в Поньровском районе*, в 10 км. от ст. Золотухино, у д. Горяиновой. Шурф размером 4 x 4 м позволил открыть большую часть скелета древнего слона, однако почти все они превратились в труху и для музейной экспозиции мало чем можно было поживиться (при отсутствии методик консервации, позволивших позднее сохра-нять для науки палеолитические уники из курской земли) [22]. Сигналы из разных мест (Корочанского, Волоконовского, Дмитриев-ского, Льговского и др. районов) о находках остатков доисториче-ской фауны поступали в музей и в дальнейшем. Учтя все эти сообще-ния по архивным фундам музея в ГАКО, нынешние палеолитоведы могли бы значительно пополнить карту и каталог соответствующих местонахождений [23].

Не сбылись и планы продолжить раскопки Гочева. Такие пла-ны строил *Дмитрий Николаевич Эдинг* (1887–1946) — один из осно-вателей и

лидеров Московской секции ГАИМК, опытный археолог. Им, в частности, было раскопано Сарское городище в земле древней мери — памятник под стать Гочеву по своему историческому значению. “Пятый план работы музеев системы Наркомпроса РСФСР” содержит по Курской области на 1939–43 гг. пункты “Раскопки Гочевского городища”; а на 42–43 гг., кроме того, ещё и — “Разведки и раскопки курганов в Гочеве”; “Кадры — Д.Н. Эдинг”; “средства в рублях” — 21 000 руб. на пять лет. “Курский исторический музей” обосновывал такой план “пробелом в материалах по ранним славянам” [24] на своей территории. Пробелу этому суждено было ещё возрасти, в частности, под гусеницами немецких и советских танков, вдалась поутюживших Черноземье во время Курской битвы 1943 г.

Как видно, в 1930-х – 40-х гг. куряне имели маловато возможностей заново научиться полевой археологии. Тем замечательнее выглядит главный эпизод спорадического обращения Самсонова к практической археологии — *открытие* им знаменитой впоследствии на весь мир *Авдеевской стоянки* каменного века. Напомним, что следы человека палеолитической эпохи на территории Посеймья впервые были разведаны в 1905 г. киевлянином В.П. Каншиным в Курском уезде на берегу речки Рагозны и тогда же описаны в “Трудах” Курской ГУАК, экспонировались в музее наглядных пособий школ курского земства [25]. Хотя сообщение об этих находках (со справедливым на тот момент знаком вопроса) вошли ещё и в печатную сводку А.А. Спицына “Русский палеолит”, но приехавшим специально для разведок в ближней округе Курска известным археологам-палеолитчикам (С.Н. Замятнину из Воронежа в 1920-е гг., К.М. Поликарповичу из Минска в 1937 г.) сразу не посчастливилось подтвердить сообщения Каншина. Только разведка Самсонова 1941 г. вернула внимание ученых к прикурскому местонахождению эпохи камня. Приоритет Самсонова в открытии *Авдеевской стоянки* признан П.П. Ефименко и другими основоположниками советского палеолитоведения [26].

В нескольких верстах от того места, где в начале века вёл свои импровизированные и почти не документированные раскопки В.П. Каншин, а именно на окраине деревни Авдеевой, что км в 40 западнее Курска, принадлежащей тогда к Ленинскому району, крестьяне заметили в обрыве всё той же Рагозны, но уже неподалеку от её впадения в Сейм, торчащие после весеннего разлива кости крупных животных и обколотые камешки. Явно обработанные человеком кремни уже давно попадались им на дне ручья и в его подмываемых течением берегах. Местный бригадир *Иван Данилович Авдеев* не поленился выловить из воды кусок мамонтового бивня более полу-метра длиной и при очередной поездке в областной центр зайти в краеведческий музей рассказать о находке. 18 июня 1941 г. на грузо-вой машине музея в Авдеево прибыли Самсонов, Матвеевко

(тогда замдиректора музея по науке), опытный краевед, художник *Пётр Сергеевич Ткачевский* (1876–1945) (ранее директор Орловского музея, репрессированный по вышеописанному “делу краеведов ЦЧО”) и студентки ленинградского пединститута, проходившие при Курском музее практику — Паринова, Беньявская, Груздева. По дороге к этой “великолепной семёрке” присоединился бывший учитель здешней школы М.М. Буданов, учительствовавший затем в соседнем большом селе Дьяконове.

Самсоновская команда детально осмотрела береговой обрыв на окраине деревни и установила присутствие ископаемых костей во многих местах. Одно из них было ими зачищено, после чего обнаружилось скопление разных костей мамонта — лопатки, ребра, бивни, зубы, а также осколки кремня и даже готовые орудия из него (“в виде пластин с продольными широкими сколами, иногда с намёком на ретушь по краям”, как определил В.И.). Очищенные от мокрого песка кости сохранить почти не удалось — при высыхании они уже не выдерживали собственной тяжести от ветхости и при отсутствии консервантов. Зато все кремни, собранные и непосредственно в реке, и у колхозников по деревне, вместе с бригадирским бивнем достались музею (за вычетом нескольких костей, взятых учителем Будановым “как учебное пособие для дьяконовской школы”).

Кроме основной работы в Авдееве, Самсонов и его товарищи попутно осмотрели тогда же соседнее Липинское городище, известное археологам опять-таки с начала века, с раскопок там времён ГУАК — харьковского приват-доцента, курского уроженца В.Е. Данилевича (1872–1936) [27]. Хотя самсоновцы учёными званиями не блистали, но археология к тому времени шагнула вперёд и они, под натворив на раскопках Б.А. Рыбакова и других заезжих специалистов, гораздо лучше могли классифицировать подъёмный материал с Липина — скифоидного, роменского, древнерусского и позднесредне-векового типов. “Наличие керамики указанных типов, — почти верно заключил опытный Самсонов, — позволяет предположить присутствие тут человека с IV–V вв. нашей эры и до XVII в. Весьма желательна организация правильных раскопок” [28] городища и прилегающего к нему обширного селища, — добавлял он в отчёте о той поездке.

Третий объект тогдашней разведки — песчаные дюны правого берега Сейма на противоположном от “палеолитного”, северном краю Авдеевой. Бронзовая пластина, осколок кремня, скопления лепной керамики в пятнах культурного слоя на пространстве песка в несколько гектаров свидетельствовали о наличии ещё одного археологического памятника.

Как видно, поездка оказалась удачной. На всех зафиксированных тогда памятниках впоследствии велись настоящие раскопки. Ведь еще в 1940 г. в Курский музей поступил *запрос от начальника Деснинской экспедиции АН М.В. Воеводского* — о том, какие силы и средства музей может выделить ему в помощь, если он перенесёт работы в здешние края. “По Курской области предположено, — сулил Михаил Вацлавович, — провести, кроме археологической разведки по Сейму, небольшие раскопки на палеолитической стоянке “Сучкино” [ныне Октябрьское, под Рыльском, копавшейся ранее С.Н. Замятниным по сигналу из Рыльского музея — С.Щ.]. Кроме того, если хватит средств, то будет произведена поездка с целью предварительного обследования и описания остатков феодальных центров XI–XIII вв. Все эти работы имеют не только исследовательский интерес, но и дадут богатый материал для экспозиции” [29] музея, способного рискнуть частью своего денежного бюджета.

Будучи доцентом (в 1944–48 гг. единственным) кафедры археологии МГУ, Воеводский на оставленных в курских инстанциях бумагах подписывался профессором (на такой должности он, скорее всего, подрабатывал ещё в каком-то из московских учреждений). Курским музейщикам и областным начальникам показалось заманчивым предложение столичного ученого, какие редко появлялись тогда в провинции. Самсоновская разведка, должно быть, была связана с предложением известного археолога; её результаты “повышали акции” курского музея при договорённости с ним.

Но через три дня после того, как Самсонов составил свой отчёт о поездке в Липино и Авдеево, началась война. Только в августе 1946 г. Деснинская экспедиция во главе с Воеводским повела полно-кровную разведку в Авдеево. Первые же шурфы на месте довоенной находки обнаружили множество кремнёвых орудий разных форм; всё новые и новые кости мамонта, в том числе и обожжённые; вкрапления охры — типичного красителя, применявшегося древним человеком в эстетических и магических целях; следы кострищ. Стало окончательно ясно — место уникальное, где-то здесь находилось стойбище охотников на мамонтов.

Поначалу Авдеевская стоянка загадала археологам особо трудные задачи и ряд гипотез в связи с её культурным слоем оказались вскоре отвергнуты самими первоисследователями. Так, низменное положение места первых находок, вроде бы явно пойменное, заставило Воеводского сначала, на стадии шурфовой разведки искать террасу на противоположном, правом берегу речки, откуда якобы кремни и кости с настоящей стоянки мог снести вниз поток разлива. Однако, когда начавшимися в 1947 г. планомерными раскопками памятника оказались обнаружены вертикально вкопанные в материк крупные кости, главная загадка стоянки была разгадана. “Кости тщательно сфотографировали,

зарисовали и оставили на месте. Лишь ночью начальник приехал из города и пришел на раскоп. Долго сидел он при голубоватом лунном свете, вглядываясь в выступавшие из земли кости. Наконец, поднялся и сказал: “Нет, находки в Авдееве не переотложены. Вода не могла перенести кости, сохранив их в таком положении. Значит, перед нами стоянка древнего человека, здесь он жил” [30].

Терраса, на которой располагалось авдеевское поселение, оказалась предельно низкой, едва возвышающейся над современной поймой. Стационарные раскопки, начатые здесь 1947–48 гг. под руководством М.В. Воеводского, продолжались после его безвременной кончины в 1949 г. другим крупным палеолитчиком, ленинградцем А.Н. Рогачёвым. Затем, после длительного перерыва, с начала 1970-х гг. их возобновила в Авдееве ученица и коллега Воеводского по музею антропологии МГУ М.Д. Гвоздовер, к которой присоединился известный археолог из Ленинграда Г.П. Григорьев, а в последние годы — аспирантка Института археологии РАН, ныне кандидат исторических наук Е.В. Булочникова (Москва). Их усилиями, за четверть века практически ежегодных раскопок этот памятник получил международную известность в качестве одного из эталонов позднего палеолита Восточной Европы. Обнаруженные здесь материалы публиковались многочисленными статьями и несколькими монографиями упомянутых только что и других авторов; на базе Авдеева прошла международная конференция специалистов по каменному веку.

По времени и типологии инвентаря, планировке большого жилища Авдеевская стоянка ближе всего сопоставима с ещё более знаменитым памятником каменного века в южнорусском регионе — Ко-стёнками-I, верхним их слоем. Уникальный набор кремнёвых и костяных орудий; статуэток из кости и камня, включая прославленных “палеолитических венер” (из которых только у некоторых авдеевских более или менее проработаны лица); стационарные жилища, построенные с использованием больших костей мамонта в качестве опор; хозяйственные ямы и очаги — все эти открытия своевременно вводились в научный оборот и обогатили отечественное и мировое палеолитоведение. Не забудем — с лёгкой руки краеведа Самсонова, волею случая, да собственной энергии и научной подготовки оказавшегося у истоков изучения одного из самых замечательных памятников каменного века на территории России.

А он сам в тот, первый сезон стационарных работ в Авдееве, “попутно с раскопками вёл с жителями беседы на тему Великой Отечественной войны” [31] и записал для музея рассказы авдеевских женщин и подростков о том, как немецкие солдаты конфисковывали по деревне кур — методично, в каждом дворе по одной. А о том, как авдеевцы довольны наконец-то проложенной (немецко-фашистскими захватчиками) к их деревне от дяконовского тракта дорогой; как Авдеево несколько раз

переходило из рук Советской армии в руки вермахта и обратно, так что шальные пули ранили некоторых крестьян, полёгших в разгар боёв по своим хатам под кроватями, дотошный краевед, конечно, в своих записках не распространялся.

Материалы авдеевских раскопок с тех пор стали одним из коньков Самсонова — экскурсовода и экспозиционщика. Например, сценарий его тематической экскурсии “Курские крестьяне до февраля” [1917 г.] начинался так: “Цель экскурсии — показать основные события истории крестьян на территории Курского края и дать марксистское объяснение их. Древнейшие следы человека на территории Курского края — Авдеевская палеолитическая стоянка. ... Это первобытное общество, жившее около 40–50 000 лет тому назад [Датировка Авдеевской стоянки сначала завышалась, а потом занижалась исследователями. “Вновь полученные радиоуглеродные даты для I слоя Костёнок-I и Авдеева — порядка 23 000 лет до наших дней ... ближе к истине ...” [32] — С.Щ.] послужило этнической основой, из которой приблизительно к середине I тыс. н.э. тут же, на Русской равнине, в частности в долине Сейма сложилось славянство” [33]. Далеко не всякая область СССР могла в годы позднего сталинизма похвастаться столь солидными аргументами против космополитизма!..

Старый краевед жалел, что московские археологи увезли с собой почти все находки из Авдеева и в экспозиции Курского музея, кроме одного скопления лучше сохранившихся мамонтовых костей, остались только рисунки и муляжи замечательных скульптурок, каменных и костяных орудий, изготовленных охотниками на мамонтов. Однако интересы большой науки, резоны столичных археологов и антропологов Самсонов понимал и уважал, как никто другой в Курске. Все сообщения о находках ископаемых древностей им и впредь тщательно протоколировались и доводились до сведения столичных исследователей и коллег-музейщиков соседних областей. К примеру, узнав о случайном обнаружении древних погребений с множеством глиняных сосудов в Шаталинском районе Воронежской области около с. Солдатского, он не поленился сообщить об этом телеграммой Воронежскому областному музею [34]. На все переданные в музей случайные находки древностей следовала письменная благодарность. Вроде следующей: “Передачей находки [каменного топора из оврага на берегу р. Сновы близ с. Матвеева Поныровского района] музею, где её смогут видеть широкие массы трудящихся, ученик Петьков проявил большую сознательность и культурность. Пусть его примеру следуют все. Только таким путем можно создать музей, который правильно покажет прошлое и настоящее нашего края” [35].

По бедности своего бюджета музей и при Самсонове далеко не всегда мог приобрести интересные экспонаты, если владельцы назначали им некую цену, даже невеликую. Так, не состоялась сделка с археологом-любителем А.Н. Александровым, предлагавшим в 1937 г. передать музею коллекцию каменных орудий и до 70 “камней с изображениями” (мамонта, льва, пещерного и обыкновенного медведей, волка, леопарда, зубра, тура, лошади, кабана, козы, орла, совы и др.). Эти древности, по его уверению, происходили “со стоянок каменного века близ Курска” [36]. В обмен на эту коллекцию находчик просил музей возместить ему расходы на восьмимесячное обследование этих памятников, во время которого он жил закладом облигаций и продажей личных вещей. Трудно сегодня сказать что-то о подлинности упомянутых артефактов, хотя еще в 1910-е гг. этот же самый, судя по всему, Александров производил согласованные с ИМАО разведки по Сейму, в том числе и на неолитических памятниках [37]. Нельзя исключить, что какие-то каменные изделия он мог найти вслед за В.П. Каншиным и под Курском, в частности, на р. Рагозне, в районе Авдеевской стоянки. Не его ли самодеятельным раскопкам мы обязаны полным исчезновением умрихинского местонахождения мамонтовой фауны и кремня?

Письма Александрова в Академию наук о необходимости раскопок в обнаруженных им местах скопления каменных орудий остались без последствий, несмотря на вежливый ответ акад. И.А. Орбели, обещавшего прислать специалиста для экспертизы столь экзотичных находок, но так и не приславшего. Коллекция Александрова ушла обратно в неизвестность. А палеолитические памятники в дальнейшем не раз открывались и в самом Курске, и на территории области. На примере этой, так и не состоявшейся сделки частного коллекционера с государственным музеем хорошо видно, как много исторических древностей, в том числе беспрецедентно для науки и культуры новых и ценных, пропало без возврата по разным объективным и субъективным причинам.

Когда же появлялась реальная возможность заняться полевой археологией, Самсонов её обычно не упускал. Ему в дальнейшем довелось копать вместе с П.И. Засурцевым Липинское городище (1953 г.), с А.Е. Алиховой-Воеводской Кузину гору (1956 г.), верой и правдой помогать другим заезжим на курскую землю экспедициям. Как ни странно, пройдя вполне достаточную для самостоятельного получения открытого листа на право производства раскопок, а тем более разведок полевой практику, Самсонов так и не стал археологом — не отважился на проведение самостоятельной экспедиции. Романтика раскопок не сумела “отравить” его души — в отличие от некоторых других поначалу неспециалистов, пришедших до и после войны в полевую археологию (хотя бы его преемников в Курском музее по собственно археологической части —

Ю.А. Липкинга, Н.А. Тихомирова). А этот краевед был и остался изыскателем кабинетного профиля, индивидуального стиля.

Выполняя полный объём музейных обязанностей, В.И. не ограничивался ими. Довольно долго, с сентября 1945 по июль 1952 он ведёт специальный *курс лекций и практических занятий по истории Курского края* по истории Курского края для студентов педагогического института (“на 3 и 4 курсах истфака и на заочном отделении в должности старшего преподавателя”). До и после этой почасовой на-грузки он же проводил экскурсии на темы истории СССР для уча-щихся областного центра и приезжих из районов, руководит школь-но-студенческим краеведческим кружком. “В этой работе, — согла-сно характеристике первого и на протяжении 20 лет бессменного декана истфака КГПИ Александра Александровича Лямзина, — Самсонов проявил свою научную и методическую подготовленность к такого рода занятиям” [38]. Когда же факультет пополнился моло-дыми и дипломированными кадрами, от педагогических услуг совме-стителя-краеведа с досоветским образованием вежливо отказались.

Зато ему всегда были рады во Всесоюзном обществе распро-странения научных и политических знаний (позднее получившем имя “Знание”, а сатирическом фильме Э.А. Рязанова “Карнавальная ночь” так и называвшегося “Обществом по распространению”), отде-лах агитации и пропаганды обкома и райкомов. По их путёвкам Самсонов частенько выступал с лекциями в школах города, перед “трудящимися из районов”.

Самым различным краеведческим темам посвящены его много-численные *публикации в областной печати*.

Газетные статьи с начала и до конца российского краеведения были главной формой публикации его результатов. У этого автора они по большей части представляли собой вполне добротные компи-ляции из разных печатных источников. Как например: “Н.Х. Рыба-ков (или М.С. Щепкин) — курянин, выдающийся актер”; “Пушкин (или Белинский, Гоголь, Чехов) и Курская область”; “Куряне — строители первого русского флота”; они же — славные “первооткры-ватели Русской Америки”; “О курских соловьях”, “К 30-летию освобождения Красной Армией Курска от деникинских банд” [39]; и многие т.п.

Творческий, исследовательский элемент содержали *историче-ские очерки Самсонова*, посвящённые XVII–XVIII вв. местной ста-рины. Это опубликованные им этюды о Коренной ярмарке, старых городах Курской земли и оставшиеся в архиве краеведа конспекты его лекционного курса по истории Курского края; статьи о курских крестьянах-отходниках; общественном и революционном движении в губернии на протяжении XIX в.; по истории Коренной пустыни, села Моквы, города Щигров; фотографии и тексты для макета альбома “Курск в прошлом и настоящем”

[40]. “Две монографии из эпохи войны 1853–1855 гг. вышли отдельными брошюрами”, — с гордо-стыю отмечал В.И. в “Личном листке члена научно-исследовательского общества изучения Курской области”.

В этих работах использованы как опубликованные, так и архивные документы о положении разных социальных слоёв, состоянии отдельных отраслей экономики, политических и культурных событиях на территории края. Солидные возможности Самсонова-источника демонстрирует его главная публикация на исторические темы — “Дневник курского помещика И.П. Анненкова” за 1745–1766 гг. Обстоятельства этого издания весьма показательны для краеведческого стиля исторических изысканий вообще, его сильных и слабых сторон в ту пору.

Манускрипт, “дающий новый материал по экономической, социальной и культурно-бытовой характеристике крепостного хозяйства второй половины XVIII в.” [41] оставался неизвестен полтора года спустя своего создания. От окончательной гибели его спас просвещённый чиновник, помощник председателя Курского Губстаткомитета В.В. Лапин. Он писал в справке, датированной 15 октября 1902 г.: “Журнал этот найден мной в груди старых полуистлевших от времени книг и рукописей в чулане под лестницей Курской классической гимназии, где всё это оставалось нетронутым около 60 лет. Найденные при этом книги пожертвованы мной в библиотеку Императорского Харьковского университета” [42], поскольку своего древлехранилища в Курске тогда ещё не было. А самую ценную находку — рукописный журнал, заполненный витиеватой скорописью XVIII столетия, практически не читаемой без специальных навыков палеографии, подарил библиотеке курского ГСК. Оттуда дневник перешёл в музей при ГУАК, а вместе с ним после революции — в областной краеведческий музей.

Намерение первооткрывателя издать “Дневник” в одном из выпусков “Курского сборника” Статистического комитета не осуществилось. Очевидно, из-за сравнительно большого объёма текста и трудностей его расшифровки, перевода на современный русский язык — рукопись местами читается очень плохо даже специалистом-историком в связи с изменениями в почерке автора и повреждениями бумаги. Если бы не Самсонов с его знаниями, ответственностью и педантизмом, лежать бы уникальному документу в запасниках областного музея ещё не один десяток лет. Причём, как нам не раз приходилось с сожалением отмечать на страницах этой работы, не всё в музейных фондах с годами сохранялось, кое-что по разным причинам исчезает безвозвратно для музея и, значит, потомков. Отсюда очевидно, как важно для региональных историков сочетать поиск и хранение древностей с их усиленной публикацией, введением в научный оборот. В советский период развития отечественного краеведения публикаторская функция областных музеев и

высших школ заметно отставала от экспедиционной и хранительской. В.И. Самсонов же заново открыл уникальный “Дневник” и решил довести его до читателя. О Лапине и его роли в спасении документа советский краевед предпочёл не упоминать, хотя и знал прекрасно. В самсоновских комментариях на сей счёт сказана полуправда: “О его [“Дневника” — С.Щ.] судьбе после 1766 г. сведений нет” [43].

Отмеченное прегрешение Самсонова перед историографией сто-крат перекрывается его поистине титаническим трудом по переводу, а местами прямо по дешифровке текста, его очень тщательной и грамотной реконструкции.

Иван Петрович Анненков (1711–1784) — курский дворянин, губернский предводитель дворянства. Выйдя в отставку после офицерской службы, посвятил себя помещичьему хозяйству на родине. За 40 лет личного управления своими имениями устроил их земельную площадь. На протяжении многих лет он вёл обстоятельный дневник различными событиями личной и общественной жизни, прежде всего по хозяйственным вопросам, но не только. В записках Анненкова удивительно подробно, толково и разносторонне отразилось помещичье хозяйство того времени, крепостнические порядки и повседневная жизнь в нём; многие политические события и культурные веяния в понимании просвещённого представителя провинциального дворянства. Согласно этим дневниковым материалам Самсонов составил выразительные таблицы урожайности и структуры посевных площадей по 18 видам сельскохозяйственных культур; вывел статистику побегов и наказаний крепостных крестьян в анненковском — довольно типичном поместье. Получившиеся схемы дополнили музейную экспозицию.

Для сквозной темы настоящего исследования — о знатоках местных древностей, их вкладе в провинциальную культуру России — стоит ретроспективно отметить историографические наклонности автора характеризуемой сельской хроники. Отставной военный и рачительный помещик, И.П. Анненков, не жалея на то денег, собрал богатую библиотеку, а при ней ещё и архив документов, для чего заказывал писцам “списывание степенных книг” и прочих старинных рукописей XVII–XVIII вв., встреченных им и его контрагентами в церквях, монастырях, чиновничьих присутствиях, частных домах. Упомянувшийся выше, в 3 главе диссертации прокурор С.И. Ларионов, на краеведческом досуге составивший и первым опубликовавший “Описание Курского наместничества”, значительную часть материалов для такового почерпнул с любезного разрешения Анненкова из его библиотеки и архива.

Образцово, согласно всем палеографическим правилам подготовив “Дневник” к печати и составив комментарий к нему, Самсонов предложил рукопись своего труда вниманию сектора публикации исторических

источников Института истории СССР АН. Там на вне-плановое издательское предложение отозвались весьма доброжелательно, помогли краеведу закончить работу — палеографическими советами и материалами. В.И. почему-то отказался от предложения московских ученых самому написать предисловие к документу. Это право он переуступил своему покровителю из педагогического института доценту Ф.И. Лаппо (1904–1986), достаточно известному советскому историку [44]. Тот с задачей справился наилучшим образом и “Дневник курского помещика” довольно скоро вышел в свет в солидном академическом издании, пополнил источниковедческий репертуар отечественной истории-новостики.

Как видно из всего сказанного о В.И. Самсонове, он оказался хорошо подготовлен к роли ведущего в области специалиста по краеведению, которую ему явочным порядком присвоили партийные и советские органы Курска 1940-х – 50-х гг. Местный материал, к тому же исторический, всегда ценился коммунистами в их пропаганде и контрпропаганде. Первые краеведческие сборники областного издательства обязательно включали в себя очерк Самсонова “Из прошлого Курского края”. Начала подзаголовка — “с древнейших времён ...” — сохранялось во всех вариантах, а окончание варьировалось — “... до 1917 г.”, “... до разгрома Деникина”, “... до победы в Великой Отечественной войне” [45].

По заданию обкома партии наш краевед готовит первую часть важного по здешним масштабам издания, посвященного систематическому изложению истории областного центра. Самсоновский раздел: “Курск — древний русский город” переиздавался несколько раз, послужил отправной точкой для аналогичной по теме и жанру, но археологически куда солиднее подкреплённой работы Ю.А. Липкина [46]. Этот печатный материал получил наибольший доступ на школьные и вузовские уроки истории, его широко использовали в лекционно-просветительской работе среди курян, проводившейся обществом “Знание”.

Ранние издания обобщающей и в целом добротной работы Самсонова-краеведа несут на себе “родимые пятна” менявшейся идеологической обстановки в стране. Вот, скажем, этот человек, в теории и на практике прекрасно знакомый с русской археологией своего времени, ничтоже сумняшеся пишет по заданию лекционного бюро Курского областного отдела культпросветработы: “Наша наука разрушила немецкую “теорию” о том, что славяне откуда-то пришли в занимаемую ими теперь страну и что этот приход совершился совсем недавно — в первом тысячелетии нашей эры. Отсюда делался вывод: если славяне пришельцы, то и изгнать их и завладеть их землей не представит большой исторической несправедливости. ... Нет, отвечает немцам наша наука,

славяне ниоткуда не пришли, они исконные местные жители, они издревле владеют своей землей и ни вершка её никому не отдадут” [47].

Человек, копавший вместе со столичными археологами и палео-лит, и причерноморскую античность, и скифов, и посеимских ромен-цев, и древнюю Русь, утверждает в 1945 г., будто для Курской земли “нет никаких указаний на внезапную, бурную смену одной культуры другой культурой” и находит “краеугольные камни в создании сла-вянства” среди охотников на мамонтов древнекаменного века [48]. Ссылки на бывшего академика Н.Я. Марра и будущего академика Б.А. Рыбакова показывают вторичность такого рода попыток подкрепить “националистический миф, — который, согласно точному разъяснению А.А. Формозова, — у всех народов более или менее одинаков: наш народ чрезвычайно древний, сложился именно там, где живёт сейчас, и отличается высочайшим уровнем культуры, государственности, воинскими подвигами и т.д.” [49].

Впрочем, курские краеведы были далеко не одиноки в своем намерении “прислониться” к столь могущественной в своё время идеологической опоре. Так, некто И.М. Ионенко в статье “Об исторических условиях превращения курско-орловского диалекта в основу русского национального языка” писал: “При изучении условий возникновения курско-орловского местного диалекта необходимо учитывать ту племенную основу, на которой некогда сложилось население южных областей Русского государства” [50]. А “изучение этой племенной основы по вещественным памятникам является одной из задач советских археологов. — Подтверждала тогда же замечательная исследовательница Т.Н. Никольская, чьи научные интересы как раз и склонялись “к изучению древностей Орловского края” [51].

На примере “палеолитических славян” поучительно лишний раз продемонстрировать зеркальное единство тоталитарного мышления в сталинской России и гитлеровской Германии. По беззастенчивым словам Гимmlера, “если государство или партия высказывают какое-либо мнение в качестве желательной отправной точки для научных исследований, то оно просто должно считаться научной аксиомой и не допускать никаких кривотолков, а тем более злонамеренной критики. Нам всё равно, так ли в действительности происходила древняя история германских племён или иначе. ... Единственное, что касается нас и за что мы платим этим людям — исторические представления, укрепляющие в нашем народе столь необходимую национальную гордость. ... Первобытная история — это наука о выдающемся значении немцев в доисторическую эпоху” [52].

Соответственно, для советских учёных и краеведов того же времени “этнополитические исследования в области археологии, основанные на учении И.В. Сталина о нации, служат сильнейшим оружием в борьбе против человеконенавистнических построений расистов всех

мастей из реакционного буржуазного лагеря” [53]. Наивное преувеличение В.И. Самсонова о выдающейся исторической роли славян, более того — именно курян ещё в эпохи камня и раннего металла до сих пор резонирует в некоторых краеведческих изданиях (См. историко-краеведческие сборники под редакцией профессоров курских вузов Б.Н. Королёва, Л.С. Полнера, А.Ю. Друговской 1990-х гг. издания, цитировавшиеся нами выше).

Гораздо хуже квасного патриотизма “поклёвка” советского кра-еведа на антисемитские настроения властей предержавших, достигшие апогея в период пресловутой кампании борьбы ВКП(б) с “безродным космополитизмом”. Очередной, за 1952 г. очерк Самсонова о прошлом Курского края, уже очищенный от охотящихся на шерсти-стых носорогов и овцебыков “славянских крестьян”, завершается объяснением продовольственного кризиса 1914–16 гг. в России про-исками спекулянтов, якобы в основном евреев. В Курске-де “просла-вился” спекулянт Волга Мануил Гальмович, имевший на своих скла-дах в одном только Белгороде до 20 000 кулей муки и переправляв-ший её частями в города на “чёрный рынок” и даже за границу, тогда как местное население не получало назначенных нищенских выдач” [54] хлеба.

Реалистично выглядящий фактик предреволюционной истории получал зловещее звучание на закате сталинской диктатуры. “1948–53 гг. были для наших музеев трагическим периодом. — Вспоминает старейшая сотрудница Государственного Исторического музея. — ... Директорам центральных музеев было тогда приказано покончить с засорением кадров. Многие директора сопротивлялись: они ценили деловые качества сотрудников, а национальность их не беспокоила” [55]. Заведующий же отделом истории Курского музея напротив решил, как видно, ненавязчиво усилить беспокойство начальства национальным составом кадров — при помощи сомнительных исто-рических аналогий. И это сразу после войны, когда немцы убивали евреев и в Курске, и в других оккупированных районах первыми. И в то время, когда советские власти, судя по всему, готовили массо-вое интернирование уцелевших после войны евреев по примеру дру-гих репрессированных Сталиным народов.

В качестве образного комментария к описанной ситуации приве-дём известный отрывок из сочинённой в те же годы пьесы Е.Л. Шварца “Дракон”:

“Генрих. Но позвольте! Если глубоко рассмотреть, то я лично ни в чём не виноват. Меня так учили.

Ланцелот. Всех учили. Но зачем ты оказался первым учени-ком?..“ [56].

Здесь же уместно продолжить философскую цитату из начала этой главы: “Даже на фоне относительно благополучных обществ, когда речь не

идёт о голодной жизни или насильственной смерти, ответственность обывателей оказывается достаточно высокой. ... Мы испытываем не удовлетворение, а ужас, когда видим последствия своих в общем-то социально и рационально оправданных действий, оказавшихся частью какой-то большой игры, которую, если разбираться, никто из людей не планировал” [57].

Надо ли говорить, что хрущёвская “оттепель” научила В.И. Самсонова гораздо более объективной подаче краеведческих материалов. Очищенные от чужеродной примеси политических инсинуаций, его публикации продолжили свою полезную службу всем, кто интересовался прошлыми веками Курской земли.

В 1959 г. исполком Курского областного Совета назначил В.И. персональную пенсию пожизненно в 500 руб. ежемесячно (что равнялось тогдашнему окладу жалования директора завода или же профессора высшей школы и позволяло вести безбедное существование, особенно в провинции). Ушедший на покой старший научный сотрудник продолжал систематически навещать музей, консультировать его сотрудников, выступать перед учителями и школьниками, писать газетные заметки на краеведческие темы. Но на продолжение и завершение исторических исследований на восьмом десятке лет у него не оставалось сил. В 1964 г. Владимира Ивановича Самсонова не стало.

* * *

Вдова заслуженного музейщика и краеведа получила выражения соболезнования разных лиц и организаций. От имени коллектива Московского научно-исследовательского института музееведения А.М. Разгон писал: “Владимир Иванович всю свою жизнь посвятил музейному делу, которое горячо любил и хорошо знал. Благодаря его неустанным трудам в Курском музее был создан отдел дореволюционной истории. Эта экспозиция во многих отношениях стояла и стоит в ряду лучших экспозиций краеведческих музеев.

Вся жизнь Владимира Ивановича являлась примером подлинного служения науке. Его многочисленные исследования, экскурсии отличались научной глубиной и изяществом формы, поэтому они всегда оставляли неизгладимый след” [58].

Трудно придумать лучшую эпитафию последнему курскому краеведу из дворян, первооткрывателю палеолитического Авдеева, публикатору замечательного манускрипта по истории Отечества Владимиру Ивановичу Самсонову. В сложных условиях тоталитаризации науки и культуры он продемонстрировал лучшие образцы комплексного источниковедения и музейного экспозиционирования древностей разных

эпох краевой истории. А главное — целостность коллекций в хранилище своего музея. Как ни странно, но упоминавшиеся выше утраты отдельных единиц хранения (особенно драгоценных), путаница коллекций, произвольная переписка инвентарных номеров на вещах из фондов ГАКО начались не в годы войн и смут, в относительно спокойные 1970–80-е гг. — когда на смену “старой гвардии” музейщиков пришли сотрудники с послевоенным советским образованием и воспитанием. Отдельные уступки идеологической злобе дня, проявленные в своё время В.И. Самсоновым на поприще исторического краеведения, отнюдь не заслоняют научной и культурно-воспитательной ценности его печатных работ и методик популяризации важнейших страниц регионального прошлого. Жизненный и творческий опыт этого человека демонстрирует определённую автономность и долговечность познавательно-практического содержания краеведческой деятельности по сравнению с её же идеологической формой, меняющейся вместе с политическими режимами [59].

§ 4. Ю. А. Липкинг — первооткрыватель областных древностей

Одним из несомненных достижений Ю.А. Липкинга как археолога является оправдавшая себя попытка осветить особенно “тёмные” для древней истории юго-восточной лесостепи Европы — VI–VII века н. э., найти здесь памятники промежуточные, связующие между самыми ранними предположительно славянскими культурами здесь и культурами несомненно восточнославянскими. Раскопанные им с экспедицией педагогического института и краеведческого музея бескурганые могильники с трупосожжениями у хутора Княжий под Суджей и села Лебяжьего под Курском как раз и относились к искомым — “туманным” для археологической науки столетиям древней истории Днепровского Левобережья.

По условной аналогии можно сказать: сам *Юрий Александрович Липкинг* своей колоритной личностью, импозантной фигурой заполнил добрую треть века, целый период курского исторического краеведения — 1950-е – 1970-е гг. На протяжении всех этих лет он стал и пребывал ведущим в этой области специалистом по археологическим древностям, автором единственно доступных широкому читателю систематических обзоров первоначальных веков местного прошлого.

А ведь все послевоенные десятилетия для исторического краеведения оставались достаточно сложными, если угодно — действительно застойными. Традиции высококвалифицированного, культурного краеведения 1910-х – 1920-х гг. в итоге истребления его лучших

представителей так и не восстановились в прежнем объёме даже с окончанием сталинского режима. Отдельные заинтересованные и понимающие любители старины (вроде В.И. Самсонова или Л.Н. Познякова) в те годы делали, что могли для популяризации здешних древностей, однако кое-что прибавили к их изучению, однако заметного шага вперёд в этом так и не сделали. Когда же и эти “последние могикане” просвещённого краеведения из довоенных поколений, с настоящим университетским образованием мало-помалу сошли с его сцены, на всю Курскую область остался один Ю.А. Липкинг. Он — неповторимый уже, как видно, представитель и романтик широкого, почти энциклопедического поиска, изучения, пропаганды областных памятников древней истории и археологии.

Биографические сведения о Ю.А. Липкинге с его собственных слов успела собрать и опубликовать Курская областная библиотека им. Н.Н. Асеева в виде “памятки читателям” [1]. А личный фонд писателя в ГАКО содержит такую справку, написанную его дочерью: “Родился [26 декабря — С.Щ.] 1904 г. в Виннице, в семье военного. Учился в гимназии, но не окончил [её]. После революции работал грузчиком, молотобойцем, золотоискателем, лесорубом; затем стал учителем; окончил заочно пединститут в г. Орджоникидзе в 1940 г. Перед ВОВ [так в тексте — С.Щ.] работал директором школы Новом Осколе. В 1942 г. ушел добровольцем на фронт [до того не был призван по состоянию здоровья], был автоматчиком [автоде-сантной роты] мотопехоты; тяжело ранен под Сталинградом, [после излечения признан негодным к строевой службе и работал в эвако-госпитале в качестве инструктора-пропагандиста, начальника клуба; весной 43 г. снова добровольцем вернулся в действующую армию], контужен под Курском [после чего окончательно списан в запас]. С 1944 по 1951 — [по путёвке Курского обкома ВКП (б)] преподаватель географии Курского суворовского училища, затем работал в школе № 13, позже [с 1963 г. штатно, ранее по совместительству —] — в Курском пединституте старшим преподавателем [сначала географии и геологии с почасовой оплатой, потом истории на заочном отделении и, наконец, на отделении очном — С.Щ.] археологии. ... Умер в 1983 г.” [2].

На первый взгляд, согласно советскому клише, — “обыкновенная биография в необыкновенное время”. Как писал сам Ю.А. Липкинг, “в нашей стране всем открыт путь в большую науку. В частности, и в археологию” [3]. Казалось бы, не таков ли пройденный им самим путь батрака и старателя на золотом прииске, конторщика и учителя таёжной школы в учёные и писатели? Да и какое вообще отношение имеет событийная канва личной жизни к научным да художественным занятиям человека? Об это можно судить по-разному, но многое в складе мыслей и чувств столь разносторонней личности останется недопонятым,

несопрочувствованным нами, если ограничиться дозированной им самим правдой о жизни и судьбе.

В 1968 г. он шлёт подборку своих стихов военной тематики (явно не лучших, на наш вкус, в его литературном творчестве) К.М. Симонову с просьбой “посмотреть”, а может быть и “куда-либо рекоммендовать” их. Представляясь маститому литератору, любимцу читателей и фавориту партийных вождей, редактору “Нового мира”, Липкин лапидарно отмечает: “Анкетные данные? Не судим. Русский. Образование высшее. По специальности бродяга-археолог. Разведываю, копаю, преподаю археологию в институте” [4].

В этих скупых строках всё — так и одновременно — совсем не так.

Не судим? С 1930 по 1940 гг. будущий археолог провёл в основном в Сибири в занятиях отнюдь не академических. “Туда потянула романтика” — пояснял он впоследствии любознательным читателям. Но в душевных разговорах с приятелями у экспедиционного костра раздругой промелькнули у него упоминания тех мест, дальше которых ему до войны “нельзя было на материк”. Даже по его “Личному листку по учету кадров” [5] из архива КГПИ видно, как именно в 1930 г. Юрия оторвало от Каменца-Подольского, где жили родители, от начавшейся было карьеры юриста (“член коллегии защитников”) и пошло носить по разным углам Союза и местам работы: 1930–32 гг. — г. Могоча, Восточно-Сибирский край (современная Читинская область), “Союззолото”; 32–34 — п. Юхта там же, средняя школа, юрист; 34–39 — станица Ассиновская Чечено-Ингушской АССР, завуч средней школы; 39–40 — опять школа, только в с. Нижнее Смородино Курской области; 40–42 гг. — директор школы в г. Новом Осколе Курской области, ставшей в конце концов его второй родиной.

Так что если и не сидел он в концлагере, то уж по всей видимости выслан на спецпоселение “в места весьма отдалённые” оказался. Слишком уж виктимная у него выходила по раннесоветским временам родословная. Его отец — старший офицер царской армии (по непроверенным сведениям — генерал от артиллерии) А.Ю. Липкин (последняя буква фамилии его сына — “г” оказалась якобы добавлена непонятливым писарем при оформлении паспорта вместо устаревшего “ъ” — “ера”; не исключим и сознательную маскировку происхождения со стороны обладателя этого паспорта). В 1914–16 гг. Липкин-старший якобы (по тем же переданным нам близкими к этой семье людьми слухам) воевал при штабе командующего 2-й армией генерала А.В. Самсонова; награжден знаком отличия Георгиевского ордена; после революции преподавал в военном училище и средней школе; скончался в 1932 г. Мать Юрия Александровича — учительница, умерла в эвакуации в Ташкенте в 1942 г. Кроме Юрия, в семье было еще четверо детей: Владимир (полковник, выпускник Акаде-

мии Генерального штаба); Александр (полковник артиллерии, после поражения Белого движения вроде бы эмигрировал в Болгарию); имя третьего брата — писателя, осталось нам неизвестным; их сестра Наталья (замужем за начальником Главсевморпути, репрессирована вслед за супругом в 1937 г.; имея накануне ареста годовалого ребёнка, отбыла в лагере почти все отмеренные ей 25 лет). За таких-то родственников, и без какой-то добавочной вины Юрия просто должны были на заре советской власти репрессировать, если не по судебному приговору, то согласно решению внесудебного органа — “тройки” или “особого совещания”.

Надо сказать, все его сверстники, кто пережил нацистский или советский плен, крайне редко вспоминали вслух пережитое. Многие постарались навсегда замолчать, вычеркнуть из своей и чужой памяти подобный провал в своей биографии. Население СССР пребывало в убеждении, что советская власть в России навечно. Официальная реабилитация или хотя бы снятие судимости в более безопасные 1960-е подводили под такую тайну юридическую базу. Только горба-чёвская гласность развязала языки некоторых из выживших лагерников. Феномен “онемевшей в людях истории” — яркая примета социальной психологии истекающего века. Впрочем, тюремно-лагерный опыт, как сформулировал В.Т. Шаламов, — исключительно отрицательный, так стоит ли вообще его вспоминать?

С реальной (большей в сталинские, меньшей в хрущевские, брежневские времена) опасностью при жизни Липкинга оказывалась связана также национальность человека. Особенно педагога и научного работника, как Ю.А. Русский? В общем, да — не он один, а большинство выросших и живших в РСФСР людей чувствовали себя русскими; говорили, писали и думали на русском языке. Допустим, еврей по отцу, русский по матери сплошь и рядом назывался и даже писался в паспорте русским. В конце концов, этническая принадлежность определяется прежде всего именно самосознанием личности, а не какими-то органическими характеристиками человека. А внешне-сть у Липкинга в любом возрасте оставалась вполне мужественная, так сказать, европеоидная.

Симптом шовинистической эпохи: Ю.А. всячески подчеркивал свою русскость. Избрал безупречный в этом плане литературный псевдоним: “Юрий Александров” (по фамилии матери? имени отца?). Своего художественного alter ego, рассказчика археологических романов назвал Дмитрием Павловичем Русавиным (В черновиках даже Димитрием — на сторорусский манер, вошедший в древо-люционный официоз). А “настоящую” свою фамилию перевел как-то своим студентам, якобы с немецкого (идиш?): “Либер кинг — любимый король”.

По специальности своего диплома Ю.А. вовсе не археолог, а преподаватель географии, физической и экономической. Учить де-тей, наставлять юношество он любил и умел. Даже гордился своим умением воспитывать ненавязчиво, попутно с каким-нибудь делом или отдыхом. О школе, учителях и учениках — большая часть его оставшегося в рукописях литературного наследия. Картины нелёгких, но вроде бы счастливых будней учителей сельской школы, их романтической любви безуспешно предлагались им курской и воро-нежской сценам в виде “лирической пьесы в пяти картинах” — “Ста-рые лебеди” [6]. Разросшийся цикл рассказов примерно о том же составил объёмистую рукопись “Великие романтики” — “повесть о хорошем пионерском лете”, советских Томах Соьерах и их вожатых — “романтиках педагогического труда” [7], согласно авторской ан-нотации. Удалось поместить в учительском журнале [8] только одну из многих глав повести, замышлявшейся автором как начало дилогии “В великом походе”.

Наряду с тёплой лирической интонацией, живыми зарисовками достаточно интимных чувств и отношений, в художественной прозе Липкинга встречаются сомнительные со стилистической и даже нравственной сторон врезки, явно чужеродные авторским гуманизму и толерантности места. Вроде навязчивого мотива задержания в курской глубинке злодеев-вредителей или же яро-атеистических выпа-дов против религии. Вот, например, бдительные герои-романтики од-ного из прозаических произведений этого автора задерживают некое-го политического правонарушителя. Тот вспоминает, что “ведь суще-ствует определённый порядок, революционная, так сказать, законно-сть.

Все опять засмеялись.

Видите ли, — спокойно пояснил Степан Иванович. — ... Не всегда жизнь послушно укладывается в приготовленные для неё формочки. Конечно, глаже бы получилось, если бы сперва ордер на ваш арест выписали, потом культурненько бы арестовали. Что поде-лаешь — не так вышло” [9]. Как говаривала Королева из Страны чу-дес Льюиса Кэррола: “Сначала казнь, а приговор потом”. На “Деле” арестованного Карла Баумана, бывшего одно время секретарём Кур-ского губкома ВКП(б), Сталин начертал: “Арестовать. Судить. Рас-стрелять” (сообщил нам один заслуженный чекист). Сказка в совет-ской стране становилась былью. В этом смысле липкинговские пер-сонажи-доносчики весьма реалистичны.

В рассказе писателя “Ветер читает письма” мать американского солдата пишет президенту: “... Я хочу жить, чтобы кричать о преступлениях тех, кто послал наших детей на убой за тысячи миль” во Вьетнам [10]. Когда же советские войска выжигали Афганистан, героям нашего автора кричать об этом, вполне понятно, не хотелось. На страницах его школьно-педагогических рассказов по-прежнему “со стены из строгой

темной рамы смотрит, ободряя Лену, доброе, родное лицо вождя”[11], чье имя удобно менялось вместе с очередным генсеком.

Как бы там ни было с липкинговской педагогически-любовной беллетристикой, его литературные наклонности и способности самым лучшим образом сказались на таком особенно интересном для нашей темы жанре, как *институтские лекции по археологии*. Вот где приходится пожалеть о том, что автор не удосужился собрать и обработать для печати (хотя бы внутривузовской, малотиражной) свои и студенческие конспекты (в том числе автора этих строк за 1970–71 учебный год) многолетних чтений.

Старшему преподавателю Липкингу удалось выстроить компактный, но удивительно ёмкий, информативный курс введения в науку об ископаемых исторических древностях. Он оказался понятен для самого последнего двоечника и одновременно полезен, интересен не только студенту-отличнику, но и аспиранту-гуманитарию. В этих лекциях органично сочетались основные понятия и нормы археологической методики; главные лица истории всемирной, русской и советской археологии (в особенности курского краеведения); наконец, систематический перечень выразительных портретов сменяющих друг друга и соседствовавших на юго-востоке Европы археологических культур. Будучи неплохим рисовальщиком, лектор по ходу рассказа заполнял доску не только именами и датами, но и чёткими меловыми рисунками типичных археологических объектов и отдельных находок из них. Так что будущие учителя истории еще до выезда в поле на раскопки представляли себе, как выглядят городище или курган с погребальными камерами разного типа, распространенные облики со-судов или височных колец, т.п. реалии данного круга.

Под тактичным и компетентным руководством Ю.А. Липкинга десятки первых курсов истфака, многие студенты-добровольцы других факультетов Курского педагогического института прошли археологическую практику на раскопках в палаточном лагере, в знаменитых музеях Москвы (Историческом, Изящных искусств имени А.С. Пушкина, кремлевских). “Работали и учились. — Констатировал наш учитель в вузовской многотиражке. — И всё, о чем узнавали еще в аудиториях, на лекциях, делалось зримым, осязаемым. Впервые смогли собственными руками потрогать историю” [12].

В этих походах и поездках наставник неизменно исповедовал сочетание строгой дисциплины при выполнении производственного плана практики с полной свободой членов коллектива во вне рабочее время. Нарочито идеологизированный историко-педагогический факультет (“истпед”) [13] с его комсомольско-партийно-пионерскими собраниями, маршировками, линейками, речёвками и хоровыми песнопениями как бы

прекращался на раскопках. Сам руководитель практики посвящал всё свободное время, включая даже многие десяти-минутные перерывы на раскопе, главным образом интеллектуальным карточным играм вроде покера или “кинга”.

Ю.А. Липкинг обеспечивал квалифицированной рабочей силой и собственным участием курские экспедиции известных советских археологов — М.В. Воеводского, П.И. Засурцева, П.И. Борисковского, М.Д. Гвоздовер, О.Н. Мельниковской, Т.Н. Никольской, А.И. Пузиковой, а особенно часто А.Е. Алиховой-Воеводской и Э.А. Сымоновича. Как видно, ведущие специалисты московского Института археологии АН СССР и его ленинградского филиала в своё время на равных сотрудничали с этим скромным преподавателем при разведках и раскопках на территории “его” области.

Самостоятельные стационарные *раскопки Ю.А. Липкинга* сравнительно редки. Он явно не любил писать пухлых отчётов по открытым листам, допускал в них малопонятные погрешности. Исключением могут служить его достаточно методичные и масштабные работы на могильниках культуры, названной им по местам первых находок “княжинско-лебяжинской”. Обстоятельная статья на сей счёт занимает едва ли не центральное положение в научном наследии археолога [14]. На неё до сих пор чаще всего из липкинговских публикаций ссылаются в археологической литературе. Курскому исследователю одному из первых удалось получить достоверные данные об оседлом раннеславянском населении в лесостепных областях Днепровского Левобережья в VI–VII вв. н. э. Прежде него эти “тёмные”, “туманные” для историков столетия в данном регионе считались (с лёгкой руки И.И. Ляпушкина и других авторитетных изыскателей) пустым местом, кочевым царством вплоть до явных славян-роменцев. Ю.А. Липкинг же сначала добыл подъёмный материал в черте Курска и в окрестностях Суджи, схожий с известными археологам “древностями антов” именно указанного периода. А затем разведал и в 1964–66 гг. раскопал два бескурганых могильника с трупосожжениями — один на Псле, напротив хутора Княжьего, а другой на Сейме, возле села Лебяжьего. На более чем 2 000 кв. м. этих некрополей им оказалось зафиксировано более 100 погребений (считая парные). Керамика и инвентарь многих захоронений позволили первооткрывателю провести убедительные параллели с синхронными памятниками Верхнего Поднепровья и особенно Подесенья, получивших позднее общепринятое название колочинских.

Однако до полного описания и, главное, дальнейшего анализа всего материала своих суджанских раскопок у самого Ю.А. Липкинга руки так и не дошли. Полевые дневники, чертежи и коллекции, долго, до последних месяцев жизни остававшиеся на руках у этого археолога, оказались затем

переданы в Курский областной краевед-ческих музей. Часть вещей из раскопанных им комплексов и доку-ментов по ним не сохранилось и восстановить их не удалось. На основе музеефицированного фонда Лебяжьего–I и Княжьего науч-ный сотрудник музея Н.А. Тихомиров заново изучил все оставлен-ные своим предшественником материалы, сопоставил их с новейши-ми археологическими работами по культурам Днепровского Левобе-режья I тыс. н. э. Недавно эти же керамические материалы специа-льно переисследовала И.В. Зиньковская (Воронеж). По вещам и особенно керамике им удалось определить колочинскую принадлеж-ность обоих кладбищ, их связи с предшествующей черняховской, синхронной пеньковской и последующими волынцевской, роменской культурами. В итоге подтвердилось, что открытые Ю.А. Липкингом могильники “являются наиболее полными памятниками Юго-Восточ-ной Европы, дающими представление о погребальном обряде мест-ных племён третьей четверти I тыс. н. э.” [15]. Заключение о дейст-вительно славянской скорее всего принадлежности “княжинцев–ле-бязинцев” порадовало бы “неославянофила” Липкинга.

Поселение, синхронное княжинскому некрополю, было разве-дано и в 1995–97 гг. раскапывалось выпускником исторического фа-культета КГПУ Н.А. Тихомировым, создавшим к тому времени Кур-ский государственный областной музей археологии. И липкингов-ские, и последующие материалы упомянутых памятников использу-ются в обобщающих исследованиях раннеславянских культур евро-пейской лесостепи, увидевших свет за последние годы [16].

Склонность к циклам, трилогиям сказалась не только на худо-жественной, но и на научной работе Ю.А. Его вторая по счету из по-мещённых в центральных академических изданиях статья посвящена выше упоминавшейся Замощанской дюне — памятнику, расположен-ному по соседству с Княжинским могильником, у с. Казачьей Локни на окраине г. Суджи. Здесь Липкинг в 1963 г. раскопал остатки рас-паханного и выветренного кладбища и установил наличие рядом по-селения черняховского типа, с подстилающим слоем эпохи бронзы и раннеколочинским наслоением [17].

Идефикс Липкинга-археолога — преимущество между столь высокой, латиноидной культурой, как черняховская, и последующи-ми, уже явно славянскими культурами Днепровского Левобережья как будто подтверждается материалами этого многослойного памят-ника. Сочетание черняховской и “лебязинской” (колочинской) кера-мики в одних и тех же сооружениях на данном поселении (жили-щах, печи), прослеженное впервые Ю.А., позволило ему сделать вывод, “что черняховцы не только дожили в Курском Посеймье до прихода в VI в. славянских племен из Среднего Поднепровья, но и после того проживали совместно с

пришельцами, возможно, попав под власть пришельцев и, видимо, постепенно слились с ними” [18]. Подобная степень автохтонизма при рассмотрении судеб славянства в данном регионе не разделяется большинством специалистов. Тем не менее последующие раскопки экспедиции ЛОИА АН СССР под руководством В.М. Горюновой принесли некоторые подтверждения липкингскому тезису (в частности, и ею в суджанском Замостье прослежено “нарушение типичного наземного черняховского жилища колочинской полужемлянкой с угловым столбом” [19]).

Подытоживая собственно археологическую часть липкингского наследия, приходится признать, что Ю.А. не принадлежал к числу аккуратных, настойчивых раскопщиков и камеральщиков. По сути дела одни образцовые раскопки — что ни говори, маловато на четверть века полевой практики с полным правом на открытый лист любой формы. Однако, как подметили французы, наши недостатки — продолжение наших же достоинств. Подлинной стихией, любимым занятием этого человека стали *разведки археологических объектов* с выборочной их шурфовкой. Здесь он достиг гораздо больших успехов, проявлял удивительное упорство и редкую интуицию. Выйдя на тот или иной приречный мыс, в иное урочище, Липкинг придирчиво осматривался, прохаживался — вживался, так сказать, в местность, чтобы затем, ещё до детальной проверки, вынести вердикт — жили здесь предки или нет. Ошибался редко. Благодаря своим многолетним походам (пешком, на велосипеде, попутных автомашинах) по большинству районов Курской области Липкингу удалось значительно уточнить и пополнить перечень археологических памятников этого края. После долгого перерыва он переиздал археологическую карту области, которая сослужила добрую службу археологам следующих поколений. Соответствующая картотека памятников археологии в департаменте культуры областной администрации, свод древнерусских городищ А.В. Кузы, археологическая карта курской области А.В. Кашкина и прочие археологические каталоги по Днепровскому Лёво-бережью [20] многим обязаны полевым наблюдениям Ю.А.

По-преимуществу с материалами разведок связана та печатная работа, которую он сам выделял в коротком списке своих специально-археологических статей: “*Городища Курского Посеймья*”. Статья эта невелика по объёму — всего 7 страниц да “Схема распространения” соответствующих объектов. Однако перед нами текст, чрезвычайно насыщенный информацией, в значительной степени новой для археологической науки своего периода.

В основу липкингского поиска лёг “Указатель городищ, курганов и древних валов”, составленный сто с лишним лет назад в Губернском

статистическом комитете по инициативе и анкете профессора Д.Я. Самоквасова. Последний, развернув по всей Европейской России заочный опрос местных жителей о сохранившихся земляных насыпях [21], настаивал на систематической проверке занесенных в подобный каталог сведений “трудом опытного археолога” [22]. Для Курской земли отмечено несколько попыток выполнить этот совет профессора. Но все они носили локальный характер. Как уже отмечалось нами выше, В.Е. Данилевич в 1907 г. обследовал Курский уезд, К.П. Сосновский в 1909 — верховья Псла, А.П. Александров в 1911 — большую часть курского побережья Сейма. На исходе 1910-х гг. Л.Н. Соловьёв сплошняком рассмотрел памятники ближайших окрестностей самого губернского центра. А. Преображенский — выборочно Дмитриевского уезда. Забегая вперёд, отметим, что немало новых объектов выявили до и после Великой Отечественной войны экспедиции М.В. Воеводского, П.И. Засурцева, разведки И.И. Ляпушкина (особенно масштабные), А.Е. Алиховой, Т.Н. Никольской, Б.А. Шрамко.

Ю.А. Липкин учёл все полученные до него разведочные данные и в 1950-е — 70-е гг. провел наиболее широкие и результативные поиски поселений и могильников древних народов на Курской земле. Вышеупомянутая его статья содержит сведения о 100 с лишним городищах. Это почти вдвое больше, чем в дореволюционном их указателе. Практически все они лично обследованы Липкиным, десятка два открыты им самостоятельно или по указаниям районных краеведов. Разведчик классифицировал все зафиксированные памятники по количеству культурных слоев основных археологических периодов (раннего железного века; роменской; древнерусской), дав специальное описание укрепленных поселений эпохи раннего железа.

“Все городища Курской области, — установил он, — расположены к западу от линии Поныри — Курск — Обоянь. В восточной части области ни одного городища нет. Очевидно, здесь в эпоху раннего железа (как и в раннеславянское время) не было постоянного оседлого населения, несмотря на то, что именно восток области отличается особо плодородным чернозёмом. Причину, вероятно, следует видеть главным образом в том, что он был ближе к степи, занятой воинственными кочевниками” [23]. Подмеченная Липкиным демографическая тенденция сегодня нуждается, исходя из новых данных, в некоторых коррективах (роменские материалы обнаружены, как будто, и на восточной окраине области; на плотность населения могли повлиять также физико-географические факторы, вроде среднегодового распределения осадков, т.п.). Спорно, пожалуй, и его наблюдение за “гнездованием” курских городищ по 3–4–5 и более уже с раннежелезного века [24].

Статья о городищах Посеймья — добротный проспект, почти готовый автореферат кандидатской или даже докторской диссертации по археологии. Стоило раскопать, хотя бы частично, ещё несколько памятников данного класса (что сделали вскоре товарищи Ю.А. из московского Института археологии), совместить полученные авторскими раскопками данные с соответствующими коллекциями курского и столичных музеев, отчётами предыдущих экспедиций. Но монография на заявленную Липкингом тему осталась им не написана, всеми ожидаемая от него диссертация — незащищённой. На вопросы коллег по этому поводу Ю.А. полушутливо отвечал: “Вы что, хотите заставить меня сдавать кандидатский минимум по марксизму? За что такое наказание?”

Правда, по нынешним методическим меркам разведывательная деятельность Ю.А. Липкина выглядит более скромно по своему качеству. Чаще всего он ограничивался достаточно приблизительным установлением местонахождений памятника и выявлением основных культурных напластований в нём. С точной привязкой объекта к карте местности, фотографированием, рисованием, а тем более с нивелировочными планами ландшафта, фиксацией находок дела у него обстояли гораздо хуже. Уникальные для одного человека широта и энергичность археологического поиска оборачивались поверхностностью описания найденного. Злые археологические языки в Москве и Ленинграде говаривали: “Ю.А. копает всё подряд — от палеолита до НЭПа”. С другой стороны, в условиях всё растущего темпа естественного, природными стихиями, и сознательного, человеческими усилиями осуществляемого разрушения многих памятников далекой старины любая их каталогизация имела важное и довременное значение. От той же Замощанской дюны, например, или от Коробкинско-го городища (Первольгова — летописного Ольгова?) остались рожки да ножки — их “доели” песчаные карьеры. Без липкинговского энтузиазма, наивного только на пошловатый взгляд, наука и культура края потеряли бы безвозвратно массу ценнейших сведений.

В то время как его “положительные” коллеги-педагоги “делали карьеру”, выслуживая у начальства новые должности, квартиры, машины, путёвки на престижные курорты, пристраивали на хлебные места детей и внуков, этот беспартийный чудаков — вечный “старший преподаватель” каждое лето покидал свой скромный домик над тихой речкой Тускарью и колесил по бездорожью курских районов в поисках всё новых и новых городищ и курганов. Вся его переписка (частично поступившая в архив КГОМА) об этом: находки, планы экспедиций и книг, сетования на нехватку времени для реализации археологических и литературных задумок. Оказывается, достоинство личности, верность мечте возможно было сохранить даже под эгидой парткома. Правда, ценой “карьер”.

Кроме накопления сугубо эмпирической информации по курской археологии, Липкинг генерировал несколько довольно сильных идей-интерпретаций древнейших веков истории этого края. Своеобразная “жемчужина” среди его попыток археолого-исторического синтеза, — *новая локализация летописного города Римова* (который первоначально упоминается под 1096 г. в “Поучении” Владимира Мономаха [25]). Этот город погиб “под саблями половецкими”, как говорится в “Слове о полку Игореве” и подтверждается Ипатьевской летописью, после неудачного похода некоторых русских князей в 1185 г. против степняков. Перечень из нескольких догадок относительно того, где именно располагался Римов [26], Липкинг дополнил гипотезой [27], связавшей данный топоним с комплексом археологических памятников у с. Гочева Обоянского уезда (ныне Беловского района), о котором уже не раз говорилось нами. Своё предположение он разносторонне аргументировал — данными археологии (следы кольцевой осады гочевских укреплений, защитники которых погибли за стенами и возле них), истории (старинные пути кочевых набегов на Русь пролегали именно через Курское Посеймье — по удобным для конницы водораздельным грядам), топонимики (“Римов лог” или “Римок”, “Римово болото” вблизи гочевских городищ “Крутой курган” и “Царёв дворец”).

Кроме липкинговской, предлагались, разумеется, и другие локализации данного летописного топонима [28]. В итоге вопрос о локализации летописного города Римова остаётся, пожалуй, открытым, а гипотеза Ю.А. Липкинга по этому поводу наиболее, на наш взгляд, убедительной [29].

Главная работа Ю.А. Липкинга-краеведа выходила в свет дважды. Сначала в 1966 г. под неточным названием “О чём рассказывают курганы” (Кроме насыпных могил, автор описывает все остальные типы археологических памятников, уместившихся на Курской земле; к тому же, название это заимствовано у одной из краеведческих брошюр 1920-х гг.). В 1971 г. в значительно переработанном и дополненном виде то же Центрально-Чернозёмное книжное издательство выпустило в свет книгу под удачным, по всей видимости, заголовком: “*Далёкое прошлое соловьиного края*”. Оба издания, особенно последнее, приближаются, на наш взгляд, к эталону научно-популярной литературы. Автор, в отличие от большинства своих “товарищей краеведов” (собственное липкинговское определение), не ограничивается компилятивной сводкой литературных данных по истории и археологии “своей” области. Практически по каждому основному периоду регионального прошлого в Древности и в Средние века приводятся сведения, собранные им самим в разведках и на раскопках, высказываются оригинальные гипотезы и догадки. Взять хотя бы остроумные и неплохо аргументированные предположения Ю.А. о

местонахождении таких летописных реалий, каковы города Ольгов, Римов и Липовическ, Ахматовы слободы под Курском; о курских прототипах былинных героев Ильи Муромца и Соловья-разбойника; т.п. версии. Вообще эти книжки Липкинга весьма основательно информирует любого заинтересованного региональными древностями читателя, как профессионального ученого, так и любителя истории. Фактичность сочетается в этом тексте с лёгкостью, занимательностью изложения.

К сожалению, ходатайство Курского пединститута о переиздании “Далёкого прошлого...” — “как единственного на сегодняшний день пособия для краеведов и для учителей Курской области, а также студентов-историков” [30] — было отклонено воронежским книгоиздательством, несмотря на надвигавшийся тогда 950-летний юбилей Курска.

А сегодня с липкинговскими популярными книжками об археологии Курского края сложилась парадоксальная читательская ситуация. Их бесспорные литературные, методические достоинства остались при них, но со временем эти достоинства стали вроде бы заслонять тот факт, что по содержанию ряд моментов изложения там за прошедшие четверть века вполне естественно устарел. Прделаны новые масштабные разведки и раскопки на эталонных курских памятниках, опубликованы концептуальные исследования соответствующих материалов. Но учителя, вузовские преподаватели, школьники и студенты, журналисты и чиновники от культуры, просто любопытные читатели других категорий продолжают штудировать древнюю историю Курского Посеймья почти исключительно по Липкину — новые научно-популярные статьи по данной тематике выходят крайне редко, причём увлекательным стилем они в своем большинстве не блещут; книги же такого рода появились совсем недавно, мизерными тиражами и остаются мало кому известными. В беседах с нами курские журналисты и издательские работники несколько раз выражали намерение просто переиздать липкинговское “Далёкое прошлое...” полностью или частично, причём без всяких комментариев и предисловий.

Между тем, кроме бесспорных достоинств, научных и литературных, работа Ю.А. Липкина об отдалённом прошлом Курской земли, как и подготовлявшие её близкие по тематике публикации в краеведческих альманахах [31], отмечены рядом достаточно типичных для него как полевика и беллетриста недостатков. Virtuoz кольцевых маршрутов, мастер панорамных обзоров допускал удивительные небрежности, неточности в деталях, терпел в принципе нетерпимые допуски в подаче информации. Скажем, у него сплошь и рядом не доходили руки установить или проверить по справочникам инициалы многих прежних исследователей и он приводит их фамилии без инициалов. Годы жизни тех же персонажей меряются им той или другой половиной соответствующего

века, ни больше, не меньше. До-пустим, по Липкингу, “во второй половине прошлого века Самоквасов составил специальную инструкцию для учёта археологических памятников”. На самом деле в 1872 г. Или такой пассаж: “В конце прошлого века усердно изучал археологические памятники ... А.И. Дмитриюков. Результаты его работ неоднократно публиковались, начиная с 60-х гг. прошлого века” [32]. В действительности, Дмитриюков умер в 1868 г., его археологические работы велись и печатались с 1820-х гг. И т.д., и т.п.

Еще хуже, что без надёжных привязок остались некоторые полевые наблюдения и открытия Ю.А. Так, немало сил и времени оказалось потрачено его преемниками из Курского музея археологии (и пока без видимых успехов) на повторные розыски фундаментов домонгольской церкви на Ратском городище Курского района. Их много лет наблюдал этот археолог, приносил оттуда рюкзаки плинфы в краеведческий музей, но нанести столь редкий объект на карту не удосужился. А где находится та карта Обоянского уезда, на которой он же увидел “Римов лог” в районе Гочевских городищ — предположительно летописного Римова? И проч., и проч.

Вряд ли случайно современные горе-краеведы — авторы массы явно фантастических заметок на археолого-исторические темы, опубликованных за последние десятилетия в курских газетах и альманахах, очень часто опираются, ссылаются на книжку Ю.А. Липкинга о прошлом соловьиного края. Там, где у этого автора встречается смелая гипотеза, эти его самозванные последователи сплошь и рядом заявляют уже ни с чем не сообразное допущение. Винить ли в такой вульгаризации автора исходной идеи?

Согласно проницательной оценке А.В. Кашкина, “романтика полевых исследований и тяга к литературному творчеству превзошли в деятельности Ю.А. Липкинга строгое научное начало” [33]. Сlišком многое из того, что узнал и сделал Липкинг-археолог, осталось неопубликованным, а кое-что не нашло отражения даже в его архивном наследии.

Ю.А. Липкинг, тепло и толково писавший об “истории самой истории”, о многих первооткрывателях древностей Курской земли, тем не менее охотно отдал дань явному принижению дореволюционного периода в историко-краеведческом движении по сравнению с приукрашенным им же советским. Якобы “до революции в наших краях ... были отдельные энтузиасты-одиночки, часто не имевшие ни сил, ни средств для проведения серьезных исследований. К тому же у дореволюционных исследователей-краеведов не было, как правило, необходимых знаний и специальной подготовки” [34].

Полно, так ли? Немало и с большой отдачей потрудившиеся на археологической и архивной нивах Курска А.И. Дмитриюков, Л.Н. Позняков, Л.Н. Соловьёв до революции окончили Харьковский университет; Д.Я. Самоквасов — Петербургский; А.А. Танков и Н.И. Златоверховников — Московский; В.И. Самсонов — Новороссийский; П.С. Рыков — Московский Археологический институт; К.П. Сосновский — Петербургский Технологический институт. До революции курскими древностями специально занимались Губстаткомитет, Учёная архивная комиссия, Церковно-археологическое общество, с которыми ежегодно взаимодействовал добрый десяток историко-археологических учреждений и организаций Москвы и Петербурга. Да еще “одиночки”. Насчёт их знаний и умений тоже как сказать. Прежние гимназия да университет готовили специалистов-гуманитариев уж никак не хуже, чем областной пединститут, где Ю.А. после суворовского училища преподавал. А после 1917 г.? Как репрессировали краеведов с дореволюционным стажем, вот тогда областные памятники археологии изучались главным образом приезжими из столичных центров учеными. И осевшим в Курске Липкингом, который сам может служить блестящим примером энтузиаста-одиночки в краеведческих поисках. Именно подобная монополия одного-единственного, пусть и талантливого специалиста на историко-археологическую экспертизу в рамках целого субъекта федеративного государства поощряет те недостатки и упущения в охране и экспертизе исторических памятников, о которых сегодня приходится с сожалением вспоминать, наблюдать их печальные последствия (погибшие без своевременного надзора памятники, дезориентированные по каким-то сюжетам читатели).

Не чистая наука и не литература как таковые, а их сочетание в разных дозах — вот где Ю.А. Липкинг нашёл своё истинное призвание. Всерьёз печататься он начал повестью на историко-археологическом материале “Кудеяров стан” (М., “Молодая гвардия”, 1957; переиздание: Воронеж, Центрально-Черноземное издательство, 1965). В 1966 г. в Воронеже вышел его роман “Сварожье племя”. Согласно авторской аннотации, это “самостоятельное произведение, эпохой и главными героями связанное с “Кудеяровым станом” [Первоначальное, рабочее название второй части липкинговской беллетристической трилогии — “Заряна и Горша” — С.Щ.]. Место действия — и русская лесостепь, и Крым, и Тамань, и Нижнее Поволжье. В романе уделено внимание таким важнейшим вопросам ранней истории славян, как вопрос о русах, о варягах, о Тьмутаракани, о роли Хазарского каганата. Описаны быт славян и их соседей, походы и бои, торговля, поселения, обычаи и верования” [35].

После свыше чем десятилетней работы писатель завершил замыкающий трилогию роман — “В горниле”. Эпиграфом этого произведения послужила пушкинская строфа: “Окрепла Русь. Так тяжкий млат / Дробя стекло, куёт булат”. Рукопись вместе с одобрительной рецензией академика Б.А. Рыбакова поступила опять-таки в Воро-нежское издательство, призванное тогда публиковать плоды творчества писателей всего Черноземья. Однако тамошние редакторы по-считали, что Липкинг уже исчерпал свой печатный лимит. Рукопись “В горниле” нашему автору вернули с разгромной внутренней рецензией. Свой принят авторизированные машинописные экземпляры этого романа нашли в Курском областном архиве, где их время от времени почитывают любознательные студенты.

Вся повествовательная трилогия Ю.А. Липкинга о славяно-роменцах IX в. и становлении Киевской державы — явление в советской литературе весьма примечательное. Эти повесть и два романа по сути дела впервые в художественной форме поднимали такой временной и событийный пласт. Их автор удачно сочетал вполне профессиональное владение фактическим материалом о “затерявшихся в лесах и в веках северянских городищах” с литературной выразительностью описаний и диалогов, динамичностью приключенского, даже авантюрного сюжета. Трилогия, безусловно, давно и настоятельно заслуживает переиздания в полном объёме. Такие книги и сегодня, и завтра найдут множество заинтересованных и благодарных читателей.

На наш взгляд, лучше всего, почти безупречно для своего времени (еще к 1954 г.) выписалась у автора первая часть цикла — “Кудеяров стан”. Тогда ещё вполне оригинальный двухплановый показ, — нынешних будней археологов, их добровольных помощников-селян, с одной стороны, и давней жизни на изучаемых ими городищах, с другой, — выдержан весьма искусно на сравнительно небольшом пространстве текста (около 10 печатных листов). Выпущенная первоначально в серии “Библиотека научной фантастики и приключений”, повесть “о Заряне, о ее тревожном детстве, о полной волнении и опасностей юности”, на удивление достоверна, познавательна, особенно для юного читателя. Скупой на похвалы, великий авторитет в славянорусской археологии член-корреспондент АН СССР А.В. Арциховский в письме Ю.А. Липкингу писал: “Вашу книгу я читал с приятным чувством и прочёл, не отрываясь. У Вас оригинальный и хороший литературный талант. Археологические материалы Вы использовали безукоризненно. Никаких ошибок и даже неточностей я не нашел. ... Все довольно многочисленные попытки советских писателей так или иначе использовать археологию я считал до сих пор неудачными, если не хуже. Вам первому удалось” преодолеть

актив-ную “антипатию к художественно-археологической литературе” [36] у автора этого письма-рецензии.

Переиздавая свою первую повесть десять лет спустя, автор немного перекомпоновал текст, изменив его разбивку на главы и часть их названий. Сильные стороны книги от перемен этих слагаемых не пострадали. Отмеченные выше достоинства, думается, при ней и сейчас.

Жаль, что автор не воспользовался удобным случаем (наступлением хрущевской “оттепели”) и не убрал из второго издания две-три содержательные щероховатости, застрявшие на отдельных страницах повести со времен приснопамятной кампании борьбы с космо-политизмом. Например, как хвалил липкинговский профессор-археолог подозрительность своих спутников — сельских школьников, принявших его поначалу за иностранного шпиона-диверсанта, в 1954 году, так и в 1965 хвалит: “Молодцы!.. Хоть и ошиблись на этот раз, а действовали правильно, по-настоящему. Так и нужно. Время такое. Ходит ещё по нашей земле нечисть вражья. Засылают” [37], надо полагать, даже в отдалённую курскую деревеньку (Главным археологическим прототипом “городища над тихой Тусорью” у Липкинга служил, должно быть, мыс Тарелочка на р. Тускари в с. Переверзе-ве Курского района, где позднее действительно велись стационарные раскопки [38]).

“Сварожье племя” — роман уже одноплановый в том смысле, что целиком живописует дальнейшие судьбы знакомых читателю героев “Кудеярова стана” — типичного северянского укрепления, порубежного с кочевническим Полем. Авторская фантазия “носит Горшу по свету, кидает с моря на море, из страны в страну ... Видел кузнец Гнилое море — Сиваш, видал море Русское [Чёрное — С.Щ.], довелось и хазарским морем поплавать — Каспием” [39]. Заряна, уже не пленительная девочка, а обольстительная женщина, терпеливо, как Пенелопа, поджидает на берегах Сейма своего суженого. Экзотической приметой хрущёвского начала 1960-х гг. выступает среди “сварожичей” “чёрный рус”, негр Улуга, коего непутевая доля пленного раба, затем лихого беглеца занесла на славянскую землю и тут упокоила. Идеологическая “оттепель” во время написания “Сварожьего племени” заметна и по другому герою романа — итильскому иудею Баруху, правой руке хазарского правителя Итвер-хана — “ни у кого нет друга-советника, кто опытом, мудростью и преданностью равен был бы Баруху”. Кстати сказать, еврейский элемент в древней Руси, ее истории и культуре мог у нас стать предметом специального рассмотрения совсем недавно [40], лет 30 спустя после того, как писатель показал его в художественно домысленных лицах и ситуациях.

В целом повествование Ю.А. Липкинга о славянах племени Сварога на излёте язычества, многих их соседях — соперниках и союзниках достаточно крепко сбито сюжетно, весьма поучительно и увлекательно для

любого читателя, интересующегося историей, тем более краевой. Хотя с точки зрения достоверности историко-археологических реалий, отображаемых в романе, автор не раз дает повод поспорить читателю придирчивому. Чего стоит хотя бы наименование населённых северянами “градов” городищами уже в ту, докиевскую пору, когда они ещё отнюдь не запустели; переименование варяга-дружинника Аскольда (Хаскульда), захватившего, по летописи, власть в Киеве, в славянского князя Оскола; т.п. симптоматические мелочи.

Самое объёмистое, в 20 печатных листов произведение писателя — “В горниле” [41] — уже не более, чем исторический по фактуре боевик, своего рода археологический вестерн с массой мелодраматических страстей, таинственных моментов, непостижимых сюжетных ходов. Это, по сути, не новый роман, а еще 38 глав, по содержанию ничем существенным не отличающихся от 45 глав “Сварожьего племени”. Те же “беглецы”, “погоны”, “изгнания”, “нашествия”, “испытания”, “засады”, “незадачи” и т.д., и т.п. “Последнее волхование” (так называется заключительная часть всей трилогии) романиста не дало, на наш, может быть пристрастный, взгляд, качественного прироста художественного материала.

“Чёрный” рецензент из Воронежа имел известное основание упрекать нашего автора в “накручивании эдакого романтического сюжета с хазарской красавицей, темницей, погонями, с сечами и кровавыми побоищами” [42]. Однако окончательный совет сурового критика — или “отправить рукопись на литературную свалку”, или выправить её “по всем фронтам: идейным, изобразительным, композиционным и, конечно, стилистическим” — представляется нам ошибочным. В своём развлекательно-познавательном жанре и последний липкин-говский роман ничем не уступает полузабытым одно время, но сейчас все активнее переиздаваемым историческим повествованиям Н.Э. Гейнце, К. Маковского, Д.Л. Мордовцева, Всев. С. Соловьева, графа Е.А. Салиаса, Г.Т. Полилова-Северцова, Ант. Ладинского и прочих старых добрых русских авторов данного, пусть не первого в литературе круга. И уж тем более “В горниле” не в пример добротнее тех свежее испеченных околоисторических опусов, что ходко идут сейчас к неразборчивым читателям с коммерческих книжных лотков (вроде вполне макулатурных “Меча Вайу”, “Капища Сварога”, “Улеба — Твердой Руки”, “Божедара — сына Ильи Муромца” и иже с ними).

Более того, художественная проза курского археолога вполне соответствует, на наш вкус, тому жанру, который сегодня именуется “фэнтези” и пользуется огромным покупательским, читательским спросом во всём мире, включая Россию (и это при массовом отходе молодёжи от книги к компьютеру). Мы бы назвали этот жанр гуманитарной

фантастикой (в отличие от естественнонаучной, астрономической фантастики в духе С. Лема). Причём липкинговская трилогия о героях и врагах “сварожьего племени” — незамеченный первыми историками жанра образец именно славянской фэнтези, где “между историей и сказкой” воскресают наши вроде бы предки (В ироничных красках новоявленного классика жанра — польского писателя А. Сапковского дело выглядит примерно так, как полвека назад у Липкинга: “Войны и пожары, кили норманских дракаров скрипят по песку славянских пляжей, ... берсеркеры скалят зубы, немцы прут на крепость, наш верх, льётся кровь. Сварожец сварожит...” [43]).

Вместе с пыльными томами завершённых рукописей в липкинговском архиве сохранился весьма примечательный лист. На нём изложен *план задуманной писателем книги археологических рассказов — “Костры Кудеярова стана”*. В этом перечне из двух десятков сюжетов — и любопытные случаи на раскопках (“как археологов хотели обокрасть”; “как спасали мамонта и как мамонт спасал нас”; т.п.), и чем-то особо примечательные находки древностей (“неземное железо”; “два черепа — Ахматова слобода”; “нож в отвале — святы-лице Кузиной горы” и т.д.), и эпизоды истории археологии (“суд-жанские находки”, “разиньковская находка”, “находки в старом рус-ле реки” и проч.), и просто курьёзы из раскопной практики автора (“фальсификаторы ... закопчёные лепешки с фигурками ... подборос современных черепков — сразу опознали”, “амфора с закваской под самогон” [44]; др.).

Некоторые из перечисленных тем органично вошли в текст опубликованных Ю.А. Липкингом археологических очерков. Но в большинстве своем эти оригинальные замыслы и наброски канули в лету устного экспедиционного творчества; так и не выросли, к нашему глубочайшему сожалению, в главы книги, которая несомненно удалась бы автору, как никакая другая, настоятельно требовалась массовому читателю. Видимо, вполне понятная любому пишущему человеку усталость от редакционных капризов и отказов, груз ненапечатанных рукописей, бытовые коллизии заката жизни помешали писателю воплотить очередной литературный план. Как жаль, что его творческие силы ушли, в частности, на банальную беллетристику о пионерах и школьниках и оказались недоиспользованы на самом выигрышном для него направлении — прозы историко-научной. Десятилетием-другим позднее Ю.А. Липкинга в этом самом жанре археологических популяризаторских и беллетрических с большим успехом выступили В.Д. Берестов, А.З. Винников и А.Т. Синюк, А.Л. Ники-тин, А.П. Окладников, Г.Б. Фёдоров, М.Б. Щукин, Е.А. Шинаков В.Л. Янин и другие русские археологи-профессионалы и одновременно писатели.

Трагическая гибель любимого внука вкупе с затяжной болезнью (перелом ноги) остановили разностороннюю, энергичную и ярко талантливую деятельность Юрия Александровича Липкинга на пороге девятого десятка лет его долгой и очень полезной людям жизни. Последние её месяцы он провёл, сидя в своем заваленном книгами и рукописями кабинете, доставая ту или другую из них большой прогулочной тростью, милостиво беседуя с редкими посетителями его скромного домика над живописной долиной Тускари. Его уход не был замечен научной, педагогической общественностью [45], но оставил болезненные рубцы в душах тех, кто хорошо его знал. Романтический настрой души этого человека, пылкий ум российского самородка пробилась сквозь все чуждые его дарованию наслоения и железные колючки тяжёлых времён советской истории, когда он жил и работал, — к настоящему, долговечному результату в науке, просвещении и литературе.

* * *

Выводы общего плана после рассмотрения персонального портрета одного из лучших советских краеведов послевоенной поры представляются следующими. Кабинетный и в особенности полевой опыт провинциального археолога Ю.А. Липкинга оказался незаменимым подспорьем представителям большой, академической археологии. Успех экспедиции из столицы вглубь страны во многом определяется местной поддержкой и чем она квалифицированней и доброжелательнее, тем эффективнее ведутся разведки и раскопки. А популяризация региональных памятников далекой старины тем более лучше удаётся местному жителю и патриоту своего края. Духовная атмосфера окрест наполняет страницы книг писателя-краеведа энергией познания и понимания малой родины. Культурным идеалом развития краеведческого знания выступает триада: научный факт — популярный рассказ о нём — художественный образ, рождённый на основе первого и второго. Лучшие наши беллетристы на исторические темы получались из литературно одарённых учёных и журналистов. Если научно-историческое знание в значительной своей части и довольно скоро историографируется, по сути архивируется, то литературно-художественные версии истории, тем более региональной, в силу своих эстетических достоинств гораздо более долговечны в живом читательском восприятии и, значит, реальном продолжении культурного процесса в стране и ее регионах.

* * *

Материалы подытоживаемой главы демонстрируют, схематично говоря, резкий перепад на условной кривой графика эволюции историко-краеведной мысли и практики в молодой советской стране. Если до революции 1917 г. эта кривая то быстрее, то медленнее, с периодическими понижениями своего уровня, но в целом неуклонно шла вверх, то в советский период она сначала взметнулась ещё выше, но быстро упала почти до нуля, т.е. уровня, пройденного российской провинцией лет двести назад. После идеологического и организационного подавления центральных и местных органов краеведческого движения в СССР, советская археология вплоть до послевоенных — 1940-х — 50-х гг. концентрировалась главным образом в столицах союзных республик, Ленинграде, немногих других университетских центрах. Там остались почти все активные раскопщики; располагались музеи, научно-исследовательские институты, университеты и кафедры, где они служили и где сосредотачивалась львиная доля историко-археологической информации (коллекции находок, лаборатории их тонкого и сложного анализа, специальные библиотеки и архивы). Аресты “врагов народа” в 1920-х — 30-х гг. проредили ряды столичных археологов. Провинциальных же знатоков древностей эти репрессии буквально выкосили или же в лучшем случае оттолкнули от археологии, рассеяли кого куда — их было меньше, они оказались слишком на виду в своих областных и районных городках.

Так, после разгрома на исходе 1920-х гг. городских и районных кружков краеведов Центрального Черноземья никто из курян не получал открытого листа на производство археологических работ свыше тридцати лет, вплоть до 1960-х гг. И ещё добрые четверть века спустя, вплоть до середины 1980-х, единственным держателем открытого листа в Курской области оставался Ю.А. Липкинг. И это в тех условиях, когда памятники археологии стремительно исчезали с лица земли по ходу восстановления хозяйства и населённых пунктов после войны, которая сама немало покорёжила их своими фортификациями и бомбёжками. Однако же разведки и раскопки археологических памятников на курской земле вскоре после Отечественной войны возобновились, причём их число медленно, но верно росло — за счёт экспедиций из Москвы и Ленинграда, а затем Киева, Харькова, даже Минска. Именно усилиями столичных археологов старших поколений оказались выявлены и на современном уровне изучены основные эпохи и культуры древнейшей истории края. Причём в результате их работ некоторые курские памятники приобрели эталонное значение на всероссийском и международном уровнях археологического знания.

Г Л А В А IV.

ДОСТИЖЕНИЯ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИЙСКОЙ АРХЕОРЕГИОНАЛИСТИКИ (НА ПРИМЕРЕ КУРСКОГО ПОСЕЙМЬЯ)

§ 1. Деснинская экспедиция М. В. Воеводского и возобновление краевой археологии в послевоенную пору

Деснинская экспедиция в 1946–48 гг. и её переход на курские памятники. Хотя российских археологов было репрессировано, по всей видимости, побольше, чем их коллег в других союзных республиках, но это в абсолютном исчислении. Московский и ленинградский центры археологии жестоко пострадали от арестов и проработок, но избежавших репрессий учёных там оставалось вполне достаточно для продолжения раскопок. Хуже пришлось археологам Украины и Белоруссии. На фоне борьбы советской власти с идеями и призраками национализма тех

выкосили буквально под корень. “После 1937 г. белорусская археология не могла возродиться на протяжении четверти века” [1]. Причём “к обвинениям в национализме добавлялись и такие обвинения, как подготовка диверсионных актов. Так, украинские археологи, изучавшие памятники, обречённые на затопление при строительстве Днепрогэса в 1927–1932 гг., обвинялись в подготовке взрыва электростанции” [2].

После отмеченной волны террора (1932–33 гг.) в отношении украинской интеллигенции, археологию в Киеве, на базе Украинской АН пришлось возглавить ленинградцу Лазарю Моисеевичу Славину (1906–1971). Ученик Б.Ф. Фармаковского, он с 1936 г. возглавлял раскопки Ольвии. Ставши с 1938 г. старшим научным сотрудником, а в 1944–46 г. директором Института археологии АН УССР и специализируясь на скифо-античной эпохе, он приглашал для других раскопок специалистов из Москвы и Ленинграда, где их было и оставалось побольше. В числе других его приглашение принял москвич *Михаил Вацлавович Воеводский* (1903–1948) — *замечательный исследователь и организатор науки*. Как и его учитель (опять-таки репрессированный) Борис Сергеевич Жуков (1892–1938), он, имея чёткий фокус своих научных интересов — каменный век, был вместе с тем прекрасно подготовлен к изучению всех остальных периодов древней истории нашей страны.

Получив своего рода *carte blanche* от Славина, Воеводский сосредоточил свои экспедиционные усилия в Подесенье, как видно в связи с заведомо богатыми палеолитическими перспективами этого региона. Представляясь впоследствии курским коллегам-музейщикам, М.В. объяснял, что его “экспедиция была организована в 1936 г. ИИМК и Институтом геологии АН СССР, Институтом археологии АН УССР, Государственным музеем антропологии, при участии Черниговского и Орловского областных музеев для археологического изучения р. Десны и её притоков. В течение 4 лет коллективом экспедиции было открыто и частью обследовано 13 палеолитических стоянок, много десятков поселений эпохи неолита и бронзы, городищ разного времени, славянских селищ и курганных могильников. Проведены разведки берегов р. Десны от г. Брянска до Новгород-Северска и на большей части севера Черниговской области. Собранные коллекции после их обработки распределяются между музеями — участниками экспедиции. С 1940 г. работы в значительной части переносятся в бассейн р. Сейма” [3].

Ко времени сосредоточения на Деснинщине, в научном активе Воеводского уже находилось специальное рассмотрение среднеазиатских (М.В. — уроженец Самарканда) и киргизских древностей, а кроме того, многих памятников палеолита, мезолита и неолита лесной зоны Европейской части СССР; лесостепных культур эпохи раннего железа. Все его труды выгодно отличались интересом и опытом в области

методики полевых и камеральных исследований (прежде всего относительно технологии изготовления керамики в древности). Деснинская же экспедиция под его руководством выступила с новаторским почином комплексного изучения памятников разных эпох — от палеолита до русского Средневековья в определённом историко-географическом регионе. До тех пор ничего подобного практика отечественной археологии не знала. Но и с тех, и до сих пор археологические работы такого масштаба и подобной системности проводятся скорее как исключение из общего экспедиционного правила — достаточно спорадического и асинхронного, в соответствии с узковатыми тематическими интересами отдельных специалистов и их чаще всего ограниченными материально-финансовыми возможностями. Деснинская же экспедиция на практике полевых и кабинетных исследований предвосхитила концепцию историко-культурного микрорегиона, получившую большую популярность только сравнительно недавно.

Не в пример иным своим предшественникам, современникам и последователям в археологии, М.В. щедро делился неопубликованными материалами своих разведок и раскопок, идеями и методиками со своими коллегами, как старшими, так и младшими. Все знавшие его учёные единогласно отмечают, что интересы общего дела находились у этого человека на первом плане. “Авторство и приоритет, поскольку речь шла о коллективе советских учёных, всегда имели для него подчинённое и скорее техническое значение” [4].

Будучи штатным научным сотрудником Музея Института антропологии и преподавателем кафедры археологии МГУ [5], он с 1933 г. сотрудничал ещё и в ГАИМК (затем ИИМК) [6].

Раскопки М.В. Воеводского в 1936–40 и 1945–48 гг. в Подесенье — главное, пожалуй, достижение этого археолога. Первоначально Деснинской экспедицией под его руководством были изучены весьма выразительные памятники каменного века — Пушкари, Чулатово, Песочный Ров, некоторые другие [7].

Очередную удачу принесла рискованная поначалу идея учёного передвинуть работы его комплексной экспедиции с Украины в Курское Посеймье. Первый запрос Воеводского директору Курского краеведческого музея датирован 20 января 1940 г. В нём предполагается “провести, кроме археологической разведки по Сейму, небольшие раскопки на палеолитической стоянке “Сучкино” [ныне с. Октябрьское Рыльского района, где в 1930, а затем в 1980-х гг. изучалось весьма перспективное местонахождение палеолита — С.Щ.], ... поездка с целью предварительного обследования и описания феодальных центров XI–XIII веков” [8]. “Геолого-археологическое” обследования берегов Сейма “деснинцы” рассчитывали начать от г. Льгова и продолжить до поселка

Алексеевки на границе с Сумской областью. На участке от Курска до Рыльска М.В. намеревался опи-сывать остатки и снимать планы “славянских феодальных городищ и могильников”. А кроме того, — продолжать раскопки Гочевского го-родища [9].

Однако война отодвинула все эти планы. Только в 1946 г. кол-лектив М.В. Воеводского начал раскопки под Курском на открытой в июне 1941 В.И. Самсоновым и оказавшейся очень богатой находка-ми типа Костёнок–I палеолитической стоянке у с. Авдеево. Об этих раскопках нами уже упоминалось выше, в главе о В.И. Самсонове.

Параллельно с разведками, затем раскопками Авдеева группа Воеводского обследовала окрестные памятники более поздних эпох, прежде всего археологический комплекс в соседнем Липине — горо-дище (многослойное, со скифскими, роменскими и древнерусскими напластованиями), прилегающие к нему открытое поселение, курган-ный и бескурганый могильники.

К финансированию авдеевских раскопок в нелёгкое для страны послевоенное время Воеводский сумел привлечь — что называется, с миру по нитке — средства ИИМК, Антропологического музея МГУ, Курского музея, Института археологии АН УССР.

Ещё важнее для истории советской археологии, и столичной, и провинциальной, отметить редкую способность, сполна проявленную этим учёным, — отобрать и сплотить в работоспособный коллектив исследователей разного возраста, опыта и профиля научных интере-сов, места жительства и постоянной работы. Через Деснинскую экс-педицию с бесспорной пользой для своих научных судеб прошли многие видные уже тогда или впоследствии археологи: А.Е. Алихова (Воеводская), Н.П. Амбургер (Киев), А.В. Арсентьев (Брянск), Любовь Венедиктовна Артишевская (1918–1998), М.Д. Гвоздовер, М.Н. Кислов, Ирина Гавриловна Лейкина (Розенфельдт) (1923–1991), О.Н. Мельниковская, Р.Л. Розенфельдт, А.А. Формозов (Москва), П.Н. Черменский, П.С. Ткачевский (Курск). Кроме них, сотрудники Музея антропологии при МГУ — М.А. Булатова, А.Я. Гриневич, Н.И. Ильенко (талантливый реставратор, она спасала ко-стяные скульптуры Авдеева, которые погибли бы после извлечения из земли без специальной консервации), а также студенты-практи-канты исторического и биологического факультетов МГУ и Курского пединститута, сотрудники Курского краеведческого музея во главе с В.И. Самсоновым. Геолог М.Н. Грищенко, имевший к тому времени опыт изучения условий залегания остатков донского палеолита, и также его коллеги И.И. Москвитин и А.А. Величко занимались поч-венной стратиграфией Авдеевской стоянки. Большинство упомяну-тых сотрудников Деснинской экспедиции и в дальнейшем периодиче-ски обращались к изучению южнорусских, в том числе курских древ-ностей.

Переход из одной культурно-исторической провинции в другую, хотя и близкую по археологическому профилю, оказался для Воеводского, его коллег и учеников достаточно напряжённым, моментами прямо драматическим. Первое “посещение памятника поста-вило М.В. в тупик, — вспоминает участник Деснинской экспедиции А.А. Формозов. — Он привык к Десне, где палеолит залегает высоко на чётко выраженных террасах. Здесь всё у самой воды, чуть не в пойме... Создалось впечатление, что материал переотложен; значит можно копать просто на выборку материала. Это было ошибкой, осознанной М.В.” [10] вовремя — когда раскопки обнаружили конструкции из бивней и позвонков мамонта в материке. Чуждость авдеевской стратиграфии для московских исследователей осложнялась тем, что культурный слой стоянки нарушался еще и природными процессами (мерзлотой, водой, ветром, грызунами). Хотя некоторая часть информации о стоянке оказалась по отмеченным — субъективным и объективным причинам упущена, картина памятника в целом Воеводским не была нарушена, а подход к его долголетнему комплексному изучению был им открыт [11].

Одновременно с раскопками в Авдееве велись рекогносцировки вокруг села. А.А. Формозов обнаружил следы палеолита (кости мамонта и каменные орудия) между Авдеевым и с. Сорокиным [12]. А.Е. Алихова (Воеводская) собирала подъёмный материал на дюнах по Сейму. Ей попадались вещи и, соответственно, памятники разных эпох — неолита, бронзы, раннего железа, славян и средневековой Руси.

В 1947 г. отряд всё той же экспедиции приступил к раскопкам соседнего Липинского городища и могильников (бескурганного и курганного) возле него [13]. Эти работы продолжались в 1948–49 гг. Ими руководил научный сотрудник переведённого в Москву ИИМК АН СССР П.И. Засурцев, а помогали ему Р.Л. Розенфельдт, А.А. Формозов, Н.К. Лисицына и др. “деснинцы”, ветераны и новички Курской экспедиции. Включая курян — представителей Краеведческого музея.

В числе последних — *Петр Николаевич Черменский* (1884–1973), остававшийся за директора этого музея в период немецкой оккупации, сразу после её окончания продолжил археологические экскурсии вокруг Курска и в 1946–47 г. сумел обнаружить несколько новых памятников. В том числе, “на реке Тускари ... исследовал стоянки эпохи позднего неолита” [14].

Об этом незаурядном деятеле на краеведческом поприще стоит сказать несколько подробнее. Тамбовский уроженец, он начинал свой путь историка-локалиста, члена тамошней ГУАК и преподавателя гимназии публикациями о древностях г. Лебедяни. После революции стал одним из самых активных и квалифицированных деятелей краеведческого движения в Черноземье. Живя в 1928–31 гг. в Воронеже и служа там в Облплане,

участвовал в Центральном бюро краеведения ЦЧО (См. главу IX). Был осуждён по “Делу краеведов” на 10 лет лишения свободы. Отсидев в лагере, поселился в Курске. Здесь он, помимо музейной службы, преподавал в 1941–46 гг. (с перерывами на эвакуацию студентов и оккупацию города немцами) историю в Педагогическом институте. К концу войны им была подготовлена к защите и апробирована в Московском историко-архивном институте кандидатская диссертация на тему: “Очерки по истории Мещеры и Рязанской Украины (Поченья) в XII–XIV вв.” Его перу принадлежала также рукопись монографии “Города-крепости южной окраины Московского государства в XVII в.: Тамбов, Лебедянь, Курск” и ряд статей сходной тематики [15]. О возобновлённой в конце XVI в. курской крепости Черменский собрал литературные и архивные данные, “произвёл измерения в натуре по длине расположения её бывших стен”. На карту области им были положены важнейшие маршруты через Посеймье в позднем средневековье: “Посольские дороги. Западные ветви Муравского шляха. Пахнутцова дорога, Бакаев шлях” [16], — гласит последний из архивированных отчётов о научной работе этого преподавателя.

Коллеги по кафедрам истории СССР и всеобщей истории забраковали эти работы старого краеведа, поддавшись новой волне идеологических проработок и репрессий, поднявшейся в послевоенные годы. Черменский имел несчастье остаться в Курске при немцах и даже руководил тогда оставшейся в городе частью Краеведческого музея. Музей и при немцах работал, был открыт для посещения экскурсантами, экспонаты его не были конфискованы захватчиками. После освобождения города никто и не подумал поблагодарить П.Н. за спасение музейных фондов, наоборот — версия “сотрудничества с оккупантами” висела над ним дамокловым мечом.

Пожилой историк-краевед вынужден был уволиться из института и вернуться к учительству в средней школе. Вскоре он уехал из Курска на родину, в Тамбов. В 1950-е – 70-е гг. им был опубликован целый ряд интересных исследований по исторической географии Подонья, истории Тамбовщины [17].

В лице Петра Николаевича Черменского перед нами один из последних во всем Черноземье по времени активной научно-исследовательской деятельности истинных, культурных краеведов. Как жаль, что в Курске ему не дали довести до конца и опубликовать источниковедчески добротные работы по истории этого города в Средние века и раннее Новое время.

Михаил Вацлавович Воеводский же скончался в 45 лет от рака пищевода сразу после своего последнего полевого сезона — 23 октября 1948 г. Это сезон он отработал целиком, как всегда энергично. Уход из

жизни выдающегося учёного в самом расцвете сил, стоящего на пороге нового этапа своих замечательных открытий, окружённого талантливыми научной молодежью, выглядел предельно нелепым. Эта кончина произвела особенно гнетущее впечатление на его московских коллег. Светлой памяти Михаила Вацлавовича посвящены два сборника научных трудов — “Краткие сообщения ИИМК” [18] и “Учёные записки МГУ” [19] по материалам Деснинской экспедиции, а кроме того — историко-археологическая повесть Ю.А. Липкина “Кудеяров стан”(1954); наконец, составленные А.А. Чубуром и его соавторами из курского и курчатовского музеев научно-популярные очерки “Каменный век” (1999) — I том рассчитанной на 20 выпусков книжной серии “Курский край”. Очень редко, тем более в советский период, почившие историки и археологи, даже куда более титулованные, удостоивались столь тёплой оценки, долгой и благодарной памяти, широкого признания от своих коллег по академическому цеху [20].

Археологические исследования в Курском Посеймье с кончиной М.В. Воеводского не прервались, их продолжили ученики и коллеги этого замечательного ученого. Такая преемственность служит лучшим показателем высокого уровня его исследовательской и организаторской деятельности.

Начатый в 1946–48 гг. под руководством М.В. *первый раскоп Авдеева* (так называемое “Авдеево старое”) был закончен в 1949 г. под руководством *Александра Николаевича Рогачёва* (1912–1984) из Ленинграда. Этот — начальный этап работы на данном памятнике выявил почти такой же жилой комплекс людей каменного века (овальной формы, общей площадью около 800 кв. м., с землянками и хозяйственными ямами по контуру), как и в Костёнках–I. И здесь была собрана богатая коллекция кремневых и костяных изделий — орудий, украшений, резных статуэток — женщин-”венер” (некоторые из них — с проработанными чертами лица, что являлось их неповторимым для европейских находок этого типа отличием), мамонтов; а также костей животных и птиц, на которых охотились обитатели стоянки.

Публикуя результаты своих раскопок Авдеева, А.Н. Рогачёв достаточно уважительно отозвался о труде своего предшественника на этом памятнике. Перечислив публикации и отчеты Воеводского по Авдееву, преемник так оценил свое отношение к ним: “Раскопки 1949 г. завершили исследование Авдеевского палеолитического поселения. Они показали в новом свете результаты предшествовавших исследований и позволили понять памятник в целом. Таким образом, данная работа, обобщающая результаты раскопок Авдеевского поселения ... , является в известной мере отчётом и покойного М.В. Воеводского” [21].

Правда, по ходу изложения у Рогачёва проскальзывают раз-другой ноты недовольства методикой первоисследователя памятника. “По-видимому, тяжёлой болезнью М.В. Воеводского следует объяснить то обстоятельство, что дневник полевых работ лично сам он вёл только в начале работ. Им подробно описаны лишь участки V и VI. Об остальных участках [VIII, IX, X, XI раскопа 1848 г. — С.Щ.] имеются только краткие замечания. ... Это обстоятельство затрудняет более детальное описание многих ям и западин, вырытых в полу жи-лой площадки” [22]. Свою же, “выработанную многолетним опытом костёнковских экспедиций” методику изучения культурного слоя палеолитической эпохи Рогачёв считал “более точной”; она, согласно его самооценке, “уменьшает возможность элементов случайности при раскопках остатков поселений и обеспечивает более полное понимание древних памятников” [23]. Помимо сути дела, в данном эпизоде археологических исследований слышатся отголоски застарелого соперничества учёных из старой и новой столиц.

Ученица Воеводского и его первая помощница на авдеевском раскопе — *Марианна Давыдовна Гвоздовер* (р. 1917) осуществила монографическое описание и публикацию данной части памятника, сопоставила его с остальными верхнепалеолитическими стоянками, известными к тому времени на территории Восточной и Западной (Чехословакия, Австрия) Европы. Из её исследования “мы видим следы расселения от Дуная до Дона первобытных общин, связанных общностью происхождения. В погоне за стадами мамонтов, бродивших по лёссовым равнинам приледниковой Европы, и в поисках месторождений мелового камня, расселялись общины первобытных охотников на мамонтов” [24].

В дальнейшем, начиная с 1972 г., М.Д. Гвоздовер и примкнувший к ней на этом этапе видный ленинградский палеолитовед *Геннадий Павлович Григорьев* (р. 1937) продолжили стационарные раскопки Авдеевской стоянки и вели их с замечательной результативностью долгие годы, вплоть до текущих 1990-х. Выдающиеся результаты её с коллегами раскопок под Курском благодаря серии отдельных публикаций по этнокультурной истории каменного века, куда вошли эти материалы, получили международную известность. В 1997 г. 80-летие маститой исследовательницы было отмечено научной конференцией в её честь, организованной сектором палеолита ИИМКа. Вместе с тем, позволительно выразить сожаление в связи с тем, что отдельной монографии, специально подводящей некие итоги скоро уж полувекового периода раскопок Авдеева, в печати пока так и не появлялось (а материалы к такому изданию в печати время от времени появляются).

В 1950-е – 60-е гг. последовал *новый этап археологических работ на территории Курской области*, которые повели прежде всего некоторые из бывших участников авдеевско-липинской группы М.В. Воеводского.

Как видно, с его лёгкой руки профессиональная археология вернулась в эти места, занялась ими основательнее, чем когда бы то ни было раньше. Этот этап изучения древностей Посеймья можно назвать *научно-академическим*. Ведь разведки и раскопки здесь велись уже в плановом порядке, достаточно широким фронтом, несколькими отрядами специалистов-археологов разного профиля своих научных интересов; их действия координировал единый центр — ИИМК, затем Институт археологии АН СССР. Фиксация результатов полевых работ осуществлялась практически на современном уровне, так что с соответствующими коллекциями вещей с курских памятников полноценно трудятся и нынешние археологи. Основные результаты производимых в поле и камеральной лаборатории работ регулярно и полно публиковались — в “Кратких сообщениях ИИМК”, “Советской археологии”, других сборниках; более полно они аккумулировались в архивированных полевых отчетах.

В 1948–49 гг. *Павел Иванович Засурцев* (1912–1974) и *Нина Константиновна Лисицына* (1921–2000) начали, а в 1951 г. продолжили раскопки в Липине — на городище и двух курганных могильниках XI–XII вв. поодаль него [25]. Одну из этих курганных групп удалось датировать концом X – началом XI вв., а вторую — XI–XII вв. Основные результаты раскопок бескурганного могильника (на юго-западной окраине липинского селища) опубликовал участник той же экспедиции *Ростислав Леонидович Розенфельдт* (1922–1989) [26]. Впоследствии остатки этого кладбища оказались уничтожены песчаным карьером силикатного завода (Хотя П.И. Засурцев аккуратно перезахоронил человеческие кости *in situ* из раскопанных им липинских труположений после взятия вещевого инвентаря и фиксации погребальной обрядности. Столь гуманистическая инициатива археолога заслуживает особого внимания в наши дни; особенно в связи с возрождением христианской археологии в России). Богатый материал дали тогда же и раскопки на самой площадке Липинского городища (Особую ценность этим находкам придает их сравнение с результатами новейших раскопок того же самого памятника под руководством В.В. Енукова и О.Н. Енуковой (Курск), при участии Ю.Ю. Моргунова (Москва) и В.В. Приймака (Украина, Сумы) [27]).

Здесь стоит заметить, что именно в курском Липине Н.К. Лисицына прошла свою основную практику полевого археолога, самостоятельно руководила раскопками. С 1949 г. эта выпускница исторического факультета МГУ и аспирантуры ИИМК (вскоре переименованного в Институт археологии) была назначена учёным секретарём Комитета полевых исследований этого института. На этой должности она проработала почти полвека, до конца 1990-х гг., регистрируя отчёты о

раскопках и оформляя открытые листы для археологов всего СССР, затем всей Российской Федерации.

Другая замечательная представительница отечественной археологии — *Анна Епифановна Алихова* (1902–1989). Она оказалась хорошо подготовлена к тому, чтобы принять от своего безвременно скончавшегося супруга эстафету археологического изучения Курско-го края. Уроженка Калужской губернии, она окончила физико-математический факультет Московского университета, а затем специализировалась здесь же на кафедре антропологии. После чего работала сотрудником Московского областного музея (1930–34), затем ГИМа (с 1936 г.) Как профессиональный археолог она дебютировала работами по мордовским древностям [28]. Кроме того, участвовала в археологическом надзоре за строительством московского метрополитена, канала Москва — Волга. В 1950–56 гг. руководит отрядом Куйбышевской археологической экспедиции, изучая памятники разных эпох в зоне затопления тамошней ГЭС.

Приезжая по инициативе М.В. Воеводского и вместе с ним в Курск, Анна Епифановна нашла своё истинное, пожалуй, призвание в полевой археологии — памятники раннего железного века Восточно-европейской лесостепи. В 1948 г. она начала и в 1950-е гг. продолжила обследование городищ по Сейму — Кузину гору, Александровское, Плаксинское, Кудеярову гору, Сугрово и др., закладывая на них шурфы и небольшие раскопы [29]. В результате обнаружилась целая сеть укреплений, относящихся к северной периферии скифо-идного мира. То были первые укрепленные поселения на территории Курского Посеймья; их археологическое изучение открыло новую главу древнейшей истории края.

В 1955–61 гг. Кузина гора (всё в том же районе Дични, западнее Курска, где расположены и Авдеево, и Липино) была основательно раскопана А.Е. Алиховой (и очень вовремя, если учесть, что к сегодняшнему дню поверхность городища нацело застроена дачами). То оказался весьма типичный, однослойный памятник юхновской культуры — по всей видимости, племенной центр-убежище с культурными функциями [30]. Кроме того, в 1955 же г. А.Е. выполнила небольшие раскопки Моисеевского городища на Свапе [31]. Сопоставление полученных в разных пунктах Посеймья материалов эпохи раннего железа позволило ей сделать ряд новых и важных для истории этого культурного горизонта выводов относительно хронологии (IV–VI вв. до н.э.); конструкций оборонительных сооружений, жилищ; состава керамики; производственной и бытовой деятельности на древнейших укрепленных поселениях данного региона. Этих юхновцев исследователи потом “примеряли” на роли будинов или меланхленов геродотового описания Скифии и сопредельных с нею территорий.

А.Е. Алихова неоднократно возвращалась в Курскую область для разведок и раскопок и в 1960-е, и даже в начале 70-х гг. Большинство её экспедиций производились тогда в дружеском сотрудничестве с Ю.А. Липкингом, опытным курским краеведом Вениамином Евгеньевичем Шулем и с привлечением на археологическую практику студентов здешнего педагогического института. Среди изучаемых ею на протяжении 1940-х – 60-х гг. объектов — раннесредневековое селище и могильник у все той же “археологической энциклопедии” юго-восточной лесостепи — Авдеева [32].

В 1948 г. *Ольга Николаевна Мельниковская* (р. 1921), видная специалистка по раннему железному веку Европейской части страны, провела разведку на Шуклинском городище (вскоре за городской чертой современного Курска). А в 1952–53 гг. стационарные раскопки (общей вскрытой площадью более 700 кв. м., а также разрез вала и курган с трупосожжением) на этом памятнике провела столь же известная исследовательница *Татьяна Николаевна Никольская* (р. 1919) [33]. Ей помогали курские энтузиасты археологии — В.И. Самсонов, Ю.А. Липкинг, Е.В. Недзвецкий (КОКМ). В итоге этих работ Шуклинское городище пополнило до сих пор короткий список полно, эталонно раскопанных поселений роменской археологической культуры. В 1954 г. Т.Н. Никольская предприняла небольшие раскопки на сеймском городище Лысая гора, а в 1960 г. шурфовала соседнее городище — гору Кудеярову. Слои раннего железного века перекрывались на всех этих объектах славянскими (роменскими). С 1949 по 1984 гг. Т.Н. Никольская руководила Верхнеокской экспедицией своего института и по результатам ее работы подготовила обобщающие труды по археологии летописных вятичей и другим эпохам истории Поочья. Курские материалы логично вписались в этот фундаментальный проект в качестве сопоставительных.

Позднее, в 1960-е – 70-е гг. все эти три замечательные исследовательницы — А.Е. Алихова, О.Н. Мельниковская и Т.Н. Никольская ещё несколько раз обращались и к полевым изысканиям в Курском Посеймье, и включали материалы отсюда в свои монографические труды, посвящённые крупным проблемам древней истории Восточной Европы.

С начала 1950-х гг. и на протяжении трёх десятилетий ежегодно разведки городищ и других памятников в Посеймье повёл Ю.А. Липкинг, о чем говорилось выше.

Особой масштабностью, высотой методического уровня и систематичностью публикации полученных результатов отличались *разведки, произведённые в курской лесостепи Иваном Ивановичем Ляпушкиным* (1902–1968). Напомним, что с Курщиной он познакомился ещё в 1930-е гг., когда, будучи аспирантом, ассистировал Б.А. Рыбакову при раскопках Гочевских городищ. В 1940, а затем с 1947–48 гг. уже зрелым

специалистом посетил, описал, прошурфовал большинство известных к тому времени городищ Посеймья, выявил не-сколько незнакомых науке. По сути, именно он и ввёл и те, и другие памятники в научный оборот. В центре интересов этого исследователя находились проблемы славянского этногенеза, в особенности его завершающих этапов в пределах Восточной Европы. Именно курские материалы оказались ключевыми для выдвинутых им по данной проблематике гипотез.

Дойдя со своим мобильным отрядом по территории Левобережной Украины, от Днепра и Десны до Курской области, Ляпушкин отказался от тактики сплошного обследования того или иного поречья, которой он придерживался ранее. По Сейму и его притокам, Пслу и Осколу, Северскому Донцу и Орели он целенаправленно искал памятники эпохи железа, в особенности следы первых достоверно славянских поселений, прежде всего уже известных по археологической литературе. Предварительный список памятников для посещения был составлен Ляпушкиным по трудам предыдущих разведчиков посеймских городищ и курганов — Д.Я. Самоквасова (включая известный каталог 1873 г., составленный ГСК по его инициативе), К.П. Сосновского, А.Н. Александрова, Л.Н. Соловьёва. Отклонения от заранее намеченного маршрута делались только при обнаружении новых, не зафиксированных в его картотеке памятников. Однако попутно фиксировались остальные культурные слои на осматриваемых объектах. Так его отрядом было пройдено по территории Посеймья в общей сложности более 2 000 км. и обследовано до 100 поселений. Везде группой Ляпушкина велась картосъёмка, собирался подъемный материал, делались зачистки и (там, где на поверхности находки отсутствовали) шурфы.

В результате именно этим автором были впервые в историографии намечены основные этапы оседлого заселения Левобережья от раннего железного века до монгольского завоевания. Применительно к скифского времени (примерно VII–III вв. до н. э. [34]) и зарубинецко-черняховской эпохе “полей погребений” (III–IV вв. [35]), для славяно-русского периода (IX–XIII вв. [36]) разведки этой Левобережной экспедиции сыграли переломную роль в накоплении достоверной информации — вместо немногих разрозненных данных различной степени достоверности наука получила первый вариант полноценного каталога городищ и селищ Левобережного Поднепровья, с чёткой периодизацией всего периода раннего железа на данной территории. Было окончательно выяснено, что в верховьях Сейма, восточнее р. Рати, а на Псле восточнее с. Картамышева городищ нет, а к западу от Курска и особенно Рыльска их число значительно возрастает.

Таким образом, разведками И.И. Ляпушкина была фактически установлена юго-восточная граница расселения массива славянских

“племён”, затем интервал своеобразного пульсирующего “фронтала” между древней Русью и кочевнической, броднической Степью. Правда, неукреплённые роменские поселения восточнее отмеченной Ляпушкиным границы могли быть до сих пор не разведаны, о чём как будто говорят случайные находки последних лет. Однако вряд ли они способны всерьёз изменить отмеченную границу.

Славянских памятников ранее VIII в. в регионе тогда обнаружить не удалось и вывод Ляпушкина об отсутствии здесь таковых прежде роменцев [37] удалось пересмотреть не сразу, а начиная с открытий в 1960-е гг. А.Е. Алиховой и Ю.А. Липкингом могильников той культуры, которая потом была поименована колочинской. Так что и историко-археологическая лагуна V–VII вв., предположенная Ляпушкиным для оседлого населения на Левобережье, оказалась в конце концов заполненной.

Кроме массы эмпирических данных, монографии И.И. Ляпушкина содержат целый ряд весьма оригинальных исторических гипотез в связи с тем или иным памятником, микрорегионом. Эти предположения потом пересказывались и развивались другими авторами, краеведами и археологами, нередко без ссылок на их настоящего автора. Привлекает своей объективностью осторожность ляпушкинских формулировок в подобных случаях. Например, “Ратское поселение, — на его взгляд, — в целом представляет значительный научный интерес, главным образом, для поздней татарской поры. Судя по площади распространения культурных остатков, их разнообразию и насыщенности ими, это было большое и богатое поселение, возможно одна из таких слобод, как слободы курского баскака Ахмата, о которых упоминает летопись под 1283 г.” [38].

Дальнейшие раскопки и сборы на территории данного археологического комплекса блестяще подтвердили это предположение. Причём Ляпушкин высказал его в столь корректной форме, которая снимает довольно резкий спор сторонников [39] и противников [40] этой локализации соответствующих летописных реалий: город с постоянным и многочисленным татарским населением во второй половине XIII–XIV вв. тут налицо. Об этом говорит найденное на Рати беспрецедентное для Руси того времени количество тарной и столовой ордынской керамики, большое количество ордынских монет, предметы воинского снаряжения татар, а также экстраординарная для Руси (всего третья для слоев монгольского времени) находка — металлургическое зеркало степных женщин этого же времени, другие т.п. [41]. А была ли это именно Ахматова слобода или иной какой фор-пост Орды, наверняка, конечно, не скажешь. Во всяком случае тенденция отодвинуть границу Руси с Ордой со среднего Сейма к его верховьям [42], объяснение находок золоордынской керамики исключительно торговыми связями коренного — русского населения [43] не

подтверждаются новыми находками татарских материалов на курских памятниках (Кроме Беседина, следы ордынской керамики обнаружены на Гочевском и Липинском комплексах).

Посеймские открытия И.И. Ляпушкина поддали полемикального жару в его принципиальный спор с другим известным археологом, *Петром Николаевичем Третьяковым* (1909–1976) о путях заселения Восточной Европы славянами. Ляпушкин (а вслед за ним В.В. Се-дов и другие авторы) придерживались гипотезы об изначальном дви-жении славян с запада на восток, приведшем их в третьей четверти I тыс. н.э. в Среднее Поднепровье и, далее, на Левобережье [44]. Третьяков же и его сторонники (например, Э.А. Сымонович, Ю.А. Липкинг) рассматривали славянское население юго-восточной лесо-степи как автохтонное уже с конца I тыс. до н.э. и искали преемст-венных связей между отдельными культурами этого региона в позд-неантичную эпоху (прежде всего черняховской) и отмеченным Ля-пушкиным этнодемографическим “выплеском” предроменского вре-мени [45].

Современные модели окончания славянского этногенеза, как это нередко бывает в истории науки, синтезируют эти два подхода — миграционистский и автохтонистский [46]. Хотя и тогда, в послево-енные годы, полемисты оказались достойны друг друга — выходец из крестьян, сохранивший характерный сельский говорок Иван Ива-нович Ляпушкин и москвич-вундеркинд, блестящий интеллигент Пётр Николаевич Третьяков — оба вошли в историю отечественной археологии как её признанные корифеи. “По следам первых славян-ских культур” вслед за Третьяковым, по проторён-ным им тропам идут исследователи новых поколений. Поистине дьявольская интуи-ция Ляпушкина-историка сегодня находит всё новые и новые под-тверждения в полевых и в монографических исследованиях курских памятников.

Кроме москвичей и ленинградцев, территорию Курского края (в его прошлых пределах) после войны стали посещать украинские археологи. Так, в 1947 г. *Дмитрий Тарасович Березовец* (1910–1970) произвел разведочные раскопки на городище “Городок” в Путивле. И вновь за строкой истории курской археологии встает далеко незау-рядная личность: встретив войну кадровым военным, Д.Т. Березовец в ходе отступательных для Красной армии боев 1941 г. попал в не-мецкий плен. В концлагере он возглавил отряд сопротивления. По-сле освобождение только проявленное им в нацистском подполье геройство спасло его от лагеря советского. Но с армейской службы его в 1946 г. всё-таки уволили, после чего он уже и вернулся к ар-хеологической практике — к вящей славе восточных славян северян-ского союза племен, их предшественников и соседей по Восточному Поднепровью. Д.Т. — первооткрыватель сразу двух археологиче-ских культур и каких — волынцева и пеньковки, чей вклад в

становление собственно славянства трудно переоценить. В его же научных трудах впервые получили монографическую разработку древности северян и их южных соседей — алано-болгаро-хазар салтовцев.

К сеймским памятникам конца I тыс. н. э. Д.Т. Березовец обращался и в дальнейшем, в 1950-х – 60-х гг. [47].

Тем временем собственно *курское краеведение после войны* продолжало хиреть и к 1950-м – 60-м гг., с постепенным уходом в мир иной поколений, получивших гимназически-университетское образование, окончательно выродилось. Извечные сетования старейшин на измельчание молодёжи в условиях позднего сталинизма наполнялись вполне историчным смыслом. Репрессии и войны унесли слиш-ком много народа, а ещё больше запугали до неприличия. На один только, правда, ужаснопамятный — 1937 г. Курскому областному управлению НКВД из наркомата был спущен план на ускоренную репрессию “враждебных элементов” — 4 000 человек. Из них к первой категории — “наиболее враждебных элементов”, подлежащих после ареста и рассмотрения на так называемой “тройке” расстрелу — относилась 1 000, а ко второй категории — лишению свободы от 8 до 10 лет — 3 000. Выполняя эту директиву, курские чекисты, как тогда водилось, перевыполнили план — арестовали 8 354 человека. Из них тогда же, немедленно после решения “тройки” было расстреляно 2 886 человек (34, 5%), а 5 468 (45, 5 %) приговорено к тюремному и лагерному заключению, в том числе 4 862 человека к 10 годам лагерей.

Впервые опубликовавшие эти данные В.В. Раков и В.Г. Карнаевич [48] разнесли их по категориям осужденных: “бывшие кулаки” — 4 607 (55%), из них 1319 к высшей мере наказания, расстрелу; “уголовники” — 1474 (16, 8%), к расстрелу 510; “эсеры” — 358 (4, 4%), к расстрелу 131; “троцкисты” — 91 (1, 2 %), к расстрелу 50; “шпионы и диверсанты” — 37 (0, 5 %), к расстрелу 25; “духовенство и монашествующие элементы” — 245 (3%), к расстрелу 146; “сек-тантский и церковный актив” — 576 (7%), к расстрелу 213; “участники контрреволюционных образований в прошлом” — 6 (0, 1 %), к расстрелу 5; “украинская националистическая контрреволюция” — 21 (0, 4), к расстрелу 9; “активный контрреволюционный элемент в прошлом” (белогвардейцы, бывшие каратели, служащие полиции, жандармы) — 733 (89%), к расстрелу 413; “прочие” — 206 (2, 6%), к расстрелу 65 [49].

Послевоенный всплеск надежд на обновление советской жизни обернулся дальнейшими репрессиями новых категорий населения — чудом спасшихся из немецкого плена узников, остававшихся на захваченной врагом территории “пособников оккупантов”, “националистов”, “врачей-отравителей” и т.п. бедолаг, и усиленными страхами людей перед этой властью. “Ровесники окаменели, / Окаменеешь тут, когда / Живого места

нет на теле, / Надежд на отдых нет следа...”, — писал в эти годы (1946–47) писатель-сказочник Е.Л. Шварц.

В 1946 г. представители курской интеллигенции в который раз высказали благое пожелание объединиться в краеведческих целях. Вопрос был поднят на институтской конференции по изучению по-лезных ископаемых области. “На научной конференции было выне-сено решение об организации при [педагогическом] институте науч-ного общества по изучению местного края. Летом 1946 г. это общест-во было создано и приступило к работе. Разработан и утверждён ус-тав общества, избрано правление общества. В состав членов общест-ва, кроме научных работников института, вовлечены работники Обл-плана, медицинского института, краеведческого музея и др. город-ских и областных организаций” [50]. Надо ли говорить, что дальше устава и плана коллективная работа у любителей краеведения и на сей раз не пошла.

После войны в Курске и его области жили и как-то реально действовали краеведы-одиночки. Среди них находились и настоящие подвижники этого увлечения. Так, *Олег Николаевич Андреев* из Льгова открыл Марицкое городище, позднее стационарно раскопан-ное А.И. Пузиковой. Его же усилиями была собрана замечательная коллекция подъёмного материала разных эпох, оформленная как му-зейный уголок одной из льговских школ.

Ветеран Великой Отечественной войны *Иосиф Ефимович Перверзев* создал народный музей памяти Д.Я. Самоквасова в Мед-венском районе [51] (о чём подробнее упоминалось в 7 главе нашей работы). Этот музей и сейчас существует в посёлке Медвенке (при профессионально-техническом училище) на правах районного.

Курянин *Александр Александрович Орлов*, работая машини-стом станции водоснабжения Курского отделения железной дороги, заинтересовался находками палеонтологических окаменелостей и археологических вещей при работе подведомственных ему земснарядов и песчаных карьеров в Курском районе, начал собирать такие наход-ки. В 1950-е – 70-е гг. он систематически искал подъёмный материал на Ратском городище, в историческом центре областного центра. Получившаяся в результате многолетних сборов представительная коллекция древностей разных исторических эпох была передана владельцем в Курский краеведческий музей [52].

Должно быть, родной стариной продолжали интересоваться ещё несколько курян, но до печати, даже местной периодической, резуль-таты их разысканий тогда не дошли. Очевидно, что в результате эво-люции краеведческого движения под влиянием репрессий и общей социально-политической обстановки в стране один тип его представи-телей — эрудированного гуманитария с действительно высшим обра-зованием и

литературными способностями — сменился другим — коллекционера-разночинца, эмпирика даже не научного, а практического уровня отношения к древностям, с очень средним образованием, обделённого журналистским даром.

А в издаваемых курским агитпропом за 1940-е – 50-е гг. сборниках “В помощь лектору и пропагандисту” краеведческой вроде бы направленности на поверку преобладали идеологические штампы. В качестве образца пропагандистской работы среди крестьян областному “активу” преподносилось “объединение лекторов села Жерновец” Свободинского района. К середине 1950-х гг. колхозников здесь систематически донимали лекциями и беседами на самые разные темы — “о жизни и деятельности В.И. Ленина, о международном положении, о моральном облике советского молодого человека, о выборах в Верховный Совет РСФСР..., о достижениях колхозника-ученого Т.С. Мальцева, о советской избирательной системе, о жизни и литературном творчестве А.С. Пушкина, о Дне Советской Армии и Военно-Морского Флота и т.п. ... Показывались диафильмы о возделывании кукурузы”, выпускались стенгазеты и “боевые листки” на ферме. “Село Жерновец расположено в нескольких километрах от бывшей Коренной пустыни. В недалёком прошлом значительная часть его жителей принимала участие в “крестном ходе”. Теперь они осознали вред этого религиозного обряда: за последние годы в “крестном ходе” не участвовал ни один житель села”. Ещё бы: им прочитали три цикла лекций на естественнонаучные и антирелигиозные темы, включая такую: “Правда о Коренной пустыни и ”чудотворной” курской иконе” [53]. Других краеведческих сюжетов здешние пропагандисты уже не затрагивали.

Как под копирку определялась тематика лекционной пропаганды во всей области. Так, “сельские агитаторы” села Тимонова вели “кружок по изучению биографии товарища Сталина”, а приезжие из райцентра Валук и Курска лекторы говорили исключительно о международном положении и политике партии и правительства [54].

В 1950 г. Курское отделение Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний опубликовало (тиражом 3762 экземпляра) стодвенадцатистраничную “Примерную тематику лекций” для своих пропагандистов — “докторов наук, кандидатов наук, профессоров, доцентов, научных работников, учителей, врачей, агрономов, инженеров, зоотехников и других представителей интеллигенции и партийного советского актива”. В предисловии оговорено, что общесоюзная тематика “дополнена тематикой лекций краеведческого характера”. Из двух с половиной тысяч тем, рекомендуемых для озвучивания “в домах культуры, библиотеках, сельских клубах, ремесленных училищах,

санаториях, домах отдыха, на железнодорожном транспорте и т.д.”, “лекций краеведческого характера” всего 39:

“История Курского края

1. Прошлое Курской области (районов области).
2. История г. Курска (городов Курской области).
3. Крестьянское движение в Курской губернии.
4. Октябрьская революция в г. Курске.
5. Организация 1-й Конной Армии на территории Курской области.
6. Товарищ И.В. Сталин в Курской области.
7. Курск в годы Советской власти.
8. Коллективизация сельского хозяйства в Курской области.
9. Курская битва в 1943 г.
10. Партизанское движение в Курской области...
11. Наши замечательные земляки (Шелехов Г.И., Щепкин М.С., Семенов Ф.А., Петров В.В., Уфимцев А.Г., Ватутин Н.Ф., и др.).
12. Герои Советского Союза Курской области.
13. Герои Социалистического труда Курской области.
14. Патриотические письма курских колхозников великому СТАЛИНУ.
15. Забота партии Ленина — Сталина и Советского правительства о развитии и процветании Курской области.
16. Народное образование в Курской области до революции и в годы Советской власти” [55].

Остальные 23 “краеведческие” темы посвящались “природе и экономики Курской области” (вроде таких: “Мичуринцы на полях Курской области”, “Сталинский план преобразования природы в Курской области”). Как видно, областные методисты народного просвещения полагали более актуальными для него сотни тем по марксистско-ленинской философии, истории философии, эстетике, логике, критике буржуазной идеологии (в том числе: “Реакционная сущность “теории мирового” англо-саксонского языка”, “Англо-американский физический идеализм” и т.п.), педагогике (“Банкротство лейбористского правительства в области народного образования” и проч.), психологии (например, “Англо-американская политика морально-идейного разложения молодежи”), истории ВКП(б), произведениям классиков марксизма, истории СССР (начиная с “Культуры государства Урарту”), экономике, государству и праву, международным отношениям, нежели по истории и культуре родного для их слушателей Курского края.

Практически полностью оторвана от местного материала оказалась и преподавание истории в курских школах. Для внеклассной, кружковой

работы с учениками рекомендовались сколь угодно отвле-чённые темы (“Чем нам дорог образ Спартака”, “Великая роль на-шей Родины в истории человечества” и т.д.), а краеведческие отли-чались почти исключительно обличительным (в отношении прошло-го) да апологетическим (по поводу всего послереволюционного) ук-лоном: “Борьба трудящихся города (села) со своими угнетателями — помещиками и капиталистами”, “Передовые колхозы области (райо-на)”, “Улучшение материального положения и рост культурного уровня колхозников области (района)” и т.п.

“Экскурсии по историческим местам Курской области” ограничивались теми, что “связаны с борьбой русского народа с внешними врагами, с борьбой трудящихся против эксплуататоров, местами сра-жений в годы гражданской и Великой Отечественной войны” [56]. Специальный перечень рекомендуемых в областном центре “экскур-сий по истории” включал в себя посещение следующих мест: бывшей курской крепости, осаждавшейся поляками в 1612 и 1634 гг.; в связи с отменой крепостного права — дома отдыха “Моквы”, бывшей уса-дбы графов Нелидовых; по гражданской войне — по местам, где пребывал товарищ Сталин и т.д. [57].

Этот стандарт изложения истории края — а) победы курян над внешними врагами-захватчиками; б) борьба “трудящихся” курян с “внутренними врагами”-эксплуататорами — надолго утвердился в мето-дике преподавания школьникам и студентам. Вместе с очередной учительницей-методисткой, волей-неволей “представляешь себе эту забитую массу, которая шла в Коренную пустынь вымалывать для себя лучшую жизнь. Крестьяне жили в ужасных условиях: голод и смерть, смерть и голод господствовали в каждой избе. Цинизм кур-ских помещиков и мещан не знал предела. Сытое мещанство закры-вало школы, отказалось от строительства университета в Курске. На Курской земле росло недовольство народа” при “бесплодной, ник-чёмной жизни дворян Курской губернии” [58].

Насколько формализировалась при этом история видно по сле-дующему пассажи из той же инструкции: “Куряне, как и весь рус-ский народ, поднялись на борьбу с *монгольскими* завоевателями. Эта сторона исторической деятельности наших земляков отразилась в на-родном творчестве, в поэме “Слово и полку *Игореве*” [59; курсив здесь и ниже мой — С.Щ.]. Относительно же начала Курска как древнерусского центра утвердилась следующая, вполне произвольная формула: “... Город возник в конце X века, как пограничная крепо-сть Киевского государства. Князем Владимиром Курск тогда был основан для защиты от печенегов. Первое же упоминание в дошед-ших до нас письменных памятниках имеется в 1032 году. Тогда уже, *как указывает летопись*, здесь был город...” [60]. Вольное обра-щение с базовыми фактами истории края стало с тех пор не исключени-ем, а правилом; подобными фактическими сбоями пестрят

многие учебные пособия по краеведению и сегодня (их авторы, нередко кан-дидаты наук, летопись не отличают от жития, монголов от половцев и т.п.).

Перечитав несколько десятков брошюр, изданных областным книгоиздательством за послевоенную четверть века, только в одной найдёте архивный материал, вводимый в читательский оборот. Надо ли говорить, что и этот материал был связан с эксплуатацией и ответной “борьбой трудящихся”, хотя и в XVIII в. Речь в работе некоего П.Е. Матвеевского идет о бунте рабочих и приписных крестьян Глушковской суконной мануфактуры и его подавлении силами Черниговского кирасирского полка в 1798 г. (по фондам ГАКО, ЦГИА СССР) [61].

Определённую ценность как источники “устной истории” представляли собой свидетельства курян о военных действиях и пятнадцатимесячной немецкой оккупации города и области, записанные по горячим следам несколькими курскими работниками органов власти и культуры [62]. Нет оснований сомневаться в большинстве таких свидетельств о муках и потерях среди мирного населения, зверствах фашистов, действиях советских партизан на курской земле. Однако далеко не вся правда об этих драматических страницах истории края могла быть тогда запечатлена и тем более опубликована (Что лишнее раз подтверждают начавшиеся в последние годы в областной периодике публикации из архивов НКВД–ФСБ за военный и послевоенный периоды).

Не слишком близкими даже к приемлемой для советской идеологии части исторических фактов получались в результате чрезмерной идеологизации краеведения публикации и о революционных свершениях курян. “На призывы Ленина и Сталина к рабочим и крестьянам готовиться к новым битвам, копить силы, строиться в боевые колонны под знамена партии, трудящиеся Курской губернии ответили вступлением в ряды партии, в отряды Красной Гвардии, демонстрациями и резолюциями, в которых были сформулированы требования, выдвигаемые партией большевиков” — таким выглядел “Октябрь в Курской области” в изложении свежее испеченного после войны “краеведа” [63].

Более или менее приемлемыми для познавательного чтения были, пожалуй, только маленькие брошюры о “знатных земляках”, выпущенных в те годы областным книгоиздательством — путешественнике-коммерсанте Г.И. Шелихове, астрономе и метеорологе Ф.А. Семенове, художнике В.Г. Шварце [64], некоторых других курянах — “деятелях науки, культуры и искусства”. Их авторы добросовестно компилировали сведения из дореволюционных публикаций о тех же персоналиях.

Даже краеведческий (по названию) музей области за все послевоенные годы почти ничего не делал для того, чтобы продолжить ис-

следования регионального прошлого. Экскурсионно-просветительская работа велась его сотрудниками постоянно, но по одним и тем же методическим стандартам, в свою очередь донельзя идеологизированным. После В.И. Самсонова и кроме внештатного сотрудника Ю.А. Липкинга новых авторов-краеведов среди музейщиков долго не появлялось.

Таким образом, в историческом краеведении Курской области после войны наступила затяжная пауза.

* * *

Рассмотрение курских образцов пред- и послевоенного состояния работы с региональными древностями в СССР приводит к противоречивым оценкам. Государственное обеспечение академической науки, пусть и не слишком щедрое, вполне гарантировало устойчивую проведение разведок и раскопок на территории области, камеральную обработку, музеефикацию (хранение и экспозиционирование), издание в свет добываемых ими материалов. Однако занимались всем этим почти исключительно специалисты из крупных университетских и академических центров (на Европейской части СССР — прежде всего Москвы, Ленинграда, Киева, Харькова). На изучении региональных памятников старины выросли новые поколения замечательных и даже выдающихся ученых-гуманитариев. Они наладили сплошное систематическое обследование территории Курской и сопредельных с ней областей и наконец собрали довольно полный материал для составления свода археологических памятников первоначальных периодов краевой истории — от эпохи камня до эпохи позднего Средневековья. Местные археологические материалы вошли в общенаучный оборот, получили всесоюзную и международную известность.

Гораздо более спорадически, но велась и этнографическая работа — по сбору сведений и образцов “живой старины” среди южно-русского крестьянства. Часть вещевых коллекций старинных одежд, утвари попадала в краеведческие музеи, а сводную интерпретацию этого материала оставалась на долю опять-таки столичных специалистов [65]. В провинциальной глубинке и город, и (несколько медленнее) деревня меняли своё “этнографическое лицо” по ходу послевоенного строительства и влияния назревавшей даже в СССР научно-технической революции. К сожалению, повысить внимание ученых и общественности к ещё быстрее исчезающим под натиском НТР памятникам истории и культуры в советской провинции не удалось.

Столичных специалистов-археологов и этнографов насчитывалось маловато для столь обширного поля работ, а в самих областных, тем более районных центрах столичным им находилось немного помощников,

причём в своём большинстве годных лишь на сугубо исполнительские, вспомогательные роли. Региональные группы (переорганизованные в научные школы) знатоков и хранителей памятников старины, наметившиеся в 1910-е–20-е гг., в дальнейшем по сути прекратили своё существование. Отдельные специалисты-гуманитарии из музеев, средних и высших школ, кое-что полезное делали для сохранения и пропаганды исторических древностей, но нового слова в их познании сказать не могли. Организации краеведов если и существовали, то только номинально, на бумаге для отчётов по инстанциям партийного агитпропа. Почти вся печатная продукция этого последнего носила выхолощенный идеологической цензурой, утрированно-социологический характер. В неистребимой, как видно, когорте энтузиастов местной старины преобладающей стала фигура коллекционера случайных находок, малообразованного и никак не связанного с учреждениями науки и культуры. Одни из собранных ими коллекций, подчас весьма ценных в историко-культурном отношении, попали на хранение в государственные музеи, другие после кончины их владельцев утратились для науки. Типичный вплоть до конца 1920-х гг. образ краеведа-эрудита, получившего европейского уровня гуманитарное образование, тесно взаимодействующего с представителями и органами профессиональной науки, с рассмотренных в главе пор отходил прошлое и было похоже, что безвозвратно для российской культуры.

Отдельные сюжеты исторического краеведения получили дальнейшую разработку благодаря преподавателям высших школ, открывавшихся или возобновлявшихся после Отечественной войны в областных центрах вроде Курска. Тематика таких вузовских исследований, в идеологическом духе того времени, тяготела к проблемам социально-экономического и классово-партийного круга. Тем самым советский образ истории и культуры края получался далеко не полным и даже утрированным в только что отмеченном плане. Застойные в теоретическом и практическом аспектах черты возобладали в работе краеведческого музея и прочих учреждений областной культуры. Находящиеся в районах области памятники старины ветшали и разрушались. Экспозиционно-экскурсионная работа велась по шаблонам, не менявшимся все послевоенные десятилетия.

Таким образом, изучение провинциальных древностей как часть политики в области науки и культуры, историческое краеведение как общественное явление разделили общую участь страны и её регионов в период посттоталитарного, авторитарного состояния советского государства и общества.

§ 2. Современное состояние изучения и охраны

исторических древностей Курской земли

На рассмотренных в предыдущем параграфе, во многом переломных отрезках развития “курсковедения”, — 1940-х – 50-х гг., а тем более 1960-х – 70-х гг., завершается, пожалуй, история изучения местных древностей. Точнее, за последние десятилетия история науки и культуры плавно перерастает в сегодняшний день научной теории и культурной практики. “Дела и дни” 1980-х – 2000-х гг. ещё не успели полностью уйти в историю. Многие из тех учёных и краеведов, кто потрудился за последние четверть века на Курской земле, продолжают изучать её изучение. Поэтому эта, заключительная часть диссертации не претендует на сколь-нибудь законченные оценки послевоенной археологии Черноземья. Это задача будущих историков. Рубеж прошлого и наступившего столетий слишком близок “злобе сегодняшнего дня”, из-за личностных пристрастий спорен для мало-мальски углублённого анализа. И, главное, небывало для юж-норусского региона масштабен по объёму произведённых разведок и раскопок, новых публикаций, разнообразию их тематики; проблемен по своим итогам. А большое, как известно, видится на расстоянии. Вместе с тем, вряд ли целесообразно “отключать историографический мониторинг” тех процессов, что происходят сейчас с теми самыми памятниками истории и культуры, что сумели сберечь для нас и, надо надеяться, будущих поколений представители былых поколений учёных и краеведов. В свете их разнообразного опыта, который мы стремились проследить выше, могут проясниться некоторые из нынешних проблем региональной работы с историческими древностями.

Наконец, своими публикациями о представителях послевоенных поколениях первооткрывателей курских древностей, мы желали бы побудить историков-ветеранов археологического изучения Европейского Юго-Востока заняться мемуарами. XX век, с его арестами, обысками, эвакуациями, явно не располагал ученых и практиков к записи воспоминаний. Теперь положение изменилось в лучшую сторону — издательский и читательский спрос на меморат растёт. Воспоминания ныне здравствующих ветеранов гуманитарной науки составили бы незаменимый источник для разработки той тематики, которой посвящена и наша работа. Более того, живое слово участников борьбы за спасение русских древностей обогатило бы, без сомнения, не одну только историографию, но остальную общественную мысль нашей страны, идейно-нравственный опыт её народа.

Интенсивность и результативность историко-археологических работ на территории Курской области в целом непрерывно и качественно нарастали от десятилетия к десятилетию, начиная с 1960-х и вплоть до сегодняшнего дня. Данный (можно назвать его современным, новейшим,

текущим) период выдвинул целую плеяду талантливых и трудолюбивых исследователей курских древностей, принес им новые открытия, посулил далеко идущие планы. Пока суд да дело, сугубо конспективно отметим здесь, напоследок, имена наиболее заслуженных исследователей далёкого прошлого нашей области, работавших с её памятниками в этот период и в своём большинстве продолжающих эту работу сегодня (со ссылками на некоторые, обобщающие публикации их и про них).

Это *специалисты по эпохе палеолита* — М.Д. Гвоздовер (Москва) [1], П.И. Борисковский [2], Г.П. Григорьев, Г.В. Григорьева (Ленинград — Санкт-Петербург) [3], В.Е. Щелинский, С.Н. Алексеев [4], В.И. Беляева, Е.В. Булочникова (Москва), А.А. Чубур (Брянск), Н.Б. Ахметгалеева (Курчатов) [5]; хуже всего известных здесь памятников *неолита* — Л.Я. Крижевская (Москва) [6]. В результате их работ были получены весьма выразительные материалы по проблемам первоначального заселения людьми Восточно-Европейской равнины, палеоэкологии этого региона в период великого оледенения и сразу после него.

Принципиально важное значение для постановки и решения ключевых проблем отечественной археологии и истории рубежа I и II тыс. н. э. имели *раскопки Большого Горнальского городища* на Псле, осуществлённые под руководством Андрея Васильевича Кузы (1939–1984) [7] и при участии Г.Ф. Соловьёвой, А.А. Узянова и некоторых других их коллег из московского Института археологии АН СССР (ныне РАН). В этой экспедиции прошли апробацию новаторские методики археологического изучения средневековых городов, а также накоплен принципиально важный материал для понимания исторических судеб роменской археологической культуры — предшественницы и основы древнерусского периода региональной истории. Реставрированные находки из этих и последовавших затем на Тускари раскопок роменских памятников частично экспонированы во вновь открытом (2001–2002 гг.) после долголетнего ремонта Государственном Историческом музее на Красной площади Москвы, хранятся в его фондах, участвовали в устраивавшейся этим музеем в своём Новодевичьем филиале международной выставке “Путь “из варяг в греки и из грек...” (1996). Таким образом, эти курские находки московских археологов приобрели общенациональное, титульное значение для начальной истории Руси.

Большой вклад в спасение здешних объектов археологии перед угрозой затопления Курским водохранилищем произвела *комплексная новостроечная экспедиция Института археологии* под руководством видных московских специалистов — *Анны Ивановны Пузиковой* (р. 1932) [8], *Эраста Алексеевича Сымоновича* (1919–1983) [9], *Александра Антоновича Узянова* [10]. Этими же археологами были произведены эталонные раскопки типичных для лесостепной зоны памятников разных

эпох на территории области. А.И. Пузиковой — городищ Марицы, Переверзева-I и др. объектов лесостепных культур скифского времени; Э.А. Сымоновичем — ряда поселений и могильников киевского и черняховского типов; А.А. Узяновым — городищ, селищ и курганов роменской культуры.

Замечателен *опыт* систематического и междисциплинарного *обследования памятников Посеймья Центрально-Черноземным отрядом Института археологии РАН* под руководством Александра Владимировича Кашкина [11] и А.А. Узянова, Курским разведочным отрядом того же Института во главе с П.Г. Гайдуковым [12]. Этими специалистами открыты многие десятки новых памятников разных эпох местной археологии, систематизированы паспортные данные по археологическому разделу свода памятников истории и культуры области. А.А. Узяновым и А.В. Кашкиным [13] обобщён и продолжает обрабатываться, поэтапно публиковаться, интерпретироваться огромный фонд археологической, палеогеографической, исторической информации по заселению с древнейших времён и до позднего Средневековья бассейнов Сейма, Псла со многими их притоками, а на столь показательной, модельной основе — Среднерусской возвышенности в целом. Эта их работа кооперирована с представителями Института географии РАН — почвоведом и экологами.

Результаты полевых и кабинетных штудий упомянутых авторов полнее всего отразил систематический *свод археологических памятников Курской области*, подготовленном к середине 1990-х гг. в Институте археологии РАН А.В. Кашкиным и опубликованном целиком лишь в 2001 г. в рамках многотомного проекта “Археологическая карта России” [14]. Это издание имеет выдающееся значение для историографии и современной практики областной археологии. Оно уже стало настольным пособием тех специалистов, кто ещё занимается местными древностями. Однако и в нём имеются некоторые неточности и особенно пробелы, обусловленные тем, что после прекращения на рубеже 1980-х–90-х гг. финансирования археологических работ в Курской области специалисты Института археологии и его петербургского филиала, вновь наречённого недавно Институтом истории материальной культуры, практически потеряли возможность её экспедиционного изучения.

Древности позднеримского ареала и раннесредневекового (для Европы) *периода* плодотворно изучались на территории области *Евгением Алексеевичем Горюновым* (1940–1981) и В.М. Горюновой, Ольгой Алексеевной Щегловой (С.–Петербург), Андреем Михайловичем Обломским (Москва), Ростиславом Всеволодовичем Терпиловским (Киев), Николаем Алексеевичем Тихомировым (Курск) [15]. И на этом направлении областной археологии оказались получены результаты, немаловажные для решения общеевропейских проблем бытования и

распространения соответствующих культур, решения вопросов об этничности их носителей.

После перерыва, связанного с кончиной Ю.А. Липкинга, к началу 1990-х гг. начала возрождаться, а точнее — создаваться собственно курская школа археологии. Выпускнику исторического факультета Курского педагогического института, получившему полевую школу Э.А. Сымоновича и других столичных специалистов, чьи экспедиции приезжали в Курск, Николаю Алексеевичу Тихомирову удаётся создать сначала специализированный отдел археологии Курского краеведческого музея, а затем и самостоятельный (один из первых во всей России) *Курский государственный областной музей археологии* (КГОМА). В этом благом начинании ему с определённых пор активно помогали вернувшийся на свою малую родину после учебы в Москве, в МГУ (под руководством выдающегося советского археолога Даниила Антоновича Авдусина) и педагогико-археологической службы в Волгограде Владимир Васильевич Енуков, Ольга Николаевна Енукова [16], а также их ученики, молодые курские археологи А.Н. Апальков, Г.Ю. Стародубцев, А.В. Зорин, А.А. Федин. У этого музея пока нет стационарной экспозиции, только небольшая временная, но коллектив его сотрудников активно занимается научной, просветительской, экскурсионной работой [17].

Александром Николаевичем Апальковым возобновляются раскопки полей курганов и поселений эпох бронзы и раннего железа [18]. Артуром Артуровичем Чубуром, первым директором музея археологии в районном центре Курчатове, как уже отмечалось выше, — изучаются вновь открытые стоянки каменного века (их “букета” в районе с. Быки под Курчатовом). В 1998 г. Александр Васильевич Зорин раскопал еще один курган из могильной группы роменского времени в Шуклинке под Курском (с очень интересными особенностями погребальной обрядности) [19]. Таким образом, в Курске 1990-х гг. впервые образовалась целая группа держателей открытых листов Института археологии РАН на право производство раскопок. К сожалению, их важные, многообещающие полевые исследования велись на средства случайных спонсоров, практически не финансируются местными властями. Поэтому продолжение этих экспедиционных работ, заполняющих “белые пятна” в древней истории Курского края, остается в начале XXI в. весьма и весьма проблематичным.

Качественно новый этап раскопок на территории Посеймья (и принципиально важный для истолкования первых веков истории этого региона в раннегосударственный период) — мест расположения здесь древнерусских городов (самого Курска, а также Ратского и Липинского, Рыльского, Коренского и др. городищ) начинается с 1988 г. *Посеймская экспедиция КГОМА и Курского педагогического института* (ныне

университета) под руководством В.В. Енукова и Н.А. Тихомирова (вначале), а (затем) при участии в этом руководстве О. Н. Енуковой [20], (в 1994–96 гг.) Юрия Юрьевича Моргунова (Москва), (в 2000–2001 гг.) В.А. Приймака (Сумы, Украина).

Посеймской экспедицией В.В. и О.Н. Енуковых был изучен также редчайший — колочинской культуры курганный могильник в с. Артюшкове под Рыльском [21]. В 1999 г. В.В. Енуков и О.Н. Енукова продолжили раскопки Рыльска, успешно начатые незадолго до того московским археологом М.В. Фроловым [22]. Таким образом, реальный возраст города Курска и другие ключевые вопросы начальной истории Курского Посеймья могут быть решены благодаря экспедиционному проекту под руководством доцента В.В. Енукова, его монографическим исследованиям вновь открытых материалов региональной археологии.

Совместным докладом Ю.Ю. Моргунова и автора этих строк Курск был представлен на VI Международном конгрессе славянской археологии в Новгороде Великом (1996 г.) [23].

Возобновлены и ежегодно мало-помалу продолжаются *охран-ные работы на Гочевском археологическом комплексе* в Беловском районе (Г.Ю. Стародубцевым, в последние сезоны при участии А.В. Зорина) [24]. В том же микрорегионе верхнего Псла вели результативные разведки и раскопки “своих” раннеславянских памятников А.Н. Тихомиров, Р.В. Терпиловский (Киев), О.А. Щеглова (С.–Петербург), при участии А.Н. Апалькова [25]. А славяно-русский этап истории того же микрорегиона — одной из “восточных территорий” древней Руси реконструировал Е.А. Шинаков [26]. Через несколько лет исполняется столетний юбилей изучения Гочева русскими археологами и его целесообразно отметить подготовкой монографического издания об этом уникальном форпосте Руси на ее юго-восточном пограничье.

Весьма результативно, в том числе по археологической части, потрудились и *группа инвентаризации памятников истории и культуры при комитете культуры администрации Курской области*, созданная в 1992 г. по инициативе тогдашней начальницы областной инспекции по охране исторических памятников Ольги Викторовны Ки-селёвой (выпускницы исторического факультета Воронежского университета). Этот коллектив составляли молодые историки, археологи, архитекторы — А.В. Зорин, Е.Р. Касатуров, С.А. Пахомов, А.А. Федин, И.В. Черенкова, Е.В. Холодова [27]. К сожалению для областной культуры, накопившая за несколько лет дружной работы богатый опыт изучения и охраны памятников старины группа молодых специалистов оказалась нежданно распущена после завершения первичной каталогизации этих объектов. Возможность превратить этот коллектив из временного в постоянный центр историко-культурной экспертизы и надзора за

состоянием археологических, архитектурных, мемориальных и прочих памятных мест края — упущена областным начальством.

Автору настоящей работы выпала удачная возможность участвовать (в скромной роли рабочего-землекопа) в раскопках целого ряда курских памятников археологии — Авдеевского селища и могильника (с трупосождениями), Ратского городища (включая разрез вала) и Липинского селища, курганов в рыльском Артюшкове и прикурской Шуклинке, шурфовке территории Курского городища и посада. Некоторые мои наблюдения как “сознательного попутчика” курских археологов, историографа их деятельности изложены в публикациях последних лет [28].

Наряду с бесспорными достижениями, курскую археологию наших дней не миновали и проблемы, и беды, в той или иной степени типичные для отношения к древностям по всей нашей стране и усугубившиеся в связи с радикальными реформами власти и собственности в начале 1990-х гг. Угрожающие масштабы приобретает порча и полное уничтожение памятников старины бесконтрольным строительством, незаконным землеотводом под него, сельскохозяйственными и прочими вскрышными работами, о чём археологи нередко узнают последними или не узнают вовсе. На публикации о фактах такого рода нарушений законодательства об охране памятников культуры в областной периодической печати никакой реакции властей и правоохранительных органов не следовало.

Активизировались и “чёрные”, грабительские “раскопки” со стороны кладоискателей. Среди этих новоявленных варваров — и малограмотные подростки, не знающие, куда себя деть; и эксплуатирующие их коллекционеры-нумизматы, полуподпольные торговцы антиквариатом, как местные, так и приезжие, столичные. Особенно опасен некий симбиоз кладоискателей и археологов. Мало того, что кладоискатели идут в прямом смысле слова по следам археологических экспедиций — посещают те самые городища и могильники, где велись раскопки. Коллекционеры и торговцы древностями теперь в этих экспедициях фактически участвуют. Так, в Гочевской экспедиции (руководитель Г.Ю. Стародубцев, директор КГОМА) в поисках подъёмного материала на пашне с помощью металлоискателя участвовал курский коллекционер-нумизмат; он же устроил выставку своей коллекции в стенах музея археологии. Похожие субъекты-коллекционеры приняты в штатные сотрудники Курчатовского краеведческого музея. Курский музей археологии приобрёл для своих фондов подборку монет, а в приложении к ним разных других вещей, найденных коллекционерами на территории Ратского археологического комплекса. В 2000 г. приехавшие на автомобиле с московскими номерами в уже не раз упоминавшееся выше село Гочево Беловского района “гости”

“раскопали” в тамошнем могильнике XI–XII вв. три крупных кургана и увезли с собой вырытые комплексы древних вещей. И т.д., и т.п.

К чему приводит “чёрная археология”, демонстрирует, в частности, печальная судьба такого редкого памятника курской археологии, как Монастырище — руины Лыпиновской пустыни в с. Липине Октябрьского района. В 1998 г. грабителями древностей здесь были вырыты гигантские ямы. Тем самым был почти нацело уничтожен культурный слой на месте церковных и жилых зданий этого монастыря XVII–XVIII вв. А в сентябре того же года рядом, на Липинском городище состоялся “съезд ассоциации народных целителей”. Это бестолковое сборище современных юродивых и мошенников оказалось санкционировано областными и районными властями, охраняемо милицией. Выявляя следы “астральной защиты детинца”, экстрасенсы опять же ковырялись в земле на площадке городища и на селище, жгли костры, по углям коих ступал “йог”; и т.д., и т.п. Курские журналисты записали и опубликовали в своих изданиях не только рассказы археологов, ведущих здесь раскопки, но и рядом с ними клинический бред знахарей о “святой воде в колодце [на городище] — результате воздействия на подземную жилу (?) космического тела”; “точке в Липине”, “похожей на пирамиду Хеопса” и т.п. вздор [29].

Весьма странное, на наш взгляд, впечатление произвели на широкую читательскую аудиторию судебные разбирательства по поводу иска курских археологов к заводу силикатного кирпича, чей песчаный карьер в начале 1990-х гг. повредил часть многострадального памятника — Липинского селища, которые с разных точек зрения освещались в местной и центральной периодике [30]. Поскольку этот судебный процесс во второй инстанции рассмотрения астрономического по своей сумме иска археологов к хозяйственникам кончился победой последних, прецедент безнаказанности разрушителей памятников истории не лучшим образом повлиял на общественное мнение и позицию органов государственной власти в области в связи с дальнейшей охраной таких памятников.

А чего стоят следующие откровения “специалиста по биокакации”, школьного учителя физики на пенсии Л.К. Овчинникова: “Директор Курского музея археологии Г. Стародубцев обратился ко мне с просьбой указать на карте местности Гочевского заповедного комплекса некоторые захоронения. Мне это удалось определить на расстоянии 120 километров, а потом конкретно на местности. ... Этот “след” предков был найден путем энергоинформационного обмена. Славяно-скифы или, быть может, скифославяне” [31]. В дальнейшем этот “учитель-краевед” перенёс свои экстрасенсорные опыты на территорию древнейшей части самого Курска, где и произвёл самовольные раскопки, тут же безнаказанно оповестив о них широкую публику через городскую газету. Подобные антинаучные

публикации на историко-археологические темы в областной прессе за последнее время не редкость.

Громкие споры вызвала и начавшаяся в 1999 г. без согласования с органами охраны памятников произвольная перестройка едва ли не главного в Курске памятника такого рода (между прочим, федерального уровня юридической защиты) — Знаменского собора. Очередная начальница инспекции по охране памятников правительства области Е. Нечаева на обсуждении этой новостройки в градостроительном совете Курска обречённо заявила: “Конечно, с точки зрения законов реставрации здесь идет новострой. ... Я могу издать предписание, но не вижу в этом смысла. Запретить я ничего не сумею...” [32].

Служба аварийного обследования и спасения памятников археологии в области практически отсутствовала вплоть до 1997 г. Но и будучи формально создана тогда, она по ряду объективных и субъективных причин пребывает в своеобразном анабиозе. Меняются лица во главе археологической инспекции области, а тем временем новое строительство сплошь и рядом ведётся прямо на памятниках археологии, “коллекционеры” перерывают курские городища и курганы, музей археологии консультирует и не имеет средств приобрести приносимые кем-то находки из-под лопаты преступника-“кладоискателя”. Между тем, без хоть сколько-нибудь активной службы охраны исторических памятников немыслима региональная археология. Ведь из столичных центров никак невозможно непосредственно реагировать на угрозы памятникам старины во всех уголках российской провинции, включая Курский край. А проект “Закона Российской Федерации об археологическом наследии” с 1993 г. без движения лежит в недрах Государственной Думы, её Комитета по культуре, науке и образованию.

Хотя за рамками нашего заключительного обзора оставлены исследования в области региональной новистики, всё же отметим пунктиром появление за последние десятилетия и особенно годы интересных публикаций по истории Курского края в Новое и Новейшее времена. Их выполнили главным образом представители вузовской науки, прежде всего Курских педагогического и политехнического университетов [33]. Так, в стенах КГПУ стенах целую школу по исторической демографии данного региона основал профессор Александр Николаевич Курцев [34]. По его инициативе куряне участвовали в нескольких представительных научных конференциях по этой и историко-географической тематике — в Курске, Тамбове, Брянске, Липецке, Воронеже.

Ценные архивные материалы XVIII–XX вв. по социально-экономической, аграрной истории края ввел в научный оборот доцент Леонид Михайлович Рянский. В этом и других проектах документальных

исследований принимали участие опытнейшие архивисты ГАКО Анатолий Николаевич Бочаров и Александра Степановна Тра-вина [35].

Живописные каталоги видов старого Курска на дореволюцион-ных открытках подготовили курские коллекционеры этого вида про-изведений искусства и одновременно исторического источника [36].

Биографии курян — первопроходцев так называемой Русской Америки написал выпускник аспирантуры КГПУ А.В. Зорин [37]. Торговлю Курска в XVII ст. впервые монографически изучил А.И. Раздорский, а ее же в XVIII – начале XX в.— В.В. Раков, В.В. Захаров, И.М. Плаксин, Ю.В. Озеров и некоторые другие сотру-дники КГМУ[38].

Удачной перестройкой историков КПСС из Политехнического университета можно считать инициированный профессором Леони-дом Семёновичем Полнером цикл диссертационных и монографиче-ских исследований возникновения и деятельности других — левых и правых политических партий, общественных объединений в предре-волюционном Курске и его губернии [39].

За 1970–90-е гг. появилось несколько обобщающих работ учё-ных-историков, этнографов, филологов, посвящённых древностям Курского края. Кроме уже называвшихся выше публикаций, необхо-димо выделить содержательные статьи курского уроженца, доцента исторического факультета МГУ *Григория Николаевича Антилогова* (1902–1984) [40].

Автору настоящей работы в соавторстве с А.В. Зориным, Г.Ю. Стародубцевым (КГОМА), С.А. Остроуховым (Львовский краевед-ческий музей) пришлось подготовить специальный справочник об историках Курского края [41].

Тщанием нынешнего главы объединения курских краеведов Юрия Александровича Бугрова вышли в свет первый (объёмистый, неплохо иллюстрированный) краеведческий словарь-справочник “Курск” [42] и серия выпусков краеведческого альманаха “Сеймские берега”. *Курское областное краеведческое общество (КОКО)* во гла-ве с Ю.А. Бугровым было воссоздано под эгидой обкома КПСС на-кануне перестройки общественных отношений в стране при М.С. Горбачёве. В областной прессе появились краеведческие рубрики “Летопись”, “Сеймские берега”, т.п. Под ними время от времени публикуются разнообразные и часто занимательные заметки курских краеведов. Часть этих материалов весьма поучительна для широкого читателя (очерки старого быта, жизни замечательных земляков, заповедной архитектуры, страниц истории курского театра, других жанров искусства и т.п.). Сборники такого материалов издали или подготовили к печати сам Ю.А. Бугров и кое-кто из его коллег по Краеведческому обществу [43]. Эти материалы вносят свой полезный вклад в удовлетворение читательского спроса на краеведческую ли-тературу. Однако нельзя не заметить, что по сравнению со сборниками

трудов курских краеведов столетней давности современные работы куда как мелкотемны и легковесны. В последние годы деятельность Общества краеведов ограничивается спорадическими выступлениями его председателя и двух-трёх активистов на отдельных просветительских и учебных мероприятиях.

Как видно из отмеченного сравнения, краеведческие материалы не могут ориентироваться только на среднестатистического читателя, а должны варьировать свой читательский адрес в зависимости от содержания и источникового наполнения соответствующих изданий. В отрыве от консультативной, редакторской и рецензионной работы специалистов высшей школы и других профессионалов, печатная продукция современных краеведов приносит не только пользу — занятной информацией о прошлом для мало-мальски интеллектуального читателя, но и вред — обнародованием целого ряда мифологем, непроверенными “сенсациями” (вроде поисков “библиотеки Ивана Грозного” в Посеймье, возвещенных агентством РИА “Новости” в феврале 2002 г. со ссылкой на “курских краеведов” [44]).

На наш взгляд, перспективы творческого развития краеведческого объединения, по крайней мере в рассматриваемом субъекте Российской Федерации, на обозримое будущее весьма и весьма проблематичны. Будущее в дальнейшей разработке историко-краеведческой тематики принадлежит уже не краеведу-любителю старой формации, а представителям новой генерации молодых исследователей, получивших высшее гуманитарное образование и способных на критическое отношение к источникам, историографическую мотивацию выбора тем для исследований.

После долгого перерыва в Курске возобновилось *изучение этнографии*, в особенности *фольклористики края*, включая их исторические аспекты. Это разработки двух выдающихся филологов-фольклористов, чья научная судьба связана с Курским педагогическим институтом (ныне университетом). Во-первых, это *Юрий Иванович Юдин* (1938–1995), любимый ученик В.Я. Проппа, сам ставший видным специалистом по былинному эпосу русского народа. В его богатом научном наследии имеются работы “курсковедческого плана” [45]. А во-вторых, *Александр Александрович Хроленко* — создатель курской школы лингвофольклористики, автор идеи и руководитель уникального проекта составления словаря языка русского фольклора. Материалы этого словаря разъясняют кое-какие из курских историко-археологических реалий [46]. Методология, разработанная школой А.Т. Хроленко применяется и для структурного анализа курского этнографического материала [47]. Кроме всего прочего, А.Т. Хроленко издал записанные и подготовленные к печати Ю.И. Юдиным “Бобравские сказки”,

рассказанные местной сказительницей, жительницы села, соседнего с много раз упоминавшимся выше Го-чевским археологическим комплексом на Верхнем Псле [48].

По инициативе и замыслу А.Т. Хроленко, при нашем редакторском и авторском участии, с 1997 г. начало выходить такое издание, как *“Курские тетради”*, объединившее работы историков, лингвистов, литературоведов, культурологов, выполненные на региональных материалах [49]. В этом полупериодическом сборнике, между прочим, присутствует библиографическая рубрика *“Курск и куряне в научной литературе”* (поиск и аннотирование литературы для неё осуществлял автор этих строк).

Что касается литературоведческих исследований краеведческого профиля, то большинство из них посвящено произведением писателей-курян XX в. Применительно к теме нашей диссертации отметим, что расширяющийся фонд гипотез о возможном авторстве *“Слова о полку Игореве”* пополнила курская версия литературоведа из КГПУ, доцента Исаака Зельмановича Баскевича (1918–1995) [50].

За последние годы обозначился новый импульс серьёзного интереса к церковным древностям Курской земли, у которой, как известно, богатые религиозные традиции [51].

Перечень содержательных публикаций и проектов последних лет по курской историко-культурной регионалистике может быть продолжен, он постоянно пополняется. К сожалению, далеко не столь быстрыми темпами, не всегда на должном уровне научности и литературности, как следовало бы хотя бы из прежних, довоенных и дореволюционных достижений на этом поприще.

Будущее региональной археологии и взаимосвязанных с ней отраслей гуманитарной науки и практики во многом зависит уже не от усилий отдельных энтузиастов и знатоков местной старины, как это обычно бывало раньше. Разрушение памятников истории и культуры достигло на рубеже XX–XXI вв. такой стадии, приобрело такие размах и интенсивность в связи с общими темпами развития экономики, а также демократизацией общественной жизни нашей страны, что без специальных мер общегосударственного и порегионного планов уже не обойтись. Иначе в обозримом будущем целые горизонты древностей (вроде курганов, кладов, культурного слоя исторических центров) безвозвратно перейдут в небытие. Оставят ученые занятия в поисках более хлебных мест службы подготовленные что называется поштучно специалисты-археологи, историки, этнолингвисты. Между тем, во многих субъектах Российской Федерации положение с охраной и изучением исторических древностей за последние годы не улучшается, а скорее ухудшается. Ярким примером чему может служить Курская область. Обострение финансово-

экономических проблем областной администрации отодвигает на задний план ее внимание и попечения вопросы науки и культуры.

Несколько лучше обстоит дело с историческим просвещением земляков. Департаменты образования администраций г. Курска и Курской области планируют и поощряют изучение истории родного края на всех ступенях обучения детей — в детских садах, средних школах, лицеях, гимназиях, учреждениях дополнительного образования. Во многих школах областного и районного центров имеются мемориальные и краеведческие музеи; ученики отдельных школ участвуют в работе археологических и фольклорных экспедиций на территории области. “В учебные планы введен предмет “История Курского края и города Курска”, проведена большая работа по интеграции краеведения в другие предметы” [52]. Эта же тематика так или иначе представлена в рабочих программах преподавания истории в курских вузах, государственных и негосударственных.

Трудности теоретического и методического порядков во всех этих благих начинаниях проистекают из-за скудости репертуара и мизерных тиражах пособий по курской регионалистике и, соответственно, поверхностном характере преподавания этого предмета будущим учителям разных предметов, начиная с самой истории. Недавно создан специализированный отдел краеведения в областной научной библиотеке имени Н.Н. Асеева. Однако и его фонд, и каталоги более содержательных библиотек ГАКО и КОКМ укомплектованы крайне неравномерно; последнее десятилетие они пополняются что называется с миру по нитке. Заботы по налаживанию электронной связи с каталогами национальных библиотек [53] нет и в помине. Далек не только от компьютеризации, но и от ручной подробной описи фонды многих областных государственных архивов.

Поэтому при изложении материалов диссертационного исследования мы сознательно прибегали к обильному цитированию, упомянули довольно много попутной прямой цитатой ссылок на литературу и единицы архивного хранения по рассматриваемым и только затрагиваемым вопросам. Тем самым нам хотелось бы учесть в этой работе как можно больше источниковых материалов и исследований, популяризации по истории, археологии, историографии Курского и сопредельных ему краёв Юга России. Ведь библиография, тем более специализированно краевая, обладает самостоятельной, причем непреходящей ценностью для науки и просвещения.

* * *

В заключительной главе диссертации перечневым образом отмечены основные историко-археологические изыскания на территории Курского края, предпринятые в 1950-е – 2000-е гг. Даже эта беглая сводка позволяет представить себе их количественный и качественный рост. Сколько-нибудь подробный историографический анализ соответствующих экспедиций, открытий, публикаций, проблем и проектов, побед и поражений, ошибок и достижений историков, археологов и этнографов Курского края в новейший период его истории явно принадлежит будущему, хотя вовсе не обязательно слишком уж отдалённому.

Материал для обстоятельного и углублённого изучения новейшего периода в судьбах курских древностей должен “созреть”, определиться в умах и сердцах причастных к ним людей, отложиться в их печатных трудах, архивах и мемуарах. Результаты многих раскопок и архивных открытий в Курском крае за последнюю четверть века пока не опубликованы их авторами, но надежда на такую публикацию сохраняется. Несколько многообещающих имен отмечено нами выше и среди молодых, начинающих курских историков, археологов, лингвистов. Тем самым рано или поздно появится, надо думать, возможность продолжить фактический анализ истории изучения далёкого и недавнего прошлого Курской земли и соседних с нею территорий историками, археологами, этнографами, филологами и другими специалистами и краеведами-любителями.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

История Руси-России от X века к XXI шла весьма сложными путями, объединяя собой судьбы разных этносов, традиции многих цивилизаций, опыт множества локальных культур. Одним из результатов подобного синкретизма стало особое значение разного рода древностей — памятников прошлого в российской культуре. Они представляют собой практически все основные эпохи мировой истории, начиная со среднего и верхнего палеолита и заканчивая поздним Средневековьем и началом Нового времени (которое в нашей стране, похоже, заметно запаздывало по сравнению с Западом); большинство этнокультурных миров Старого света, его Евразийской сердцевины. Находясь так или иначе в поле зрения наших соотечественников, исторические древности выступали для каждого их поколения объективными дериватами существования и свершений предков, предшественников, памятниками истории их общего с ними социума, и как таковые предопределяли через ментальную картину прошлого образ мыслей и действий людей в настоящем.

В самом общем плане рассматривавшиеся нами в качестве предметов отечественной историографии и составляющих провинциальной культуры артефакты можно подразделить на *памятники археологические* (следы поселений, укреплений, архитектуры, могильники, клады отдалённых эпох); *памятники этнографические и фольклорные* — образцы “живой старины” в материальном и духовном (слово-сном) творчестве народа; *памятники письменности* — литературные и документальные источники знаний о прошлом. В целом они составляют *исторические древности* (фрагментами палеофауны к ним по-рой примыкали природные архаизмы). Во всех этих древностях заключена исходная информация и для научного изучения отечественной истории, многих других гуманитарных дисциплин; и для формирования общественного сознания граждан российского государства, этнического самоопределения русского и других образующих это федеративное государство народов; для внешнеполитического образа России, её культурного взаимодействия с другими странами и народами.

Освоение историко-культурного наследия Родины представителями общественности и науки происходит уже около трёхсот лет, причём корни этого процесса уходят в глубинные вековечные пласты обыденно-фольклорного сознания крестьянства и других слоёв социума. В завершаемой диссертации весь этот процесс этноисторического самопознания прослежен на материалах археолого-этнографического изучения Курского Посеймья как одного из коренных русских регионов. Подчеркнем, что собственно исторические исследования регионального прошлого во многих случаях инициировались работами археологов и этнографов (почему и необходимо их сопоставление в историографической ретроспективе).

Область Посеймья, в древнерусскую эпоху ставшего Курским, сложилась как одна из уникальных исторических территорий, зон контактного взаимодействия представителей тех народов и культур, что определяли ход отечественной истории на основных её отрезках. Поэтому научное и практическое рассмотрение соответствующих источников здешнего происхождения представляло собой показательный образец россияведения, репрезентативную модель отечественного самопознания. Анализ внутрорегиональных источников дополнялся нами, во-первых, соответствующими материалами из документального наследия тех столичных, центральных учреждений российского государства, что имели прямое отношение к южнорусским древностям; а во-вторых, сравнительными и дополнительными данными по соседним с Курщиной территориям. Проведённое рассмотрение позволяет следующим образом суммировать и развить те выводы, к которым делались в итогах разделов и глав работы.

1. Древности родной страны — одна из организующих подсистем всей отечественной культуры. Внимание к ним государственных органов, разных слоёв общества, особенно элиты и интеллигенции, служило одним из показателей продвижения социума по “вертикальной шкале” цивилизованности; вызревания в недрах социально-политического авторитаризма институтов гражданского общества. Материализуя историческую память народа и его интеллектуалов, общественных деятелей, разного рода памятники национальной культуры участвовали в ценностной мотивации жизни и деятельности соотечественников, воспитании их подрастающих поколений. Причём особенно активно информация о древностях вырабатывалась и потреблялась на региональном уровне, в силу его наглядности, обзримости для земляков, да и для путешественников по просторам российских провинций.

2. В этот же пласт духовного наследия входит память о многих поколениях наших предшественников на ниве исторического познания и краеведения — ученых, любителей и коллекционеров старины, государственных деятелей и представителей общественности, чьими совокупными усилиями эти памятники открывались, изучались, охранялись и популяризировались. Прошлые судьбы российской науки и культуры, истоки и предпосылки их современного состояния и потенциала в свою очередь представляют собой одну из тех духовных “лигатур”, без которых сегодня сегодня немислимо воспитание и образование юношества.

3. Освоение национальных памятников истории и культуры в России представляло собой длительный и противоречивый процесс, на каждом из основных этапов которого утраты, провалы сочетались с открытиями, достижениями. Часть бесценных древностей оказалась потеряна или погублена благодаря равнодушию, либо прямому варварству по отношению к ним со стороны государства и общества, а другая их часть спасена самоотверженными усилиями просвещённых чиновников, учёных и краеведов. Политическая и другая идеология противоречиво влияла на перипетии отечественного древлеведения — то поощряя его социальным заказом и публичным интересом, то парализуя равнодушием, а то и цензурными, полицейскими гонениями. Богатый опыт взаимодействия политической практики и научной теории, накопленный в нашей стране, может и должен быть использован сегодня, при оптимизации отношений центра и регионов Российского государства, разумной актуализации его исторических традиций.

4. Общенациональные интересы при поисках, познании и популяризации, пропаганде древностей тесно переплетаются с краевой спецификой. В теории и на практике то и дело встречаются крайности в данной связи — либо уничижительное отношение к региональной истории

как якобы вторичному сколку общегосударственных процессов, либо наивные псевдопатриотические преувеличения по поводу провинциальной старины. В действительности региональная историография, будучи в целом вторичной и зависимой по сравнению со столичной, центральной, всегда продолжала и дополняла, а по отдельным вопросам иногда даже опережала её (налаживая первичное взаимодействие археологии и древней истории; полевую разработку исторической географии; исследовательский и музейный, а не сугубо коллекционерский вариант нумизматики и прочих специальных исторических дисциплин; по некоторым другим вопросам). Местные изыскатели — губернские и уездные, затем областные и районные краеведы в своём большинстве тесно сотрудничали с маститыми исследователями из университетских, академических кругов, общероссийских научных обществ и просветительских организаций на всём протяжении их существования. Без учёта вклада областной, провинциальной мысли и краеведческой организации любителей старины картина эволюции отечественной науки и всей остальной культуры окажется обеднённой, а моментами искажённой.

5. На почве изучения и охраны национальных древностей происходит идейно-нравственный “резонанс” науки и более ценностных форм сознания — искусства, религии, философии, богословия; взаимодействие мифологически-фольклорного и рационалистического типов мышления, профессионально-академического и любительского направлений познания. Несмотря на определённые издержки и противоречия, такого рода эпистемологический и аксиологический союз самых разных духовных практик и культурных коммуникаций служил и служит первым условием сколько-нибудь эффективной заботы о памятниках истории и культуры, тем более на столь обширных пространствах, каковы регионы России. В этом деле и в настоящем, и в будущем не обойтись без взаимозаинтересованного сотрудничества представителей официальных структур и частных лиц; общественных объединений разного идейно-политического толка; представителей, инстанций академическо-университетской науки и любителей (краеведов, коллекционеров); журналистов из всякого рода средств массовой информации и мастеров разных искусств, начиная с художественной литературы. Диалог всех этих ревнителей отечественной старины будет продуктивен только при сочетании у тех и у других толерантности с принципиальностью.

6. Региональные проекты в области истории, археологии, этнографии, архивистики, исторической географии и демографии, антропологии и других отраслей гуманитарного знания с самого начала выдвигались и осуществлялись под идейным и организационным руководством академических центров и правительственных инстанций. Поэтапно складывалась система “центр — регионы” в деле выявления,

изучения, охраны и музеефикации разного рода памятников старины. Негативные тенденции при функционировании этой системы (бюрократического, цензурного толков на “вершине” этой “пирамиды”; пассивности и невежества на уровне её же “основания”) в целом носили подчинённый характер по сравнению эффективностью подобного разделения труда между профессионалами и любителями, официальными органами и общественными объединениями.

7. Феномен краеведения, имея общие и особенные черты в России по сравнению с другими европейскими странами, испытывал весьма серьёзные изменения под влиянием общего состояния отечественной науки и культурной политики государства. Испытав периоды подъёма (в пореформенной и предреволюционной России; в СССР 1920-х гг.), краеведческое движение после его разгрома к началу 1930-х гг. советской контрразведкой оказалось в затяжном кризисе. На рубеже XX–XXI вв. при попытках его возрождения (вплоть до воссоздания Союза краеведов России и проведения Всероссийских конференций по историческому краеведению) обнаруживаются как обнадеживающие, так и настораживающие тенденции. Восстановленные на местах объединения краеведов вносят определённый вклад в изучение и особенно популяризацию памятников провинциальной культуры. Однако активность этих организаций носит перемежающийся характер, тематика их поисков не отличается прежним разнообразием. В целом ряде случаев усердие новоявленных краеведов превозмогает не только исторический разум, но и элементарный здравый смысл (в таких случаях отмечаются выдуманные юбилеи; ставятся памятники не историческим лицам и событиям, а плодам невежественной, а то и больной фантазии; допускаются т.п. нонсенсы). Конкретные результаты работы современных краеведческих обществ во многом зависят от энергии и способностей отдельных энтузиастов, по сути одиночек в любительской историографии. Официальные инстанции науки и культуры не должны устраняться от своевременной экспертизы краеведческой продукции, методической помощи краеведам (как ни трудно бывает добиться сотрудничества с этими одержимыми людьми). Иначе вместо полезного вклада в эмпирическое изучение памятников старины их самозванные “патриоты” способны и склонны тиражировать старые и выдумывать новые мифологемы псевдоисторического толка.

8. Российское государство и на законодательном, и на исполнительном; и на центральном, и на региональном уровнях своих полномочий призвано поддержать традицию охраны, изучения и пропаганды исторических древностей. Насущным представляется как продолжение и обновление законодательства относительно охраны памятников истории и культуры, так и развитие материальной базы региональных служб

спасения и изучения таких памятников; прочих компонентов организационной инфраструктуры древлеведческой направленности. Ведь исторические древности российской провинции были, остаются и несомненно будут одним из важнейших факторов формирования национального сознания и налаживания международного сотрудничества в нашей стране.

Перспективы продолжения исследования тематики данной диссертации видятся её автору в разных, взаимно дополнительных аспектах. Во-первых, конкретно-событийном, фактически-персональном — можно и должно рассказать ещё о многих деятелях, объединениях, проектах и свершениях, идеях и методиках краеведов — профессионалов и любителей, живших и трудившихся на краевыми древностями в разные эпохи российского прошлого в Курске и сопредельных центрах Черноземной России (и о которых выше говорилось вкратце или вовсе умалчивалось). Во-вторых, история и историография региональной культуры естественным образом продолжают, мало-помалу, но неуклонно образуя всё новый материал для дальнейшего анализа и синтеза. В-третьих, полезно было бы углубить рассмотрение отдельных ипостасей областного древлеведения — собственно научно-исследовательской, либо музейно-экспозиционной, либо поисково-охранной, либо учебно-методической, либо художественно-эстетической, либо идеолого-политической, либо публицистическо-популяризаторской. Идеология и методика историко-краеведческого познания и самопознания нуждаются в творческой разработке не меньше, нежели их же архивные и литературные источники. Автор настоящей диссертации завершает её надеждой на то, что ему удалось представить небесплодный коллегам просpekt обсуждения и дальнейшего изложения всех только что названных сторон исторических древностей Русской земли.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

ВВЕДЕНИЕ

1. См. подр.: Акиншин А.Н., Ласунский О.Г. Региональный фактор в изучении российской истории // *Общественная жизнь в Центральной России в XVI – начале XX вв.* Воронеж, 1995; Гомаюнов С.А. Проблемы методологии местной истории. Киров, 1996; Его же. Гомаюнов С.А. Местная история в контексте россиеведения // *Общественные науки и современность.* 1996. № 1; *Основания регионалистики. Формирование и эволюция историко-культурных зон* / Под ред. А.С. Герда, Г.С. Лебедева. СПб., 1999; *Методология региональных исторических исследований. Материалы международного семинара.* СПб., 2000; Юрченков В.А. Региональная историография: российский опыт // *Регионология.* 1993. № 1.

2. Терминологический неологизм *археорегионалистика* предлагается нами ради компактного обозначения всего круга исторических предпосылок и источни-ков провинциальной культуры (собственно археологических, а также тесно с ни-ми связанных этнографических, фольклористических, архивно-документальных, антрополого-демографических и т.д.). В сходном значении используется ниже понятие *древлеведения*.

3. См.: Алексеев Л.В. История белорусской археологии. Минск, 1994; Археология Сибири: историография и источники. Омск, 1996; Бердинских В.А. Вятские историки. Киров, 1991; Богуславский В.В. Тульские древности. Энциклопедический словарь-справочник. Тула, 1995; Винников А.З., Синюк А.Т. По дорогам минувших столетий. Археологи о древней истории Воронежского края. Воронеж, 1990; Глаголева О.Е. Русская провинциальная старина. Очерки культуры и быта Тульской губернии XVIII – первой половины XIX. Тула, 1993; Дёмин М.А. Первооткрыватели древностей. Барнаул, 1989; Камбалов Н., Сергеев А. Первооткрыватели и исследователи Алтая. Барнаул, 1966; Краеведы Москвы. Историки и знатоки Москвы. М., 1997; Матющенко В.И. История археологических исследований Сибири (до конца 1930-х гг.). Омск, 1992; Его же. Сибирская археология в 1940-е – 50-е гг. Омск, 1994; Орешина М.А. Россия региональная: теоретико-методологические аспекты изучения. М., 2000; Пряхин А.Д. Археология... Наследие. Воронеж, 1988; Его же. Археологи уходящего века. Воронеж, 1999; Сидоров В. Исследование края башкирского. Век XVIII. Уфа, 1997; Флейман Е.А. Краеведение в Поволжье. Кострома, 1995; Формозов А.А. Следопыты земли Московской. М., 1988; др.

4. См.: Щавелёв С.П. Первооткрыватели курских древностей. Очерки истории археологического изучения южнорусского края. Вып. 1–3. Курск, 1997–2002; др.

5. Миронов Б.Н. Новое видение истории России XVIII – первой половины XIX века // ВИ. 2001. № 11–12. С. 154.

6. См.: Щавелёв С.П. Подвиг во имя христианских идеалов: образец Св. Феодосия Печерского (новая хронология) // Святый князь Михайло Чернігівський та його доба. Чернігів, 1996; Его же. Курское Посеймье в “Поучении” Владимира Мономаха // Россия и Украина на пороге XXI века. Общность исторических судеб и сотрудничества славянских народов. Воронеж, 1997; Его же. Курск в XIII–XVI вв.: между Ордой, Литвой и Москвой // Территория и население Центра России в X–XX вв. Воронеж, 2000.

7. Срезневский И.И. Несколько припоминаний о современном состоянии русской археологии // Труды II Археологического съезда. Вып. 1. СПб., 1876. С. 14.

8. Формозов А.А. История термина “археология” // Вопросы истории. 1975. № 8. С. 215. Добавим, что тот же термин до сих пор применяется и к разного рода реликвиям последних трех веков (скажем, промышленная археология занимается музеефикацией и реконструкцией техники и остальных производств Нового и Новейшего времен; подводная археология изучает затонувшие когда бы то ни было суда).

9. См.: Формозов А.А. Очерки по истории русской археологии. М., 1961; Его же. Начало изучения каменного века в России. Первые книги. М., 1983; Его же. Страницы истории русской археологии. М., 1986; Его же. Русское общество и охрана памятников культуры. М., 1990; Его же. Уралец Малахов // ВИ. 1991. № 4–5; Его же. А.С. Уваров и его место в истории русской археологии // РА. 1993. № 3; Его же. Книги об отечественных археологах // РА. 1993. № 4; Его же. Русские археологи до и после революции. М., 1995; Его же. Классики русской литературы и историческая наука. М., 1995; Его же. П.Н. Милюков и археология // РА. 1995. № 2; Его же. С.В. Киселев – советский археолог 1930–1950-х гг. // РА. 1995. № 4; Его же. К столетне-му юбилею В.И. Равдоникаса // РА. 1996. № 3.

А также: Александр Александрович Формозов. Библиография. К 50-летию научной деятельности. Киров, 1994.

10. Опубликована часть выявленных нами в архиве документов (переписка Д.Я. Самоквасова с целым рядом выдающихся ученых и общественных деятелей, провинциальных историков-любителей; документов краеведческих организаций; полевых отчетов некоторых археологов; сводки фактических сведений о находках кладов и других древностей). См. ниже список источников и литературы к диссертации.

11. Берберова Н.Н. Курсив мой. Автобиография. М., 1996. С. 603.

12. Бердинских В.А. [Рец. на кн.:] Щавелёв С.П. Историк Русской земли. Жизнь и труды Д.Я. Самоквасова... // Вопросы истории. 2001. № 8. С. 159.

13. Кашкин А.В. Археология Курской области // Археологическая карта России. Очерки археологии регионов. Кн. 1. М., 2001. С. 188.

14. Проект № 00-03-00034 2000–2002 гг. “Анализ повседневности. Обыденное сознание как мировоззрение”; совместно с доктором философских наук И.Т. Касавиным (Институт философии РАН).

ГЛАВА I. ПРЕДПОСЫЛКИ И СТАНОВЛЕНИЕ РЕГИОНАЛЬНОГО ДРЕВЛЕВЕДЕНИЯ

§ 1. Волшебное зеркало фольклора: местная старина в устном творчестве южнорусского населения

1. См. подр.: Чеснов Я.В. Этнический образ // Этнознаковые функции культуры. М., 1991. С. 71–73; Никитина С.Е. Устная народная культура и языковое сознание. М., 1993; Щавелёв С.П. Гносеология фольклора (Постановка проблемы на примере историографии и археологии) // Фольклор и мировая культура. Тезисы докладов научной конференции “Юдинские чтения–98” (г. Курск, 12 февраля 1998 г.). Курск, 1998. С. 83–87.

2. Герасименко С. Потомок донских казаков // КП. 1994. 9 декабря. С. 1.

3. См. за последнее время: Бугров Ю.А. Курские встречи. Воронеж, 1991. С. 136–139; Курский край: история и современность. Курск, 1997. С. 205–206; 213; Курский край в истории Отечества. Курск, 1998. С. 18–19, 53–54, 68.

4. См. подр.: Штырков С.А. Исторические предания и перспективы изучения традиционных нарративных практик // Мифология и повседневность. Материалы научной конференции. Вып. 2. СПб., 1999.

О жанровых разновидностях фольклорного нарратива см.: Азбелев С.Н. Отношение предания, легенды и сказки к действительности (с точки зрения разграничения жанров) // Славянский фольклор и историческая действительность. М., 1965; Его же. Русская народная проза // Народная проза. М., 1992 (Библиотека русского фольклора. Т. XII). С. 6–9. Для нашего изложения их разница не слишком существенна.

О значении исторических преданий для воссоздания истории и вообще характеристики земляческих сообществ, соотношении преданий и письменных источников см.: Гомаюнов С.А. Местная история: проблемы методологии // ВИ. 1996. № 9. С. 162–163.

5. Халанский М.Г. Народные говоры Курской губернии. СПб., 1904. С. 50.

6. Благовещенский Н.А. Четвертное право. М., 1899. С. 182.

7. См.: Панченко А.А. Категория исторического времени в фольклорном сознании (народные сказания об археологических памятниках Новгородской земли) (Проект РГНФ) // Поиск. 1996. № 15. С. 8; Его же. Народное право-славие. Деревенские

святыни Северо-Запада России. 1998; Криничная И.А. Русская народная мифологическая проза. Т. I. Истоки полисемантизма образов. СПб., 2001. А применительно к этнографически экзотическим окраинам России: Боброва А.И., Максимова И.Е. Фольклор и археология (к поиску методики) // Четвертые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. Омск, 1997.

8. Чехов А.П. Степь. История одной поездки // Собр. соч. в 12-ти тт. Т. VI. Повести и рассказы. 1888–1891. М., 1962. С. 51–52.

9. Анкета ИМАО 1900 г. по составлению археологической карты Курской губернии // Рукописный архив СПбИИМК. Ф. 4. Оп. 1901 г. Д. 168. Л. 70.

10. Спицын А.А. Русская историческая география. Пг., 1917. С. 22.

11. См.: Мавродин В.В. Образование Древнерусского государства. Л., 1945. С. 365; Карпов А. Ярослав Мудрый. М., 2001. С. 226.

12. См.: Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1993. С. 182–183.

13. См.: Путь из Булгара в Киев. Казань, 1992; Пряхин А.Д., Беседин В.И., Разуваев Ю.Д., Сафонов И.Е., Цыбин М.В. Вантит. Изучение микрорегиона памятников у северной окраины г. Воронежа. Вып. 1–2. Воронеж, 1997.

14. Ходаковский З. Пути сообщения древней России // РИС. Т. I. Кн. 1. М., 1837. С. 40.

15. См. подр.: Енуков В.В., Щавелёв С.П. Основные направления торго-вых связей Курской земли в X–XIII вв. // Торговля Курского края с древней-ших времён до начала XX века. Курск, 1996.

16. Развёрнутую аргументацию см. в кн.: Зорин А.В., Раздорский А.И., Щавелёв С.П. Курск. История города от Средневековья к Новому времени: X–XVII века. Курск, 1999. С. 18.

17. См.: Приймак В.В. О локализации летописного города Липовицка // Теория и методики исследования археологических памятников лесостепной зо-ны. Липецк, 1992; Кашкин А.В. О локализации древнерусского города Липовичска // Липецк: начало истории. Липецк, 1996; Кучкин В.А. Летописные рассказы о слободах баскака Ахмата // Средневековая Русь. Вып. I. М., 1996.

18. См. подр.: Щавелёв С.П. Практическое познание. Философско-методологические очерки. Воронеж, 1994; Его же. “Синяя птица” повседневности. Этюды по антропологии обыденного сознания. Курск, 2002.

19. См. по исторической топонимике обсуждаемого региона: Загоровский В.П. Историческая топонимика Воронежского края. Воронеж, 1973; Михайлов Б.М. Топонимика Курской области // Курский край: история и современность. Курск, 1995; Прохоров В.А. Надпись на карте. Географические названия Цент-рального Черноземья. Воронеж, 1977; Яценко А.И. Топонимика Курской обла-сти. Курск, 1958.

А о мере историзма фольклорной топонимики: Соколова В.К. Типы восточ-нославянских топонимических преданий // Славянский фольклор. М., 1972.

20. Рерих Н.К. На кургане. В Водской пятине (Санкт-Петербургской гу-бернии) // В его кн.: Глаз добрый. М., 1991. С. 19–20.

21. Анкета ИМАО 1900 г. ... // Рукописный архив СПб.ИИМК. Ф. 4. Оп. 1901 г. Д. 168. Л. 176–176 об. Ср.: Щавелёв С.П. Этноним “северяне” и его историко-географические особенности в Курском Посеймье // Проблемы исторической демографии и исторической географии Центрального Черноземья и Запада России. Сборник тезисов V международной конференции. М.–Брянск, 1996. С. 26–29.

22. См.: Щавелёв С.П. Курск и монголы: к истории города и его округа в XIII–XIV вв. // Курские тетради. Курск и куряне глазами ученых. Тетрадь третья. Курск, 2000. С. 3–31; Русина Е.Е. Яголдай, Яголдаевичи, Яголдаева “тьма” // Славяне и их

соседи. Вып. 10. Славяне и кочевой мир. К 75-летию академика Г.Г. Литаврина. М., 2001. С. 148.

23. Дмитриюков А.И. Городища и курганы, находящиеся в Суджанском и Рыльском уездах // Вестник ИРГО. СПб., 1854. Кн. 4. Ч. 2. С. 27.

24. Список волостей Курской губернии // КС. Вып. 2. Курск, 1902. С. 5.

25. См. подр.: Шевченко Ю.Ю. Княжна-амазонка в парном погребении Чёрной могилы // Женщина и вещественный мир культуры у народов России и Европы. СПб., 1999 (Сб. МАЭ. Т. LVII); Щавелёв А.С. Особенности княже-ских погребений языческой Руси (летописные известия и археологические данные) // Святотелища: археология ритуала и вопросы семантики. Материалы те-матической научной конференции. СПб., 2000. С. 106–110; Его же. Могилы князей Древней Руси в сакральной топографии Средневековья // Топонимия и диалектная лексика Новгородской земли. Материалы Международной научной конференции “Историческая топонимика Великого Новгорода и Новгородской земли” 13–15 ноября 2001 г. Великий Новгород, 2001. С. 80–83; Щавелёв А.С., Щавелёв С.П. Чёрная могила // Вопросы истории. 2001. № 2.

26. Действительная история баснословного клада // КГВ. 1845. № 16. С. 235.

27. Сомов О.М. Были и небылицы. М., 1984. С. 166.

28. Златоверховников Н.И. Памятники старины и нового времени и другие достопримечательности Курской губернии. Курск, 1902. С. 64.

Обзор остальных местных преданий данного цикла см.: Хроника // КГВ. 1883. 16 сентября. № 72; Соловьёва Л. Несколько слов о кладах и “Ку-деяре” // КГВ. 1901. 4 февраля. № 28; Филиппенко А. По губернии. Обоянь // КГВ. 1901. 18 февраля. № 38; Томилина А. О кладах и Кудеяре // КГВ. 1901. 18 марта. № 62.

Сравнительный материал по соседним губерниям: Леопольдов А.Ф. Нечто о Кудеяре // Журнал МВД. 1838. Ч. 27. № 3; Воскресенский Н.В. О Кудеяре-разбойнике и кладоискателях. Этнографический очерк // Дон. Воронеж, 1873. № 49–50 (Перепечатано в кн.: Воронежский юбилейный сб. В память 300-летия г. Воронежа. Т. II. Воронеж, 1887); Сумцов И.Ф. Сказание о провалившихся городах. Харьков, 1896; Смирнов В. Клады, паня и разбойники. Этнографические очерки Костромского края // Труды Костромского научного общества по изучению местного края. Вып. 26. Кострома, 1923.

29. Цит. по: Артамонов В. Кудеяр. Роман. М., 1994. С. 505.

30. Александров А.Н. Долина Сейма. Археологическая экскурсия // Древности. Труды ИМАО. Т. XXIII. Вып. 2. М., 1914. С. 315.

31. См.: Введенский С.Н. “Кудеярова поклажа” // Известия Общества археологии, истории и этнографии. Т. XXII. Вып. 1. Казань, 1906; Его же. Из дел о “Кудеяровой поклаже” // Там же. Т. XXIII. Вып. 5. Казань, 1908; За-чиняев А. Об эпических преданиях Орловской, Курской и Воронежской губерний // ИОРЯС. СПб., 1906. Т. XI. Кн. 1. С. 151; Дружинин М.А. Народные предания о Кудеяре // Тульский край. 1926. № 3.

32. О соотношении мифологических архетипов и исторических, этнографо-археологических реалий в фольклоре см.: Соколова В.К. Фольклор как истори-ко-этнографический источник // Советская этнография. 1960. № 4; Криничная Н.А. Русская народная историческая проза. Вопросы генезиса и структуры. Л., 1987; Её же. Персонажи преданий. Становление и эволюция образа. Л., 1988; Фроянов И.Я., Юдин Ю.И. Историческая реальность и былинная фантазия // Духовная культура славянских народов. Л., 1989.

33. Путилов Б.Н. Фольклор и народная культура. СПб., 1994.

34. Фольклор. Частушки, песни и сказки, записанные в Курской губернии. Сб. произведений народного творчества / Под ред. В. Аристова и М. Павлова. Курск, 1939. С. 27.
35. Мурзаев Э.М. Топонимика и география. М., 1995. С. 221.
36. См.: Щавелёв С.П. Имя города Курска: историко-археологические материалы к этимологии // Курские тетради. Курск и куряне глазами учёных. Тетрадь I. Курск, 1997; Его же. Курск: происхождение имени летописного города // Там же. Вып. 4. Курск, 2002.
37. См.: Самсонов В.И. Курск – древний русский город (от его возникновения до конца XVI в.) // Курск: очерки истории города. Курск, 1957; Липкин Ю. А., Самсонов В.И. Курск – древний русский город // Курск: очерки истории города. 2-е изд., доп. Воронеж, 1975; Анпилогов Г.Н. О городе Курске X–XVI вв. // Вестник МГУ. Серия 8. “История”. 1979. № 5; Енуков В.В. О топографии Курска в древнерусское время // Историческая археология: традиции и перспективы. К 80-летию со дня рождения Д.А. Авдусина. М., 1998.
38. См.: Моргунов Ю.Ю., Щавелёв С.П. “Курескъ на Тускорн”: к вопросу о происхождении летописного города // Труды VI Международного конгресса славянской археологии. Т. II. Славянский средневековый город. М., 1997; Щавелёв С.П. Древнерусский Курск: предпосылки и период становления города // Курские тетради. Курск и куряне глазами учёных. Тетрадь 2. Курск, 1998; Зорин А.В., Раздорский А.И., Щавелёв С.П. Курск. История города от Средневековья к Новому времени: X–XVII века. Курск, 1999 (“Курский край”. Т. IV).
39. Дискуссию по этому вопросу см.: Складчук В.И. К биографии Феодосия Печерского // ТОДРЛ. Т. 41. Л., 1988; Его же. Тускарь, Кур и Курск // Летопись. Вып. 1. Курск, 1991; Его же. Курск // Города России. Энциклопедия. М., 1994; Его же. Происхождение топонимов Тускарь, Кур и Курск: к вопросу о контактах славян с тюрками // Проблемы исторической демографии и исторической географии Центрального Черноземья. М.–Курск, 1994; Щавелёв С.П. “Курескъ на Тускорн”: становление города // История и современность Курского края. Курск, 1998; Его же. У начала русского монашества: Св. Феодосий Печерский на пути из Курска в Киева (уточнение хронологии) // Уваровские чтения-III. “Русский православный монастырь как явление культуры: история и современность. Муром, 2001.
40. Курский край: история и современность / Под ред. Б.Н. Королева. Курск, 1993. С. 6–7.
41. История и современность Курского края. Курск, 1998. С. 11–12, 698.
42. Курск. Документы. Воспоминания. Статьи. Курск, 1997. С. 89–96.
43. Тинякова Е.А. Этнические истоки культуры Курского края // Культура Курского края. Дополнительное региональное учебное пособие. Курск, 1995. С. 15.
44. Курский край в истории Отечества / Под ред. Л.С. Полнера. Курск, 1996. С. 8.
45. См.: Лагутин С.В., Рязанов Н.В. Где он, город Сурск? // Летопись. Вып. 1. Курск, 1991. С. 2; Вып. 2. С. 3; Вып. 3. С. 8.
46. Текст и первый вариант историко-географического истолкования записи о Бояновой земле см. в кн. её первооткрывателя: Высоцкий С.А. Киевские граффити XI–XVII вв. Киев, 1985. С. 122–123. Другую интерпретацию см. в кн.: Рыбаков Б.А. Русские летописцы и автор “Слова о полку Игореве”. М., 1972. С. 415–416. Последний обзор историографии того же источника: Никитин А.Л. О купчей на “землю Бояню” // В его кн.: Основания русской истории. Мифология и факты. М., 2001.
47. См.: Баскевич И.З. Курск от Сурска далече // КП. 1991. 21 октября. С. 4; Его же. Красивые легенды и грубые факты // ГИ. 1992. № 119–120. С. 4. Реалистическую

этимологию топонима “Обоянь” см.: Ященко А.И. К этимологии некоторых гидронимов Курской области с начальным -о (об-) // Учёные записки ЛГПИ им. А.И. Герцена. Т. 293. Л., 1968.

48. См.: Щавелёв С.П. Клио в объятиях краеведов (Начало Курска: мифы, факты, гипотезы) // ГИ. 1994. 17 мая; Фёдоров С. Новые книги по истории Курска // ГИ. 1995. 7 сентября; 10 октября; Зорин А.В., Стародубцев Г.Ю., Щавелёв С.П. Вы просили – мы откликнулись [Рец. на кн.: Курский край в истории Отечества / Под ред. Л.С. Полнера. Курск, 1996] // ГИ. 1996. 27 июля; Кедровский А.Е., Хроленко А.Т., Щавелёв С.П. От редакторов // Курские тетради. Тетрадь I. Курск, 1997; Щавелёв С.П. Нитки от “красно-го пояса” [О проекте энциклопедического словаря “Курск”] // ГИ. 1996. 26 сентября; Его же. [Рец. на кн.:] А.А. Формозов. Классики русской литературы и историческая наука // Вопросы истории. 1998. № 5. 157–158; Его же. Мно-го у “Курска” достоинств. Но не о них разговор // ГИ. 1998. № 125. 17 октября; Его же. Непредсказуемое наше прошлое... [Рец. на кн.: История. Учебное пособие. Ч. 1–2. Курск, 1999] // ГИ. 1999. № 12. 2 февраля. С. 6.

49. См.: Рязанов Н.В. Курский край в истории Отечества // ГИ. 1996. 17 сентября. 1996; Культура Курского края, 1995, с. 13–16; Курск. Краеведческий словарь-справочник. Курск, 1997. С. 400–401; История и современность Курского края. Курск, 1998, с. 7–13; Из истории монастырей и храмов Курско-го края / Под ред. А.Ю. Друговской. Курск, 1998. С. 9, 22, 29; Арцыбашева Т.Н. Курский край и монастырская культура. Курск, 1998. С. 2–6; Её же. Очерки культуры Курского края. Вып. 2. Краеведческие материалы. Курск, 2000, с. 10–11; др.

50. См.: Молодцова В. Какой учебник матери-истории ценен? // Российская газета. 2001. 14 декабря. С. 6.

51. См. о понятии, структуре и функциях “этнонауки”: Филатов В.П. Научное познание и мир человека. М., 1989; Его же. “Народные науки” в отечественной истории // Традиции и революции в истории науки. М., 1991. А об отечественных вариантах данного явления см.: Лебедева А.А. Народные знания славян // Этнография восточных славян. М., 1987.

§ 2. Порубежники Московского государства — искатели кладов (случайные находки древностей и магическая “археология”)

1. См. также: Элебрахт П. Трагедия пирамид. 5000 лет разграбления египетских усыпальниц. М., 1984. Имеется обобщение “опыта” криминальной “археологии” во всемирном масштабе в кн.: Босов Г.И. Сильбо Гомера и другие. М., 1985.

Общую классификацию кладов см.: Баллонов Ф.Р. Этюд о кладах // В кн.: Клейн Л.С. Археологическая типология. Л., 1991.

2. См.: Спасский Г.И. О сибирских древних курганах // Сибирский вестник. Ч. П. СПб., 1818; Матвеев А.В. Известия о “бугровании” в Западной Сибири и проблема происхождения сибирской коллекции Петра I // Вопросы истории археологических исследований Сибири. Омск, 1992; Демин М.А. Курган “Золотарь” // Археология Сибири: историография. Ч. 1. Омск, 1995; Курочкин Г.Н. Большая охота за сибирским “могильным золотом” // Санкт-Петербург и отечественная археология. Исторические очерки. СПб., 1995.

3. См. разве что: Бердинских В.А. Археология и кладоискательство (по материалам Вятского статистического комитета) // Проблемы истории отечественной археологии. СПб., 1993; Щавелёв С.П. Феномен кладоискательства на юге России в предыстории славянской археологии // Славяне и их соседи. Тезисы XV конференции.

Миф и история. Происхождение и ранняя история сла-вян в общественном сознании позднего средневековья и раннего Нового времени. М., 1996.

4. Скажем, в прекрасном образце популяризации истории и археологии – книге А.Г. Векслера и А.С. Мельниковой “Российская история в московских кладах” (М., 1999) очерку истории и социальной психологии кладоискательства посвящено всего 4 страницы из 272.

5. Среди недавно опубликованных для широкого читателя книг такого жанра выделяется кн.: Низовский А.Ю. Зачарованные клады России. М., 2001.

6. См. подробнее: Анпилогов Г.Н. Положение городского и сельского населения Курского уезда накануне восстания 1648 г. // Вестник МГУ. Серия "История". 1972. № 5; Чистякова Е.В. Городские восстания в России в первой половине ХУП в. (30-е – 40-е гг.). Воронеж, 1975. С. 118–126; Зорин А.В., Раздорский А. И., Щавелёв С.П. Курск. История города от Средневековья к Новому времени: X–XVII вв. Курск, 1999. С. 131–200.

7. См.: Клады Кудеяра и разбойников; клад пана Койки; Клад Разина за колокол; Пугачевское золото на дне озера Иньшко; Ворон указал клад; т.п. // Народная проза. М., 1992 (Библиотека русского фольклора. Т. XII).

8. Новомбергский Н.Я. Клады и кладоискательство в Московской Руси в первой половине ХУП столетия // ЖМНП. Пг. Ч. ХУШ. 1917. № 2. С. 157-158.

9. Савельев П.С. Мухаммеданская нумизматика. СПб., 1846. С. СХШ.

10. Древнерусские патерики. Киево-Печерский патерик. Волоколамский патерик. М., 1999. С. 65–66.

11. См.: Абрамович Д.И. Жития святых мучеников Бориса и Глеба. Пг., 1916. С. 16 ("Аще бо или серебро или злато скровено будеть под землею, то мнохи видять огнь горящъ на том месте...").

12. См.: Витевский В.Н. Клады и кладоискание на Руси // Известия Общества археологии, история и этнография. Т. XI. Вып. X. Казань, 1893. С. 411–425.

13. Цит. по: Оглоблин Н.Н. "Сыскные дела" о кладах в ХУП в. // Чтения в Историческом Обществе Нестора-летописца. Кн. УП. Киев, 1893. С. 118.

14. Там же. С. 122.

15. Цит. по: Новомбергский Н.Я. Клады и кладоискательство... С. 164-165.

16. Там же. С. 168.

17. Там же. С. 169.

18. Российское законодательство X–XX веков. Т. III. Акты Земских соборов. М., 1985, С. 240–241.

19. Здесь и далее по данному эпизоду цит. по: Введенский С.Н. Два дела о кладах в Воронежском крае XVII в. // Памятная книжка Воронежской губернии на 1905 г. Воронеж, 1905. С. 3–4.

20. Там же. С. 6–7.

21. См.: Щавелёв С.П. Становление археологического интереса в России XVII века (ранние находки древностей в районе Курска в отражении приказного делопроизводства) // Российская археология. 1998. № 2. С. 188–194.

Ср.: Жук А.В. Отсутствие археологического интереса в средневековой культуре (на примере Западной Сибири) // История археологических исследований Сибири. Омск, 1990. В этой работе, вопреки ее странному заглавию (откуда же появиться научному интересу в донаучный период?), речь как раз идёт о начале знакомства русских с сибирскими древностями (руинам, писаницам, го-родищам, курганам) в XVII в. А это знакомство, как показывает автор, способствовало именно постепенному пробуждению сознательного интереса к ним. Во-обще-то автор путает науку и практику в их отношении к объекту археологии. О столь же и гораздо более ранних

предпосылках исторической науки в Западной Европе см.: Гене Б. История и историческая культура средневекового Запада. М., 2002.

22. Крылатые слова по толкованию С. Максимова. М., 1955. С. 223.

23. Гуревич А.Я. Нескромное обаяние власти // Одиссей. Человек в истории. Представления о власти. М., 1995. С. 73.

См. также: Соколова В.К. Предания о кладах и их связь с поверьями // Фольклор и этнография. Л., 1970; Щавелёв С.П. Метод практики: природа и структура. Курск, 1996 (Гл. 7 "Мифологема").

24. Сводное описание южнорусского пандемониума и магических практик Воронежской, Курской, Орловской, Тамбовской и сопредельных областей см. в кн.: Дынин В.И. Когда расцветает папоротник... (Народные верования и обряды южнорусского крестьянства XIX–XX веков). Воронеж, 1999. Первый опыт сходного изложения в общерусском масштабе: Новичкова Т.А. Русский демоно-логический словарь. СПб., 1995.

25. Афанасьев А.Н. Древо жизни. Избр. статьи. М., 1881. С. 378.

26. Цит. по: Новомбергский Н.Я. Клады и кладоискательство... С. 173. Прочитанный документ неожиданно возвращает нас к одному из сюжетов предыдущей главы – о вторичной фольклоризации некоторых исторических сюжетов. Наша публикация о курских кладоискателях XVII в. обернулась следующей информацией в центральной периодической печати: "По сообщениям РИА "Новости", курские краеведы по-новому прочитали запись атамана Кудеяра (по преданию, сводного брата Ивана Грозного), попавшую к курскому воеводе). ... Курские специалисты считают, что после того, как вековые поиски библиотеки Ивана Грозного в Александровской слободе и Московском Кремле не дали результата, следует обратить пристальное внимание на это послание разбойника Кудеяра. Возможно, речь в нём идёт именно о Либерее царя, обоз с которой мог быть захвачен Кудеяром, совершавшем свои разбои на Северной земле, куда входил и Курский край" (Известия. 2002. 9 февраля. С. 3).

Текст, вполне подходящий для первоапрельского розыгрыша доверчивых читателей, тем не менее подан в ряду вполне серьёзных новостей из областей ЦЧО, регулярно публикуемых одной из самых авторитетных газет России. Как видно, наши соображения о фантазийной стороне нынешнего "краеведения", граничащей с вульгарным безумием, находят, к сожалению, всё новые подтверждения.

27. Марков Е.Л. Клады старой Северщины (Местные заметки на древнюю рукопись о кладах) // Памятная книжка Воронежской губернии. 1902. С. 1 (3-й паг.).

28. См., кроме уже отмеченных выше изданий, также: Аристов Н.Я. Предания о кладах // Записки ИРГО по отделению этнографии. Т. I. СПб., 1867; Максимов С.В. Нечистая, неведомая и крестная сила. М., 1995 (Гл. XV "Клады"); Криничная Н.А. Историко-этнографическая основа преданий о "зачарованных кладах" // СЭ. 1977. № 4.

29. Марков Е.Л. Клады старой Северщины... С. 2.

30. См. подр.: Щавелёв С.П. Клады куфических монет в Курском Посеймье // Археология Центрального Черноземья и сопредельных территорий. Тезисы докладов научной конференции. Липецк, 1999. С. 155–159.

31. См. подр.: Щавелёв С.П. Курск и монголы: к истории города и его округа в XIII–XIV вв. // Курские тетради. Тетрадь 3. Курск, 2000.

32. О Худояре // Народная проза. М., 1992. С. 88.

33. Зачиняев А. Об эпических преданиях Орловской, Курской и Воронежской губернии // ИОРЯС. Т. II. Кн. 1. СПб., 1906. С. 151.

34. Временник Императорского Общества истории и древностей российских. Кн. 16. М., 1853. С. 68. Рис. 1–2 (раздел "Смесь").

35. Императорский Российский Исторический музей. Указатель памятников. 2-е, доп. изд. М., 1893. С. 155–156.

Отзывы о древностях из Обояни см.: Веселовский Н.И. Курганы Кубанской области в период римского владычества на Северном Кавказе // Труды XII АС. Т. I. С. 346; Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. Л., 1925. С. 587.

36. Отчёт Исторического музея за 25 лет. М., 1908. С. 74.

37. Мацулевич Л.А. Погребение варварского князя в Восточной Европе. Новые находки в верховьях реки Суджи. М.–Л., 1934. С. 55.

38. Там же. С. 76.

См. также: Мацулевич Л.А. К вопросу о стадильности в готских надгробных явлениях (обряд погребения Алариха. Готский звериный орнамент) // ПИДО. М.–Л., 1933. С. 51 (Известия ИИМК. Вып. 100); Зиньковская И.В. Анты и готы в Днепро-Донской лесостепи. Воронеж, 1999.

39. Мацулевич Л.А. Суджанские находки и очередные задачи краеведения // Известия КГОК. 1928. № 4–6. С. 40.

40. См.: Археологические разведки // Там же. 1928. № 3. С. 78.

41. См.: Липкин Ю.А. О чём рассказывают курганы. Воронеж, 1971. С. 58–61.

42. См.: Мацулевич Л.А. Погребение варварского князя... С. 68 (примечание).

43. Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981. С. 6.

44. Антонович В.Б. Археологические изыскания на берегах Раставицы // Рукописный архив СПб.ИИМК. Ф. 1. Оп. 1887 г. Д. 13. Л. 32 а.

45. См.: Бердинских В.А. Археология и кладоискательство в Вятском крае XIX в. // РА. 1992. № 3. С. 222.

46. ГАКО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 21. Л. 19–20.

47. Там же.

48. Труды Курской ГУАК. Вып. 1. Курск, 1911. С. 75.

49. Юдин Ю.И. О сказках и сказчице // Бобравские сказки, рассказанные в селе Бобраве Курской области Дарьей Васильевной Струковой. Курск, 2001. С. 3.

50. Чтения в Историческом обществе Нестора-летописца. Кн. VII. С. 17.

51. ПСЗРИ. Т. VII. № 4367. § 3.

52. Цит. по: Замятин С.Н. Первая русская инструкция для раскопок (Находка костей "волота" в 1679 г.). // СА. 1950. № XIII. Первая публикация этого же документа: Новомбергский Н.Я. Очерки внутреннего управления в Московской Руси XVII столетия // Записки МАИ. Т. XX. М., 1915. С. 199–201.

53. Формозов А.А. Очерки по истории русской археологии. М., 1961. С. 22.

54. КГВ. 1845. № 49. С. 664.

55. Рукописный архив СПб. ИИМК. Ф. 1. Оп. 1895 г. Д. 293. Л. 196 об. – 197; Оп. 1900 г. Д. 97.

56. ГАКО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 119. Л. 23.

57. Кусаков О.Л. Находка клада в с. Березе // Известия КГОК. 1927. № 6. С. 92.

58. Первая публикация клада: Кропоткин В.В. Новые находки сасанидских и куфических монет в Восточной Европе // Эпиграфика и нумизматика. Т. IX. М., 1971. С. 81.

59. Первая публикация граффити на монетах берёзовского клада: Нахептян В.Е., Фомин А.В. Граффити на куфических монетах, обращавшихся в Европе в IX–X вв. // Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования. 1991 г. М., 1994. № 318–400.

60. Полная публикация и дополнительное исследование того же эпиграфического комплекса: Мельникова Е.А. Скандинавские рунические надписи. Новые находки и интерпретации. Тексты, перевод, комментарий. М., 2001. С. 138–146.

60. См.: Спицын А.А. Материалы для каталога древностей, поступивших в ИАК с 1859 по 1904 г. // Рукописный архив СПб. ИИМК. Ф. 5. Оп. 1. Д. 738. Л. 108–109.

О неучтённых в сводке А.А. Спицына курских кладах см. в особенности: Горохов Т.А. Монетные клады Курской губернии // Известия КГОК. 1927. № 4; а также в нижеследующих ссылках.

61. См.: Сводка монетных кладов Курской губернии, составленная по архиву Императорской Археологической комиссии // Щавелёв С.П. Первооткрыватели курских древностей. Вып. 1. Курск. 1997. С. 58–62.

62. Кобылин А.Н., Сосновский К.П. Щигровский сфинкс (каменная фигура в Курском музее) // Труды Курской ГУАК. Вып. 2. Курск, 1915. С. 6.

63. См.: Рыбаков Б.А. Новый Суджанский клад антского времени // КСИИМК. Вып. 27. М., 1949. С. 75–90.

64. Чехов А.П. Счастье. Посвящается Я.П. Полонскому // Собр. соч. в 12-ти тт. Т. V. М., 1955. С. 223–224.

65. Гуляев В.И., Беляев Л.А. О современном состоянии археологии в России (полемиические заметки) // РА. 1995. № 3. С. 102.

66. См. среди множества беллетризований данного феномена: Выгодно ли искать клады? // Аргументы и факты. 1990. № 9. С. 7; Гуртовой М. Кладо-искатель // Московские новости. 1991. № 11. С. 16; Звягин Е. Кладоискатель. Поиски. Рассказы. СПб., 1991; Успенский Э.Н. Если люди копают землю, они непременно ищут клады... // Остров сокровищ. 1993. № 5 (в этом журнальном интервью известный детский писатель признаётся: "Я верил в клады. За территорией моего пионерского лагеря был насыпан курган. Каждый день мы всем отрядом отправлялись на добычу золотых монет... Хватало нас на тридцать лопат, затем все выдыхались и откладывали обогащение на завтра"); Заговорённые клады и кладоискатели. Собрал и пересказал В. Цыбин. М., 1994; Соколовская Я. Профессор Котляр, который знает, где клады лежат // Известия. 1996. 28 мая. С. 5; Непомнящий Н.Н., Низовский А.Ю. Тайны кладов. М., 1999 ("Великие тайны"); Низовский А.Ю. Зачарованные клады России. М., 2001.

67. Супруненко О.Б. Автобіографічний лист І.Г. Спаського (до 90-річчя від дня народження вченого) // Слов'яно-руські старожитності Північного Лі-вобережжя. Чернігів, 1995. С. 88.

68. См.: Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад (предварительная публикация) // РА. № 4; Их же. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М., 1996.

§ 3. История глазами географов: первые описатели Курского наместничества

1. См.: Кусов В.С. Картографическое искусство Русского государства. М., 1989. С. 75–77.

2. Хабургаев Г. Замечательный географ начала ХУП в. // КП. 1955. № 209. 3 сентября. С. 4.

3. Книга Большому чертежу. М.–Л., 1950. С. 102.

4. См.: Щавелёв С.П. Местоположение древнего Курска // Исторический город в контексте современности. Материалы межрегиональной научно-практической конференции. Вып. IV. Секция "Историко-культурная и природная среда исторического города. Археология. Экология". Нижний Новгород, 1999. С. 10–15; Его же. Курск в "Списке русских городов, дальних и ближних" (В печати).

5. Книга Большому чертежу... С. 109.

6. Там же. С. 105 (примечание).

7. Цит. по: Памятная книжка Курской губернии на 1860 г. Курск, 1860. С. 48.
8. Акты XVII–XVIII вв., извлечённые А.Н. Зерцаловым. М., 1897. С. 106–108.
9. См.: Немировский А.И. Нить Ариадны (Из истории классической археологии). Воронеж, 1989. С. 12–16.
10. См.: ГАКО. Ф. 1555. Оп. 1. Д. 172.
11. См. там же: Д. 163. Л. 15. 16 об., 19, 19 об.
12. Формозов А.А. Очерки по истории русской археологии. М., 1961. С. 24.
13. Татищев В.Н. Напоминание на присланное росписание высоких и нижних государственных и земских правительств // В его кн.: Избр. труды по географии России. М., 1950.
14. Татищев В.Н. Предложения о сочинении истории и географии Российской. 1737 г. // Там же.
15. Архив СПб. ФАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 18. Л. 8–9. Цит по: Гнучева В.Ф. Географический департамент Академии наук ХУШ в. М.–Л., 1946. С. 73.
16. См.: Енуков В.В. О топографии Курска в древнерусское время // Историческая археология: традиции и перспективы. К 80-летию со дня рождения Д.А. Авдусина. М., 1998.
17. См.: Зорин А.В., Раздорский А.И. Курск. 2001.
18. Бакмейстер Л. Топографические известия, служащие для полного географического описания Российской империи. Вып. 1. Ч. 3. СПб., 1772.
19. Цит. по: Муравьев В. Дорогами российских провинций. Путешествия Петра-Симона Палласа. М., 1977. С. 72.
20. См.: Паллас П.-С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. Т. III. Ч. 1. СПб., 1788.
О личности и заслугах В.Ф. Зуева см. подробнее: Райков Б.Е. Академик Василий Зуев (1752–1794) // Труды Института истории естествознания и техники. Т. IV. История биологических наук. М., 1955. С. 244–289.
21. Путешественные записки Василья Зуева от С.–Петербурга до Херсона в 1781 и 1782 г. СПб., 1787. С. 144.
22. См. первопечатное изложение анонимом фольклорно-церковной версии основания Коренного монастыря: История о городе Курске, о явлении чудотворного знамения пресвятыя богородицы иконы, нарицаемая курския, о курском Знаменском монастыре и его настоятелях. Сочинённая в 1786 году из разных рукописей, грамот царских и патриарших, такожде и из рукописного летописца в Курском Знаменском монастыре находящемся. Курск, 1792. 55 с.
23. Путешественные записки Василья Зуева... С. 154.
24. Акты Московского государства. Т. II. СПб., 1911. С. 106.
25. См.: Зорин А.В. Отчёт об охранных раскопках кургана около д. Шуклинки Курского района Курской области. 1998 г. // Архив КГОМА; Его же. Некоторые особенности погребальной обрядности населения Посеймья в конце X в. // 60 лет кафедре археологии МГУ. М., 1999.
26. Александров-Липкинг Ю.А. Далёкое прошлое соловьиного края. Воронеж. 1972, С. 96.
27. Путешественные записки Василья Зуева... С. 154.
28. Там же. С. 151.
29. Там же. С. 168.
30. Там же. С. 174.
31. См.: Артамонов М.И. Саркел – Белая Вежа // МИА. № 62. М., 1958.

32. ПСЗРИ. Т. II. СПб., 1830. № 12474, 12559, 12711. См. также: Указ "О сделании всем городам, их строению и улицам специальных планов по каждой губернии особо" // Там же. №№ 4224, 5065; Т.ХУ1. № 11883; Т. XXX. № 23026.

33. См.: Рубинштейн Н.Л. Топографические описания наместничеств и губерний XVIII в. – памятник географического и экономического изучения России // Вопросы географии. Сб. 31. История географических знаний и историческая география СССР. М., 1953. С. 50.

34. Постановление Правительствующего Сената от 1. XI. 1777 г. // ПСЗРИ. Т. XX. № 14671.

35. Глаголев А. Краткое обозрение древних русских зданий и других отечественных памятников // Материалы для статистики Российской империи, издаваемые ... при Статистическом отделении Совета МВД. СПб., 1839. С. 83.

36. Там же. С. 125–126.

37. См.: Глаголев А. Краткое обозрение древних русских зданий и других отечественных памятников. СПб., 1841. С. 187–192.

38. См. лучшие произведения этой серии: Рычков П.И. Опыт казанской истории древних и средних времён. СПб., 1767; Засецкий А. Исторические и топографические известия о древности России и частно о городе Вологде и его уезде... М., 1780; Ильинский Н. Историческое описание города Пскова и его древних пригородов с самого их основания. СПб., 1790; Шафонский А. Черниговского наместничества топографическое описание. Сочинено в Чернигове в 1786 г. Киев, 1851; Митрополит Евгений (Болховитинов). Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губернии ... Воронеж, 1800.

Историографический анализ сочинений данного жанра см. в кн: Севастьянова А.А. Русская провинциальная историография второй половины ХУШ в. Вып. 1. Ярославль, 1988; Вып. 2. Ярославль, 1990.

39. Цит по: Рубинштейн Н.Л. Топографические описания... С. 62.

40. Там же.

41. ЦРВИА. Ф. ВУА. Д. 18800. Ч. 1. Л. 9. Цит. по: Из истории Курско-го края. Сб. документов и материалов. Воронеж, 1965. С. 131–132.

42. ЦРВИА. Ф. ВУА. Д. 18801. Л. 2–36; Д. 188802, 18803 – атласы Курской губернии.

43. ОР РГБ. № 6288. Не исключено, что этот документ всего лишь позднейшая копия отмеченного предыдущей ссылкой.

44. ЦРВИА. Ф. ВУА. Д. 18801. Л. 20, 22 об.

45. Ларионов С. Описание Курского наместничества... М., 1786. С. 4.

В дальнейшем разные авторы предлагали иные локализации летописных Воргола и Липецка. См. их обзоры: Енуков В.В. Летописные сказания 1283–1284 гг и география округа Курска // Вопросы истории и краеведения. Курск, 1994. С. 120–126; Зорин А.В., Раздорский А.И., Щавелёв С.П. Курск. история города от Средневековья к Новому времени: X–XVII вв. Курск, 1999. С. 119–120.

46. Сводку современных фактов и гипотез относительно основания Курска см.: Щавелёв С.П. Древнерусский Курск: предпосылки и период становления города // Курские тетради. Курск и куряне глазами ученых. Тетрадь 2. Курск, 1998; Его же. Курск: происхождение имени летописного города // Там же. Тетрадь 4. Курск, 2002.

47. Уточнение хронологии курской части феодосиева жития см.: Щавелёв С.П. Подвиг во имя христианских идеалов: образец Св. Феодосия Печерского // Святой князь Михайло Чернігівський та його доба. Чернігів, 1996. Анализ остальных реалий первой части того же агиографического памятника в нашей работе: Феодосий Печерский – курянин. Историко-археологический этюд (В печати).

48. Ларионов С. Описание Курского наместничества... С. 18–19 (примечание).
49. ПСЗРИ. № 15688 от 15. 03. 1783 г.
50. См. подробнее: Степанов В. Первый губернатор // КП. 1992. 25 марта. С.4; Его же. Так начиналась городская типография // ГИ. 1996. № 38. 28 марта. С. 3.
51. См.: Цветков М.А. Картографические материалы генерального межевания // Вопросы географии. Сб. 31. М., 1953. С. 93.
52. Рязанов Н.В. Сколько же Курску лет? // ГИ. 1996. 11 января. № 4. С. 3–4.
53. Городские поселения в Российской империи. Т. III. СПб., 1863. С.3., 51-52.
54. См.: Поленов Д.В. Описание бороздинского собрания рисунков к его археологическому путешествию по России с г.г. Ермолаевым и Ивановым в 1809–1810 г.г. // Труды I АС. Т. I. СПб., 1871. С. 72–73.
55. Путивльские древности // Журнал МВД. Ч. XXII. 1836. № 10. С. 52.
56. См.: Формозов А.А. Археологии на страницах “Журнала МВД” 1830–1860-х гг. // Санкт-Петербург и отечественная археология. Историографические очерки. СПб., 1995.
57. О произведениях растительного царства Курской губернии // Журнал МВД. 1836. № 10. С. 53.
58. Там же. № 9. С. 470.
59. Подписка на 1851 г. "Вестник ИРГО" // КГВ. 1851. № 19. С. 191.

§ 4. Пионер научного краеведения: раскопки и этнографические труды уездного учителя А.И. Дмитриюкова

- 1 См.: Формозов А.А. Русское общество и охрана памятников культуры. Изд. 2-е, доп. М., 1990. С. 34–38.
2. ГАКО. Ф. 1540. Оп. 1. Д. 22. Л. 132 об.–133; Д. 26. Л. 54 об.–55; Д. 27. Л. 193 об. – 198.
3. Дмитриюков А.И. – Погодину М.П. 1 мая 1843 г. // ОР РГБ. Ф. 321. Ч. 2. Оп. 10. Д. 79. Л. 1.
4. См.: Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в империи ... на 1863-64 гг. Ч. 1. СПб, 1865. С. 394.
5. См. для примера: Тункина И.В. Кабинет редкостей Черноморского де-по карт // Очерки истории русской и советской археологии. М., 1991.
6. См.: Формозов А.А. Когда и как складывались современные представления о памятниках русской истории // ВИ. 1976. № 10. С. 205–206.
7. См: Формозов А.А. Страницы истории русской археологии. М., 1986. С. 44–54; Новохатский К.Е. "Мне хочется быть лектором истории..." (В.В. Пассек) // Памятники Отечества. 1989. № 1; Перкаль М.К. В.В. Пассек и его "Очерки России" // Этнографическое обозрение. 1994. № 6; Цыбин М.В. У истоков историко-археологического изучения юго-востока Древней Руси // Вопросы истории славян. Вып. 12. Воронеж, 1998.
8. См., например: Авдусин Д.А. Полевая археология. М.,1972. С. 10.
- Высказывалось также мнение, будто Чертков никаких раскопок не вёл, а только описал случайно найденные в снесённых строителями курганах вещи, не найдя в них ничего славянского: Немировский А.И. Александр Дмитриевич Чертков (опыт научной биографии) // ВИ. 1988. № 10. С. 44. Однако это мнение опровергается документальным отчётом автора тех раскопок: Чертков А.Д. О древних вещах, найденных в 1838 г. в имении Н.А. Толстого // РИС. Т. III. М., 1838.
9. См.: Формозов А.А. Следопыты земли московской. М., 1988. С. 34–36.
10. См. подр.: Там же. С. 36–39.

11. См.: Формозов А.А. А.С. Уваров и его место в истории русской археологии // РА. 1993. № 3.

12. ГАКО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 63. Л. 38–39.

13. Сахаров И.П. Мои воспоминания // Русский архив. 1873. Кн.1 № 6. С. 900.

14. Дмитриюков А.И. Городища и курганы в Суджанском и Рыльском уездах // Труды Курского ГСК. Вып. 1. Курск, 1863. С. 508–509.

15. Протоколы общих собраний ИРАО за 1899–1908 годы. Пг., 1915. С. 8–9.

16. Дмитриюков А.И. Городища и курганы, находящиеся в Суджанском и Рыльском уездах // Вестник ИРГО. Ч. XI. Кн. 4. СПб., 1854. С. 28.

17. Дмитриюков А.И. Городища и курганы, находящиеся в Суджанском и Рыльском уездах... С. 26–27.

18. См.: Куза А.В. Большое городище у с. Горналь // Древнерусские города. М., 1981; Кашкин А.В., Узьянов А.А. Об одном "несостоявшемся городе" на Верхнем Псле // Проблеми ранньослов'янської і давньоруської археології Посейм'я. Білопілля, 1994.

19. Дмитриюков А.И. Городища и курганы, находящиеся в Суджанском и Рыльском уездах... С. 37.

20. Дмитриюков А.И. О курганах и могильных насыпях в Суджанском уезде // Исторический, статистический и географический журнал, или Современная история света. 1828. Ч. 2. Кн. 1. № 4. С. 218.

21. См.: Дмитриюков А.И. Река Локня // Этнографический сборник, издаваемый ИРГО. Вып. V. СПб., 1862. См. ещё его же: О селе Горналь Суджанского уезда // Вестник ИРГО. Ч. Кн. 3. СПб., 1864; О насыпях Рыльского уезда // Московские ведомости. 1848. № 157.

22. См.: Дмитриюков А.И. Изображение [и перечень] вещей, найденных в могильниках, находящихся в Курской губернии Суджанского уезда // ОР РГБ. Ф. 231. Ч. 5. Оп. 4. Д. 18.

23. См.: Вейнберг Л.Б. Очерки замечательных древностей Воронежской губернии. 1891 г. // Описание коллекций рукописей Научного архива Географического общества СССР. Вып. 1. Л., 1973. С. 87.

24. Самоквасов Д.Я. – Жедринскому А.Н. 20 ноября 1873 г. // ГАКО. Ф.4. Оп. 1. Д.63. Л. 53. См. также: Щавелёв С.П. Первые страницы истории Курской археологии (А.И. Дмитриюков и Д.Я.Самоквасов) // История и археология юго-востока Руси. Курск. 1991.

25. См.: Дмитриюков А.И. Народные игры, загадки, анекдоты и присловья жителей Суджанского и Рыльского уездов // КГВ. Часть неофициальная. 1853. № 6–8, 11–13; Его же. Нравы, обычаи и образ жизни в Суджанском уезде // Московский телеграф. 1831. Ч. 39. № 9. С. 255–271; № 11. С. 359–377.

26. См.: Дмитриюков А.И. Образование в городе Рыльске и его уезде. 1854 г. // Архив Географического общества России. Ф. 19. Оп. 1 Д. 20. Л.1-4; Его же. Сборник собственных имён, употребляемых русскими и малороссиянами [в Курской губернии] 1850 г. // Там же. Д. 17. Л. 1–1 об.; Его же. Домашний быт жителей Рыльского и Суджанского уездов Курской губернии. Ч. 1. 1850 г. Ч. 2. 1851 г. Ч. 3. 1852 г. // Там же. Д. 16. Л. 1 – 19 об.; Его же. Малороссийская свадьба с песнями, собранными в Суджанском уезде. 1858 г. // Там же. Д. 26. Л.1–19; Его же. Дополнение к очеркам демонологии мало-россиян // Маяк. 1842. Кн. XII; Его же. Очерк демонологии малороссиян // Московитянин. 1865. Т. XII. Кн. 25.

В этом же архивохранилище см. скопированные краеведом архивные акты исторического содержания: Дмитриюков А.И. Окружная межа Миропольского уезда [с приложением карты] // Архив Географического общества России. Ф. 19. Оп. 1. Д. 19. Л. 1–4 об.; Его же. Отказная книга новому городу Судже, учиненная 1664 года

стольником Герасимом Семёновичем Рагозиным // КГВ. Часть неофициальная. 1851. № 3; Его же. Список с грамот и указов, жалован-ных Сумского полка Черкасским казакам. // Там же. 1853. № 16-17; Его же. Список с описи окружной межи Суджанского уезда // Там же. 1853. № 32; Сведения о Рыльске. Две отписки Яблоновского воеводы // Там же. 1864. № 48–49; Из переписки воевод // Там же. № 25, 30.

27. Зеленин Д.К. Материалы для описания Курской губернии, хранящие-ся в Учёном архиве Императорского Русского Географического общества // КС. Вып. VII. Курск, 1912. С. 113–115.

28. Дмитриуков А.И. Сведения о некоторых местностях Курской губернии // Архив Географического общества России. Ф. 19. Оп. 1. Д. 25. Л. 2.

29. См.: Дмитриуков А.И. Город Рыльск. Приложения. 1. Вид города Рыльска со стороны реки Сейма с "Чертова кургана". 2. Вид Рыльского Нико-лаевского монастыря с городской стороны; Рис. М. Чистякова. 1851 г. // ОР ГБЛ. Ф. 231. Ч. 3. Оп. 4. Д. Д. 15. Публикация в кн.: Щавелёв С.П. Облик старого Рыльска на взгляд А.И. Дмитриукова // Малые города России. Мате-риалы II Всероссийской научно-практической конференции (1–3 июня 2000 г., г. Рыльск). Ч. 1. Курск, 2000. С. 48–50.

Обратим внимание на оставшиеся в рукописи работы А.И. Дмитриукова: О состоянии садов. 1851 г.; Падающие облака. 1851 г. // ОР РГБ. Ф. 231. Оп. 4. Ч. 3. Д. 15. Л. 1–4; Д. 41. Л. 5; Д. 39. Л. 1–1 об.

Наконец, см. его же газетные материалы: Строитель-самоучка // КГВ. 1864. № 13; Концерт в Судже с благотворительной целью // Там же. № 19; Кликуша (из Дмитриева) // Там же. № 26; Кто должен быть учителями в сельских школах // Там же. № 36; О необходимости провести шоссе через Суджу // Там же. № 40; Рыльск и рыляне // Там же. № 41; О земских учреждениях // Там же. 1865. № 17; Об отчуждении старозаимочных земель // Там же. № 22.

30. Дмитриуков А.И. – Погодину М.П. 18 февраля 1868 г. // Там же. Д. 41. Л. 1 об. См. также: Дмитриуков А.И. О винокурении, бывшем в местах малороссийских до введения кубов обыкновенных и паровых // Вестник ИРГО. Ч. XV. СПб., 1855.

О взаимоотношениях маститого историка, модного издателя с провинциальными коллекционерами см.: Умбрашко К.Б. М.П. Погодин. Человек. Исто-рик. Публицист. М., 1999.

31. Вот цитата из недавнего издания: Белякова Г.С. Славянская мифология. Книга для учащихся. М., "Просвещение" [sic! – С.Щ.], 1995.С. 39: "Историк [? – С.Щ.] Е.И. Классен считал, что кельтами была основана Верона (ныне итальянский город), а шотландские кельты составляли выселок прибалтийских венеков". Вся глава этого пособия называется: "Кельты – ваны – венеки – вятичи". Подобными нелепицами пособие перенасыщено. Оно отнюдь не единст-венное в таком антинаучном роде в потоке нынешней псевдоисторической литера-туры. Между тем, одно название книжонки Классена должно отпугивать взрослого читателя: "Новые материалы для древнейшей категории славян вооб-ще и славяноруссов в особенности с лёгким очерком истории руссов до Рожде-ства Христова. Вып. 1–3. СПб., 1861.

32. См. подробнее: Формозов А. Старая историческая литература на се-годняшнем книжном рынке России // КО. 1996. № 17. С. 9.

33. См.: Щавелёв С.П. А.И. Дмитриуков – первый курский археолог и этнограф // Архивная находка. Тезисы выступлений на краеведческих чтени-ях. Вып. 1. Курск, 1992; Его же. Археологический почин курского учителя А.И. Дмитриукова в 1820-е – 1830-е гг. // РА. 1996. № 4.

34. См.: Бердинских В.А. Губернские статистические комитеты и русская провинциальная историография 1860–1890-х годов. Автореф. дисс. ... докт. ист. н. Киров, 1995 (Цит. по: ОИ. 1995. № 5. С. 221)

ГЛАВА II. “ЗОЛОТОЙ ВЕК” ГУБЕРНСКОГО КРАЕВЕДЕНИЯ: 1860-е – 1910-е годы

§ 1. Просвещение читающей публики: историко-археологические сюжеты на страницах губернской периодики

1. Порой в краеведческой литературе это событие датируется 1838 г., когда было принято соответствующее решение.

2. См. отдельный оттиск: Головашенко А.А. Краткий исторический обзор Курской губернии. Курск, 1854.

3. Ср.: Щавелёв С.П. Этноним “северяне” и его историко-географические особенно-сти в Курском Посеймье // Проблемы исторической демографии и исторической географии Центрального Черноземья и Запада России. Сборник тезисов V международной конференции. М.–Брянск, 1996. С. 26–29.

4. Ср. современную трактовку этого сюжета: Енуков В.В., Щавелёв С.П. Основные направления торговых связей Курской земли в X–XIII веках // Торговля Курского края с древнейших времен до начала XX века. Сборник статей и материалов. Курск, 1996. С. 12–34.

5. См.: Енуков В.В. Славянский комплекс на Рати // Археология и история юго-востока Руси. Курск, 1991.

6. См.: Головашенко А.А. Исторический и статистический обзор Коренной ярмарки. Курск, 1851.

7. См. современное исследование исторического наследия этого курского уроженца: Шикло А.Е. Предчувствие истины: Николай Алексеевич Полевой // Историки России ... С. 152–173.

8. КГВ. 1850. № 23. С. 216.

9. О полемике вокруг главного труда А.Н. Полевого см: Формозов А.А. Классики русской литературы и историческая наука. М., 1995. С. 58–59.

10. Протицируем для иллюстрации выдвинутого тезиса забытый источник биографии Ф.А. Семёнова – статью некоего Перепелицына в “Одесском вестнике” о том, как члены Императорского Географического общества под руководством нашего “самородка русской земли” наблюдали солнечное затмение 1851 г. в заштатном городке Бобринце:

“... Тучи идут да идут мерным, холодным шагом. “Ужели не суждено мне видеть полного затмения!.. 1887 год далеко!.. Такая трава, – указывая на бурьян, – вырастет на могиле моей!..” – Негодует Ф.А. Облака как бы услышали мольбу учёного старика, как будто из сожаления к гениальному самоучке, не-сколько разрезились и позволили проглянуть бледному солнцу, по которому, за-метно стало, начала двигаться тень луны. “Нуль!” закричал Семёнов торжественным голосом, – и распространившаяся темнота вознаградила астронома за его ожидания и труды, и те, и другие дорого купленные. Он перекрестился на восток два раза: с необыкновенным восхищением говорил всем и каждому о величественной картине и верности счисления. ... Вы сказали бы: это другой человек, – так изменилось сумрачно-тоскливое лицо его, на котором уже блистала радость. Словом: Семёнов был совершенно счастлив. ... Затмение прошло. ... Семёнов побрел в свою квартиру, и уже возился с чемоданами, рассчитывая ми-моходом, чего будет стоить проезд до Курска. ... И что же делать в Бобринце Семенову? В Курске его ожидают машины, инструменты, в стеклянных ульях пчёлы, над которыми он усердно наблюдает ...” (Цит. по: Москвитянин. 1851. № 21. С. 38).

11. Где он продолжил историко-археологические изыскания в составе тамошнего Статистического комитета. См. ещё одну его работу: Земляные насыпи и городища в Астраханской губернии // Труды Астраханского ГСК. Вып. 4. Астрахань, 1875.

12. КГВ. 1848. № 49. С.345.

13. Медведская Л.А. Некоторые страницы из истории Курского края второй половины XIX в. (по воспоминаниям проф. И.И. Чистякова) // Учёные записки КГПИ. Т. 47. Вопросы истории и краеведения. Ч. 2. Курск, 1968. С. 84.

14. См.: Формозов А.А. “Отечественные записки” – первый русский историко-археологический журнал // ВИ. 1967. № 4; Его же. Тиражи исторических изданий первой половины XIX в. в России // ВИ. 1970. № 2; Его же. Археология на страницах “Журнала Министерства внутренних дел” 1830-1860-х гг. // Санкт-Петербург и отечественная археология. СПб., 1995; Киян А.И. История Украины на страницах русской журнальной исторической периодики второй половины XIX – начала XX веков. Автореф. дисс. ... канд. ист. н. Киев, 1991; Алаторцева А.И. Советская историческая периодика. 1917 – середина 1930-х гг. М., 1989; Мохначёва М.П. В поисках “первого исторического журнала в России”: некоторые наблюдения и итоги // Отечественная культура и историческая наука XVIII–XX веков. Брянск, 1996.

15. См.: Дейч Г.М. “Губернские ведомости” как исторический источник // ВИД. Т. IX. М., 1978; Дёмина Л.И., Мохначёва М.П. История Отечества на страницах неофициальной части “Вятских губернских ведомостей” // История и культура Волго-Вятского края (К 90-летию Вятской Учёной архивной комиссии). Киров, 1994; Мохначёва М.П. Журналистика в контексте наукотворчества в России XVIII–XIX вв. М., 1998; Её же. Журналистика и историографическая традиция в России 30–70-х гг. XIX в. М., 1999; Её же. Журналистика и историческая наука в России 30–70-х гг. XIX в. (опыт источниковедения и историографии). Автореф. дисс. ... докт. ист. н. М., 2000.

16. См.: Танков А.А. Указатель важнейших статей, помещённых в КГВ с 1839 по 1990 гг.; Стрельский И.Д. Указатель важнейших статей, напечатанных в КГВ с 1990 по 1999 гг. // Труды Курской ГУАК. Вып. 2. Курск, 1995. Указатель А.А. Танкова впервые опубликован: КС. Вып. 1. Курск, 1901. Критерии “важности” при отборе публикаций для этих справочников соблюдались составителями весьма произвольно – немало интересных материалов по историческому краеведению из КГВ они по разным субъективным причинам опустили.

17. КГВ. 1839. № 27.

18. Там же. 1850. № 6–9, 11–12.

19. Там же. 1850. № 16. С. 136–139; № 17. С. 140–146.

20. Гутцейт В.К. О некоторых фоссильных зубах, найденных в Курской губернии // КГВ. 1851. № 7. С. 64.

21. Там же. 1850. №16. С. 138.

22. Там же.

23. Там же. №9. С.76.

24. РГИА. Ф. 772. Оп. 5. Д. 149671. Цит. по: Райков Б.Е. Дело Владимира Гутцейта // Труды Института истории естествознания и техники. Т. 4. История биологических наук. М., 1955. С. 384–389.

25. Толстой А.К. Собр. соч. Т. I. Стихотворения. М., 1963. С. 427–428.

О взаимоотношениях А.К. Толстого и его дяди, официального опекуна Л.А. Перовского см.: Стафеев Г.И. Под краснорогским небом. Краеведческие заметки. Брянск, 1994.

26. Medicinische Zeitung Russlands. 1851. № 26–32.

27. См. подробнее: Формозов А.А. Проблема древнейшего человека в русской печати XIX столетия (наука, церковь, цензура) // В его кн.: Страницы истории русской археологии. М., 1986.

28. КГВ. 1850. № 7. С. 63.

29. См. подр. нашу работу: Щавелёв С.П. Первые находки останков курских мамонтов и окончательное открытие С.Н. Замятниным палеолита на Сей-ме // Археология Чернозёмного центра России: история исследований, историография. Материала региональной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения С.Н. Замятнина. Воронеж, 1999. С. 19–23.

30. См.: Опись минералогического кабинета Курской губернской гимназии; Опись ископаемых, пожертвованных бывшим Курским гражданским губернатором С.И. Лесовским // ГАКО. Ф. 185. Оп.1. Д. 12.

31. См. ещё: О двух зубах мамонта, найденных в д. Баска Курского уезда, принадлежавших в 1865 г. Е.И. Шумакову // Рукописный архив СПб. ИИМК. Ф. 1. Оп. 1859 г. Д. 24. Л. 9–13.

32. Иностранцев А.А. Воспоминания (Автобиография). СПб., 1998. С. 81.

33. Переписка о введении естественной истории в гимназическом образовании // ГАКО. Ф. 185. Оп. 1. Д. 18. Л. 31.

34. См. подр.: Формозов А.А. Начало изучения каменного века в России. Первые книги. М., 1983.

35. КГВ. 1850. № 10. С.85.

36. Хотинский М. О системе мироздания // Там же. 1850. № 27. С. 231–232.

37. А. Г.[оловашенко]. Чудотворная икона знамения Божией матери, называемая Курская // Там же. 1850. № 37–38.

38. Жизнеописание исторического Шемяки см., в частности, в кн.: Зимин А.А. Витязь на распутье. Феодальная война в России XV в. М., 1991.

39. Обзор источников и мнений историков относительно судеб города Курска в монгольско-литовский период истории Днепровского Левобережья см. в наших работах: Щавелёв С.П. Местоположение древнего Курска // Исторический город в контексте современности. Материалы межрегиональной научно-практической конференции. Вып. IV. Нижний Новгород, 1999. С. 10–15; Его же. Курск в XIII–XVI вв.: между Ордой, Литвой и Москвой // Население и территория Центрального Черноземья и Запада России в прошлом и настоящем. Материалы VII региональной научной конференции по исторической демографии и исторической географии, посвященной 75-летию проф. В.П. Загоровского (1925–1994). Воронеж, 2000. С. 106–108.

Иной взгляд на судьбы города Курска в позднем Средневековье см. в кн.: Загоровский В.П. Проблемы исторической географии Центрального Черноземья // Историография и источники по исторической географии Центрального Черноземья. Курск, 1989.

40. Сборник Русского Исторического общества. Т. 41. СПб., 1884. С. 58.

41. См.: Чудесное обретение иконы Знамения пресвятой Богородицы на корне дерева // КЕВ. 1912. № 32. С. 900–901; № 34. С. 988; Евсеев И.Е. Описание рукописей, хранящихся в орловских древлехранилищах // Сб. Орловского церковно-археологического комитета. Т. I. Орле, 1905.

42. См. подр.: Багaley Д.И. Повесть о граде Курске и о Знаменской иконе Божьей матери // Календарь и памятная книжка Курской губернии на 1888 г. Курск, 1987. С. 258–271; Щавелёв С.П. Первооткрыватели курских древностей. Вып. 2. Курск, 1997. С. 22–24; Раздорский А.И. Повесть о граде Курске // ККСС. Курск, 1997. С. 298–299.

43. Чудесное обретение иконы Знамения пресвятой Богородицы на корне дерева // КЕВ. 1912. № 32. С. 900–901; № 34. С. 988.

Пресловутая дата обретения Курской иконы – “8 сентября 1295 г.” по-явилась в текстах данного памятника лишь в XVIII в., когда “повесть” переписывали и произвольно редактировали в Знаменском монастыре. Из этих поздних редакций памятника её извлекли первые “описатели Курского наместничества” (см. главу третью настоящей диссертации), а уже благодаря их публикациям версия о легендарной древности реликвии распространилась в церковной и светской краеведческой литературе. Ни в протографе, ни во внекурских редакциях памятника такой датировки нет. См. соответствующий анализ в работах А.И. Раздорского, готовящего сейчас “Курский летописец” к академической печати и опубликовавшего фрагменты из него уже сейчас: Зорин А.В., Раздорский А.И. Порубежье. Курский край в XVII в. Курск, 2001. С. 310–311.

44. В 1995 г. православная церковь торжественно отметила 700-летний юбилей этой своей святыни. Памятник чудотворной иконе по проекту известного скульптора В. Клыкова был тогда воздвигнут на территории исторического первоцентра Курска. Причём фундаментом монумента оказалась погублена часть культурного слоя домонгольского детинца. Областная инспекция по охране памятников культуры санкционировала это строительство, не поставив в известность курских археологов, которые тогда вели раскопки по соседству – в Перво-майском саду. Для сравнения сошлюсь на весьма информативные раскопки, проведённые в том же самом 1995 г. в историческом центре Владимира – так называемом “Мономаховом городе” на месте установки памятника Андрею Рублёву (раскоп площадью 34 км. м. дал ценную информацию о древней истории города).

На наш взгляд, по возможности точное знание того, что нашей Коренной иконе отнюдь не 700, а скорее всего около 300 лет, вовсе не снижает в глазах верующих и неверующих граждан её священный ореол, её культурно-историческую ценность. Напротив, профанация истории якобы в церковно-религиозных целях только компрометирует их, вольно-невольно представляет собой вульгарное богохульство. Скажем, одно из творений того же скульптора В. Клыкова – памятник Святому Владимиру Равноапостольному воздвигнут в соседнем с Курском Белгороде, который в свою очередь недавно отметил свое якобы 1000-летие. В действительности, как совершенно ясно историкам из сохранившихся документов, этот город основан в конце XVI в., а в летописном пассаже, притянута для обоснования гораздо более древнего возраста, речь идет о совсем другом Белгороде, располагавшемся в районе Киева. Что заставляет власти в юбилейных делах прислушиваться к невежественным краеведам и предвзятым служителям церкви, почему многие учёные историки молча взирают на этот обман и самообман народа, а многие журналисты ему способствуют, публикуя явные вымыслы на сей счет, не составляет особой загадки. К рассмотрению этого вопроса нам придётся возвращаться ниже, при обсуждении дальнейших судеб исторического краеведения в России.

45. Замечательным эпиграфом к этому историографическому сюжету может служить строфа из стиха некоего С. Плаксина, посвященного “высочайшим Его Императорского величества Государя Императора Николая II поездкам через Одессу”:

“Скажи, дорогая мамаша,
Какой нынче праздник у нас,
В блестящем мундире папаша,
Не едет брат Митенька в класс?
Взгляни ты, как много народа
Из церкви сегодня идёт!..

И солнышко с ясного свода
Златые лучи так и льёт!..
И солнышко, дитяtko, знает,
Что праздник великий настал,
Что нынче к нам ТОТ прибывает,
КОГО САМ ГОСПОДЬ нам избрал!..”

Цит. по: Лурье Я.С. К краю непуганных идиотов // В его кн.: Россия древняя и Россия новая (Избранное). СПб., 1997. С. 197.

Эти вирши одесского цензора с детства запомнились И. Ильфу и Е. Петрову настолько, что они включили их в одну из глав “Двенадцати стульев” как яркий штришок предреволюционного маразма царской бюрократии, карикатурно повторившийся потом в обиходе бюрократии советской.

45. Пузанов Н.А. О высочайшем шествии Императрицы Екатерины II через курскую губернию во время путешествия в Южный край государства // КГВ. 1848. № 1–2, 12, 15, 17, 22; Проезд через Курскую губернию Императрицы Екатерины II в 1787 г. // Там же. 1897. № 56–57.

46. А.Т. (Танков) Император Александр I в Курской губернии // Там же. 1893. № 500; Танков А. Проезд императора Александра I через Курскую губернию [в 1820 г. – С.Щ.] // Там же. 1897. № 20.

47. Проезд императора Николая I через курскую губернию // Там же. 1842. № 37, 39.

48. Там же. 1847. № 15. С.205.

49. Курск. Очерки истории города. Воронеж, 1975. С. 78.

50. [Статья (неозаглавленная) Т.И. Вербицкого] // КГВ. 1894. № 659, 792.

51. [Статья (неозаглавленная) И. Бесядовского] // Там же. 1859. № 43.

52. Русская мысль. Т. VII. Эпоха Николая I. М., 1910. С. 109–110.

53. См.: Щавелёв С.П. Профессионал и любитель как субъекты практики // Идеология и перестройка. Витебск, 1990. С. 131–132.

54. См.: Голицын Н.Н. Монастыри Курской губернии // КГВ. 1856. Август-декабрь; 1858. Январь-июль; Его же. Об упразднённых монастырях Курской епархии // Временник. Кн. XXV. М., 1857; Его же. Первобытныя славянские племена в Короче // КГВ. 1857. № 25; Его же. Род князей Голицыных. СПб., 1892.

Некрологи Н.Н. Голицына: Московские ведомости. 1893. 8 мая; Новое время. 1893. 2 мая; Исторический вестник. 1893. № 7.

55. Шатохин П. Историко-статистическое описание Курской губернии // КГВ. 1860. № 42, 44–46 (Публикация не окончена).

56. См., например: Обзорение древностей и достопримечательностей Рязани и её уезда // Там же. 1845. № 13–15.

57. Курская быль. 1908. 3 декабря. № 265. С. 3.

58. Л-нь К. Усадьба А.А. Фета (Шеншина) в окрестностях Коренной пустыни (из впечатлений поездки) // КГВ. 1907. № 154. С. 3–4.

59. См. полную библиографическую сводку: Матрёнина М.М., Якунина Г.Т. Фольклор на страницах курской дореволюционной периодики // Русский фольклор. Т. XXVI. Проблемы текстологии фольклора. Л., 1991. А биографические данные о ведущих курских этнографах содержатся в кн.: Стародубцев Г.Ю., Щавелёв С.П. Историки Курского края. Биографический словарь. Курск, 1997. Расширенный и исправленный вариант этого издания см. ниже, в приложении к настоящей диссертации.

60. Русские народные мифы и саги в применении их к географии и особенно к географии русской // КГВ. 1853. № 12.

61. Громовые стрелки // Там же. 1897. № 209.

62. Марков Р. Недавняя старина. Голубец на Красной поляне // Курский листок. 1899. № 209.

Упомянувшийся выше скульптор В. Клыков очередной свой монумент соорудил в честь легендарной битвы на Красной поляне. Теперь в Черемисиновском районе Курской области, на водоразделе Днепра и Дона высится “12-ти-метровый православный крест на трёхметровой Голгофе. ... С одной стороны во весь рост ... изображён Дмитрий Донской, а с другой – Александр Невский. ... В назидание всем инородцам, охочим до русской земли...”

Памятники литературным и фольклорным персонажам и событиям – не редкость в мировой меморативной практике, однако же никто не претендует выдать соответствующие персонажи за реальных деятелей истории. В. Клыков, на-против, уверяет сам себя и общественность в реалистичности якобы убитого курскими воинами 12 июля 1709 г. в битве с “ногайцами” (?) их “шести метров размеров богатыря”, чей “меч весил 80 кг”. Более того, по убеждению скульпто-ра, отрубленная у гиганта и “высушенная голова простояла на этом месте больше века, и её не мог не видеть А.С. Пушкин, проехавший через Елец и Ливны на юг России и упомянувший об этом факте в поэме “Руслан и Людмила” (По-клонный крест Вячеслава Клыкова // Российская газета. 2001. 19 октября. С. 31; Ср.: Чемодуров В. Крест над истлевшею ордой // Там же. 2002. 24 мая. № 91. С. 21).

Все эти домыслы без каких бы то ни было комментариев публикует официальная газета российского парламента. Подобные антиисторизмы – не редкость в современной политике, публицистике, искусстве. Они свидетельствуют о регрессивных тенденциях в историческом сознании наших соотечественников.

Репортаж об открытии памятника в курской газете оказался, к счастью для просвещения земляков, более скептическим к идее данного сооружения (“... Современное “катание головы ногайского богатыря” – вполне понятный, хотя и весьма спорный для многонационального государства момент”, – Блинков А. На белом пятне истории поставлен крест // Курский вестник. 2002 г. 14 мая. № 35. С. 2).

63. Киевские ближние и дальние пещеры // КГВ. 1845. № 27–28 (Перепечатка из “Киевских губернских ведомостей”).

64. См.: А-й. Белгород и его святыня // КЕВ. 1871. №7–9, 15, 17, 19; 1872. № №. 12, 17, 19; Косминский А. Памятники древности, находящиеся в г. Путивле и его уезде // Там же. 1872. № 22; Чистяков А. Интересный документ для истории религиозно-нравственного состояния г. Курска (Указ преосвященного Самуила, епископа Белгородского и Обоянского 1770 г. // Там же. 1871. № 18; Камышный С. Церковная летопись с. Камышного Христо-Рождественской церкви (Обоянского уезда) // Там же. 1872. № 2; Попов Г. Христорождественская церковь с. Осмолова Рыльского уезда; Добрынин В. О слободе Борисовке Грайворонского уезда и её храмах // Там же. 1872. № 15–16; Чеканов И. Очерки церковно-политической истории Курского княжества // Там же. 1892. № 44. Последняя публикация отличается от большинства остальных материалов курской газеты своим научно-исследовательским характером. Работа И. Чеканова и сегодня сохраняется в научном обороте; на заключения этого автора продолжают ссылаться историки древнерусского периода Курского края.

Остальные материалы, имеющие то или иное отношение к региональной истории в этом издании, см.: Указатель “Курских епархиальных ведомостей” за истекшее 25-летие издания (1871–96 гг.). Курск, 1898.

65. Иванов П.В. Наш край в середине и второй половине XVIII в. // История Курской области. Воронеж, 1975. С. 36–37.
66. Бердинских В.А. Русская провинциальная историография второй по-ловины XIX века. М.–Киров, 1995. С. 280, 287.
67. См. подр.: Пospelовский Д.В. Русская православная церковь в XX веке. М., 1995. С. 17–25.
68. Леонтьева Т.Г. Православная культура и семинарский быт (конец XIX – начало XX вв.) // Отечественная история. 2001. № 3. С. 176.
69. Павловский И. Двухмиллионный расход на “Епархиальные ведомости” за 20 лет. Материалы для журнальной статистики и для истории епархиальной литературы // Древняя и новая Россия. 1879. № 10. С. 68.
70. Поляков Ю.А. Союз муз // ОИ. 2002. № 1. С. 5. Этот номер журнала посвящён теме “История и литература”.—
71. Подр. см. кн.: Формозов А.А. А.А. Классики русской литературы и историческая наука. М., 1995; и нашу рецензию на нее: ВИ. 1998. № 5. С. 156–158.
72. Ушинский К.Д. Дневник, относящийся к гимназическим годам // Собр. неизданных соч. Т. III. Материалы для биографии. СПб., 1908. С. 10–11.
73. КГВ. 1851. № 19. С. 191.
74. Берберова Н. Курсив мой. Автобиография. М., 1996. С. 208.
75. Отчёт правления о деятельности Курской Семёновской публичной библиотеки и Пушкинской бесплатной народной библиотеки-читальни при ней за 1907 (десятый) год. Курск, 1908. С. 3.

§ 2. Прошлое края в трудах Статистического комитета

1. См.: Лунин Б.В. Из истории деятельности статистических комитетов Туркестанского края // Общественные науки в Узбекистане. Вып. 6. Ташкент, 1962; Комарова И.И. Научно-историческая деятельность статистических комитетов // АЕ за 1986 г. М., 1987; Бердинских В.А. Русская провинциальная историография второй половины XIX века. М.–Киров, 1995.
2. Юбилейный сборник Центрального Статистического комитета Министерства внутренних дел. 1863–1913. СПб., 1913. С. 6.
3. ГАКО. Ф. 20. Оп. 3. Д. 1636. Л. 1–2.
- 3 а. См.: Алексеев Л.В. Судьба Виленского музея древностей // ВИ. 1993. № 4.
4. Там же. Ф. 4. Оп.1. Д. 10. Л. 1.
5. Там же. Ф. 20. Оп. 3. Д. 9. Кроме того. см.: Историческое описание Курского Знаменского первоклассного монастыря протоиереем Иоанном Истоминым. Курск, 1857.
6. ГАКО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 10. Л. 4.
7. Рукописный архив СПб. ИИМК. Ф. 6. Оп. 51. Ч. 4. Д. 71.
8. См.: Кучера М.П. Змиевы валы Среднего Поднепровья. Киев, 1990.
9. Полное собрание законов Российской Империи. II. Т. 35. СПб., 1860. Ст. 36453.
10. Юбилейный сборник ЦСК... С. 8.
11. Цит. по: Воскресенский Н.В. Исторический обзор деятельности Воронежского ГСК. Воронеж, 1892. С. 4.
12. Сементовский А.М. Сборник в память I Русского Статистического съезда 1870 г. Вып. 1. СПб., 1872. С. XXXI.
13. Рогге В.П. Материалы для археологии Волыни // Труды III АС. Т. I. Киев, 1878. С. 21.

14. Труды III АС. Т. I. М., 1871. С. LX.
15. См.: Мизгер А.М. Конспект растений дикорастущих и разводимых в Курской губернии. Курск, 1869; Его же. О курском самороде [фосфорите – С.Щ.]. Курск, 1872; Танков А.А. Александр Михайлович Мизгер (1835–1891). Биографический очерк // ПК Курской губернии на 1893 г. Курск, 1893. С. 1–40; Формулярный список о службе А.М. Мизгера // ГАКО. Ф. 1540. Оп. 1. Д. 27. Л. 29 об.–32.
16. Формулярный список о службе секретаря Курского ГСК старшего штатного чиновника особых поручений при курском губернаторе Н.И. Златовер-ховникова. 2. 01. 1917 г. // ГАКО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 691. Л.1 об., 3 об.
17. ГАКО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 14. Л. 1.
18. Комарова И.И. Предпроектные исследования в строительстве. Вып. 1. М., 1988; Вып. 2. М., 1989 (“обзор изданий ГСК по вопросам развития городов России в 1834–1917 гг.”).
19. См.: Степанский А.Д. К истории научно-исторических обществ в дореволюционной России // АЕ за 1974 г. М., 1975; Чесноков В.И. Правительственная политика и историческая наука России 60–70-х годов XIX в. Воронеж, 1989.
20. Об этом выдающемся исследователе и организаторе русской науки см.: Формозов А.А. А.С. Уваров и его место в истории русской археологии // Уваровские чтения-II. Муром, 1994; Лапшин В.А. Оценка деятельности А.С. Уварова в советской археологической литературе (динамика критики) // Фин-но-угры и славяне. Сыктывкар, 1986; Щавелёв С.П. Становление археологической методологии и методики в России (Вклад А.С. Уварова и Д.Я. Самоквасова) // Теория и методика исследования археологических памятников лесостепной зоны. Липецк, 1992; Полякова М.А. Некоторые проблемы сохранения памятников старины в трудах и выступлениях гпафа А.С. Уварова // Уваровские чтения-III. Муром, 2001.
21. ГАКО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 37. Л. 1–2.
22. См.: Полное собрание законов Российской Империи. I. Т. V. СПб., 1830. Ст. 541.
23. ГАКО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 109. Л. 7 об.
24. Там же. Д. 56. Л. 1–1 об.
25. Отчёт по устройству русского отдела Этнографической выставки и Русского музея в Москве // Северная почта. 1865. № 30. С. 20.
26. См.: Левин М.Г. А.П. Богданов и русская антропология // СЭ. 1946. № 1; Формозов А.А. Следопыты земли московской. М., 1988. С. 133–135.
27. ГАКО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 56. Л. 13 об.
28. См.: Отношение министра внутренних дел Валуева начальнику Курской губернии. 26. 02. 1866 // Там же. Л. 2.
29. Там же. Л. 17–20.
30. Там же. Л. 19.
31. Этнографическая выставка 1867 г. ИОЛЕАЭ. М., 1878. С. 47, 59; илл. 1 (Известия ИОЛЕАЭ. Т. XXXIX. Вып. 1).
32. Программа и переписка по доставлению в Энтропологическую [так написал курский чиновник слово “антропология”, скрестив его с “этнографией” – С.Щ.] выставку собраний этнографических предметов из Курской губернии. 1878–79 гг. // ГАКО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 71. Л. 3–4.
33. Известия ИОЛЕАЭ. Т. XXV. Вып. 1. М., 1881. С. 75.
34. См.: Гладкова Т.Д. Антропологическая выставка 1879 г. и основание музея антропологии // Советская антропология. 1959. № 2; Формозов А.А. Следопыты земли московской. М., 1988. С. 60–62; Щавелёв С.П. Историк Русской земли. Жизнь и труды

Д.Я. Самоквасова. Курск, 1998 (“С А.П. Богдано-вым, в Обществе любителей естествознания”).

35. ПК Курской губернии на 1893 г. Курск, 1893. С. 32 (1-й паг.). См. также целый ряд материалов ГАКО о “разрешении продажи” на макулатуру старых архивных дел полицейских, благотворительных и других учреждений губернии: ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Ч. 4. Д. 8788; 4844; 5753; 5789; 5790; 5798; 5858 и мн. др.

36. См. подр.: Щавелёв С.П. А.И. Дмитриюков – первый курский археолог и этнограф // Архивная находка. Вып. 1. Курск, 1992; Его же. Археолого-логический почин курского учителя А.И. Дмитриюкова в 1820-е – 30-е годы // Российская археология. 1996. № 4. С. 177–184.

37. Древности. А. Меловая крепость (древний острожек или крепость первобытного города); Б. Вал на р. Рати // ПК Курской губернии на 1860 г. Курск, 1860. С. 44–49.

38. См.: Щавелёв С.П. Становление археологического интереса в России XVII века (ранние находки древностей в районе Курска в отражении приказно-го делопроизводства) // Российская археология. 1998. № 2. С. 188–194.

39. Список соответствующих трудов М.Н. Сперанского см.: Историко-филологический институт имени кн. Безбородко в Нежине. 1875–1900. Нежин, 1900; Словарь членов Общества любителей российской словесности. М., 1911.

40. См.: Сперанский М.Н. Курский лирик Семёнов // Древности. Труды Славянской комиссии ИМАО. М., 1907. С. 53–54.

41. См.: Сперанский М.Н. К истории русских рукописных подделок // Доклады АН СССР. Серия В. Л., 1928; Его же. Русские подделки рукописей в начале XIX в. (Бардин и Сулакадзев) // Проблемы источниковедения. Вып. 5. М., 1956.

42. Сперанский М.Н. Раскопки курганов в Рыльском уезде (Курская губерния) // АИЗ, издаваемые ИМАО. 1894. № 8-9. С. 263-269.

43. Спицын А.А. Заметка о курганах Курской губернии // Там же. № 10. С. 326.

Что касается древностей, приписывавшихся летописным радимичам, то новейшие исследования продемонстрировали их довольно широкое распространение по территории Древней Руси; в том числе и за пределами летописной локализации этого восточнославянского объединения. Так что соотношение этноспецифических вещей и носителей соответствующей этничности (или субэтничности) выходит сложнее, чем представлялось основоположникам нашей археологии. См. подр.: Хвоцинская Н.В. Об этнической атрибуции подвесок с изображением головок быка // Славяне, финно-угры, скандинавы, волжские булгары. СПб., 2000.

44. Протокол годового заседания Курского ГСК от 24. 03. 1876 г. № 39. С. 5.

45. Сведения о всех существующих древних зданиях, памятниках старины, о памятниках новейшего времени, вздвиженных в честь Высочайших особ, в память разных событий. 1901–1902 гг. // ГАКО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 113. Л. 1.

46. См.: Златоверховников Н.И. Памятники старины и нового времени и другие достопримечательности Курской губернии. Курск, 1902.

47. О доставлении ПК по устройству XII АС в Харькове чрез земских начальников сведений, касающихся местной старины. 1901–1902 гг. // ГАКО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 116. Л. 1.

48. Сведения о каменных бабах // Там же. Ф. 4. Оп. 1. Д. 118.

49. См. первый в своём роде справочник: Балацкая Н.М., Раздорский А.И. Памятные книжки губерний и областей Российской Империи. Предварительный список. СПб., 1994.

50. См.: Иконников В.С. Опыт русской историографии. Т. 1. Кн. 2. Киев, 1891. С. 276.

51. См. всего лишь: Тихонравов К. Археологические исследования во Владимирской губернии, с приложением журналов разрытий // Труды Влади-мирского ГСК. Вып. 2. Владимир, 1864; Его же. Исследование курганов близ Вознесенского посада в Шуйском уезде // Там же. Вып. 6. Владимир, 1867.

52. См.: Сабанеев Л.Н. Описание курганов Мологского уезда (с 17 чертежами) // Труды Ярославского ГСК. Вып.5. Ярославль, 1868.

53. См.: Историко-статистические сведения и примечательнейшие древности в Виленской губернии // ПК Виленской губернии на 1850 г. Вильно, 1850; То же на 1851 г. Вильно, 1851.

54. Его письма к Д.Я. Самоквасову, содержащие оценки европейской и русской археологии того времени, опубликованы нами: Щавелёв С.П. Славян-ская археология в эпистолярном архиве Д.Я. Самоквасова (Избранные письма польских, чешских, украинских корреспондентов) // Проблемы славяноведе-ния. Сб. научных статей и материалов. Вып. 3. Брянск, 2001.

55. См.: Спицын А.А. Каталог древностей Вятского края // Календарь вятской губернии на 1882 г. Вятка, 1881; Штриттер А.Э. Топографические све-дения о городищах и курганах // ПК Гродненской губернии на 1890 г. Гродно, 1889; Соловьёв Е.Т., Вячеслав В. Древности Казанской губернии. Казань, 1877; Спицын А.А. Обзорение Курской губернии в археологическом отношении // КС. Вып. 1. Курск, 1901. С. 97–100; и т.п.

Сводку и обзор работ, выполненных в рамках данного проекта, см.: Ща-велёв С.П. Первый опыт массового учета археологических памятников в России (анкета Д.Я. Самоквасова 1872–1873 гг. и её результаты) // Российская ар-хеология. 1992. № 1.

56. См. применительно к Курскому и Ратскому городищам: Енуков В.В. О топографии Курска в древнерусское время // Историческая археология: тра-диции и перспективы. К 80-летию со дня рождения Д.А. Авдусина. М., , 1998.

57. См.: Описание Путивльской Молченской Рождество-Богородицкой общежитальной Софроньевой пустыни, составленное при настоятеле оной архи-мандрите Макарии. СПб., 1846; Токмаков И. Историко-статистический и архео-логический очерк города Старого Оскола с уездом (Курской губ.). К предстоя-щему в 1894 г. 11 мая 300-летнему юбилею города. М., 1894; Терлецкий А.И. Исторические заметки о городе Судже его уезде // ПК Курской губернии на 1894 г. Курск, 1894; Алякритский Н.И. Древности Дмитриевского уезда Кур-ской губернии и церковей города Дмитриева. Харьков, 1902.

58. Гацисский А.С. Очерк статистический съездов в России // В его кн.: Сборник в память I Русского статистического съезда 1870 г. Вып. 2. Нижний Новгород, 1875. С. 3.

§ 3. Профессор Д.Я. Самоквасов и его провинциальные маршруты

1. См. подробнее: Щавелёв С.П. Д.Я. Самоквасов – историк, археолог, архивист // ВИ. 1993. № 3; Его же. Д.Я. Самоквасов – историк русского государства и права // Государство и право. 1993. № 2; Его же. Историк Русской земли (жизнь и труды Д.Я. Самоквасова). Курск, 1998.

2. Самоквасов Д.Я. – Курской ГУАК. 25. X. 1904. // ГАКО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2. Л. 104.

3. Григорьев В.В. Императорский Санкт-Петербургский университет в те-чение первых пятидесяти лет его существования. Историческая записка. СПб., 1870. С. СХХI (2-й паг.).

4. См. под.: Щавелев С.П. Д.Я. Самоквасов как друг и сотрудник археологов Уваровых // Уваровские чтения-II. (Муром, 1993). М., 1994. С. 52–57.
5. Самоквасов Д.Я. – Жедринскому А.Н. 21. VI. 1872 // ГАКО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 63. Л. 36–36 об.
6. Апухтин А.Н. Песни моей отчизны. Стихи. Проза. Тула, 1985. С. 86, а также 94–95, 101.
7. См.: Куза А.В. Большое городище у с. Горналь // Древнерусские города. М., 1981; Археологическая карта России. Курская область. Ч. 2. Автор-сост. А.В. Кашкин. Курск, 2000. С. 127–136.
8. См.: Путь из варяг в греки и из грек ... Каталог выставки. М., 1996. С. 76.
9. Мизгер А.М. – Самоквасову Д.Я. 10. XI. 1873 // ГАКО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 63. Л. 76.
10. См.: Самоквасов Д.Я. [О раскопках в Курской и Черниговской губерниях летом 1872 г.] // Древности. Труды ИМАО. Т. IV. Вып. 1. М., 1874. Протоколы. С. 46–48; Его же. Древние земляные насыпи и их значение для науки // Древняя и новая Россия. СПб., 1876. Т. I. № 3. С. 262–278; № 4. С. 342–358; Его же. Значение курганов как исторических источников // Известия ИРАО. Т. IX. Вып. 1. СПб., 1877. С. 181–201.
11. См.: Самоквасов Д.Я. О раскопках кургана “Чёрная могила” в Чернигове // Известия ИРГО. Т. X. СПб., 1874. С. 30–31; Его же. Результаты исследования черниговских курганов с кострищами // Древности. Труды ИМАО. Т. IV. Вып. 1. М., 1874. С. 77–82; Его же. Могилы русской земли. М., 1908; Петрухин В.Я. Начало этнокультурной истории Руси IX–XI вв. М.–Смоленск, 1995. С. 171, 193; Щавелёв А.С., Щавелёв С.П. Чёрная могила // ВИ. 2001. № 2. С. 134–141.
12. См. в том числе: Rambaud A. Histoire de la Russie depuis les origines jui’qa nos jours. Paris, 1900. P. 36–37, 897. Новое переиздание в русском переводе: Рамбо А. Живописная история древней и новой России. М., 1994. С. 26.
13. ГАКО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 63. Л. 34 об.–35.
14. Златоверховников Н.И. Предметы древности, хранящиеся при Курском губернском статистическом комитете // КС. Вып. 1. Курск, 1901. С. 142.
15. См.: Основания хронологической классификации [могильных древностей Европейской России], описание и каталог коллекции древностей профессора Д.Я. Самоквасова. Варшава, 1892. XI, 11, 101, X с.; Орешников А.В. Собрание древностей Д.Я. Самоквасова в Историческом музее // Древности. Труды ИМАО. Т. XXIII. Вып. 2. М., 1914. С. 411–415.
16. См.: О затребовании от ГСК сведений о древних земляных насыпях, окопах или батареях, называемых в народе городищами или городками. 30. V. 1873 – 7. VI. 1882 // РГИА. Ф. 1290. Оп. 2. Д. 87.
17. См. о нём как организаторе отечественной статистики: Мельникова О.Б. П.П. Семёнов-Тян-Шанский и российская статистика // Вестник МГУ. Серия 8 “История”. 1988. № 1; Козлов И.В., Козлова А.В. Пётр Петрович Семёнов-Тян-Шанский. 1827–1914. М., 1991. С. 86–99.
18. ГАКО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 63. Л. 45.
19. См.: Отношение члена ИМАО магистранта Димитрия Самоквасова на имя преосвященного Сергия, епископа курского // КЕВ. 1872. № 11. С. 1025–1026.
20. См. специальный анализ всего этого массива статистических данных о городищах и курганах: Щавелёв С.П. Первый опыт массового учёта археологических памятников в России (Анкета Д.Я. Самоквасова и её результаты) // РА. 1992. № 1. С. 255–264.

21. ГАКО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 63. Л. 1–18; Сведения о курганах и городищах Курской губернии 1873 г. // Рукописный архив СПб. ИИМК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 220. Л. 1–10.
22. Труды Курского ГСК. Вып. IV. Курск, 1874. С. 157–167.
23. См.: Археологическая карта России. Курская область. Ч. 1–2. Автор-составитель А.В. Кашкин. М., 1998–2000.
24. Тихомиров И.О. О курганах в Суджанском уезде // Там же. С. 151.
26. Об исходатайствовании пенсии вдове тайного советника Д.Я. Само-квасова Т.В.Самоквасовой. 11. X. 1911 – 1. III. 1912 // РГАДА. Ф. 337. Оп. 1. Д. 798. Л. 3.
26. Рукописный архив СПб. ИИМК. Ф. 1. Оп. 1889 г. Д. 55. Л. 40.
27. См.: Щавелёв С.П. Эпизоды истории русской археологии (К 150-летию со дня рождения Д.Я. Самоквасова) // РА. 1993. № 1. С. 221–235.
28. См.: Щавелёв С.П. “Москва. Девичье поле. Архив. Профессору Д.Я. Самоквасову... // Московский журнал. 1992. № 7. С. 52–58.
29. См.: Библиотечная книга изданиям и рукописям, поступающим в Курскую ГУАК // ГАКО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 28. Л. 19–71.
30. Например, на заседании 14 мая 1904 г. “помощник председателя ко-миссии А.Н. Кобылин прочитал свой реферат о Зелёном кургане ... в Корочан-ском уезде. Ему возразил П.Г. Попов, полагавший курган татарским. Кобылин сказал, что при определении типа Зелёного кургана придерживался классифика-ции проф. Д.Я. Самоквасова, авторитет которого, вероятно, признаёт и П.Г. Попов” (Труды Курской ГУАК. Вып.1. Курск, 1911. С. 31).
31. См.: Филиппенко А.А. Городище “Гочев” Обоянского уезда Курской губернии // Древности. Труды ИМАО. Т. XVI. М., 1897.
32. См.: Щавелёв С.П. К.П. Сосновский и его археологические работы в Посеймье // Проблеми ранньослов’янської і давньоруської археології Посейм’-я. Білопілля, 1994.
33. См.: Заявление И.Н. Есипова курскому губернатору. 20. II. 1912 // ГАКО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 21. Л. 19–20.
34. Дневник раскопок в окрестностях с. Гочева Обоянского уезда Курской губернии, произведенных проф. Д.Я. Самоквасовым в августе 1909 г. М., 1915. С. IV.
35. См.: Щавелёв С.П. Вопросы теории и методики в археологических трудах Д.Я. Самоквасова // Очерки истории русской и советской археологии. М., 1991. С. 25–50.
36. Дневник раскопок в окрестностях с. Гочева ... С. IV–V.
37. Там же. С. V.
38. РГАДА. Ф. 337. Оп. 1. Д. 781. Л. 84.
39. Рукописный архив СПб. ИИМК. Ф. 1. Оп. 1908 г. Д. 162. Л. 28 об.
40. ГАКО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 21. Л. 85.
41. Там же. Л. 91.
42. Там же. Л. 94–95.
43. Рукописный архив СПб. ИИМК. Ф. 1. Оп. 1912 г. Д. 116. Л.1.
44. См. подр.: Щавелёв С.П. Курский дебют П.С. Рыкова как археолога-полевика // Сеймские берега. Курск, 1995. № 3–4. С. 17–18.
45. См.: Рыков П.С. Северо-восточные границы радимичей (Раскопки курганного могильника близ с. Гочева Обоянского уезда Курской губернии) // Учёные записки Саратовского ун-та. Т. 1. Вып. 3. Саратов, 1923.
46. ГАКО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 21. Л. 83.

47. См.: Самоквасов Д.Я. Могильные древности Северянской Черниговщины. Посмертное издание. М., 1916 [на титульном листе; на обложке книги – 1917]. 97, IV с.

48. См. образцы современной интерпретации старых находок из Гочева: Шинаков Е.А. Население верхнего течения р. Псла в XI–XII вв. (по материалам Гочевского археологического комплекса) // Вестник МГУ. Серия 8 “История”. 1982. № 2; Щавелёв А.С. Камерные погребения Гочевского могильника (вопросы атрибуции, социокультурной интерпретации) // Проблемы славяно-русской археологии Чернигово-Брянских земель. Вып. 6. Брянск, 2001. С. 20–24; Щавелёв А.С., Щавелёв С.П. Камерные погребения Гочевского некрополя на Верхнем Псле // Приложение в кн.: Чернышёв А.А., Чернышёв А.С. Верхний Псел (река Псел в Курской и Белгородской областях). Курск, 2001. С. 86–98.

49. См.: Переверзев И.Е. Народный музей Д.Я. Самоквасова // Школа и родной край. Курск, 1967; Склярук В.И. Дом, в котором жил археолог Д.Я. Самоквасов // Материалы свода памятников истории и культуры РСФСР. Курская область. М., 1979; Щавелёв С.П. В квартирантах у истории. Памятники Курской земли // КП. 1988. 14 сентября.

50. ГАКО. Ф. Р-3139. Оп. 8. Д. 442. Л. 3.

51. См.: Вагнер Г. Патриот земли русской // КП. 1961. 19 августа; Щавелёв С.П. Историк и археолог // КП. 1983. 22 октября; Его же. Не менее Шлимана славен. Профессор Д.Я. Самоквасов и Курский край // ГИ. 1993. 21 августа.

52. См.: Щавелёв С.П. Перечень археологических исследований Д.Я. Самоквасова, составленный им самим между 1910 и 1911 гг. // Археология и история юго-востока Руси. Курск, 1991; Его же. Научные конференции, посвященные Д.Я. Самоквасову // Архив русской истории. Вып. 4. М., 1994; Его же. Юбилей Д.Я. Самоквасова // Сумська старовина. Сумы, 1996.

53. См.: Слов'яни і Русь у науковій спадщині Д.Я. Самоквасова. Черні-гів, 1993.

54. Археологическая карта России. Курская область. Ч. 1 Автор-составитель А.В. Кашкин. М., 1998. С. 3.

§ 4. Учёная архивная комиссия в Курске и ее историко-этнографический музей

1. Юбилейный сборник ЦСК... С. III.

2. РГИА. Ф. 1657. Оп. 1. Д. 53. Л. 2.

3. РГАДА. Ф. 364. Оп. 1. Д. 244. Л.1–1 об.

4. Труды Курской ГУАК. Вып. 1. С. 38 (2-й паг.).

5. Там же. С. 74. Подр. об историсофских декорациях русской монархии см.: Wortman R. S. Scenarios of Power. Myth and Ceremony in Russian Monarchy. Vol. I. From Peter the Great to the Death of Nicholas I. Princeton–N.Y., 1995. Привлечение окружением Николая II к этому антуражу краеведческого материала отражает, должно быть, политическую мимикрию по отношению к появившимся при нем элементам гражданского общества, регионального самоуправления.

6. Областные музеи // ГАКО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 751. Л. 15.

7. См.: Комарова И.И. [И]МАО и его роль в развитии местных краеведческих организаций России // АЕ за 1989 г. М., 1990; Фролов А.И. [И]МАО и охрана памятников старины в дореволюционной России // Вопросы охраны и использования памятников истории и культуры. М., 1990; Чесноков В.И., Чесноков И.В. Воронежское краеведение на Всероссийских археологических съездах // Русская провинция. Вып. 2. Воронеж, 1995.

8. Сборник статей в честь графини П.С. Уваровой. 1885 – 1915. М., 1916. С. VII. Все яркие люди вызывают среди окружающих не только восхищение, но и нередко злобное непонимание. Занимаясь биографиями тех археологов, что сотрудничали с П.С. Уваровой, некоторые современные исследователи доверчиво пересказывают старые сплетни о крутом характере графини и т.п. инсинуации завистников или конкурентов её ИМАО. См. например: Мельникова А.С. И.И. Толстой и А.В. Орешников (из истории нумизматической науки на рубеже XIX–XX вв.) // Труды ГИМ. Вып. 83. М., 1993. С. 42.

9. См.: Танков А. Необходимость и возможность учреждения в Курске [Г]УАК // Новое время. 1894. № 6472; КГВ. 1897. № 63–66.

10. ГАКО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 11. Л. 66.

11. Там же. Л. 9.

12. Там же. Л. 13.

13. Там же. Д. 751. Л. 7.

14. Там же.

15. О личности и деятельности А.А. Танкова см.: Бугров Ю.А. Летописец отчего края // КП. 1988. 10 сентября. С. 4.

16. КС. Вып. 1. С. 135.

17. См.: Самоквасов Д.Я. Централизация государственных архивов Западной Европы в связи с архивной реформой в России. М., 1899.

18. Самоквасов Д.Я. Архивное дело в России. Т. 1. М., 1902. С. 18.

19. См.: Труворов А.Н. Обзор деятельности ГУАК. Т. 1–3. СПб., 1890–1892; Кедров С.И. Настоящее и будущее архивных комиссий (По поводу книги проф. Д.Я. Самоквасова...) // Русский архив. 1900. № 9; Рудаков В.Я. Археология и история в трудах ГУАК // Исторический вестник. 1901. № 12; Снежневский В.И. ГУАК и архивное дело в них. Нижний Новгород, 1903; Норцов А.Н. ГУАК и их значение // Известия Тамбовской ГУАК. Вып. 50. Ч. 2. Тамбов, 1905; и др.

20. См.: Макарихин В.П. ГУАК и их роль в развитии общественно-политической мысли России в конце XIX – начале XX в. // История СССР. 1989. № 1; Писарькова Л.Ф. ГУАК: организация, численность и условия деятельности // АЕ за 1989 г. М., 1990; Расмутова Т.О. ГУАК и изучение памятников археологии в дореволюционной России // Вопросы охраны и использования памятников истории и культуры. М., 1990; Русская историческая периодика 1861–1917 гг. (Материалы к библиографии). СПб., 1992; Алленова В.А. Деятельность Тамбовской ученой архивной комиссии по охране памятников старины // Исторические записки. Научные труды исторического факультета ВГУ. Вып. 1. Воронеж, 1996; Гурьянов В.Н. Материалы по археологии Брянщины в “Трудах Орловской ученой архивной комиссии” // Отечественная и всеобщая история. Методология, источниковедение, историография. Брянск, 1993; Рябинин Е.И. Российское краеведение и российская археология (на примере научных обществ Костромской губернии); Хан Н.А. Археологическое краеведение и охрана памятников в Вятке в начале XX в.; Королев А.Е. Псковская краевая археология в XIX – начале XX вв. // Традиции российской археологии. Материалы методологического семинара ИИМК РАН. СПб., 1996; Шохин Л.И. Московский архив Министерства юстиции и русская историческая наука. Архивисты и историки во второй половине XIX – начале XX века. М., 1999.

21. Самошенко В.Н. История архивного дела в дореволюционной России. М., 1989. С. 153.

22. Самоквасов Д.Я. Централизация государственных архивов... С.29.

23. Маяковский И.Л. Очерки по истории архивного дела в СССР. Ч.1. М., 1941. С. 286.

24. См.: Формозов А.А. Русское общество и охрана памятников культу-ры. Изд. 2-е. М., 1990. С. 87–88.

25. См. первую монографию по данной проблеме, относящуюся по своему содержанию преимущественно к поволжским Комиссиям: Макарихин В.П. ГУАК в России. Нижний Новгород, 1991; а также диссертации Г.П. Присенко, А.Д. Шипилова, Е.П. Пироговой, А.М. Аббасова, Н.Н. Митрофанова, И.Д. Чепелевой об отдельных ГУАК и современных им краеведческих объединениях Костромы, Тулы, Перми, Полтавы, ЦЧО в предреволюционный период.

26. См., например: Туманова А.Е. Научно-исторические общества Тамбо-ва в конце XIX – начале XX в. // Общественная жизнь в Центральной России в XVI – начале XX вв. Воронеж, 1995. С. 177, где утверждается, будто в провинции “научные общества имели ... преимущества перед государственными на-учными объединениями” вроде АН. В действительности важнее всего была имен-но система “центр – регионы” в этой работе. См. об этом: Соболев В.С. Деятельность Российской Академии наук по сохранению национального, культурного и научного наследия в переломную эпоху развития России (1890–1930 гг.). Автореф. дисс. ... докт. ист. н. СПб., 1996.

27. ГАКО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 751. Л. 2 об.

28. Отчёт о деятельности ГСК за 1901 г. Курск, 1902. С. 11.

29. Танков А.А. Курский историко-археологический и кустарный музей // Исторический вестник. 1910. № 4. С. 287.

30. См.: Приложение к отчёту о большом манёвре в Курской губернии с Высочайшим присутствием в 1902 г. Московская армия. М., 1903.

31. Курская газета. 1902. № 93. 5 сентября. С. 3.

32. Златоверховников Н.И. Памяти Н.Н. Гордеева (Генеалогический и биографический очерк) // Труды Курской ГУАК. Вып. 1. С. 9 (2-й паг.).

33. Известия ИАК. Вып. 6. Прибавление (Хроника и библиография). Вып. 4. СПб., 1903. С. 41.

34. Труды Курской ГУАК. Вып. 1. С. 6.

35. См. сравнительный анализ: Размустова Т.О. Музей и историческое краеведение (на материалах краеведческих музеев Центрального Черноземья). Автореф. дисс. ... канд. ист. н. М., 1987.

36. Труды Курской ГУАК. Вып. 1. С. 127.

37. См.: Засурцев П.И., Лисицына Н.К. Липинское городище // Славяне и Русь. Сб. в честь 60-летия Б.А. Рыбакова. М., 1968; Кашкин А.В. О локализации древнерусского города Липовичска // Липецк: начало истории. Липецк, 1996; Кучкин В.А. Летописные рассказы о слободах баскака Ахмата // Средневековая Русь. I. М., 1996; Енуков В.В., Енукова О.Н. “Городи Посемь-ские”: древнее Липино // 60 лет кафедре археологии МГУ. Тезисы докладов юбилейной конференции. М., 1999.

38. См. кроме того: Данилевич В.Е. Курс русских древностей. Киев, 1908; 2-е изд. 1914; Его же. Сведения о курганах и городищах Курского уезда // РГАДА. Ф. 337. Оп. 1. Д. 181. Л. 33–34; Отчёт о раскопках в Курском уезде // Рукописный архив СПб.ИИМК. Ф. 1. Оп. 1907 г. Д. 48.

39. См. служебный формуляр К.П. Сосновского: ГАКО. Ф. 37. Оп. 2. Д. 917. Л. 3–14.

40. Жук А.В. В.А. Городцов в первые годы его научной деятельности // Археология Сибири: историография. Ч. 1. Омск, 1995. С. 33.

41. См.: Сосновский К.П. Бумаги старых лет по Курскому уезду // Труды Курской ГУАК. Вып. 1.

42. См. его же: Храм Покрова Пресвятой Богородицы в с. Макаровке Льговского уезда Курской губернии // Там же.

43. См.: Формозов А.А. П.Н. Милюков и археология // РА. 1995. № 2; Конигов Б.А. Археология в работах П.Н. Милюкова // Археология Сибири: историография и источники. Омск, 1996; Макушин А.В., Трибунский П.А. Павел Николаевич Милюков: труды и дни (1859–1904). Рязань, 2001. С. 178–179, 183.
44. См.: Формозов А.А. Историк Москвы И.Е. Забелин. М., 1984.
45. См.: Щавелёв С.П. Д.Н. Анучин и Д.Я. Самоквасов: моменты науч-учного сотрудничества // Интеграция археологических и этнографических исследований. Материалы VI международного научного семинара, посвященного 155-летию со дня рождения Д.Н. Анучина. Ч. II. Омск, 1998. С. 130–132.
46. См. подробнее: Формозов А.А. Русские археологи до и после революции. М., 1995; Его же. Археология и идеология // Вопросы философии. 1993. № 2.
47. Сосновский К.П. Городища и курганы в бассейне верхнего течения р. Псла ... // Труды Курской ГУАК. Вып. 2. Курск, 1915.
48. Рукописный архив СПб.ИИМК. Ф. 1. Оп. 1908 г. Д. 162. Л. 15.
49. См.: Кобылин А.Н., Сосновский К.П. Щигровский сфинкс (Каменная фигура в Курском музее) // Труды Курской ГУАК. Вып. 2.
50. См.: Сосновский К.П. Дневник раскопок в овраге “Волчий Верх” близ д. Плоховки Никитской волости Щигровского уезда // Там же.
51. Рукописный архив СПб. ИИМК. Ф. 1. Оп. 1912 г. Д. 116. Л. 1.
52. См. подробнее: Щавелёв С.П. Курский дебют П.С. Рыкова как археолога-полевика // Сеймские берега. Курск, 1995. № 3–4.
53. Отчёт ИАК за 1913–15 гг. Пг., 1918. С. 170.
54. См.: Глазов В.Н. Отчёты о раскопках в Обоянском уезде в 1913–15 гг. // Рукописный архив СПб. ИИМК. Ф. 1. Оп. 1913, 1915 гг. Д. 123, 93.
55. См.: Стародубцев Г.Ю. Продолжение охранных раскопок Гочевского курганного могильника // АО 1995 г. М., 1996.
56. Каншин В.П. Умрихинский мамонт и следы человека палеолитической эпохи // Труды Курской ГУАК. Вып.1. С. 115; также см.: Чтения в Обществе Нестора-летописца. Т. XX. Вып. 2. С. 45; Известия ИАК. Вып. 21. С. 1.
57. См.: Чубур А.А. Система “человек-мамонт” в бассейне Сейма. Курск, 1994.
58. Труды Курской ГУАК. Вып. 1. С. 55.
59. КГВ. 1900. № 171. 9 августа. С. 3.
60. См. например: Багaley Д.И. Русская история. С картами, планами и снимками с памятников древности искусства. Т. 1. М., 1914. С. 162.
61. Замятнин С.Н. Первая находка палеолита в долине Сейма // КСИИМК. Вып. 8. М.–Л., 1940. С. 98; Спицын А.А. Русский палеолит // Записки отделения русской и славянской археологии ИРАО. Т. XI. Пг., 1915. С. 159.
62. ГАКО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 26. Л. 50–51 об.
63. РГАДА. Ф. 337. Оп. 1. Ч. 5. Д. 871. Л. 1.
64. См.: Танков А.А. Освобождение крестьян в Курской губернии // КГВ. 1889. №48–49; Его же. Училищная летопись Курского края (исторические очерки) // Там же. 1888. № 45–47; Его же. Старинные переселения крестьян Курской губернии // Там же. 1888. № 70, 81; Его же. Курский край в начале царствования Петра Великого // Труды Курской ГУАК. Вып. 2.
65. См. его же: Историческая летопись курского дворянства. Т. 1. М., 1913.
66. ГАКО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 25. Л. 31.
67. Годичное общее собрание ИРАО ... 1913 г. СПб., 1913. С. 23.
68. К съезду представителей ГУАК, устраиваемому ИРАО. СПб., 1914. С. 8.
69. Там же. С. 9.

70. См.: Фрезер Дж.Дж. Золотая ветвь. Исследование религии и магии. М., 1980. С. 77; Зеленин Д.К. Очерки русской мифологии. Вып. 1. Умершие неестественной смертью и русалки. Пг., 1916. С. 76, 110; Панченко А.А. Почитание каменных крестов на Северо-Западе России // Живая старина. 1996. № 3. С. 43.

71. Ср.: Узянов А.А. Сакральные зоны Посеймья IX–XIII вв. (по археологическим и церковным памятникам) // Конференция “Религиозные представления в первобытном обществе”. М., 1987.

72. См.: Каталог выставки XII АС в Харькове // Труды Харьковского ПК по устройству XII АС. Т. 2. Ч. 2. Харьков, 1902. С. 10.

73. ГАКО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 119. Л. 4. См. также о спелеологических приключениях этого археолога-любителя: Стеллецкий М.Я. Мертвые книги в московском тайнике. Документальная история библиотеки Ивана Грозного. М., 1993.

74. См.: Курский адрес-календарь 1910 г. Курск, 1910. С. 390–391.

75. КЕВ. 1910. № 9. 26 февраля. С. 94.

76. Булгаков Г. Облечение святителя Иосафа Горленко ... (К вопросу об исторически правильном изображении святителя) // КЕВ. 1910. № 44. С. 486–490; Троицкий Н. Памятники Знаменского монастыря в Курске. Курск, 1884.

См. для сравнения с аналогичными организациями из других регионов: Заднепровская Т.Н. Церковно-археологические комитеты России и их роль в деле охраны и изучения памятников церковной старины // Санкт-Петербург и отечественная археология. Историографические очерки. СПб., 1995.

77. ГАКО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 691. Л. 6–6 об.

ГЛАВА III. ГУМАНИТАРНОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ КАК ФЕНОМЕН СОВЕТСКОЙ КУЛЬТУРЫ

§ 1. Обреченный арьергард: дела, планы, разгром общества краеведов в Курске 1920-х – начала 30-х годов

1. См.: Шмидт С.О. Краеведение и документальные памятники. Тверь, 1992; Филимонов С.Б. Краеведение и документальные памятники (1917–29 гг.). М., 1989; Его же. Историко-краеведческие материалы архива Общества по изучению Москвы и Московского края. М., 1989; Его же. Краеведческие организации Европейской России и документальные памятники (1917–1929). М., 1991; Краеведение в научной и общественной жизни России 1920-х годов (Материалы международной конференции РАН). М., 1996; Рюмина Т.Д. Эволюция краеведения в России в конце XIX – XX веках. Автореф. дисс. ... докт. ист. н. М., 1999.

2. Специальный декрет Совнаркома от 1. 06. 1918 г. юридически распустил все ГУАК, однако в целом ряде губерний о нём узнали не сразу или же игнорировали его ещё несколько лет, сохраняя безобидные на самом деле кружки чудаков-археологов в структуре советских учреждений, а порой и наряду с ними. См., например: Миронов В.Г. Нижневолжское краеведение в 1917–20 гг. // Краеведческие чтения. Саратов, 1993. С. 60; Филимонова А.В. Псковское Археологическое общество в последние годы существования (1918–1923) // Археология и история Пскова и Псковской земли. Материалы научного семинара 1996–1999 гг. Псков, 2000. Только когда – в итоге 1920-х гг. настоящих врагов, реально опасных для советской власти, в стране практически не осталось, большевистская контрразведка и из краеведов слепила образ врага.

3. ГАКО. Ф. Р–2633. Оп. 1. Д. 37. Л. 2–3.

3 а. Маяковский В. Радоваться рано // Искусство коммуны. 1918. № 2. 15 декабря.

3 б. Блок А.А. Дневник. М., 1989. С. 286.

4. Там же. Л. 4. Идея музеефикации образцовых дворянских усадеб возникла еще в период их дореволюционного расцвета. См., например: Инсарский В.А. Из быта наших помещиков 1840–1850-х гг. (Имение князей Барятинских “Марьино” в селе Ивановском) // Русская старина. Т. IX. 1874. № 1–2. Ликвидировав хозяев роскошных поместий сразу после своего прихода к власти, большевики довольно долго не могли дать ладу этому своему приобретению, то размещая в них производственные коммуны (как например в муромском Кара-чарове графов Уваровых), то устраивая там собственные дачи (как в “ленинских” Горках или же в тех же курских Марьине, Мокве), то просто оставив разгромленные окрестными крестьянами имения в запустении.

5. ГАКО. Ф. Р – 3139. Оп. 1. Д. 5; др.

6. Пушкарев С.Г. Воспоминания историка. 1905–1945. М., 1999. С. 62.

7. Ремизов А.М. В розовом блеске. Автобиографическое повествование. М., 1990. С. 332.

8. Шафранов С.А. Курск 1919. Страницы культурной жизни города. 1969 г. // ГАКО. Ф. Р–970. Оп. 2. Д. 19. Л. 2.

9. Соловьев Л.Н. – Спицыну А.А. 13. 02. 1916 // Рукописный архив СПб.ИИМК. Ф. 1. Оп. 1916 г. Д. 125. Л.1. Получив в 1916 г. открытый лист ИАК № 639 на “раскопки в пределах Курского уезда” и 20-рублевое пособие (там же, л. 7), Соловьев не сумел ими воспользоваться в связи с дефицитом рабочих рук на селе в разгар уборочной страды.

10. См.: Соловьев Л.Н. Стоянки, селища и городища окрестностей г. Курска // Известия КГОК. 1927. № 4; Его же. Пограничные укрепления Херсонесской области // Бюллетень I конференции археологов СССР. Вып. 5. Керчь, 1926; Его же. Перши хлібороби // Знання. 1926. № 7; Археологическая экскурсия на Шуклинское городище близ г. Курска // Известия КГОК. 1929. № 4. Перечень остальных публикаций этого автора, относящиеся к археологии Кавказа, главным образом Абхазии, см. в кн.: Воронов Ю.Н. Лев Николаевич Соловьев. СПб., 1994. С. 72–76.

11. Рукописный архив СПб.ИИМК. Ф. 1. Оп. 1918 г. Д. 7. Л. 4.

Итоги современных исследований летописного Вира см.: Проблеми раннь-ослов'янської і давньоруської археології Посейм'я. Матеріали наукової конференції, присвяченні 900-річчю Вира – Білопілья. Білопілья, 1994; Приймак В.В. Давньоруське місто Вир. Білопілья, 1997.

12. ГАКО. Ф. Р–3139. Оп. 1. Д. 12. Л. 6.

13. Формозов А.А. Русское общество и охрана памятников культуры. М., 1990. С. 71.

14. См.: Анциферов Н.П. Из дум о былом. Воспоминания. М., 1992. С. 415. Впоследствии все трое инспекторов из ЦБК были арестованы по вздорному обвинению в антисоветской деятельности, а Н.П. Анциферов осужден на много лет концентрационных лагерей. В вину ему ставилась фантастическая роль связного между “штабом контрреволюционеров” в ЦБК и периферийными организациями краеведов-”вредителей”, куда он по роду службы неоднократно выезжал для инструктажа насчет музейно-экскурсионной работы. См. там же: с. 354–355. О реальном взаимопользовании сотрудничестве ЦБК и периферийных лидеров советского краеведения см.: Рыженко В.Г. Личность в истории культуры России 1920-х гг. (к проблеме взаимосвязи научно-практических традиций “центра” и “периферии”) // Проблемы истории науки и культуры России. Омск, 1993.

15. В центральном бюро краеведения // Известия КГОК. 1928. № 2. С. 55.

16. ГАКО. Ф. Р–2633. Оп. 1. Л. 22 об.

17. Работы Г.И. Булгакова, Т.А. Горохова, О.А. Кусакова, М.Н. Орловой, Л.Н. Соловьева о курских древностях представлены в кн.: Магнус О.А. Библиографический указатель литературы по археологии, вышедшей в СССР за 1918–1928 гг. // Известия ГАИМК. Т. VIII. Вып. 4–7. [Л.], 1937.

18. См.: Соловьев Л.Н. Маршрут экскурсии на Шуклинское городище // Известия КГОК. 1928. № 2; Программы-инструкции исследовательских работ. Вып. I. Программы-инструкции культурно-исторической секции. Курск, 1926; То же. Вып. II. Программы-инструкции педагогической секции Общества (по школьному краеведению). Курск, 1926; То же. Вып. III. [...] По изучению природы края в связи с производственными заданиями. Курск, 1926.

19. ГАКО. Ф. Р–2633. Оп. 1. Д. 2. Л. 4 об.

20. Там же. Д. 24. Л. 4.

21. См.: Булгаков Г.И. Заветы древнего церковного зодчества и иконо-графии. Курск, 1920; Его же. Внешний вид Курского Знаменского монастыря. Курск, 1921.

В 1930-е гг. Знаменский собор – центр всего архитектурного профиля Курска – безжалостно перестроили под кинотеатр, разобрав четыре малых купола и две колокольни. После того, как во время Отечественной войны это здание попало под бомбежку и его купол оказался разрушен, какгодились бы эти работы Булгакова авторам проекта восстановления памятника архитектуры – архитектору С.И. Федорову и художнику Л.А. Литошенко. Но они, вероятно, даже не знали о существовании этих работ. В результате купол бывшего (и будущего, т.е. настоящего – в 1992 г. здание возвратили Русской православной церкви) собора после реконструкции приобрел совершенно иные очертания, чем придавал ему первоначально автор проекта в стиле русского классицизма архитектор А.И. Мельников в 1915 г. В настоящее время, к 2000-летнему юбилею христианства курская епархия приступила к восстановлению первоначального облика Знаменского собора (убрав колонны с фасада, пристроив рядом с его зданием колокольню и малые купола вокруг центрального барабана). Правда, реконструкция эта выйдет частичной, потому что от многих концептуальных элементов прежнего здания и теперь отказываются. Проект этой реставрации оказался волонтерно утвержден тогдашним губенатором А.В. Руцким, ставшим его соавтором, и не был согласован с федеральными инстанциями охраны архитектурных памятников, вызвал аргументированные возражения курских специалистов – архитекторов и историков. Обзор их мнений см: Маслова О. Кому нужна пародия на памятник? // Курский вестник. 1999. 24. XI. С. 4.

22. См.: Булгаков Г.И. Схематический обзор Курского края в культурно-историческом отношении // Курский край. Сб. по природе, истории, культуре и экономике Курской губернии. Вып. I. Курск, 1925; Его же. Курск в прошлом // Известия КГОК. 1927. № 1–2; Его же. Современный Курск (Географический материал для комплекса “Наш город”) // Там же. 1927. № 3; Его же. Природа и экономика ЦЧО. Географический очерк по опубликованным материалам Воронежского Облплана. Курск, 1929. 40 с.

23. ГАКО. Ф. Р–2633. Оп. 1. Д. 55. Л. 151.

24. См.: Булгаков Г.И. Схематический обзор Курского края в этнографическом отношении // Курский край. Вып. I; Его же. К вопросу об изучении саянских сел края // Известия КГОК. 1928. № 3 (9); Баранов С.Ф. По саянским деревням (Из впечатлений поездки) // Известия КГОК. 1927. № 1–2.

25. См.: Резанова Е.И. О курганах близ с. Гочева, Обоянского уезда // Труды Курской ГУАК. Вып. I. Курск, 1911.

26. См.: Резанова Е.И. Наблюдения над говором крестьян деревень Мас-ловки и Хитровки, Суджанского уезда, Курской губернии. СПб., 1912; Её же. Материалы по этнографии Курской губернии // Труды Курской ГУАК. Вып. I. Её же. Ефим Михайлович Чепцов // Известия КГОК. 1927. № 1–2; Её же. Народное меню с. Владимирского // Там же. 1928. № 3 (9).

27. См.: Ефременко С.Н. Черты жизни Курского края по архивным материалам XVII в. [приказам Белгородской губернской канцелярии за июнь месяц 1732 г., хранящимся в Курскгубархиве] // Известия КГОК. 1927. № 1–2; Её же. Лобановка в г. Курске и ее народные песни // Там же. 1927. № 4; Её же. Топография Рыльского уезда XVII в. // Там же. 1927. № 6; Её же. Слобода Ямская г. Курска (в прошлом). Курск, 1928 (Фрагмент этой брошюры недавно переиздан без комментариев в кн.: Курск. Документы. Воспоминания. Статьи. Курск, 1997. С. 98–111); Её же. Историко-поэтическое описание рек Курского края // Там же. 1929. № 1–2.

Подробности биографии С.Н. Ефременко см. в статье: Бугров Ю. Лю-бовь на всю жизнь // Летопись. Курск, 1989. Вып. 2. С. 6.

28. См.: Терновский Д.А. К истории Нижегольского уезда в XVII–XVIII вв. // Известия КГОК. 1927. № 5; Его же. Старицкий юрт Белгородского уезда // Там же. 1927. № 6.

29. Личное дело М.П. Парманина, преподавателя латинского языка [КГМИ] // ГАКО. Ф. Р–4847. Оп. 3–л. Св. 28. Д. 895; Парманин М.П. Не-обходимость изучения Курской губернии в историко-культурном отношении // Известия КГОК. 1927. № 3.

30. Личное дело М.П. Парманина... Л. 4 (Хранится под вышеуказанным шифром ГАКО в текущем архиве КГМУ, № 387).

31. См.: Парманин М.П. Путь Игоря Северского на половцев в 1195 г. (Заметка краеведа) // ТОДРЛ. Т. XII. М.–Л., 1956. С. 55–59.

32. См.: Энциклопедия “Слова о полку Игореве”. Т. IV. СПб., 1995. С. 14.

33. См.: Позняков Л.Н. Курский острог (крепость) // Курский сбор-ник. Вып. 6. Курск, 1912; Его же. Белгород с уездом XVII в. // Известия КГОК. 1927. № 5; Его же. Город Грайворон со дня его основания до половины XVII в. // Там же. 1927. № 6.

34. См.: Сенаторский Н.П. О епархиальном управлении. Курск, 1906.

35. См.: Его же. Историко-этнографический очерк Курского края // Ве-стник Курского губернского исполнительного комитета. 1923. № 16–17; № 18–19; Его же. К истории заселения северо-западного района Курского края // Известия КГОК. 1927. № 4.

36. См.: Ефремов А.П. Свадьба крестьян с. Танеева (Обоянской волости, Курского уезда) // Известия КГОК. 1927. № 1–2; Его же. Поверья и приметы крестьян х. Танеева (быв. Медвенской волости ...) // Там же. 1927. № 4.

37. См.: Чужимов. Этнографические этюды с. Донецкая Семица Сазонов-ской волости Курского уезда // Известия КГОК. 1927. № 6.

38. ГАКО. Ф. Р–2633. Оп. 1. Д. 4. Л. 10.

39. План работ губсовета Общества краеведения с 1 июля по 31 декабря 1927 г. // Известия КГОК. 1927. № 3. С. 87–88.

40. ГАКО. Ф. Р–2633. Оп. 1. Д. 58. Л. 15.

41. См.: Орлова М.Н. Белгородское городище и его могильник // Изве-стия КГОК. 1927. № 3.

42. См.: Мацулевич Л.А. Суджанские находки и очередные задачи краеведения // Известия КГОК. 1928. № 4–6.

Попутно отметим рецензию Б.А. Рыбакова на книгу Л.А. Мацулевича “Погребение варварского князя в Восточной Европе” // За большевистскую книгу. 1935. № 15–16. С. 6–7. Автор рецензии (в духе своей автохтонистской концепции

восточного славянства) утверждает связь этих суджанских погребений с оседлым населением бассейна р. Псла и категорически отвергает их связь с готами.

43. Археологические разведки // Известия КГОК. 1928. № 3.

44. ГАКО. Ф. Р-2633. Оп. 1. Д. 48. Л. 122 об.

45. См.: Стрельский В.И. Песни, частушки, заговоры и малопонятные слова дер. Конево Курского уезда // Известия КГОК. 1927. № 3; Его же. Приметы, предрассудки, пословицы и протяжные песни крестьянок дер. Конево Курского уезда // Там же. 1927. № 6.

46. Его итоговый труд: Стрельский В.И. Основные принципы научной критики источников по истории СССР. Киев, 1961. О заслугах В.И. Стрельско-го-источниковеда см.: Пушкарев Л.Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М., 1975. С. 51–52, 167–168, 171–172, 181–183, 233–234.

47. Замятнин С.Н. Первая находка палеолита в долине Сейма // КСИИМК. Вып. VIII. М.–Л., 1940. С. 98.

48. См. подробнее: Щавелёв С.П. Первые находки останков курских мамонтов и окончательное открытие С.Н. Замятниным палеолита на Сейме // Археология Черноземного Центра России: история исследований, историография. Материалы региональной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения С.Н. Замятнина. Воронеж, 1999.

49. Отчёт К.М. Поликарповича об обследовании палеолита Курской области в 1937 г. // Рукописный архив СПб.ИИМК. Ф. 2. Оп. 1937 г. Д. 225.

50. ГАКО. Ф. Р-3139. Оп. 1. Д. 52. Л. 81. Ср. современную аргументацию о непрерывном существовании летописного Курска на месте его исторического центра: Щавелёв С.П. Местоположение древнего Курска // Исторический город в контексте современности. Материалы межрегиональной научно-практической конференции. Вып. IV. Нижний Новгород, 1999. С. 10–15; Его же. Курск в XIII–XVI вв.: между Ордой, Литвой и Москвой // Население и территория Центрального Черноземья и Запада России в прошлом и настоящем. Материалы VII региональной научной конференции по исторической демографии и исторической географии, посвященной 75-летию проф. В.П. Загоровского (1925–1994). Воронеж, 2000. С. 106–108.

51. ГАКО. Ф. Р-3139. Оп. 1. Д. 44. Л. 24 об.

52. См.: Енуков В.В. Раскопки посада древнего Курска // АО 1995. М., 1996. С. 133.

53. Известия ЦБК. 1926. № 5. С. 154.

54. ГАКО. Ф. Р-2633. Оп.1. Д. 24. Л. 21.

55. ГАКО. Ф. Р-3139. Оп. 1. Д. 44. Л. 24–24 об.

56. См.: Зорин А.В. Некоторые особенности погребальной обрядности населения Посеймья в конце X в. // 60 лет кафедре археологии МГУ им. М.В. Ломоносова. Тезисы юбилейной конференции. М., 1999.

57. Дьяченко А.Г. Хотмыжское городище // Археологические исследования в Центральном Черноземье в двенадцатой пятилетке. Белгород, 1990. С. 28; Черкашина Г.Д. Хотмыжск – крепость Белгородской засечной черты // Юг России в прошлом и настоящем: история, экономика, культура. Белгород, 1996.

58. См.: Енуков В.В. Изучение топографии средневекового Курска: итоги и перспективы // Материалы региональной научной конференции “Археология юго-востока Руси”. Елец, 1998.

59. ГАКО. Ф. Р-2633. Оп. 1. Л. 38.

60. Там же. Д. 39. Л. 55.

61. Там же. Д.35. Л. 45 об.

62. Там же. Д. 42. Л. 59.

63. См.: Булгаков Г.И. Очередные задачи краеведческой работы учитель-ства Курской губернии // Известия КГОК. 1927. № 3; Его же. К вопросу об учете археологических памятников Курского края // Там же. 1927. № 4; Его же. Очередные организационно-методические вопросы краеведческой работы в Курской губернии // Там же. 1928. № 1; Его же. Вопросы организации и методики краеведческой работы // Там же. 1928. № 3; Черномордик Э.И. Вопросы методологии краеведения в современной краеведческой литературе // Там же. 1927. № 6; Молчин А.С. Задачи краеведения в социалистическом пре-образовании ЦЧО; Стрельский В. Для чего нужны краеведческие объединения молодежи и их основная работа // Там же. 1928. № 4–6.

64. Энциклопедический словарь ЦЧО. Т. I. Воронеж, 1934. С. 70.

65. И.К. “Курский край” (вместо рецензии) // Спутник большевика. Курск, 1925. № 3. С. 88.

66. Там же. С. 90. Прослужив несколько лет в Курске, Клабуновский был перемещен служить на нижнюю Волгу, откуда продолжал давать краеведам директивы в прежнем, погромном стиле. Перед нами один из самых ярких твор-цов советского архетипа безудержной социологизации, односторонней политиза-ции и атеизации музейного дела в стране. См.: Клабуновский И.Г. Об отделах революционного движения в краевых музеях // Краеведение. Т. IV. 1927. № 3. С. 325–334; Его же. Об изучении бытового православия или как “бес” может опутать коммуниста // Советское краеведение. 1932. № 6. С. 13–16. В этих публикациях мечутся громы и молнии по “старым специалистам-краеведам”, чьи труды называются “гробокопательством”, “идиотской чепухой”, не до конца ра-зоблаченным вредительством и т.п. эпитетами из лексикона патентованного доно-счика. Согласно итоговой оценке этого коммунистического фанатика, “старое краеведение не просто отставало от жизни, оно пыталось встать поперёк поступа-тельного движения Страны Советов к социализму, ... оно по природе своей и по всему своему содержанию было насквозь буржуазным. ... Основными кадрами советского краеведения должны стать массы рабочих и колхозников. Единствен-ной теоретической базой его является диалектико-материалистическая теория Маркса-Ленина-Сталина” (Клабуновский И.Г. Через советское краеведение – к освоению естественных богатств страны // Там же. 1932. № 4. С. 7).

Рвение Клабуновского не осталось без внимания властей – его назначили директором информационного отдела Главного управления организации и плани-рования Наркомпроса. О его разрушительной деятельности в этой должности см. в кн.: Вайнер Д. Экология в Советской России. Архипелаг свободы: запо-ведники и охрана природы. М., 1991. С. 185–193; Формозов А.А. Предисловие // Очерки истории отечественной археологии. М., 1988. С. 10.

67. ГАКО. Ф. Р–2633. Оп. 1. Д. 4. Л. 27.

68. Там же. Д. 1. Л. 35 об.

69. Там же. Л. 36.

70. Там же. Д. 6. Л. 40.

71. Там же. Д. 56. Л. 26.

72. Формозов А.А. – Щавелёву С.П. 16. 06. 1993 // Архив автора.

73. Волков В.В. “Новая культура в области чувства”. Как ликвидировали безграмотность в СССР // Человек. 1992. № 1. С. 99.

74. Ремизов А.М. Огонь вещей. М., 1989. С. 97.

75. ГАКО. Ф. Р–2633. Оп. 1. Д. 55. Л. 58.

76. Там же. Л. 12–12 об.

77. Там же. Д. 58. Л. 58–58 об.

78. Молчин А.С. Курский государственный музей // Известия КГОК. 1928. № 3. С. 72.

79. ГАКО. Ф. 3139. Оп. 1. Д. 55. Л. 12.

80. ГАКО. Ф. Р-2633. Оп. 1. Д. 48. Л. 108. О главном “подельнике” Г.И. Булгакова см. кн.: Введенский С.Н. (1907–1940). Биобиблиографический указатель / Сост. А.Н. Акиншин, Н.М. Федорова. Воронеж, 1997; Карпачев М.Д. Воронежский университет. Начало пути. Воронеж, 1998. С. 106.

81. Там же. Д. 40. Л. 4 об.

82. Там же. Д. 48. Л. 96.

83. См. подр.: Брачев В.С. “Дело” академика С.Ф. Платонова // ВИ. 1989. № 4. С. 126–127; Куманев В.А. 30-е годы в судьбах отечественной интеллигенции. М., 1991. С. 77–83 (“Как громили кадры историков”); Дубровский А.М. С.В. Бахрушин и его время. М., 1992. С. 76–84; Академическое дело 1929–1931 гг. Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ. Вып. I. СПб., 1993; Трагические судьбы: репрессированные ученые Академии наук СССР. М., 1995; In memoriam. Исторический сборник памяти Ф.Ф. Перченка. М.–Л., 1995; Скифский роман. М., 1997 (особенно раздел: Тункина И.В. М.И. Ростовцев и Российская Академия наук, с. 101–110).

84. См.: Горохов Т.А. Монетные клады Курской губернии // Известия КГОК. 1927. № 4; Его же. Саманиды // Там же. 1927. № 6.

85. ГАКО. Ф. Р-2633. Оп. 1. Д. 58. Л. 10.

86. Восьмитомное “Следственное дело” краеведов № 8662 из архива Управления КГБ по Воронежской области цит. по: Бугров Ю.А. Блаженны чистые сердцем... // Летопись. Курск, 1991. № 1. С. 5.

87. Там же.

88. Акиншин А.Н. Трагедия краеведов (по следам архива КГБ) // Русская провинция. Записки краеведов. Воронеж, 1992. С. 219–220.

89. Курск. Краеведческий словарь-справочник. Курск, 1997. С. 53.

90. В 1948 г. с Т.А. Гороховым в Курске встречался А.А. Формозов, тогда студент исторического факультета МГУ, на каникулах участвующий в работе Деснинской экспедиции под руководством М.В. Воеводского. Составляя по заданию последнего карту монетных кладов региона, он разыскивал цитированную выше статью Горохова на эту тему и был знакомлен с ним лично. 79-летний нумизмат продал ему, а затем и его однокурснику В.Л. Янину (ныне академик РАН, председатель РГНФ) по нескольку дирхемов и выпуск “Известий КГОК” со своей статьей о курских кладах. “Монеты были явно из того комплекса – тех же лет, так же обрезаны, той же сохранности, но место находки было названо другое. Это возмутило Янина. Клад надо было сдать в музей целиком и назвать точное место находки. Горохов показал Янину свою коллекцию и спросил, нельзя ли достать в Москве “Ярославле серебро” – “Я бы никаких тысяч не пожалел”. Если это не слова, то Горохов не очень нуждался и мог бы не просить денег за книжки у студентов и не продавать клад в розницу. В целом у Янина сложилось о Горохове самое отрицательное впечатление. У меня, – вспоминает А.А. Формозов, – не совсем такое. Хотя [и] я в нём увидел довольно тёмного субъекта из мещанской среды, а не краеведа в лучшем смысле этого слова” (Формозов А.А. – Щавелёву С.П. 28. 01. 1992 // Архив автора).

91. См.: Рязанцев М.А. В защиту птиц // Известия КГОК. 1927. № 1–2; Его же. Птицы юго-западной части ЦЧО // Там же. 1928. № 4–6.

92. Загоровский В.П. История Воронежского края от А до Я. Воронеж, 1982. С. 51.

93. Подготовленная им уже на исходе жизни докторская диссертация о кавказскому палеолите осталась незащищённой. Подробнее послекурская биография этого археолога изложена в кн.: Воронов Ю.Н. Лев Николаевич Соловьев. СПб., 1994.

94. ГАКО. Ф. Р-2633. Оп. 1. Д. 47. Л. 32.

95. Там же. Д. 48. Л. 92.

96. Там же. Анкета Курского окружного Общества краеведения за 1928–29 гг. Л. 122.

Подробнее о вкладе курян в естественнонаучное и социологическое краеведение см. прежде всего: Курский край. Сборник по природе, истории, культуре и экономике Курской губернии. Вып. 2. Курск, 1926. Он содержит обстоятельные очерки о геологии и гидрологии (И.Д. Яковлева), климате (Н.И. Вознесенского), флоре (М.Н. Нагибиной) и фауне (В.Г. Плигинского) региона.

97. Договор о социалистическом соревновании между ЦБК РСФСР и ЦБК БССР // Там же. Д. 53. Л. 1 об.

98. Циркуляр ЦБК от 3. 09. 1930 г. всем краеведным организациям и музеям // Там же. Д. 50. Л. 32.

99. Там же. Д. 50. Л. 3.

100. Там же. Д. 48. Л. 58.

101. Миллер М.А. Археология в СССР. Мюнхен, 1954. С. 81.

102. Рауд Э. Муфта, Полботинка и Моховая борода. Повесть-сказка. М., 1993. С. 286.

О дальнейшей вульгаризации краеведения в СССР см. в статье: Щавелёв С.П. Клио в объятиях краеведов // ГИ. 1994. № 53. 17 мая. С. 3.

103. ГАКО. Ф. Р-3139. Оп. 8. Д. 442. Л. 112, 145 об.

104. Там же. Д. 44. Л. 51.

105. Там же. Д. 55. Л. 14.

106. Там же. Д. 58. Л. 9.

107. Там же. Д. 131. Л. 29–29 об.

108. Там же. Д. 50. Л. 21.

109. Там же. Л. 21.

110. Карнаевич В. Архиепископ Дамиан – сын земли Курской // ГИ. 1998. № 130. 29 октября. С. 7.

Об остальных мерах советских властей на первом этапе их борьбы с духовенством и вообще верующими курянами см.: Емельянов С.Н. Церковь и Советское государство в 1917–1921 гг. (на примере Курской губернии) // Россия и внешний мир. М., 2001. С. 269–290.

111. Чуковский К. Дневник (1930–1969). М., 1994. С. 73.

112. Бугров Ю.А. Общества краеведения // Курск. Краеведческий словарь-справочник. Курск, 1997. С. 226.

113. ГАКО. Ф. Р-3139. Оп. 1. Д. 107. Л. 1.

114. Акиншин А.Н. Судьба краеведов (конец 20-х – начало 30-х гг.) // ВИ. 1992. № 6–7. С. 173.

115. Шмидт С.О. Путь историка. Избр. труды по источниковедению и историографии. М., 1997. С. 166.

116. ГАКО. Ф. Р-2633. Оп. 1. Д. 55. Л. 163.

117. Там же. Д. 48. Л. 57.

118. Там же. Л. 56.

119. Герасимов С. Урожай и сельхозбаланс 1924/25 гг. // Там же. Д. 6. Л. 6.

120. Стрелков Ф.М. Жилищные условия городов Курской губернии // Известия КГОК. 1927. № 4. С. 12.

121. См. подр.: Кривошеев Ю.В., Дворниченко А.Ю. Изгнание науки: российская историография в 20-х – начале 30-х годов XX века // ОИ. 1994. № 3.

122. См. общий анализ темы: Формозов А.А. Археология и идеология (20-е – 30-е гг.) // Вопросы философии. 1993. № 2; Шмидт С.О. “Золотое десятилетие” советского краеведения // Отечество. Краеведческий альманах. Вып. 1. М., 1990; Его же. А Сталин краеведов не любил // Книжное обозрение. 1992. № 4. С. 7; Его же. Краеведение в научной и общественной жизни России 1920-х гг. // В его кн.: Путь историка. Избр. труды по источниковедению и историографии. М., 1997; Акиньшин А.Н., Ласунский О.Г. Региональный фактор в изучении российской истории // Общественная жизнь в Центральной России в XVI – начале XX вв. Воронеж, 1995; Аймермахер К. Политика и культура при Ленине и Сталине. 1917–1932. М., 1998.

Образцы порегионных историографий того же феномена: Акиньшин А.Н. Трагедия краеведов // Русская провинция. Воронеж, 1992; Акиньшин А.Н. Ласунский О.Г. Воронежская историческая регионология на современном этапе // Исторические записки исторического факультета ВГУ. Вып. 2. Воронеж, 1997; Глазьев В.Н. Воронежское краеведческое общество 1920-х гг. // Из истории города Воронежа. Воронеж, 1984; Флейман Е.А. Краеведческое движение в Поволжье. 1917–1930 гг. Автореф. дисс. ... докт. ист. н. Кострома, 1997.

Ср.: Давай, милый, посидим, от души по-окаем (Интервью А. Шарова с акад. Б.А. Рыбаковым) // Российская газета. 1995. 9 сентября. С. 8. Известный (скончавшийся на исходе 2001 г.) историк в этой беседе голословно пытался воскресить обвинение краеведов 1920-х–30-х гг. во вредительстве против Советского государства в пользу иностранных держав.

123. ГАКО. Ф. 3139. Оп. 1. Д. 24. Л. 30–30 об.

124. См. ещё: Щавелёв С.П. Обреченный арьергард: курские краеведы 1920-х – 30-х гг. и разгром провинциальной археологии в Советской России // Юг России в прошлом и настоящем: история, экономика, культура. Белгород, 1996. С. 4–6; Курское краеведческое общество 1920-х годов и его археологические работы // Очерки истории отечественной археологии. Вып. II. М., 1998. С. 187–213.

§ 2. Л.Н. Позняков – собиратель архивных сокровищ

1. ГАКО. Ф. Р–330. Оп. 2. Д. 71. Л. 9.

2. Формулярный список о службе старшего запасного лесничего, надворного советника Н.А. Познякова. 1891 г. // Там же. Л. 1–2.

3. Там же. Ф. Р–2633. Д. 55. Л. 20.

4. См.: Позняков Л.Н. Курский острог (крепость) // Курский сборник. Вып. 6. Курск, 1912; Его же. История застройки города Курска // Курский архив. 1932. № 1–2; 1933. № 1–3.

5. См.: Енуков В.В. О топографии Курска в древнерусское время // Историческая археология. Традиции и перспективы. К 80-летию со дня рождения Д.А. Авдусина. М., 1998; Енуков В.В., Енукова О.Н. Изучение древнего Курска и его округа // Археологические открытия 1997 г. М., 1999.

6. Денисенко. Лавкомиссии не помогают в чистке ЦРК // КП. 1930. 8 июля. С. 4.

7. Будем бить по недостаткам, укрепляя работу кооперации // Там же.

8. Там же. 1933. 16 марта. С. 1.

9. ГАКО. Ф. Р–330. Оп. 2. Д. 2. Л. 8–8 об.

10. Список статей и заметок, составленных [Л.Н.Позняковым] в Отделе дореволюционных фондов [Истарха] в течение 1945–50 гг. // Там же. Д. 61.

11. Позняков Л.Н. Об автографах // Там же. Д. 20. Лю 1–2.

12. Его же. Недостатки в методике обработки [архивных дел] // Там же. Д. 2. Л. 10 об.

13. Там же. Л. 11.

14. Там же. Л. 11 об.

15. Там же. Л. 2.

16. Там же. Л. 21.

17. Николаенко А.Г. Древности КМА (Разыскания краеведа). Волоконов-ка, 1997. С. 19.

18. См. (со скептической осторожностью!) образчики множества псевдо-исторических публикаций на темы отдалённого прошлого южнорусского региона нынешних авторов, присвоивших себе звание “краеведов”: Пархоменко И. Бел-город: год основания..? // Воронеж. Историко-краеведческий сборник. Воро-неж, 1993; Шмелев Ю.Н. Тайны Белгородского треугольника или страницы жизни из трех тысячелетий истории русов: исследование краеведа. М., 1995; Рязанов Н.В. Сколько же Курску лет? // ГИ. 1995. 7 октября. С. 1, 4; Его же. Когда основан город Курск? (Полемические заметки краеведа) // Курск. Документы. Воспоминания. Статьи / Отв. ред. и сост. А.Ю. Друговская. Кур-ск, 1997; Аббасов А.М. Вехи древнего Воронежа. Воронеж, 1995.

См. и печатные отповеди учёных историков на некоторые их этих и т.п. вредных фантазий “краеведов”: Винников А.З., Синюк А.Т. По дорогам минув-ших столетий. Археологи о древней истории Воронежского края. Воронеж, 1990. С. 270–281; Загоровский В.П. Историко-географические и историко-демографи-ческие последствия Ливонской войны для территории современного Централь-но-го Черноземья; Солодкин Я.Г. О времени основания и первоначальном местопо-ложении Белгорода // Проблемы исторической демографии и исторической географии Центрального Черноземья. М.–Курск, 1994; Раздорский А.И. По поводу “1000-летия” Белгорода // ОИ. 1997. № 5; Акиншин А.Н., Ласун-ский О.Г. Воронежская историческая регионология на современном этапе // Исторические записки. Научные труды исторического факультета [ВГУ]. Вып. 2. Воронеж, 1997.

Наконец увидели свет издания, специально посвящённые опровержению методических изъянов псевдоисторических опусов и наиболее известных (на рынке бульварной беллетристики) сегодня фальсификаторов отечественной исто-рии – А. Фоменко, Э. Радзинского, А. Аджиева и Н. Шахмагонова. См.: Володихин Д., Елисеева О., Олейников Д. История России в мелкий горошек. М., 1998; Елисеев Г.А. Ложь, выдумки, Великая Степь // Русское Средневе-ковье. Духовный мир. М., 1999; др.

Аналогичный по концептуальности и ироничности разбор писаний провин-циальных “краеведов” остаётся делом будущего.

19. ГАКО. Ф. Р–2633. Оп. 1. Д. 43. Л. 68.

20. Николаенко А. Северо-Западная Хазария или Донская Русь? (Древ-ности Приоскольской лесостепи в заметках краеведа). Волоконовка, 1991. С. 51.

21. ГАКО. Ф. Р–330. Оп. 2. Д. 2. Л. 3.

22. Анциферов Н.П. Из дум о былом. Воспоминания. М., 1992. С. 361.

23. ГАКО. Ф. Р–330. Оп. 2. Д. 2. Л. 3.

24. Алпатов В.М. История одного мифа. Марр и марризм. М., 1991. С. 188–189.

25. См., например: Зикеев Г.И. Население Курско-Орловского края в XVII веке (К истории формирования русской нации). Автореф. дисс. ... канд. ист. н. Л., 1953.

26. ГАКО. Ф. Р–330. Оп. 2. Д. 46. Л. 9.

§ 3. В.И. Самсонов – хранитель музейных редкостей

1. Формозов А.А. Книги об отечественных археологах // РА. 1993. № 4. С. 251.
2. Марков Б.В. Знаки бытия. СПб., 2001. С. 384.
3. Беседы В.Д. Дувакина с М.М. Бахтиным. М., 1996. С. 31.
4. Самсонов В.И. Автобиография. 19. IV. 1955 г. // ГАКО. Ф. Р-330. Оп. 1. Д. 4. Л. 1.
5. Курский областной краеведческий музей. Путеводитель по отделу до-революционного прошлого Курского края (С древнейших времён до свержения самодержавия в 1917 г.) / Сост. В.И. Самсонов. Курск, 1963. С. 33.
6. Там же. С. 59.
7. Лаппо Ф.И. Введение // Самсонов В.И., Яжгур М.И. Курск. Путеводитель по историческим и памятным местам. Курск, 1962. С. 16; 2-е изд., доп. Воронеж, 1965.
8. См.: Левченко В.В., Грива Т.А. Встреча с Курском. Путеводитель-справочник. Курск, 1993; Их же. Музеи и памятники Курской области. Путеводитель-справочник. Курск, 1996.
9. ГАКО. Ф. Р-3139. Оп. 1. Д. 148. “Научная переписка исторического отдела [КОКМ] по Гочевскому городищу. 8. IX. 1936 – 17. VI. 1941 гг.” Л. 1.
10. Рыбаков Б.А. Ремесло древней Руси. М., 1948. С. 208.
11. Ляпушкин И.И. Раннеславянские поселения Днепроовского лесостепно-го Левобережья // СА. Вып. XVI. М.–Л., 1952. С. 7–11.
12. См. основные сводки современных исследований археологического Гочева: Шинаков Е.А. Население верхнего течения реки Псел в XI–XII вв. (по материалам Гочевского археологического комплекса) // Вестник МГУ. Серия 8. История. 1982. № 2; Тихомиров Н.А., Терпиловский Р.В. Поселения Гочево ! и 2 на Псле // Материалы и исследования по археологии Днепроовского Лео-бережья. Курск, 1990; Зорин А.В., Стародубцев Г.Ю. Этапы становления древ-нерусского порубежного города (попытка реконструкции) // Юг России в прошлом и настоящем. Белгород, 1998.
13. ГАКО. Ф. Р-3139. Оп. 1. Д. 148. Л. 8 об. – 9.
14. Самсонов В.И. Раскопки на Гочевском городище // Литературный альманах. Кн. 2. Курск, 1940. С. 277.
- См. также редкую публикацию о гочевских раскопках Б.А. Рыбакова: Эдинг Д.Н. Экспедиционная работа московских археологов в 1937 г. Краткое изложение части раскопок // ВДИ. 1937. № 1. С. 138–145.
15. См.: Макарова Т.И. К 90-летию академика Бориса Александровича Рыбакова // РА. 1998. № 2. С. 7.
16. Рыбаков Б.А. Заглядывая в предысторию Руси // Историки России о времени и о себе. Вып. 1. М., 1997. С. 10–11.
- О “вторичной фольклоризации” исторических преданий см.: Штырков С.А. Исторические предания и перспективы изучения традиционных нарратив-ных практик // Мифология и повседневность. Вып. 2. СПб., 1999.
17. О личности и научном наследии этой замечательной исследовательницы см.: Формозов А.А. М.Е. Фосс и проблема неолитических культур // Очерки истории отечественной археологии. Вып. II. М., 1998.
18. См.: Археологические исследования в РСФСР в 1934–36 гг. Краткие отчеты и сведения. М.–Л., 1941. С. 161–164.
19. Там же. С. 164–169.
20. ГАКО. Ф. Р-3139. Оп. 1. Д. 9. Л. 3.
21. Там же. Л. 38–39.
22. См.: Там же. Оп. 1. Д. 149. Л. 34–36.
23. См. первый опыт учета архивных данных о палеолитических находках Курщины: Чубур А.А. и др. Каменный век. Курск, 1999 (“Курский край”. Т. I).

24. Первая Всероссийская археологическая конференция (10–13 апреля 1939 г.). М., 1939. С. 7.
25. См.: Каншин В.П. Умрихинский мамонт и следы человека палеолитической эпохи // Труды Курской ГУАК. Вып. 1. Курск, 1911. С. 115–116 (1-й паг.); 54–58 (2-й паг.); Щавелёв С.П. Первооткрыватели курских древностей. Вып. 2. Курск, 1997. С. 112–114 (“Открытие сеймского палеолита”).
26. См.: Ефименко П.П. Первообытное общество. Очерки по истории палеолитического времени. Изд. 3-е. Киев, 1953. С. 436.
27. Очерк биографии В.Е. Данилевича см. в кн.: Михальченко С.И. Киевская школа в российской историографии (В.Б. Антонович, М.В. Довнар-Запольский и их ученики). М.–Брянск, 1997. С. 189–192.
28. Самсонов В.И. Докладная записка директору Курского облмузея о разведке 18 июня 1941 г. в Авдееве и Липине // ГАКО. Ф. Р.–3139. Оп. 1. Д. 28. Л. 11.
29. Воеводский М.В. – директору Курского областного музея И.П. Бушуеву. 20. 01. 1940 // Там же. Л. 3.
30. Гвоздовер М.Д. История одной находки // Культурно-просветительная работа. 1955. № 4. С. 53.
31. Самсонов В.И. Докладная записка директору музея о разведке М.В. Воеводского в Авдееве. 10. 08. 1946 // ГАКО. Ф. Р.–3139. Оп. 8. Д. 20. Л. 55.
32. Рогачев А.Н., Аникович М.В. Поздний палеолит Русской равнины и Крыма // Палеолит СССР. М., 1984. С. 206.
33. Самсонов В.И. Информация-сценарий экскурсии “Курские крестьяне до Февраля” // ГАКО. Ф. Р.–3139. Оп. 8. Д. 67. Л. 45.
34. См.: ГАКО. Ф. Р.–3139. Оп. 2–л. Д. 221. Л. 22.
35. ГАКО. Ф. Р.–3139. Оп. 8. Д. 24. Л. 38.
36. Там же. Д. 19. Л. 10.
37. См.: Александров А.Н. Долина р. Сейма. Археологическая экскурсия 1910 г. // Древности. Труды ИМАО. Т. XXIII. Вып. 2. М., 1914; Его же. Ивановское городище // XIX сборник Харьковского историко-филологического общества. Харьков, 1913.
38. Там же. Ф.–330. Оп. 1. Д. 4. Л. 17.
39. Там же. Д. 10. Статьи В.И. Самсонова в газету “Курская правда”.
40. См.: Самсонов В.И. Прошлое старых городов Курской области. Историческая справка // Прошлое Курской области. Курск, 1940; Его же. Курская Коренная ярмарка // Учёные записки КГПИ. Вып. XI. Курск, 1949; Список работ, составленных В.И. Самсоновым // ГАКО. Ф. Р.–330. Оп. 1. Д. 4. Л. 4.
41. Дневник курского помещика И.П. Анненкова // Материалы по истории СССР. Вып. 5. М., 1957. С. 4.
42. ГАКО. Ф. Р.–330. Оп. 1. Д. 13. Л. 1.
43. Там же. Л. 16.
44. Об историке Ф.И. Лаппо (1904–1986) см.: Курск. Краеведческий словарь-справочник. Курск, 1997. С.209.
45. Самсонов В.И. Старый Курск // Литературный альманах. Вып. 1. Курск, 1935 (на с. 180 – репродукция корчаги, найденной на территории бывшего посада древнерусского Курска); Его же. Из прошлого Курского края // Родной край. Курск, 1946; Его же. Из прошлого Курского края // Краеведческий сборник. Курск, 1952.
46. Самсонов В.И. Курск – древний русский город (от его возникновения до конца XVI в.) // Курск. Очерки истории города. Курск, 1957; Самсонов В.И., Липкинг Ю.А. Курск – древний русский город // Там же. Изд. 3-е, перераб. и доп. Воронеж, 1975.

47. Самсонов В.И. Из прошлого Курского края // Сборник материалов по пропаганде научных знаний. Курск, 1945. С. 45.
48. Там же. Ср.: “В противовес исторической концепции, считавшей во-сточных славян пришельцами той территории, на которой развернулась их даль-нейшая история, современная наука всё настойчивее убеждает в автохтонности славян и их генетической связи со скифами” – Рыбаков Б.А. Ранняя культура восточных славян // Исторический журнал. 1943. Кн. 11–12. С. 73.
49. Формозов А.А. [Предисловие к публикации]: А.А. Зимин. “Слово о полку Игореве” (Фрагменты книги) // ВИ. 1992. № 6–7. С. 99.
50. Вопросы истории. 1952. № 7. С. 90.
51. Никольская Т.Н. Археологические исследования в Орловской области // КСИИМК. Вып. 53. М.–Л., 1954. С. 93.
52. Раунинг Г. Говорит Гитлер. Зверь из бездны. М., 1993. С. 176.
53. За партийность археологической науки! // КСИИМК. Вып. XXV. М.–Л., 1949. С. 4.
54. Самсонов В.И. Из прошлого Курского края // Краеведческий сбор-ник. Материалы в помощь учителю. Курск, 1952. С. 52.
55. Закс А.Б. Трудные годы // ВИ. 1992. № 4–5. С. 157–158. См. так-же: Костырченко Г.В. Кампания по борьбе с космополитизмом в СССР // ВИ. 1994. № 8; Борщаговский А. Обвиняется кровь. Документальная повесть. М., 1994.
56. Шварц Е. Пьесы. Л., 1982. С. 307.
57. Марков Б.В. Труд, власть и коммуникация // В его кн.: Знаки бы-тия. СПб., 2001. С. 384.
58. Разгон А.М. – Самсоновой-Матвеевко М.Н. 10. 11. 1964 // ГАКО. Ф. Р–330. Оп. 1. Д. 13. Л. 13.
59. Общесоюзный идейно-политический фон музейного дела раскрыт в кн.: Музей и власть. Ч. 1–2. М., 1991.

§ 4. Ю.А. Липкинг – первооткрыватель областных древностей

1. Александров (Липкинг). Памятка [читателям]. Сост. С. Белевцева. Курск, 1976.
2. Липкинг Н.Ю. [Биографическая справка об отце] // ГАКО. Ф. Р–330. Оп. 3. Св. 4. Д. 22. Л. 1.
3. Липкинг Ю.А. О чем рассказывают курганы. Воронеж, 1966. С. 80.
4. Липкинг Ю.А. – Симонову К.М. 26. 01. 1968 // ГАКО. Ф. Р–330. Оп. 3. Св. 4. Д. 20.
5. Архив КГПУ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4. Л. 387–387 об.
6. Александров Ю. Старые лебеди. Лирическая пьеса в 5 картинах // Там же. Св. 1. Д. 2. Пьесы 1964–72 гг.
7. Александров Ю. Великие романтики (Повесть о пионерском лете) // Св. 4. Д. 20.
8. Воспитание школьников. 1967. № 3.
9. ГАКО. Ф. Р–330. Оп. 3. Св. 3. Д. 12. Л. 6 об.
10. Там же. Св. 1. Д. 1.
11. Там же. Л. 75.
12. Липкинг Ю. Охотники за прошлым // За педагогические кадры. Орган ... КГПИ. 1973. № 31. 19 октября. С. 2.
13. См. подробнее: Щавелёв С. Факультет разных вещей (Вспоминая истпед) // Городские известия. Курск. 1997. 18 марта. № 33. С. 5.

14. Липкинг Ю.А. Раннеславянские памятники у с. Лебяжьего // АО 1968 г. М., 1969; Его же. Могильники третьей четверти I тыс. н. э. в Курском Посеймье // Раннесредневековые восточнославянские древности. Л., 1974.

15. Тихомиров Н.А. Княжинский и Лебяжинский могильники // Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья. Сб. научных трудов. Под ред. Р.В. Терпиловского. Курск, 1990; Зиньковская И.В. Керамика колочинских могильников: Лебяжинский, Княжинский, Каратмышевский // Вопросы истории славян. Вып. 12. Археология. Этнография. Воронеж, 1998; Ее же. Анты и готы в Днепро-Донской лесостепи. Воронеж, 2000.

См. также последующий анализ тех же вещевых комплексов: Зиньковская И.В. Анты и готы в Днепро-Донской лесостепи. Воронеж, 1999.

16. См.: Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период. Отв. ред. В.Д. Баран. Киев, 1990; Славяне и их соседи в конце I тыс. до н.э. – первой половине I тыс. н. э. М., 1993; Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М., 1996; Труды VI Международного конгресса славянской археологии. Т. III. Этногенез и этнокультурные контакты славян. М., 1997; др.

17. Липкинг Ю.А. Замощанская дюна под Суджей // Могильники черняховской культуры. М., 1979.

18. Липкинг Ю.А. Что вы нашли? [Черновик газетной статьи] // Архив КГОМА. Документ не имеет шифров хранения.

19. Горюнова В.М. Разведочные работы в верховьях Псла // АО 1982 г. М., 1984. С. 53.

20. См.: Куза А.В. Древнерусские городища X–XIII вв. Свод археологических памятников. М., 1996; Археологическая карта России. Курская область. Ч. 1. Автор-составитель А.В. Кашкин. М., 1998.

21. См. подробнее: Щавелёв С.П. Первый опыт массового учета археологических памятников в России (Анкета Д.Я. Самоквасова 1872–1873 гг. и её результаты) // Российская археология. 1992. № 1.

22. Самоквасов Д.Я. Археологические карты В.Б. Антоновича. Киев, 1906. С.6.

Один среди прочих образчиков излишней категоричности при формулировке Ю.А. Липкингом своих интересующих предположения см.: Хроленко А.Т. “Калиновый мост” // Фольклорная лексикография. Вып. 6. Курск. 1996.

23. Липкинг Ю.А. Городища эпохи раннего железа в Курском Посеймье // Лесостепные культуры скифского времени. М., 1962. С. 134.

24. См.: Липкинг Ю.А. Порубежные роменские городища Курского “княжения” // Ученые записки КГПИ. Вып. 60. Курск, 1969; Липкинг Ю.О. Про назначения роменских городищ // Материалы Подільської історико-краєзнавчої конференції. Львів, 1968.

Ср. упоминаемые выше и ниже работы А.А. Узянова и А.В. Кашкина по курским городищам; а также: Федин А.А. К вопросу о влиянии физико-географических факторов на расселение славян Посеймья в VIII–XIII вв. // Материалы международной научно-практической конференции: “Юг России в прошлом и настоящем: история, экономика, культура. Белгород, 1998.

25. См.: Поучение Владимира Мономаха // БЛДР. Т. 1. СПб., 1997. С. 468, 541; Щавелёв С.П. Курское Посеймье в “Починии” Владимира Мономаха // Россия и Украина на пороге XXI века. Воронеж, 1997. С. 81.

26. Обзор большинства вариантов локализации этого города см.: Прохоров Г.М. Римов // ЭСОПИ. Т. 4. СПб., 1995. С. 216–217.

27. См.: Александров Ю.А. Поиски древнего Рима // Знание – сила. 1968. № 8; Александров-Липкинг Ю.А. Далекое прошлое соловьиного края... С. 87–90.
28. См.: Моргунов Ю.Ю. К изучению летописного города Римова // СА. 1989. № 1; Его же. Древнерусские памятники поречья Сулы. Курск, 1996. С. 114.
29. См.: Щавелёв С.П. Летописный город Римов: на верхнем Псле или на нижней Суле он располагался? // Словознавство. “Слово о полку Игоревім” та його епоха. Вип. I. Київ–Суми–Путивль, 2000. С. 135–140.
30. ГАКО. Ф. Р–330. Оп. 3. Св. 4. Д. 20. Л. 12.
31. См.: Липкинг Ю.А. Очерки древнейшего прошлого Курской области // Краеведческие записки. Вып. 2. Курск, 1963; Его же. Первые сведения из истории нашего края. Наш край в период средневековья (до XIV в.) // Уроки по истории Курского края в школе. Курск, 1972; Самсонов В.И., Липкинг Ю.А. Курск – древний русский город // Курск. Очерки истории города. Воро-неж, 1975.
32. Александров-Липкинг Ю.А. Далёкое прошлое соловьиного края. Во-ронеж, 1971. С. 8–9.
33. Археологическая карта России. Курская область. Ч. 1. М., 1998. С. 17–18.
34. Там же. С. 7.
35. Липкинг Ю.А. Проспект повести “Заряна и Горша” // ГАКО. Ф. Р–330. Оп. 3. Св. 1. Д. 22. Л. 13.
36. Арциховский А.В. – Липкингу Ю.А. 1. 03. 1958 // Там же. Св. 4. Д. 20. Л. 2.
37. Александров Ю. Кудеяров стан. Повесть. Воронеж, 1965. С. 52.
38. См.: Пузикова А.И. Памятники скифского времени бассейна р. Тускарь (Посеймье). М., 1997.
39. Александров Ю. Сварожье племя. Роман. Воронеж, 1966. С. 163. Ре-цензии на литературную дилогию Ю.А. Липкинга помещались только в курской областной периодике: Москаленко А. Научно и увлекательно // КП. 1958. 12 апреля; Лейбельман М.Я. Увлечённый человек // Там же. 1964. 15 марта; Ро-стовский С. Три книги курского писателя // Там же. 1966. 11 мая; Голле Г. Поэтическая повесть // Молодая гвардия. 1966. 28 апреля; Фёдоров Г. Племя отважных // КП. 1967. 30 апреля.
40. См.: Славяне и их соседи. Еврейское население Центральной, Восточ-ной и Юго-Восточной Европы: Средние века – начало Нового времени. М., 1993; Голб Н., Прицак О. Хазарско-еврейские документы X века. М.–Иеруса-лим, 1997; Плетнёва С.А. Очерки хазарской археологии. М.–Иерусалим, 1999.
41. Липкинг (Александров) Ю.А. В горниле (продолжение романа “Сва-рожье племя”). Кн. 1. Ч. 1–5 // ГАКО. Ф. Р–330. Оп. 3. Св. 3. Д. 13. 247 с.; Кн. 2. Ч. 6–9 // Там же. Д. 14. 198 с. (всего 446 стр. машинописи).
42. Луконин С. Рецензия на рукопись Ю.А. Липкинга “В горниле”. 14. 10. 1980 // Там же. Св. 4. Д. 20. Л. 31.
43. Сапковский А. Вареник, или Нет золота в серых Горах // В его кн.: Нет золота в Серых Горах. Мир короля Артура. Критические статьи. Бестиа-рий. М., 2002. С. 228.
44. Липкинг Ю.А. Костры Кудеярова стана (Книга рассказов. Материалы) // Там же. Св. 1. Д. 1. Л. 77–77 об.
45. См.: Щавелёв С.П. Разведчик туманного прошлого // КП. 1995. 25 января. С. 4; Его же. Последний романтик краеведческой археологии (К 90-ле-тию со дня рождения Ю.А. Липкинга) // РА. 1995. № 3. С. 213–219, фотопортрет; Его же. Последний романтик курской археологии // ГИ. 1995. 31 октября. С. 4–5.

ГЛАВА IV. ДОСТИЖЕНИЯ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИЙСКОЙ АРХЕОРЕГИОНАЛИСТИКИ

(НА ПРИМЕРЕ КУРСКОГО ПОСЕЙМЬЯ)

§ 1. Деснинская экспедиция М.В. Воеводского и возобновление краевой археологии в послевоенную пору.

1. Конференция “Время, памятники, люди: памяти репрессированных археологов. Минск. Октябрь 1993 г. // Археологический бюллетень. М., 1993. № 3. С. 6.
2. Формозов А.А. Археология и идеология (20-е – 30-е гг.) // Вопросы философии. 1993. № 2. С. 75.
3. ГАКО. Ф. Р–3139. Оп. 1. Д. 148. Л. 15.
4. СЭ. 1949. № 1. С. 209.
5. См. подробнее о личности и научном наследии М.В. Воеводского: Формозов А.А. Русские археологи до и после революции. М., 1995. С. 63, 66, 71; Его же. Введение; Михаил Вацлавович Воеводский // Антология советской археологии. Т. II. (1930-е годы). М., 1995. С. 7, 227; Кызласов Л.Р. Портреты учителей – создателей советской археологии // Вестник МГУ. Серия 8. “История”. 1997. № 4. С. 13–15.
6. О памятниках района Пушкари–Чулатово см.: Береговая Н.А. Палеолитические местонахождения СССР // МИА. № 81. М.–Л., 1960. С. 23–24, 138–145; Мельниковская О.Н. Памятники палеолита Новгород-Северского района (Материалы к археологической карте бассейна р. Десны) // КСИИМК. Вып. XXXI. М.–Л., 1950. С. 185–192.
7. ГАКО. Ф. Р–3139. Оп. 1. Д. 148. Л. 3.
- 8 Там же. Л. 15–15 об.
9. Формозов А.А. – Щавелёву С.П. 16. VII. 1992 // Архив автора.
10. Начало раскопок Авдеевской стоянки отражено в следующих публикациях: Воеводский М.В. Важнейшие итоги Деснинской экспедиции 1946 г. // КСИИМК. Вып. XX. М.–Л., 1948. С. 36–44; Его же. Короткий звіт Деснянсь-кої експедиції про результати вивчення пам’яток кам’яної доби в 1945–46 гг. // Археологічні пам’ятки УРСР. Т. II. Киев, 1949. С. 277–283; Его же. Новая палеолитическая стоянка на р. Сейме // Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода. № 14. М.–Л., 1949. С. 132–137; Его же. Городища Верхней Десны // КСИИМК. Вып. XXIV. М.–Л., 1949; Его же. Памятники каменного века на Десне // КСИИМК. Вып. XXVI. М.–Л., 1949. С. 22–26; Его же и Алиховой-Воеводской А.Е.: Авдеевская палеолитическая стоянка (По материалам раскопок 1948 г.) // Там же. Вып. XXXI. М.–Л., 1950. С. 77–101; Грищенко М.Н. Опыт геологического сопоставления верхнепалеолитических стоянок Авдеево на Сейме и Костенки I (Полякова) на Дону // Бюллетень комиссии... № 18. М., 1953. С. 87–89; Гвоздовер М.Д. О раскопках Авдеевской палеолитической стоянки в 1947 г. // КСИИМК. Вып. XXXI. М.–Л., 1950. С. 12–27; Её же. Скульптурное изображение мамонта из Авдеевской палеолитической стоянки близ Курска // Учёные записки МГУ. Вып. 158. Труды Института антропологии. М., 1952. С. 207–210; Её же. Обработка кости и костяные изделия Авдеевской стоянки // МИА. № 39. Палеолит и неолит СССР. [Т. II.] М.–Л., 1953. С. 192–226; Её же. Специфические черты кремнёвого инвентаря Авдеевской палеолитической стоянки // КСИИМК. Вып. 82. М., 1961; Её же. Новые изображения человека из Авдеевской верхнепалеолитической стоянки и их место среди статуэток костёнковской культуры // Вопросы антропологии. Вып. 57. М., 1977; Её же. О радиоуглеродном возрасте Авдеевской палеолитической стоянки // Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода. Вып. 49. М., 1979; Её же. Новые находки из Авдеева // Вопросы антропологии. Вып. 71. М., 1983; Её же. Орнамент на поделках костёнковской культуры // СА. 1985. № 1; Московитин А.И. О геологических условиях Авдеевской верхнепалеолитической стоянки // КСИИМК.

Вып. XXXI. М.–Л., 1950. С. 28–33; Борисковский П.И. Позднепалеолитические памятники Восточно-Европейской равнины и проблемы их исторического освещения // Материалы по четвертичному периоду. Вып. 2. М.–Л., 1950. С. 107–117; Ефименко П.П. Первобытное общество. Очерки по истории палеолитического времени. Изд. 3-е. Киев, 1953.

Малоудачную попытку реконструкции жилого комплекса “старого” Авдеева см. в работе ученика В.А. Городцова Д.А. Крайнова: Жилища Тимоновской палеолитической стоянки (По материалам раскопок В.А. Городцова) // СА. Вып. XXV. 1956. С. 27–28, 30–32.

11. См.: Береговая Н.А. Палеолитические местонахождения СССР // МИА. № 81. М.–Л., 1960. С. 62.

12. Начало работ – 1946 г. в Авдееве, а 1947 г. в Липине отражено в статье М.В. Воеводского: Городища Верхней Десны // КСИИМК. Вып. XXIV. М.–Л., 1949. С. 118; также см.: Смирнов А.П. Археологические исследования в РСФСР в 1946 г. // КСИИМК. Вып. XXIII. М.–Л., 1948. С. 111; Мерперт Н.Я. Археологические исследования в РСФСР за 1948 г. // КСИИМК. Вып. XXXIII. М.–Л., 1950. С. 171.

13. Засурцев П.И., Лисицына Н.Н. Липинское городище // Славяне и Русь. М., 1968.

14. Смирнов А.П. Археологические исследования в РСФСР в 1946 г. // КСИИМК. Вып. XXIII. М.–Л., 1948. С. 111.

15. См.: Черменский П.Н. Город Лебедянь и его уезд в XVII в. СПб., 1913; Его же. Лицевой синодик XVII в. Свято-Троицкого Лебедянского монастыря // ЗОРСА ИРАО. Т. XI. Пг., 1915; Его же. Донские вотчины бояр Романовых // Известия Тамбовской ГУАК. Вып. 57. Тамбов, 1917; 1905 г. Хроника революционных событий в Тамбовской губернии. Тамбов, 1925; Его же. Культурно-исторический очерк Тамбовской губернии. Вып. 1. Тамбов, 1926; Его же. Город Тамбов в XVII в. как тип военно-сторожевой крепости // Известия Тамбовского общества изучения природы и культуры местного края. Тамбов, 1927. № 2; Его же. От крепостного права к Октябрю в Тамбовской губернии. Тамбов, 1928; Его же. Древнее поселение в Курске // КП. 1947. 1 июня;

16. Его же. Моя научная работа в 1944 г. // ГАКО. Ф. Р–3707. Оп. 1. Д. 12. Л. 5; Его же. Отчет об археологических исследованиях в окрестностях г. Курска в 1946 г. // Архив Института археологии РАН. Ф. Р–1. Д. 73.

17. Его же. Два спорных вопроса топонимки древней Рязанщины // АЕ 1959 г. М., 1960; Его же. Прошлое Тамбовского края. Тамбов, 1961; Лебедянь. Тамбов, 1962; “Хождение” митрополита Пимена (XIV в.) как источник по исторической географии Подонья // Известия АН СССР. Серия географическая. 1970. № 5.

18. КСИИМК. Вып. XXXI. М.–Л., 1950.

19. Ископаемый человек и его культура на территории СССР // Учёные записки МГУ. Вып. 158. Труды Института антропологии. М., 1952.

20. Некрологи М.В. Воеводского см.: КСИИМК. Вып. XXV. М.–Л., 1949. С. 103–105 (М.Е. Фосс); СЭ. 1949. № 1. С. 208–210 (Г.Ф. Дебец); здесь же перечислены рукописи, сданные М.В. в печать перед кончиной: с. 210–211; СА. Т. XII. 1950. С. 213–215 (С.Н. Замятнин).

Список работ М.В. Воеводского, составленный А.А. Формозовым, см. в кн.: Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода. № 15. 1950. С. 98–99; КСИИМК. Вып. XXXI. М.–Л., 1950. С. 5–6; Учёные записки МГУ. Вып. 158. С. 7–8. См. также: Громов В.И. Работы М.В. Воеводского и изучение истории четвертичного периода // Там же. С. 3–4. —

21. Рогачёв А.Н. Исследование остатков первобытно-общинного поселения верхнепалеолитического времени у с. Авдеева на р. Сейм в 1949 г. // Палео-лит и неолит СССР. Т. 2. М.–Л., 1953. С. 137 (МИА. № 39).

22. Там же. С. 142.

23. Там же. С. 143.

24. Гвоздовер М.Д. Авдеевская стоянка и ее место среди других памятников позднего палеолита. Автореф. дисс. ... канд. историч. н. М., 1958. С. 13.

25. См. Лисицына Н.К. Археологическое исследование в РСФСР в 1949 г. // КСИИМК. Вып. XXXVIII. М.–Л., 1951. С. 165–166.

Биографическая справка об этой замечательной подвижнице отечественной археологии: Институт археологии: история и современность. Сб. научных био-графий. М., 2000. С. 157–158.

26. См.: Розенфельдт Р.Л. Липинский бескурганый могильник // КСИИМК. Вып. 72. М., 1958.

27. См.: Енуков В.В. Процессы урбанизации на территории Посеймья в X–XIII вв. // Археология Центрального Черноземья и сопредельных территорий. Тезисы докладов научной конференции. Липецк, 1999; Енуков В.В., Енукова О.Н. “Городища Посеймские”: древнее Липино // 60 лет кафедре археологии МГУ им. М.В. Ломоносова. Тезисы докладов юбилейной конференции. М., 1999.

Выдвинутый В.В. Енуковым тезис о наличии в Посеймье особого типа древнерусских памятников, “для которого характерно небольшое, но хорошо укрепленное городище без заметных следов хозяйственной жизни”, противоречит результатам прежних раскопок Липинского городища в конце 40-х – начале 50-х гг. под руководством Р.Л. Розенфельдта и П.И. Засурцева. Наши соображения в пользу плотной застройки площадки этого городища в древнерусское время см. подробнее: Феодосий Печерский – курянин (В печати).

28. См.: Алихова А.Е. Мордовские могильники X–XIV вв. (Тезисы кандидатской диссертации, защищенной в Учёном совете ИИМК АН СССР 29. XII. 1947 г. // КСИИМК. Вып. XXV. М.–Л., 1949; Её же. К вопросу о бур-тасах // СЭ. 1949. № 1.

29. См.: Алихова А.Е. Отчёт о работе Деснинской экспедиции за 1948 г. // Архив ИА РАН. Д. 291. Ч. 2; Её же. К вопросу о хронологии древних городищ Курского Посеймья // КСИИМК. Вып. 77. М., 1959; Её же. Древние городища Курского Посеймья // МИА. № 113. Лесостепные культуры скифского времени. М., 1962.

30. Алихова А.Е. Особый тип сооружений на городище Кузина гора // СА. 1958. № 3. 1951.

31. Алихова А.Е. Моисеевское городище в период Киевской Руси // КСИИМК. Вып. 77. М., 1962.

32. Алихова А.Е. Авдеевское селище // КСИИМК. Вып. XXXVIII. М.–Л., 1951; Её же. Авдеевское селище и могильник // МИА. № 108. Славяне накануне образования Киевской Руси. М., 1963.

33. См.: Мельниковская О.Н. Отчёт за 1948 г. // Архив ИА РАН. Д. 291. Ч. 1; Никольская Т.Н. Шуклинское городище // КСИИМК. Вып. 72. М., 1958; Её же. Поселения раннего железного века в бассейнах Десны и Верхней Оки // КСИИМК. Вып. 119. М., 1969. С. 14–23.

34. См.: Ляпушкин И.И. Поселения зольничной культуры “скифов-пахарей” в бассейне Сейма // КСИИМК. Вып. XXVII. М.–Л., 1949; Её же. Поселения зольничной культуры (“скифов-пахарей”) в северной полосе Днепровского лесостепного Левобережья (По материалам полевых исследований 1947 г. в бассейне р. Сейма) // СА. Т. XII. М.–Л., 1950.

35. Его же. Памятники культуры “полей погребений” первой половины I тыс. н. э. Днепроовского лесостепного Левобережья (По материалам полевых изысканий 1940, 45–48 гг.) // СА. Т. XIII. М.–Л., 1950; Его же. Памятники культуры полей погребений Левобережья Днепра // КСИИМК. Вып. XXXIII. М.–Л., 1950.

36. См.: Ляпушкин И.И. Материалы к изучению юго-восточных границ восточных славян VIII–X вв. // КСИИМК. Вып. XII. М.–Л., 1946. С. 117–127; Ляпушкін І.І. Дослідження Дніпровської Лівобережної експедиції 1947–48 рр. // Археологічні пам'ятки УРСР. Т. III. Київ, 1952; Его же. Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства (VIII– первая половина IX вв.). Историко-археологические очерки. Л., 1968 (МИА. № 152).

37. Его же. О датировке городищ роменско-боршевской культуры // СА. № IX. 1947; Днепроовское лесостепное Левобережье в эпоху железа. Археологические разыскания о времени заселения Левобережья славянами. М.–Л., 1961 (МИА. № 104).

38. Ляпушкин И.И. Поселения зольничной культуры... 1950. С. 48.

39. См.: Александров-Липкинг Ю.А. Далёкое прошлое соловьиного края ... С. 110–117 (“Мертвый город на Рати”); Енуков В.В. Летописные сведения 1283–1284 гг. и география округа Курска // Вопросы истории и краеведения. Курск, 1994. С. 121–123.

40. См.: Кучкин В.А. Летописные рассказы с упоминанием князя Свято-слава Липовичского: историография, древнейшие тексты, хронология и география событий // Липецк: начало истории. Липецк, 1996; Его же. Летописные рассказы о слободах баскака Ахмата // Средневековая Русь. I. М., 1996.

41. См. для сравнения: Коваль В.Ю. Предметы восточного импорта из Ростиславля Рязанского // РА. 1998 № 2 (Благодарю В.Ю. Ковалю и Г.Ф. Полякову (ГИМ) за любезные консультации по татарским вещам с Ратского городища); Щавелёв С.П. Курск и монголы: к истории города и его округа в XIII–XIV вв. // Курские тетради. Вып. 3. Курск, 2000.

42. См.: Егоров В.Л. Владения Золотой Орды в районе бассейна Верхнего Дона // Липецк: начало истории...

43. См.: Цыбин М.В. Юго-Восток русских земель во второй половине XIII–XIV в. (К изучению этнокультурных процессов) // Труды VI Международного конгресса славянской археологии. Т. 3. Этногенез и этнокультурные контакты славян. М., 1997. С. 339.

44. См.: Ляпушкин И.И. Раннеславянские поселения Днепроовского лесостепного Левобережья // СА. Вып. XIII. М.–Л., 1950; СА. Вып. XVI. М.–Л., 1952; Седов В.В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М., 1970 (МИА. № 163).

45. См.: Третьяков П.Н. Что такое “Пастырская культура”? // СА. 1971. № 4; Его же. По следам древних славянских племен. Л., 1982.

46. См. например: Славяне. Этногенез и этническая история (Междисциплинарные исследования). Л., 1989; Обломский А.М. Этнические процессы на водоразделе Днепра и Дона в I–V вв. н. э. М.–Сумы, 1991; Славяне и их соседи в конце I тыс. до н. э. – первой половине I тыс. н. э. М., 1993; Обломский А.М., Гавритухин И.О. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М., 1996; Абашина Н.С., Обломский А.М., Терпиловский Р.В. К вопросу о раннеславянских элементах культуры на черняховских памятниках Среднего Поднепровья // РА. 1999. № 4; др.

47. См.: Березовец Д.Т. Археологические памятники летописных северян // КСИАУ. Вып. 7. Киев, 1957; Его же. Дослідження слов'янських пам'яток на Сеймі в 1949–1950 рр. // Археологічні пам'ятки. Т. 5. Київ, 1955.

48. Раков В.В., Карнаевич В.Г. О репрессиях 1937 года (на материалах Курской области) // Материалы международной научно-практической конференции “Юг России в прошлом и настоящем: история, экономика, культура”. Белгород, 1998. С. 91.

49. См. там же. С. 92.
50. ГАКО. Ф. Р–3707. Оп. 1. Д. 13. Л. 58 об.
51. См.: Переверзев И.Е. Народный музей Д.Я. Самоквасова // Школа и родной край. Курск, 1967; Щавелёв С.П. Не менее Шлимана славен... Про-фессор Самоквасов и Курский край // ГИ. 1993. 21 августа.
52. См.: Лейбельман М. Сквозь толщу веков // КП. 1975. 6 февраля.
53. Полухин К. Объединение лекторов села Жерновец. Курск, 1955. С. 7, 12–13.
54. Шалыгина В. Прошлое и настоящее села Тимоново. Курск, 1947. С. 17.
55. Примерная тематика лекций на 1950 г. / Под ред. Н.Л. Некрасова, П.К. Староверова, Е.А. Цехера. Курск, 1950. С. 94.
56. Богданов Г.М. Внеклассная работа по истории и Конституции СССР (из опыта работы). Курск, 1954. С. 11, 14–15, 18.
57. Ильякова М.П., Иванова Ю.А. Примерные маршруты экскурсий по истории (“Революция 1905 г. в г. Курске”) // Родной край. Курск, 1946.
58. Курский край в художественной и мемуарной литературе. Рекомендательный указатель. Сост. Е. Коган. Курск. 1962. С. 8.
59. Там же. С. 11.
60. [Ахун И.А., Лузан С.И., Лейбельман Х.Я.]. Город меняет лицо. Курск в новой пятилетке. Курск, 1947. С. 4.
61. См.: Матвиевский П.Е. Бунтари Глушковской мануфактуры. Курск, 1949. 66 с.
62. См.: Не забудем – не простим. Курск, [изд-е подпольной “Курской правды”], 1942; Курдяев С.В. Дни Отечественной войны в Курской области // Родной край. Курск, 1946.
63. Солнышко Ю. Октябрь в Курской области. Курск, 1947. С. 23.
64. См.: Антимонов Н.А. Курский астроном и метеоролог Ф.А. Семенов. Курск, 1946. 32 с.; Таранушенко С. Вячеслав Григорьевич Шварц. Курск, 1946. 16 с.; Григорий Иванович Шелихов. Биобиблиографическая памятка / Сост. И.Г. Виденский. Курск, 1952. 10 с.
- См. по краеведческой части также остальную продукцию курского Облиз-дата за 1940-е – 50-е гг.: Глебов Л.Д. Борьба большевиков за установление и упрочение Советской власти в Курской губернии. Курск, 1952; Курыне – герои Великой Отечественной войны. Курск. 1946; Курыне – выдающиеся деятели науки и техники. Курск, 1950; Лохин П.И. Развитие экономики и культуры Курска. Курск, 1957. 48 с.
65. См. следующие, обобщающих отдельные этнографические наблюдения и вещевые сборы до- и послевоенных лет, исследования: Багновская Н.М., 1978. Севрюки. Население Северной земли в XIV–XVI вв. Депонировано в ИНИОН АН СССР № 2640 от 4. 10. 1978 г.; Её же. Сложные вопросы этнической истории летописной северы (постановка проблемы) // Проблемы истории СССР. Вып. VIII (С древнейших времён до 1861 г.). М., 1979; Её же. Этническая история Северной земли (Основные этапы этнического развития населения). Автореф. дисс. ... канд. ист. н. М., 1979; Её же. Севрюки (Население Северной земли в XIV–XVI вв.) // Вестник МГУ. Серия 8. “История”. 1980. № 1; Чижикова Л.Н. Русско-украинское пограничье: история и судьбы традиционно-бытовой культуры. М., 1988; Её же. Этнокультурная история южнорусского населения // ЭО. 1998. № 5.

§ 2. Современное состояние изучения и охраны древностей Курской земли

1. См.: Гвоздовер М.Д., Григорьев Г.П. Работы Авдеевской палеолитической экспедиции // АО 1975 г. М., 1976; Их же. Исследование Авдеевской палеолитической

стоянки близ Курска // АО 1976 г. М., 1977; Их же. Авде-евская палеолитическая стоянка в бассейне р. Сейм // Палеоэкология древнего человека. М., 1977; Их же. Очередной год работы на Авдеевской палеолитической стоянке близ Курска // АО 1977 г. М., 1978; Их же. Исследование Авдеевской стоянки // АО 1978 г. М., 1979; Их же. Новое в методике раскопок открытых стоянок верхнего палеолита // КСИА. Вып. 202. М., 1990; Гвоздо-вер М.Д., Григорьев Г.П., Леонова Н.В. Работы на Авдеевской палеолитической стоянке // АО 1972 г. М., 1973; Археология и палеогеография позднего палеолита Русской равнины. Путеводитель совместного советско-французского полевого семинара по теме: “Динамика взаимодействия между естественной сре-дой и доисторическими обществами”. М., 1981; Gwozdover M. Art of Mammoth Hunters. The Finds from Avdeevo. Oxford–M., 1995.

2. См.: Борисковский П.И. Палеолитические стоянки на территории г. Курска // Материалы сессии, посвященной итогам археологических и этногра-фических исследований 1964 г. в СССР. Баку, 1965; Его же. Палеолитические стоянки на территории Курска // Бюллетень комиссии по изучению четвертич-ного периода. Вып. 55. М., 1986.

3. См.: Григорьев Г.П. Исследования Авдеевской палеолитической стоян-ки // АО 1981 г. М., 1983; Работы Авдеевской палеолитической экспедиции // АО 1985 г. М., 1987; Работы Авдеевской палеолитической экспедиции // АО 1987 г. М., 1988; Его же. Костёнковское единство в его природном окружении // Проблемы культурной адаптации в эпоху верхнего палеолита. Л., 1989; Его же. Итоги исследования Авдеева и проблемы костенковской куль-туры // Новые открытия и методические основы археологической хронологии. СПб., 1992; Григорьева Г.В., Филиппов А.К. Пенская позднепалеолитическая стоянка (Курская область) // СА. 1978. № 4.

4. См.: Алексеев С.Н. Некоторые итоги разведок 1985–1986 гг. памятни-ков палеолита на Среднерусской возвышенности // Задачи советской археоло-гии в свете решений XXVII съезда КПСС. М., 1986.

5. Чубур А.А. Система “человек – мамонт” в бассейне Десны. Культурная адаптация в верхнем палеолите. Курск, 1993; Его же. О геологическом возрасте и условиях залегания Пенской верхнепалеолитической стоянки (Курская обла-сть) // Памятники археологии Центральной России: охранное изучение и музеефикация. Рязань, 1994; Его же. Поиски следов палеолита на территории Брянской и Курской областей // АО 1995. М., 1996; Его же. Работы Курско-го палеолитического отряда // АО 1996 г. М., 1997; Его же. Верхнепалеоли-тическая стоянка Быки на Сейме (предварительное сообщение) // СА. № 1; Чубур А.А. Первый жилой комплекс стоянки Быки I и его место в палеолите Курского Посеймья // Археология Центрального Черноземья и сопредельных территорий. Липецк, 1999; Ахметгалеева Н.Б. Палеолитическая стоянка Быки V // Там же; Ее же. Предметы искусства с верхнепалеолитической стоянки Быки I // 60 лет кафедре археологии МГУ им. М.В. Ломоносова. М., 1999; Чубур А.А. Микрорегион Быки – новый палеолитический район на Среднерусской воз-вышенности // Там же.

6. См.: Крижевская Л.Я. Лесостепная неолитическая экспедиция // АО 1980 г. М., 1981; Ее же. Раскопки поселения Курочкино 3 // АО 1981 г. М., 1983.

7. См.: Куза А.В. Работа Суджанского отряда // АО 1972 г. М., 1973; Его же. Большое городище у с. Горналь // Древнерусские города. М., 1981; Его же. Древнерусские городища X–XIII вв. М., 1996; Куза А.В., Соловьева Г.Ф. Раскопки славянских памятников на р. Псел // АО 1971 г. М., 1972; Путь из варяг в греки и из грек... Каталог выставки. М., 1996.

8. См.: Пузикова А.И. Марицкое городище в Посеймье. VI–V вв. до н. э. М., 1981; Ее же. Памятники скифского времени бассейна р. Тускарь (Посей-мье). М., 1997.

9. См.: Сымонович Э.А. Племена Поднепровья в первой половине I тыс. н. э. Автореф. дисс. ... докт. ист. н. М., 1971; Развитие культуры черняховских племен Левобережья Днепра // КСИА. Вып. 178. М., 1984; Сымонович Э.А., Кравченко Н.М. Погребальные обряды племен черняховской культуры // САИ. Вып. Д I – 22. М., 1983.
10. См.: Узянов А.А. Курское Посеймье в IX – первой четверти XI в. (некоторые новые данные о хронологии и топографии роменских поселений) // Труды V Международного конгресса археологов славистов. Т. II. Киев, 1988; Его же. Освоение Среднерусской возвышенности славянами в раннем средневековье // Экологические проблемы в исследованиях средневекового населения Восточной Европы. М., 1993; Его же. Роменская культура и проблемы освоения Среднерусской возвышенности // Отчетная сессия Государственного исторического музея по итогам полевых археологических исследований и новых поступлений в 1991–1995 гг. М., 1996.
11. См.: Кашкин А.В. 10 лет работы Центрально-Черноземного отряда // КСИА. Вып. 210. М., 1991; Его же. Археологическая карта России. Курская область. Ч. 1. М., 1998; Ч. 2. М., 2000; Его же. Археология Курской области // Археологическая карта России. Очерки археологии регионов. Кн. 1. М., 2001.
12. См.: Гайдуков П.Г., Алешковский П.М., Чалых Н.Е., Дорофеева Т.С. Разведки в Курской области // АО 1978 г. М., 1979; Гайдуков П.Г. Разведки в Курской области // АО 1980–1981, 1983–1994 гг. М., 1981–1982, 1984–1985.
13. См.: Кашкин А.В., Узянов А.А. Освоение Среднерусской возвышенности в каменном, бронзовом и железном веках; Узянов А.А., Кашкин А.В. Освоение Среднерусской возвышенности в средневековье // Археология Центрального Черноземья и сопредельных территорий. Липецк, 1999.
14. См. наши отзывы на археологическую карту Курской области, составленную и опубликованную А.В. Кашкиным: А чиновники ловят мух... // КВ. 1999. 11 февраля. С. 2; Компас далеких веков // КП. 1999. 6 апреля. С. 3.
15. См.: Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья / Под ред. Р.В. Терпиловского. Курск. 1990; Обломский А.М. Этнические процессы на водоразделе Днепра и Дона в I–V вв. н. э. М. – Сумы, 1991; Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М., 1997.
16. См.: Енуков В.В. Ранние этапы формирования смоленско-полоцких кривичей. М., 1990.
17. См.: Всадник в трясине // Мир и музей. Вестник ассоциации музеев России. Вып. 1. Музеи Курской области. Тула, 1998.
18. Апальков А.Н. Раннескифские акинаки на территории Курской области // Теория и методика исследований археологических памятников лесостепной зоны. Липецк, 1992; Охранные раскопки кургана у с. Люшинка в Курской области // АО 1993 г. М., 1994; Позднекочевническое погребение на Сейме // Памятники археологии Центральной России: охранное изучение и музеефикация. Рязань, 1994; Апальков А.Н. О времени появления памятников юхновской культуры в Посеймье // Деснинские древности. Брянск, 1995.
19. См.: Зорин А.В. Некоторые особенности погребальной обрядности населения Посеймья в конце X в. // 60 лет кафедре археологии МГУ им. М.В. Ломоносова. М., 1999.
20. См.: Енуков В.В., Тихомиров Н.А. Тайна в руках археологов // КП. 1989. 1 августа; Их же. Археологические исследования древнего Курска // Археологические исследования в Центральном Черноземье в 12 пятилетке. Белгород, 1990; Енуков В.В. Славянский комплекс на Рати // Археология и история юго-востока Руси. Курск, 1991; Енуков В.В., Енукова О.Н. Оборонительные сооружения славян Посеймья (по материалам Ратского городища) // Археология и история юго-востока Древней Руси.

Воронеж, 1993; Енуков В.В. Летописные сказания 1283–1284 гг. и география округа Курска // Вопросы истории и краеведения. Курск, 1994; Его же. Курское княжение в монгольское время // Деснинские древности. Брянск, 1995; Его же. География округа Курска в IX–XIV вв. // Проблемы исторической демографии и исторической географии Центрального Черноземья и Запада России. М.–Брянск, 1996; Его же. О топографии Курска в древнерусское время // Историческая археология: традиции и перспективы. К 80-летию Д.А. Авдусина. М., 1998; Его же. Про-цессы урбанизации на территории Посеймья в X–XIII вв. // Археология Центрального Черноземья и сопредельных территорий. Липецк, 1999; Енукова О.Н. Позднероменское погребение из Лебяжьего // Теория и методика исследований археологических памятников лесостепной зоны. Липецк, 1992; Ее же. Роменское погребение из Лебяжьего // РА. 1995. № 1; Ее же. Исследования на Липинском поселении // АО 1995 г. М., 1996; Ее же. Структура и плани-графия южнорусских усадеб (по материалам Липинского поселения) // Археология юго-востока Руси. Елец, 1998; Енуков В.В., Енукова О.Н. Раскопки в Посеймье // АО 1994 г. М., 1996; Исследования Посеймской экспедиции // АО 1996 г. М., 1997; Их же. “Городи Посемские”: древнее Липино // 60 лет кафедре археологии МГУ им. М.В. Ломоносова. М., 1999.

21. См.: Енуков В.В., Енукова О.Н. Курганы у с. Артюшкова на Сейме // Деснинские древности. Брянск, 1995.

22. См.: Фролов М.В. Раскопки в Рыльске // Археология и история юго-востока Руси. Курск, 1991.

23. См.: Моргунов Ю.Ю., Щавелёв С.П. “Курскъ на Тускорф: к вопросу о происхождении летописного города // Труды VI Международного конгресса славянской археологии. Т. II. М., 1998.

24. См.: Щеглова О.А. Проблемы формирования славянской культуры VIII–X вв. в Среднем Поднепровье (памятники конца VII– первой половины VIII вв.). Автореф. дисс. ... канд. ист. н. Л., 1987; Стародубцев Г.Ю. Гочевский археологический комплекс: история изучения и современное состояние // Памятники археологии Центральной России: охранное изучение и музеефика-ция. Рязань, 1994; Его же. Продолжение охранных раскопок Гочевского кур-ганного могильника // АО 1995 г. М., 1996; Его же. Работы Гочевской экспе-диции // АО 1996 г. М., 1997; Его же. Топографические и обрядовые аспекты Гочевского некрополя // Археология Центрального Черноземья и сопредель-ных территорий. Липецк, 1999; Зорин А.В., Стародубцев Г.Ю. Этапы становле-ния древнерусского порубежного города // Юг России в прошлом и насто-ящем. Белгород, 1998.

25. См.: Тихомиров Н.А. Работы Курского музея // АО 1983 г. М., 1985; Его же. Охранные работы Курского краеведческого музея в 1986 г. у с. Гочева // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС. М., 1986; Его же. Работы Курского музея // АО 1984 г. М., 1986; Его же. работы Суджанской экспедиции // АО 1995 г. М., 1996; Тихомиров А.Н., Щеглова О.А. Раскопки и разведки у с. Гочева // АО 1986 г. М., 1988; Щег-лова О.А., Бажан И.А. Поселения Курочкин 3 и Картамышево 3 на Верх-нем Псле // КСИА. Вып. 175. М., 1987.

26. См.: Шинаков Е.А. Население междуречья Десны и Ворсклы в конце X – первой половине XIII века. Автореф. дисс. ... канд. ист. н. М., 1981; Его же. От пращи до скрамасакса: на пути к державе Рюриковичей. Брянск–СПб., 1995; Его же. Генезис древнерусской государственности (опыт сравнительно-исторического анализа). Автореф. дисс. ... докт ист. н. Брянск, 2000.

27. См., например, составленный этим “временным творческим коллекти-вом” (как именовала своих сотрудников О.В. Киселева) “Государственный реестр культовых зданий и сооружений Курской области” // Из истории мона-стырей и храмов Курского

края / Сост. и ред. А.Ю. Друговская. Курск, 1998. С. 199–219. На основе собранной теми же “инвентаризаторами” базы данных одна из участниц их коллектива подготовила весьма информативный, неплохо иллюстрированный путеводитель по сохранившимся следам курских усадеб, дво-рянских и купеческих: Е.В. Холодова. Усадьбы Курской губернии. Историко-архитектурные очерки. Курск, 1997 (Библиотечка “Славянского дома”). Для служебного пользования был опубликован порайонный перечень и остальных типов историко-культурных памятников, составленный группой О.В. Киселевой.

28. См.: Щавелёв С.П. Этноним “северяне” и его историко-географические особенности в Курском Посеймье // Проблемы исторической демографии и исторической географии Центрального Черноземья и Запада России. М. – Брянск, 1996; Его же. “Северяне от кривичей”: новгородско-курские параллели как примечание к летописной формуле // Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Новгород, 1997; Его же. Имя города Курска: историко-археологические материалы к этимологии // Курские тетради. Курск и куряне глазами ученых. Вып. 1. Курск, 1997; Его же. Древнерусский Курск: предпосылки и период становления города // Там же. Вып. 2. Курск, 1998; Его же. Курск в контексте летописного эпизода 1139 г. // Текст: этнокультурный аспект. Славянск-на-Кубани, 1998; Его же. Клады куфических монет в Курском Посеймье // Археология Центрального Черноземья и сопредельных территорий. Липецк, 1999; Его же. Находки и значение северных древностей в Курском Посеймье ру-бежа I и II тыс. н. э. // 60 лет кафедре археологии МГУ им. М.В. Ломоносова. М., 1999; Его же. Местоположение древнего Курска // Исторический город в контексте современности. Вып. IV. Нижний Новгород, 1999; Его же. Курск в XIII–XVI вв.: между Ордой, Литвой и Москвой // Территория и население Центра России в прошлом и настоящем (X–XX вв.). Воронеж, 2000; Зорин А.В., Раздорский А.И., Щавелёв С.П. Курск. История города от Средне-вековья к Новому времени: X–XVII вв. Курск, 1999 (Курский край. Т. IV).

29. Жарких Т. Земля непокорных // ГИ. 1998. 19 сентября. С. 6. См. также квинтэссенцию псевдокраеведческих домыслов о древней истории Курска: Рязанов Н.В. Когда основан город Курск? (полемиические заметки краеведа) // Курск. Документы. Воспоминания. Статьи / Под ред. А.Ю. Друговской. Курск, 1997.

30. См.: Байбакова Е. Кирпичный завод плюнул в колодец – на 122 миллиона // КВ. 1998. 10 ноября. С. 2; Ее же. Двойное дно липинского колодца // КВ. 1998. 26 ноября. С. 3; Горский В. Курский областной комитет по культуре потерял 122 миллиона // “Московский комсомолец” в Черноземье. 24 июня – 1 июля. С. 12.

31. Овчинников Л. Эниология – наука будущего // ГИ. 2000. 11 ноября. № 134. С. 5.

32. См.: Маслова О. Кому нужна пародия на памятник // КВ. 1999. 24 ноября. С. 4.

33. Наши рецензии на некоторые из регионалистических штудий последнего времени: Щавелёв С.П., Бахмут В.Ф. Чувствовать себя первооткрывателем: история отчего края // Политический диалог. Курск. 1990. № 17; Щавелёв С.П. Клио в объятиях краеведов // ГИ. 1994. 17 мая; Его же. Новые книги по истории Курска // ГИ. 1995. 7, 10 сентября; Нитки от “красного пояса”? // ГИ. 1996. 26 сентября; Его же. Основные направления изучения курской истории сегодня (с древнейших времен до XVII века) // Историко-культурное краеведение: вчера, сегодня, завтра. Курск, 1999; Его же. Словарь курских историков: первый опыт и критерии составления // Там же.

34. См.: Курцев А.Н. Беженцы первой мировой войны в Курской губернии: 1914–1917 гг. // Курские тетради. I. Курск, 1997; Его же. Беженцы первой мировой войны в России (1914–1917 гг.) // ВИ. 1999. № 8; Лахарева Н.В. Судьба беженцев

первой мировой войны в Советской России: 1918–1919 гг. (на примере Курской губернии) // Армия в истории России. Курск, 1997.

35. См.: Рянский Л.М., Бочаров А.Н., Травина А.С. Курская деревня в 1920-х – 30-х годах. Коллективизация. Курск, 1993; Бочаров А.Н. Курский сахар. Из истории возникновения и развития свеклосахарной промышленности Курского края (1816–1980). Курск, 1980.

36. См.: Маслов Ю.В., Трусов В.М., Монастырев И.Е. Каталог почто-вых открыток города Курска. Конец XIX в. – 1917 г. Курск, 1993; Логачев Н.Ф. Старые курские открытки. Курск, 2002.

37. См.: Зорин А.В. Российско-Американская компания и тлинкиты в начале XIX в. // ВИ. 1994. № 6; Куряне и освоение Аляски (вторая половина XVIII–XIX вв.) // Юг России в прошлом и настоящем. Белгород, 1996; Из Курска на Гавайи: судьба первопроходца Тимофея Тараканова // Курские тетради. I. Курск, 1997; Индейская война в Русской Америке. Автореф. дисс. ... канд. ист. н. Воронеж, 1999; Его же. К биографии Г.И. Шелихова // ВИ. 1999. № 11–12.

38. См.: Торговля Курского края с древнейших времен до начала XX в. Курск, 1996; Раков В.В. Курская товарная биржа 1920-х гг. // Вопросы истории и краеведения. Курск, 1994; Плаксин И.М. Торговля Курской губернии во второй половине XIX века. Автореф. дисс. ... канд. ист. н. Курск, 1997; Раздорский А.И. Торговля Курска в XVII веке (По данным таможенных книг 1619–1677/78 гг.). Автореф. дисс. ... канд. ист. н. СПб., 1999; Его же. Торговля Курска в XVII веке (По материалам таможенных и оброчных книг города). СПб., 2001.

39. См.: История политических партий Центрального Черноземья / Под ред. Л.С. Полнера. Курск, 1995; Байбаков В.Ю. Создание и деятельность кадетских партийных организаций в губерниях Центрального Черноземья (1905–1917). Автореф. дисс. ... канд. ист. н. Курск, 1993; Салтык Г.А. Создание и деятельность партии социалистов-революционеров в губерниях Черноземного центра России (конец XIX в. – октябрь 1917 г.). Курск, 1999.

40. См.: Анпилогов Г.Н. О городе Курске X–XIII ввю // Вестник МГУ. Серия 8. “История”. 1979. № 5.

41. См.: Стародубцев Г.Ю., Щавелёв С.П. Историки Курского края. Биографический словарь. Курск, 1998.

42. См.: Курск. Краеведческий словарь-справочник. Курск, 1997. 495 с., илл. См. также рецензию на это издание: Щавелёв С.П. Много у “Курска” достоинств, но не о них разговор... // ГИ. 1998. 17 октября. С. 4–5.

43. См.: Бугров Ю.А. Курские встречи. Воронеж, 1998; Никулов А.А. Старый Оскол (Историческое исследование Оскольского края). Старый Оскол–Курск, 1997; нек. др.

44. См.: Библиотека Ивана Грозного на Курщине? // Известия. 2002. 2 февраля. С. 3.

45. См.: Юдин Ю.И. Курск в произведениях выдающихся писателей Древней Руси // Курский край в художественной литературе. Воронеж, 1976; Фроянов И.Я., Юдин Ю.И. Русский былинный эпос. Курск, 1995.

См. также: опубликованные материалы трех всероссийских конференций, в подготовке и проведении которых нам довелось принимать участие: Юдинские чтения-1, 2, 3. Курск, 1996–2002; Юдин Ю.И. Записные книжки / Сост. С.Б. Каменецкая, А.Т. Хроленко; ред. С.П. Щавелёв, А.П. Садило. Курск. 2001. —

46. См.: Хроленко А.Т. Лингвокультуроведение. Курск, 2000; Бобунова М.А., Хроленко А.Т. Словарь языка русского фольклора. Лексика былинных текстов. Вып. 1. Курск, 2000.

47. См.: Культура Курского края (лингво-этнографические очерки). Курск, 1995; Ларина Л.И. Лексика свадебных чинов обслуживающего назначения (на курском материале); Занозина Л.О., Ковалева О.И. Лексика материальных компонентов курских аграрных обрядов // Курские тетради. Вып. 4. Курск, 2002.

48. См.: Юдин Ю.И. О сказках и сказочнице // Бобравские сказки, рассказанные в селе Бобраве Курской области Дарьей Васильевной Струковой. Курск, 2001.

49. См.: Курские тетради. Курск и куряне глазами учёных. Вып. 1. Курск, 1997; Вып. 2. Курск, 1998; Вып. 3. Курск, 2000; Вып. 4. Курск, 2002.

Ср. анализ сходного опыта воронежских коллег: Акинъшин А.Н. Проблемы краеведения в научной работе исторического факультета // Исторические записки. Научные труды исторического факультета ВГУ. Вып. 6. Воронеж, 2000;

50. См.: Баскевич И.З. “А мои те куряне – опытные воины...” Взгляд на “Слово о полку Игореве” с курских высот. Курск, 1993.

51. См.: Криволапов В.П. Житие преподобного и богоносного отца нашего Исаакия Второго, архимандрита Оптинского, уроженца Курского (опыт агиографического очерка) // Курские тетради. Вып. 2. Курск, 1998; Щавелёв С.П. Феодосий Печерский – курянин (историко-археологический этюд). Курск (в печати).

Сразу несколько творческих групп (Т.Н. Арцыбашевой из КГПУ; А.А. Раздорского, В.И. Склярука из КОКМ; О.В. Киселевой) трудятся над сводами памятников церковной архитектуры области. Краеведами Ю.А. Бугровым, В.Л. Юрковецким готовятся к печати очерки истории курской епархии Русской Православной церкви.

52. Токарев С. О подвигах, о доблести, о славе... // ГИ. 2002. № 27. 2 марта. Специальный выпуск. Городские школьные известия. С. 3.

53. См.: Балацкая Н.М., Раздорский А.И. Памятные книжки губерний и областей Российской империи. Предварительный список. СПб., 1994; Балацкая Н.М., Вольберг Г.М., Раздорский А.И. Источники по истории населенных пунктов дореволюционной России. Вып. 1. СПб., 1996.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА *

I. Архивные документы

Архив Географического общества СССР (России)

* В данном списке перечисляются только те среди использованных нами архивных источников и печатных изданий, которые имеют прямое и принципиальное значение для понимания и разработки темы диссертации, важнейших ее аспектов. Источники и литература иллюстративного, сравнительного, компилятивного содержания по большей части отмечались выше, в составе библиографических ссылок к тексту диссертации и здесь повторно не указываются. Разного рода сборники научных трудов указываются как таковые в том случае, если к нашей тематике относится не одна из его статей, а более значительная часть содержания данного сборника. Наконец, данный список дополняется библиографической частью материалов, помещенных в Приложениях к настоящей диссертации.

- Ф. 1. ИРГО. Оп. 1. Д. 9. По занятиям Отделения статистики. 1845–1856 гг. 86 л.
- Д. 4. По занятиям Отделения этнографии. 1846–1848 гг. 48 л.
- Д. 22. Переписка с авторами, доставившими в Общество рукописи. 1874–1905 гг. 158 л.
- Д. 29. О передаче археологических сведений в [Императорское Русское] Археологическое общество. 1852 г. 55 л.
- Д. 34. Отчеты Общества за 1849–1871 гг. 235 л.
- Д. 49. Журнал заседаний Отделений этнографии и статистики. 1855–1859 гг. 202 л.
- Ф. 19. Рукописи корреспондентов ИРГО. Оп. 1.
- Д. 16. Дмитриюков А.И. Домашний быт жителей Рыльского и Суджанского уездов. 1850, 1857 гг. 27 л.
- Д. 17. Дмитриюков А.И. Сб. собственных имен, употребляемых русскими и малороссиянами Курской губ. 1850 г. 2 л.
- Д. 19. Дмитриюков А.И. Суджанская межа Митропольского у. 1853 г. 4 л.
- Д. 20. Дмитриюков А.И. Образование в г. Рыльске и его уезде. 1854 г. 4 л.
- Д. 25. Дмитриюков А.И. Сведения о некоторых местностях Курской губ. 1857 г. 2 л.
- Д. 26. Дмитриюков А.И. Малороссийская свадьба с песнями. собранными в Суджанском у. 1858 г. 19 л.

Государственный архив Курской области

- Ф. 2. ГУАК. Оп. 1. Д. 29. Журнал общего собрания Комиссии. 1915 г. 37 л.
- Д. 30. Журнал общего собрания... 1915 г. 59 л.
- Ф. 20. Курской духовной консистории.
- Оп. 1. Д. 5. Летопись упраздненного Хотмыжского монастыря, сочиненная того монастыря игуменом Владимиром. 1760 г. 188 л.
- Оп. 2. Д. 4. О приглашении к пожертвованиям на сооружение храмов на местах достопамятных событий в России и разных памятников в честь великих людей и др. необыкновенных происшествий. 1825 г. 14 л.
- Оп. 3. Д. 5. Копия письма курскому гражданскому губернатору курскому епископу о доставлении для географического статистического описания Курской губернии сведений о церквах, монастырях и духовенстве. 1836 г. 5 л.
- Д. 9. О составлении церковноисторического и статистического описания епархии. 1850 г. 56 л.
- Оп. 5. Д. 69. Список церквей Курской епархии. 1919 г. 68 л.
- Ф. 33. Курского губернского правления. Оп. 1.

- Д. 15. Опись архивных дел Курского губернского правления с 1792 по 1830 гг., уничтоженных по постановлению Курского губернского правления. 1892 г. 538 л.
- Д. 4729. Отношение департамента министерства юстиции об освидетельствовании архивов Курской губернии. 1869 г. 79 л.
- Д. 5152. Рапорты полиции об освидетельствовании архивов присутственных мест Курской губернии. 1874 г. 245 л.
- Д. 5753. Рапорт Рыльского полицейского управления о разрешении продажи старых архивных делю 1887 г. 35 л.
- Д. 5756. Опись архивным делам Курского губернского правления с 1797 по 1817 гг., подлежащих к уничтожению разборочной комиссией. 1887 г. 413 л.
- Д. 8788. Переписка о разрешении продажи старых архивных дел, книг и нарядов. 1900 г. 340 л.
- Ф. 1540. Директора народных училищ Курской губернии. Оп. 1.
- Д. 20. О приведении архива Курской гимназии в надлежащий порядок. 1836 г. 34 л.
- Д. 22. Формулярный список о службе и достоинстве чиновников гимназии и благородного при ней пансиона. 1849 г. 167 л.
- Д. 23. Дополнительные листы к формулярным спискам о службе чиновников дирекции училищ Курской губернии. 1854 г. 147 л.
- Д. 26. Формуляры о службе чиновников дирекции училищ ... 1854 г. 55 л.
- Д. 27. Алфавитный список чиновников дирекции училищ... 1858 г. 197 л.
- Ф. 4. ГСК. Оп. 1.
- Д. 10. Копия грамоты ... Молченского монастыря Путивльского уезда... 1836–1837 гг. 6 л.
- Д. 14. Переписка о формировании ГСК. 1852 г. 37 л.
- Д. 24. О составлении описания городов и уездов, с приложением алфавитных списков владельцам и дачам. 1855–1857 гг. 87 л.
- Д. 37. Наряд материалам для географического словаря Курской губернии. 1863 г. 2 л.
- Д. 37 а. О древностях Курской губернии и об археологических исследованиях. 1863–1864 гг. 29 л.
- Д. 56. По устройству Этнографической выставки, о собрании этнографических предметов по Курской губернии. 1865 г. 8 л.
- Д. 60. Об открытии ученых обществ, публичных библиотек и о фактах вообще, относящихся к народному образованию в губернии. 58 л.
- Д. 63. Указатель городищ, курганов и других древних земляных насыпей в Курской губернии. 1872 г. 346 л.
- Д. 71. Программы и переписка по доставлении в Антропологическую выставку собраний этнографических предметов из Курской губернии. 1878–1879 гг. 56 л.

- Д. 96. писки поселений по волостям (с картами) ... по уездам Курской губернии. 1887 г. 69 л.
- Д. 109. О назначении представителей Курского ГСК в Археологический съезд в Москве. 1899–1900 гг. 19 л.
- Д. 113. Сведения о всех существующих древних зданиях, памятниках старины, о памятниках новейшего времени, воздвигнутых в честь высочайших особ, в память разных событий. 1901–1902 гг. 271 л.
- Д. 116. По отношению Предварительного комитета по устройству XII Археологического съезда в Харькове о доставлении ему чрез земских начальников сведений, касающихся местной старины. 1901–1902 гг. 94 л.
- Д. 118. По отношению Харьковского Предварительного комитета по устройству XII Археологического съезда в Харькове о доставлении ему сведений о каменных бабах. 1901–1902 гг. 16 л.
- Д. 119. О нахождении в губернии предметов древности. 1901–1909 гг. 69 л.
- Д. 123. О командировании в Харьков на XII Археологический съезд члена ГСК [А.А. Танкова] и секретаря его [Н.И. Златоверховникова]. 1902 г. 12 л.
- Д. 125. По отношению ИМАО о созыве в Екатеринославле XIII Археологического съезда. 1902–1903 гг. 16 л.
- Д. 131. Переписка с Курской историко-археологической комиссией об устройстве Археологического съезда. 1902 г. 6 л.
- Д. 172. Переписка о нахождении в Курской губернии древностей и кладов. 1909 г. 39 л.
- Д. 174. Переписка о доставлении разного рода статистических сведений и проведении празднования 300-летия дома Романовых. 1909–1913 гг. 36 л.
- Д. 184. Циркуляры к сведению и руководству о Российском императорском доме... 1910 г. 12 л.
- Д. 189. Переписка об образовании в Курске подотдела Киевского отдела Императорского военно-исторического общества. 1910 г. 12 л.
- Д. 597. О доставлении ... сведений о проживающих в Курской губернии ветеранах, современников и очевидцев Отечественной войны 1812 г. 1912 г. 6 л.
- Д. 598. О доставлении права живущим в губернии потомкам и мужской линии участников Отечественной войны 1812 г. присутствовать на торжестве юбилейного празднования столетия названной войны. 1912 г. 23 л.
- Д. 612. О памятниках, сооруженных в губернии в честь высочайших особ и в память виднейших исторических событий зва последнее 300-летие. 1913. 15 л.
- Д. 613. О нахождении в курской губернии старинных монет и разных предметов. 1913–1914 гг. 12 л.

- Д. 628. О доставлении сведений Комитету для устройства празднования 300-летия Дома Романовых. О праздновании в курской губернии по случаю сего события. 1913 г. 27 л.
- Д. 635. О нахождении в Курской губернии старинных монет и разных предметов. 1914 г. 54 л.
- Д. 640. О представлении сведений в губстаткомитет о древних крепостных и подземных сооружениях. 1914 г. 9 л.
- Д. 668. Переписка о нахождении в Курской губернии старинных монет. 1916–1917 гг. 67 л.
- Д. 691. Формулярный список о службе секретаря ГСК, чиновника особых поручений при Курском губернаторе Н.И. Златоверховникова. 1917 г. 72 л.
- Д. 691. Журнал общего собрания членов ГУАК. 1917 г. 19 л.
- Ф. Р-214. Оп. 1. Св. 41. Д. 225. 1961 г. Рукопись статьи Г.К. Вагнера о Д.Я. Самоквасове. 5 л.

Отдел письменных источников Государственного Исторического музея

- Ф. 17. Уваровых. Оп. 1. Д. 351. Переписка. 1876–1896 гг. 108 л.
- Д. 571. Материалы по архивной реформе в России. 1896–1905 гг. 378 л.
- Д. 617. Пререкания [ИМАО] с Археологической комиссией. 1889–1900 гг. 256 л.
- Д. 619. Новые археологические исследования и находки в г. Чернигове и его окрестностях. 58 л.
- Д. 630. Материалы IX Археологического съезда в Вильне. 1893 г. 194 л.
- Д. 635. Материалы XIV Археологического съезда в Чернигове. 1908 г. 517 л.
- Ф. 104. ИМАО. Оп. 1. Д. 25. Археология в переписке Д.Я. Самоквасова. 1916 г. 152 л.
- Ф. 179. В.Е. Румянцева. Оп. 1. Д. 17. Переписка. 1881 г. 51 л.
- Ф. 281. Коллекции документов по истории культуры, науки и общественного движения России XVIII–XX вв. Оп. 3.
- Д. 251. Описание коллекции образков и литых икон Д.Я. Самоквасова. 117 л.
- Д. 252. Материалы к изданию кн. Д.Я. Самоквасова “Могилы русской земли”. 1908 г. 157 л.
- Ф. 440. И.Е. Забелина. Оп. 1. Д. 81. Переписка И.Е. Забелина. 56 л.
- Ф. 448. Д.Н. Анучина. Оп. 1.
- Д. 16. Фотографии. 39 л.
- Д. 19. Материалы об А.П. Богданове и ИОЕЛЕАЭ. 59 л.

Отдел рукописей Российской Государственной библиотеки

Ф. 231. М.П. Погодина. Оп. 1. Д. 21. Письмо А.И. Дмитриюкова. 1843 г. 1 л.
Оп. 3. Д. 38. Дмитриюков А.И. Из Курска. Статья. Б.д. 2 л.
Д. 39. Дмитриюков А.И. Падающие облака. 1851 г. 5 л.
Д. 40. Дмитриюков А.И. Состояние садов весной. 1851 г. 1 л.
Д. 41. Дмитриюков А.И. Статья о кабаках. 1868 г. 3 л.
Оп. 2. Д. 79. Письма А.И. Дмитриюкова. 1843–1868 гг. 16 л.
Оп. 4. Д. 15. Дмитриюков А.И. Город Рыльск. 1851 г. 2 л.
Д. 16. Дмитриюков А.И. Изображение вещей, найденных в могильниках, находящихся в Курской губернии, Суджанском уезде. 1840 г. 1 л.
Д. 28. Дмитриюков А.И. Замечания при чтении критики г. Шевырева, помещаемой в “Москвитяине”. Б.д. 3 л.
Ф. Автографов. Оп. 8. Д. 40. Самоквасов Д.Я. — Керцелли Н.Г. 1876 г. 1 л.

Отдел рукописей Российской Национальной библиотеки

Ф. 120. Бычковых А.Ф. и И.А. Оп. 1. Д. 1219. Самоквасов Д.Я. — Бычкову А.Ф. Письма. 1877–1879 гг. 6 л.
Ф. 124. Собрание П.Л. Вакселя. Д. 3860. Самоквасов Д.Я. — Майкову Л.Н. Письмо. 1874. Л. 1–1 об.
Ф. 270. М.А. Дьяконова. Без описи. Д. 1. Дьяконов М.А. Рецензия на кн.: Самоквасов Д.Я. Главнейшие моменты в государственном развитии древней Руси и происхождение Московского государства. Варшава, 1886. Б.д. 5 л.
Ф. 377. И.П. Корнилова. Оп. 1. Д. 1081. Визитная карточка Д.Я. Самоквасова. Б.д. 1 л.
Ф. 386. А.А. Котляревского. Оп. 1. Д. 103. Самоквасов Д.Я. — Котляревскому А.А. Письма. 1878 г. Л. 1–3 об.
Ф. 636. Г.К. Репинского. Без описи. Д. 155. Самоквасов Д.Я. — Репинскому Г.К. Письма. 1897–1898 гг. 4 л.
Ф. 708. Н.П. Собко. Оп. 1. Д. 910. Формулярный список о службе Д.Я. Самоквасова. 1873–1888 гг. 30 л.
Ф. 874. С.Н. Шубинского. Оп. 1. Д. 3. Самоквасов Д.Я. — Шубинскому С.Н. Письма. 1875 г. Л. 1–2 об.; Д. 9. Самоквасов Д.Я. — Шубинскому С.Н. Письма. 1877. Л. 68; Д. 126. Рудаков В.Е. — Шубинскому С.Н. Письма. 1911 г. Л. 145–154.

Российский государственный архив древних актов

Ф. 337. Канцелярии МАМЮ. Оп. 1. Ч. 1.
Д. 630. Журнал распоряжений управляющего МАМЮ. 1892–1920 гг. 44 л.
Д. 631. Отчет о состоянии и деятельности МАМЮ за 1892 г. 94 л.

- Д. 640. Об участии Архива в международном конгрессе доисторической археологии и антропологии... 1892–1902 гг. 3 л.
- Д. 729. Проект студенческих учреждений ... Д.Я. Самоквасова. 1901 г. 12 л.
- Д. 746. О назначении членом Комиссии для выяснения нужд Московских судебных установлений Д.Я. Самоквасова. 1904 г. 3 л.
- Д. 772. О присылке на рассмотрение и заключение управляющего архивом проф. Д.Я. Самоквасова проекта архивной реформы на флоте. 1908 г. 32 л.
- Д. 781. О личной переписке ... Д.Я. Самоквасова по разным вопросам. 1909 г. 125 л.
- Д. 782. О выдаче и высылке личных изданий Управляющего архивом проф. Д.Я. Самоквасова. 1909–1910 гг. 104 л.
- Д. 787. О доставлении сведений к вопросу о государственных цветах России. 1910–1912 гг. 42 л.
- Д. 794. О высылке документов в Императорскую Археографическую комиссию. 1911–1914 гг. 88 л.
- Д. 795. О высылке документов на Ломоносовскую выставку. 1911–1913 гг. 26 л.
- Д. 796. О высылке на Царско-Сельскую Юбилейную выставку документов Архива. 1911 г. 8 л.
- Д. 797. Об исходатайствовании пенсии вдове ... Д.Я. Самоквасова Т.В. Самоквасовой. 1911–1912 гг. 14 л.
- Д. 870. Лекции [Н.] Чулкова об учреждении и деятельности МАМЮ. Б.д. 13 л.
- Д. 8218. О постановке портрета Д.Я. Самоквасова [в библиотечном зале МАМЮ]. 1911 г. 3 л.
- Д. 8374. [Перечень археологических раскопок и публикаций Д.Я. Самоквасова]. 1910 (?). 21 л.
- Д. 9592. Заграничный паспорт Д.Я. Самоквасова. 1899 г. 2 л.
- Оп. 1. Ч. 1. Д. 31. По рапорту чиновников МАМЮ по поводу напечатания в ЧОИДР отзывов о бывшем управляющем Архивом Д.Я. Самоквасове. 1915 г. 4 л.
- Д. 635. Переписка [Д.Я.] Самоквасова с учеными обществами и частными лицами о выдаче справок, копий с документов, высылке изданий и т.п. 1892–1902 гг. 200 л.
- Д. 728. Инструкция служащим МАМЮ, приступающим к описанию архивных документов, составленная Д.Я. Самоквасовым. 1901 г. 27 л.
- Д. 9780. Дипломы Д.Я. Самоквасова о членстве в ученых обществах. 6 л.
- Д. 1084. О назначении управляющего Архивом ... Д.Я. Самоквасова. 1892 г. 289 л.
- Ч. 5. Д. 8218. Дело о постановке портрета Д.Я. Самоквасова [в читальном зале архива]. 1911 г. 5 л.

- Д. 8374. Заметки об археологических раскопках в 1871–1873 гг. 34 л.
- Д. 9524. Распоряжение Д.Я. Самоквасова о даре метриканту Литовской метрики “Памятной книжки МАМЮ”. 3 л.
- Д. 9539. Переписка с Министерством юстиции. 1894 г.
- Д. 9540. Докладная записка чиновников о подготовке к изданию документов. 1894 г.
- Д. 9546. Циркуляры управляющего о результатах работы чиновников описательного отделения др. распоряжения по архиву. 1895 г.
- Д. 9568. Распоряжения по канцелярии архива. 1897 г.
- Д. 9580. Приказ по Министерству юстиции по личному составу [архива]. 1898 г.
- Д. 9592. Заграничный паспорт Д.Я. Самоквасова. 1899 г.
- Д. 9596. Переписка с Министерством юстиции. 1900 г.
- Д. 9603. Переписка архива с различными учреждениями. 1901 г.
- Д. 9605. Инструкция по описанию документов. 1901 г.
- Д. 9618. Отчеты о занятиях чиновников. 1903 г.
- Д. 9624. Письма [в архив и из архива]. 1903 г.
- Д. 9633. Формулярный список чиновников. 1904 г.
- Д. 9656. Рапорты в Министерство юстиции. 1909 г.
- Д. 9657. Распоряжения по архиву. 1910 г.
- Д. 9662. Документы о личном составе. 1909 г.
- Д. 9671. Распоряжения управляющего по архиву. 1911 г.
- Д. 9675. Отчеты чиновников о работе. 1911 г.
- Д. 9679. Письма [в архив и из архива]. 1911 г.
- Д. 9779. Благодарность управляющего [архивом] Церковному историко-археологическому комитету об избрании его почетным членом. Б.г.
- Д. 9780. Диплом Императорского русского Географического общества и Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете об избрании Д.Я. Самоквасова почетным членом. Б.г.
- Д. 9861. Фотографии чиновников МАМЮ. 1913 г.
- Д. 9896. Сведения о сохранившихся на территории Курской губ. древних крепостных и подземных сооружений с препровождением письма Курского ГСК. 1913–1914 гг. 42 л.
- Д. 9909. Переписка с ГУАК, Археологическими обществами и др. учреждениями о присылке дополнительных сведений о древних крепостных и подземных сооружениях. 1914–1916 гг.
- Д. 10043. Диплом об окончании Санкт-Петербургского университета, выданный Д.Я. Самоквасову. 1868 г. 1 л.
- Д. 10045. Докладная записка Д.Я. Самоквасова министру юстиции о необходимости пересмотра штата МАМЮ и внутреннего переоборудования здания [архива]. 1909 г. 32 л.

- Д. 10047. Письма Й. Наги из Вены директору МАМЮ Д.Я. Самоквасову с благодарностью, за присланные им книги. На нем. яз. 1911 г. 4 л.
- Ф. 364. Д.В. Цветаева. Оп. 1. Д. 14. Лекции Д.В. Цветаева по историографии (рукопись). 1887–1907 гг. 143 л.;
- Д. 83. Письмо Д.В. Цветаева в АН о возврате грамот Коллегии экономии... 1915 г. 1 л.;
- Д. 86. Приветствие (черновик) МАМЮ П.С. Уваровой в связи с 30-летием ее председательствования в Обществе. 195 г. 3 л.
- Д. 87. Приветствие (черновик) МАМЮ к 50-летию ИМАО. 1915 г. 2 л.;
- Д. 286. Письма Д.В. Цветаева разным лицам. 1911 г. 7 л.; Д. 244. Письма разных лиц Д.В. Цветаеву. 1913 г. 2 л.; Д. 532. Рукописи лекций Д.В. Цветаева по истории древних славян, Киевского государства, Новгорода удельного периода. 553 л.
- Д. 532. Рукописи лекций по истории древних славян, Киевского государства, Новгорода удельного периода. 553 л.

Рукописный архив Института истории материальной культуры РАН (СПб.)
(Быв. Ленинградского отделения Института археологии АН СССР)

Ф. 1. ИАК.

- Оп. 1859 г. Д. 24. О двух зубаз мамонта, найденных у д. Баска Курского у. и губ., принадлежавших в 1865 г. Е.И. Шумакову. лл. 9–13.
- Оп. 1860 г. Д. 7. Об избрании акад. [Л.Э.] Стефани, Д.Я. Самоквасова и др. в члены-корреспонденты Комиссии. 15 л.
- Оп. 1862 г. О приглашении инженерного ведомства и управления путями сообщения к содействию ИАК в сохранении древностей при уничтожении древних памятников зодчества, проведении дорог и т.д. 1862–1911 гг. 187 л.
- Оп. 1876 г. Д. 13. Об увольнении от службы старшего члена Комиссии [И.Е.] Забелина. 39 л.
- Оп. 1877 г. Д. 4. О предметах, не составляющих особых дел. 19 л.
- Оп. 1878 г. Д. 14. О русских, польских и др. монетах, а также серебряных слитках, найденных в ... Черниговской губ. 29 л.
- Оп. 1882 г. Д. 20. О предположении Комиссии заняться в 1883 г. исследованием скифских курганов. 1882–1888. 117 л.
- Д. 40. Материалы XI Археологического съезда в Киеве. 1896–1899 гг. 491 л.
- Д. 42. XII Археологический съезд в Харькове. Материалы по организации съезда и издании его материалов. 1899–1908 гг. 146 л.
- Оп. 1884 г. Д. 15. О награждении чинов Комиссии подарками и денежными наградами. 1884–1914 гг. 105 л.

- Оп. 1887 г. Д. 13. О раскопках проф. [В.Б.] Антоновича в Киеве ... 1887–1890 гг. 205 л.
- Д. 68. Общий обзор раскопок, произведенных Д.Я. Самоквасовым в 1882 г. во Владикавказском округе Терской обл. О высылке в Комиссию на рассмотрение коллекции древностей, принадлежащих полковнику Ольшевскому. 1887–1898 гг. 125 л.
- Д. 69. 1887–1916 гг. Переписка Комиссии с разными корреспондентами. 725 л.
- Оп. 1888 г. Д. 16. О старинных монетах, найденных в Полтавской губ. 1880–1890 гг. 51 л.
- Оп. 1889 г. Д. 5. О старинных монетах, найденных в Екатеринославской губ. 21 л.
- Д. 55. О раскопках проф. Д.Я. Самоквасова в Полтавской губ. 45 л.
- Д. 63. О рассылке изданного ИАК “Сборника сведений о курганах и городищах Волынской губ.”. 3 л.
- Оп. 1890 г. Д. 65. О раскопках проф. Д.Я. Самоквасова в Киевской губ. 1890–1908 гг. 51 л.
- Оп. 1891 г. Д. 27. О назначении проф. Д.Я. Самоквасова сверхштатным членом Комиссии. 1891–1911 гг. 64 л.
- д. 54. О раскопках члена Комиссии проф. Д.Я. Самоквасова в Курской губ. (курганы у д. Воробьевки). 1891–1893 гг. 26 л.
- Д. 55. О раскопках проф. Д.Я. Самоквасова в пределах Курской и Полтавской губ. по рр. Сейму и Суле. 1889–1890. 45 л.
- Оп. 1895 г. Д. 293. О находке сереряных моент в г. Белгороде Курской губ. Лл. 196 об.–197.
- Оп. 1907 г. Д. 48. О раскопках приват-доц. В.Е. Данилевича в Курской губ.
- Оп. 1912 г. Д. 116. О раскопках П.С. Рыкова в с. Гочеве Обоянского у. Курской губ.
- Оп. 1913 г. Д. 330. О раскопках В.С. Львовича в с. Гочеве Обоянского у. Курской губ.
- Оп. 1915 г. Д. 93. О раскопках В.Н. Глазова в с. Гочеве Обоянского у. Курской губ.
- Оп. 1916 г. Д. 125. О раскопках Л.Н. Соловьева в Курской губ.
- Оп. 1918 . Д. 7. О раскопках А.С. Раевского в Курской губ.
- Оп. 1908 г. Д. 162. Об издании приобретенного Д.Я. Самоквасовым Низковского клада.

Ф. 3. ИРАО. Оп. 1.

- Д. 302. О доставлении в Министерство народного просвещения годовых отчетов о деятельности Общества за 1905–1915 гг. 92 л.
- Д. 399. Протоколы заседаний Общества в 1884–1886 гг. 316 л.
- Д. 403. Протоколы заседаний Общества за 1903–1911 гг. 410 л.

Д. 409. Протоколы заседаний Отделения русской и славянской археологии за 1875–1898 гг. 194 л.

Д. 411. Протоколы заседаний Отделения русской и славянской археологии за 1901–1903 гг. 48 л.

Д. 415. Протоколы заседаний Отделения русской и славянской археологии за 1908–1914 гг. 154 л.

Д. 416. Годовые отчеты Отделения русской и славянской археологии за 1908–1915 гг. 33 л.

Ф. 4. ИМАО. Оп. 1.

Д. 22. Материалы VIII Археологического съезда в Москве ... 1889–1897 гг. 38 л.

Д. 36. Материалы VIII Археологического съезда в Москве. 1890 г. 25 л.

Д. 37. Материалы IX Археологического съезда в Вильно в 1893 г. 1889–1896 гг. 14 л.

Д. 38. Материалы X Археологического съезда в Риге. 1894–1896 гг. 656 л.

Д. 41. Материалы XII Харьковского Археологического съезда. 1899–1902 гг. 477 л, 211 илл.

Д. 45. Материалы XIII Археологического съезда в Екатериносавле. 1902–1905 гг. 442 л.

Д. 53. Материалы XIV Археологического съезда в Чернигове. 1905–1908 гг. 414 л.

Д. 54. Материалы XIV Археологического съезда в Чернигове. Переписка по организации съезда и изданию его материалов. 1905–1908 гг. 74 л.

Д. 82. XIV Археологический съезд в Чернигове. Протоколы заседаний комиссии по ставлению инструкции для лиц, предпринимающих раскопки. 126 л.

Д. 130. Д.Я. Самоквасов. Могилы русской земли [Писарская рукопись]. Б.д. 97 л.

Д. 168. Материалы для составления археологической карты Курской губ. 1901 г. 178 л., карта.

Д. 189. Материалы для составления археологической карты Якутской области. 1892 г. 45 л.

Д. 191. Сведения о курганах и городищах Витебской губернии. 1873 г. 189 л.

Д. 192. Сведения о курганах и городищах Волынской губ. 1873 г. 442 л.

Д. 193. Сведения о курганах и городищах Воронежской губ. 1873 г. 300 л.

Д. 194. Сведения о курганах и городищах Вятской губ. 1873 г. 34 л.

Д. 195. Сведения о курганах и городищах Гродненской губ. 1873 г. 46 л.

Д. 196. Сведения о курганах и городищах области войска Донского. 1873 г. 163 л.

Д. 197. Сведения о курганах и городищах Казанской губ. 1873 г. 302 л.

- Д. 198. Сведения о курганах и городищах Киевской губ. 1873 г. Ч. 1. 411 л.
Ч. 2. 179 л.
- Д. 199. Сведения о курганах и городищах Костромской губ. 1873 г. 5 л.
- Д. 200. Сведения о курганах и городищах Курской гбу. 1873 г. 10 л.
- Д. 201. Сведения о курганах и городищах Минской губ. 1873 г. 209 л.
- Д. 202. То же. Ч. 2. 206 л.
- Д. 203. Сведения о курганах и городищах Могилевской губ. 1873 г. 218 л.
- Д. 204. Сведения о курганах и городищах Орловской губ. 1873 г. 21 л.
- Д. 205. Сведения о курганах и городищах Оренбургской губ. 1873 г. 98 л.
- Д. 206. Сведения о курганах и городищах Подольской губ. 1873 г. 275 л.
- Д. 207. То же. Ч. 2. 215 л.
- Д. 208. Сведения о курганах и городищах Самарской губ. 144 л.
- Д. 209. Ведомость о городищах и курганах Симбирской губ. 1873 г. 245 л.
- Д. 210. Сведения о курганах и городищах Смоленской губ. 1873 г. 10 л.
- Д. 211. Сведения о курганах и городищах Таврической губ. 1873 г. 158 л.
- Д. 212. Сведения о курганах и городищах Тамбовской губ. 1873 г. Ч. 1. 104 л.
- Д. 213. Сведения о курганах и городищах Тамбовской губ. Ч. 2. 158 с.
- Д. 214. Ч. 3. 157 л.
- Д. 215. Ч. 4. 134 л.
- Д. 216. Сведения о курганах и городищах Тульской губ. 1873 г. 8 л.
- Д. 217. Сведения о курганах и городищах Херсонской губ. 1873 г. 11 л.
- Д. 218. Сведения о курганах и городищах Черниговской губ. 1873 г. 7 л.
- Д. 231. Сведения о состоянии архивов Курской губ. 1900 г.
- Д. 291. Анкета о состоянии архивов Курской губ.
- Ф. 5. А.А. Спицына. Оп. 1. Д. 24. А.А. Спицын. Древности Южной России. Б.д. 16 л.
- Д. 74. А.А. Спицын. Норманский период в русской истории. Б.д. 5 л.
- Д. 134. Сводка сведений о составленных археологических картах и археологических описаниях отдельных губерний с 1873 по 1925 гг., сооставленных А.А. Спицыным. 2 л.
- Д. 204. А.А. Спицын. Сводка сведений о древностях Черниговской губернии. 1896 г. 23 л.
- Д. 217. Извлечения из статей [Д.Я. Самоквасова и др. авторов] о древностях Могилевской и Черниговской губ., сделанные А.А. Спицыным. Б.д. 18 л.
- Д. 399. Карточки [археологических находок] по губерниям. [Губернии на букву] К.
- Д. 738. Материалы для каталога древностей, поступивших в ИАК с 1859 по 1904 гг. Выборка из дел ИАК под ред. А.А. Спицына, выполненная по 20 губерниям, с буквы "А" по "К". 110 л.

Ф. 6. Оп. 51. Ч. 4. Д. 71. Сведения о земляном вале в белгородском у. Курской губ

Ф. 25. А.А. Бобринского. Оп. 1. Д. 4. О полемике между ИМАО, Казанским археологическим обществом и ИАК по производству раскопок. 1886–1894 гг. 96 л.

Д. 252. Об утверждении законопроекта о мерах к охранению памятников древности. 1911 г.

Фотоархив ИИМК РАН

Д. 10793-95. Самоквасов Д.Я. Клад домонгольского времени, случайно найденный близ с. Низковки Черниговских у. и губ. 1908 г.

Д. 60360. Раскопки Д.Я. Самоквасова у с. Новогригорьевки Александровского у. Екатеринославской губ. 1883–1884 гг

Д. 0. 942. Раскопки Д.Я. Самоквасовым Черной могилы близ Чернигова. Б.Д.

Д. 28845. Портрет археолога Д.Я. Самоквасова.

Д. 28036. Портрет Д.Я. Самоквасова. 1910 г.

Д. 334-54. Клад черниговский, найденный в 1883 г. в г. Чернигове на погосте кафедрального Спасского собора. Д. 0.1437. Находки из кургана Черная могила. 1939 г.

Д. 0.2020. Древности из раскопок Д.Я. Самоквасовым Черной могилы. 1952 г.

Д. 0.942. Бронзовый идол из Черной могилы.

Д. 0.1527. Гочево [Курской обл.]. План городища. 1949 г.

Российский государственный исторический архив

Ф. 472. Канцелярии Министерства императорского двораю. Оп. 43. Д. 128. Об архивной реформе в России. 1904 г. 16 л.

Ф. 484. Министерства Императорского двора. Оп. 1. Д. 1035. Переписка по вопросу об архивной реформе в России. 1903 г. 8 л.

Ф. 565. Департамента государственного казначейства. Оп. 4. Д. 15979. О новом штате МАМЮ и при нем Археологического института. 1885–1888 гг. 59 л.

Оп. 5. Д. 20214. По проекту архивной реформы в России. 1901–1903 гг. 16 л.

Оп. 9. Д. 31915. Об установлении новых штатов Сенатского архива, Московского архива министерства юстиции и Варшавского главного архива. 1909–1913 гг. Л. 36–40.

Ф. 733. Министерства народного просвещения.

- Оп. 121. Д. 8. Об утверждении некоторых лиц в должностях и званиях. Переписка с попечителем Варшавского учебного округа об утверждении Д.Я. Самоквасова экстраординарным профессором по занимаемой кафедре. Формулярный список о службе. 1873 л. 163 л.
- Д. 164. О назначении проф. ... Д.Я. Самоквасову субсидии из казны на производство ежегодных исследований древних земляных насыпей и изданию их результатов. 1875–1876 гг. 69 л.
- Д. 986. О командировании некоторых лиц в России и за границу. 1886–1887 гг. 164 л.
- Оп. 122. Д. 235. О командировании некоторых лиц в России и за границу. Переписка с попечителем Варшавского учебного округа о командировании Д.Я. Самоквасова за границу. 1889–1890 гг. Лл. 269 л..
- Д. 986. Представление попечителя Варшавского учебного округа о командировании Д.Я. Самоквасова в Крым, Тамань и Западную Двину для археологических исследований к предстоящему съезду археологов. 1886 г. Лл. 6–7.
- Оп. 133. Д. 2. Дело департамента народного просвещения и назначении пенсии бывшему ординарному профессору Варшавского университета, действительному статскому советнику Д.Я. Самоквасову. 1892 г. 35 л.
- Оп. 142. Д. 917. О передаче Литовской метрики в МАМЮ и об учреждении при сем Архива археологического института. 1885–1887 гг. 32 л.
- Оп. 143. Д. 135. Об отпуске средств на издание архивных актов XVI–XVIII вв. 1899 г. 14 л.
- Д. 240. Об архивной реформе в России. 1901–1904 гг. 98 л.
- Д. 149. Д. 164. Дело о выдаче пособия на производство археологических работ и опубликования их результатов. 1875–1880 гг. Лл. 1–17, 35–74.
- Д. 697. Об утверждении профессоров в должностях. 1883–1884 гг. 311 л.
- Оп. 150. Д. 6. Переписка о назначении Д.Я. Самоквасова профессором Варшавского университета. 1887 г. Лл. 101–117.
- Д. 697. Ходатайство университета об утверждении Д.Я. Самоквасова в звании ординарного профессора, с описанием заслуг и приложением послужного списка. 1883 г. Лл. 271–286, 308–309.
- Д. 1477. О профессорах и приват-доцентах Московского университета. Послужной список Д.Я. Самоквасова. 1898–1899 гг. Лл. 25–27, 53–57.
- Оп. 152. Д. 94. Обзор преподавания в Московском университете. Заявление Д.Я. Самоквасова о желании читать параллельный курс лекций по истории русского права [в Московском университете]. 1904 г. Лл. 9–15.
- Ф. 746. Императорского Русского Исторического общества. Оп. 1.
- Д. 98. Список губерний и областей, где учреждены ГУАК. 1917 г. Лл. 22–25.
- Д. 113. О деятельности I съезда представителей ГУАК. 1914 г. Лл. 129–132. 291 л.

- Д. 114. По представлениям ГУАК о нарадах архивным комиссиям. 1914 г.
- Д. 133. По переписке с Курской ГУАК и по обследованию архивов района названной Комиссии. 1913–1914 гг. 121 л.
- Д. 190. Об архивной реформе в России. 1904–1914 гг.
- Д. 200. Список губерний и областей, в которых по закону 13 апреля 1884 г. учреждены Ученые архивные комиссии... 1916 г. 4 л.
- Д. 210. Труды съезда представителей ГУАК. 1914 г.
- Ф. 814. Архив и библиотека Синода. Оп. 1. Д. 176. Письма разных лиц начальнику архива Синода А.Н. Львову... 1890–1900 гг. 95 л.
- Ф. 889. Графов Бобринских. Оп. 1. Д. 35. Колесников И.Ф. Исторический обзор архивного законодательства в связи с историей и современным состоянием архивов на западе и в России. 1908. 80 л.
- Д. 41. Представление [директора МАМЮ] с просьбой разрешить чтения о практических занятиях по археологии и архивоведению при МАМЮ. 1906 г. 2 л.
- Д. 49. Лекция Ю.В. Готье по истории русских архивов. 1918–1919 гг. 64 л.
- Ф. 922. В.Г. Глазова. Оп. 1. Д. 168. Записка Д. Самоквасова “Средство освобождения университета от политки”. 1905 г. 2 л.
- Ф. 938. Документы, собранные заведующим Общим архивом Министерства Императорского двора Г.В. Есиповым. Оп. 1. Д. 660. Переписка Археографической комиссии ИМАО об устройстве архивов. 1897–1899. 12 л.
- Ф. 950. Н.В. Калачова. Оп. 1.
- Д. 264. Журналы заседаний Комиссии об устройстве архивов. 1873–1879 гг.
- Д. 275. Раскопки курганов и сопок, и описание найденных предметов. 84 л.
- Д. 310. Рапорт управляющего МАМЮ министру юстиции о губернских исторических архивах. 1884 л. 34 л.
- Д. 313. Доклад об учреждении УАК в губерниях. 1884 г.
- Д. 313. Доклад об открытии Исторических ученых архивных комиссий в губерниях. 1884 г. 47 л.
- Ф. 922. В.Г. Глазова. Оп. 1. Д. 168. Записка Д. Самоквасова “Средство освобождения университета от политики”. 1905 г. 2 л.
- Ф. 1251. Бумаги М.М. Сперанского. Оп. 1. Д. 171. Дело об издании Свода законов для кочевых инородцев. 1834–1839 гг. 44 л.
- Д. 173. Печатный экземпляр Свода степных законов кочевых инородцев Восточной Сибири с рукописными поправками М.М. Сперанского. 90 л.
- Ф. 1290. ЦСК МВД. Оп. 2. Д. 87. О затребовании от ГСК сведений о древних земляных насыпях, окопах или батареях, называемых в народе городищами или городками. 1873–1882 гг. 202 л.
- Ф. 1405. Министерства юстиции.

Оп. 93. Д. 8975. Об установлении новых штатов Сенатского архива и МАМЮ. 1892–1895 гг. 238 л.
Д. 10174. Отчет управляющего МАМЮ за 1891 г. 1892 г. 16 л.
Оп. 94. Д. 8267. О возведении рода Самоквасовых в потомственное дворянское достоинство. 1893 г. 18 л.
Оп. 99. Д. 6978. Отчет по МАМЮ за 1894 г. 1895 г. 47 л.
Д. 3733. Отчет МАМЮ за 1897 г. 1898 г. 14 л.
Оп. 454. Д. 21. О передаче из МАМЮ в архивы Эстляндский и Лифляндский дворянских дел и документов дореформенных судебных учреждений прибалтийских губерний.
Оп. 525. Д. 843. Формулярный список о службе управляющего МАМЮ ... Д.Я. Самоквасова. 1911 г. 31 л.
Ф. 1409. Собственной Е.И.В. канцелярии. Инспекторский отдел. Оп. 6. Д. 909. По проекту новых штатов МАМЮ.
Д. 972. Об установлении новых штатов Сенатского архива, МАМЮ ... 1910 г.
Ф. 1263. Комитета министров. Оп. 1. Д. 4382. Журнал Комитета министров по представлению внутренних дел об учреждении ГУАК. 1884 г. Лл. 52–62.
Ф. 1276. Оп. 6. Д. 243. О введении новых штатов для Сенатского архива, МАМЮ ... 540 л.
Ф. 1278. Государственной думы. Оп. 2. Д. 1450. Об установлении новых штатов для Сенатского архива и МАМЮ ... 1910–1911 гг. 42 л.
Ф. 1284. Всеподданнейшие доклады. Оп. 2. Д. 116. Доклад министра внутренних дел В.К. Плеве о проектах архивной реформы в России. 1903 г. 252 л.
Оп. 60. Д. 22. Дело об учреждении Губернских ученых архивных комиссий. 1884 г. 182 л.
Оп. 186. Д. 6. Об учреждении Губернской архивной комиссии при Курском статистическом комитете. 1901 г. 11 л.
Оп. 241. Д. 89. Всеподданнейшие доклады Министра внутренних дел по департаменту общих дел о губернских исторических архивах и создании ГУАК. 1884 г. 124 л.
Ф. 1290. Центрального статистического комитета МВД. Оп. 1. Д. 91. О командировке редактора ЦСК Майкова на [III] Археологический съезд в Киеве. 1873–1874 гг. 14 л.
Оп. 2. Д. 87. О затребовании от губернских статистических комитетов сведений о городищах. 1873–1882 гг. 202 л.
Ф. 1405. II департамента Министерства юстиции.
Оп. 90. Д. 7620. По вопросу о представлении ГУАК права приобретать в собственность всякого рода недвижимого имущества. Лл. 278–283.
Д. 7793. По рапорту управляющего МАМЮ о похищении из означенного архива исторических документов. 1902–1903 гг. 45 л.

Оп. 93. Д. 8975. Об утверждении новых штатов Сенатского архива и МАМЮ. 1892 г. 235 л.

Оп. 104. Д. 19220. Об увеличении кредита на содержание МАМЮ. 1903 г. 85 л.

Д. 10174. Отчет МАМЮ за 1891 г. 1892 г. 66 л.

Оп. 96. Д. 6978. Отчет МАМЮ за 1894 г. 1895 г. 86 л.

Оп. 97. Д. 2020. Об увеличении штатов МАМЮ. 1896–1898 гг. 100 л.

Оп. 99. Д. 2285. По вопросу о порядке допущения иностранных граждан к ученым занятиям в МАМЮ. 1998 г. 3 л.

Оп. 104. Д. 7793. О краже из МАМЮ 34 указов Иоанна Антоновича, совершенной студентом юридического факультета Московского университета Татищевым. 1903 г.

Оп. 454. Д. 21. О передаче [из МАМЮ] в архивы Эстляндского и Лифляндского дворянства некоторых дел и документов. 1908–1914 гг. 59 л.

Ф. 1409. Собственной Его Императорского величества канцелярии. Инспекторский отдел. Оп. 6.

Д. 909. По проектам новых штатов Сенатского архива, МАМЮ и Варшавского главного архива древних актов. 1909. 18 л.

Д. 972. Об установлении новых штатов для Сенатского архива и об утверждении положения и установлении нового штат для Варшавского главного архива древних актов. 1910 г. Л.19.

Ф. 1626. Министерства народного просвещения.

Оп. 1. Д. 104. Доклад министру народного просвещения от Комиссии по преобразованию центральных архивов в западных губерниях. Проект Д.Я. Самоквасова. 1892 г. 58 л.

Ф. 1636. Иловайских. Оп. 1.

Д. 147. Письма Д.Я. Самоквасова с приложением его статьи “Музей имени ... государя наследника престола”. 1876–1894 гг. 4 л.

Д. 175. Заявление А.А. Иловайской о назначении ей пенсии и о признании ученых заслуг ее мужа, с приложением копии отзыва о научных трудах Д.И. Иловайского. 1926–1927 гг. 6 л.

Д. 252. Письмо Т.В. Самоквасовой А.А. Иловайской. 1913 г. 1 л.

Ф. 1642. ИРИО. Оп. 1. Д. 145. Протокол заседания комиссий РИО по вопросу о положении архивов. 1911 г.

Д. 169. Куломзин А.К. Инструкция по организации губернского архива и технике образования фондов. Б.д. 6 л.

Ф. 1654. Половцовых. Оп. 1. Д. 903. Письмо Д.Я. Самоквасова А.В. Половцову. 1890 г. 2 л.

Ф. 1675. И.Г. Щегловитова. Оп. 1. Д. 53. Переписка с Д.В. Цветаевым. 1913–1915 гг. 5 л.

Санкт-Петербургский государственный исторический архив

Ф. 14. Санкт-Петербургского ун-та. Оп. 15. Личные дела студентов. 1855–1869 гг.

Д. 3585. Студента Самоквасова Ивана. 1868 г. 64 л.

Д. 2413. Студента Самоквасова Дмитрия. 1862 г. 49 л.

Центральный государственный исторический архив г. Москвы

Ф. 418. Императорского Московского университета. Оп. 69. Д. 405. Об утверждении проф. Д.Я. Самоквасова в звании заслуженного профессора Московского университета. 1900 г. 6 л.

Оп. 89. Д. 407. О смерти заслуженного ординарного профессора ... Д.Я. Самоквасова. 1911 г. 112 л.

Ф. 454. ИМАО. Оп. 2. Д. 402. Письма членов Общества ... 1910–1911 гг. 57 л.

Д. 91. О деятельности VII Археологического съезда в Ярославле. 1887–1894 гг. 227 л.

Д. 128. Протоколы заседаний ИМАО. 1892–1893 гг. 107 л.

Д. 211. Проект ходатайства об организации архивов. Протоколы заседаний особого совещания по архивным вопросам. 1899 г. 42 л.

Д. 268. Переписка с учеными архивными комиссиями. 1902–1903 гг. 17 л.

Оп. 62. Д. 525. О принятии в число приват-доцентов бывшего профессора Варшавского университета Д.Я. Самоквасова. 1893 г. 58 л.

Оп. 69. Д. 405. Об утверждении профессора Д.Я. Самоквасова в звании заслуженного профессора. 1900 г. 45 л.

Ф. 376. Московский Археологический институт. Оп. 3.

Д. 14. Дело об учреждении МАИ и протоколы его совета. 1907–1911 гг.

Д. 24. Отчеты о состоянии МАИ. 1907–1915 гг. 194 л.

Д. 29. Дело комиссии Института. 1907–1914 гг. 66 л.

Ф. 454. ИМАО. Оп. 2. Д. 17. Переписка с членами Общества о раскопках и археологических исследованиях. 1869–1901 гг. 286 л.

Д. 118. О проведении археологических исследований и раскопок. 1890–1898 гг. 553 л.

Ф. 455. ИОЛЕАЭ. Оп. 1. Д. 29. Отчет о деятельности Общества за 1873–1874 гг. 18 л.

Ф. 2256. П.С. Уваровой. Оп. 1. Д. 1. Отчеты П.С. Уваровой на заседаниях и съездах ИМАО о произведенных раскопках и о деятельности Общества. Б.д. 9 л.

Черниговский областной государственный архив (Украина)

Ф. 127. Черниговского губернского правления. Оп. 2 а. Д. 410. Об увольнении судебных чиновников от службы. 1857 г. 6 л.

Оп. 784. Д. 248. По прошению от мещанки А. Самоквасовой и выдаче ей отдельного вида на жительство... 1906–1907 гг. 5 л.

Оп. 1504. Д. 169. По делу Коропского сиротского суда о выдаче имущества умершей дворянки М. Самоквасовой... 1908. 2 л.

Ф. 128. Канцелярии гражданского губернатора. Оп. 1. Д. 10663. О получении патента уволенным от службы поручиком Самоквасовым. 1846 г. 6 л.

Ф. 679. Черниговской губернской консистории. Оп. 2. Д. 4060. Дело о назначении дьчком с. лукнова Самоквасова. 1826 г. 3 л.

Ф. 752. Оп. 1. Д. 67. Статистические сводки о переписи населения ... граждан по уездам Черниговской губернии. 1919 г. 45 л. 45 л.

Ф. 942. Оп. 1. Д. 3683. Каталог промышленных предприятий с. стахорщины, Рыковской волости, Новгород-северского уезда. 1920 г. 2 л.

II. Печатные издания

Аббасов А.М. Вехи древнего Воронежа. Воронеж, Центрально-Черноземное книжное изд-во, 1995. 105 с.

Абраменко О.А. История глазами простого человека: деревенская эсхатология // Образы России в научном, художественном и политическом дискурсах (История, теория. педагогическая практика). Материалы научной конференции. Петрозаводск, изд-во Петрозаводского гос. ун-та, 2001. С. 11–17.

Абрамов И.С. О курских саянах // Живая старина. Т. XV. 1906. № 3. С. 2–220.

Автобиография курского астронома-любителя Федора Алексеевича Семенова / Под ред. В.П. Ветчинкиан, Д.О. Святского. Пг., 2-я Гос. типография, 1920. 72 с.

Автократова М.И., Буганов В.И. Сокровищница документов прошлого. М., “Советская Россия”, 1986. 336 с.

Азбелев С.Н. Историзм былин и специфика фольклора. Л., “Наука”, 1982. 327 с.

А-й I. Материалы для истории Курской епархии. I. Белгород и его святыни // Курские епархиальные ведомости. 1871. № 7. С. 359–392; № 8. С. 413–419; № 9. С. 468–476; № 17. С. 907–913; № 18. С. 953–968; № 19. С. 1009–1022.

Акинъшин А.Н. Судьба краеведов (конец 20-х – начало 30-х гг.) // Вопросы истории. 1992. № 6–7. С. 173–178.

Акинъшин А.Н., Ласунский О.Г. Пахарь духовной нивы. Историко-краеведческие этюды. Воронеж, “Петровский сквер”, 1996. 85 с.

Акинъшин А.Н., Филлюшкин А.И. В.П. Загоровский как исследователь истории Центрального Черноземья // Проблемы региональной истории России. Липецк, изд-е Липецкого гос. пед. ин-та, 1997. С. 113–122.

Александров-Липкинг Ю.А. Далекое прошлое соловьиного края. Воронеж, Центрально-Черноземное книжное изд-во, 1971. 158 с.

Алякритский Н.И. Древности Дмитриевского уезда Курской губернии и церквей г. Дмитриева. Харьков, 1902. 8 с.

Анатолий Дмитриевич Пряхин. Указатель трудов / Сост. В.И. Беседин. Воронеж, изд-е Воронежской областной научной библиотеки, 1989. 49 с.

Антология советской археологии. Т. I (1917–1033); т. II (1930-е гг.); т. III / Отв. ред. Н.Я. Мерперт. М., 1995–1996. 169 с.; 235 с.; 258 с.

Аристов Н.Я. Предания о кладах // Записки ИРГО по отделению этнографии. Т. I. СПб., 1867.

Археологические древности в Курской губернии // Календарь и памятная книжка Курской губернии на 1891 г. Курск, 1890. С. 87–96.

Археология Костромского края / Под ред. А.Е. Леонтьева. Кострома, 1997. 275 с.

Археология юго-востока Руси. Материалы региональной научной конференции. Лец, изд-во Елецкого гос. пед. ин-та, 1997. 76 с.

Археологическая карта России. Курская область. Автор-сост. А.В. Кашкин. Ч. 1. М., изд-е Института археологии РАН, 1998. 304 с.; Ч. 2. М., изд-е Института археологии РАН, 2000. 240 с.

Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 10. Пятьдесят полевых сезонов археологов Воронежского университета. Воронеж, изд-во Воронежского гос. ун-та, 1997. 180 с.

Археология Сибири: историография. Межведомственный сб. научных трудов. Ч. 1–2. Омск, изд-во Омского гос. ун-та, 1995. 100, 96 с.

Арцыбашева Т.Н. Монастыри на стыке культур (На примере монастырей Курского края Московской Руси XVII в.). Автореф. дисс. канд. культурологии. СПб., 1997. 23 с.

Арцыбашева Т.Н. Курский край и монастырская культура. Учебное пособие по региональной культуре. Курск, изд-во Курского гос. пед. ун-та, 1998. 72 с.

Арцыбашева Т.Н. Очерки культуры Курского края (Краеведческие материалы). Курск, изд-во Курского гос. пед. ун-та, 2000. 104 с.

Афанасьев А. Поэтические воззрения славян на природу. Тт. I–III. М., “Индрик”, 1994. 800, 784, 840 с.

Ашнин Ф.Д., Алпатов В.М. “Дело славистов”: 30-е гг. М., “Наследие”, 1994. 285 с.

Багaley Д.И. О необходимости изучения Курской губернии в историко-географическом отношении // Календарь и памятная книжка Курской губернии. Курск, 1888. С. 212–246.

Багaley Д.И. Материалы для истории колонизации и быта Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губерний в XVI–XVIII вв. Харьков, 1890. 423 с.

Байков М. Краткое обозрение Курской губернии в географическом и историческом отношении. Белгород, 1879.

Баскевич И.З. “А мои те куряне — опытные воины...” Взгляд на “Слово о полку Игореве” с курских высот. Курск, “Крона”, 1993. 43 с.

Бердинских В.А. Губернские статистические комитеты и русская провинциальная историография 1860-х–1890-х гг. Автореф. дисс. ... докт. ист. н. М., 1994. 36 с.

Бердинских В.А. Русская провинциальная историография второй половины XIX в. М.–Киров, изд-е Кировского гос. пед. ин-та, 1995. 396 с.

Бердинских В.А. Историки-любители из духовенства во второй половине XIX в. // Уваровские чтения-III. Русский православный монастырь как явление культуры: история и современность. Муром, 2001. С. 183–186.

Бережная С.В. Народная культура русского и украинского населения Курской губернии в конце XVIII – начале XIX вв. Автореф. дисс. ... канд. ист. н. Курск, 2000. 26 с.

Библиотека и краеведение. Библиографический указатель литературы. Статьи. Рецензии. 1994–1996 гг. СПб., изд-е РНБ, 1998. 320 с.

Библиотека литературы Древней Руси. Т. I. XI–XII вв. СПб., “Наука”, 1997. 543 с.

Боброва А.И., Максимов И.Е. Фольклор и археология (к поиску методики) // IV Исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Материалы научной конференции. Омск, изд-во Омского гос. ун-та, 1997. С. 12–14.

Богданов Г.М. Внеклассная работа по истории и Конституции СССР (из опыта работы). Курск, Курское книжное изд-во, 1954. 22 с.

Болдин И.В., Прошкин О.Л., Г.А. Массалитина и др. Археология Калужской области. Калуга, “Триф”, 1999. 376

Бугров Ю.А. Курские встречи. Воронеж, Центрально-Черно-земное книжное изд-во, 1991. 144 с.

Будаев Д.И. Место краевой историографии в истории исторической науки // Отечественная и всеобщая история: методология, источниковедение, историография. Брянск, изд-во Брянского гос. пед. ин-та, 1993. С. 54–56.

Булгаков Г.И. Схематический обзор Курского края в культурно-историческом отношении (Историко-археологический очерк) // Курский край. Вып. 1. Курск, “Советская деревня”, 1925. С. 41–90.

Булгаков Г.И. Природа и экономика Центрально-Черноземной области (с 7 географическими картами) // Программно-методический материал для школ I ступени Курской губернии / Под ред. В.Л. Маригодова. Итоги конференции заведывающих районными школами и инспекторов Соцвоста. Курск, Кооперативное изд-во “Советская деревня”, 1927. С. 141–178.

Введенский Е.К. Статистико-экономический обзор Курской губернии. Курск, изд-е ГСБ и Губплана, 1926. 142 с.

Введенский С.Н. “Кудеярова поклажа” (Архивные дела о кладах в XVII в.) // Известия Обществ-ва археологии, истории и этнографии. Казань. Т. XXII. Вып. 1. С. 1–22.

Вержицкий Т.И. Курское наречие. Материалы для описания Курской губернии. Курск, типография губернского правления, 1892. 10 с.

Вернадский Г.В. Русская историография. М., “Аграф”, 1998. 447 с.

Веселовский Н.И. История Императорского Русского Археологического общества за первое 50-летие его существования. 1846–1896 гг. СПб., 1900. 457 с.

Вивчення історичної та культурної спадщини Роменщини: проюлеми і перспективи. Тези доповідей та повідомлень до науково-практичної конференції, присвяченої 70-річчю Ролменського краєзнавчого музею / Від. ред. В.Б. Звагельський. Суми–Ромни, изд-е Роменського краєзнавчого музею, 1990. 83 с.

Винников А.З. Состояния и перспективы изучения славяно-русской археологии Центральной России // Историко-культурное наследие Центральной России. Материалы научно-практической конференции. Воронеж, 1992. С. 59–64.

Винников А.З. П.Н. Третьяков о донских славянгах конца I тыс. н.э. // Исторические записки. Труды исторического ка-та ВГУ. Воронеж, изд-во Воронежского гос. ун-та, 1997. С. 172–178.

Винников А.З. Еще раз о летописном Воронеже // Из истории Воронежского края. Вып. 7. Воронеж, 1998. С. 5–12.

Витевский В.Н. Клады и кладоискание на Руси. Казань, 1893.

Вознесенский Н.П. Климат Курского края. Курск, изд-е Курского общества краеведения, 1930. 62 с.

Володихин Д., Елисеева О., Олейников Д. История России в мелкий горошек. М., “Мануфактура” – “Единство”, 1998. 256 с.

Вопросы истории археологических исследований Сибири. Межведомственный сб. научных трудов / Отв. ред. В.И. Матющенко. Омск, изд-во Омского гос. ун-та, 1992. 182 с.

Вопросы истории исследования и историографии археологии Западной Сибири. Межвузовский сб. научных трудов / Отв. ред. Б.А. Конигов. Омск, изд-во Омского гос. пед. ин-та, 1992. 158 с.

Воронов Ю.Н. Лев Николаевич Соловьев (1894–1972). Биографический очерк. СПб., “Триал”, 1994. 77 с.

Воскресенский Н.В. О Кудояре разбойнике и кладоискателях // Воронежский юбилейный сб. в память 300-летия Воронежа. Т. I. Воронеж, 1886.

Габель В.Ф., Гулин И.Н. Курск. М., Гос. изд-во лит-ры по строительству и архитектуре, 1951. 88 с.

Габель В.Ф., Федоров С.И. Марьино. Историко-архитектурный очерк. Курск, Курское книжное изд-во, 1956. 47 с., илл.

Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М., 1996. 296 с.

Генинг В.Ф. Очерки по истории советской археологии (У истоков формирования марксистских теоретических основ советской археологии. 20-е– первая половина 30-х гг.). Киев, “Наукова думка”, 1982. 225 с.

Гири П. Использование археологических источников в истории религии и культуры // Одиссей. Человек в истории. 1988. Личность и общество: проблемы самоидентификации. М., “Наука”, 1999. С. 188–203.

Гладкова Т.Д. Антропологическая выставка 1879 г. и становление музея антропологии // Советская антропология. 1959. № 2. С. 127–137.

Головашенко А.А. Исторический и статистический обзор Коренной ярмарки. Курск, 1851. 69 с.

Головашенко А.А. Краткий исторический обзор Курской губернии. Курск, 1854. 136 с.

Гомаюнов С.А. Проблемы методологии местной истории. Киров, изд-во Вятского гос. пед. ун-та, 1996. 134 с.

Город меняет лицо. Курск в новой пятилетке / Сост. Х.Я. Лейбельман и др. Курск, изд-во “Курская правда”, 1947. 56 с.

Гутцейт В. О некоторых фоссильных зубах, найденных в Курской губернии // Курские губернские ведомости. 1851. № 7. С. 64–66.

Гуревич А.Я. К пониманию истории как науки о человеке // Историческая наука на рубеже веков. М., “Наука”, 2001. С. 166–174.

25-летие Саратовской ученой архивной комиссии. 1896–1911. Исторический очерк. Сост. В.П. Соколов. Краткие биографии. Сост. Н.Ф. Хованский. Саратов, 1911. 262, 45 с.

Дмитрюков А.И. О курганах и могильных насыпях Суджанского и Рыльского уездов // Исторический, статистический и географический журнал или Современная история света. СПб. 1827. Ч. 3. С. 149–155; 1828. Ч. 2. Кн. 1. № 4. С. 215–219.

Дмитрюков А.И. Нравы, обычаи и образ жизни в Суджанском уезде Курской губернии // Московский телеграф. 1831. № 10. С. 256–266; № 11. С. 363–374.

Дмитрюков А.И. [Конволют оттисков из “Курских губернских ведомостей” за 1853 г.]. Отказная книга новому городу Судже, учи-ненная 1664 г. стольником Г.С. Рагозиным. 18 с. Список с описи ок-ружной межи Суджанского уезда. 13 с. Окружная межа Миропольского у. 5 с. Списки с грамот и указов, жалованных Суджанского полка черкасским казакам. 27 с. Народные игры, загадки, анекдоты и присловья жителей Суджанского у. 55 с. Б.м., б.г.

Дмитрюков А.И. Городища и курганы, находящиеся в Суджанском и Рыльском уездах // Вестник Императорского Русского Географического общества. Ч. II. Кн. 4. СПб., 1854. С. 136–157.

Д.Н. Анучин о людях русской науки и культуры (статьи, некрологи и заметки). М., Гос. изд-во географической лит-ры, 1950. 335 с.

Дневник курского помещика И.П. Анненкова // Материалы по истории СССР. Т. V. Документы по истории XVIII в. М., изд-во АН СССР, 1957. С. 677–823.

Добротворский Н.А. Кустарные промыслы Курской губернии. Курск, Типография губернского правления, 1886. 186 с.

Долгов В.В. Очерки истории общественного сознания Древней Руси XI–XIII вв. Ижевск, изд-й дом “Удмуртский ун-т”, 1999. 250 с.

Долуханов П. “Чуждый”, “чужой” и археология // Чужое: опыт преодоления. М., “Аллетейа”, 1999. С. 344–367.

Древнерусские княжеские жития / Сост. В.В. Кусков. М., “Кругъ”, 2001. 400 с.

Древности // Памятная книжка Курской губернии на 1860 год. Курск, типография губернского правления, 1860. С. 44–51.

Дубровский А.М. От “нации Обломовых” к “великому русско-му народу”: из истории партийно-государственной идеологии в СССР в 1930-е–1950-е гг. // Страницы истории. Межвузовский сб. науч-ных трудов. Вып. 9. Брянск, изд-во Брянского гос. пед. ун-та, 2001. С. 176–190.

Дынин В.И. Когда расцветает папоротник. Народные верования и обряды южнорусского крестьянства XIX–XX вв. Воронеж, изд-во Воронежского ун-та, 1999. 210 с.

Енуков В.В. “Курскъ и с Посемьем” // Слов’яно-руські старожитності Північного Лівобережжя. Матеріали історико-археологічного семінару, присвяченого 60-річчю від народження О.В. Шекуна. Чернігів, “Сіверянська думка”, 1995. С. 29–33.

Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении / Под редю. П.П.

Семенова.Т. VII. Ч. 1–2. Центральная Черноземная и Донско-Каспийская степная области. СПб.–М., 1900. V, 467 с.

Жук А.В. Томские археологи к 1920 г. // II Исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Ч. 1 / Отв. ред. В.И. Матющенко. Омск, изд-во Омского гос. ун-та, 1992. С. 45–48.

Жук А.В. Организация археологических исследований в Западной Сибири. 1860-е–1920-е гг. Автореф. дисс. ... канд. ист. н. Барнаул, 1995. 29 с.

Жук А.В. Генезис идеи археологического микрорегиона // Археологические микрорегионы Западной Сибири. Межведомственный тематический сб. научных трудов / Под ред. С.С. Тихонов. Омск, изд-во Омского гос. ун-та, 1997. С. 43–75.

Завитневич В.З. Научное значение археологических раскопок, произведенных в системе р. Сулы, в Роменском уезде Полтавской губернии // Труды Киевской духовной академии. 1887. № 8. С. 1–30.

Загоровский В.П. Историческая топонимика Воронежского края. Воронеж, изд-во Воронежского ун-та, 1973. 136 с.

Загоровский В.П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI в. Воронеж, изд-во Воронежского гос. ун-та, 1991. 272 с.

Закон Российской Федерации об археологическом наследии (Проект). М., 1993 // Археологический бюллетень. М., изд-е Ин-та археологии РАН. 1993. № 4. 16 с.

Замятнин С.Н. Первая русская инструкция для раскопок (Находка костей “волота” в 1679 г.) // Советская археология. Вып. XIII. 1950. С. 287–291.

Зеленин Д.К. Описание рукописей ученого архива Императорского Русского Географического общества. Вып. 1–2. Пг., 1914–1915. X, 483; IV, 988 с.

Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. М., “Наука”, 1991. 511 с.

Зикеев Г.И. Население Курско-Орловского края XVII в. К истории формирования русской нации. Автореф. дисс. ... канд. ист. н. Л., 1953. 18 с.

Златоверховников Н.И. Кустарные и другие промыслы населения Курской губернии в 1899 г. и краткий обзор их за предшествующее время // Курский сб. Вып. 1. Курск, изд-е Губстаткомитета, 1901. С. 203–215.

Златоверховников Н.И., Танков А.А. Путеводитель по городу Курску. Курск, 1901. 25 с. (Приложение к “Курскому сб.” ГСК. Вып. 1).

Златоверховников Н.И. Памятники старины и нового времени и другие достопримечательности Курской губернии. Курск, изд-е ГСК, 1902. 57 с.

Златоверховников Н.И. К вопросу о составлении каталога Кур-ского историко-археологического и кустарного музея. Курск, 1910. 26 с.

Златоверховников Н.И. Краткий исторический очерк Курского края. Курск, изд-е ГСК, 1912. 69 с.

Златоверховников Н.И. Краткий обзор некоторых сохранившихся в Курской губернии письменных и вещественных памятников Отечественной войны 1812 г. Курск, 1912. 48 с.

Знание за пределами науки. Мистицизм, герметизм, астрология, алхимия, магия в интеллектуальных традициях I–XIV вв. / Сост. И.Т. Касавин. М., “Республика”, 1996. 445 с.

Известия ИОЛЕАЭ / Под ред. А.П. Богданова. Т. XXVII. Антропологическая выставка Общества. М., 1877. 321 с.; Т. XXIX. Этнографическая выставка 1867 г. М., 1878. 345 с.; Т. XXXV. Вып. 1. Труды Антропологического отдела. Т. V. Антропологическая выставка 1879 г. Т. III. Ч. 1. / под ред. А.П. Богданова, 1879. 289 с.

Известия Курского общества краеведения. Курск, изд-е Курского общества краеведения, госмузея и архбюро. 1927. № 1–2. 87 с.; № 3. 93 с.; № 4. 81 с.; № 5. 91 с.; № 6. 112 с.; 1928. № 1. 104 с.; № 2. 60 с.; № 3. 78 с.; № 4–6. Курск, 1929. 95 с.

Издания губернских ученых архивных комиссий. 1884–1923 гг. [Библиографический указатель] / Сост. Л.Ф. Писарькова; Отв. ред. С.О. Шмидт. Вып. 1. New York, 1994. XIX, 139 с.

Из истории Воронежского края. Сб. статей. Вып. 7 / Отв. ред. А.Н. Акиншин. Воронеж, “Учебная литература”, 1998. 256 с.

Из истории культуры Курского края. Ч. 1–2. / Отв. ред, сост. А.Ю. Друговская. Курск, изд-во Курского гос. мед. ун-та, 1995, 1996. 232, 233 с.

Из истории Курского края. Сб. документов и материалов / Отв. ред. П.В. Иванов. Воронеж, Центрально-Черноземное книжное изд-во, 1965. 408 с.

Из истории Курского края. Учебное пособие / Сост. Г.М. Богданов и др.. Курск, Курское книжное изд-во, 1963. 96 с.

Иловайский Д.И. Памяти графа А.С. Уварова // В его кн.: Мелкие соч., статьи и письма. 1854–1887. [Ч. 1]. М., 1888. С. 155–158.

Императорский Археологический институт в Санкт-Петербурге. Речи, адреса и приветствия по случаю 20-тилетия и 30-тилетия ин-ститута. 1878–1908. СПб., 1908. 119 с.

Императорский Российский Исторический музей. Указатель памятников. 2-е, доп. изд. М., Типография А.И. Мамонтова, 1893. IX, 604 с.

Инсарский В.А. Из быта наших помещиков 1840–1850-х гг. (Имение князей Барятинских “Марьино” в селе Ивановском) // Русская старина. 1874. Т. IX. Кн. 1–2. С. 301–308.

Институт археологии: история и современность. Сб. научных биографий / Под ред. В.И. Гуляева. М., 2000. 271 с.

Истоки. Историко-краеведческий сб. статей о Белгородчине. Вып. 1. Белгород, “Везелица”, 1992. 162 с.

Истомин И. Историческое описание Курского Знаменского первоклассного монастыря. Курск, 1857. 54 с.

Историк в поиске. Микро- и макропоходы к изучению прошло-го. Доклады и выступления на конференции. М., изд-е Ин-та всеобщей истории РАН, 1999. 308 с.

Историки об истории. Межведомственный сб. научных трудов / Под ред. В.П. Корзун, В.И. Матющенко. Омск, изд-во Омского гос. ун-та, 1989. 144 с.

Историки России. XVIII – начало XX вв. / Отв. ред. А.Н. Сахаров. М., “Скрипторий”, 1996. 688 с.

Историко-культурное наследие. Памятники археологии Центральной России: охранное изучение и музеефикация. Материалы научной конференции / Отв. ред. В.П. Челяпов. Рязань, изд-е Рязанского гос. пед. ун-та, 1994. 196 с.

Историография и источники по исторической демографии и исторической географии Центрального Черноземья. Тезисы докладов и сообщений I Межвузовской научной конференции ... / Отв. ред. А.Н. Курцев. Курск, изд-во Курского гос. пед. ин-та, 1989. 63 с.

Историческая записка о деятельности Императорского Московского Археологического общества за первые 25 лет существования. М., Синодальная типография, 1890. 121, 305 с.

Историческая наука России в XX в. / Отв. ред. Г.Д. Алексеева. М., “Скрипторий”, 1997. 568 с.

Исторический город в контексте современности. Материалы межрегиональной научно-практической конференции. Вып. 1. Нижний Новгород, Нижегородский гуманитарный центр, 1999. 112 с.

Исторический очерк деятельности замства Курской губернии за 35 лет. Курск, типография Курского губ. правления, 1902. 257 с.

Исторический эксперимент. Теория, методология, практика. Сб. научных трудов / Отв. ред. П.В. Боярский. М., изд-е НИИ культуры, 1991. 144 с.

Историческое краеведение (основные источники изучения истории родного края). М., “Просвещение”, 1969. 237 с.

Историческое краеведение. По материалам II Всесоюзной конференции по историческому краеведению / Отв. ред. С.О. Шмидт. Пенза, изд-е Археографической комиссии РАН, 1993. 328 с.

История археологических исследований Сибири. Межведомственный сб. научных трудов. Под ред. В.И. Матющенко. Омск, изд-во Омского гос. ун-та, 1990. 164 с.

История и современность Курского края. Региональное учебное пособие / Отв. ред. Б.Н. Королев. Курск, изд-е Курского Ин-та переподготовки работников образования, 1998. 717 с.

История Курска. Курск, Типография приказа общественного призрения, 1792. 87 с.

История Курской области. Учеб. пособие / Гл. ред. Т.И. Архипова. Воронеж, Центрально-Черноземное книжное изд-во, 1975. 160 с.

Источники по истории населенных пунктов дореволюционной России. Вып. 1. Печатные источники периода Российской империи (1721–1917 гг.). Сб. библиографических материалов / Сост. Н.М. Балацкая и др. СПб., изд-е РНБ, 1996. 383 с.

Календарь и памятная книжка Курской губернии на 1888 г. Курск, изд-е Курского ГСК, 1887. IV, 271, 156, 12 с.

Каталог выставки XIV Археологического съезда в Чернигове / Под ред. П.М. Добровольского. Чернигов, Типография губернского правления, 1908. 43 с.

Каталог собрания древностей графа Алексея Сергеевича Уварова. М., Синодальная типография, 1887. VIII, 260 с.

Кашкин А.В. Археология Курской области // Археологическая карта России / Под ред. А.В. Кашкина. Очерки археологии регионов. Кн. 1. М., “Пандора”, 2001. С. 181–237.

Кедров С.И. Настоящее и будущее архивных комиссий (По поводу книги проф. Д.Я. Самоквасова “Централизация государственных архивов Западной Европы в связи с архивной реформой в России”) // Русский архив. 1900. № 9. С. 85–104.

Киреева Р.А. К.Н. Бестужев-Рюмин и историческая наука второй половины XIX в. М., “Наука”, 1990. 269 с.

Клейн Л.С. Археологические источники. Изд-е 2-е, доп. СПб., “Фарн”, 1995. 352 с.

Клейн Л.С. Принципы археологии. СПб., “Бульведер”, 2001. 152 с.

Клубков П.А. Городская топонимика и фольклор // Традиции в фольклоре и литературе. СПб., Изд-е Ин-та русской литературы (Пушкинского Дома) РАН, 2000. С. 56–84.

Ковалевская В.Б. Археологическая культура — практика, теория. компьютер. М., “Фонд археологии”, 1995. 193 с.

Козлов В.П. Тайны фальсификации. Анализ подделок исторических источников XVIII–XIX вв. “-е изд. М., “Аспект-Пресс”, 1996. 272 с.

Козюра І.В. Розвиток історичного краєзнавства на Потлтавщині в 20-е–3-е рр. XX ст. Автореф. дисс. ... канд. іст. н. Харків, 1998. 18 с.

Кондратьев И.И. Археологические исследования при решении градостроительных задач // Новгородские археологические чтения. Материалы научной конференции, посвященной 60-летию археологического изучения Новгорода и 90-летию со дня рождения основателя Новгородской экспедиции А.В. Арциховского. “Типография “Новгород”, Новгород, 1994. С. 213–216.

Коников Б.А. Археология в работах П.Н. Милюкова // Археология Сибири: историография и источники. Сб. научных трудов / Отв. ред. В.И. Матющенко. Омск, изд-во Омского гос. ун-та, 1998. С. 80–95.

Копосов Н.Е. Как думают историки. М., Новое литературное обозрение, 2001. 326 с.

Корзун В.П. К спору о провинциальной исторической науке // Российская провинция: реалии культурной жизни. Пенза, 1997. С. 67–78.

Корзун В.П. Современная наука Западной Сибири в лицах. Историки Омска. Омск, изд-во Омского гос. ун-та, 1999. 320 с.

Краеведение. Пособие для учителя / Под ред. А.В. Даринского. М., Просвещение, 1987. 158 с.

Краеведческие записки [Курского областного краеведческого музея]. Вып. 1–2 / Отв. ред. М.Г. Кузнецова. Курск, Курское книжное изд-во, 1959; 1963. 167, 179 с.

Краеведческие записки. Вып. 1. Сб. к 100-летию Орловского краеведческого музея. Орел, “Вешние воды”, 1995. 146 с.

Краеведческие чтения, посвященные 220-летию образования Тульской губернии. Сб тезисов докладов / Отв. ред. Ю.Г. Екимов. 131 с. Екимов. Тула, Гриф, 1997.

Краеведческий сборник (Материалы в помощь учителю истории) / Ред. С.В. Курдяев и др. Курск, Областное книгоиздательство, 1952. 131 с.

Крашенинников В.В. Жизнь российской провинции как предмет исторического исследования // Проблемы отечественной и всемирной истории. Сб. научных трудов / Отв. ред. С.Ф. Блуменау. Брянск, изд-во Брянского гос. пед. ун-та, 1998. С. 64–69.

Кроче Б. Теория и история историографии. М., “Языки русской культуры”, 1998. 192 с.

Криничная Н.А. Историко-этнографическая основа преданий о “зачарованных кладах” // Советская этнография. 1977. № 4.

Куза А.В. Древнерусские городища X–XIII вв. Свод археологических памятников. М., “Христианское изд-во”, 1996. 256 с.

Культура Курского края (лингво-этнографические очерки) / Сост. Е.А. Тинякова. Курск, изд-во Курского гос. пед. ун-та, 1995. 400 с.

Купчинский И.А. Курск и куряне. Из истории о Курске. М., 1906.

Курск. Документы. Воспоминания. Статьи / Сост. А.Ю. Друговская. Курск, изд-во Курского гос. мед. ун-та, 1997. 182 с.

Курск. Краеведческий словарь-справочник / Гл. ред. Ю.А. Бугров. Курск, “Юмекс”, 1997. 495 с.

Курск. Очерки истории города. Курск, Курское книжное изд-во, 1957. 251 с.; 2-е изд. Воронеж, Центрально-Черноземное книжное изд-во, 1975. 279 с.

Курская губерния. Итоги статистического исследования. Курск, Типография губкертского правления, 1887. VII, 243, 141 с.

Курская губернская выставка, посвященная 10-летию Октябрьской революции (Перечень материалов). Курск, Полиграфобъединение ГСНХ, 1927. 24 с.

Курская губернская ученая архивная комиссия и историко-археологический и кустарный музей // Обзор Курской губернии за 1911 г. Курск, 1911. С. 165–173.

Курская область. Библиографический указатель / Сост. Е.В. Сеницына и др. Курск, Курское книжное изд-во, 1959. 185 с.

Курский адрес-календарь 1910 г. Курск. 1910. 442 с.

Курский альманах. № 1(2). Курск, Областное книгоиздательство, 1951. 166 с.

Курский календарь. Справочная и адресная книга на 1912 г. Курск, 1912. 436 с.

Курский самоучка-астроном и метеоролог Федор Алексеевич Семенов / Под ред. П.Г. Попова. Курск, изд-е Курского губернского земства, 1911. 2, 35 с.

Курский край. Сб. по природе, истории, культуре и экономике Курской губ. Вып. 1–2 / Под ред. С.В. Иванова и др. Курск, Книгоиздательство Курск. Губ. РКП; “Советская деревня”, 1925–1926. 125 с.; 94 с.

Курский край в художественной и мемуарной литературе. Рекомендательный указатель. Сост. Е. Коган. Курск, “Курская правда”, 1962. 54 с.

Курский край: история и современность / Сост. Б.Н. Королев. Курск, изд-е Курского областного ин-та повышения квалификации работников образования, 1993. 256 с.; 2-е изд., пер. и доп. Курск, “Курск”, 1995. 281 с.

Курский областной краеведческий музей. Путеводитель. Отв. ред. Л.В. Струкова. Курск, 1973. 78 с.

Курский сб. Сост. Н.И. Златоверховников. Вып. 1. Курск. 1901; Вып. 2. Курск, изд-е ГСК, 1902. II, 197, 10 с.; Вып. 4. Курск. 1903; Вып. 5. Курск, изд-е ГСК, 1907. 119 с.; Вып. 7. Курск, изд-е ГСК, 1912. I, 125 с.

Куряне — выдающиеся деятели науки и техники. Курск, Курское книжное изд-во, 1950. 159 с.

Ларионов С.И. Описание Курского наместничества из древних и новых разных о нем известий, вкратце собранное ... того наместничества верхней расправы прокурором. М., 1786. 82 с.

Ласунский О.Г. Современная регионология и ее роль в корректировке исторических знаний // Из истории Воронежского края. Сб. статей. Вып. 9. Воронеж, Центр духовного возрождения Черноземья, 2001. С. 16–23.

Лебедев Г.С. История отечественной археологии. 1700–1917 гг. СПб., изд-во СПбГУ, 1992. 464 с.

Левченко В.В., Грива Т.А. Встреча с Курском. Путеводитель-справочник. Курск, типография “Курск”, 1993. 175 с.

Левин М.Г. А.П. Богданов и русская антропология (К 50-летию со дня смерти) // Советская этнография. 1946. № 1. С. 187–209.

Липецк: начало истории. Сб. статей / Отв. ред. Я.Е. Водарский. Липецк, изд-во “Голос”, 1996. 137 с.

Липкинг Ю.А. О чем рассказывают курганы. Воронеж, Центральное-Черноземное книжное изд-во, 1966. 82 с.

Л-н К. Усадьба А.А. Фета (Шеншина) в окрестностях Коренной пустыни (из впечатлений поездки) // Курские губернские ведомости. 1907. № 154. С. 3–4.

Лохин П.И. Развитие экономики и культуры Курска. Курск, изд-е Общества по распространению политических и научных знаний РСФСР, 1957. 48 с.

Летопись революционной борьбы в Курской губернии. Материалы Курского Истпарта. Курск, Книгоиздательское Товарищество при Курском губкоме РКП(б), 1923. 38 с.

Лунев Г.К., Просужих П.И. Происхождение и вред крестного хода в Курске. Курск, Курское книжное изд-во, 1959. 56 с.

Лунин Б.В. К истории изучения археологических памятников на Дону (Неопубликованные письма А.А. Спицына на имя Х.И. Попова) // Памятники древности на Дону. Материалы к описанию и изучению археологических памятников Подлесья–Приазовья. Ростов-на-Дону, Ростовское областное ведомственное изд-во, 1940. С. 45–48.

Магический кристалл. Магия глазами ученых и чародеев / Сост. и общ. ред. И.Т. Касавин. М., “Республика”, 1994. 527 с.

Мазин К.А. Проекты архивной реформы в России конца XIX – начала XX вв. Автореф. дисс. ... канд ист. н. М., 1987. 26 с.

Макаров Н.А. Магические обряды при сокрытии клада на Руси // Советская археология. 1981. № 4.

Максименков Л.В. Сумбур вместо музыки. Сталинская культурная революция 1936–1938 гг. М., “Юридическая книга”, 1997. 320 с.

Максимов С.В. Куль хлеба. Нечитая, неведомая и крестная сила. Смоленск, “Русич”, 1995. 672 с.

Марков Е.Л. Клады старой Северщины // Памятная книжка Воронежской губернии на 1902 г. Воронеж, 1902.

Матвиевский П.Е. Бунтари Глушковской мануфактуры. Курск, “Курская правда”, 1949. 65 с.

Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья. Сб. научных трудов. Вып. 1 / Отв. ред. Р.В. Терпиловский. Курск, Курское отделение Всероссийского фонда культуры, 1990. 206 с.

Материалы международной научно-практической конференции “Юг России в прошлом и настоящем: история, экономика, культура” / Гл. ред. В.А. Шаповалов. Белгород, изд-во Белгородского госун-та, 1998. 301 с.

Материалы по этнографии Курской губернии / Сост. В.И. Резанов. Курск. 1902. 123 с.

Материалы свода памятников истории и культуры РСФСР. Курская область. М., изд-е НИИ культуры министерства культуры РСФСР, 1979 (Труды НИИ культуры. Вып. 89). 100 с.

Матюшин Г.Н. Историческое краеведение. Учеб. пос. М., “Просвещение”, 1987. 207 с.

Матющенко В.И. История археологических исследований Сибири (до конца 1930-х гг.). Омск, изд-во Омского гос. ун-та, 1992. 138 с.

Матющенко В.И. Сибирская археология в 1940-е–1950-е гг. Омск, изд-во Омского гос. ун-та, 1994. 101 с.

Матющенко В.И. Микрорайоны в археологии // Россия и Во-сток: археология и этническая история. Материалы IV Международной научной конференции “Россия и Восток: проблемы взаимодействия”. Омск, изд-во Омского гос. ун-та, 1997. С. 127–131.

Мацулевич Л.А. Погребение варварского князя в Восточной Европе. Новые находки в верховья реки Суджи. М.–Л., ОГИЗ, 1934 (Известия ГАИМК. Вып. 112). 132, X с.

Машкин А.С. Быт крестьян (Курской губернии Обоянского уезда) // Этнографический сборник [ИРГО]. Вып. 5. СПб., 1862. С. 34–57.

Мезенцева Г.Г. Дослідники археології України. Енциклопедичний словарь-довідник. Чернігів, Сіверянська думка, 1997. 205 с.

Методология региональных исторических исследований. Материалы международного семинара ... / Сост. А.В. Кобак и др. СПб., “Нотабене”, 2000. 140 с.

Мизгер А. Конспект растений дикоарстущих и разводимых в Курской губернии. Курск. типография Губернского правления, 1869. 111 с.

Мильков В.В. Осмысление истории в Древней Руси. М., Изд-е Ин-та философии РАН, 1997. 197 с.

Миронов В.Г. Научные связи Саратовской ученой архивной комиссии периода ее становления // Краеведческие чтения. Доклады и сообщения IV–VI чтений. Саратов, изд-во Саратовского ун-та, 1994. С. 29–30.

Михальченко С.И. Киевская школа в российской историографии (В.Б. Антонович, М.В. Довнар-Запольский и их ученики). М., “Прометей” – Брянск, изд-во Брянского гос. пед. ун-та, 1997. 238 с.

Москвитин В. Курск в прошлом и настоящем. Курск, Курское книжное изд-во, 1939. 53 с.

Муравьев В.Б. Дорогами российских провинций. Путешествия М.-С. Палласа. М., “Мысль”, 1977. 94 с.

Мыльников А.С. Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. Этногенетические легенды, догадки, протогипотезы XVI – начала XVIII вв. СПб., “Петербургское востоковедение”, 1996. 320 с.

Народная проза / Сост. С.Н. Азбелев. М., “Русская книга”, 1992 (Библиотека русского фольклора. Т. 12). 608 с.

На фронте исторической науки. В Совнарком Союзу ССР и ЦК ВКП(Б) // В помощь учителю. Методический сб. для школ Курской области. Вып. 4. Под ред. С.И. Завыленкова. Курск, изд-во “Курская правда”, 1936. С. 3–13.

Низовский А.Ю. Зачарованные клады России. М., “Наука/Интерпериодика”, 2001. 304 с.

Николаенко А.Г. Древности земли Оскольской (Список и карта археологических памятников Лесостепного Приосколья). Волоновка, Волоконовская районная типография, 1990. 26 с.

Николаенко А.Г. Северо-Западная Хазария или Донская Русь? (Древности Приоскольской лесостепи в заметках краеведа). Волоконовка, Волоконовская районная типография, 1991. 126 с.

Николаенко А.Г. Древности КМА (разыскания краеведа). Волоконовка, Волоконовская районная типография, 1997. 20 с.

Новичкова Т.А. Миф и эпос. СПб., “Наука”, 2001. 248 с.

Новомбергский Н.Я. Клады и кладоискательство в Московской Руси XVII столетия // ЖМНП. Ч. LXVII. 1917. № 2. С. 157–203.

Обзор Курской губернии за 1898 г. Курск, Губернская типография, 1899. 88, XIII с.

Обзор Курской губернии за 1900 г. Курск, 1901. 59, X с.

Обзор Курской губернии за 1911 г. Курск, 1912. VIII, 173, XCIX с.

Общественная жизнь в Центральной России в XVI – начале XX вв. Сб. научных трудов / Отв. ред. М.Д. Карпачев. Воронеж, изд-во Воронежского гос. ун-та, 1995. 216 с.

Оглоблин Н.Н. Сыскные дела о кладах в XVII в. Киев, 1893.

Озеров Ю.В. Курское купечество в середине XIX в. Курск, “Маэстро-Принт”, 2001. 80 с.

Описание Путивльской Молченской Рождество-Богородицкой общежительной Софроньевой пустыни, составленное при настоятеле оной пустыни архимандрите Макарии. СПб., 1846. 78 с.

Основания регионалистики. Формирование и эволюция истори-ко-культурных зон / Под ред. А.С. Герда, Г.С. Лебедева. СПб., изд-во СПбГУ, 1999. 392 с.

Отзыв Оренбургской Ученой архивной комиссии о книге проф. Д.Я. Самоквасова “Архивное дело в России. Оренбург, изд-е Оренбургской Ученой архивной комиссии, 1902. 24 с.

Отзыв Рязанской Ученой архивной комиссии о книге проф. Д.Я. Самоквасова “Архивное дело в России”. Рязань, изд-е Рязанской Ученой архивной комиссии, 1903. I, 54 с.

Отечественная культура и историческая наука XVIII–XX вв. Сб. статей. Брянск, изд-во Брянского гос. пед. ун-та, 1996. 195 с.

Отечество. Краеведческий альманах. Вып. 1. М., Профиздат, 1990. 224 с.; Вып. 2., 1991. 200 с.; Вып. 3. М., 1991. 211 с.; Вып. 5. М., 1994. 274 с.; Вып. 7. М., “Подмосковье”, 316 с.

Отчет Императорского Российского исторического музея имени императора Александра III в Москве за 1912 г. М., Синодальная типография, 1913. 59 с.

Охрана и исследование памятников археологии Полтавщины. II областной научно-практический семинар / Отв. ред. П.К. Бондаревский. Полтава, 1989. 131 с.

Очерки истории отечественной археологии. Вып. 3 / Сост. А.А. Формозов. М., “Наука”, 2002. 196 с.

Паллас П.С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным местностям Русского государства в 1793–1794 гг. М., “Наука”, 1999. 327 с. (Научное наследство. Т. 27).

Памятная книжка Курской губернии на 1860 г. Курск, изд-е ГСК, 1860. V, 363 с.

Памятная книжка Курской губернии на 1892 г. / Сост. Т.И. Вержбицкий. Курск, изд-е ГСУ, 1892. 37, 88, 226, 16, VI с.

Памятная книжка Курской губернии на 1892 г. Курск. изд-е ГСК, 1893. 36, 18, 40, 82, 127 с.

Памятная книжка Курской губернии на 1894 г. Сост. Т.И. Вержбицкий. Курск, 1894. VI, 264 197 с.

Памятники истории и культуры. Списки памятников истории и культуры Курской области, находящихся на государственной охране. Курск, 1981. 92 с.

Панченко А.А. Исследования в области народного православия. Деревенские святыни Северо-Запада России. СПб., “Алетейя”, 1998. 329 с.

Персональная история. Исповедь судьбы / Сост. Д. Володи-хин. М., “Анвик К”, 2001. 304 с.

Питання археології Сумщини. Матеріали науково-практичної конференції “Проблеми вивчення і охорони пам’яток археології Сумщини”/ Ред. О.В. Сухобоков и др. Суми, изд-е Сумского краєзначного музею, 1990. 115 с.

Плаксин И.М. Торговля Курской губернии во второй половине XIX в. Автореф. дисс. ... канд. ист. н. Курск, 1997. 22 с.

Погожев А.В. Двадцатилетие естественнонаучных съездов в России. 1861–1886 гг. Исторический обзор деятельности съездов естествоиспытателей и врачей в России и Западной Европе. М., 1887. II, VIII, 394 с.

Подпратов В.Н. Курская губерния. Популярный географический очерк. Изд. 2-е, пер. Курск, Типография коллектива печатников при КБТ, 1926. 22 с.

Полухин К. Объединение лекторов села Жерновец. Курск, Курское книжное изд-во, 1955. 28 с.

Постановления партии и правительства о школе. Сб. постановлений ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР и РСФСР за 1931–1919 гг. / Сост. Н.И. Болдырев. М., Гос. учебно-пед. изд-во Нарокомпроса РСФСР, 1939. 104 с.

Преображенский А. Дмитриевский уезд в историко-археологическом отношении // Известия Курского губернского об-ва краеведения. 1928. № 2 (8). С. 11–17.

Преображенский П. Путивльский Молчеснский, Печерский монастырь (Курской губернии). М., Типография И. Ефимова, 1884. 35 с.

Про А. Двенадцать уроков по истории. М., изд-во РГГУ, 2000. 336 с.

Проторчина В.М. Заселение стапной окраины Московского государства в конце XVI в. – первой половине XVII в. Автореферат дисс. ... канд. ист. н. Л., 1848. 12 с.

Проблемы истории науки и культуры России. Сб. научных трудов / Под ред. В.П. Корзун, В.Г. Рыженко. Омск, изд-во Омского гос. ун-та, 1993. 187 с.

Проблемы истории Центрального Черноземья. Сб. статей памяти проф. В.П. Загоровского (1925–1994) / Отв. ред. А.Н. Акиншин. Воронеж, Центр духовного возрождения Черноземного края, 2000. 244 с.

Просецкий В. Рыльск (Из истории города). Курск, Курско книжное изд-во, 1957. 92 с.

Протоколы общих собраний Императорского Русского Археологического общества за 1899–1908 гг. Пг., 1915. V, 411 с.

Прошлое Куракой области. Сб. / Сост. Г. Денисенко и др. Курск, Облиздат, 1940. 158 с.

Пряхин А.Д. История советской археологии (1917– середина 30-х гг.). Воронеж, изд-во Воронежского ун-та, 1986. 286 с.

Пряхин А.Д. Археология... Наследие. Воронеж, Центрально-Черноземное книжное изд-во, 1988. 183 с.

Пряхин А.Д. Изучение историко-культурного наследия Черноземного центра России. Воронеж, изд-е Общественно-политического и культурного центра обкома КПСС, 1991. 11 с.

Пряхин А.Д. Археология и археологическое наследие. Воронеж, “Квадрат”, 1995. 208 с.

Пряхин А.Д. Археологи уходящего века. Воронеж, изд-во Воронежского гос. ун-та, 1999. 168 с.

Пряхин А.Д., Беседин В.И., Разуваев Ю.д., Цыбин М.В. Вантит. Изучение микрорегиона памятников у северной окраины г. Воронежа. Вып. 1–2. Воронеж, 1997. 43 с.; 44 с.

Пузикова А.И. Памятники скифского времени бассейна р. Тускарь (Посеймье). М., 1997. 126 с.

Путеводитель по отделу истории дореволюционного прошлого Курского края (с древнейших времен до свержения самодержавия в 1917 г.) / Сост. В.И. Самсонов. Курск, Курское книжное изд-во, 1961. 77 с.

Путилов Б.Н. Фольклор и народная культура. СПб., “Наука”, 1994. 238 с.

Путилов Б.Н. Экскурсы в теорию и историю славянского фольклора. СПб., “Петербургское востоковедение”, 1999. 288 с.

Пушкарев С.Г. Воспоминания историка. 1905–1945. М., “По-сев”, 1999. 113 с.

Раздорский А.И. Торговля Курска в XVII в. (По данным таможенных книг 1619–1677/78 гг.). Автореф. дисс. ... канд. ист. н. СПб., 1999. 27 с.

Раздорский А.И. Торговля Курска в XVII веке (По материалам таможенных и оброчных книг города). СПб., “Дмитрий Буланин”, 2001. 762 с.

Региональная история в российской и зарубежной историографии / Отв. ред. А.А. Севастьянова. Рязань, изд-во Рязанского гос. пед. ун-та, 1999. 231 с.

Реликвии в искусстве и культуре восточнохристианского мира. Тезисы докладов и материалов международного симпозиума / Ред-сост. А.М. Лидов. М., “Радуница, 2000. 179 с.

Рикер П. История и истина. СПб., “Алетейа”, 2002. 400 с.

Родной край / Под ред. Ф.С. Максименко, П.К. Староверова. Курск, “Курская правда”, 1946. 128 с.

Рождественский Т.С. Предания о кладах // Труды Воронежской ГУАК. Вып. 1. Воронеж, 1902.

Романовский М.И. Народные легенды о курганах // Воронежские губернские ведомости. 1866. № 18, 19.

Российская провинция: история и современность [Библиографический указатель. В 3-х ч.] / Сост. И.Л. Беленький [Ч. 2–3] // Россия и современный мир. 1994. № 3. С. 207–214; 1995. № 1. С. 203–211.

Рудаков В.Е. Археология и история в трудах губернских ученых архивных комиссий // Исторический вестник. 1901. № 12. С. 1095–1116.

Руднева А.В. Народные песни Курской области. М., “Советский композитор”, 1957. 127 с.

Русское Географическое общество: 150 лет / Сост. Н.Т. Агафонов и др. М., изд-е РГО, 1995. 352 с.

Русская провинция. Записки краеведов [Вып. 1–2] / Сост. Р.В. Андреева. Воронеж, Центрально-Черноземное книжное изд-во, 1992. 286; 456 с.

Русская провинция: миф — текст — реальность. М.–СПб., Изд-е Ин-та русской литературы (Пушкинского дома), 2000. 256 с.

Рыков П.С. Юго-восточные границы радимичей (раскопки курганного могильника близ с. Гочева, Обоянского у., Курской губ.) // Ученые записки государственного Саратовского университета им. Н.Г. Чернышевского. Т. I. Вып. 3. Саратов, 1923. С. 39–53.

Рюмина Т.Д. Историческое краеведение в Москве в 1920-х–1930- гг. Автореф. дисс. ... канд. ист. н. М., 1995. 16 с.

Савельева И.М., Полетаев А.В. История и время. В поисках утраченного. М., “Языки русской культуры”, 1997. 800 с.

Самоквасов Д. Я. Централизация государственных архивов Западной Европы в связи с архивной реформой в России. М., Типо-литография Г.И. Простакова, 1899. II, 93 с.

Самоквасов Д.Я. Централизация государственных архивов. Архивное дело на Западе. М., 1900.

Самоквасов Д.Я. Архивное дело в России. Кн. 1. Современное русское архивное нестроение. М., Товарищество типографии А.И. Мамонтова, 1902. 131, 37 с.

Кн. 2. Прошедшая, настоящая и будущая постановка архивного дела в России. М., 1902.

Самоквасов Д.Я. Могилы русской земли. М., 1908.

Самоквасов Д.Я. Северянская земля и северяне по городищам и могилам. М., 1908.

Самоквасов Д.Я. Лекция 23 ноября 1908 г. в Политехническом музее в пользу фонда Орловской ученой архивной комиссии, предназначенного

для местных археологических раскопок. М., Синодальная типография, 1908. 3 с.

Самоквасов Д.Я. Речь 5 августа 1908 г. в торжественном юбилейном заседании XIV Археологического съезда. Чернигов, тип. губернского земства, 1908. 5 с.

Самоквасов Д.Я. Лекция 23 ноября 1908 г. в Политехническом музее в пользу фонда Орловской ученой архивной комиссии, предназначено для местных археологических раскопок. М., Синодальная типография, 1908. 3 с.

Самоквасов Д.Я. Дневник раскопок в окрестностях с. Гочева, Обянского уезда, Курской губернии, произведенных ... в августе 1909 г. М., Синодальная типография, 1915. 40 с.

Самошенко В.Н. История архивного дела в дореволюционной России. М., "Высшая школа", 1989. 215 с.

Самошенко В.Н. Исторические архивы Москвы и Петербурга (XVIII – начало XX вв.). М., изд-во Всесоюзного заочного политехнического института, 1990. 214 с.

Самсонов В.И. Старый Курск (Очерки истории города до середины XIX в.) // Литературный альманах. Кн. 1. Курск, Курское областное изд-во, 1939. С. 156–182.

Самсонов В.И. Раскопки на Гочевском городище // Литературный альманах. Кн. 2. Курск, Курское областное изд-во, 1940. С. 277–285.

Самсонов В.И., Яжгур М.И. Курск. Путеводитель по историческим и памятным местам. Курск, Курское книжное изд-во, 1962. 162 с.; 2-е, доп. изд. Воронеж, Центрально-Черноземное книжное изд-во, 1965. 128 с., илл.

Санкт-Петербург и отечественная археология. Историографические очерки / Отв. ред. И.Л. Тихонова. Санкт-Петербург, изд-во СПбГУ, 1995. 187 с.

Сборник статистических сведений по Курской губернии. Отдел хозяйственной статистики. Вып. 1. Курский уезд. М., издание Курского губернского земства, 1883. 9, 75, 22, 31, 125, 171, 23 с.; Вып. 6. Рыльский уезд. Курск, Типография Курского губернского земства, 1884. XXVI, 476, III; Вып. 7. Путивльский уезд. Курск, Типография Курского губернского земства, 1884. XXVIII, 487 с.

Сборник топографических сведений о курганах и городищах в России. Волынская губерния. СПб., литография К. де Кстелли, 1888. 99 с.

Сб. статей в честь графини Прасковьи Сергеевны Уваровой. 1885–1915. М., 1916. С. VIII, 276.

Севастьянова А.А. Русская провинциальная историография XVIII в. М., 1998. 240 с.

Сеймские берега. Вестник Курского областного краеведческого общества / Гл. ред. Ю.А. Бугров. Курск, 1995. № 1. 16 с.

Сенаторский Н.П. Исторический очерк города Рыльска в политическом и церковно-административном отношении. Курск, 1907. 125 с.

Сенаторский Н.П. Историко-этнографический очерк Курского края // Вестник Курского губисполкома. 1923. № 16–17. С. 43–55; 18–19. С. 36–42.

Середа В.Н. У истоков тверского краеведения. Историко-краеведческая деятельность в Твери в 70-е гг. XVIII в. Автореф. дисс. ... канд. ист. н. М., 1995. 19 с.

Синюк А.Т. А.Н. Москаленко и археологическое изучение лесостепного Подонья // Археологические памятники лесостепного Подонья и Поднепровья I тыс. н. э. Межвузовский сб. научных трудов / Отв. ред. А.Д. Пряхин. Воронеж, изд-во Воронежского гос. ун-та, 1983. С. 3–8.

Соболев В.С. Детельность Российской Академии наук по сохранению национального культурного и научного наследия в переломную эпоху развития России (1890–1930). Автореф. дисс. ... докт. ист. н. СПб., 1995. 52 с.

Соболева Е.В. Организация науки в пореформенной России. Л., “Наука”, 1989. 252 с.

Советская историография / Под ред. Ю.Н. Афанасьева. М., изд-во РГГУ, 1996. 592 с.

Соловьев Л.Н. Стоянки и городища окрестностей Курска // Известия Курского губернского общества краеведения. 1929. № 4. С. 12–33.

Сперанский М.Н. Духовные стихи из Курской губернии // Этнографическое обозрение. 1901. № 3.

Списки памятников культуры Курской области (архитектурных, искусства, исторических, археологических, гражданской и Великой Отечественной войн). Курск, 1961. 354 с.

Спицын А.А. Обзорение Курской губернии в археологическом отношении // Записки ИРАО. Т. XI. Вып. 1–2. СПб., 1899.

Страницы истории города Курска. Важнейшие события и даты с древнейших времен до наших дней / Сост. П.В. Иванов и др. Воронеж, Центрально-Черноземное книжное изд-во, 1981. 190 с.

Супруненко О.Б. Археологічні дослідження та зібрання Лубенського музею К.М. Скаржинської. Автореф. дисс. ... канд. ист. н. Київ, 1997. 24 с.

Танков А.А. Указатель важнейших статей, помещенных в “Курский губернских ведомостях” с 1839 по 1900 гг. // Курский сб. Вып. 1. Курск. 1901. С. 145–176.

Танков А.А. Курский историко-археологический и кустарный музей // Исторический вестник. Т. СХХ. 1910. № 4. С. 285–300.

Тихонов И.Л. Развитие археологии в Санкт-Петербургском – Ленинградском университете (1724–1936 гг.). Автореф. дисс. ... канд. ист. н. СПб., 1993. 18 с.

Тихомиров Н.А. Курский музей археологии // Археологический бюллетень. М., изд-е Ин-та археологии РАН. 1991. № 4. С. 8–10.

Токмаков И. Историко-статистический и археологический очерк города Старого Оскола с уездом (Курской губернии). К предстоящему в 1894 г. 11 мая 300-летнему юбилею города. М., 1894. 148 с.

Тош Д. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка. М., “Весь мир”, 2000. 296 с.

Трагические судьбы: судьбы репрессированных ученых Академии наук СССР. М., “Наука”, 1995. 253 с.

Традиции российской археологии. Материалы методологического семинара ИИМК РАН / Отв. ред. В.М. Массон. СПб., изд-е ИИМК РАН, 1998. 91 с.

Традиции русской исторической мысли. Историософия [Вып. 1] / Отв. ред. А.Е. Шикло. М., изд-во МГУ, 1997. 139 с.; [Вып. 2] / Отв. ред. Г.Р. Наумова. М., Изд-во МГУ, 1999. 124 с.

Традиции отечественной палеоэтнологии. Тезисы докладов Международной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения Ф.К. Волкова (Вовка) / Отв. ред. Д.Г. Савинов. СПб., изд-во СПбГУ, 1997. 102 с.

Троицкий Н. Памятники Знаменского монастыря в Курске. Курск. 1884. 32 с.

Труды Курского губернского статистического комитета. Вып. 1. Курск, типография губернского правления, 1863. II, 584 с.; Вып. 3. Курск, типография губернского правления, 1869. I, 405 с.; Вып. 4. Курск, Типография губернского правления, 1874. 273 с.

Труды Курской губернской ученой архивной комиссии. Вып. 1. Курск, типография Курского губернского земства, 1911. III, 320, 150; Вып. II. Курск. 1915. II, 231, 94 с.

Труды Черниговского Предварительного комитета по устройству XIV Археологического съезда в г. Чернигове. Чернигов, Типография губернского правления, 1908. 412 с.

Уваров А.С. Археология России. Каменный период. Т. I. М., 1881. X, 439, XIV с.

Уваровские чтения. Тезисы докладов. Вып. 1–3 / Отв. ред. Т.В. Купряшина, Муром, изд-е Муромского историко-художественного и мемориального музея, 1990; С. 35;

Указатель выставки при III Археологическом съезде в киеве. Киев, типография Е.Я. Федорова, 1874. 37, 91, 24 с.

Уникальные территории в культурном и природном наследии регионов. Сб. научных трудов / Отв. ред. Ю.Л. Мазуров. М., изд-е Российского НИИ культурного и природного наследия РАН, 1994. 216 с.

Уроки по истории Курского края в школе. Учебно-метод. пос / Отв. ред. Г.М. Богдановым. Курск, изд-е Курского института усовершенствования учителей, 1972. 174 с.

Ученые записки Курского государственного педагогического института. Т. 47. Вопросы истории и краеведения. Ч. 2. Курск, 1968.

Федоров С.И. Центры городов Орла, Курска и Белгорода — комплексные памятники истории и культуры. Л., 1975. 89 с.

Филимонов А.В. Псковское археологическое общество в последние годы существования (1918–1923) // Археология и история пскова и Псковской земли. Материалы научного семинара 1996–1999 гг. Псков, изд-е Псковского гос. историко-архитектурного и художе-ственного музея-заповедника, 2000. С. 71–82.

Флейман Е. Краеведение в Поволжье. Кострома, изд-во Костромского технологического ин-та, 1995. 214 с.

Фольклор. Частушки, песни и сказки, записанные в Курской области. Курск, Курское областное изд-во, 1939. 90 с.

Формозов А.А. Очерки по истории русской археологии. М., изд-во АН СССР, 1961. 128 с.

Формозов А.А. Начало изучения каменного века в России. Первые книги. М., “Наука”, 1983. 127 с.

Формозов А.А. Историк Москвы И.Е. Забелин. М., “Москов-ский рабочий”, 1984. 239 с.

Формозов А.А. Страницы истории русской археологии. М., “Наука”, 1988. 240 с.

Формозов А.А. Следопыты земли московской. М., “Москов-ский рабочий”, 1988. 142 с.

Формозов А.А. Русское общество и охрана памятников культу-ры. Изд. 2-е, доп. М., “Советская Россия”, 1990. 112 с.

Формозов А.А. Библиография. К 50-летию научной деятельно-сти. Киров, 1994. 29 с.

Формозов А.А. Классики русской литературы и историческая наука. М., “Радикс”, 1995. 160 с.

Формозов А.А. Русские археологи до и после революции. М., изд-е Ин-та археологии РАН, 1995. 144 с.

Формозов А.А. Пушкин и древности. Наблюдения археолога. М., “Языки русской культуры”, 2000. 144 с.

Фроянов И.Я., Юдин Ю.И. Былинная истори (Работы разных лет). СПб., изд-во СПбГУ, 592 с.

Хан Н.А. Становление и развитие археологической науки, государственной системы охраны памятников в Туркменистане. Автореф. дисс. ... канд. ист. н. Л., 1991. 23 с.

Халанский М.Г. Народные говоры Курской губернии. Заметки и материалы по диалектологии и народной поэзии Курской губернии. СПб., типография Императорской Академии наук, 1904. 382 с.

Холодова Е. Усадьбы Курской губернии. Историко-архитектурные очерки. Курск, “Крона”, 1997. 97 с.

Хроленко А.Т. “Калиновый мост” // Фольклорная лексико-графия. Сб. научных трудов. Вып. 6. Курск, изд-во Курского гос. пед. ун-та, 1996. С. 43–48.

Худяков М.Г. Дореволюционная русская археология на службе эксплуататорских классов. Л., Гос. Академия истории материальной культуры, 1933. 162 с.

Цамутали А.Н. Борьба направлений в русской историографии в период империализма. Историографические очерки. Л., “Наука”, 1986. 331 с.

Цапенко М.П. По зарадным землям курским и белгородским. М., “Искусство”, 1976. 143 с.

Цыбин М.В. У истоков историко-археологического изучения юго-востока Древней Руси: В.В. Пассек // Вопросы истории славян. Археология, Этнография. Сб. научных трудов. Вып. 12. Воронеж, изд-во Воронежского гос. ун-та, 1998. С. 98–105.

Чепелева И.Д. Участие научно-краеведческих обществ в общественно-политической жизни России в конце XIX – начале XX вв (На материалах Воронежской, Курской и Тамбовской губерний). Автореф. дисс. ... канд. ист. н. М., 1993. 17 с.

Чернышов А.Г. Столичный центр, регион, провинция // Свободная мысль. 1999. № 7. С. 113–116.

Чернышов А.Г. Центр — провинция в региональном самосознании // Полис. 1999. № 3. С. 100–104.

Чижикова Л.Н. Русско-украинское пограничье: история и судьбы традиционно-бытовой культуры. М., “Наука”, 1988. 256 с.

Чирков С.В. Центр и провинция: собрание и изучение документальных памятников местной истории в дореволюционной России // Российская провинция XVIII–XX вв.: реалии культурной жизни. III Всероссийская научная конференция. Пенза, изд-е Археологической комиссии РАН, 1995. С. 180–182.

Чубур А.А. Быки. Новый палеолитический микрорегион и его место в верхнем палеолите Русской равнины. Брянск, “Брянск сегодня”, 2001. 132 с.

Шалыгина В. Прошлое и настоящее села Тимоново. Курск, изд-во “Курская правда”, 1947. 21 с.

Шамба Г.Т. Охрана памятников истории и культуры в Абхазской АССР. 1921–1941 гг. Автореф. дисс. ... канд. ист. н. М., 1990. 21 с.

Шапиро А.Л. Русская историография с древнейших времен до 1917 г. М., “Культура”, 1993. 761 с.

Шинаков Е.А. От пращи до скрамасакса: а пути к державе Рюриковичей. Брянск, изд-во Брянского гос. пед. ун-та, 1995. 274 с.

Шмидт С.О. Изучение культуры российской провинции (XVIII – начало XX вв.) и задачи краеведения // Русская провинция. Культура XVIII–XX вв. Сб. статей. М., изд-е Российского ин-та культурологии, 1993. С. 7–14.

Шмидт С.О. Путь историка. Избр. тр. по источниковедению и историографии. М., изд-во РГГУ, 1997. 612 с.

Шувалов П.В. Монеты между археологией и нумизматикой // Археологические вести. № 6. СПб., “Дмитрий Буланин”, 1999. С. 374–403.

Щавелёв С.П. И.Е. Забелин и Д.Я. Самоквасов: моменты сотрудничества // Научные чтения к 170-летию И.Е. Забелина [в Государственном историческом музее]. М., 1990. С. 3–5. 52.

Чувствовать себя первооткрывателем: история отчего края // Политический диалог. Курск, 1990. № 17 (1071). С. 13–18 (В соавторстве с В.Ф. Бахмутом).

Профессионал и любитель как субъекты практики // Идеология и перестройка (Республиканская научно-практическая конференция. Тезисы докладов). Витебск, 1990. С. 131–132.

Практическое знание // Социальная сила знания. Минск, изд-во “Университетское”, 1991. С. 24–35.

Д.Я. Самоквасов: заповіт археолога // Археологія. 1991. № 1. С. 98–108.

Вклад Д.Я. Самоквасова в изучение и охрану древностей Полтавской губернии // 100-річчя Полтавського краєзнавчого музею. Матеріали ювілейної наукової конференції. Ч. II. Археологія Полтавщини. Полтава, 1991. С. 12–17.

Искатели кладов // Летопись. Вып. 4. Курск, 1991. С. 4–5.

Перечень археологических исследований Д.Я. Самоквасова, составленный им самим в 1910 – 1911 гг. [Публикация, комментарий]//Археологія и история юго-востока Руси. Тезисы конференции. Курск, 1991. С. 4–8.

Первые страницы истории курской археологии (А.И. Дмитриков и Д.Я. Самоквасов) // Там же. С. 95–97.

Практическое значение гуманитарного знания // Гумани-

тарное знание: сущность и функции. Межвузовский сборник. СПб., изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1991. С. 56–69.

Личностное познание как феномен практики // Мышление и субъективный мир. Сборник научных трудов. Ярославль, изд-во Ярославского ун-та, 1991. С. 90–93.

Вопросы теории и методики в археологических трудах Д.Я. Самоквасова // Очерки истории русской и советской археологии. М., Ин-т археологии РАН, 1991. С. 25–50.

Микола Макаренко та Дмитро Самоквасов: зустріч на терені вивчення старожитностей України // Червоний промінь. Суми. 1992. № 5. С. 6–7 (В соавторстве с В.Б. Звагельским).

Первый опыт массового учета археологических памятников в России (анкета Д.Я. Самоквасова 1872–1873 гг. и ее результаты) // Российская археология. 1992. № 1. С. 255–264.

“Москва. Девичье поле. Архив. Профессору Д.Я. Самоквасову...” // Московский журнал. 1992. № 7. С. 52–58.

Становление археологической методологии и методики в России (Вклад А.С. Уварова и Д.Я. Самоквасова) // Теория и методика исследования археологических памятников лесостепной зоны. Тезисы докладов научной конференции. Липецк, 1992. С. 9–12.

А.И. Дмитриуков — первый курский археолог и этнограф // Архивная находка. Тезисы выступлений на научно-практических чтениях. Вып. 1. Курск, 1992. С. 25–29.

Эпизоды истории русской археологии (К 150-летию со дня рождения Д.Я. Самоквасова) // Российская археология. М., 1993. № 1. С. 221–235.

Д.Я. Самоквасов — историк русского государства и права (К 150-летию со дня рождения) // Государство и право. 1993. № 2. С. 114–120.

Д.Я. Самоквасов — историк, археолог, архивист // Вопросы истории. 1993. № 3. С. 177–183.

Д.Я. Самоквасов: эскиз археологического наследия // Проблемы истории отечественной археологии. Тезисы докладов конференции. СПб., 1993. С. 21–23.

Д.Я. Самоквасов: эскиз творческого наследия // Слов'яни і Русь у науковій спадщині Д.Я. Самоквасова. Матеріали історико-археологічного семінару, присвяченого 150-річчю від дня народження Д.Я. Самоквасова (Новгород-Сіверський). Чернігів, “Сіверянська думка”, 1993. С. 7–9.

Не менее Шлимана славен... Профессор Д.Я. Самоквасов и Курский край // Городские известия. 1993. 21 августа. № 120–121. С. 4.

Историография провинциальных древностей (эскиз периодизации применительно к юго-востоку России) // Археология и история юго-востока Древней Руси (Материалы научной конферен-

ции). Воронеж, изд-во Воронежского ун-та, 1993. С. 91–93.

С.А. Федоров (1860–1934) — выдающийся ученый и инженер, организатор текстильной промышленности России — липецкий уроженец // История — философия — культура. Первые историко-философские чтения, посвященные 40-летию Липецкой области. Тезисы докладов и сообщений. Липецк, 1994. С. 42–43.

Практическое познание. Философско-методологические очерки. Воронеж, изд-во Воронежского ун-та, 1994. 232 с.

150-летие со рождения Д.Я. Самоквасова. Юбилейные мероприятия // Российская археология. 1994. № 4. С. 244–246.

Научные конференции, посвященные Д.Я. Самоквасову // Архив русской истории. Вып. 4. М., “Археографический центр”, 1994. С. 234–237.

Клио в объятиях краеведов (Начало Курска: мифы, факты, гипотезы) // Городские известия. 1994. 17 мая. № 53. С. 3.

Историческое “уравнение с двумя неизвестными”: когда родился Феодосий Печерский и сколько лет он прожил на Курской земле? // Городские известия. 1994. 2 августа. № 83. С. 3, 6.

К.П. Сосновский и его археологические работы в Посеймье // Проблеми ранньослов'янської і давньоруської археології Посейм'я. Матеріали наукової конференції, присвяченої 900-річчю Вира-Білопілля. Білопілля, 1994. С. 56–57.

Возраст личности и история общества: новое прочтение курской биографии Феодосия Печерского // Проблемы исторической демографии и исторической географии Центрального Черноземья. Сборник научных докладов IV межвузовской конференции. М.–Курск, 1994. С. 21–29.

Д.Я. Самоквасов как друг и сотрудник археологов Уваровых // Уваровские чтения-II. (Муром, 1993). М., 1994. С. 52–57.
Последний романтик краеведческой археологии (К 90-летию со дня рождения Ю.А. Липкинга) // Российская археология. 1995. № 3. С. 213–219.

Курский дебют П.С. Рыкова как археолога-полевика // Сеймские берега. Курск, 1995. № 3–4. С. 17–18.

Деснинская экспедиция М.В. Воеводского и ее вклад в археологическое изучение Курского края // Деснинские древности. Сборник материалов межгосударственной научной конференции, посвященной памяти Ф.М. Заверняева. Брянск, 1995. С. 12–15.

Редакция и предисловие; раздел: “Охрана и использование культурного наследия. Культура российской провинции. Курск и его округа в прошлом и настоящем” // Зыкина Е.Б. Культурология. Учебный курс для студентов медицинского университета. Курск, 1996. С. 3–4; 132–133.

Этноним “северяне” и его историко-географические особенности в Курском Посеймье // Проблемы исторической демографии и исторической географии Центрального Черноземья и Запада России. Сборник тезисов V международной конференции. М.–Брянск, изд-во Брянского педагогического ун-та, 1996. С. 26–29.

Обреченный арьергард: курские краеведы 1920–30-х годов и разгром провинциальной археологии в Советской России // Юг России в прошлом и настоящем: история, экономика, культура. Материалы региональной научно-практической конференции. Белгород, изд-во Белгородского педагогического ун-та, 1996. С. 4–6.

Феномен кладоискательства на юге России в предыстории славянской археологии // Славяне и их соседи. Тезисы XV конференции. Миф и история. Происхождение и ранняя история славян в общественном сознании позднего средневековья и раннего Нового времени. М., Ин-т славяноведения и балканистики РАН, 1996. С. 55–58.

Н.К. Рерих как археолог и дальнейшие судьбы российских древностей // Мир через культуру. Материалы областной общественно-научной конференции, посвященной 60-летию пакта Рериха. Курск, изд-во Духовного центра Рерихов, 1996. С. 55–57.

На пути изучения древностей Украины: сотрудничество Д.Я. Самоквасова и Н.Е. Макаренко // Полтавський археологічний збірник. Т. 3. Археологічні дослідження на Полтавщині 1994 р. Полтава, Центр охорони та дослідження пам'яток археології, 1995. С. 191–198.

Юбилей Д.Я. Самоквасова // Сумська старовина. Сумы, 1996. С. 9–11.

Метод практики: природа и структура. Курск, изд-во Курского медицинского ун-та, 1996. 132 с.

Историческое начало города Курска. Культурные традиции Курского края” // Основы философии и культурологии. Учебное пособие для иностранных студентов, обучающихся в России. Курск, изд-во Курского медицинского ун-та, 1996. 130 с.

Археологический почин курского учителя А.И. Дмитрюкова в 1820–30-е годы // Российская археология. 1996. № 4. С. 177–184.

Образ змея-дракона в эпической мифологии и его археологическая реплика — зооморфные остроконечники из круга дружинных древностей Восточной Европы // Юдинские чтения–96. Курск, изд-во Курского педагогического ун-та, 1996. С. 45–52.

Основные направления торговых связей Курской земли в X–XIII веках // Торговля Курского края с древнейших времен до начала XX века. Сборник статей и материалов. Курск, изд-во Комитета по культуре и

искусству администрации Курской области, 1996. С. 12–34 (В соавторстве с В.В. Енуковым).

Подвиг во имя христианских идеалов: образец Св.Феодосия Печерского (новая хронология) // Святой князь Михайло Чернігівський та його доба. Матеріали церковно-історичної конференції. Чернігів, “Сіверянська думка”, 1996. С. 67–69.

Этнографические материалы в научном наследии археолога Д.Я. Самоквасова // Развитие культуры в каменном веке. Краткое содержание докладов на Международной конференции, посвященной 100-летию Отдела археологии МАЭ. СПб., Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера), 1997. С. 164–165.

Курское Посеймье в “Поучении” Владимира Мономаха // Россия и Украина на пороге XXI века. Пути сочетания национальных интересов и братского взаимодействия (Тезисы докладов и сообщений международной конференции. Ч. “История и историография. Общность исторических судеб и сотрудничество славянских народов”). Воронеж, Центрально-Черноземное книжное изд-во, 1997. С. 78–81.

Первооткрыватели курских древностей. Очерки истории археологического изучения южнорусского края. Вып. I. Предпосылки и становление региональной историографии. Курск, изд-во Курского медицинского ун-та, 1997. 136 с.

Первооткрыватели курских древностей. Очерки истории археологического изучения южнорусского края. Вып. II. “Золотой век” губернского краеведения: 1860–1910-е годы. Курск, изд-во Курского медицинского ун-та, 1997. 140 с.

“Курескъ на Тускорѣ”: к вопросу о происхождении летописного города // Труды VI Международного Конгресса славянской археологии. Т. 2. Славянский средневековый город. М., изд-во “Фонд археологии”, 1997. С. 261–271 (В соавторстве с Ю.Ю. Моргуновым).

[Соредакция]; Предисловие (в соавторстве с А.Е. Кедоровским, А.Т. Хроленко); статья: Имя города Курска: историко-археологические материалы к этимологии // Курские тетради. Курск и куряне глазами ученых. Тетрадь первая. Курск, изд-во Курского педагогического ун-та, 1997. С. 3–10, 11–22.

“Северяне от кривичей”: новгородско-курские параллели как примечание к летописной формуле // Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Материалы научной конференции. Новгород, изд-во Новгородского ун-та им. Ярослава Мудрого, 1997. С. 33–38.

Антураж княжеских съездов на Руси: замечания по культурно-исторической семантике // Любецький з'їзд князів 1097 року в історичній долі Київської Русі. Матеріали міжнародної наукової конференції,

присвяченої 900-літтю з'їзду князів Київської Русі у Любечі. Чернігів, "Сіверянська думка", 1997. С. 20–23 (В соавторстві з А.С. Щавелёвым).

Дмитрюков А.И.; Рыков П.С.; Самоквасов Д.Я.; Самсонов В.И.; Соловьев Л.Н. // Курск. Краеведческий словарь-справочник. Курск, 1997. С. 119; 340; 342–344.

[С.Н. Ефременко] // Курск (Документы. Воспоминания. Статьи). Курск, изд-во КГМУ, 1997. С. 97–98.

Историк Русской земли. Жизнь и труды Д.Я. Самоквасова. Курск, изд-во Курского гос. медицинского ун-та, 1998. 286 с., илл.

Левобережье Днепра в IX–XI вв. как культурно-политический феномен // Проблемы исторической демографии и исторической географии Центрального Черноземья и Запада России. Липецк, изд-во Липецкого гос. педагогического ин-та, 1998. С. 11–13.

Становление археологического интереса в России XVII века (ранние находки древностей в районе Курска в отражении приказного делопроизводства) // Российская археология. 1998. № 2. С. 188–194.

Воевода Претич и войско Днепровского Левобережья в событиях печенежской войны 968 г. // Материалы международной научно-практической конференции "Юг России в прошлом и настоящем: история, экономика, культура". Белгород, изд-во Белгородского гос. ун-та, 1998. С. 14–16.

Историки Курского края. Биографический словарь. Курск, изд-во Курского гос. педагогического ун-та, 1998. 122 с., ил. (История Курского края. Вып. 1) (В соавторстве с А.В. Зориным, С.А. Остроуховым, Г.Ю. Стародубцевым).

[Рец. на кн.:] А.А. Формозов. Классики русской литературы и историческая наука // Вопросы истории. 1998. № 5. С. 156–158.

Древнерусский Курск: предпосылки и период становления города // Курские тетради. Курск и куряне глазами ученых. Тетрадь вторая. Курск, изд-во Курского педагогического ун-та, 1998. С. 3–25.

Курск и куряне в научной литературе // Там же. С. 68–71.

Курск в контексте летописного эпизода 1139 г. // Текст: этнокультурный аспект (Материалы конференции). Славянск-на-Кубани, изд-во Курского гос. педагогического ун-та, 1998. С. 123–124.

Гносеология фольклора (Постановка проблемы на примере историографии и археологии) // Фольклор и мировая культура. Тезисы докладов научной конференции "Юдинские чтения-98" (г. Курск, 12 февраля 1998 г.). Курск, изд-во Курского гос. педагогического ун-та, 1998. С. 83–87.

"Земля, мне близкая..." Историк Д.Я. Самоквасов и Курский край // Порубежье. Литературный альманах. № 1 (3). Курск, 1998. С. 126–128.

Курское краеведческое общество 1920-х гг. и его археологические работы // Очерки истории отечественной археологии. Вып. 2. Сост. А.А. Формозов. Отв. ред. А.А. Формозов, И.С. Каме-нецкий. М., изд-во “Богородицкий печатник”, 1998. С. 187–213.

Д.Н. Анучин и Д.Я. Самоквасов: моменты научного сотрудничества // Интеграция археологических и этнографических исследований. Материалы VI международного научного семинара, посвященного 155-летию со дня рождения Д.Н. Анучина. Ч. II. Омск, изд-во Омского ун-та, 1998. С. 130–132.

Клады куфических монет в Курском Посеймье // Археология Центрального Черноземья и сопредельных территорий. Тезисы докладов научной конференции. Липецк, изд-во Липецкого гос. пед. ин-та, 1999. С. 155–159.

Основные направления изучения курской истории сегодня (с древнейших времен до XVII века) // Историко-культурное краеведение: вчера, сегодня, завтра. Материалы I научно-практической региональной конференции (г. Курск, 24–25 мая 1999 г.). Курск, изд-во Курского гос. педагогического ун-та, 1999. С. 12–19.

Словарь курских историков: первый опыт и критерии составления // Там же. С. 61–62.

Местоположение древнего Курска // Исторический город в контексте современности. Материалы межрегиональной научно-практической конференции. Вып. IV. Секция “Историко-культурная и природная Среда исторического города. Археология. Экология”. Нижний Новгород, Нижегородский гуманитарный центр, 1999. С. 10–15.

Первые находки останков курских мамонтов и окончательное открытие С.Н. Замятниным палеолита на Сейме // Археология Черноземного центра России: история исследований, историография. Материалы региональной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения С.Н. Замятнина. Воронеж, 1999. С. 19–23.

Находки и значение северных древностей в Курском Посеймье рубежа I и II тыс. н. э. // 60 лет кафедре археологии МГУ им. М.В. Ломоносова. Тезисы докладов юбилейной конференции. М., 1999. С. 246–249.

[Рец. на кн.:] И.Т. Касавин. Миграция. Креативность. Текст. Проблемы неклассической теории познания // Вопросы философии. 1999. № 12. С. 143–146.

Самоквасов Д.Я. // Энциклопедія Сумщини (материали) Вип. III. Діячі науки. Суми, Сумський державний університет, 1999. С. 75–77.

Курск. История города от Средневековья к Новому времени: X–XVII века. Курск, изд-во “Учитель”, 1999. 292 с. (“Курский край”. Т. IV) (В соавторстве с А.В. Зориным, А.И. Раздорским).

[Рец. на кн.:] В.А. Бердинских. Вятлаг. Киров, Кировская областная типография, 1998. 336 с. // Вопросы истории. 2000. № 1. С. 163–164.

Северяне “Повести временных лет” и формирование древнерусской народности // Проблемы славяноведения. Сб. научных статей и материалов. Вып. 1. Брянск, изд-во Брянского гос. педагогического ун-та, 2000. С. 7–25.

Курск в XIII–XVI вв.: между Ордой, Литвой и Москвой // Население и территория Центрального Черноземья и Запада России в прошлом и настоящем. Материалы VII региональной научной конференции по исторической демографии и исторической географии, посвященной 75-летию проф. В.П. Загоровского (1925–1994). Воронеж, “Центр духовного возрождения Черноземного края”, 2000. С. 106–108.

Облик старого Рыльска на взгляд А.И. Дмитриюкова // Малые города России. Материалы II Всероссийской научно-практической конференции (1–3 июня 2000 г., г. Рыльск). Ч. I. Курск, Изд-во Курского гос. пед. ун-та, 2000. С. 48–50.

Курск и монголы: к истории города и его округа в XIII–XIV вв. // Курские тетради. Курск и куряне глазами ученых. Тетрадь третья. Курск, изд-во Курского гос. педагогического ун-та, 2000. С. 3–31.

Курск и куряне в научной литературе (1998–2000 гг. издания) // Там же. С. 31–37.

“Куры Тьмутароканя” в свете этимологии имени летописного города Курска // Словознавство. “Слово о полку Игоревім” та його епоха. Вип. I. Київ–Суми–Путівль, Видавництво Сумського державного університету, 2000. С. 71–73.

Летописный город Римов: на верхнем Псле или на нижней Суле он располагался? // Там же. С. 135–140.

Славянская археология в эпистолярном архиве Д.Я. Самоквасова (Письма В.Б. Антоновича) // Проблемы славяноведения. Сб. научных статей и материалов. Вып. 2. Брянск, изд-во Брянского гос. пед. ун-та, 2000. С. 206–214.

Чёрная могила // Вопросы истории. 2001. № 2. С. 134–141 (В соавторстве с А.С. Щавелёвым).

Летописный город Римов на Верхнем Псле // Приложение в кн.: Чернышев А.А., Чернышев А.С. Верхний Псел (река Псел в Курской и Белгородской областях). Курск, изд-во Курского гос. пед. ун-та, 2001. С. 81–86.

Камерные погребения Гочевского некрополя на Верхнем Псле // Там же. С. 86–98 (В соавторстве с А.С. Щавелёвым).

У начала русского монашества: Св. Феодосий Печерский на пути из Курска в Киев (Уточнение хронологии) // Уваровские чтения-III. “Русский православный монастырь как явление культу-ры: история и современность”. Материалы научной конференции, посвящённой 900-летию Муромского Спасо-Преображенского мона-стыря. Муром, 17–19 апреля 1996. Муром, 2001. С. 164–165.

Юрий Иванович // Юдин Ю.И. Записные книжки. Курск, изд-во Курского гос. педагогического ун-та, 2001. С. 5–9 (В соавторстве с А.Т. Хроленко, А.П. Садило).

Славянская археология в эпистолярном архиве Д.Я. Само-квасова (Избранные письма польских, украинских, чешских коррес-понедентов) // Проблемы славяноведения. Сб. научных статей и материалов. Вып. 3. Брянск, изд-во Брянского гос. ун-та, 2001. С. 383–391.

Курск на Ловати и Курск на Тускари: историко-археологи-ческий комментарий к топонимическому дубликату // Топонимия и диалектная лексика Новгородской земли. Материалы Междуна-род-ной научной конференции “Историческая топонимика Великого Нов-города и Новгородской земли” 13–15 ноября 2001 г. Великий Новго-род, изд-во НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2001. С. 83–90.

Сеймский путь (в системе международных коммуникаций Восточной Европы рубежа I и II тысячелетий н.э.) // Археологиче-ский сборник. Гнёздово. 125 лет исследования памятника. М., 2001 (Труды Государственного Исторического музея. Вып. 124). С.145–158, илл.

[Соредакция]; Предисловие [в соавторстве с А.Т. Хролен-ко]; Курск: происхождение имени летописного города // Курские тетарди. Курск и куряне глазами ученых. Тетрадь четвертая. Курск, изд-во Курского гос. педагогического ун-та, 2002. С. 3–10, 11–31.

Зооморфные острия с роменских памятников Курского Посеймья // Деснинские древности. Вып. 2. Материалы мегосудар-ственной научной конференции “История и археология Подесенья”, посвященной памяти брянского археолога и краеведа Ф.М. Заверня-ева. Брянск, изд-во Брянского краеведческого музея, 2002. С. 93–97.

Вятичи и “семцы” в контексте военно-политической деяте-льности Владимира Мономаха // Там же. С. 190–198.

“Синяя птица” повседневности (Этюды к атропологии обыденного сознания). Курск, изд-во Курского гос. мед. ун-та, 2002. 125 с.

Щеголев О.Н. Хрестоматия для провинциального юношества по истории города рыльска. Ч. 1. Курск, “Курскинформпечать”, 1994. 317 с.

Экскурсии по родному краю / Под ред. Ф.С. Максименко. Курск, 1947.

Элерт А.Х. Экспедиционные материалы Г. Ф. Миллера как источник по истории Сибири. Новосибирск, “Наука” (Сибирское отд.), 1990. 247 с.

Юбилейный сб. Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел. СПб., 1913. V, 112, 95, 102, 19 с.

De Baye. Le congrès international d'anthropologie et d'archéologie préhistoriques de Moscou en 1892. Paris, Librairie Nilsson, 1893. 26 p.

Rimbaud A. Histoire de la Russie depuis les origines jusqu'à nos jours. Paris, 1900. 922 p.